

№ 8 (103) 2011
Выпуск 16

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательско-полиграфический комплекс
НИУ «БелГУ»

**Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Л.Я. Дятченко,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

В.В. Соколев,
проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических
наук

Ответственный секретарь:

Е.Н. Кролевецкая,
доцент кафедры педагогики
НИУ «БелГУ»,
кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор серии

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

К истории семиотических идей: три «знаковых» трактата Августина
К.Д. Скрипник 5

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Эпистемология темпоральных программ **О.В. Малюкова 13**
Специфика литературоведческой интерпретации художественного текста
Д.К. Манохин 20

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Понятие религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии **В.П. Бабинцев,**
О.А. Кривенко 30

Проблема человека в этике и психологии **С.В. Варавя 44**
Постмодерн, гедонизм и мученичество (цивилизационные детерминанты и этические аспекты религиозного экстремизма в мусульманской культуре)
С.И. Чудинов 52

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

К вопросу о развитии благополучия в молодежной среде: меры социальной поддержки молодых семей **М.Ф. Глухова 63**
Этноконфессиональный аспект в организационных взаимоотношениях
И.Ю. Климов 71

Оценка эффективности реализации молодежной политики
О.А. Рожнов 76
Межконфессиональная толерантность в молодежной среде: опыт эмпирического изучения **И.В. Шавырина 81**
Типология коррупции и основные модели коррупционных стратегий поведения **М.В. Шедий 86**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Троичность символа как инициирующий и вовлекающий механизм веры
Р.К. Омельчук 97
Религиозные субкультуры: проблема взаимосвязи с субкультурными религиями **С.С. Почепцов 104**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Сведущие лица в уголовном процессе Китая и России **С.Г. Алексеев,**
Б.А. Лукичев 110
Концептуализация социологии уголовного права в отечественной правовой мысли в XIX – XX вв. **О.С. Демко 116**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Институционализация механизма обеспечения безопасности политической системы в современной России **Д.С. Воробьев 119**
Объект правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве **О.Г. Еришов 125**
Социальная потребность использования психологических знаний в законотворчестве **И.А. Кибак 130**
Генезис организационного механизма пенсионного обеспечения в России в XIX – начале XX вв. **М.В. Левыцук 138**
Правовой статус потребителя при заключении договора энергоснабжения
И.А. Кондракова, А.С. Лисютин 153

Борисов С.Н.
кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Кожмякин Е.А., доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Лоусон Т.Р., доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор НИУ «БелГУ»

Маркгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

Тарабаева В.В., доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*
e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 27.06.2010.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 43,17.
Тираж 1000 экз.
Заказ 276.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет тиражирован
в издательско-полиграфическом комплексе
НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Принципы процессуального права: понятие и классификация

А.И. Ляхова 157

Ценностная природа права в трудах юристов Харбинской школы

В.П. Пономарева 163

Права человека в России: ограниченная свобода или свобода без ограничений? **Е.Е. Тонков, А.А. Гусева 169**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Проблема времени в творчестве Н. Федорова **О.Ю. Акимов 182**

Эволюция коммунистической идеологии в условиях России

И.И. Анисимов 186

Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века

О.С. Борисова, С.Н. Борисов 192

Этические воззрения русских религиозных философов Н.О. Лосского и С.Л. Франка (проблема теодицеи) **Г.В. Валева 199**

Творчество как философская проблема **А.Г. Вяткина 207**

Проблемы «конкуренции» исков при применении последствий совершения ничтожных сделок **Н.В. Козьм 211**

Модели жизненной стратегии молодой семьи

(по итогам социологического исследования) **Л.М. Кузьмина 223**

Место женщины в социологии в теоретической концепции

Дороти Е. Смит **Л.У. Курбанова 229**

Трансформация социально-политического статуса казачества

в историческом контексте России **А.М. Ляшко 235**

Ценностные основания дворянского рода как социокультурного института сословного общества России **О.А. Радугина 243**

Этика профессий и корпоративный этос **К.Б. Сафонов 253**

Процессуальное обеспечение полномочий деятельности государства

в условиях модернизации **Е.Е. Тонков, Р.В. Донец 259**

Материнство и детство в русской культуре **Е.Ю. Удальх 266**

К вопросу об эволюции метафизики эсхатологии **Е.Г. Якимова 278**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Национально-культурное строительство в Беларуси **Т.И. Адуло 283**

Историческое единство белорусов и русских как основа строительства союзного государства **Л.Е. Криштанович 292**

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Мировоззренческий дискурс: территория конфликтов?

Е.А. Кротков 299

Толстовское движение: опыт непротivления и толерантности

Е.Д. Мелешко, А.Ю. Каширин 310

Моральный ресентимент как симптом современной квазитолерантности

В.Н. Назаров 317

Толерантность и объективность в методологии религиозоведческих исследований **В.П. Римский, О.Н. Римская 320**

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕХНОЛОГИЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ

Организация гражданской экспертизы в муниципальном управлении

Д.Г. Васильченко 328

Технология участия этнических объединений в практике гражданской

экспертизы регионального управления **В.В. Ковригин 332**

Ценностно-ориентированное управление как условие формирования

системы гражданской экспертизы в регионе **А.А. Максименко, Л.Н. Шмигирилова 337**

Гражданская экспертиза в процессе решения проблем занятости

населения в регионе **Н.А. Силкина 342**

Социальные барьеры организации гражданской экспертизы в условиях местного самоуправления **Н.П. Старых 349**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

О работе Всероссийской молодежной конференции «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» **Н.М. Мурадова 354**

Общественно-религиозные трансформации современного мира в свете

социологии религии. Всероссийская научная конференция с междуна-

родным участием «Социология религии в обществе позднего модерна»

(НИУ «БелГУ», 10 февраля 2011 г.) **А. П. Короченский, С.Д. Лебедев 358**

Основные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы

на современном этапе. Обзор международной научно-практической

конференции **Е.Е. Тонков, И.М. Комаров 363**

Сведения об авторах 372

Информация для авторов 376

**№ 8 (103) 2011
Issue 16**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University. Belgorod National Research University Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

V.V. Sokorev,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

E.N. Krolevetskaya,

Associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, Doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Towards the history of semiotics' ideas: three st. Augustine's sign's treatises
K.D. Skripnik 5

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Epistemology of temporal programs **O.V. Malyukova 13**
Specific character of literary studies interpretation of a fiction text
D.K. Manokhin 20

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Concept of religious-philosophical and philosophical-scientific anthropological paradigms of Russian philosophy **V.P. Babintsev, O.A. Krivenko 30**
Problem of human being in ethics and psychology **S.V. Varava 44**
Postmodern, hedonism and martyrdom (civilization level determinants and ethic aspects of religious extremism in Muslim culture) **S.I. Chudinov 52**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Development of well-being of young people: social support for young families
M.F. Glukhova 71
Ethnoconfessional aspect in organisational interactions **I.Yu. Klimov 71**
Estimation of efficiency of realization of the youth policy and its standard-legal maintenance **O.A. Rozhnov 76**
Interreligious tolerance among young people: an empirical study
I.V. Shavyrina 81
Typology of corruption and basic models of corruption behavioural strategy **M.V. Shedij 86**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Triplicity of symbol as initiating and involving mechanism of belief
R.K. Omelchuk 97
Religious subculture: problem of the relationship with subcultural religions
S.S. Pocheptsov 104

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Expert witnesses in criminal procedure of China and Russia **S.G. Alexeev, B.A. Lukichev 110**
Conceptualization of sociology of criminal law in domestic legal thought in the XIX-XX centuries **O.S. Demko 116**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Institutionalization of security mechanism for the political system in modern Russia **D.S. Vorobyev 119**
Object of right on prevention damage in construction **O.G. Ershov 125**
Social requirements of knowledge deployment in lawmaking **I.A. Kibak 130**
Genesis of the organizational mechanism of pension provision in Russia at the XIX- beginning XX centuries **M.V. Levshuk 138**
Legal status of the consumer at the conclusion of the contract of power supply
I.A. Kondrakova, A.S. Lisutin 153
Principles of procedural law: concepts and classification **A.I. Lyakhova 157**
Valuable nature of law in works of lawyers of Harbin school
V.P. Ponomareva 163
Law enforcement in Russia: restriction of freedom or freedom without restriction? **E.E. Tonkov, A.A. Guseva 169**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod National Research University)

T.R. Lawson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of Law, Professor (Belgorod National Research University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, associate professor (Belgorod National Research University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

The articles are given in authors' editing.

dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 27.06.2011
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 43,17
Circulation 1000 copies
Order 276.

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Press
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

THESIS

- Problem of time in the works of N. Fedorov **O.Y. Akimov 182**
Evolution of the communist ideology in Russia **I.I. Anisimov 186**
Event and discourse: to the anthropology of Russian revolutions in the beginning of the XXth century **O.S. Borisova, S.N. Borisov 192**
Ethical views of Russian religious philosophers N.O. Lossky and S.L. Frank (problem of theodicy) **G.V. Valeeva 199**
Creativity as a philosophical problem **A.G. Vyatkina 207**
Issues of suits "concurrence" at consequences usage of void transactions **N.V. Kozyar 211**
Models of vital strategy of the young family (following the results of a sociological research) **L.M. Kyzmina 223**
Place of woman in sociology in the theoretical conception of Dorothy E. Smith **L.U. Kurbanova 229**
Transformation of social and political status of Cossacks in the historical context of Russia **A.M. Lyashko 235**
Value basis for nobiliary as a sociocultural institution of the estates system **O.A. Radugina 243**
Ethics of the professions and the corporate ethos **K.B. Safonov 253**
Procedural aspects of improving the state activities in terms of modernization of society **E.E. Tonkov, R. V. Donets 259**
Motherhood and childhood in Russian culture **E.Y. Udalich 266**
On the evolution of eschatological metaphysics **Y.G. Yakimova 272**

ISSUE OF INTER-ETHNIC RELATIONS IN RUSSIA: PAST, PRESENT AND FUTURE

- National and cultural structuring in Belarus **T.I. Adulo 283**
Historiosophical unity of Belorussians and Russians as a basis for the union state **L.E. Kryshchapovich 292**

COGNITIVE MODELLING: DYNAMICS OF CIVIL SOCIETY AND FACTOR OF NATIONAL CONFESSIONAL TOLERANCE

- Worldview discourse: territory for conflicts? **E.A. Krotkov 299**
Tolstoyan movement: experience of non-resistance and tolerance **E.D. Meleshko, A.Y. Kashirin 310**
Moral resentment as a symptom of modern quasi-tolerance **V.N. Nazarov 317**
Tolerance and objectivity in the methodology of religious studies **V.P. Rimskiy, O.N. Rimskaya 320**

CIVIL EXPERTISE FOR REGIONAL GOVERNING: TECHNOLOGY, SOCIOCULTURAL AND ORGANIZATIONAL BARRIERS

- Organization of civil expert examination in municipal management **D.G. Vasilchenko 328**
Technology of participation of ethnic associations in practice of civil expert examination of regional government **V.V. Kovrigin 332**
Values-driven management as the condition of formation of system of civil expert examination in region **A.A. Maximenko, L.N. Smigirilova 337**
Civil expert examination in the course of the decision of problems of employment of the population in region **N.A. Silkina 342**
Social barriers of the organization of civil expert examination in the conditions of local government **N.P. Staryh 349**

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

- On the results of Russian youth conference «Cognitive modeling: dynamics of civil society and a factor of national confessional tolerance» **N.M. Muradova 354**
Social and religious transformations of the global world in view of sociology of religion. Russian scientific conference with international participation «Sociology of religion in the society of late modernity» (BelSU, February 10, 2011) . **A.P. Korochensky, S.D. Lebedev 358**
The basic tendencies of development of criminalistics and judicial examination at the present stage. Review of the international scientifically-practical conference **E.E. Tonkov, I.M. Komarov 363**

About authors 372

Information for authors 376

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 003(038)

К ИСТОРИИ СЕМИОТИЧЕСКИХ ИДЕЙ: ТРИ «ЗНАКОВЫХ» ТРАКТАТА АВГУСТИНА

К.Д. СКРИПНИК*Ростовский филиал
Российской таможенной
академии**e-mail: skd53@mail.ru*

Рассматриваются взгляды Августина на природу знаков как в контексте предшествующих ему идей стоиков, так и по отношению к тезису о формировании семиотики в работах Соссюра и Пирса. В отличие от естественного понимания знаков у стоиков Августин формирует культурное понимание знака. Анализ текстов анализируемых трактатов позволяет утверждать, что Августин вполне может считаться основателем общего учения о знаках, одного из классических определений знака и важных тезисов относительно типологии знаков.

Ключевые слова: Августин, знак, знаки естественные и конвенциональные, собственные и переносные.

Пожалуй, в большой степени трюизмом является констатация того факта, что основателями современной семиотики являются Ф.де Соссюр и, независимо от него, Ч.С. Пирс. Соссюр по праву считается одним из основоположников семиотики, хотя и не написал какого-либо последовательного изложения ее проблем. Эта его роль основывается на небольшом фрагменте в изданном его учениками Ш.Балли и А.Сеше «Курсе общей лингвистики». Соссюр утверждал: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а, следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д., и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем. Следовательно, можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а, следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией (от греческого «semeion», знак). Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. ...Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни»¹.

Пирс тесно связывал деятельность мышления с определенным триадическим отношением, которое он называл «знаковым». Прояснение упомянутого общего основания, общего принципа является одной из самых интересных задач при исследовании творчества Ч.Пирса.

---

¹ Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 54.

Обращаясь к тому, что Пирс называл «*semiotic*», теорией знаков в наиболее широком смысле, следует отметить, что она почти полностью отличается от того, что известно теперь под названием «семиотика» и что связано с именами Ф. де Соссюра и Ч. Морриса. Пирсовская «семейотика» следует теории знаков Дунса Скота и ее последующему развитию Иоанном св. Фомы. У Пирса знаковое отношение является триадическим отношением, специальным его видом – отношением репрезентации. В отношении репрезентации имеется три «элемента»: предмет («объект»), который репрезентируется другим предметом («репрезентатив»); третьим элементом является тот, для которого эта репрезентация предназначена и который называется «интерпретантом». При этом представление интерпретанту объекта и его репрезентатива происходит таким образом, что сам интерпретант принужден быть также репрезентативом объекта другому интерпретанту в отношении репрезентации. Очевидно, что подобное определение влечет за собой бесконечную последовательность репрезентативов объекта всякий раз, когда имеется один любой репрезентатив. Знаковое отношение является репрезентирующим отношением всякий раз, когда первый интерпретант (и, следовательно, каждый член всей бесконечной последовательности интерпретантов) познается мышлением («*is a cognition of a mind*»). В любом примере знакового отношения объект сигнифицируется мышлению неким знаком. «Знак, или репрезентатив, есть то, что заменяет нечто для кого-то в определенном аспекте или позиции. Он всегда к кому-то обращается, то есть создает в сознании этого лица эквивалентный или еще только формирующийся знак»². Одной из центральных задач для Пирса была задача анализа всех возможных видов знаков; важно подчеркнуть и то, что Пирса интересует в большей степени процесс семиозиса, процесс означивания, соотношения объекта и некоторого ментального представления, более динамические аспекты, нежели установление определенных статических отношений. Динамика процесса семиозиса у Пирса остается не до конца изученным феноменом. При этом нельзя не согласиться с В. Нётом, согласно которому «семиотика Пирса развивалась совершенно независимо от лингвистически ориентированной семиотики его современника Соссюра и опиралась на философию, в особенности на логику и теорию познания. В противоположность семиотике Соссюра и его последователей в семиотической лингвистике, то есть в противоположность семиотике, ориентированной на прикладное применение и постоянно опирающейся на модель языка, семиотика Пирса стремится к гносеологической всеобщности и, можно сказать, к метафизической универсальности»³.

Однако появление самого термина «семиотика» относится к гораздо более раннему времени: обычно считают, что в толковании, приближенном современному, его первым употребил Д. Локк. В самом конце «Опыта о человеческом разумении» читаем: «В третьих, следующий раздел [в разделении наук – К.С.] можно назвать *σημειωτική*, или «учение о знаках». И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λόγική* – «логика». Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим»⁴.

Однако трудно согласиться с той мыслью, что идея Локка появилась без определенной исторической традиции интереса и изучения знаков и их роли в познании и коммуникации. Действительно, первыми, пожалуй, в осознании немаловажной роли знаков были стоики⁵ и Аристотель. Так, например, Хризипп, говоря о диалектике, указывал на нее как на науку «о том, что обозначает, и то, что обозначается». Немало места занимают рассуждения о знаках и в другом источнике – сочинения Секста Эмпирика, который описывает не только природу знакового отношения как отношения между предметами, но и вводит различие между, по меньшей мере, двумя видами знаков: «один – воспоминательный, который является полезным преимущественно в условиях неясных вещей для известного момента; другой – показательный, который нужно принимать в условиях вещей, неявных по

² Pierce, Ch.S. *Logic as Semiotics: The Theory of Signs* // *Philosophical Writings of Pierce*. – N.Y., Dover Publ.inc., 1955. – P. 55.

³ Нёт, В. Чарльз Сандерс Пирс // *Критика и семиотика*. Вып.3/4, 2000. – С. 6.

⁴ Локк, Д. *Опыт о человеческом разумении*. Кн.IV, гл. 21 // Локк, Д. *Сочинения в трех томах*. – Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – С. 200.

⁵ См., например, Hankinson, R.J. *Stoicism and Medicine* // *The Cambridge Companion to THE STOICS*. Ed. By Brad Inwood. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2003. – P. 295-309.

природе»⁶. Определенным пиком античного взгляда на знак стали идеи Аристотеля, согласно которому знак есть «...то, при наличии чего вещь существует или при появлении чего она раньше или позже появляется, и есть знак появления или существования»⁷. При всех различиях знаковое отношения для античного взгляда – это отношение между предметами, один из которых выступает в качестве знака другого. В культуре античной Греции знак как *σημείον* выступал в качестве базы медицины, точнее, медицинской симптоматики, и, в общем, зависел от мира природы, но никак не культуры.

Даже утверждение стойков, что в знаковом отношении связываются три предмета (обозначаемый, обозначающий и «посредствующий», появляющийся между первыми двумя) не меняет принципиальной точки зрения. «Греки, пишет Д.Дили, рассуждали о знаке главным образом, или даже исключительно, в естественных терминах. *Σημείον* вообще не был тем, что сегодня мы назвали бы «знаком в общем» – он был тем, что адекватнее называть «естественным знаком в частности»⁸.

Принципиальные изменения появились лишь в работах Августина, интерес которого к изучению знаков проявлялся на протяжении всей его жизни. Наше внимание будет сосредоточено на трех⁹ его трактатах: «О диалектике»¹⁰ (приблизительно 387 г.), «Об учителе»¹¹ (389 г.) и «О христианском учении»¹² (книги I, II, и примерно две трети книги III – 397 г, хотя вся книга целиком была окончена лишь в 426 г.). В литературе высказываются сомнения в авторстве трактата «О диалектике», действительно ли он принадлежит Августину, но против этих сомнений говорит один из фрагментов книги Августина «Пересмотры» (*Retractiones*), в которой сам он упоминает этот труд как «оставшийся только в первой своей части», то есть как незаконченный. Не рассматривая подробно споры вокруг этой работы, примем ее аутентичность.

Нельзя говорить, что для Августина знаки представляли интерес сами по себе в качестве отдельной темы; нельзя говорить, следовательно, о нем и как о создателе некой теории знаков или создателе целостного семиотического взгляда на мир. Правильнее и адекватнее, как показывают тексты, говорить о дидактических целях, преследуемых Августином в исследовании природы знаков как вспомогательном учении в общей теории знания и обучения, преподавания и рассуждения («для упражнения силы и остроты ума»). Именно с этой точки зрения он характеризует диалектику в первом из указанных трактатов как науку о хорошем (правильном) рассуждении с использованием слов. Слово же есть «знак некоторого предмета, которое может быть понято слушателем, когда произносится говорящим» («*verbum est uniuscuiusque rei signum quod ab audiente positum intellegi, a loquente prolatum*»¹³). Под предметом же Августин, в отличие от античной традиции, понимает не только природные, естественные явления, но и явления культуры: предметом является все, что угодно, что дано органами чувств или пониманием или скрыто («*res est quidquid vet sentitur vel intellegitur vel latet*»). Тем самым Августин устанавливает, в отличие от своих предшественников, знаковое отношение между лингвистической сущностью, словом, и внелингвистическим предметом, то есть отношение обозначения, сигнификации определенного вида; мало того, здесь проявляется то, что в развитии современной семиотики было определенным шагом вперед, достигнутым гораздо позже Августина: знаковое отношение устанавливается в процессе коммуникации между

⁶ Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – Т.1. – М.: Мысль, 1976. – С. 179.

⁷ Аристотель. Первая аналитика, II, гл. 27, 70a8. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С.252.

⁸ Deely, J. The Impact of Semiotics to Philosophy. – Helsinki, 2000. – P. 23.

⁹ В основном на указанных трех, хотя обратимся и к трактату «О Троице».

¹⁰ Augustine. De dialectica // доступ по: <http://www.georgetown.edu/faculty/jod/text/dialectica.html>. Имеется английский перевод Д. Маршэнда (J.Marchand) // доступ по: <http://www.georgetown.edu/faculty/jod/text/dialecticatrans.html>.

¹¹ Augustine. De Magistro (на русском языке) // доступ по: <http://filosof.historic.ru/books/a0000 I.shtml>; <http://aleteia.narod.ru/august/magistr.html>.

¹² Латинский текст и перевод на английский см.: Augustine. De Doctrina Christiana. Ed. and trans. By R.P.Green. – Oxford: Clarendon Pr., 1995. Перевод второй и третьей книг имеется на русском языке. Английский перевод доступен также по: <http://ccel.org/augustine/doctrine.html>.

¹³ Здесь и далее латинский текст будет выделяться курсивом. Если одновременно с русским вариантом приводится и латинский, это означает, что перевод мой; если латинского варианта нет, текст переводился иными авторами.

говорящим и слушателем, поскольку в центре такого процесса находится слово. И здесь же, в данном трактате, впервые формулируется определение знака, ставшее в дальнейшем практически классическим: «знак есть нечто, что демонстрирует себя чувствам, а нечто другое, чем он сам, – мышлению» («*signum est quod et se ipsum sensui et praeter se aliquid animo ostendit*»). Не менее важно, что знаковое отношение у Августина есть отношение триадическое: знак является знаком чего-то для кого-то (для чьего-то мышления).

В выдвигании на первый план устного слова в процессе коммуникации явно видны отголоски риторической традиции и обучения, проходящего главным образом в устной форме. Уже в наше время Деррида, критикуя подход Соссюра, специально акцентировал острие критики на сосюрловском приоритете устного слова, полагая это его основным недостатком. На самом же деле это не более, чем методологический прием¹⁴, пионером в использовании которого стал Августин. Августин рассматривает речь (говорение) как дачу знака артикулированным голосом, а артикулированным, в свою очередь, является то, что способно фиксироваться с помощью букв. Коммуникативная функция является, таким образом, существенной для (лингвистического) знака. Эта мысль подтверждается в «О христианском учении»: «у нас только одна причина для обозначения, то есть для придания знака – вынуть и перенести в душу другого то, что производит в душе то, что создает знак» («*nec ulla causa est nobis significandi, id est signi dandi, nisi ad... traiciendum in alterius animum id quod animo gerit qui signum dat*»).

Роль букв Августин рассматривает следующим образом: любое слово звучит («*sonat*»), следовательно, когда оно написано, оно уже не является словом, но знаком слова: «когда читающий видит его, буквы попадают в мышление, которое вспыхивает в словах» («*Omne verbum sonat. Cum enim est in scripto, non verbum sed verbi signum est; quipped inspectis a legente litteris occurrit animo, quid voce prorumpat*»). Тогда написанное слово выступает в роли знака знака, или знака второго уровня и, если продолжить этот ряд, то «слово» является знаком слова и выступает в качестве следующего уровня обозначения.

Проясняя свою позицию, Августин вводит различие между четырьмя различными предметами. В первую очередь, если анализ касается самого слова, то оно выступает в качестве предмета, называемого «слово». То слово, которое воспринимается не ушами, а мышлением, и которое само закреплено в мышлении, называют «*dicibile*» (оно есть примерно то, что стойки называли «*lecton*»), то есть то, что понимается в слове. Если слово произносится для обозначения некоторого предмета, то оно называется «*dictio*» (произнесение, говорение); оно сигнифицирует само слово и то, что имеется в мышлении посредством этого слова, то есть обозначаемый этим словом предмет. И, в качестве четвертого выступает сам предмет. *Dictio* зависит в первую очередь от *dicibile*: в определении знака Августин принимает формулу, ограничивающую знак до *dictio* и не упоминает что-либо наподобие *dicibile*, от которого *dictio* зависит и без которого оно не могло бы быть. Во взаимоотношении *dictio* и *dicibile* проявляется проблема соотношения внутреннего слова, концепта (*verbum quod intus lucet*) и слова внешнего, то есть произнесенного (*verbum quod foris sonat*). В решении этой проблемы Августин терпит фиаско¹⁵, поскольку строго не проводит различие между просто физическим производством некоторого действия, являющегося причиной «бытия», но не причиной сигнификации, и иным случаем, когда причина бытия и причины сигнификации являются частью одного процесса.

Через небольшое время после трактата «О диалектике» в диалоге «Об учителе», действующими лицами которого выступает сам Августин и Адеодат, рано умерший сын Августина, которому ко времени написания диалога исполнилось 16 лет, Августин продолжает рассмотрение темы знаков. В диалоге наиболее явственно видно то, что изучение знаков не является целью Августина, а предпринимается в дидактических целях, целях учения и обучения, ибо люди говорят тогда, когда им предстоит учить или учиться: говорят тогда, когда желают учить или припоминать. Учат же предметам, выражаемым словами, что может быть даже в том случае, когда не произносят ни слова, но представляют в уме слова, говорят внутренне, и, таким образом, люди припоминают, «когда память, хранящая слова, перебирает их и приводит на ум те самые предметы, знаками ко-

¹⁴ Подробнее анализ критики Деррида см.: Скрипник К.Д. Об одной принципиальной методологеме семиотического анализа // Симпозиум. Вып. № 1, ч.1., 2004.

¹⁵ Deely, J. Augustine and Peirce. The Protosemiotic Development. – L.: Univ. of Scranton pr., 2009.

торых эти слова служат». (Заметим эту мысль и вернемся к ней, обращаясь к тексту «О христианском учении».) Итак, слова есть знаки предметов: «Августин. Итак, мы согласны с тобой, что слова суть знаки. Адеодат. Согласны. Августин. А может ли знак быть знаком, если сам он ничего не значит? Адеодат. Нет, не может». Однако при разборе строки из Вергилия «Если из града такого богам ничего не угодно оставить!» на примере слова «ничего» выясняется, что не всякое слово – знак предмета: «данное слово в нашем стихе не есть знак, ибо не обозначает ничего, и мы или неправильно согласились с тобой в том, что все слова – знаки, или что знак необходимо что-либо означает». От второго «пункта согласия» отказаться невозможно, поэтому следует принять, что слово – не обязательно знак предмета, что и делает Августин, утверждая, что «этим словом обозначается не предмет, коего в действительности не существует, но состояние нашего духа, когда он предмета не видит и в то же время находит (или думает, что находит), что его нет».

Это следующий шаг проводимого Августином разбора: слово может быть знаком как предмета, так и того, что предметом не является – свойства предмета или, например, состояния духа; подобное утверждение знаменует переход к тому, что обозначаемым может быть не только то, что носит «природный» характер (подобно симптомам при диагностике болезней, о которых говорили стоики), но и характер «культурный». Ход дальнейшего рассуждения приводит к очередному этапу: знаками являются не только слова, но и жесты, движения, указания (пальцем). Во всем предыдущем рассмотрении речь идет об устном слове, что же касается слова написанного, то у Августина впервые в истории появляется тезис о том, что «написанное служит знаками тех знаков, которые произносятся вслух». Далее, при введении в рассмотрение «имени», выясняется, что слово выступает, помимо роли знака предмета и знака чего-либо мыслимого, еще в роли знака имени, мало того, сам знак выступает в двойной функции в зависимости от контекста: имеются знаки, «которые, означая другое, в то время означают и самих себя».

Постепенно круг замыкается утверждением, что не познание существует для знака, но наоборот, знак – для познания, поэтому «познание вещей, обозначаемых знаками, надлежит предпочитать познанию знаков». Но познание, согласно определенному выше, есть и припоминание с помощью слов, то бишь знаков; мало того, Августин признает ложным утверждение, согласно которому нет решительно ничего, что могло бы быть показано без знаков – «встречаются тысячи предметов, которые узнаются сами собою без всякого знака». «Правильно говорят, – продолжает Августин, – что когда произносятся слова, мы или знаем, что они значат, или не знаем; если знаем, то скорее припоминаем, чем учимся; если же не знаем, то и не припоминаем, а побуждаемся, пожалуй, к поискам этого значения». Как же выйти из сложившейся ситуации и к чему ведет Августин все это рассуждение? Вот тот искомый тезис: «Обо всем, постижимом для нас, мы спрашиваем не у того, кто говорит, тем самым произнося звуки внешним образом, а у самой внутренне присущей нашему уму истины, побуждаемые к этому, пожалуй, словами», и, далее, «слова не учат... а только используются как особые приемы, посредством которых спрашиваемый способен учиться внутренне». Учит же внутренним образом лишь один Учитель, и никого другого учителем назвать нельзя, «Учитель всех нас на небесах». И хотя польза слов вовсе не мала, Августин, отказываясь пока рассуждать о ней, утверждает в явном виде одно различие – различие внешнего слова и внутреннего знания. Но утверждая приоритет второго, он, и это особенно важно для нашего контекста, утверждает тем самым важность и первого, подтверждая серьезность и необходимость изучения знака и знаков, составляющего неотъемлемую часть познания. – Q.e.d.

В одном из конечных пассажей «De magistro» Августин говорит, как бы предвидя дальнейшие свои работы, что «о пользе слов вообще, которая, если хорошенько вдуматься, вовсе не мала, мы порассуждаем, если Бог поможет, в другое время». И именно эта мысль звучит уже во второй главе книги первой трактата «De doctrina christiana», написанного менее чем через 10 лет после «De magistro»: «Все учения есть учения либо о предметах, либо о знаках; но предметы изучаются посредством знаков» (*omnis doctrina vel rerum est vel signorum, sed res per signa discuntur*). Продолжая мысль, Августин дает четкое пояснение, что предметом он именуется все, что не служит знаком чего-либо другого, что имплицативно подразумевает базовую характеристику знака: знаком может быть что угодно, что указывает на что-то другое (кроме себя?). Так, например, агнец, который был подвергнут закланию вместо сына, является, скорее, знаком, хотя является, конечно,

предметом. Есть и другие знаки, которые никогда не используются в функции иной, кроме как знаковой, – это слова.

Основное содержание учения о знаках содержится во второй книге трактата «О христианском учении». В первой главе дается определение знака: «знак есть вещь, которая воздействует на чувства, помимо вида (*species*), заставляя приходить на ум нечто иное» (*signum... est res praeter speciem quam ingerit sensibus, aliud aliquid ex se faciens in cogitationem venire*).

Августин подразделяет знаки на два главных класса: естественные знаки (*signa naturalia*) и данные знаки (*signa data*). Под первыми он имеет в виду те, которые, помимо себя, позволяют узнать и нечто другое: например, дым позволяет узнать и об огне, след – о прошедшем животном, выражение лица – о состоянии духа. Знаки данные, то есть конвенциональные, – «это те, которыми каждое живое существо, по взаимному согласию и насколько возможно, определяет себя для демонстрации волнения своей души, или чувств или каких-либо понятий» (*data vero signa sunt, quae sibi quaeque viventia invicem dant ad demonstrandos, quantum possunt, motus animi sui vel sensa aut intellecta quaelibet. Nec ulla causa est nobis significandi, id est signi dandi, nisi ad depromendum et traiciendum in alterius animum id, quod animo gerit, qui signum dat*). В литературе¹⁶, посвященной *signa data*, отсутствует единое понимание их природы, хотя большая часть исследователей интерпретирует их как конвенциональные знаки. Различие между указанными видами знаков можно понимать и как различие с точки зрения наличия или отсутствия «сигнификационной воли», намерения (интенции) использовать их для сигнификации. Естественные знаки появляются без данного намерения; *signa data* же появляются, только когда есть намерение сигнифицировать нечто, поэтому их возможно даже называть интенциональными, вернее, интенционально данными знаками. Другая точка зрения заключается в том, что данное подразделение знаков проводится согласно тому, имеется ли здесь отношение зависимости между знаком и объектом или знаком и субъектом. Дым означает огонь, поскольку огонь есть его причина, а *signa data* зависит от намерения, интенции субъекта по их появлению, но не по их значению. Кроме того, определение *signa data* является значительно более сложным по сравнению с определением *signum*, поскольку в определение *signa data* в явном виде включается коммуникация, в процессе которой имеются «отправитель» и «получатель» знака.

Знаки, которые используются людьми в процессе коммуникации, подразделяются согласно органам чувств, главным образом слуха и зрения, немногие – согласно другим чувствам. Первенство же среди знаков Августин отдает словам: «бесчисленное множество знаков преимущественно заключается в словах, коими люди выражают свои мысли. Ибо все роды знаков, которые я кратко упомянул, я мог выразить словами, но слов этими знаками [выразить] не мог бы никаким образом». «Слово» в смысле слова означает для Августина, как это ясно уже из «*De magistro*», устные слова, а поскольку последние «исчезают, не задерживаясь дольше, чем звучат, то знаки слов утверждаются с помощью букв». Тем самым вновь звучит мысль о том, что письмо (буквы) представляет собой как бы вторичную систему знаков, состоящую из знаков слов (*signa verborum*)¹⁷.

Как и прежде, речь о знаках ведется не ради самих знаков, а для решения тех задач, которые могли бы быть названы «педагогико-дидактическими»; если в рассматриваемом

¹⁶ См., например, Jackson, B.D. The Theory of Signs in St. Augustine's De doctrina Christiana // *Revue des études augustinienes*. Vol.15. – 1969. – P. 9-49. Ср. с более общими работами, посвященными Августину, например: Macdonald, S. Augustine // *A Companion to philosophy in the middle ages*. Ed. by Jorge J. E. Gracia and Timothy B. N.Y.: Blackwell Publishing, 2002. – P. 154-171; Kirwan, Chris. Augustine's philosophy of language // *The Cambridge Companion to Augustine*. Ed. by E. Stump and N. Kretzmann. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2006. P. 186 – 204; O'Daly, G. Augustine // *Routledge History of Philosophy*. Vol. II. From Aristotle to Augustine. Ed. by D. Furley – L.: Routledge Publ.Co., 1999. – P. 389-429.

¹⁷ Подобная мысль встречается уже у Аристотеля: «... то, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письмена – знаки того, что в звукосочетаниях» (Аристотель. Об истолковании, 16а3-5 // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978. – С. 93.). Подробное сравнение взглядов Августина с его предшественниками – Аристотелем и стоиками – не является здесь нашей задачей; оно заслуживает отдельного подробного анализа с семиотической, логической и герменевтической точек зрения. Здесь следует, вероятно, лишь обратить внимание на имеющиеся параллели между некоторыми понятиями Августина и стоиков, в первую очередь, между августиновским *dicibile* и *lekton* стоиков.

трактате в качестве одной из задач является задача донесения до людей смысла и значения Писания, его адекватного понимания и истолкования, то среди причин, мешающих достижению адекватности, можно выделить сокрытие его под знаками нераспознаваемыми или двусмысленными (когда знаки написаны). Поэтому Августин, пытаясь решить и эту задачу, подразделяет знаки, помимо подразделения их на естественные и конвенциональные, на собственные и переносные. Собственными знаками «называются тогда, когда прикладываются к означаемым вещам, для выражения которых они установлены, например, мы говорим «вол», когда подразумеваем «животное», которое все люди вместе с нами называют этим латинским именем»¹⁸. Переносными же знаками бывают тогда, «когда и те же самые вещи, которые мы обозначаем собственными словами, употребляются и для обозначения чего-либо другого...»¹⁹.

В близкой аналогии предпочтения устного слова слову письменному выстроено более позднее предпочтение устного (произнесенного) слова слову внутреннему, ментальному (*verbum mentis*). Внутреннее слово (*verbum interius*) и есть слово в подлинном смысле, в то время как устное, внешнее слово есть не более, чем просто знак слова. «...слово, звучащее извне, есть знак слова, видимого изнутри; и скорее последнему подходит имя слова. Ибо то, что произносится плотскими устами, есть [как бы] голос слова, и само называется словом на основании того, для внешнего выявления которого оно используется»²⁰. Слова устные, пишет Августин, «посредством определенных бестелесных образов наличествуют для тех, кто их мыслит и, молча, таит в душе»²¹. Мышление есть процесс, реализуемый посредством ментальных слов: «...мы должны достичь того слова человеческого, слова разумного животного, слова образа Божия <...> которое предшествует всем знакам, каковыми обозначается, и которое рождается из знания, пребывающего в душе, когда то самое знание проговаривается внутренним образом так, как оно есть»²². Воспроизводя эти рассуждения Августина, С.Мейер-Озер очень точно отмечает одну из важных дихотомий и затруднений, с которыми сталкивается учение о знаках Августина: «*Verbum mentis*, соответствующее тому, что позднее было названо *conceptus mentis*, не принадлежит к какому-либо отдельному устному языку типа латинского или греческого. Итак, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, что лингвистическая терминология (например, *verbum*, *locution*, *oratio*, *dicere* и т.д.) используется для описания феномена и в то время подчеркивается его независимость от любого языка»²³.

Подводя итоги, обратимся к тому, что вынесено в заглавие данной статьи. Рассмотренные трактаты Августина действительно следует понимать как «знаковые» в двоякой перспективе. Перспектива содержательная связана с тем, что в указанных трактатах значительное место уделено понятию знака, видам знаков и роли знаков в познании и мышлении, возможностям использования знаков в интерпретации Св.Писания и герменевтике. Так или иначе, указанная перспектива заставляет сформулировать коренной вопрос – вопрос о том, можно ли (и насколько это обоснованно) считать Августина подлинным отцом семиотики. Так, Ц.Тодоров дает, кажется, вполне однозначный ответ, когда он характеризует трактат «*De doctrina christiana*» как книгу, «которую скорее, чем любую иную, должно рассматривать в качестве первого настоящего труда по семиотике»²⁴. К этой же оценке склоняется, кажется, и Б.Джексон. Д.Дили, не соглашаясь с Тодоровым, признает только, что Августин обосновал то понимание знака, которое сделало семиотику возможной, и ограничивает вклад Августина, утверждая, что его рассмотрения – это лишь «протосемиотика». Подлинная семиотика – дело гораздо более позднего времени.

Но именно в этом случае работы Августина следует считать «знаковыми» в том смысле, в каком мы говорим о «знаковых» событиях в любой сфере: они начинают новый, оригинальный этап в развитии гуманитарной мысли, вовлекая в исследования зна-

¹⁸ Augustine. De Doctrina Christiana, II, X.

¹⁹ Там же.

²⁰ Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан / перевод, вступительная статья и примечания А.А.Тащиана. – Краснодар: Глагол, 2004. – С. 363.

²¹ Там же.

²² Там же, с.364.

²³ Цит. по: Скрипник, К.Д. Семиотика: глоссарий ключевых терминов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 150.

²⁴ Тодоров, Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 32

ка не только явления природы, но и явления мысли, культуры в самом широком смысле. Исследованиями знака именно в трактатах Августина заложена была целая традиция, и в ее экспликации следует обратиться и к предшествующему Августину этапу (к работам Аристотеля и стоиков), и к последующим работам, связанным с исследованием знаков в работах Р.Бэкона, Боэция, Килуорби, спекулятивных грамматиков, иберийской школы, в частности, Пуансо, вплоть до нового и новейшего времени, работ Локка, Декарта, Пирса и Соссюра. Речь должна идти не только об отдельных работах, но и о взаимоотношениях и взаимовлияниях целых направлений гуманитарной мысли, в частности, взаимоотношениях семиотики (учения о знаках), логики и риторики.

Список литературы

1. Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан / перевод, вступительная статья и примечания А.А.Тащиана. – Краснодар: Глагол, 2004.
2. Аристотель. Об истолковании, 16а3-5 // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978.
3. Аристотель. Первая аналитика, II, гл. 27, 70а8. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978.
4. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении. Кн.IV, гл. 21 // Локк, Д. Сочинения в трех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1985.
5. Нёт, В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Вып.3/4, 2000. – С. 6.
6. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – Т.1. – М.: Мысль, 1976.
7. Скрипник К.Д. Об одной принципиальной методологеме семиотического анализа // Симпозиум. Вып. № 1, ч.1., 2004.
8. Скрипник, К.Д. Семиотика: глоссарий ключевых терминов. – Ростов н/Д, 2010.
9. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
10. Тодоров, Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
11. Augustine. De dialectica // доступ по: <http://www.georgetown.edu/faculty/jod/text/dialectica.html>.
12. Augustine. De Magistro (на русском языке) // доступ по: <http://filosof.historic.ru/books/a00001.shtml>; <http://aleteia.narod.ru/august/magistr.html>.
13. Deely, J. The Impact of Semiotics to Philosophy. – Helsinki, 2000.
14. Hankinson, R.J. Stoicism and Medicine // The Cambridge Companion to THE STOICS. Ed. By Brad Inwood. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2003.
15. Jackson, B.D. The Theory of Signs in St.Augustine's De doctrina Christiana // Revue des etudes augustiniennes. Vol.15. – 1969.
16. Kirwan, Chris. Augustine's philosophy of language // The Cambridge Companion to Augustine. Ed. by E.Stump and N.Kretzmann. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2006.
17. Macdonald, S. Augustine // A Companion to philosophy in the middle ages. Ed. by Jorge J. E. Gracia and Timothy B.- N.Y.: Blackwell Publishing, 2002.
18. O'Daly, G. Augustine // Routledge History of Philosophy. Vol. II. From Aristotle to Augustine. Ed.by D.Furley – L.: Routledge Publ.Co., 1999.
19. Pierce, Ch.S. Logic as Semiotics: The Theory of Signs // Philosophical Writings of Pierce. – N.Y., Dover Publ.inc., 1955.

TOWARDS THE HISTORY OF SEMIOTICS' IDEAS: THREE ST. AUGUSTINE'S SIGN'S TREATISES

K.D. SKRIPNIK

*Russian Customs
Academy, Rostov
Branch*

e-mail: skd53@mail.ru

St.Augustine's views on the nature of signs are considered in the historical context in comparison with stoics and the ideas of Ch.Pierce and F.de Saussure. St.Augustine formed the new, «cultural», understanding of sign's nature. The analysis of three St.Augustine treatises makes the possibility for asserting that St.Augustine may be considered as the real founder of the general sign's studies; he is the author of classic definition of sign and fundamental sign's typology.

Key words: St.Augustine, sign, natural and conventional, proper and figurative signs.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 115

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

О.В.МАЛЮКОВА

*Московский государственный
университет
инженерной экологии*

*e-mail:
o.maliukova@list.ru*

Эпистемология времени имеет предметом своего изучения феномен времени, одно из самых загадочных и неочевидных свойств материального мира. С момента появления у человека интереса к этому явлению его изучение балансирует в рамках двух гносеологических подходов или программ, сформировавшихся в античности. Эти подходы легли в основание двух концепций времени – динамической, где время движется от будущего через настоящее к прошлому, и статической, время которой являет собой образ вечности, данной одновременно всеми своими мгновениями. Синтез этих подходов дает культурологическую программу освоения времени, которая наиболее полно отвечает проблемам, связанным с человеческим существованием в целом. В рамках этой программы необратимость времени может рассматриваться как неотъемлемое свойство субъективности, приносимое человеком в процесс изучения и освоения времени. Культурологическая программа хорошо вписывается в концепции постнеклассической науки и постнеклассической рациональности, а также в принципы формирования общества, основанного на инновационных технологиях.

Ключевые слова: эпистемологическая программа, феномен времени, природа времени, культурологическая программа.

Эпистемология времени имеет предметом своего изучения феномен времени, одно из самых загадочных и неочевидных свойств материального мира. С момента появления у человека интереса к этому системообразующему явлению его изучение балансирует в рамках двух гносеологических подходов, сформировавшихся в античности, – это подход Гераклита и подход Парменида. Именно эти подходы легли в основание двух концепций времени – динамической, где время движется от будущего через настоящее к прошлому, и статической, время которой являет собой образ вечности, данной одновременно всеми своими мгновениями.

Время в качестве объекта исследования выступает в единстве неких противоречивых свойств, отмеченных еще в древности: оно измеряемо, но объект измерения расплывчат, оно измеряемо, но с помощью периодических процессов совершенно иной природы – качания маятника, суточного вращения Земли и т.д., оно течет, но объект течения не очевиден, оно похоже на пространство, но принципиально отлично от него, ибо обла-

дает явной необратимостью. Изучение времени по аналогии с пространством привело к их фактическому отождествлению. При этом пространство на фоне времени воспринималось именно как очевидный объект, обладающий свойством обратимости, ведь мы всегда, как кажется, может вернуться на прежнее место. На самом деле это не так: очевидность и обратимость пространства столь же иллюзорны, как очевидность и обратимость времени.

Со времени появления первой классической науки, физики, время стало предметом ее изучения. «Понятие времени вообще было выработано и развито на базе логического осмысления данных в начале классической, а затем и современной физики. При этом философское осмысление проблемы не выходит, как правило, за пределы обработки материала физики. В этих условиях под временем вообще нередко понимают... конкретно физическое время или его тип», – таково мнение исследователя данной проблематики В.А.Канке¹.

Время как бы дважды входит в состав физической теории. Первый раз оно входит туда в качестве постулата, т.е. время лежит в основании физических теорий. Таким постулатом в классической механике является принцип относительности Галилея, который закрепляет единое время вселенной, не меняющееся при переходе от одной инерциальной системы к другой. Второй раз время входит в физическую теорию в качестве параметра, своеобразного фона (как и пространство) для изучения физических объектов. Для использования времени в этом качестве, т.е. для придания ему возможности быть фоном для изучения физических объектов, необходимы дополнительные положения о временных свойствах и отношениях. Именно с этой целью и на этом уровне происходит представление времени в качестве временной оси, линии, а, следовательно, возникает необходимость его представления и описания в терминах какой-либо геометрической теории – геометрии Евклида, геометрии Римана, Лобачевского и др. В качестве временного параметра время включается в двухкомпонентную модель физической теории, которая состоит из самих физических объектов и пространственно-временного фона, представленного соответствующей геометрией. Развитие физики шло по пути геометризации гравитации, успех в этом направлении привел к тому, что физические объекты стало теоретически возможно описывать в терминах пустого искривленного пространства. Тем самым физика стала сводиться к геометрии, что означало синтез физического знания на пути геометризации всей физики. В результате время, которое редко изучалось в физике отдельно от пространства, вслед за ним подверглось процедуре геометризации. По вопросу совместного изучения физикой пространства и времени любопытно высказался Г.Рейхенбах: «Проблемы времени в философии науки исследовались значительно меньше, чем проблемы пространства. Время обычно рассматривалось как некая упорядочивающая схема, подобная пространству, но проще его, так как имеет лишь одно измерение. Некоторые философы полагали, что философское разъяснение проблемы пространства будет способствовать также решению проблемы времени. Кант представлял пространство и время как аналогичные формы созерцания и рассмотрел их в одной главе своего главного труда по теории познания. Время при этом представлялось намного менее проблематичным, поскольку не было связано с многомерностью. Время не касается проблемы зеркально-образной конгруэнтности, то есть проблемы существования равных и подобных по форме фигур, которые не могут быть наложены друг на друга, – проблемы, играющей определенную роль в философии Канта. Более того, время не связано с проблемами, аналогичными проблемам неевклидовой геометрии. В одномерной схеме не существует различия между прямолинейностью и кривизной. Любая кривая линия всегда может быть «выпрямлена» без каких бы то ни было деформаций ее элементов. Поэтому с помощью внутренних измерений невозможно определить, является ли одномерный континуум прямым или искривленным. Любая линия может иметь внешнюю кривизну, но не обладать внутренней, поскольку возможность кривизны существует лишь для континуума двух и большего числа измерений. Таким образом, одномерность времени исключает все проблемы, которые предлагает философский анализ проблем пространства. Параллелизм в трактовках проблем пространства и времени имел тот существенный изъян, что опреде-

¹ Канке В.А. Формы времени. – Томск: ТГУ, 1984. – 225 с.

лял только те факторы, которые не имеют отношения к времени, а не свойства самого времени»². Сама программа геометризации физики в итоге не оказалась столь успешной, как это изначально предполагалось, поскольку такова судьба всех редукционистских программ. Постепенно сформировалась физическая программа изучения времени в рамках классического этапа развития науки. Основные черты этой программы таковы:

- время есть геометризованный объект,
- время аналогично пространству и обладает свойствами однородности, изотропности и обратимости в номологическом смысле,
- время моделируется с помощью геометрической линии.

Суть данной программы хорошо описана в определении времени, данном Ньютоном: «Абсолютное, истинно математическое время, само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью»³.

Ядром данной программы оказалась обратимость времени, отвечающая глубинным настроениям человечества. Взятая «планка» оказалась очень высока: естествознание встало перед проблемой теоретической обратимости времени и его фактической необратимостью. Именно это обстоятельство позволяет утверждать: физика не справилась с изучением времени, она имела и имеет дело либо с другим, хорошо измеряемым и похожим на время объектом, либо с результатом упрощенного представления о времени, утратившем саму суть этого явления. В ходе перехода физики в неклассический этап своего развития, в процессе формирования классической термодинамики и классической электродинамики появились представления о т.н. «стрелах времени», эмпирических явлениях, которые демонстрировали его фактическую необратимость. Первоначально количество этих «стрел» было равно 3, к ним относятся:

1. Космологическое расширение Метагалактики;
2. Статистический характер макропроцессов, идущих в направлении повышения энтропии;
3. Расхождение и затухание в пространстве всех волновых процессов.

Представление о трех этапах развития науки, введенное акад. В.С.Степиным⁴, в настоящее время считается общепризнанным. Самым болезненным периодом, как известно, оказался переход естествознания, в первую очередь физики, от классического этапа к неклассическому. Приблизительно в это же время свою теоретическую форму обрели еще две фундаментальные естественные науки – химия и биология. В своем эмпирическом варианте они пользовались физическими представлениями о времени, на теоретическом уровне начинается постепенное формирование химической и биологической темпоральных программ. Основные свойства этих программ таковы: это синергетическая модель химической эволюции и ведущая роль случайности в эволюции биологических систем, т.е. отсутствие реального будущего на шкалах химического и биологического времени. Главное в них – это разрушение приоритета физики на изучение времени и резкий отказ от обратимости времени как его основного физического свойства.

Вторая половина XIX века стала временем второго рождения формальной логики как логики математической. Расширение предмета логики привело к созданию модальных логик, в число которых входят временные логики и логики с модально-временными операторами. В результате сформировалась логическая программа изучения времени. Основными свойствами этой программы стали формализации временных систем с самыми разнообразными представлениями о времени. Суть – это моделирование свойств времени на основе семантики возможных миров. Логическая программа изучения времени, как это часто бывает с новыми направлениями в науке, породила обычную иллюзию – именно с помощью логических методов проблема времени, наконец, будет решена. На самом деле значение логики в разрешении временной проблематики оказалось достаточно скромным. Однако именно логическая и математическая проблематика способст-

² Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – М.: Прогресс, 1985. – С.129-120.

³ Ньютон И. Математические начала натуральной философии.// В кн.: Крылов А.Н. Собр.трудов. М.; Л., 1936, т.7. – С.30

⁴ Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С.542-543.

воваля появлению кибернетики, а затем информатики, логика и математики лежали в основе создания современных информационных технологий.

Во второй половине XX века в рамках постнеклассической науки сформировались новые научные дисциплины, изначальная специфика которых связана с нефизическим пониманием времени. Под нефизическим пониманием времени понимается, в первую очередь, его необратимость, обладающая фундаментальным статусом для времени. Это синергетика и социальная экология.

Переход науки из классической фазы в неклассическую означал изменение не только статуса естествознания, но и гуманитарных дисциплин. Впервые серьезное внимание на статус гуманитарного знания обратили неокантианцы в конце XIX века. В рамках неокантианства были сделаны выводы о различиях наук о природе и наук о культуре. Это различие наук стало фундаментальным основанием для современной классификации наук, а также уравнило в правах естественные и гуманитарные науки, признав несводимость последних к первым и их уникальность. Отдаленным последствием этого заключения стало появление культурологической программы освоения времени.

Культурологическая программа освоения времени ориентирует исследователя на выявление специфических свойств времени и пространства, характерных только для социума. Обычно в качестве первого в ряду таких свойств выступает необратимость времени, которое является фундаментальной характеристикой человеческой культуры. Рассел писал по этому поводу: «...есть какой-то смысл, – который легче почувствовать, чем выразить, – в том, что время является незначительной и поверхностной характеристикой реальности. Прошлое и будущее должны быть признаны столь же реальными, как настоящее, и какое-то освобождение от рабства времени существенно важно для философского мышления. Значимость от времени носит скорее практический, чем теоретический характер...»⁵.

Уникальность времени связана с тем, что это единственный объект, который постоянно указывает человеку на его конечность, связанную со смертностью. Именно поэтому человек предпринимает постоянные усилия для того, чтобы избежать конечности своего существования или преодолеть ее любым способом. Исторически первым способом решения этой проблемы стало удвоение мира на земной и небесный, реализованное в рамках мифологии. В теоретическом плане удвоение мира было зафиксировано Парменидом.

Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки
Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши.
Разумом ты разреши труднейшую эту задачу,
Данную мною тебе.
Быть или вовсе не быть – вот здесь разрешение вопроса.
Есть бытие, а небытия вовсе нету;
Здесь достоверности путь, и к истине он приближает.
Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует.
Ибо ведь без бытия, в котором ее выраженье,
Мысли тебе не найти.
Не возникает он (бытие), и не подчиняется смерти.
Цельное все, без конца, не движется и однородно.
Не было в прошлом оно, не будет, но все в настоящем.
Без перерыва, одно. Ему ли разыщешь начало?
Как и откуда расти? ⁶

Различие миров, в основном связано с разницей в применении к ним категорий материи в ее единстве или множественности, движения, пространства и времени: в одном мире все множественно и находится в постоянном изменении, в другом – все едино, вечно и неподвижно. Разделение миров связано с существованием человека чувствующего и познающего, оно воспроизводится постоянно каждым человеком в каждый момент его существования и всем человечеством в целом. Помимо разделения мира на земной и небесный, чувственный и умопостижимый, человеческая культура сформировала особые социальные обра-

⁵ Рассел Б. Мистицизм и логика// Почему я не христианин. М., 1987. – С.51-52.

⁶ Антология мировой философии. М., 1969, т.1, ч.1. – С.294-295.

зования, имеющие принципиальные отличия от обычного социума. Такими образованиями являются темпоральные острова культуры. Их создание и функционирование представляет собой суть культурологической программы освоения времени.

На сегодняшний день это самая удачная программа постижения времени. Само определение программы как культурологической не является корректным, ибо не связано с предметом культурологии как таковой, поэтому данную программу легче представить в виде примеров. Это, как минимум, четыре сферы человеческой культуры, которые образуют своеобразные пространственно-временные острова, локусы, их время, необратимое, по сути, имеет свою специфику, выраженную в разнообразных попытках преодоления этой фатальной необратимости. В качестве таких миров выступают следующие культурные образования:

1. Мир жреческий, церковный, религиозный во всем его многообразии. В различных религиозных культурах сформированы самые необычные представления о времени, поскольку удвоение реальности есть основной признак любой религии.

2. Мир воинский появляется примерно в то же время, что и мир жреческий. В данной статье именно ему будет уделено особое внимание. Однажды возникнув, он сопровождает человеческую историю на всем ее существовании. Как и жреческий мир, он не является самодостаточным и существует за счет обычного мира. В отличие от жреческого мира, воинский мир не обещает вечной жизни, но статус его в любом обществе крайне высок, что далеко не всегда связано с воинскими успехами. В этом мире действует своя шкала времени, связанная с присвоением воинских званий и зачетом одного года службы за два и т.д. Человек, закончивший военную карьеру, возвращается в повседневный мир в достаточно молодом возрасте и получает возможность прожить в нем «вторую» жизнь, которая часто оказывается удачнее жизни воинской, благодаря отсутствию в ней воинского образа жизни. Оба мира, жреческий и воинский, реально существуют и обладают аналогичными чертами, к которым относится производность их хозяйственной деятельности и отсутствие проблем, связанных с институтом семьи.

Впервые в теоретическом плане на это общественное явление обратил внимание Платон. В его модели «идеального государства» классу воинов-стражей уделено особое место. Собственно говоря, это наиболее известная часть модели Платона. Возникает вопрос и он будет еще не раз возникать – почему никогда не бывший воином Платон и да и многие иные мыслители так интересовались армией и преклонялись перед ней? Это не может быть связано с защитной функцией армии, на протяжении всей человеческой истории защита отечества никогда не осуществлялась силами профессиональной армии, в тяжелые годы к армии всегда присоединялось массовое ополчение населения. Ответ, скорее всего, лежит в плоскости самой платоновской программы. Именно армия отождествлялась с лучшими моральными качествами личности, превосходной физической формой, конкретными навыками и умениями. Идеальный воинский мир – это понятия мужества, храбрости, стойкости, отваги, воинского искусства и т.д. Идеальный воинский мир дублировался в реальном мире, реальный мир оказывался хуже идеального, но сохранял его характерные черты. Итак, воинский мир представлял собой воплощение идеала не только собственного, но и всего общества в целом. Реальным образцом такого государства, как известно, для Платона было военизированное общество Спарты. Платоновская программа построения идеального государства надолго пережила своего создателя. Она воплотилась в целом комплексе программ, самой известной из которых является учение Августина о «двух градах». На протяжении веков одна программа сменяла другую, каждая из них делала упор на собственных представлениях об идеальном общественном устройстве. Общей чертой всех программ стало особое внимание к воинскому миру и особая забота о нем. Конечно, функциональный момент в такой заботе обязательно присутствует. Однако, главным является сохранение платоновской установки на отождествления этого мира с лучшими чертами человеческой личности, как в нравственном, так и в физическом плане. Итак, мир воинский представляет собой особый мир с выделенным статусом.

Мир воинский, обладая особым статусом, должен иметь собственное пространство и собственное время, либо собственные представления о них. Такие черты в этом мире явно просматриваются. В особенности, это касается пространства. Существует специализированный язык, включающий пространственные термины, где горы становятся высо-

тами, пейзаж – пересеченной местностью, реки и дороги – транспортными артериями и т.д. Источником такого языка являются термины географии, используемые для описания местности, но смысловое значение военного языка только частично совпадает с языком географии, ибо включает и другую тематику. В любом случае, существует особое пространственное восприятия и видение мира, характерное только для данного мира. Здесь сдача Москвы Наполеону в 1812 г. называется фланговым маневром, причиной начала операции на Курской дуге выступает угол в расположении фронтов, отступления под ударом неприятия носят название выравнивания фронта. Пространственный фактор является существенным фактором военной науки с древнейших времен. Изучение военного искусства и военной истории невозможно без карты местности. Развитие картографии является еще одним доказательством наличия собственного представления о пространстве. Военная карта – это модель военного видения мира. Кстати, открытость или закрытость доступа к картам местности является любопытным показателем отношения государства к войне: повышение уровня секретности при доступе к картам означает готовность к началу военных действий, в СССР практически все карты, начиная с 30-х годов XX века, были засекречены. Собственное время также формируется в воинском мире, хотя и не в столь явной форме, как собственное пространство. В основном имеет место применение жестких шкал времени, связанных с началом и проведением военного мероприятия. В целом, пространственно-временная специфика военного мира связана со стремлением к его формализации, к устранению реального содержания пространства и времени, к представлению военных действий как некоего механизма, который должен работать в заданных условиях. Под заданными условиями чаще всего имеется в виду человек. Солдат – это вечная проблема любой армии, ибо его надо одевать, кормить, оплачивать его труд, учитывать его иные потребности и т.д. Недооценка человеческого фактора, излишняя пространственно-временная формализация военного мира приводят к трагическим последствиям, в качестве примера которых можно назвать советско-финскую войну 1939-1940 гг., начатую, кстати, из-за необходимости выравнивания границы.

Необходимость существования воинского мира связана со спецификой человеческой истории, а именно, с необходимостью поддерживать обороноспособность государства. Поэтому, единожды возникнув, воинский мир стал существовать всегда. Его существование перестало быть непосредственно связано с ведением военных действий, он не стал самодостаточным миром, но приобрел существенную степень самостоятельности. Он функционирует по своим собственным законам и является реально существующим альтернативным миром нашей реальности. В отличие от жреческого мира, воинский мир не имеет экономической самостоятельности, а в силу специфики своей деятельности имеет возможность диктовать обычному миру свои условия. Эти условия обычно оказываются достаточно жесткими, с ними связана проблематика, которая, помимо социального аспекта, имеет пространственно-временную конкретику.

На протяжении всего XX века значение воинского мира продолжало возрастать. Сложилась определенная иерархия миров, среди которых основным являлся мир воинский вплоть до установления военной диктатуры, затем слои, так или иначе с ним связанные – военизированная наука, техника и промышленность, и только потом мир гражданский, его население и промышленность, снабжавшиеся по остаточному принципу и имевшие второстепенный статус. Неадекватность такого положения дел была четко осознана во второй половине XX века, когда благодаря деятельности Римского клуба, благодаря популяризации идей, связанных с глобальными проблемами современности, была доказана невозможность победы в современной ядерной войне. Медленные процессы в области ядерного разоружения стимулировали и обычное разоружение. Эти и другие общественные процессы подрывали высокий статус воинского мира, а на практике выливаются в сокращение армий, которое происходит во многих странах. Пока об этом можно говорить как о тенденции, ибо по-прежнему население большинства стран проходит армейскую службу по призыву. Новым фактором, существенно сдерживающим сокращение воинского мира, стала постоянная угроза и практика терроризма. Однако общемировая политика инноваций и создания инновационных технологий направлены на повышение качества жизни именно гражданского населения, а не на создание новых видов вооружений. Мир воинский при этом может обрести свои реальные границы, а не те, на которые

он постоянно претендовал в ходе истории. Преобладание воинского мира над гражданским означает прямую дорогу к тоталитаризму, ибо мир воинский притягивает к себе людей тоталитарного сознания, он сам есть иное средоточие тоталитаризма.

3. Мир художественного творчества имеет возможность воплотить в наглядной и образной форме самые диковинные и фантастические представления о времени. Машины времени, путешествия во времени, изменения будущего путешественниками во времени представляют собой сюжеты многих художественных произведений. Здесь возможны и повторяющиеся миры, и миры с похожим набором событий, и миры альтернативной истории. Именно такие ситуации чаще всего реализуются в художественной литературе.

4. Мир Интернета и виртуальности.

На сегодняшний день именно эта программа наиболее полно отвечает проблемам, связанным с человеческим существованием в целом. Ее можно обозначить как культурологическую программу. В рамках этой программы необратимость времени может рассматриваться как неотъемлемое свойство субъективности, привносимое человеком в процесс изучения и освоения времени, а также как развитие нестандартных свойств времени, представление о которых было сформулировано в неклассической науке и неклассической рациональности – проблема измерения и принцип дополнительности в квантовой механике, а также антропный принцип в космологии. Культурологическая программа хорошо вписывается в концепции постнеклассической науки и постнеклассической рациональности, а также в формирование общества, основанного на инновационных технологиях. Она помогает человеку справляться с необратимостью времени, ибо, как писал Рассел: «И в мышлении, и в чувствах осознать незначительность времени, даже если бы оно было реальным, означает войти во врата мудрости»⁷.

Список литературы

1. Канке В.А. Формы времени. – Томск: ТГУ, 1984. – 225 с.
2. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
3. Ньютон И. Математические начала натуральной философии // В кн.: Крылов А.Н. Собр. трудов. М.; Л., 1936, т.7.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000, 744 с.
5. Рассел Б. Мистицизм и логика// Почему я не христианин. М., 1987.
6. Антология мировой философии. М., 1969, т.1, ч.1.

EPISTEMOLOGY OF TEMPORAL PROGRAMS

O.V. MALYUKOVA

*Moscow State University
of Engineering Ecology*

*e-mail:
o.maliukova@list.ru*

The subject of epistemology of time is the phenomenon of time, one of the most mysterious and unevident phenomena of a material world. From the moment of occurrence of philosophical interest to this phenomenon, the study of time balances within the limits of two gnoseological approaches or the programs generated in antiquity. These approaches have formed the basis of two concepts of time – the dynamic where time moves from the future and the present to the past, and the static which time shows an image of the eternity given simultaneously by all instants. Synthesis of these approaches gives the culturalological program of development of time which answers most fully to the problems of human existence as a whole. Within the limits of this program of the irreversibility of time it can be considered as the integral property of subjectivity introduced by the person in process of studying and development of time. The culturalological program is well entered in concepts of a postnonclassical science, and also in principles of formation of the society based on innovative technologies.

Key words: epistemological program, phenomenon of time, nature of time, culturalological program.

⁷ Рассел Б. Мистицизм и логика// Почему я не христианин. М., 1987, – С.52.

УДК 130.2

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Д.К. МАНОХИН

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

Статья посвящена специфике литературоведческой интерпретации художественного текста. Автор рассматривает проблемы природы художественной литературы как объекта филологии, множественности моделей интерпретации, согласования различных истолкований текста и выявляет способы их решения.

Ключевые слова: филология, литературоведение, интерпретация, наука, художественная литература.

Отметим теоретико-методологические проблемы, возникающие перед филологами при попытке определения специфики литературоведческой интерпретации художественного текста:

1. Перед литературоведением стоит вопрос понимания природы дискурса художественной литературы. Что представляет собой художественный текст – специфическую риторическую форму организации определенного (заданного) смысла или суггестивную форму дискурса, генерирующую возможность потенциально бесконечного увеличения количества семантических конфигураций/ контекстов высказывания и способов их артикуляции?

2. В зависимости от ответа на предыдущий вопрос находится решение следующей проблемы: существует ли единственно верная интерпретация того или иного художественного текста, или все интерпретации имеют равноправный характер; соответственно, должно ли филологическое высказывание иметь унифицированную форму или же необходимо наличие множества способов организации литературоведческого дискурса с учетом возможности дальнейшей пролиферации теоретико-методологических подходов?

3. Если придерживаться тезиса об унификации, то необходимо выработать критерий определения аутентичного истолкования/способа интерпретации художественного текста. Это позволит выбрать из совокупности конкурирующих интерпретаций/методологических концепций (фактическая ситуация, которую не может игнорировать ни литературовед, ни философ) ту, которая бы соответствовала природе литературы. Если же достаточно обоснованным является второй из вариантов, отмеченных в пункте 2, то возникает потребность в поиске способов установления релевантности тех или иных литературоведческих интерпретаций художественного текста. Встает также вопрос о возможностях согласования различных истолкований одного и того же литературного произведения. С данными трудностями связана следующая проблема: нужно ли при осознании полисемантизма художественного текста маркировать границы этого полисемантизма и, соответственно, ограничить размножение истолкований/методологических концепций, или же в этом нет необходимости?

Прежде всего, мы обратимся к рассмотрению некоторых специфических черт объекта филологического исследования – художественного текста. Здесь мы попытаемся прояснить литературоведческое понимание «природы» литературы и условия филологической интерпретации художественного текста. Затем будет предложено частичное решение всех остальных проблем.

1. В литературоведении не сложилось фундаментальное представление о том, что такое художественная литература. Отсутствуют четкая дефиниция этого понятия и достаточно обоснованные критерии для выделения литературы из общей совокупности дискурсивных практик. Таким образом, проблема заключается в следующем: какой тип текста считать художественным?

Названная проблема относится к ведению теории литературы, в рамках которой конституируется концептуальная/онтологическая модель художественного текста. Исходя из особенностей подобной модели и должны быть выработаны методологические правила изучения литературы как в плане объяснения литературных фактов общего характера, так и в связи с литературоведческими интерпретациями конкретных художественных произведений.

Существует множество теорий литературы, репрезентирующих различные варианты понимания природы художественного текста. Однако в составе каждой из этих теорий наличествуют довольно внятные описания компонентов литературно-художественного дискурса, проявляющие поразительное сходство в различных школах литературоведения. Объединение и переосмысление подобных дескрипций дает возможность создания операционального представления о художественном тексте, которое способно прояснить предпосылки конституирования литературоведческой интерпретации.

Ни одно из современных направлений филологического исследования не может избежать упоминания о литературе как специфическом способе организации языка и печатной форме трансляции смысла. Учет этого обязательен даже при рецидиве «школьного»/идеологического изучения художественного текста.

Способ организации языка – это то, что в литературоведении называют «формой»/«стилем» произведения. Вне зависимости от того, рассматривают ли филологи «форму» как средство выражения уже готового авторского смысла или как способ создания некой семантической целостности/совокупности дискретных смысловых конфигураций, большинство литературоведов сходятся в понимании литературы как «символического» дискурса. Это понимание основано на том факте, что в рамках художественного текста тропы, риторические фигуры, суггестивные конструкции используются в большей степени, нежели в других типах дискурса. Но главное, что использование этих языковых ресурсов имеет целью не столько декорирование текста или привлечение внимания к речи, сколько конституирование смысла, который в литературном произведении не может быть произведен/выражен каким-либо другим образом. В результате возникает образно-символическая форма текста, отличающаяся особыми семантико-синтаксическими характеристиками. Для данной формы показательным амбивалентным сочетанием лексического значения слова и слоя его многочисленных «вторичных означаемых». С одной стороны, это обуславливает «визуальное» начало литературы, а, с другой, – приводит к усложнению смысловых конфигураций.

Словом, художественная литература характеризуется непрямой модусом высказывания: буквально произведение говорит одно, а фигурально – другое. Причем именно буквальное значение позволяет сконцентрировать внимание на коннотациях текста, так как при отсутствии этого значения литература рискует лишиться своеобразного отправного пункта для чтения и превратиться в «непонятный» язык. Подобное понимание особенностей художественного текста показательным не только для литературоведов, но и для философов. Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Живопись, поэзия, лишенные «живых» форм, были бы невразумительны, то есть обратились бы в ничто, как ничего не могла бы передать речь, где каждое слово было бы лишено своего обычного смысла»¹. Слово «живых» указывает на то, что буквальная форма текста привносит в художественное высказывание референциальный привкус, продуцируя этим в сознании читателя процесс моделирования «визуального» пространства. Однако главную особенность придает литературе совокупность фигуральных смыслов, причем слой коннотаций художественного текста обуславливается авторской интенцией, жанровыми/стилистическими конвенциями, интертекстуальными зависимостями и многим другим. В итоге, художественное высказывание характеризуется отсутствием одного определенного контекста. Это не означает, что несколько контекстов не может быть связано друг с другом и объединено в систему, обеспечивающую целостность и завершенность смысловой структуры дискурса. Однако в тексте, вследствие присутствия специальных риторических конструкций, подобные связи прояснены лишь отчасти (нали-

¹ Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. С.Л. Воробьева // Самознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве / Сост. Р.А. Гальцева. – М.: Политиздат, 1991. – С. 239.

чувствуют всякого рода семантические лакуны, эллипсы), или, наоборот, акцентировано количество взаимосвязей, чрезмерное для однозначного/мгновенного понимания. Подобную черту Д. С. Лихачев называет необходимой «неточностью» искусства². Художественный текст должен быть организован таким образом, чтобы возникала прагматическая доминанта к его научному/читательскому истолкованию.

Таким образом, особая формальная организация литературного произведения требует *активного* интерпретативного усилия в процессе его рецепции. Автор не просто сообщает читателю некую идею, но создает специфическую формальную конструкцию, которая должна быть прояснена в ходе тщательного анализа *фигуральных/коннотативных* структур. В этом отношении художественный текст является суггестивной формой, провоцирующей литературоведческую интерпретацию.

Упоминание об авторе, создающем формальную конструкцию, побуждает нас сделать несколько замечаний. В литературоведении распространены споры о месте и роли автора в составе дискурса художественной литературы. Нужно понимать особенность этой полемики. По сути, ни один из филологов не может сомневаться в том, что текст имеет смысл, намеренно заданный тем или иным автором. Но смысл текста в момент литературоведческой рефлексии определяется *не только* авторской интенцией. В этой связи многие литературоведы настаивают на том, что авторский замысел (который можно реконструировать, обратившись к черновикам, интервью, другим произведениям того же автора) необходимо понимать в качестве смысловой доминанты текста, а иные семантические потенции рассматривать как дополнительные и не менее важные в художественном отношении. Другие литературоведы (те же деконструктивисты) выступают с критикой подобной позиции, акцентируя «дополнительные» смысловые аспекты.

Главное во всем ранее сказанном – это частичное решение проблемы, отмеченной нами в пункте 1. Художественный текст представляет собой суггестивную форму дискурса, генерирующую возможность потенциально бесконечного увеличения количества смысловых конфигураций и способов их прояснения. *Некоторые* из этих конфигураций заданы и определены в рамках авторской интенции. Однако эта картина не избавляет литературоведение от наличия множества затруднений. Авторская интенция может состоять в отказе от смысловой предопределенности высказывания; могут отсутствовать материалы, способствующие выявлению «аутентичного» смысла, что приведет к невозможности различения авторского/неавторского элементов дискурса. С другой стороны, элиминация авторского компонента может привести к утрате произведением своей оригинальности.

Также нельзя забывать, что литература является печатной продукцией (как и многие другие типы дискурсов, но здесь играет особую роль образно-символическая природа художественного текста). Данная ситуация еще более усиливает прагматическую необходимость литературоведческой интерпретации. Во-первых, печатная форма исключает возможность непосредственного речевого комментария текста его автором. Во-вторых, данная форма придает дискурсу художественной литературы специфическую темпоральную перспективу. Литературное произведение «длится» во времени, переходя из одной исторической эпохи в другую и получая, таким образом, все новые и новые культурные «детерминации».

Упоминание о времени указывает на еще одну особенность литературы. С исторической точки зрения литература как объект литературоведческого дискурса не является константной. Понимание специфики художественного текста во многом зависит от фактического состояния дел в области литературной практики в тот или иной период культуры. В этом отношении показательно положение современной литературы. Помимо саморефлексивной направленности и необарочной игры формами современная литература характеризуется множественностью конкретных способов организации дискурса (литературных направлений). В этих направлениях акцентируются те или иные аспекты художественной формы, или, наоборот, произведение строится посредством элиминации определенных риторических фигур и тематизмов, которая приводит к возникновению оригинальных стилистических образований. Каждая из «литератур» требует введения новых

² Лихачев Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 63-70.

вопросов в круг проблем теории литературы, а также разработки методологических подходов, способствующих выявлению специфики того или иного направления и «адекватной» интерпретации конкретного художественного текста. Причем это фактическое состояние современной литературы, инициирующее необходимость множества различных исследовательских парадигм, является не неким теоретическим «произволом» литературоведения, но результатом взаимодействия литературно-художественного и филологического дискурсов.

Филологическая рефлексия множества «литератур» в состоянии в определенной степени изменить представление об «общем объекте» литературоведения или указать на отсутствие необходимости артикуляции подобного объекта. Последняя тенденция весьма сильна в современном литературоведении. Так, Ц. Тодоров оспаривает в работе «Понятие литературы» сам факт существования однородного «литературного дискурса». Он предлагает вместо малоуспешных попыток рассмотрения литературы как таковой обратиться к созданию «типологии дискурсов»³. Тодоров пишет: «Положение <...> изменится, если мы обратимся не к «литературе», но к ее разновидностям. Не составляет никакого труда сформулировать правила, свойственные некоторым типам дискурса <...>»⁴. Теория Тодорова является достаточно продуктивной и рациональной в ситуации *полипарадигмальности художественной литературы*. Однако для литературоведения все еще характерны как тяга к радикальному идиографизму, так и стремление к унификации гетерогенного материала.

Как мы увидим, наличие множества литературных практик не отрицает возможности специфического существования «общего объекта» литературоведческого дискурса. Попутно заметим: точка зрения Тодорова не находится в противоречии с предыдущим прояснением «специфики» художественной литературы. Мы не предлагаем *описание природы литературного дискурса*, которое бы дало возможность создания его дефиниции. Мы лишь артикулируем те черты художественного текста, понимание которых является сходным в теориях различных филологических школ. Экспликация этих черт позволяет прояснить *условия необходимости/предпосылки конституирования литературоведческой интерпретации*.

Перейдем к рассмотрению круга вопросов, связанных с особенностями функционирования литературоведческого дискурса, предполагающего интерпретацию художественного текста. Причем интерпретативный филологический дискурс следует понимать не в узком смысле литературно-критической статьи, но как комплексное образование – модель интерпретации, характерную для той или иной литературоведческой парадигмы/школы.

Традиционно под интерпретацией подразумевается «когнитивная процедура установления содержания понятий или значения элементов формализма посредством их аппликации на ту или иную предметную область, а также результат указанной процедуры»⁵. В литературоведении распространена следующая формулировка: «Интерпретация (от лат. *interpretatio* – истолкование, объяснение), истолкование лит. произведения, постижение его смысла, идеи, концепции. И. [интерпретация – Д. М.] осуществляется как *переоформление* худож. содержания, т.е. посредством его перевода на <...> *понятийно-логический* <...> язык <...>»⁶. При этом необходимо помнить, что литературоведение имеет дело с художественными текстами, особенность языка которых состоит в акцентировании фигурального смысла высказывания. Поэтому буквальное значение слова для литературоведа не является самодостаточным. Прояснение же слоя коннотаций литературного произведения требует артикуляции контекста/системы контекстов дискурса. В роли контекста могут выступить как «внешние» (культурные реалии, биография автора),

³ Тодоров Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров; пер. с фр. Г.К. Косикова // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 390.

⁴ Там же. – С. 389.

⁵ Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – С. 331.

⁶ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987.– С. 127.

так и «имманентные» (законы языка, фигуры кода) тексту предметные области. Контекст устанавливается в рамках той или иной литературоведческой теории, объясняющей природу художественного текста. В этом отношении с определенной долей условности можно сказать, что теория литературы представляет собой предельно абстрактную интерпретацию литературного дискурса, легитимирующую контекст любого произведения. Теория обуславливает также методологические правила выявления смысла художественного текста и предоставляет в распоряжение филолога тот самый «понятийно-логический язык», который позволяет литературоведчески эксплицировать содержание литературного произведения. Это имеет особую важность, так как в литературоведении интерпретация не останавливается на этапе интуитивного понимания, но представляет собой прежде всего аналитическую процедуру. Иными словами, филологическая интерпретация литературного произведения состоит в установлении смысла формальных компонентов текста исходя из обоснованного в рамках литературоведческой теории контекста/системы контекстов художественного высказывания. Это установление возможно лишь в рамках аналитического исследования, ведущегося на специальном языке и руководствующегося особыми методологическими правилами. Теоретико-методологический комплекс, задающий способы интерпретации художественного текста, в свою очередь, формируется не априори, но в ходе конкретных попыток его истолкований. Последние выполняют функции «генерирования» рабочих гипотез и эмпирической проверки теоретических постулатов.

2. Решение вопроса об аутентичной интерпретации/унифицированной форме литературоведческого дискурса связано с результатами ранее проведенной экспликации некоторых специфических черт художественной литературы. Все парадигмальные интерпретации носят равноправный характер; соответственно, литературоведческий дискурс имеет (должен иметь) множество форм организации высказывания. Однако эти формы находятся в отношении своеобразной дополненности, что и позволяет называть их «литературоведческими».

Здесь необходимо сделать важное пояснение. В рамках одной и той же парадигмы может быть конституировано несколько интерпретаций конкретного художественного произведения, коррелирующих с «авторскими образцами». Однако эти истолкования не являются различными в строгом смысле слова. Скорее, они связаны отношением дополнительной экспликации (в рамках одного и того же контекста). Мы же будем вести речь преимущественно об истолкованиях, обусловленных *различными парадигмальными* моделями интерпретации художественного текста.

Возвращаясь к тезису о специфике организации литературоведческого дискурса, следует отметить, что первая часть этого положения отражает фактическое состояние современного литературоведения, которое получает теоретическое объяснение. Множественность равноправных интерпретаций/форм литературоведческого дискурса обусловлена как особенностями формальной организации литературного произведения, так и пролиферацией литературных направлений. Вторая часть тезиса основана на том, что различные исследовательские парадигмы не являются «закрытыми» и несоизмеримыми образованиями. Напротив, связи между парадигмами носят характер «дополнительности» – в смысле диалога, конфликта, заимствования и переосмысления теоретико-методологических постулатов. Возможность подобных связей во многом обусловлена не только наличием общих объекта исследования и концептуальных ориентаций, но и присутствием одних и тех же фундаментальных проблем. Более того, существует метаязыковой базис всех современных литературоведческих парадигм – языки лингвосомиотики и риторики.

В этом отношении полезно возвратиться к замечаниям Ц. Тодорова о множественности «литератур». Это замечание можно экстраполировать и на литературоведение. Здесь также существует множество дискурсивных практик, между которыми наличествуют отношения близкого и дальнего «родства». Сами эти отношения и их специфика не дают достаточных оснований для создания абсолютно завершеного и строгого представления о литературоведческом дискурсе. Однако подобная ситуация не означает, что отсутствует возможность артикуляции «семейных» групп среди множества парадигм, манифестирующих себя как «литературоведческие». Способом этой артикуляции может

выступить прояснение концептуальных и методологических ориентаций современного литературоведения. В контексте изучения взаимодействия «семейных» групп также можно выявить их общие черты (например, наличие изоморфных фундаментальных проблем). При этом мы получаем возможность, как объединять, так и различать методологические концепции филологии.

Необходимо заметить, что и теория Тодорова, имплицитно содержащая «металитературоведческие» потенции, и наше исследование отчасти связаны с концепцией «языковых игр» Л. Витгенштейна. Сходную ориентацию имеет также широко известная теория современного научного знания, представленная в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна»⁷. Он настаивает на пролиферации научных концепций, имеющих «локальный» характер и артикулирующих всякого рода «нестабильности»⁸. Причем он апеллирует к опыту не только социально-гуманитарных, но и естественных наук. «Локальный» характер литературоведческих истолкований художественного текста мы рассмотрим позднее, а сейчас нас прежде всего интересует вопрос о релевантности интерпретаций и критериях возникновения и легитимации теоретико-методологических комплексов. Лиотар настаивает на легитимации «через паралогию» («открытая систематика <...> антиметод») ⁹. Далее философ отмечает: «<...> релевантность высказывания заключается в том, что оно «дает рождение идеям», т.е. другим <...> правилам игры <...> содержит отличие от известного ранее <...>»¹⁰.

3. Обращаясь к вопросу о релевантности той или иной литературоведческой интерпретации художественного текста, следует попутно заметить, что проблема аутентичного истолкования литературного произведения не может быть разрешена вследствие ранее эксплицированных особенностей литературно-художественного дискурса. Однако это не означает ее элиминации из круга проблем той или иной парадигмы. Более того, присутствие названной проблемы в рамках конкретного литературоведческого направления имеет своеобразный «позитивный» эффект, состоящий в стремлении филологов к охвату всех литературных явлений и полемике с другими школами. Однако, с другой стороны, чрезмерное акцентирование отмеченной проблемы способно привести к спорам, имеющим чисто идеологический характер. Именно в этой связи более целесообразно рассматривать литературоведческую интерпретацию как релевантную/нерелевантную.

Как мы отмечали, филологическая интерпретация делает литературное произведение осмысленным в отношении предметной области и теоретико-методологических оснований изучения литературно-художественного дискурса. Иными словами, в парадигмальной литературоведческой интерпретации артикулируются: специфические формальные компоненты литературного произведения; предметная область («внешнего/«внутреннего» характера), на которую должны быть апплицированы формальные элементы текста; способ апплицирования; теоретическая модель художественного текста, объясняющая природу изучаемого объекта. Количество подобных комплексов велико. В этом случае релевантность литературоведческого истолкования состоит в рационально обоснованной новизне какого-либо из ранее отмеченных компонентов интерпретативного дискурса (что влечет за собой переосмысление всех остальных составляющих) или в их дополнительном уточнении. Однако о самой релевантности интерпретации можно вести речь лишь при наличии *всех* компонентов дискурса (в особых случаях это наличие может носить имплицитный характер, например, – при постструктуралистских исследованиях наиболее радикального типа). Таким образом, для науки о литературе будет релевантной не любая оригинальная трактовка, но лишь уточняющая/новая интерпретация, включающая теоретико-методологический компонент рационального характера. Здесь полезно коснуться замечания Д. С. Лихачева о субъективизме в филологии¹¹. *Литературовед-*

⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

⁸ Там же. – С. 130-143.

⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 144.

¹⁰ Там же. – С. 153.

¹¹ Лихачев Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 37.

ческая (научная) интерпретация вследствие описанной нами специфики не содержит возможностей для субъективизма в строгом смысле слова. Теоретико-методологическая аранжировка истолкования текста требует учета объективных закономерностей литературно-художественного дискурса, выявленных в рамках предыдущих парадигмальных исследований. Иными словами, научная деятельность филолога всегда обусловлена теоретическими знаниями, культурными реалиями и многими другими факторами объективного характера. Субъективность в этом смысле состоит в осознанном усилии конкретного литературоведа, направленном на создание новой конфигурации дискурсивных практик филологии. Данная конфигурация всегда имеет объективную ценность для литературоведческого дискурса. Таким образом, даже в случае постулирования филологом своей антипарадигмальной позиции подобная позиция будет истолкована как определенная парадигма исследования. Другое дело, если некто предложит интерпретацию, не основанную на каких-либо фактах/теоретических положениях и не отрефлексированную посредством понятийно-логического языка. Именно против таких истолкований справедливо выступает Д. С. Лихачев. Проблема в том, что эти интерпретации также являются «обоснованными», только обоснование присутствует здесь в неявной форме. Как правило, оно «заимствуется» из «школьной» теории литературы или научных теорий нефилологического характера. Однако все же для литературоведения не исключена возможность пользы интерпретаций такого рода. Они могут дать некий отправной импульс для литературоведческого исследования (речь идет о филологической реинтерпретации «субъективных» истолкований).

Также следует заметить, что создать оригинальную научную интерпретацию художественного текста (в смысле отмеченного комплекса) удастся далеко не всегда. Обычно потребность в таких истолкованиях в наибольшей степени актуализируется в ситуации появления новых литературных направлений или невозможности интерпретации определенных «мест» текста посредством легитимированных методов. Однако и в данном случае интерпретация будет не *радикально иной*, но «отклоняющейся» от легитимированных моделей истолкования путем ранее отмеченного конфигурирования. Иначе она даже не сможет быть «нетривиальной», так как новое является таковым лишь на фоне чего-то известного. Этим мы не хотим сказать, что отсутствует возможность радикальных инноваций. Однако их можно маркировать скорее в контексте смены «эпистем», то есть в более широком культурно-историческом масштабе.

Следует отметить, что возникновение новых истолкований/моделей интерпретации обусловлено и самим литературно-художественным дискурсом (новые литературные направления, суггестивная форма высказывания), и его теоретико-методологической рефлексией (неэффективность наличествующих теорий и методов). Последний вариант особо примечателен. В этом отношении важно акцентировать момент уточнения интерпретации в ходе филологического исследования. Здесь полезны замечания Ж.-Ф. Лиотара. Литературоведческие модели истолкования художественного текста также легитимизируются на основе «открытой систематики» специфического типа. Иными словами, они получают первоначальную легитимацию через обоснование новизны компонентов интерпретативного дискурса и признание этого обоснования в рамках *научного сообщества*. Затем модели интерпретации сохраняют свою легитимность посредством перманентной самоэкспликации и переосмысления¹². В отношении рассматриваемой проблемы самоэкспликация модели истолкования зависит не только от межпарадигмальной полемики, но и от учета диссонансов, возникающих в процессе интерпретации конкретного литературного произведения. Отсутствие указанных процедур может привести к делегитимации той или иной интерпретативной модели. Также Лиотар ориентирует науку на поиск всякого рода «нестабильностей». В литературоведении важна артикуляция как «константных», так и динамических элементов художественного текста. Причем «константы» требуют уточнения в связи с их интерпретацией в реальной литературной практике и при

¹² См.: Манохин, Д.К. О концептуальных и методологических ориентациях филологических наук / Д.К. Манохин // Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества: Сб. материалов региональной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – С. 119-130.

соположении с динамическими компонентами. С другой стороны, без наличия некоего постоянства невозможно выявить и описать саму динамику литературного дискурса.

Что касается локального характера литературоведческих интерпретаций, то здесь мы обращаемся к вопросу о согласовании различных истолкований одного и того же литературного произведения, а также к вопросу об установлении границ полисемантизма художественного текста и пролиферации методологических концепций. Эти вопросы могут быть соотнесены с более общей философской проблемой – проблемой плюрализма. Так, Л. Г. Червонная выделяет две концепции плюрализма: «<...> 1. Признание существования одной реальности и многих попыток ее познания. <...> 2. Постулирование несомненной множественности миров, т.е. плюрализм как парадигма, признающая <...> онтологическое многообразие «начал» мира <...>»¹³. В литературоведении ситуация множественности интерпретаций носит специфический характер, позволяющий «согласовать» обе названные концепции.

Сначала о множественности «миров» (литератур). Как мы отмечали, современная литература характеризуется наличием большого количества конкретных направлений, которое с течением времени возрастает. Более того, для художественной литературы на всем протяжении ее истории показательно присутствие различных дискурсивных форм, о которых и говорит Ц. Тодоров (например, поэзии и прозы). В этом отношении можно сказать, что определенная литературоведческая парадигма изначально акцентирует свое внимание на некотором типе художественного текста (родственных языковых играх). Таким образом, конкретная исследовательская парадигма обеспечивает теоретическое объяснение специфики определенного класса литературных произведений. Так, те же деконструктивисты ограничивают круг исследуемых текстов «гетерогенными» экспериментами в области философии и литературы. Иными словами, в литературоведении конкурируют/взаимодействуют не только исследовательские парадигмы, но и комплексные объединения интерпретативного дискурса и «литературы», которую изучает и легитимирует этот дискурс. Такая «литература» рассматривается в качестве своего рода «идеала» художественного текста. Однако литературоведы, отправляясь от интерпретации художественных текстов определенного типа, экстраполируют свои модели истолкования и на другие группы литературных произведений. В этом смысле филологи акцентируют отдельные специфические аспекты литературно-художественного дискурса как общего объекта литературоведения – сегменты формальной структуры текста и соответствующие им предметные области, на которые необходимо апплицировать эти сегменты.

В отношении истолкования конкретного художественного текста это означает, что все интерпретации равноправны, так как они акцентируют различные аспекты литературного произведения. Отсюда проистекает решение вопроса о согласовании множества истолкований одного и того же текста. Это согласование принимает форму *взаимодополнительности* интерпретаций. Данная форма сохраняется также и в случае, когда тот или иной формальный компонент литературного произведения получает различное толкование. Различие здесь обуславливается контекстами художественного высказывания. Как правило, эти контексты тоже взаимодополнительны, и их сочетание позволяет артикулировать контекстуальную систему текста. Ситуация же смыслового «противоречия» должна быть прояснена посредством кооперации и взаимного контроля методологических концепций. Подобная ситуация обычно соответствует фактуре самого художественного произведения, однако не исключено наличие внутренних несогласований внутри конкретной модели истолкования текста.

Упоминание о взаимном контроле моделей интерпретации лишний раз указывает на отсутствие их *радикальной* инаковости. Конкретные художественные тексты и их типы взаимодействуют друг с другом (в том числе путем вторичной интерпретации одного текста другим). То же касается и литературоведческих парадигм¹⁴. В отношении литературо-

¹³ Червонная Л.Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании / Л.Г. Червонная // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 2. – С. 129.

¹⁴ См.: Манохин Д.К. О концептуальных и методологических ориентациях филологических наук / Д.К. Манохин // *Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества*: Сб. материалов региональной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – С. 119-130.

ведческого дискурса это означает наличие элементов, общих для всех исследовательских парадигм (постулаты нормативной теории литературы, фундаментальные проблемы и т.п.), а также теоретико-методологических компонентов, переходящих в трансформированном виде от одной методологической концепции к другой. Все это способствует здоровой научной полемике. Негативные моменты возникают при отсутствии осознания литературоведом реального контекста собственного дискурса. Часто филологи, говоря об определенном аспекте художественного текста/классе литературных произведений, считают, что рассуждают о литературе как таковой. Это приводит ко всякого рода недоразумениям при взаимодействии различных исследовательских парадигм.

Все ранее сказанное лишней раз подтверждает неадекватность тезиса о несоизмеримости и непримиримой конфликтности парадигм литературоведческого исследования. Более того, в свете возможности согласования интерпретаций и взаимного контроля различных парадигм можно вести речь о межпарадигмальном исследовании конкретных литературных произведений. В этом отношении показательна попытка Ю. Б. Борева¹⁵, который предложил объединить различные методологические концепции литературоведения и выработать, таким образом, *системный* подход к изучению художественного текста. В качестве базового теоретико-методологического компонента, позволяющего избежать эклектичности подхода, российский ученый выдвинул принцип историзма. Данный принцип входит в состав исследовательских парадигм классической филологии и марксистского литературоведения, легитимированных в своей совокупности в рамках определенного научного сообщества. Иными словами, здесь мы имеем дело с трансформационными процессами в составе конкретной парадигмы литературоведческого исследования. Необходимо отметить, что эти процессы приводят к возникновению явно позитивного методологического эффекта. Также абсолютно справедливо стремление не просто объединить, но систематизировать компоненты различных парадигм посредством выделения главного теоретико-методологического принципа. Только для создания *межпарадигмального* подхода подобный принцип необходимо *разрабатывать* в соответствии с осмыслением специфики взаимосвязей различных моделей интерпретации художественного текста, а не заимствовать из конкретной парадигмы.

Таким образом, проблема плюрализма в литературоведении имеет следующую специфику. Литературно-художественный дискурс как общий объект литературоведческого исследования («одна реальность») не является для филолога наличной данностью. Скорее, он предстает лишь в форме проекта/наброска, постоянно уточняющегося с ростом литературных направлений («множественность миров») и их последующей литературоведческой рефлексией в рамках исследовательских парадигм, соответствующих природе этих направлений. *Уточнение* возможно благодаря взаимодействию парадигм, обусловленному «имманентными» причинами, а также пересеканием литературных направлений и символической формой художественных текстов. Это взаимодействие приводит, с одной стороны, к объединению усилий в отношении конституирования природы литературно-художественного дискурса, а, с другой, – к взаимообратимой критике, способствующей экспликации той или иной парадигмы. Ранее описанный процесс находится в состоянии перманентной актуализации. Нетрудно заметить, что специфика этого процесса указывает на решение вопроса об ограничениях, налагаемых на полисемантизм художественного текста и пролиферацию моделей истолкования литературного произведения. С одной стороны, подобные ограничения желательно установить, но, с другой, – возможности для такого установления отсутствуют. Литература, как мы показали, является изменяющимся объектом. Это изменение имеет следующий характер: рост новых литературных направлений; интертекстуальное взаимодействие различных литературных практик как друг с другом, так и с другими типами дискурсов. В этом отношении полисемантизм художественного текста будет только возрастать, как и количество моделей интерпретации. В подобной ситуации единственный выход – это рациональное обоснование литературоведом новой методологической концепции. Так, И. П. Карпов призывает

¹⁵ Боров Ю.Б. Методология анализа художественного произведения / Ю.Б. Боров // Методология анализа художественного произведения / Отв. ред. Ю.Б. Боров. – М.: Наука, 1988. – С. 3-32.

ет к созданию «аналитического литературоведения», основанного на семантическом анализе терминов, применяемых в конкретной работе с художественным текстом»¹⁶.

Список литературы

1. Бак, Д. П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании / Д. П. Бак, Н. И. Кузнецова, В. П. Филатов // *Вопр. философии.* – 1998. – №5. – С. 144-150.
2. Борев, Ю.Б. Методология анализа художественного произведения / Ю.Б. Борев // *Методология анализа художественного произведения* / Отв. ред. Ю.Б. Борев. – М.: Наука, 1988. – С. 3-32.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 750 с.
5. Лихачев, Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высшая школа, 1989. – 206 с.
6. Манохин, Д.К. О концептуальных и методологических ориентациях филологических наук / Д.К. Манохин // *Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества: Сб. материалов региональной научной конференции.* – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. С. 119-130.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. С.Л. Воробьева // *Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве* / Сост. Р.А. Гальцева. – М.: Политиздат, 1991. – С. 230-263.
8. Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпресссервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.
9. Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров; пер. с фр. Г.К. Косикова // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.376-391.
10. Червонная, Л.Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании / Л.Г. Червонная // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 2. – С. 127-135.

SPECIFIC CHARACTER OF PHILOLOGICAL INTERPRETATION OF A FICTION TEXT

D.K. MANOKHIN

*Belgorod National
Research
University*

This article is devoted to the specific nature of philological interpretation of the fiction literature. The author considers some problems: the nature of the fiction as the philological object; a great number of the models of interpretation; the agreement of various interpretations of the text. By this way he reveals the solutions of the marked problems.

Key words: philology, Study of Literature, interpretation, science, fiction.

¹⁶ Цит. по: Бак, Д. П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании / Д. П. Бак, Н. И. Кузнецова, В. П. Филатов // *Вопр. философии.* – 1998. – №5. – С. 150.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 111:141.4:2-18(47+57)

ПОНЯТИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ И ФИЛОСОФСКО-НАУЧНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В.П. БАБИНЦЕВ¹⁾
О.А. КРИВЕНКО²⁾

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: @ Babintsev@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородская государственная
сельскохозяйственная академия*

e-mail: @ aoronna@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования понятий развития религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии. На основании анализа западноевропейской и русской антропологии выявлены константы религиозно-философской антропологической парадигмы, объединяющие западную и русскую философию. В свою очередь на основании анализа рационалистического подхода к определению человека определены константы философско-научной антропологической парадигмы западноевропейской и русской философии. Даны определения понятиям русской религиозно-философской и философско-научной антропологическим парадигмам, с обозначением характерных особенностей русской философской мысли.

Ключевые слова: антропология, парадигма, человек, религия, наука, Бог, природа, цельное знание.

Развитие философской антропологии вполне может рассматриваться как последовательная смена различных парадигм, ведущих между собой более или менее открытый диалог. В самом общем смысле парадигмой можно назвать одну или несколько фундаментальных теорий, которые пользуются всеобщим признанием и в течение какого-то времени от них зависит направление научного исследования. А.Л. Никифоров пишет о том, что учёные создатели парадигмы, не просто видят в ней бесспорное воплощение общепризнанного знания, но и решают одну из важных проблем, указывая образцы решения возникших перед наукой задач. «Кроме того, задавая определённое виденье мира, парадигма очерчивает круг проблем, имеющих смысл и решение; всё, что не попадает в этот круг, не заслуживает рассмотрения с точки зрения сторонников данной парадигмы»¹. Парадигма устанавливает допустимые методы решения проблемных вопросов, а также детерминирует тип получаемых в процессе эмпирического или теоретического исследования фактов.

¹ Философия: энциклопедический словарь / Под. ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2006 – С. 631.

Основа западноевропейской и русской философских (иррациональной и рациональной) антропологических парадигм закладывается в античной философии. Древнегреческие философы первыми сформулировали принцип разумного миропонимания, и пришли к открытию человека как самостоятельной ценности, признавая за ним право на активность и инициативу. Это позволило «развернуть своё внутреннее самочувствие, углубиться в свою собственную личность и сделать для себя второстепенными все вопросы объективного миропорядка»².

В философии софистов, Сократа, Платона и Аристотеля человек является творением Бога или Абсолюта (Идеи), Божественного Логоса. Человек имеет божественную, бессмертную душу, которая тяготеет к трансцендентному миру и вещественное смертное тело. Из признания бессмертия души вполне логично вытекает вывод о том, что неразумно (и даже просто глупо) посвящать свою недолгую жизнь служению телу, его наслаждениям. Тело умрет — значит вкладывать все свои силы в удовлетворение его потребностей бессмысленно. Основной интерес для философов представлял внутренний мир человека, его душа и добродетели. В связи с этим обосновывается принцип этического рационализма и утверждается, что «добродетель есть знание», а смысл всей человеческой жизни как раз и состоит в том, чтобы стремиться к нравственному совершенству на основе познания истины, искать блага не для тела, а для души, которая вечно будет наслаждаться приобретенным.

Утверждение христианской веры, которая стала основой западноевропейской и русской религиозно-философской традиции вообще и религиозно-философской антропологической парадигмы в частности, связано с распространением иного понимания мира и человека. Так в христианстве человек не просто творение Бога, но Его образ и подобие Божие. «Сотворим человека по образу Нашему, и по подобию Нашему» (Быт. 1, 26-27). «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Получив из уст самого Бога дыхание жизни, человек соединяет в себе духовное и материальное, небесное и земное. К тому же человек приобретает иерархию своего строения: Дух, Душу и Тело, что отличает его от всего животного мира и даёт возможность стать подобным самому Богу. Но не только душа, тело человека в христианстве особенно в православии также имеет особую ценность. Во-первых, оно призвано служить спутником и сотрудником души. Во-вторых, сам Господь освещает человеческое тело своим воплощением и крестной смертью, давая залог «воскресение мертвым», веру в то, что не только душа, но и тело человека по второму пришествии Иисуса Христа вновь преобразится для райской жизни. Но Бог не только создатель видимого и невидимого мира, Он и «Владыка жизни моей» («Владыка живота моего»), и Личность, и «Смысла Податель». Через понимание вечной жизни, через обращение к Богу, по учению Библии и святых отцов, человек обретает истинный смысл существования в этом мире. Смысл, который заключается в спасении души, в следовании за Христом «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин 14:6).

Принятие христианства Русью вовлекло её и в диалог как с Восточным богословием, так и с Западной культурой. Влияние Западно-европейской философии на русскую мысль как, пишет Л.Н. Столович несомненно, история русской философской мысли всегда была тесно и органично связана с развитием философии в Западной Европе. «В первой половине XIX столетия сильное воздействие на русскую мысль оказывали философские идеи Шеллинга, Гегеля и Фейербаха. Во второй половине века и в его конце в Россию проникает эстетика символизма и нищезанятия, а в начале XX в. — неокантианство и феноменология Гуссерля»³. Но всё это, по словам русских философов (Столович, Замалева, Галактионов), отнюдь не говорит о вторичном характере русской философской мысли. Все эти влияния и воздействия не были чисто внешними, они преломлялись через потребности российской духовной жизни, и творчество русских мыслителей не довольствовалось философским импортом.

В русской философии о Божественном создании человека, его дуальности, бессмертной душе и возможности уподобления Богу писали: митрополит-книжник Ники-

² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. — М. ; Харьков: АСТ : Фолио, 2000 — С.12.

³ Столович Л.Н. История русской философии: Очерки. — М.: Республика, 2005 — С.447.

фор (XII), Кирилл Туровский (XII), Нил Сорский и Иосиф Волоцкий (XV-XVI), А.С. Хомякова, И.В. Киреевский, С.В. Соловьёв, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский и др., при этом следует заметить, что для русской философии не было характерным создание каких-либо философских школ. Необходимость осознать себя по отношению к западному рационализму породила две линии в русской философии. Обе из них носили антропологическую окраску, но по-разному подходили к проблеме человека. Одной присуще стремление воспроизвести на русской почве западную философию, рационализм и естественнонаучный взгляд на человека (Герцен, Чернышевский), другой возродить восточное богословие.

«Человек сотворён по образу и подобию Божьему», поэтому он «сознаёт себя не только природным существом, но и существом духовным», «способным к познанию Бытия, Бога»⁴, – Н.А. Бердяев. Исходя из идеи божественного начала в человеке, утверждается бессмертие человеческой души и определяется смысл жизни. «Понятие о Боге, выводимое разумом из данных действительного и религиозного опыта, настолько ясно и определённно, что мы всегда можем, если только хотим, знать, чего хочет от нас Бог. Прежде всего Бог хочет от нас, чтобы мы были сообразны и подобны Ему», – В.С. Соловьёв

На основе общей веры во Христа как в России, так и в большинстве стран Западной Европы в религиозной философии европейских стран формируется религиозная философия, которая имеет общие религиозно-антропологические константы. Общими как для западноевропейской, так русской религиозной антропологии стали положения о том, что: 1) человек является творением Бога или Абсолюта; 2) имеет материальное тело и невещественную душу; 3) душа бессмертна; 4) смысл жизни человека в том, что он призван совершенствоваться, оберегать своё подобие Богу, восстанавливать его, укреплять; развивать и совершенствовать свои нравственные силы путем добрых дел.

Но с учётом, того, что Русью было принято христианство от Византийской ортодоксальной церкви, в мировоззрении русского народа формировалась антропология, которая наделялась особыми свойственными только ей характерными чертами.

Первой характерной и отличительной особенностью Русской Православной веры стало претворение в жизнь монашеского, аскетического образа жизни унаследовавшего от Византийской Церкви. Следует сказать, что для Западного христианства аскетизм не играет столь значимой роли как в Восточной Церкви. Католическая и Протестантские Церкви относятся к послаблению для верующих как в воздержании от пищи (посте телесном), так и в молитвенном делании (примером может служить то, что православные церковные службы более продолжительные по времени, чем католические, протестантские)⁵. Аскетическая практика по учению святых отцов Восточной церкви (Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов) нужна для того, чтобы приблизиться к Богу, иметь особое духовное состояние. Данное же состояние способствует целостному сохранению человека, его сущности и «умному созерцанию» истины

Христианский Восток не знал антиномии разума и веры, по крайней мере, она не была предметом специальных исследований в отличие от христианского Запада. В частности, это связано с тем, что «нус» Востока не тождествен «рацио» Запада: это способность умного видения, созерцания ноэм, а не способность к аналитической дедукции: синтез, а не анализ, собирание, а не расчленение. В восточно-патристической терминологии ум означает способность созерцать смыслы (чтобы предложить их сердцу как предмет возможного стремления). По наблюдению о. Иоанна Мейендорфа, в трихотомии Павла (дух-душа-тело) под влиянием Оригена Отцы IV века и последующие византийские авторы заменили слово «дух» словом «ум»⁶. Поэтому, когда же ум смотрит на Высшее Бытие – то он вполне может быть понят как «дух». «Поелику, как гадаю сам и как слышу от мудрых, душа есть Божественная некая струя, и приходит к нам свыше или вся,

⁴ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды / Ред. сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Московский-психологический социальный институт: Флинта, 1999 – С.23, С.22.

⁵ Зноско-Боровский М. Сравнительное богословие: Православие, римо-католичество, протестантизм и сектанство. – М.: Артос-Медиа, 2003 – 256 с.

⁶ Кураев А. О вере и знании // Православная беседа. – Режим доступа: <http://www.pravbeseda.ru>. – С.31.

или властитель и правитель ее – ум, то у ней одно дело единственное естественное ей – парить горе, вступать в общение с Богом», – выражение св. Григория Богослова⁷. Это означает, что для византийской мысли в слове «ум» сохранялись те смыслы, которые усматриваемы в слове «дух». В этом случае, понятно, невозможно ставить вопрос о том, как и почему запреты ума входят в противоречие с требованиями духа, почему ум конфликтует с верой.

В связи с этим и понятие русской религиозно-философской антропологической парадигмы включает в себя идею о возможном синтезе религиозного и научного, знания о человеке, знания, вырастающего из личного опыта познающего и обогащенного переживаниями, знания как пере- и проживания бытия, которое могло бы дать целостное представление о человеке.

Начиная с XI в. аскетический образ жизни провозглашается как должный образ жизни каждого верующего. Наставлению об аскезе были посвящены сочинения митрополита-книжника Никифора (XII) Владимиру Мономаху («Послание Владимиру Мономаху о посте»)⁸, Нила Сорского (в XVI в.) «Преданий о жительстве скитском».

Идеал аскезы не теряет своей ценности и в XVIII в., несмотря на преобразования Петра I и развитие естественных наук. Выдающимся философом данной эпохи был признан, «странствующий философ» Григорий Сковорода, весь его жизненный путь это образ аскетизма, аскетизма пробуждающего мечтательность и воображение. Философ пишет о том, что природа человека двойственна, как и природа мира. В целостном эмпирическом человеке различаются «внешнее тело» и «мысль», между которыми устанавливается определенная зависимость, что способствует образованию целостностной системы взаимодействия. Мысль человека рассуждает и советует, и плоть по неволе следует за ней. «Не преобразишься, друг мой, из земного в небесного, пока не увидишь Христа. Пока не узришь, что есть истинный человек... до тех пор, пока плоть и кровь будут держать твоё сердце. Пока признаешь, что твоя плоть и кровь есть прах и ничтожность»⁹. Таким образом, мысль образует внутреннего человека только при условии, что направлена на постижение истины, Бога, путём изменения своей духовной и физической жизни.

В философии Григория Сковороды проявляется и другая характерная черта русской религиозно-философской антропологической парадигмы – создание целостного знания о мире и человеке, доступное только тому, кто стремится к Богу.

Следует заметить, что впервые в русской философии о возможности цельного знания заявляет Кирилл Туровский (епископ Туровский XII в.), который писал о том, что жизнь человека состоит в деянии духовном и плотском, пронизанном божественным началом. Истина и нравственность у мыслителя наполняется земным содержанием. По его мнению, тело первично по отношению к душе, потому что в такой последовательности их сотворил сам Господь. Из этого следует, что знание духовное невозможно без знания телесного, а разум человека иной, чем разум Бога. Разум человека опирается на показания слуха, зрения, обоняния, вкушения, осязания и эмоции, но природный разум нуждается в разуме духовном, и без него впадает в грех. В связи с этим Кириллом Туровским вводится понятия «стройного разума»¹⁰ как целостного знания соотнесенного и с миром, и с Богом.

Позже о создании цельного знания будут писать: Нил Сорский, А.М. Курбский¹¹, но своего кульминационного развития идея создания целостного антропологического знания приобретает в философии Хомякова, Киреевского, Соловьёва, Бердяева, Флоренского, Луки-Войно Ясенецкого. При этом обращение к аскетизму, его значимости для человека полностью раскрывается в идеи создания цельного знания о мире и человеке. Так для Хомякова вера Христова была не доктриной и не каким-либо установлением; для

⁷ Кураев А. О вере и знании // Православная беседа. – Режим доступа: <http://www.pravbeseda.ru>.

⁸ Никифор, митр. Послание Владимиру Мономаху о посте // Эпистолярное наследие Древней Руси. Исследование, тексты, переводы / Перевод с др. славян. Понаренко Н.В. – СПб.: Искусство, 1992 – С. 83-87.

⁹ Сковорода Г.С. Диалог. Имя ему – Потом змеин // Сочинения / Пер. с укр. А.Н. Гордиенко. – Минск: Современный литератор, 1999 – С. 388.

¹⁰ Галактионов А.А. Русская философия IX – XIX вв.: Монография. – Л.: ЛГУ, 1989 – С. 39.

¹¹ Там же. С.54.

него она была жизнью, всецело обхватывавшею всё его существо¹². В свою очередь несогласие между наукой и религией понималось, как не действительное, а кажущиеся, которое привносится лишь в тех случаях, когда неправильно понимается Священное Писание или когда учёные считают свои отрасли знания непреложными¹³.

Метафизическую систему «цельного знания», опираясь на идеи Хомякова, Шопенгауэра и Гартмана, строит В.С. Соловьёв. «Цельное знание» объявляется философом высшей задачей и последним результатом умственного развития человечества, достижение данного возможно в синтезе науки, философии и религии. В связи с обоснованием своей системы В.С. Соловьёв обращается к конкретным областям знания, сводя атомистику к духовной монадологии, теологически объясняя эволюционную теорию. «Эволюционная низших типов бытия не может сама по себе создавать высших, но она производит материальные условия или даёт соответствующую среду для проявления или открытия высшего типа. Таким образом, каждое проявление нового типа бытия есть в известном смысле новое творение, но такое, которое менее всего может быть обозначено как творение из ничего, ибо, во-первых, материальной основой для возникновения нового типа служит тип прежний, во-вторых, и собственное положительное содержание высшего типа не возникает вновь из небытия, а, существует века, лишь вступает (в известный момент процесса) в другую сферу бытия, в мир явлений. Условия явления происходят от естественной эволюции природы; являемое – от Бога»¹⁴.

Особое внимание В.С. Соловьёв уделяет нравственному совершенствованию человека, смыслу его жизни, способности постижения истины. «На первоначальных степенях своего развития человек есть духовное существо более в возможности, чем в действительности, но именно эта возможность высшего бытия, выражающаяся в самосознании и самообладании, в противоположность слепой и не владеющей собою природе, – именно эта самосознательная и самообладающая духовная потенция и подвергается опасности со стороны плотской похоти... Плоть (т.е. животная душа как самостоятельная) сильна только слабостью духа, живет только его смертью. А потому и дух для своего сохранения и усиления требует ослабления плоти, перевода ее из действующего состояния в потенциальное. Таков реальный смысл выставленной нами выше нравственной нормы, или основоположения, гласящего, что плоть должна быть подчинена духу. Здесь же основание всякой практики настоящего нравственного аскетизма»¹⁵.

Таким образом, истинный или нравственный аскетизм освобождает дух из плена плотских страстей с целью служения нравственным идеалам, например, любви и состраданию. Осуществление духа в материи или одухотворение плоти есть, согласно В. Соловьёву, высшая и окончательная цель исторического развития, в достижении которой аскетический принцип играет немаловажную роль. Так как Божественная идея или идея всеединства заключается в единении всего человечества во внутреннем согласии каждого друг с другом, а её развитие и завершение полностью зависит от осуществления «всеединства в низших элементах»¹⁶, т.е. в гармоничной целостности как духовного, так и физического устремления к Богу.

К созданию целостной антропологии стремится Н.А. Бердяев. «Есть два способа рассматривания человека, сверху и снизу, от Бога и духовного мира и от бессознательных космических и теллурических сил, заложенных в человеке. Из тех, которые смотрели на человека снизу, быть может, наибольшее значение имеют Маркс и Фрейд, из писателей последней эпохи Пруст. Но целостной антропологии не было создано, видели те или иные стороны человека, а не человека целостного, в его сложности и единстве»¹⁷.

¹² Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000 – С. 35.

¹³ Сухов А.Д. Русская философия. Пути развития: Очерки теоретической истории. – М.: Наука, 1989 – С.153.

¹⁴ Цит.: Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Академический Проект, 2007 – С.139.

¹⁵ Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. – М.: Мысль, 1988 – С. 141.

¹⁶ Wetter G.A. Ursprunge und erste Entwicklung der russischen Philosophie: Gedanken zu einer Philosophie ihrer Geschichte // Geschichte der philosophischen Traditionen Osteuropas / Hrsg. Von H. Dahm, A. Ignatow. Darmstadt. 1996 – S. 15

¹⁷ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. Указ. соч. – С. 21.

В человеке, по мнению философа, реализуется единство материальных и духовных сил. Человек есть «продукт смешения духа с материей», он выступает как непосредственный участник неразрывной внутренней связи и постоянного взаимодействия духовных и телесных процессов. Современная техническая цивилизация эксплуатирует деятельные силы человека: «Этот актуализм, порожденный технической цивилизацией, в сущности, означает не активность, а пассивность человеческого духа. Человек пассивно подчиняется ускорению времени, требующего от него максимальной активности, как функции технического процесса, а не как целостной личности. Эта активность разрушает личность, целостный образ человека. Это сопровождается совершенной духовной пассивностью, замиранием духа и духовности. Созерцание же является активностью духа, сопротивлением человека по отношению к истерзывающему его процессу технического актуализма. Это связано с отношением времени и вечности, с возможностью пережить мгновение, выходящее из потока времени». (Бердяев Н.А. Дух и реальность)¹⁸. Таким образом, Н. Бердяев вслед за В. Соловьёвым обращается к духовной аскезе, направленной на концентрацию внутренней силы и созерцание мгновения, связанного с вечностью.

К синтезу «двух разумов (теоретического и практического) и трёх предметов знания и дела (Бог, человек и природа), из которых человек является орудием божественного разума и сам становится разумом вселенной», вместе с этим, к синтезу «науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхой как великим праздником и великим делом»¹⁹, – призывает Н.Ф. Федоров.

Проблема цельного, гармоничного видения мира, единого языка Бытия рассматривалась А.Ф. Лосевым. «Современность возжаждала синтеза более, чем всякая другая эпоха», – писал Лосев в своей ранней работе «Эрос у Платона» (1916). Процессы, которые совершаются в научном сознании в первой половине XX века, готовят возможность плодотворного синтеза религиозной веры и научного мировоззрения. Если «не злоупотреблять» религией и наукой, то возможен их плодотворный диалог, не оставляющий повода ни для религиозного индифферентизма, ни для обскурантизма, часто присущего религиозным людям»²⁰. При этом церковная жизнь, включающая аскетические практики, по мнению А.Ф. Лосева, способствует стремлению к истинному знанию и к вечным ценностям, ведёт к «умной жизни». «Каждый христианин есть инок – гражданин иного мира», и, «значит, надо как-то суметь быть не-от-мирным и в то же время быть в мире», как раньше, когда «под единым вечно голубым небом первохристианства» не было смысла делить «верующих на монахов и не-монахов»²¹.

Вера в обладание цельным знанием, является, таким образом, наглядной и характерной особенностью русской религиозной парадигмы. Данная же особенность имеет преемственность со второй характерной чертой, которая, исходя из идеи самосовершенствования личности на основе евангельских заповедей, в творчестве философов (Чаадаева, Хомякова, Соловьёва) развивается в идею создания Царствия Божия на земле, что противоречит эсхатологической идеи Ортодоксальной Церкви, но приобретает проповеднический, учительный характер в русской философии.

Впервые о возможности стать счастливым, и тем самым избежать «тлени» пишет Григорий Сковорода. Русскому философу близко учение древнегреческого философа Эпикура об удовольствии как предельном взаимопроникновении чувственной и разумной областей человеческого сознания. Счастье для Сковороды – это смысл жизни и полнота, это «целый человек», гармоничный и сердечный. Счастливая жизнь это непрерывный процесс самопознания, самосовершенствования и самореализации. Самодостаточность – обретение человеком себя, своего внутреннего «я», есть исполнение мысли Бога о нем: «Счастье в

¹⁸ Королькова Е.А. Смысл аскезы в философии Н.А. Бердяева. Феномен удовольствия в культуре. Матер. междунар. науч. форума 6-9.04.2004 г. – СПб.: Центр изучения культуры, 2004 – С.41.

¹⁹ Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1995 – С. 338.

²⁰ Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Бытие. Имя. Космос / Лосев А.Ф.; Составитель и редактор А.А. Тахо – Годи, М.: Мысль, 1993 – С.32.

²¹ Фудель С.И. Собр.соч.: В 3-х т. Т. 1. М., 2001. – С.247, С. 257.

сердце, сердце в любви, а любовь в законе вечном»²². И кто сможет познать Бога и «отбросить старое сердце», тот сможет стать «новым человеком», человеком – созданным для жизни вечной. И в то же время уже здесь на земле приблизиться к жизни божественной. Данное понимание соизмеримости человека с миром придаёт философии Сковороды мистическую окраску и в то же время приближает его учение к идее создания счастливо-го мир или Царства Божиего на земле.

«Царства Божьего на земле» в истории отечественной философии ищет П.Я. Чаадаев²³. В идею о возможности создания Царства Божьего на земле верил и В.С. Соловьёв. Мир в своём развитии, по мнению философа, проходит через два этапа. Первый этап (до человека) можно назвать эволюцией природы, а второй (человеческая деятельность) – историей. Конечным результатом развития мира является утверждение Царства Бога, которое «есть то же, что действительность безусловного нравственного порядка или, что то же, всеобщее воскресение и восстановление всех»²⁴.

Идея социализма, которая стала господствующей в России с конца XIX в., русскими религиозными философами так же понималась как идея возможного создания райской жизни на земле, но без веры в Бога. «Наступление социального рая – всё это вывернутая на изнанку религиозная идея конца истории, начала уже сверх исторического. В сознании своём социалисты утверждают, что процесс будет бесконечным; но в стихии своей утверждают конец, социалистический конец истории, исход, спасение человечества от всех бед и зол, обоготворения человечества»²⁵.

Обращение к человеку, его нравственности и свободе является объединяющим звеном между религиозной и научной философией, той преемственностью взглядов, которую признавали и признают сами философы как религиозные, так и представители философии науки (А.С. Хомяков, А.И. Герцен, А.Ф. Замалев, А.Н. Ромашов).

Отличительной же особенностью философско-научной антропологической парадигмы стало рассмотрения человека только частью природы, со всеми физиологическими и психическими процессами человеческого организма. Живой, научный интерес к человеку порождало само время новых открытий, реформ в области естествознания, науки (Л. Да Винчи, Парацельс, П.С. Лаплас, Ч. Дарвин, М.В. Ломоносов, И.П. Павлов и др.), которые не могли не влиять на философию и мировоззрение людей. Технологический прогресс стал объективным явлением, происходящим независимо от его оценок. Первоначальные предформулировки философско-научной антропологической парадигмы можно обнаружить в ренессансном гуманизме (Ф. Петрарка, Л. Бруни, Г. Веронезе), немецком романтизме (Г. Гейне, Г. Гегель, Ф. Шеллинг, Ф. Шлейермахер), французском Просвещении (Ф. Вольтер, Ж. Руссо, Д. Дидро), в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) И. Канта, по мнению которого человек сам для себя последняя цель²⁶. И если в средние века философия выступала в союзе с богословием, а в эпоху Возрождения – с искусством и гуманитарным знанием, то с XVII в. философия выступает в союзе с наукой о природе. Она стала уподобляться естествознанию, перенимая у него и стиль мышления, и принципы, и методы, и идеалы, и ценности. Формируется вера в безграничные возможности разума – неограниченный рационализм. Нет ничего, что человек не мог бы исследовать и понять. Так как именно природа («натура»), а не божественный дух является истинной «мировой субстанцией», «действительным бытием» с точки зрения мыслителей этой эпохи (Р. Декарт, Б. Спиноза, Лейбниц). Все люди как частички природы полностью подчиняются действию ее законов, включены в цепь мировой детерминации. всеобщая причинная необходимость, исключает случайность и определяет всю человеческую деятельность. В свою очередь и моральная ценность человеческих поступков детерминирована непосредственно характером его знаний о мире природы и о его собственном существовании. Степень

²² Сковорода Г.С. Начальная дверь к христианскому добронравию // Сочинения. – Минск: Современный литератор, 1999. – С.16

²³ Бердяев Н.А. Русская идея // Самопознание: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001 – С. 43.

²⁴ Цит.: Лосский Н.О. Указ. соч. – С.136-137.

²⁵ Там же. – С. 171.

²⁶ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения – СПб.: Наука, 1999 – С. 414.

же морального совершенства прямо пропорциональна тому, насколько человек руководствуется в своих поступках разумом. Поэтому совершенствование разума – главная цель нравственного существования личности (не истребление своих страстей, а преобразование их, подчиняя руководству разума).

Но разум и наука не самоцель, они должны нести пользу человеческому роду, увеличивать его власть над природой и быть источником и главным способом достижения человечеством равенства, братства, свободы, то есть состояния соответствия требованиям разума, Царства Разума.

Мысль о «разумности мира» – природы и общества красной линией проходит через всю философию XVII в., воплощаясь в XVIII в. в идею просвещения как главной движущей силы истории (П. Бейль, Д. Беркли, Б. Франклин, Вольтер), способной изменить мир, существующие обычаи, мораль, найти путём деятельности человеческого разума естественные принципы человеческой жизни (естественная религия, естественное право, естественный порядок экономической жизни и т. п.).

С реформами Петра I, которые ориентировали на сближение с Западной культурой, новый взгляд на человека, основанный на восприятии деятельной личности начинает формироваться и в России. Главным в человеке признаётся ум, жизненная активность, желание трудиться для «общего блага» и приносить «всенародную пользу». Образцом такой личности был и сам Петр. Осуждая аскетизм, праздность, тунеядство, возвеличивалась гармония души и тела, земная жизнь, труд. «Поскольку состоит человек из души и тела, то чтоб быть счастливому, надобно иметь обоим хорошее состояние. А потому, во-первых, должен он быть и разумом превосходить, и волею непорочен, и здравием озарён телесным, под именем которого расположение и красоту разуметь нужно»²⁷, – основатель «Учёной дружины Петра I» Феофан Прокопович.

Однако нравственный идеал, о котором говорили и писали в эту эпоху, ещё окончательно не был сформирован. Отобразив мораль, связанную с зародившимися буржуазными отношениями и представляющую интересы служивого дворянства, новое учение несло на себе печать переходного характера восемнадцатого столетия и в силу этого было внутренне противоречивым, соединяя в себе черты нового со старым, научного с религиозным (Я.П. Козельский, Д.М. Аничков, М.В. Ломоносов были сторонниками деизма²⁸). Лишь в первой четверти XIX столетия в русской философии появляется «человекоучение», которое можно отнести к философии науки. Родоначальником данной антропологической традиции принято считать последователя Шеллинга в России А.И. Галича. Человек, с точки зрения мыслителя, является средоточием телесного и духовного мира, в нём заключены воедино все «силы» и «стихии природы», «радиусы мироздания». Поэтому все науки, в особенности общественные нуждаются в антропологическом обосновании. Антропология раскрывает субъективный мир человека и создаёт предпосылки познания абсолютного начала, необходимые в первую очередь для философии. Антропология, по словам А.И. Галича, должна рассматривать человека в разуме общей природы, раскрывать состав человеческого существа, взаимоотношения его телесных и духовных функций и цели существования, так как человек всецело зависит от природы, составляя часть в её цепи, а телесные и духовные процессы имеют единый принцип своих отправления²⁹.

Независимо от возникшего в конце 30-х годов антропологического направления последователей Л. Фейербаха, А.И. Галич положил начало антропологической традиции, восприимчивыми которой были А.В. Никитенко, К. Фишер, будущие учителя Н.Г. Чернышевского. На протяжении 40-х годов философия петербургского профессора способствовала плавному переходу многих мыслителей на сторону антропологического материализма, к числу которых относятся В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.О. Огарев, Н.А. Спешнёв.

²⁷ Цит.: Ничик В.М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. – С. 138.

²⁸ Деизм выступал как удобная форма исключения Бога из жизни природы и человека. Роль Бога ограничивалась актом первотолчка, во всём остальном Его роль отрицалась, мир рассматривался с позиции своих внутренних закономерностей, толкуемых механически.

²⁹ Замалеев А.Ф., Малинов А.В., Орлова Т.В. Летопись русской философии. 862-2002 – СПб.: Летний сад, 2003 – С. 121.

Так в философии В.Г. Белинского человек является естественным порождением вещественной природы. «Самые отвлечённые умственные представления всё-таки суть не иное что, как результат деятельности мозговых органов, которым присущи известные способности и качества»³⁰, поэтому и «духовную природу человека не должно отделять от его физической природы, как что-то особенное и независимое от неё, но должно отличать от неё, как область анатомии отличают от области физиологии»³¹.

Но научный антропологический поворот в философии, как общепризнанное явление, совершается только в середине XIX в., когда впервые в «антропологическом принципе» Л. Фейербаха (в русской традиции Н.Г. Чернышевского) артикулируется совокупность антропологических концепций, возникших в неклассической и постклассической философии. Антропологический принцип провозглашает человека исходным пунктом и конечной целью философии, посредством человека следует всё сверхъестественное свести к природе, и посредством природы всё сверхчеловеческое свести к человеку³². Человек есть психофизическое единство, единство души и тела, так как духовное начало в человеке не может быть отделено от телесного, дух и тело – две стороны той реальности, которая называется организмом. Человеческая природа, таким образом, толкуется немецким философом преимущественно биологически, и отдельный индивид для него – не исторически-духовное образование, как у Гегеля, а звено в развитии человеческого рода.

Вслед за Л. Фейербахом, Н.Г. Чернышевский пишет о том, что «принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми её феноменами, служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков... эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке невидно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей природы, другую природу, то эта другая природа непременно обнаруживалась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как всё происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его природе, то другой природы в нём нет»³³.

Для официального марксизма в России, который утвердился в марксистско-ленинской философии (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, А.А. Богданов) в начале XX века, стало так же характерным утверждение философско-научного антропологического принципа, согласно которому на человека следует смотреть исходя из данных, установленных естествознанием, историческими науками и политической экономией. «Человек, – писал К. Маркс, – является непосредственно природным существом. В качестве природного существа он... наделён природными силами, жизненными силами, являясь деятельным природным существом, эти силы существуют в нём в виде задатков, и способностей, в виде влечений». В своей сущности, человек определяется, как «свёрнутое общество», а общество как «развернутый человек»³⁴.

В середине двадцатого столетия философско-научный антропологический принцип (берущий начало от Л. Фейербаха) дополняется «антропным принципом» современной космологии, устанавливающий зависимость существования человека от физических параметров Вселенной. (Тейяр де Шарден, Циолковский, Вернадский, Чижевский). Согласно взглядам философов космоистов интеграция человека с природой объективное условие, необходимость удовлетворения витальных потребностей человечества. Перемещение масс минерального вещества, открытие новых химических реакций, трансформация рельефа, связанное с возрастающей нагрузкой на ландшафты их преобразование, перестройка естественной гидрографической картины, изменение обменных процессов (энер-

³⁰ Цит.: Иовчук М.Т. Великий русский мыслитель // Белинский В.Г. Избранные философские сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1948 – С.35

³¹ Белинский В.Г. Письма / Избранные философские сочинения: В 2 т. Т.2. – М.: ОГИЗ, 1948 – С.528.

³² Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1955 – С. 307-316.

³³ Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Избранные философские сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Государственное издание политической литературы, 1951. – С. 185.

³⁴ Цит. Маркс. Философия. Современность / Под общ. ред. Т.И. Озейрман. – М.: Политиздат, 1988 – С. 278.

гетических, тепловых и др.), становящееся реальностью управление атмосферой – всё это результаты сознательного реализующей себя силы, имя которой Человек.

Но утверждение того, что человек является биосоциальным существом, философами и учёными (Л. Фейербах, Н.Г. Чернышевский, К. Маркс, И.П. Павлов и др.) признаётся его смертность, которая неизбежна и с которой «всё минуется»³⁵. В связи с этим и смысл жизни для человека заключается в стремлении к земному счастью и рассматривается как основа всей человеческой деятельности.

«Моя вера – это вера в то, что счастье человечеству даст прогресс науки. Я верю, что человеческий разум и его высшее воплощение – наука – избавят род людской от болезней, от голода, от вражды, уменьшат горе в жизни людей. Эта вера давала и даёт мне силы и помогает вести свою работу», – И.П. Павлов³⁶.

Стремление к счастью В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Л. Фейербах, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов считают естественным стремлением всего живого, природным началом человеческой жизни, которое выражается в воле и связано с ощущением. Но, учитывая то, что «только общественный человек является человеком»³⁷ и «Я» не может быть счастливым без Ты, «его собственное счастье самым теснейшим образом переплетается со счастьем его близких»³⁸. Стремление к личному счастью перерастает, таким образом, перерастает в нравственное стремление. А диктуемые стремлением к счастью обязанности по отношению к себе включают также обязанности по отношению к другим.

Знание того, что бессмертие есть иллюзия, согласно философии марксизма-ленинизма, освобождает людей от всякого рода озабоченности по поводу смерти. Это знание делает смерть в каком-то смысле неважной, оно освобождает всю энергию и время человека для осуществления и расширения счастливых возможностей на этой земле (и если не для себя, то по крайней мере, для своих потомков³⁹).

Рассмотрение философско-научной антропологии позволяют, таким образом, выявить константы, свойственные русской и западноевропейской философско-научной антропологической парадигмы: 1) человек природное и социальное существо; 2) психические и физические проявления результат физиологических процессов человеческого организма; 3) человек смертен; 4) смысл жизни человека выводится из объективно существующих фактов как идеал, который постоянно практически осуществляется. При этом, смысл жизни личности не может быть изолирован от смысла жизни других личностей, так как вне человеческих отношений он теряет всякое значение.

При наличии и сохранении философско-научных антропологических констант русская философско-научная антропологическая парадигма, так же как и русская религиозно-философская антропологическая парадигма имеет свойственные только ей характерные черты.

Одной из первых особенностей русской философско-научной антропологической парадигмы и русской философии вообще является то, что её нравственные начала неотделимы от русской жизни с её христианской духовностью. Русская философия изначально антропологична; формировалась как философия человека, об этом пишут Бердяев, Зеньковский, Замалев и др.

Можно говорить о том, что характерной чертой русской философско-научной антропологической парадигмы является рассмотрение человека как личности. Но само понятия личности в русской философско-научной традиции рассматривается с противоположной точки зрения, нежели религиозно-философское. Тема личности, как замечает И.И. Евлампиев, и признание её абсолютного значения в жизни человека, приходит через все сочинения А.И. Герцена, отражаясь в его эпистолярном наследии, дневниках,

³⁵ Радищев А.Н. О человеке, его смерти и бессмертии // Избранные философские сочинения – М.: Госполитиздат, 1949 – С. 311.

³⁶ Болондинский В. Куприянова Н. И.П. Павлов о религии // Здравый смысл. Великие учёные России. Зима 2005/2006 № 1 (38). – Режим доступа:

http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/38/bol_kup.htm. – С.1.

³⁷ Фейербах Л. Эвдемонизм //Избранные философские произведения: В 2 т.. Т. 1 – М.: Госполитиздат, 1955 – С. 617.

³⁸ Там же. – С. 619.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.1 – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 593-594.

«усиливаясь в последние годы жизни до своеобразного иррационалистического персонализма, не признающего ничего абсолютного в мире, кроме личности отдельного человека»⁴⁰. Абсолютная личность, по мнению философа, выражается в том, что изнутри самой себя, через свою свободу она призвана создать себе нравственный идеал и беспрекословно следовать ему. «Свободный человек создаёт свою нравственность... Незыблемой, вечной нравственности так же нет, как вечных наград и наказаний»⁴¹.

В защиту личности уже в XX веке вступается Э.В. Ильенков, один из наиболее оригинальных и самостоятельных мыслителей-марксистов советского периода, о чём свидетельствуют работы «Что же такое личность?», «Космология духа» и пр. Ильенков ратовал за планетарный подход к человеку, «диалектико-материалистически» сочетая в своих воззрениях космологию и толстовство. Философа не удовлетворяла перспектива развития человечества, нарисованная марксизмом, которую он называл абстрактной, а потому – неверной. Для полного установления гармоничного государства и окончательного упразднения отчуждения необходимо превращение «каждого индивида на Земле в высокоразвитого и универсального индивида, ибо только такое общество таких индивидов уже не будет нуждаться во «внешней», в «отчуждённой» регламентации его деятельности, в товарно-денежной, в правовой, в государственно-политической и других формах управления людьми»⁴².

Важности личностного подхода в науке признавал В.И. Вернадский. «Организованная научная мысль» может быть создана только при отвлечённой работе отдельных личностей – в анализе, в размышлении над правильностью логических утверждений – (в создании логики) – в искании основных обобщающих идей... Это могло иметь место тогда, когда личность смогла проявить свою волю в обществе, сохранить её в свободной среде, проникнутой неизбежной рутинной тысячей поколений. Наука и научные организации создались, когда личность стала критически вдумываться в основу окружающих знаний и искать свои критерии истины»⁴³.

Не сменой формаций, а деятельностью личностей, пассионарией изменяется мир, с точки зрения Л.Н. Гумилёва. «Пассионарность – это признак, возникающей вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию... Пассионарии стремятся изменить окружающее и способны на это»⁴⁴.

Обращение к проблеме личности приводит к вопросу об обществе, к проблеме создания новой государственной системы. Учитывая то, что социальный вопрос является основным вопросом русской философии представители философии науки, как и религиозные мыслители, идее преобразования государства уделяют особое внимание. В связи с этим второй характерной чертой составляющей понятие философско-научной антропологической парадигмы стал напряжённый интерес к человеческому началу социальной жизни, политики, власти, которая, очевидно, была наиболее полно реализована в «научном социализме».

Идея научного социализма (коммунизма), одна из основных идей марксизма-ленинизма, раскрывающая общие закономерности, пути и формы классовой борьбы пролетариата, социалистической революции, построения социализма и коммунизма. Главной задачей, при этом, является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе развития техники. «Работать из сознания необходимости работать на общую пользу», есть высшая степень развития социализма, – В.И. Ленин (декабрь 1919)⁴⁵.

⁴⁰ Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках: Русская философия в поисках абсолюта. – СПб.: Алетейя, 2000 – Ч.1. – С.86.

⁴¹ Герцен А.И. С того берега //Собрание сочинений. В 9 т. Т.3. – М.: Госхудлитиздат, 1956 – С. 360.

⁴² Ильенков Э.В. Гегель и отчуждение // Философия и культура. – М.: Наука, 1991 – С. 151

⁴³ Вернадский В.И.. Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере // Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991– С. 60-61.

⁴⁴ Гумилёв Л.Н. Вместо предисловия // От Руси к России: очерки этнической истории. – М.: Экспресс, 1992. – С. 15.

⁴⁵ Ленин. В.И. Речь на I съезде земледельческих коммун // ПСС, т. 39 – С.380.

В конце XX начале XXI вв. идее создания социалистического государства в русской философии науки уделяют внимание В. Лекторский, А. Субетто и др. Философами вводится новое понятие Ноосферизм, которое соединяет учения о социализме и учение о ноосфере В.И. Вернадского, связанное с более глубоким исследованием оснований становления будущей ноосферы со стороны человека, т.е. антропогенных, социальных, экономических, политических оснований, дополняющих естествоведческую позицию В.И. Вернадского и его последователей.

«Ноосферный социализм или Ноосферизм есть социализм», при котором, как замечает, А.И. Субетто, действует примат духовных потребностей над материальными, поэтому этот социализм можно назвать духовным. В пространстве этого социализма человек сознательно должен ограничивает свои материальные потребности до уровня общественно необходимых потребностей, связанных как с обеспечением расцвета культуры, творчества человека, его всестороннего, гармоничного развития, так и с решениями экологических проблем, с обеспечением динамической социоприродной гармонии, сохраняющей разнообразие природы и этногенетическое, культурное разнообразие человечества. Именно последняя характеристика дает основания назвать такой «социализм экологическим»⁴⁶.

Подводя итог рассмотрению понятий религиозно-философской и научно-философской антропологических парадигм в русской философии, можно утверждать, что в отечественной философии и мировосприятии русского общества сформировались две антропологические парадигмы религиозная и научная.

Понятие русской религиозно-философской антропологической парадигмы формируется в процессе развития русской философии, под влиянием святоотеческого наследия и западноевропейской философской мысли. Характерными чертами русской религиозно-философской антропологической парадигмы стали: во-первых, стремление к обладанию целостным знанием с осуществлением в своей жизни телесной и духовной аскезы, которая способствует сообразности мысли единству истины, когда снимаются антиномии, устраняются их психологические условия, а мысль достигает иной, высшей стадии своего развития, способствуя осознанному синтезу религиозного и научного антропологического знания, утверждая, что перед духовным взором человека – Бог и духовный мир, перед телесным взором – мир вещественных.

Во-вторых исходя из нравственного самосовершенствования личности провозглашается идея возможности развития соборного (А.С. Хомяков), всеединого (В.С. Соловьёв), гармоничного (А.Ф. Замалеев), русского общества и государства.

В свою очередь понятие русской философско-научной антропологической парадигмы складывалось в связи с дифференциацией философии и науки от религии и интерпретацией Западной материалистической философии. Характерными особенностями данной парадигмы является: во-первых, рассмотрение человека как личности. Личность – человек, который из себя самого, через свою свободу призван создать себе нравственный идеал и следовать ему беспрекословно (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский). В конце XX – начале XXI вв. данное понятие дополняется учением о неразрывной взаимосвязи человека и космоса, пассионарности (Вернадский, Гумилёв, Субетто).

Во-вторых, вопрос о личности подводит русских философов к проблеме построение нравственного социалистического государства. Идея социализма приобретает актуальность в XIX в., в первой четверти XX в. научный социализм (коммунизм) – господствующая идеология марксизма-ленинизма, в XXI в. Ноосферный социализм или Ноосферизм, в русской философии науки, выступает как новое учение о будущем Земли (В. Лекторский, А. Субетто).

Список литературы

1. Философия: энциклопедический словарь / Под. ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2006 – 1072 с.

⁴⁶ Субетто А.И. Мировой экономической кризис в начале XXI века как часть эпохи Великого Эволюционного перелома в развитии // Санкт-Петербургский горком. КИПРФ. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/64862.html. – С.2

2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А.Ф. Лосев – М.; Харьков: АСТ: Фолио, 2000 – 960 с.
3. Столович Л.Н. История русской философии: Очерки / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 2005 – 495 с.
4. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды / Н.А. Бердяев Ред. сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Московский-психологический социальный институт: Флинта, 1999 – 312 с.
5. Зноско-Боровский М. Сравнительное богословие: Православие, римо-католичество, протестантизм и сектанство / М. Зноско-Боровский– М.: Артос-Медиа, 2003 – 256 с.
6. Кураев А. О вере и знании // Православная беседа / А. Кураев. – Режим доступа: <http://www.pravbeseda.ru>. – 48 с.
7. Никифор, митр. Послание Владимиру Мономаху о посте // Эпистолярное наследие Древней Руси. Исследование, тексты, переводы / Перевод с др.славян. Понаренко Н.В. – СПб.: Искусство, 1992 – С. 83-87.
8. Сковорода Г.С. Диалог. Имя ему – Потом змеин // Сочинения /Пер. с укр. А.Н. Гордиенко. – Минск: Современный литератор, 1999 – С. 345-400.
9. Галактионов А.А. Русская философия IX – XIX вв.: Монография / А.А. Галактионов., П.Ф. Никандров; Рец.: И.К. Пантин, В.Г. Хорос; ЛГУ; М-во высшего и среднего специального образования РСФСР. – Л.: ЛГУ, 1989 – 744 с.
10. Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях / В. Кошелев. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 505 с.
11. Сухов А.Д. Русская философия. Пути развития: Очерки теоретической истории / А.Д. Сухов; Отв. ред. Н.Ф. Уткина; АН СССР; Ин-т философии. – М.: Наука, 1989 – 207 с.
12. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Академический Проект, 2007 – 551 с.
13. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: В 2 т.. Т. 2 / В.С. Соловьёв; Сост., общ. ред.: А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; АН СССР; Ин-т философии. – М.: Мысль, 1988 – С.47-548.
14. Wetter G.A. Ursprung und erste Entwicklung der russischen Philosophie: Gedanken zu einer Philosophie ihrer Geschichte // Geschichte der philosophischen Traditionen Osteuropas / Hrsg. Von H. Dahm, A. Ignatow. Darmstadt. 1996 – S. 15.
15. Королькова Е.А. Смысл аскезы в философии Н.А. Бердяева. Феномен удовольствия в культуре. Матер. междунар. науч. форума 6-9.04.2004 г. / Е.А. Королькова. – СПб.: Центр изучения культуры, 2004 – С. 38-41.
16. Королькова Е.А. Смысл аскезы в философии Н.А. Бердяева. Феномен удовольствия в культуре. Матер. междунар. науч. форума 6-9.04.2004 г. / Е.А. Королькова. – СПб.: Центр изучения культуры, 2004 – С. 38-41.
17. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез // Собрание сочинений: В 4-х т Т. 1. / Н.Ф. Федоров.; Ред. М.А. Колеров; Сост., подг. текста и коммент.: А.Г. Гачевой, С.Г. Семёновой. – М.: Прогресс, 1995 – С. 338-441.
18. Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Бытие. Имя. Космос / А.Ф. Лосев; Соста. и ред. А.А. Тахо – Годи, М.: Мысль, 1993 – С. 7-145.
19. Фудель С.И. Собрание сочинений: В 3 т.. Т. 1. Воспоминания. У стен Церкви. Воспоминания об отце Николае Голубцове. Моим детям и друзьям. Письма / С.И. Фудель; Сост. и коммент.: прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной; Предисл. прот. В.Н. Воробьева; Худ. В.А. Стулов. – М.: Русский путь, 2001 – 648 с.
20. Сковорода Г.С. Начальная дверь к христианскому добронравию // Сочинения / Сковорода Г.С.; Пер. с укр. А.Н. Гордиенко. – Минск: Современный литератор, 1999. – Минск: Современный литератор, 1999. – С.16-25.
21. Бердяев Н.А. Русская идея // Самопознание: Сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001 – С.11-248.
22. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – СПб.: Наука, 1999.
23. Ничик В.М. Феофан Прокопович / В.М. Ничик – М.: Мысль, 1977 – 192 с.
24. Замалеев А.Ф., Малинов А.В., Орлова Т.В. Летопись русской философии. 862-2002 / А.Ф. Замалеев, А.В. Малинов, Т.В. Орлова. – СПб.: Летний сад, 2003 – 350 с.
25. Иовчук М.Т. Великий русский мыслитель // Белинский В.Г. Избранные философские сочинения: В 2 т. Т. 1. / В.Г. Белинский; Под общ. ред. М.Т. Иовчука, З.В. Смирновой – М.: ОГИЗ, 1948. – С.5-53
26. Белинский В.Г. Письма / Избранные философские сочинения: В 2 т. Т.2. / В.Г. Белинский; Под общ. ред. М.Т. Иовчука, З.В. Смирновой. – М.: ОГИЗ, 1948 – С. 523-550.

27. Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. М.М. Григорьяна; Пер. с нем.; АН СССР; Институт философии. – М.: Госполитиздат, 1955 – С.7-316.
28. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Избранные философские сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1951 – С.162-254
29. Маркс. Философия. Современность / Под общ. ред. Т.И. Озейрман. – М.: Политиздат, 1988 – 414 с.
30. Радищев А.Н. О человеке, его смерти и бессмертии // Избранные философские сочинения. / А.Н. Радищев; Под общ. ред. и с предисл. И.Я. Щипанова; АН СССР; институт философии. – М.: Госполитиздат, 1949 – 558 с.
31. Болондинский В. Куприянова Н. И.П. Павлов о религии // Здравый смысл. Великие учёные России. Зима 2005/2006 № 1 (38). / В. Болондинский Н. Куприянова Режим доступа: http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/38/bol_kup.htm. – 3 с.
32. Фейербах Л. Эвдемонизм // Избранные философские произведения: В 2 т.. Т. 1 / Под общ. ред. М.М. Григорьяна; Пер. с нем.; АН СССР; Институт философии. – М.: Госполитиздат, 1955 – С. 578-641.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1955 – С. 593-594.
34. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках: Русская философия в поисках абсолюта / И.И. Евлампиев. – СПб.: Алетейя, 2000 – Ч.1. – 414 с.
35. Герцен А.И. С того берега // Собрание сочинений. В 9 т.. Т.3. / А.И. Герцен; Подгот. текста Л.Я. Гинзбург; Пер. с фр. С.И. Рошаль. – М.: Госхудлитиздат, 1956.
36. Ильенков Э.В. Гегель и отчуждение // Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М.: Наука, 1991.
37. Вернадский В.И.. Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере // Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский; Ответ ред. А.Л. Яшин. – М.: Наука, 1991 – С. 13-83.
38. Гумилёв Л.Н. Вместо предисловия // От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н. Гумилёв; Послеслов. С.Б. Лавров. – М.: Экспресс, 1992. – С.7-18.
39. Ленин. В.И. Речь на I съезде земледельческих коммун // ПСС / В.И. Ленин. – Т. 39.
40. Субетто А.И. Мировой экономический кризис в начале XXI века как часть эпохи Великого Эволюционного перелома в развитии // Санкт-Петербургский горком КПРФ / А.И. Субетто – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/64862.html – 8 с.

CONCEPT OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL AND PHILOSOPHICAL-SCIENTIFIC ANTHROPOLOGICAL PARADIGMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

V.P. BABINTSEV¹⁾
O.A. KRIVENKO²⁾

*¹⁾ Belgorod National
Research University*

*e-mail:
@ Babintsev@bsu.edu.ru*

*²⁾ Belgorod state agricultural
academy*

e-mail: @ aoronna@yandex.ru

The article considers the problem of formation of concepts of development of religious-philosophical and philosophical-scientific anthropological paradigms in Russian philosophy. On the basis of the analysis of the West-European and Russian anthropology the constants of a religious-philosophical anthropological paradigm uniting the western and Russian philosophy are revealed. The rationalistic approach to definition of the person constants of a philosophical-scientific anthropological paradigm of the West-European and Russian philosophy is considered in the paper. Definitions are given to concepts to Russian religious-philosophical and philosophical-scientific anthropological paradigms, with a designation of prominent features of Russian philosophical idea.

Key words: anthropology, paradigm, person, religion, science, God, nature, integral knowledge.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ЭТИКЕ И ПСИХОЛОГИИ

С.В. ВАРАВА

*Воронежская государственная
лесотехническая академия*

e-mail:
varava31@gmail.com

В статье рассматриваются особенности взаимоотношения этики и психологии, как дисциплин, претендующих на антропологическое лидерство в культуре. В этом контексте исследуются методологические и онтологические основания этики и психологии, выявляются черты их сходств и различий. Показано, что главная проблема человека ставится и решается по-разному в этих антропологически схожих дисциплинах.

Ключевые слова: этика, психология, массовая психологическая культура, философия, антропология, психические процессы, сознание, смысл жизни.

Современную эпоху М. Хайдеггер в статье «Гегель и греки» характеризует как эпоху, когда «...распад философии становится очевидным; ибо она растекается в логику, психологию и социологию. Эти самостоятельные сферы исследования обеспечивают за собой возрастающее значение и широкое влияние в качестве функциональных форм и эффективных орудий политически-экономического, т. е. в существенном смысле технического мира»⁴⁷.

Таким образом понятое появление психологии как самостоятельной отрасли знания, имеющей, по Хайдеггеру «возрастающее значение и широкое влияние», становится возможным в ситуации «распада философии». Значит ли это, что влияние психологии возрастает по мере убывания влияния философии? И если это так, то необходимо прояснить вопрос о том, произошла ли в самой философии утрата чего-то существенного, что обеспечивало человеку его осмысленное и достойное бытие и на смену чему пришло психологическое замещение?

***

Взаимоотношения этики и психологии, а в более широком контексте – философии и психологии, носят давний, глубокий и многомерный характер. Сегодня наблюдается новый виток этих взаимоотношений, который обусловлен новой фазой *антропологического кризиса*, отстраняться от которого ни этика, ни психология просто не имеет права. По словам В. П. Зинченко: «Психология должна осознать душевный кризис с тем, чтобы потом вернуться к душевному делу, которым она когда-то занималась»⁴⁸. Или более жесткие слова того же автора: «Если академическая психология не сделает решительных шагов в сторону практики, последняя вообще уйдет от психологии, от чего проиграют обе»⁴⁹.

«Душевный кризис» – это одновременно и кризис в самой психологии, утратившей «душу» как главную предметную субстанцию своей науки, и кризис самой культуры, также утратившей душу, которая, по мысли А. Швейцера, есть ни что иное, как *этика*. Кроме этого, существенным аспектом данной проблемы является общая ситуация в области психического здоровья современного человека, которое продолжает оставаться весьма тревожным: «Примерно 70% россиян постоянно находятся в состоянии стресса, а треть всего населения – в состоянии сильного и затяжного стресса. Ритм жизни человека в современном обществе оставляет ему все меньше и мень-

⁴⁷ Хайдеггер М. Гегель и греки // М. Хайдеггер / Время и бытия: Статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С.381.

⁴⁸ Зинченко В.П. Психология на качелях между душой и телом // Психология телесности между душой и телом. – М. : АСТ, 2007. – С.33.

⁴⁹ Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // Человек. 2010. №2. – С.34.

ше времени на проведение комплекса восстановительных процедур»⁵⁰. Совершенно очевидно, что остро-болезненную ситуацию, связанную с запущенным состоянием психического здоровья, не решить одними только психологическими мерами. Нужна целостная оздоровительная программа, в которой этический компонент занимал бы существенное место.

Иными словами, сегодня как никогда актуальна *реализация глубинных взаимосвязей этики и психологии*, которая может способствовать выработке целостной антропологической парадигмы, в которой нуждается и общество, и отдельные люди. Для того, чтобы эта реализация была продуктивна, необходимо рассмотреть ключевые точки соприкосновения этики и психологии, а также, не мене ключевые линии их расхождения, обусловленные различным антропологическим статусом этих дисциплин. Это необходимо для того, чтобы осознать *границы этики и психологии в подходах к человеку*, иначе, необходимо понять, на что может претендовать этика, и соответственно, психология, а на что нет.

В историко-философской проекции взаимодействие этики и психологии представляется возможным рассматривать с различных углов зрения. Так, одна из наиболее распространенных точек соприкосновения этики и психологии проходит по линии *психологии морали*. Если этика занимается оценкой нравственного мотива, то причины возникновения мотивов поведения могут изучаться психологией. И здесь имеется богатое поле для плодотворного сотрудничества, равно имеющего отношение как к истории и теории этики, так и к психологии.

При исследовании исторических форм становления психологии выявляется *этико-философский исток психологии*. Учение о душе, то есть о специфических человеческих свойствах изначально принадлежит Аристотелю. В дальнейшем произошла автономизация научной психологии, которая выделилась в самостоятельную область исследования, которая, однако, вышла именно из «этико-философского лоно». По словам Э. Фромма, выделение психологии из этики произошло сравнительно недавно.

Безусловно, огромный и важный пласт соприкосновения этики и психологии имеет место в *психоэтике*, то есть в сфере профессиональной этике психолога. Здесь речь идет, прежде всего, об этике психологического эксперимента. Возникающая этическая проблематика именно в психологическом эксперименте особенно важна, поскольку здесь испытуемым являются сам человек, и вопросы травмирования психики и возможного унижения человеческого достоинства являются вопросами этического порядка.

Кроме вышеперечисленных «точек» соприкосновения и взаимодействия этики и психологии это пересечение имеет место в *психоанализе, социальной психологии, экзистенциальной психиатрии*, в вопросах *нравственного воспитания личности*. Все это области глубокого междисциплинарного взаимодействия этики и психологии, возможного благодаря тому, что общим «предметом» исследования является человек. Человек – это то, что наиболее сильно объединяет этику и психологию, но вместе с тем, это то, что их наиболее сильно разъединяет, разводя, выражаясь образно, по разные стороны «антропологических баррикад».

Каково же существенное различие этического и психологического *образа человека*, которое не позволяет поставить знак равенства между этикой и психологией, в результате которого происходит вытеснение этики психологией? Такое вытеснение имеет место в современной «массовой психологической культуре», что является проблемой для этико-философского анализа сложившейся ситуации.

Наиболее существенное различие между этико-философским и психологическим воззрением на человека заключается в том, что в этике и в философии человек предстает, прежде всего, как *проблема*, требующая глубочайшей *нравственной рефлексии*, в то время как в психологии человек как таковой проблемой не является, поскольку он воспринимается в своем наличном бытии как нечто естественное и окон-

⁵⁰ Андреев И.Л., Березанцев А.Ю. Взаимосвязь психического и соматического здоровья человека // Человек. 2010. №2. – С.136.

чательное. Соответственно, и различные методы изучения человека, и различные телеологические установки по отношению к его бытийной судьбе.

В строгом смысле говорить о проблеме человека возможно лишь в этическо-философском, а не психологическом контексте, поскольку именно в философии проблемность человеческого существования тематизирована в качестве онтологического первоисточника самого философствования как такового. Но отсутствие именно такой точки зрения в психологии, которая тоже претендует на определенное целостное понимание человеческой природы, дает нам существенные критерии в понимании того, чем отличается этика от психологии в плане постижения человека.

В своей работе «Бытие и сознание» С. Л. Рубинштейн в разделе «О человеке: проблема личности в психологии» дал наиболее лаконичное и однозначное понимание того, что есть этическое и каково *место этики в психологии*. Он пишет: «Человек – это большая тема мировоззренческого плана и прежде всего этического порядка (при этом этическое для нас никак не сводится к морали в смысле морализирования, в смысле нравочужения со стороны; проблема этического – проблема самой сущности человека в его отношении к другим людям)»⁵¹.

Этика, в понимании С. Л. Рубинштейна наиболее полно и глубоко выражает суть человеческого, так как относится к его сущности. В этом смысле совершенно очевидно, что этика выше психологии в плане постижения человека в его целостности. Для того, чтобы более глубоко осознать это положение, необходимо рассмотреть некоторые существенные различия, которые определяют этический и психологический взгляд на человека.

Важным аспектом рассматриваемой темы является факт *возросшей проблемности человека* в современной философской культуре. Это парадоксальная ситуация, когда баснословный рост различных эмпирических (в том числе и психологических) знаний не дает совершенно никакого прироста в интегральное знание; более того, наблюдается *обратная пропорциональность между количественным ростом фактического знания о человеке и уменьшением качества понимания самого человека*. Налицо *оппозиция философии и науки*, приобретающая в современной культуре новое измерение. Глобальный антропологический кризис, который возник в ситуации гигантского скачка научно-технического прогресса – явное подтверждение этому.

Одним из первых западноевропейских философов XX века, в полной мере осознавшим данную ситуацию, был М. Шелер. В своей работе «Положение человека в космосе» он так описывает сложившееся положение вещей: «...у нас есть естественно-научная, философская и теологическая антропология, которым нет друг до друга никакого дела, *единой же идеи человека у нас нет*. Кроме того, возрастающие в числе специальные науки, занимающиеся человеком, как бы ценны они ни были, больше *скрывают сущность человека, чем проясняют ее*». В итоге, говорит Шелер, «...еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время»⁵².

Комментируя эти слова Шелера, Э. Кассирер высказывает не менее существенные мысли: «Такова странная ситуация, в которой находится современная философия. Никогда ранее не было таких благоприятных возможностей познания, таких разнообразных источников наших знаний о человеке. Психология, этнография, антропология и история собрали поразительно богатую и постоянно растущую массу фактов». Но, как говорит Кассирер, богатство фактов – еще не богатство мыслей: «ведь даже если мы соберем и скombинируем все данные о человеке, мы все равно получим лишь бедную и фрагментарную – словно туловище без головы и ног – картину человеческой природы»⁵³.

⁵¹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб. : Питер, 2003. – С.268.

⁵² Шелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – С.133-134.

⁵³ Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С.26, 4.

Человек как целое ускользает от исследовательского взгляда. Иными словами, психологическое изучение человека, как и всякого другого, основанное на эмпирической основе, не способствует росту философского знания (то есть понимания) того, что есть человек. Весьма примечательно то, что в послесловие к знаменитому сборнику «Проблема человека в западной философии» (1988) П. С. Гуревич писал: «Что такое человек? В чем его природа, сущность, предназначение? От чего зависит смысл и ценность человеческой жизни? Каковы кардинальные проблемы человеческого существования? Как складываются судьбы гуманизма сегодня? В чем специфика философского постижения человека? Эти и другие аналогичные вопросы, определяющие содержание философско-антропологической мысли, находятся сегодня в центре внимания многих ученых»⁵⁴.

Вопросы, несколько странные для любой иной науки о человеке, кроме философии. Но именно в этом и заключен уникальный, *проблемный взгляд на человека*, который со временем не исчезает, а становится еще острее и напряженнее. Размышления Х. Плеснера, А. Гелена, Х. Ортеги-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Э. Финка, Г. Марселя и др. наглядно подтверждают это. Совершенно очевидно, что такой, проблемный взгляд философии на человека в корне отличается от взгляда психологии. Не вдаваясь в углубленное рассмотрение предмета психологии, можно отметить такие ее инвариантные характеристики, как исследование *природы сознания* и исследование *поведения*, которые воспроизводятся на всем исторически известном периоде ее существования. При этом исследование психики, которая, как правило, ассоциируется с сознанием, является приоритетным. Современный американский историк психологии Т. Лихи подтверждает эту мысль в следующих словах: «Сейчас, на протяжении последнего десятилетия – настоящей эпохи мозга – надежды первых психологов на физиологию заслуживают уважения. Они надеялись, что психологические процессы можно связать с физиологическими, но затем, на протяжении почти всего XX века, психология отошла от физиологической ориентации. Однако сегодня, вооружившись новейшими методиками исследования мозга, психологи вернулись к исходным поискам»⁵⁵.

В этом сущность научной психологии, занимающейся сознанием, начала которой было положено В. Джемсом в его книге «Научные основы психологии», американский философ и психолог трактует психическую деятельность человека в терминах «поток сознания», в котором доминирующую роль играют волевые и эмоциональные начала. Наиболее важная роль в сознании принадлежит инстинктам и эмоциям, поскольку посредством последних человек приспосабливается к окружающей среде⁵⁶. С. Л. Рубинштейн, критикуя интроспективную психологию, которая определяла психическое как явление сознания, связывал психическое с *деятельностью*, которая проявляется в *поведении*. Тем самым, сознание индивида как бы «размыкается» не только к предметному миру, но вместе с тем и по отношению к общественному сознанию»⁵⁷.

Сознание оказывается опосредованной общественной сущностью и социальной деятельностью. Л. С. Выготский выразил сущность этого подхода весьма лаконично: «Психику следует понимать как особо сложные формы структуры поведения»⁵⁸. В такой же тональности говорит А. Н. Леонтьев: «Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания»⁵⁹. Однако, в данном случае речь идет лишь о смене содержания сознания, при удержании его в качестве главного предмета психологии. В любом случае, как бы ни понимать сознание, с чем бы его не связывать, оно не исчерпывает всей полноты человеческого бытия. В этом проявляется принцип

⁵⁴ Гуревич П.С. Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С.504.

⁵⁵ Лихи Т. История современной психологии. – СПб. : Питер, 2003. – С.13.

⁵⁶ Джемс У. Научные основы психологии. – М. : Харвест, 2003. – 528 с.

⁵⁷ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2007. – С.17-18.

⁵⁸ Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М. : Педагогика, 1991. – С.65.

⁵⁹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1977. – С.157.

антропологической редукции, который становится наиболее существенным *методом психологии*, к какому бы направлению она не принадлежала.

Антропологическая редукция создает *образы человека в психологии*, которые являются для нее основополагающими. А. Г. Асмолов отмечает, что в психологии в течение многих лет сформировалось несколько образов человека:

- человек ощущающий;
- человек как вместилище нужд, инстинктов, потребностей;
- человек как система реакций, человек реагирующий;
- человек-деятель⁶⁰.

Все эти образы говорят о том, что психология имеет дело всегда с какой-то частной характеристикой человека (ощущения, инстинкты, потребности, деятельность и т. д.), которая детерминируется его эмпирическими свойствами, никогда не достигая целостного образа; возможно и не ставя даже вопрос о целостности человеческого бытия. В этом контексте понятие «личность» в отличие от понятия «человек» позволяет избежать целостности, сконцентрировавшись на какой-либо частности, «осколочном» признаке человека.

Если обратиться к философскому пониманию этики, то, так же не вдаваясь в углубленное рассмотрение предмета, можно все же определить некоторые сущностные черты, в которых проявляется отличие этики от психологии. В. П. Фетисов воспринимает *мораль как бытийное явление*, в которой заключена самая главная сущность жизни. В книге «Философия морали. Тоска по русскому аристократизму» он пишет: «В морали есть что-то настолько важное для бытия, что не позволяет рассматривать ее только лишь как одно из свойств общества или личности. Она выражает специфику и сущность самой человечности». Из этого следует нравственная сущность философии, которая «вопросует, как жить человеку в этом мире и какой образ жизни благороднее и возвышеннее. Вот этим поиском нравственно-благородных способов восприятия жизни во всех ее конкретных проявлениях и должна заниматься философия морали»⁶¹.

Другой современный философ В. Малахов в работе «Три этики: к типологии этического сознания» стремится дать «целостное представление этического сознания как такового». Выделенные им три типа этики отражают фундаментальную инвариантную сущность предмета этики, каковым, согласно автору выступает «неистребимая человеческая нравственность». Первый тип этики философ называет «*этикой благой жизни*», которая укоренена в античной традиции с ее идеалами созерцаемой целостности и гармонического устройства бытия; второй тип – «*этикой долга*», нашедшей наибольшее воплощение в кантовской моральной философии; третий тип – «*этикой призвания*», основанной на диалогической философии призвания и ответственности.

Все три типа этики объединены тем, что обращают жизнь человека к чему-то большему, чем он сам. Целостность человеческого бытия свершается в предстоянии некоей абсолютной нравственной инстанции, которая наполняет жизнь истинным смыслом. Особенно сильно это проявляется в этике призвания, которая становится *этикой жертвенности*, «...смирения, терпения, не знающих усталости и не помнящих о себе сострадания, милосердия, любви. Этику, обходящуюся без всеобщих правил и прецедентов, свершаемую тихим решением сердца. Этику, вопреки страху неосуществления и тяжести невыполненных долгов, дарующую трудную легкость пробуждающегося доверия к миру»⁶².

Этих упоминаний современных философов, рефлектирующих над сущностью этики, вполне достаточно, чтобы понять, что первое (и, пожалуй, главное) различие

⁶⁰ Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М. : Смысл, 2001. – С. 59-60.

⁶¹ Фетисов В.П. Философия морали. Тоска по русскому аристократизму // В.П. Фетисов / Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. – Воронеж: ВГЛТА, 2011. – С.14, 15.

⁶² Малахов В. Три этики: к типологии этического сознания / Виктор Малахов // Уязвимость любви. – К. : ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – С.127.

между этико-философским и психологическим образами человека проходит по линии *часть/целое*. Чему бы не посвящала себя психология (сознанию, психическим процессам, мотивациям, эмоциям, когнитивным способностям и т. д., это всегда лишь часть человека, в то время как философию волнует человек как целое. Бинарная, дуалистическая антропология, основанная на психофизическом параллелизме – основания психологии; и, если так можно выразиться, «антропология тайны», в которой человек есть искомое самого себя – основания этики и философии.

Исходя из этого, следует еще одно существенное различие в отношении к человеку, сложившемуся в этике и психологии. Оно основывается на том, что если психология озабочена *сущим*, то этика – *должным*. «Сущее психологии» – это наличное состояние человека в его естественных характеристиках; «должное этики» – это предельно искомое, идеальное состояние человека – то, каким он должен быть, а не каким является. В этом смысле этика заставляет человека совершать нравственно-волевое усилие по преобразованию своего наличного состояния в сторону должного, в то время, как психология такой задачи не ставит и не может ставить.

Весьма интересные и продуктивные мысли относительно соотношения сущего и должного, что является демаркационной линией, разделяющей этику и психологию, высказали Ю. А. Шрейдер и Н. Л. Мухелишвили в дискуссии, посвященной отношениям психологии и этики. Ю. А. Шрейдер поставил под сомнение вообще возможность взаимоотношения этики и психологии, исходя из их глубинных методологических и онтологических противоречий: «А есть ли такое взаимоотношение? Ведь в принципе они противоречат друг другу. Это парадоксально, но это факт. Психология построена на том, что человек действует, думает, чувствует, развивается по некоему Закону, на основе которого можно извне направлять, детерминировать путь человека. Этика же исходит из противоположной установки – свободы воли: только тогда и становится возможным сам этический поступок. Поступок возникает ни почему, как свободный акт воли. Этика основывается на том, что я делаю так, как хочу – потому, что мне так хочется. А психология изучает именно то, что же мне хочется.

Это не отрицание психологии, это различие ее с этикой. Психология показывает, как происходит этическое поведение: какие механизмы приводят к ощущению трудности поступка, что в человеке сопротивляется ему, какие механизмы приводят к отказу от поступка. А этика по своей сути антипсихологична. Как ее не волнует. Ее интересует содержание поступка, а не психологический фон. Именно поэтому в жизни этическое призвано контролировать психологическое. Так и должно быть, а не наоборот. Это самое главное»⁶³.

Иными словами, в психологии человек берется в своем наличном состоянии вне этической доминанты, на основании чего делает вывод, что это и есть *весь человек*, что таков человек по-преимуществу. Этика существует за счет «механизмов» духовно-нравственного восхождения от *сущего к должному*; психология же ограничивает свое изучение человека исключительно *сферой сущего*. С точки зрения психологии идеальные проявления должного есть не что иное как «сублимация» и т. д., то есть процессы, происходящие в сфере сущего.

Ю. А. Шрейдер указал на весьма существенную разницу между этикой и психологией, разницу, которая делает психологию (по крайней мере, в ее сегодняшнем виде) довольно сомнительной наукой постижения человека, его внутреннего мира, его уникальности и своеобразия именно как человека, а не как биопсихического механизма. Философ спрашивает: «способна ли психология решать вопрос о том, каким должен быть человек или что есть должное для человека? Нормальная (т.е. еще не нравственная) психология изучает человека таким, каким он есть – каковы его стремления, мотивы, побуждения и т. п. Когда в поле зрения такой психологии попадают этические проблемы, то они редуцируются к психологическим ситуациям и этим как бы снимаются. Эта редукция особенно четко прослеживается в психоанализе, но она потенциально присутствует в любых попытках объяснения морали путем

⁶³ Психология и этика: уровни сопряжения // Психология и этика: опыт построения дискуссии. – Самара: БАХРАХ, 1999. – С.25.

перевода этического на язык психологии. В этом смысле психология внеэтична, а этика – антипсихологична»⁶⁴.

Непримиримость этики и психологии лежит также в несовпадении взгляда на природу морального выбора: «Способность совершать моральный выбор, поступать морально в ситуации морального выбора предполагает наличие у субъекта свободной воли. Психология же обычно исследует детерминацию человеческих решений. Можно ли одно с другим совместить или как-то приладить друг к другу? Один из выходов состоит в том, чтобы считать свободу существующей лишь с точки зрения субъекта. Иначе говоря, свести феномен свободы к субъективному переживанию личной ответственности. Этот путь оставляет вне психологического рассмотрения целый пласт этических учений и, прежде всего, христианскую этику. Не лучше ли отказаться от совмещения и прилаживания, но рационально поделить сферы влияния». Из этого следует вывод, что психология не обязана объяснять феномен морального поведения, но она может исследовать со своей точки зрения этот феномен, выделяя в нем психологические компоненты.

Далее следует более существенная дифференциация этики и психологии: «Если этика учит, как должно поступать, то на долю психологии остается собственная задача – выяснить мотивации и динамику недолжных поступков»⁶⁵. Иными словами этика *предписывает должное*, психология *описывает сущее*; в одном случае речь идет об идеалах, в другом – о мотивах. *Идеал* и *мотив* – вот еще одна линия несовпадения этического и психологического воззрения на человека.

Отсюда следует вывод, что развитие психологии поступка не сделает эту науку этичной, а этику психологичной: «Этика дает свои рекомендации, не считаясь с психологией (в том-то и состоит ее антипсихологичность... Психология не этична, – именно потому, что она обязана исходить из того, что субъекту свойственно нарушать этические рекомендации ли, по меньшей мере, желать этого». Итак, *этика антипсихологична, а психология – внеэтична*; таков вывод, исходящий из базовых методологических и сущностных характеристик этики и психологии.

Психология, таким образом, направлена на исследование мотивов поведения, рассматривает человека в его редуцированном виде, и ее целью является решение конфликтных ситуаций, и в итоге – приспособление человека, прежде всего, к социальной действительности. Это приспособление может также означать и «реализацию возможностей», то есть психологическое раскрытие личности. Философская этика озадачена бытийными вопросами, вопросами о смысле бытия и смысле, прежде всего, конечного человеческого существования. Это различие чувствуется на всех уровнях. Даже наиболее этически ориентированная психология – гуманистическая психология Э. Фромма, который «на протяжении всей жизни сохранил верность антропологической теме» (П. С. Гуревич), остается приверженной фундаментальным заданиям психологии как таковой. Фромм пишет в предисловии к своей книге «Человек для самого себя», которая имеет подзаголовок «Введение в психологию этики»: «В этой книге я рассматриваю проблемы этики, норм и ценностей, которые ведут человека к самореализации и осуществлению его возможностей»⁶⁶.

Разность онтологических (не антропологических, поскольку как в случае Э. Фромма психология может быть сущностно развернута к человеку) позиций этики и психологии говорит о радикальном несовпадении их концептуальных матриц. Не только цели и задачи оказываются различными, но сам взгляд на человека и его сущность. Это не означает, что диалог и взаимодействие этики и психологии невозможны в принципе; как раз наоборот возможны, но только лишь в том случае, если психология не станет претендовать на роль, присущую этике, иными словами не станет подменять этику. *Психологизация этики и антропологии*, а в целом *общества и культуры*, которое стало, по словам В. М. Розина, «психологически ориентирован-

⁶⁴ Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Есть ли у психологии точки соприкосновения с этикой? // Психология и этика: опыт построения дискуссии. – Самара: БАХРАХ, 1999. – С.50.

⁶⁵ Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Там же, – С.52.

⁶⁶ Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. Республика, 1993. – С.19.

ным обществом», состоящим из людей, «верящих в психологию и обращающиеся к психологам»⁶⁷ – реальность сегодняшнего времени, которая, увы, не способствует ни более глубокому постижению человеку, ни духовно-нравственному и психологическому его оздоровлению. В этом контексте необходимо ставить вопрос о переориентации общественного сознания с психологизации этики и культуры на этизацию психологии и культуры, что соответствует истинной иерархии ценностей.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Гегель и греки / М Хайдеггер // *Время и бытия: Статьи и выступления.* – М. : Республика, 1993.
2. Зинченко В.П. Психология на качелях между душой и телом // *Психология телесности между душой и телом.* – М. : АСТ, 2007.
3. Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // *Человек.* 2010. №2. С.34.
4. Андреев И.Л., Березанцев А.Ю. Взаимосвязь психического и соматического здоровья человека // *Человек.* 2010. №2.
5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб. : Питер, 2003.
6. Шелер М. Положение человека в космосе // *Избранные произведения.* – М. : Гнозис, 1994.
7. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // *Проблема человека в западной философии.* – М. : Прогресс, 1988.
8. Гуревич П.С. Человек как объект социально-философского анализа // *Проблема человека в западной философии.* – М. : Прогресс, 1988.
9. Лихи Т. История современной психологии. – СПб. : Питер, 2003.
10. Джемс У. Научные основы психологии. – М. : Харвест, 2003. – 528 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2007.
12. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М. : Педагогика, 1991.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1977.
14. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М. : Смысл, 2001. – С. 59-60.
15. Фетисов В.П. Философия морали. Тоска по русскому аристократизму // В.П. Фетисов / *Солнце не заходит. Труды по нравственной философии.* – Воронеж: ВГЛТА, 2011.
16. Малахов В. Три этики: к типологии этического сознания // Виктор Малахов / *Уязвимость любви.* – К. : ДУХ І ЛІТЕРА, 2005.
17. Психология и этика: уровни сопряжения // *Психология и этика: опыт построения дискуссии.* – Самара: БАХРАХ, 1999.
18. Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Есть ли у психологии точки соприкосновения с этикой? // *Психология и этика: опыт построения дискуссии.* – Самара: БАХРАХ, 1999.
19. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. Республика, 1993.
20. Розин В.М. Личность и ее изучение. – М. : Едиториал УРСС, 2004.

PROBLEM OF HUMAN BEING IN ETHICS AND PSYCHOLOGY

S.V. VARAVA

*Voronezh Forestry
Academy*

*e-mail:
varava31@gmail.com*

This article concerns the problems of the relationship of ethics and psychology as disciplines that claim to leadership in the anthropological culture. In this context, the methodological and ontological foundation of ethics and psychology are examined, the features of their similarities and differences are considered in the paper. It is shown that the main problem of human being poses and solved differently in these anthropologically similar disciplines.

Key words: ethics, psychology, mass psychological culture, philosophy, anthropology, mental processes, consciousness, meaning of life.

⁶⁷ Розин В.М. Личность и ее изучение. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С.149.

УДК 316.485.26:297

ПОСТМОДЕРН, ГЕДОНИЗМ И МУЧЕНИЧЕСТВО (ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ)

С.И. ЧУДИНОВ*Новосибирский
государственный
архитектурно-
строительный
университет**e-mail: personally@ngs.ru*

В статье представлены результаты философского исследования некоторых важнейших цивилизационных детерминант и этических аспектов религиозного экстремизма в современной мусульманской культуре на примере его наиболее специфичной формы – терроризма смертников. В ней подвергается осмыслению тезис С. Хантингтона о культурном столкновении цивилизаций в современной истории (на примере взаимодействия современной «западно-христианской цивилизации» и цивилизации ислама), определяется его эвристический потенциал и границы применимости. Также рассматриваются религиозно-гедонистические аспекты мотивации террориста-смертника, связанные с мусульманским идеалом мученичества (в его радикальной трактовке).

Ключевые слова: религиозный экстремизм, исламизм, радикальный ислам, терроризм смертников, постмодерн.

Осмывая мировые геополитические реалии времен после распада Советского Союза и завершения холодной войны, в 1990-е годы американский политолог С. Хантингтон выдвинул концепцию **«столкновения цивилизаций»**, прогнозирующую основные тенденции в развитии политических взаимоотношений между народами и государствами в глобальном масштабе. Важнейшие положения концепции сводились к следующим. Несмотря на то, что западная цивилизация еще долго будет сохранять свои доминирующие позиции (возможно, в течение всего XXI в.), в будущем ей придется лишиться безусловного лидерства, существуя в условиях полицивилизационного мира. С экономическим подъемом Азии (прежде всего, Китай и Индия) и развитием цивилизаций других регионов, традиционно относившихся к «третьему миру», ценности Запада, доминирующие во всем мире с эпохи колониализма, будут заменяться самобытными ценностями Востока и укреплением местных культур. Разделению мира по стандартам политической идеологии пришел конец, но не в смысле всеобщего признания либеральной демократии как высшей формы общественного устройства, а в смысле обесценивания значения какой-либо политической идеологии вообще в сознании современного человека. В XXI в. все большую роль будут играть культурные различия, пролегающие между культурными общностями высшего порядка – цивилизациями. Это означает, что политические конфликты и войны современности имеют тенденцию чаще возникать по линиям разлома цивилизаций, нежели по причине идеологических, этнических или каких-либо иных противоречий. Одна из таких границ пролегает между цивилизацией Запада и цивилизацией ислама.

Основная идея концепции С. Хантингтона о том, что само сосуществование крепнущих экономически и политически современных государств Востока способно их привести в столкновение с Западом и друг с другом на цивилизационном уровне, столь часто подвергается критике, что нам не хотелось бы лишней раз подвергать ее тотальной критике. Наличие культурного противостояния стран ислама Западу вполне очевидно, что на уровне массового сознания воплощается в широко распространенный антиамериканизм, поэтому в данном случае принципиален ответ на вопрос – какова основа это противостояния? Носит ли она только или преимущественно политический и социально-экономический характер, или же доходит до уровня конфликта между базовыми ценностями двух культур?

С. Хантингтон несомненно склоняется ко второму ответу. Он определяет современную культуру Запада традиционным ярлыком «западно-христианской цивилизации» и утверждает, что модель конфликта между Западом и мусульманской цивилизацией помимо экономических, демографических, политических и технологических факторов коренится в природе двух религий, которые легли в основу цивилизаций. Западное христианство и ислам имеют много общего, что создает конкуренцию между их одинаковыми притязаниями: «Обе являются универсалистскими, и каждая провозглашает себя единственно верной. Обе – миссионерские и основаны на убеждении, что их последователи обязаны обращать неверующих в единственно истинную веру. С самого зарождения ислам расширял свое влияние путем завоеваний, христианство, когда для того имелись возможности, поступало также. Концепции "джихада" и "крестового похода" не только сходны между собой, но и отличают эти две религии от прочих основных мировых религий»¹.

Однако ситуация не столь проста. Исторический и культурный контекст взаимоотношений между мусульманскими и христианскими народами в Средние века и между современным исламом и современным Западом совершенно различны. Если ранее политика и христианского Запада, и мусульманского Востока в значительной степени определялась религиозным фактором, в эпоху секулярного Запада, строящего свои отношения с частично модернизированным и вестернизированным мусульманским Востоком, говорить о столкновении религиозных систем бессмысленно. Столкновение между современными цивилизациями Запада и мусульманского Востока действительно есть **столкновение двух универсалистских моделей**, как и полагает С. Хантингтон, но только это противостояние прелегает не между христианством и исламом, а идеологией **западного неолиберализма и современным исламом**.

В настоящее время так называемая западно-христианская цивилизация, пережившая принципиальный пересмотр собственных социокультурных основ в **эпоху модерна** (XVII – первая половина XX вв.), в большей степени заслуживает эпитета **«либерально-демократической цивилизации»**². Секулярные ценности, ведущие свое происхождение от идеологии либерализма эпохи модерна, занимают центральное положение в государственной и общественной жизни западных народов. Ценностное ядро культуры Запада испытывает процесс изменения в сторону двух тенденций, представленных соответственно североамериканской культурой и современной Европой.

Первая тенденция заключается в трансформации либеральных ценностей в **универсалистский неолиберальный проект**, диктующий стандарты глобализации в условиях однополярного геополитического мира. Смена администрации Дж.Буша-младшего, которая вела весьма активную внешнеполитическую деятельность по внедрению неолиберального видения нового миропорядка, и победа президента от демократической партии в 2008 году, привела к смягчению политики сверхдержавного доминирования, однако об уходе идеологии неолиберального глобализма в прошлое говорить еще рано. Прогноз Хантингтона о снижении роли идеологии в политическом противостоянии современных государств вряд ли можно считать сбывшимся.

Современная западная культура испытывает также значительную **постмодернистскую тенденцию**, ведущую к закладыванию новых духовных основ западной цивилизации. Предшествующая эпоха модерна, выражаясь языком Ф. Ницше, манифестировала повсеместное распространение декаданса и разных форм **«неполного нигилизма»**, реставрирующих традиционную метафизику и понятие Абсолютного в виде просвещенческих ценностей (вера в бесконечные возможности разума, науки, социальный прогресс) и материалистических идеологий различного рода социального утопизма (коммунизм, фашизм и т.д.). Радикальный скепсис в отношении **метанарративов**, характерный для философии постмодерна (Ж.-Ф. Лиотар), – признак **полного нигилизма**, наступающего после разного рода вариантов неполного нигилизма, устанавливавших глобальные сверхцели для человечества. Метанарратив всегда связан с представлением об Абсолютном, человек постмодерна отказывается как от первого, так и от второго. При-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. – С. 330.

² Кулиев Э. Американский гегемонизм и исламский традиционализм: перспективы диалога // <http://www.waytoquran.net>

знание равноправия всех возможных форм познания при отчетливо выраженном скептицизме в отношении объективной истины, ценностный релятивизм, ирония и игровое отношение к действительности, – все эти характерные черты все еще становящейся культуры постмодерна свидетельствуют, по словам А.С. Панарина, о подмене онтологии семиологией³. Действительность все более становится виртуальной, лишь вариацией разных текстов-интерпретаций, за которыми скрывается лишь «воля к власти» различных субъектов, на что недвусмысленно намекают теоретики постструктурализма, ведущего философского течения постмодерна. Такое миропонимание, не нуждающееся «в крайних догматах веры» и допускающее «добрую долю случайности, бессмысленности»⁴, вполне соответствует ницшевскому («сильному») человеку полного нигилизма, расквитавшемуся со всяким метафизическим знанием и любыми «высшими» ценностями.

Философская позиция, провозглашающая равнозначность всех ценностей, скрывает в себе завуалированный нигилистический отказ от всех ценностей как традиционной (христианской) культуры, так и периода неполного нигилизма, имевших определенную корреляцию друг с другом. Самым главным «объективным» признаком нигилистичности (антитрадиционности) современной западной цивилизации выступает следующий неоспоримый факт: универсум все менее воспринимается как порядок и все более как хаос. Причем это ведущее и последовательно прогрессирующее мировосприятие нашей эпохи, децентрирующее и фрагментирующее реальность, прослеживается чуть ли не во всех сферах культуры и видах знания: постклассической философии, постнеклассической науке, искусстве постмодерна и т.д.

Таким образом, первого участника в столкновении цивилизаций было бы неверно обозначить лишь в качестве «западно-христианской цивилизации». Последняя представляет собой христианскую по своим истокам цивилизацию, ценностным ядром которой стал светский гуманизм, с религиозной точки зрения тяготеющий к ценностному релятивизму.

Пережив западный колониализм и постколониальную эпоху с ее активным подражателем Западу, процессом модернизации и секуляризации традиционных обществ, мусульманская цивилизация находится на стадии возрождения, что проявляется в возврате к традиционности и реисламизации общества и государства (с конца 1970-х – начала 1980-х, периода так называемого «исламского бума»). Исламская культура, включающая в себя совокупность культур разнообразных народов, исповедующих ислам, испытав на себе частичную модернизацию, продемонстрировала, тем не менее, глубокую консервативность и слабую подверженность внешнему воздействию. После встречи с Западом в исламе была проведена секуляризация, но частично, на нормативном, а не структурном уровне⁵.

Реакция мусульман на доминирование Запада (радикально переосмыслившего собственные духовные ориентиры) и его вторжение не только в повседневную жизнь, но и сакральное пространство культуры ислама (грань между которыми в исламе достаточно условна), имеет различные формы выражения. Во-первых, это **отторжение ценностного релятивизма** западного постмодерна и современной западной трактовки прав человека, размывающей границу между нормой и девиацией. Все более оторванная от религиозно-духовных ценностей эта трактовка склоняется к натуралистическому звучанию, оправдывающему противоестественные и нравственные пороки естественностью биологических потребностей человека и либеральным пониманием свободы воли и выбора (официальный статус проституции, легализация однополых браков в ряде европейских стран и пр.), что для культуры ислама равнозначно бунту против нравственных и бытийных основ космического миропорядка, установленного Божественной волей. Во-вторых, возникает тенденция возврата к корням собственной культуры и собственной идентичности, **возрождению исконных исламских ценностей**. В-третьих, общий духовный протест против «безбожной» западной культуры, соединенный с сочувствен-

³ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. – С. 207.

⁴ Ницше Ф. Воля к власти. М.; Харьков, 2003. – С. 428.

⁵ Тибби Б. Является ли ислам политической религией? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6. – С. 46.

ным откликом к страданиям единоверцев в конкретных военно-политических конфликтах между мусульманами и Западом (Афганистан, Ирак и др.), ведет к **возрождению идеала мученичества на пути Аллаха** как высшей формы религиозных чаяний ревностного мусульманина, превращающего одну из самых страшных зол человека, смерть, в средство обретения спасения и исполнения сокровенных религиозных чаяний.

Религиозно мотивированный экстремизм в мире ислама имеет свои истоки не только во внешнем влиянии западной культуры, чье вторжение в пространство культуры ислама разрушает ее базовые установки и ценности, но также коренится и во внутренних причинах, связанных с трансформацией мусульманского общества и цивилизации ислама под влиянием внешнего давления. Терроризм смертников как одна из наиболее специфичных форм исламистского экстремизма – это не только протест против внешнего «врага», но и реакция на внутреннюю слабость собственной культуры, утерявшей изначальные цели своей исторической миссии.

Десакрализация власти в мусульманском мире и ее последствия

В либеральном и неолиберальном мирозерцании нет места глобальной телеологии, метафизическим ценностям, задающим стратегию повседневному поведению. В качестве философских установок в отношении к реальности царит номинализм, эмпиризм и индивидуализм. Все эти принципы, перенесенные на общество, строят представление о нем как конвенциональной системе, основанной на согласии множества независимых друг от друга атомарных индивидов и не имеющей под собой никакой метафизической основы. Превратив политику в автономную сферу общественной жизнедеятельности, не связанную с духовной и нравственной жизнью, человек западной цивилизации стал расценивать ее исключительно инструментально, технологично, как орудие для достижения конечных и вполне конкретных целей⁶. Все эти конструкты сознания характерны для парадигмы современного западного мирозерцания, сформировавшейся в Новое время, однако они совершенно не соответствуют представлению об обществе, заложенному в мусульманской картине мира. И в этом пункте происходит столкновение двух разных представлений о природе социального и политического.

Для традиционного ислама присуще восприятие любой деятельности мусульманина «как реализации миссии, возложенной на него Аллахом в этом мире», а всего исторического процесса как реализации мусульманской общиной воли Аллаха⁷. Ислам – религия, максимально приспособленная для нужд земной жизни. Ислам не стремится преобразовать человеческую природу и не противопоставляет ей идеал обожения, как в случае с православным христианством. Он предлагает вполне прагматичный путь освящения повседневной земной жизни, которая при усердной реализации в ней религиозного закона ведет к продолжению блаженной жизни в мире потустороннем. Соответственно общество в традиционном исламском представлении не может иметь чисто мирской характер, его жизнедеятельность и развитие должны быть направлены на воплощение сакрального порядка.

Во все времена до XX в. в мире ислама **политическая власть рассматривалась как средство организации и регуляции жизни мусульманской общины** на основе базовых ценностей и правил религиозного закона, продиктованных Божественной волей. Ислам как монотеистическая религия, подчеркивающая полное всемогущество Бога, традиционно исповедовал принцип, противоположный принципу «кесарю кесарево», считая, что и земная власть принадлежит только одному Аллаху как высшему законодателю, у людей же может быть власть только «исполнительная». Второй функцией политической власти в *халифате* было осуществление всемирно-исторической миссии ислама по распространению последнего Божественного откровения путем *джихада* с не-мусульманскими государствами и воплощения его величия в зримой и материальной форме. Средневековый ислам развивался очень динамично, постоянно расширяя территорию своей экспансии, что стимулировалось развитием идеи *джихада* в мусульманском богословии и праве. В классической суннитской богословско-

⁶ Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. – С. 276.

⁷ Борисов А.Б. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век). М., 1991. – С. 13.

геополитической модели весь мир был разделен на земли ислама, где восторжествовало последнее Божественное откровение, и «территорию войны» – все остальные страны, в которых не было установлено исламское правление. Промежуточный статус получали те территории, чьи государства состояли в мирном договоре с *халифатом*. Однако мир рекомендовалось заключать сроком не более 10 лет, после чего должен продолжиться *джихад*, несущий с собой распространение истинной веры.

До падения Османской империи после первой мировой войны власть никогда не теряла эти функции, хотя порой и исполняла их лишь номинально. В некоторые периоды происходило фактическое разделение власти на мирскую (*эмир* или *султан*, обладающий действительными полномочиями) и религиозную (безвластный *халиф* как религиозный глава мусульман), что имело место, к примеру, во времена постепенного упадка и распада Аббасидского халифата (с середины X в. до начала XVI в.), когда халифская власть в Багдаде сначала стала игрушкой в руках могущественного рода Бувайхидов, потом тюрок-сельджуков, а позже египетских мамлюков. В некоторые исторические эпохи политический центр рассеивался, разделялся на несколько *халифатов* (что иногда соответствовало расколу ислама на конфессиональные общины), одинаково претендующих на следование правоверным традициям и сохранение общественных устоев ислама. Так, на протяжении всего X века на территориях исламской цивилизации возникло три сосуществующих *халифата*: Аббасидский с центром в Багдаде, фатимидский в Северной Африке с центром в Кайраване (с 969 г. в Каире) и умайядский в Испании (в 929 г. кордовский *эмир* Абд Ар-Рахман III принял титул *халифа*). Мусульмане были разделены, но все же в каждой области был свой центр власти, претендовавший на легитимность, связанную с реализацией этой властью религиозного закона в общественных установлениях. Только в 1924 г. произошло уникальное событие, ставшее знаком наступившей глобальной катастрофы в мире ислама – институт *халифата* был впервые упразднен Мустафой Кемалем, лидером-реформатором новой Турции, которая превратилась из мусульманской империи в националистическую светскую республику.

С упразднением *халифата* политическая власть **потеряла религиозно-сакральную легитимацию** и прекратила осуществление **всемирно-исторической миссии ислама**. Политические режимы, пришедшие к власти в раздробленном мусульманском мире в постколониальную эпоху, имели националистический характер и опирались на идеологические ориентиры, заимствованные из западной политической мысли (либерализм, социализм). Ни один из них и не мог мечтать об имперских амбициях, довольствуясь региональной ролью. И поскольку они решили только одну задачу – завоевание политической независимости, а социально-экономическая отсталость мусульманских стран сохранилась, зачастую сопровождаемая широким распространением коррупции и других социальных бед, последующим поколениям молодых интеллектуалов возвращение к исламским корням стало казаться универсальным решением всех проблем мусульманского мира. Так было поднято знамя исламского фундаментализма – движения за возвращение к исконным ценностям ислама и образу жизни, освященному исламской верой. Однако эта задача, сопряженная в наиболее оптимистической версии с откровенными социально-утопическими мечтаниями, до сих пор остается не реализованной.

Возрождение идеала мученичества в современном исламе

Современная мусульманская цивилизация характеризуется разорванностью, отсутствием в ней единого центра («стержневого государства» или государств в терминологии С. Хантингтона), явной потерей материального могущества, и уж тем более, решающего веса в мировом историческом процессе. Следствием кризиса мусульманской цивилизации становится невозможность реализации всемирно-исторической миссии земного превосходства ислама, что приводит к тому, что в современном исламе **актуализируются эсхатологические компоненты**. Утверждение современного российского идеолога исламского фундаментализма Гейдара Джемалья, характеризующее веру мусульман как эсхатологическую доктрину, «которая рассматривает индивидуальность и коллективное человеческое сообщество с точки зрения чистого финализма», звучит весьма симптоматично⁸.

⁸ Джемаль Г. Освобождение ислама. М., 2004. – С. 107.

Если теперь духовная сила мусульманской веры не способна воплотиться в материальном превосходстве, она должна стать явленной в личном благочестии, глубоко религиозном отношении к жизни, смерти, материальным благам. Метафизические ценности ислама в таких условиях требуют личного подвига для их защиты и свидетельства их истинности. Не стоит забывать, что арабские слова *шахада* и *истишхад*, означающие мученичество в исламе буквально переводятся как свидетельство, т.е. свидетельство собственной жизнью и смертью о личной религиозной вере. Личностное самоопределение по отношению к личной смерти в свете эсхатологии ислама приводит к обесцениванию всей земной жизни (в исламе весь земной мир – *дунья*, противопоставляется миру грядущему после смерти – *ахират*) при сопоставлении ее с высшей религиозной задачей индивидуального спасения, чему способствуют затяжные региональные социально-политические кризисы на «землях ислама». Земная жизнь должна стать мостом к блаженству в жизни последующей. Самый краткий и почетный путь достижения этой цели – мученичество.

Мученичество в исламе имеет сотериологический характер. Оно дарует душе стойкого в своей вере мусульманина избавление от «мучений в могиле» (испытаний, которым подвергается душа после смерти ангелами Мункиром и Накиром, устраивающими ей специальный «допрос»), приносит прощение личных грехов и множество бесценных наград в раю, куда *шахид* пропускается, минуя Божественный Суд. Мученичество спасает не только душу, но и человека как целостное существо, которому предстоит восстать в телесном облике перед Аллахом на Дне Суда в конце истории человечества.

Один из современных турецких богословов так описывает значение мученичества в исламе: «На протяжении всей истории героическая смерть (*шахада*) была одним из сокровеннейших желаний мусульман и высочайшей из вершин, к которой они стремились. И именно это стремление зачастую было одной из причин совершенно невероятных побед мусульман, численность которых во многих боях и войнах нередко была значительно ниже численности противника»⁹.

Для мусульманина задача спасения не сводится к личному блаженству, но имеет также и коллективный характер. Благочестие отдельного мусульманина неразрывно связано с его общиной, соблюдение религиозных обязанностей, свидетельствующих о личной вере, таких как уплата обязательного налога в пользу бедных (*закят*, один из четырех «столпов» ислама), участие в *джихаде*, имеют важнейшее социальное значение. Поэтому религиозно мотивированный экстремизм в мусульманских странах связан не только с духовным протестом против политического и идеологического доминирования «безбожного» Запада. Это также реакция и на внутренний кризис мусульманского общества, позволившего заменить исламские нормы на светские стандарты Запада. Мученическая смерть для современного исламиста несет не только протест против врагов ислама, но и жертву ради спасения родного общества, бессильного перед внешним противником из-за внутренней слабости. Это отчетливо прослеживается, в частности, по «завещаниям» палестинских «*шахидов*».

Среди декларируемых мотивов в посланиях смертников М. Хафез выделил три ключевых темы, важнейшая среди которых – мотив спасительного характера мученической операции для родного сообщества. Мученическая операция в глазах смертника, как утверждает Хафез, есть «не только возможность наказать врага и исполнить приказ Бога о борьбе с несправедливостью, но также привилегия и награда для тех, кто наиболее привержен к их вере и их ценностям»¹⁰. Она рассматривается как попытка избавления родного общества от неспособности действовать правильно. Поскольку «мученики» высоко восхваляются, их слова имеют огромный вес. «Так, некоторые бомбисты-смертники используют свои заявления, чтобы выразить их мнение о том, как индивидам и обществу должно поступать, чтобы преодолеть те недомогания, которые характеризуют их состояние. Некоторые убеждают своих матерей, отцов, братьев и сестер регулярно исполнять

⁹ Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников. М., 2005. – С. 142.

¹⁰ Hafez M. Manufacturing Human Bombs: The Making of Palestinian Suicide Bombers. Washington, D.C., 2006. – P. 44.

молитву (в особенности утренние молитвы), одевать *хиджаб*, и становиться одним из лучших мусульман на земле»¹¹.

Феномен жертвующих своей жизнью террористов связан с духовными потребностями мусульманской цивилизации, ослабленной, дезинтегрированной, погрязшей во внутренних конфликтах и коррупции, в возрождении идеала героя-воина, способного вдохнуть заряд пассионарной энергии в обновленную мусульманскую нацию (*умму*). Г. Джемаль называет это процесс «возрождением кшатрийского героического типа»¹² или «жертвенной героической элиты»¹³. Столкнувшись с могуществом западной цивилизации, мусульманскому консервативному обществу пришлось частично измениться, но впоследствии это еще больше пробудило в нем культурное самосознание и утопическое стремление к возврату «золотого века» ислама. Интенсификация личных религиозных чувств часто стоит за мученическими операциями, в особенности в мусульманских диаспорах в среде западных обществ, где вырванный из традиционной многовековой среды своих предков носитель мусульманской веры на фоне контраста с шокирующим его западным материализмом и ценностным релятивизмом начинает вновь обращаться к своим культурным корням и возрождению личной культурной идентичности. Желание обрести высокий сверхличный смысл жизни в среде молодых мусульман иногда превращается в героический идеал, созданный на почве экстремистской культуры, толкающей его к восприятию себя как воина в глобальной битве за возрождение ислама против морально разложившегося и духовно невежественного Запада.

Метафизика смерти в миссиях смертников

Для современных обществ мусульманских стран смерть все еще носит сакральный характер, в отличие от культуры постхристианского Запада. Последняя, живущая гедонистическими ценностями материального потребления, изгнала ее из своего социокультурного пространства как неотъемлемое дополнение жизни. По словам Ж. Бодрийяра произошло «изгнание мертвых» за пределы общества и культуры, которых исключили из символического обмена с живыми¹⁴. Для ислама не характерен символический обмен с миром мертвых, как в архаических языческих обществах (на пример которых ссылается Бодрийяр), согласно его вероучению души мертвых до воскресения и Суда попадают в особый промежуточный мир (*барзах*) и не имеют связи с этим миром, но, как и в любой традиционной культуре, мусульманское восприятие смерти исходит из религиозной метафизики, задающей четкие нравственно-практические императивы отношения к факту смертности человека и идеальную этическую модель достойного расставания с жизнью.

Для современного человека, поглощенного материальным накопительством и всеобщим обменом товарами и услугами, смерть стала некоей аномалией, которую предпочитают просто не замечать. В Средние века момент смерти обставлялся максимально торжественно, сама личная смерть человека была публичной и происходила в окружении семьи, родственников и соседей. Это был естественный финал земной жизни, к которому следовало подготовиться самым серьезным образом. Посещение священником смертного одра, последние исповедь и причастие – важнейшие элементы ритуала подготовки к отходу в мир иной. Неожиданная смерть была худшим, что могло произойти с человеком, поскольку не оставляла шанса на искупление грехов в покаянии, и уменьшала надежду на Божественную милость. Теперь смерть потеряла какую-либо ценность в духовном и метафизическом смыслах. Все, что напоминает о смерти – смертельные болезни, старость – на процветающем материально и экономически Западе было вытеснено из пространства публичного и домашнего быта в искусственные условия специализированных больниц, где человеку предназначено доживать свой остаток жизни. Но и там уже безнадежно потерянный для родных человек не должен думать и говорить о своей смерти, тем самым нервирова окружающих и медицинский персонал, но надеяться на излечение. Указывая на этот красноречивый факт, французский танатолог Филипп Арьес в связи с этим заме-

¹¹ Ibid.

¹² В традиционной Индии, для которой, как известно, характерен строго иерархичный сословно-кастовый строй, кшатриями именуется воинское сословие.

¹³ Джемаль Г. Указ. соч. – С. 107.

¹⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

чает, что смерть, будучи «прирученной» в древние эпохи и в Средние века, вышла из публичного пространства общества и культуры, превратившись в «**смерть перевернутую**». «Свинцовое молчание простерлось сегодня над смертью. Когда же оно нарушается, как случается иногда в Северной Америке¹⁵, то происходит это лишь для того, чтобы свети смерть на уровень какого угодно незначительного события, о котором стараются говорить с полным безразличием. В обоих случаях результат тот же: ни индивид, ни общество не находят в себе достаточной прочности, чтобы признать смерть»¹⁶.

Утеряв веру в посмертный Суд, рай и ад, жизнь потустороннюю, постхристианский человек потерял смысл смерти. **Бессмысленность смерти – скрытая, оборотная сторона земного могущества современной западной цивилизации.** Духовно трезвое отношение к смерти в современной западной культуре по большому счету утеряно. Западный человек эпохи постмодерна **гедонистически расслаблен**, он привык к материальному комфорту и устроенности земной жизни, его разум привязан к утилитарным ценностям здравого смысла. Однако именно этим качеством, отсутствующим у западного человека, пытается бравировать воинствующий исламизм, противопоставляющий системе светских ценностей современного «мирового сообщества» стремление к мученической смерти, шокирующее воображение среднего европейского обывателя своей иррациональностью и бессмысленностью. Это оружие способно поразить западную цивилизацию прямо в сердце, целя в его самую уязвимую точку. «Визитная карточка» исламистов, связанных с сетью глобального джихадизма (Аль-Каидой и ее дочерними организациями) – декларация того, что они любят смерть больше чем их враги (западное общество) любят жизнь¹⁷, следует понимать не только в качестве крайнего протеста против мнимого или действительного угнетения мусульман, но и в смысле радикальной формы утверждения исламской веры в жизнь вечную.

Отрицая стандарты потребительного общества Запада и его ценностного релятивизма, современный ислам в своей радикальной форме противопоставляет возрожденный идеал мученичества как высочайшего духовного стремления мусульманина в качестве альтернативной ценностной ориентации. Этот идеал, присущий традиционному исламу, при этом обретает особую трактовку, придающую ему крайне агрессивный и экстремистский облик. В глазах исламистов смерть становится тем мериллом, по которому судят об истинности или ложности системы ценностей и образа жизни. Гедонистическая расслабленность духа западного человека и западной культуры, уязвимость современных демократических режимов к большим потерям человеческих жизней при ведении военных действий, воспринимаются исламистами через нравственное отношение к факту конечности человеческого существа. Моральная нестойкость западного человека перед смертью из-за отсутствия духовно-ценностного стержня в нравственном сознании личности, связанного с метаисторическими и сверхпрагматическими метафизическими смыслами, вызывает желание провокации со стороны религиозно мотивированных экстреми-

¹⁵ Филипп Арьес констатирует, что в США и Канаде в XX в. табуирование темы смерти в культуре было менее радикальным, чем в Англии. Здесь сложились две традиции отношения к смерти: одна, связанная с развитием техники и сциентизма, нацелена на полное изгнание смерти из публичного пространства жизни человека, замалчивание о ней; другая отводит ей определенное место в культуре, продолжая романтическую традицию, названную ученым культурной моделью «смерть твоя». Таким образом, скорбь и траур по усопшим родственникам, умело использованная индустрией смерти («похоронными домами»), были выведены из повседневной жизни и сосредоточены в кратком периоде, предшествующем похоронам. Но именно этим периодом и ограничено культурно дозволенное проявление смерти в жизни человека. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. – С. 489-492. Стоит заметить, что именно в Северной Америке (США) табу на тему смерти во второй половине XX в. было серьезно поколеблено идейным движением ученых, создавшим науку о смерти – танатологию. Однако, не говоря о методологических недостатках танатологии, стоит отметить, что ее картина посмертного существования в корне отлична от христианской – в ней отсутствуют представления о посмертном Суде и наказании, а сама смерть воспринимается как безболезненный этап перехода в иную форму существования. См.: Сабиров В.Ш. О мировоззренческих основах современной западной танатологии // Человек. 2002. №5.

¹⁶ Арьес Ф. Указ. соч. – С. 507.

¹⁷ В частности, этот лозунг звучал в устах арабского помощника Мовсара Бараева во время захвата театрального центра в Москве («Норд-Ост»), а также в видеозавещании, оставленном одним из исполнителей террористической операции в Лондоне 7 июля 2005 г. Мухаммадом Сиддик Ханом.

стов с целью вызова противника на удобное для них поле битвы. Фактом иного, предельно идейного отношения к смерти, соединенного с фаталистической верой в Божественную помощь свыше, воинствующий исламизм указывает на слабость и духовный вакуум нигилистического мировоззрения, утерявшего христианские ценности, пытаясь тем самым компенсировать материально-техническое и военное превосходство соперника (постмодернистского Запада).

Исламисты противопоставляют идеал храброго воина-мученика, презревшего и преодолевающего смерть, «трусливому врагу» (Западу), чья слабость центрируется вокруг его отношения к собственной смерти. Согласно их представлениям, как говорит Р. Паз, «...западное общество и израильское еврейское общество преимущественно состоит из искателей удовольствия, которые бояться смерти и самоубийства. Эти страхи, соединенные с поиском "хорошей жизни" рассматриваются как базовые принципы западной культуры»¹⁸.

Критикуя западный образ жизни за его поощрение инстинктов к чувственным удовольствиям, исламисты, тем не менее, пропагандируют собственную, специфически исламскую версию гедонизма, также имеющую важный вес в этической мотивации террориста-смертника. И здесь мы подходим к рассмотрению некоторых эндогенных этических аспектов мученического идеала современного радикального ислама, лежащего в основе терроризма смертников.

«Отсеченный гедонизм»

Потребительской культуре Запада, основанной на гедонистическом принципе безотложного удовлетворения потребностей, современные мусульмане противопоставляют образ жизни, основанный на нравственно-правовых категориях дозволенного и запретного, поощряемого и порицаемого, выраженных в формализованном виде в *шариате*. В шариатской системе нравственно-правовой оценки все поступки человека в зависимости от их соответствия предписаниям Корана и Сунны¹⁹ подразделяются на пять видов: поощряемые, дозволенные, нейтральные, неодобряемые, запретные. Многие земные удовольствия, приобретаемые в рамках религиозного закона, считаются в исламе не только дозволенными, но даже поощряемыми.

При этом ислам противопоставляет все земные ценности и земные удовольствия (дозволенные и поощряемые) высшей религиозной цели – обретению негленного состояния в раю (*аль-джаннат*). Награды мира грядущего (*ахират*) для искреннего мусульманина, хранившего и преумножавшего в земной жизни личное благочестие, превосходят самое смелое человеческое воображение и обесценивают все блага этого мира (*дунья*) как нечто нестоящее и незначительное. Рай дарует человеку высшее счастье, блага и удовольствия, которые в стократ превосходят все земные.

Смысл жизни мусульманина значительно отличен от мышления современного светского человека, погруженного в повседневность и не подчиняющему свое существование глобальным сверхцелям, выходящим за рамки его земной жизни. И здесь радикально настроенный мусульманин (в том числе будущий смертник) вновь противопоставляет свою религиозную систему ценностей образу жизни западного человека, недостатки которого усугубляются и противопоставляются идеалу ислама. В его сознании формируется **особая гедонистическая мотивация, противопоставляемая западному безбожному гедонизму**.

Хотя рай описывается в Коране и Сунне в красочных чувственных образах (как сады, в которых текут реки) в ортодоксальном суннизме, также как и в шиизме это место считается непредставимым в земных понятиях. Согласно мусульманскому преданию, Бог уготовил для праведников то, «чего не видели глаза, чего не слышали уши, о чем даже не

¹⁸ Paz R. The Islamic Legitimacy of Palestinian Suicide Terrorism // Countering Suicide Terrorism. Herzliya, 2001. – P. 63.

¹⁹ Сунна – мусульманское священное предание о жизни, изречениях и поступках основателя ислама пророка Мухаммада. Состоит из отдельных *хадисов* – отдельных рассказов, сопровождаемых информацией о первичном источнике сообщения и цепочке передатчиков, что является одним из важных критериев определения достоверности хадисов.

помышляла человеческая душа»²⁰. В идеологии радикального ислама, эксплуатирующей чаяния верующих о жизни вечной, в неявной, имплицитной форме заложена тенденция к материализации мусульманского рая и райских удовольствий (которую можно обнаружить в традиционном суннитском исламе²¹).

Нравственный идеал смертника, взрывающего себя вместе с реальными или мнимыми врагами – **особый тип аскета**. Это аскет, который воздерживается от земных благ и удовольствий, ожидая намного больших и приятнейших райских наград после смерти. При этом превосхищаемые удовольствия рая облакаются в чувственные образы, которые зачастую трактуются вполне материалистически. Земная жизнь со всеми ее радостями сравнивается с потусторонней скорее по степени интенсивности позитивных чувственных переживаний и мыслится в тех же категориях времени, длительности, пространства и материальности, которые привычны для посюстороннего мира. Таким образом, «сегодняшний» аскетизм обращается в «завтрашний» гедонизм. Этот этический стимул мотивации террориста-смертника носит вполне гедонистический характер, с той лишь поправкой, что он основан на вере в метафизический мир посмертной жизни, дарующий возможность удовлетворения всех потребностей, поэтому это **гедонизм «отсроченный»**.

Сознание исламиста уходит от срединности учения ислама, освящающего все «легальные» удовольствия в этой жизни, т.е. освященные религиозным законом ислама. В условиях *джихада* все земные наслаждения есть искушения, которыми подвергает Аллах людей с тем, чтобы испытать их преданность. Пройдя тест на испытание и проявив духовную стойкость и героизм, мусульманин приобретает все возможное для человека блаженство в вечности. Последняя воспринимается как бесконечная метаисторическая длительность. Девушка, которая хотела отомстить своему отцу, став *шахидой*, так говорит о том, на что она надеялась после смерти: «Жизнь в райском саду гораздо важнее, чем жизнь в этой реальности. Мы не живем реальной жизнью. Мы просто прохожие. Реальная жизнь – в райском саду. Все есть там. Все! Все о чем мы думаем, есть в райском саду. Там есть еда, прекрасно приготовленная еда...»²².

Следует сделать вывод о том, что для самого смертника мученическая операция воспринимается как религиозно легитимный и кратчайший способ обретения райских удовольствий, которые воображаются в крайне чувственных образах. А возвращение в рай для мусульманина означает личное спасение и обретение бессмертия. Таким образом, **сотериологические интенции** и духовные чаяния человеческой природы о преодолении смерти в сознании смертника **сливаются с гедонистическими наклонностями**, удовлетворение которых лишь откладывается, но не преодолевается в опыте духовной аскезы.

Исходя из выше изложенных фактов становится ясно, что причины религиозного экстремизма и эпидемии атак террористов-смертников, мотивированных радикальным исламом, связаны не только с пропагандой идеи исламского фундаментализма, но радикализацией и традиционного ислама под влиянием острых политических проблем и социокультурных вызовов, с которыми сталкивается мусульманский мир в современную эпоху. При этом мусульманский идеал мученичества, возрожденный в новой радикальной интерпретации, становится важнейшей этико-богословской основой экстремистского сознания, формирующегося в недрах современной цивилизации ислама.

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М.: АСТ, 2003. 608 с.
2. Кулиев Э. Американский гегемонизм и исламский традиционализм: перспективы диалога / Э. Кулиев // <http://www.waytoquran.net>
3. Панарин А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2003. 860 с.

²⁰ Умар Сулейман Ашкар. Описание рая. Эр-Рияд, 2008. – С. 2.

²¹ См., к примеру: Али-заде А.А. Библия и Коран: сравнительный анализ (мировоззренческий аспект). Баку, 2002. См.: Глава II, 4. Эсхатология Нового завета и Корана.

²² Paz R. Ibid. – P. 611.

5. Тиби Б. Является ли ислам политической религией? / Б. Тиби // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 6. С. 41–49.
6. Дугин А. Г. *Философия политики* / А. Г. Дугин. М.: Арктогея, 2004. 614 с.
7. Борисов А. Б. *Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век)* / А. Б. Борисов. М.: Наука, 1991. 215 с.
8. Джемаль Г. *Освобождение ислама* / Г. Джемаль. М.: «УММА», 2004. 413 с.
9. *Ислам о терроре и акциях террористов-смертников* / Сост. Э. Чапан. М.: ООО «Издательство Новый Свет», 2005. 176 с.
10. Hafez M. *Manufacturing Human Bombs. The Making of Palestinian Suicide Bombers* / M. Hafez. Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press, 2006. 124 p.
11. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть* / Ж. Бодрийяр. М.: «Добросвет», 2000. 387 с.
12. Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти* / Ф. Арьес. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
13. Сабиров В.Ш. *О мировоззренческих основах современной западной танатологии* // *Человек*. 2002. №5. С. 99–111.
14. Paz R. *The Islamic Legitimacy of Palestinian Suicide Terrorism* / Paz R. // *Countering Suicide Terrorism*. Herzliya: ICT, 2001. P. 59–66.
15. Ашкар У.М. *Описание рая* / Умар Сулейман Ашкар. Эр-Рияд, 2008. 25 с.
16. Али-заде А.А. *Библия и Коран: сравнительный анализ (мировоззренческий аспект)* / А.А. Али-заде. Баку: Абилов, Зейналов и сыновья, 2002. 132 с.

POSTMODERN, HEDONISM AND MARTYRDOM (CIVILIZATION LEVEL DETERMINANTS AND ETHIC ASPECTS OF RELIGIOUS EXTREMISM IN MUSLIM CULTURE)

S.I. CHUDINOV

*Novosibirsk State University
of Civil Engineering*

*e-mail:
personally@ngs.ru*

The article presents results of philosophic research aimed at some important civilization level determinants and ethic aspects of religious extremism in modern Muslim culture on example of its most specific form, i.e. suicide terrorism. In this research S. Huntington's thesis about cultural clash of civilizations in contemporary history was critically studied, assessed its heuristic potential and defined its validity limits (on example of interaction between modern «West Christian civilization» and civilization of Islam). It also contains examination of religious hedonistic aspects of suicide terrorist's motivation linked with Muslim martyrdom ideal (in its radical interpretation).

Key words: religious extremism, Islamism, radical Islam, suicide terrorism, postmodern.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.334

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ БЛАГОПОЛУЧИЯ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

М.Ф. ГЛУХОВА*Московский городской
университет управления
Правительства Москвы**e-mail: marfg@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы комплексной социальной поддержки молодой семьи в связи с проблемами, которые препятствуют её нормальному функционированию. Особое внимание уделяется мерам государственной молодёжной семейной политики: системе выплат, обеспечению жильём, социальному обслуживанию.

Ключевые слова: молодая семья, социальное благополучие, социальная поддержка, государственная молодёжная семейная политика.

Под молодой понимается семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семья, состоящая из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребёнка. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 979, предельный возраст молодых российских семей увеличивается до 35 лет как для участников подпрограммы «Жильё для молодых семей».

Процесс функционирования современной молодой семьи обусловлен специфическими особенностями её становления как социальной группы (освоением новых ролей), действием механизмов семейной социализации (идентификацией, рефлексией), стремлением молодых супругов к созданию условий для семейного жизнеобеспечения (приобретение жилья, материальная обеспеченность), потребностью и необходимостью дальнейшего личностного и профессионального саморазвития и самореализации (получение качественного образования, возможности карьерного роста).

Молодая семья имеет общие признаки (характеризующие семьи, независимо от продолжительности их функционирования) и особенности, отличающие её от семей «более старшего возраста».

Введение параметра продолжительности (возраста, стажа) брака и семьи и изменений, происходящих с семьёй на протяжении её жизни, привело к тому, что постепенно сформировалась концепция «семейного цикла жизни», или «жизненного цикла

семьи»¹. Согласно критерию «продолжительность брака и семьи», выделяются типы: семья молодожёнов (семья в медовый месяц), молодая семья («в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста»²), семья, ждущая ребёнка (период подготовки к родительству), студенческая семья (охвачен период обучения супругов в вузе).

Детность молодых семей является одним из важнейшим проявлений качества функционирования семьи, так как функции репродуктивная и социализации (воспитания) – это основные функции, обеспечивающие воспроизводство населения (простого или расширенного).

По составу молодые семьи могут быть: полными (нуклеарная, состоящая из родителей и детей, т.е. из двух поколений); материнскими (мать с ребёнком, которая не была замужем); неполными (с одним родителем и детьми после развода или смерти одного из супругов).

Современную молодую семью часто характеризует нестабильность внутрисемейных отношений, отсутствие опыта семейной и социальной жизнедеятельности, недостаточность материальной и финансовой обеспеченности, а также объективная подверженность воздействию многочисленных социальных факторов риска, тормозящих или препятствующих развитию семейного благополучия (трудности трудоустройства, невысокие заработки, большая трудовая загруженность, необходимость поиска дополнительных источников заработка, ограниченность свободного времени для семейного досуга, отсутствие отдельного жилья, кредитные обязательства, состояние здоровья как детей, так и родителей, сложности устройства детей в ДОУ, др.).

Ориентация на социальное благополучие семьи является основной тенденцией и показателем уровня социального обеспечения граждан в части реализации основных направлений социальной политики нашей страны. В Концепции государственной политики в отношении молодой семьи от 8 мая 2007 г. № АФ-163/06 *благополучная семья принимается в качестве исходного ориентира для создания концептуальной модели молодой семьи*.

Многие современные молодые российские семьи стремятся к созданию прочного фундамента для формирования своего социального благополучия и стабильного будущего развития. Благополучие, как особый социальный признак и показатель высокого уровня социализационного развития молодого населения страны, становится главным показателем социальной обеспеченности молодых граждан в части реализации основных направлений социальной политики по отношению к молодёжи.

Выбор благополучной молодой семьи в качестве исходного ориентира для создания концептуальной модели молодой семьи в рамках реализации мер государственной политики обусловлен тем, что «в современных социально-экономических условиях Российского государства и общества достижение уровня благополучия по всем показателям можно считать реальной стратегической целью для проведения государственной семейной и молодёжной политики в отношении молодой семьи»³.

Благополучной предлагается называть семью, которая сама в состоянии решать свои проблемы, способна в полной мере выполнять социальные функции, обладает способностью к самореализации и саморазвитию на основе равноправного, взаимного сотрудничества с государством и обществом и дальнейшее развитие которой, с высокой степенью вероятности, будет стабильным. По мнению разработчиков концепции, показатели благополучия молодой семьи имеют комплексный характер. Во-первых, они отражают качество и полноту выполняемых семьёй социальных функций. Во-вторых, являются критериями эффективности деятельности социальных институтов государства и

¹ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996. – С. 87.

² Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 03 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 25. Ст. 903.

³ Концепция государственной политики в отношении молодой семьи // Социальная работа с молодёжью: сборник нормативных правовых документов / автор-составитель Т.К. Ростовская. М., 2007. – С. 272.

общества, специализированных служб по работе с молодыми семьями. В-третьих, могут служить критериями эффективности реализации федеральных и региональных программ, ориентированных на взаимодействие с молодой семьёй.

К основным характеристикам модели молодой благополучной семьи относятся:

- юридическая оформленность;
- полнота семьи: благополучная семья должна иметь хотя бы одного ребёнка, её детность должна обеспечивать расширенное воспроизводство населения по данному региону;
- экономическая обеспеченность: среднедушевой доход на каждого члена семьи должен быть не ниже среднего дохода в целом по данному региону;
- социальная направленность: содержание жизнедеятельности должно совпадать с тенденциями развития государства и общества;
- наличие условий для самореализации молодых супругов в различных сферах жизнедеятельности, для проявления социальной активности и самостоятельного решения собственных проблем ⁴.

Важнейшим показателем семейного благополучия является степень эффективности семейной социализации. В норме семейную социализацию необходимо рассматривать с точки зрения готовности молодых людей к реализации функций: репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой, экономическо-материальной, организации досуга, социального контроля. Анализ реального состояния молодой семьи показывает наличие в ней деформаций.

К признакам, сигнализирующим о нарушениях семейной социализации (развитии десоциализации), относятся: дестабилизация и деструкция семейных отношений, деформация репродуктивного поведения (формирование ориентации на бездетные и однодетные семьи), пренебрежение родительскими обязанностями и уменьшение (полная потеря) ответственности за жизнь и здоровье детей, жестокость и агрессия по отношению к членам семьи, прогрессирующее сокращение регистрируемой брачности и рост числа разводов.

Промежуточная группа между благополучными и неблагополучными семьями – это семьи социального риска. *Семьи социального риска* – это семьи, в которых существует некоторое отклонение от норм, не позволяющее определить их как благополучные. Имеющееся отклонение ещё не стало дезадаптирующим фактором, так как компенсировано другими положительными характеристиками. Наличие в семье того или иного фактора социального риска не означает обязательного возникновения социальных отклонений, а лишь указывает на большую вероятность этих отклонений. Однако риск заключается в том, что семья может перейти из-за неустойчивого состояния к явному неблагополучию. Названная вероятность возрастает «по мере увеличения факторов социального риска».

По данным ряда исследований установлено, что значительная часть молодых семей имеет высокую степень предрасположенности быть отнесёнными к семьям группы риска. Причина состоит в том, что многим семьям присущи социальные проблемы, которые имеют объективный характер и определяют особенности процессов социальной адаптации и социальной интеграции молодых супругов и их детей. К проблемам, с которыми сталкивается молодая семья необходимо отнести обострение материальных, социально-бытовых и социально-психологических проблем.

На индивидуальном уровне происходит конкретизация факторов социального риска, усиление семейных противоречий и нарастание комплекса нерешённых проблем. Как следствие, *в молодой семье развивается неблагополучие, присущее только ей.*

Понятие «семейное неблагополучие» не имеет чёткого определения в социальной психолого-педагогической литературе. Однако многие авторы едины в понимании того, что неблагополучие в семье складывается под воздействием многих факторов или проблем, которые постоянно воздействуют на семью и затрудняют её нормальное функционирование.

---

⁴ Концептуальная модель государственной политики в отношении молодой семьи // Молодая семья – демографический ресурс России / Г.И. Климантова, Т.К. Ростовская. М., 2008. – С. 177.

Очевидно, что *неблагополучной молодой семья становится в результате дисфункционального развития из-за невозможности решения проблем, появляющихся вследствие комплексного воздействия факторов социального риска.*

Важной исследовательской задачей является не только выявление форм семейного неблагополучия, которые, с одной стороны, являются довольно распространёнными в современном обществе, а с другой – носят индивидуальный характер. Приоритетный характер приобретает установление соответствия мер и содержания социальной поддержки со стороны государства и общества, имеющимся факторам неблагополучия в молодёжной среде.

Молодые семьи относятся к целевым группам социальной защиты молодёжи и включаются в социальные программы государственной поддержки, если они испытывают какую-либо недостаточность (физическую, психологическую, социальную, материальную).

По показателю социальной уязвимости (как особой подверженности факторам риска развития неблагополучия) можно говорить о двух целевых группах молодых семей, нуждающихся в разном объёме мер социальной защиты.

Первая группа молодых семей, нуждающихся *в постоянной социальной помощи и поддержке* (включая срочную адресную в ряде случаев) из-за объективно нарушенных условий функционирования: семья с ребёнком-инвалидом; семья с родителями-инвалидами; многодетная семья; неполная семья; семья несовершеннолетней матери; малообеспеченная семья; семья выпускников интернатных учреждений; приёмная семья и т.д.

Вторая группа семей, нуждающихся *в социальной помощи и поддержке в связи с особым этапом своего развития*: студенческая семья; семья, ожидающая рождения ребёнка; семья с новорождённым ребёнком; семьи, где отец проходит военную службу; молодая семья, переживающая кризисные ситуации (потеря работы, болезнь, конфликты, пр.), и др.

Таким образом, большая подверженность молодых риску в современном и будущем обществе требует гарантированной поддержки института молодой семьи во всех сферах жизнедеятельности.

В связи со спецификой молодых семей как особой социальной группы, социально-экономических условий их жизнедеятельности, особенностей реализации государственной молодёжной политики возникает закономерный вопрос о мерах её социальной защиты в целях разрешения возникающих проблем.

Государственная политика Российской Федерации в отношении молодой семьи строится в рамках семейной политики и молодёжной политики.

Складывающаяся в нашей стране государственная молодёжная семейная политика ставит своей целью создание условий для формирования социально благополучной семьи, которая в состоянии самостоятельно решать свои проблемы и в полной мере выполнять свойственные семье в современном обществе функции.

Проблемы молодой семьи решаются органами законодательной и исполнительной власти на федеральном уровне и на уровне субъекта Федерации.

Анализ нормативно-законодательного обеспечения семейной политики показывает отсутствие единой стратегии семейной политики в Российской Федерации. В настоящий момент семейная политика не носит системного характера, а средства на её финансирование выделяются в рамках выполнения отдельных мероприятий в области социальной защиты и социального обслуживания семей.

По заключению ряда министерств и ведомств, государственная семейная политика по сути решаемых ею проблем носит межотраслевой характер и затрагивает широкий круг вопросов, лежащих в смежных областях социальной политики. Таким образом, в целях перевода семейной политики на более высокий системный уровень её организации и функционирования, насущной необходимостью становится разработка Концепции государственной семейной политики Российской Федерации и обеспечивающих её реализацию Федеральных законов.

На федеральном уровне интересы молодой семьи отражаются в документах, составляющих основу реализации государственной политики в отношении российских семей:

– Конституция Российской Федерации;

- Семейный, Жилищный, Гражданский, Трудовой кодексы Российской Федерации.
- Федеральные законы: от 19 мая 1995 года № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»; от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации»; от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации»; от 5 декабря 2006 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей»; от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию»; от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»; от 25 октября 2007 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2006 г. № 865 «Об утверждении Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей»;
- Концепция семейной политики Комитета по делам семьи и демографической политике (1991 г.);
- Концепция государственной семейной политики национального Совета по подготовке и проведению международного года семьи (1993 г.);
- Концепция государственной политики в отношении молодой семьи и План первоочередных мер по её реализации на 2007 – 2010 гг. (2007 г.);
- Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (2007 г.);
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (2008 г.);
- Основные направления государственной семейной политики, утверждённые Указом Президента Российской Федерации (1996 г.);
- Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года (2008 г.).

Молодёжная семейная политика на региональном и муниципальном уровнях тесно связана с федеральным уровнем. Её особенность состоит в учёте острых проблем молодой семьи в сфере социальной защиты, трудовой занятости, реализации мер по обеспечению жильем помещениями, сохранению здоровья, организации досуга, преодолению социально-психологических трудностей.

В настоящее время региональный уровень является ключевым при реализации социальных программ по отношению к уязвимым в социальном плане группам населения (семьям с детьми, лицам с ограниченными возможностями здоровья, малообеспеченным и др.). Органы власти регионов имеют законодательно закреплённую возможность самостоятельно определять характер мер социальной поддержки для ряда категорий населения (включая молодёжь), существенно варьировать регламент и особенно объём предоставления социальной помощи как адресного, так и категориального характера.

На уровне субъекта Федерации интересы молодой семьи в части социальной защиты, государственной помощи и поддержки представлены рядом законодательных и нормативных актах.

Законодательные и нормативные акты гарантируют московским семьям с детьми, особенно находящимся в трудной жизненной ситуации (или социально опасном положении), включая малообеспеченных, имеющих детей с особыми нуждами, получение государственной адресной поддержки в виде пособий, компенсаций и льгот, в виде социальных услуг в учреждениях социального обслуживания города.

Социальная защита направлена не на все семьи, а на определенную социально уязвимую их часть. *Социальную защиту по отношению к семье* можно рассматривать как систему государственных мер, призванных обеспечить выживание семьи на уровне принятых в обществе минимальных стандартов потребления. Социальная защита семей связана с социальной поддержкой и социальной помощью.

Социальная поддержка – это предоставление информации, материальных пособий, возможности обучения и иных льгот отдельным группам населения, оказавшимся в

трудной жизненной ситуации. Социальную поддержку можно трактовать как специальные меры, направленные на поддержание условий, достаточных для обеспечения жизнедеятельности социально слабых групп населения (отдельных семей и граждан), испытывающих жизненные трудности.

Социальная помощь – это содействие, услуги, оказываемые социальной службой семье для преодоления или смягчения жизненных трудностей, поддержания их социального статуса и полноценной жизнедеятельности.

Семьи, получающие ту или иную *социальную поддержку*, можно разделить на два вида: получающие по *общим основаниям* (например, в связи с рождением ребёнка) и в связи с *особыми условиями*.

Косвенная государственная социальная поддержка молодых семей заключается в развитии инфраструктуры учреждений социального обслуживания и социального досуга, учреждений физической культуры и спорта, формирования здорового образа жизни, социально-психологического и правового консультирования, становлении системы информирования по вопросам социальной защиты и т.д.

Прямая государственная социальная поддержка молодых семей состоит в непосредственной помощи семье и носит материальный характер (денежные выплаты, льготы и преимущества, натуральная помощь, социальное обслуживание).

Другой, не менее актуальной проблемой, от решения которой зависит благополучие молодой семьи, является обеспечение жильём. В городе Москве действует целевая программа «Молодой семье – доступное жильё» (МСЖД).

К трудностям, связанным с реализацией программы, можно отнести следующие.

Во-первых, отсутствует порядок предоставления социальных выплат на компенсацию части выкупной цены за приобретаемую квартиру в случае рождения (или усыновления) ребёнка. Данная недостаточность повлекла за собой массовые отказы молодых семей от приобретения жилья с использованием механизма «социальной ипотеки».

Во-вторых, объёмы государственной поддержки не могут пока обеспечить потребности всех нуждающихся молодых семей в нормальных жилищных условиях.

В-третьих, приобретение квартиры по первой схеме более востребовано для молодых семей (сравним: с 2006 по 2008 гг. по 1-й схеме улучшили жилищные условия 8736 семей, а по 2-й схеме – 1963). Вкладывая собственные финансовые средства и получая государственную поддержку по признаку отнесённости к целевой группе, молодая семья живёт в «своей» квартире.

Однако принять участие в Программе могут не все желающие молодые московские семьи. Имеются строгие критерии отбора, которые обусловлены тем, что финансирование программы осуществляется на средства городского бюджета. Поэтому программа «Молодой семье – доступное жильё» в первую очередь рассчитана на государственную поддержку молодых супругов, работающих в бюджетной сфере города Москвы (вторая группа участников): молодых специалистов, работников бюджетных организаций Комплекса социальной сферы города Москвы, сотрудников государственных органов города Москвы. Однако, учитывая «средний» для города Москвы размер заработной платы представителей данной группы, а также значительный уровень расходов на неотложные нужды, особенно на содержание маленьких детей (столичный мегаполис продолжает оставаться одним из самых «дорогих» городов России), и другие не менее важные факторы (необходимость продолжения обучения, затраты на поддержание здоровья, транспорт, бытовые услуги, отдых и др.), – становится понятным, что для многих молодых семей приобретение собственной квартиры даже по «социальной ипотеке», а не по рыночным ценам, становится невозможным.

Изучая складывающийся опыт региональной поддержки молодых семей, можно заключить, что только сочетание разных технологий (ипотечного кредитования, выделения финансовых средств в рамках целевых программ (например, по развитию села, строительству МЖК), целевой финансовой поддержки малообеспеченных молодых супругов из числа специалистов, занятых в бюджетной сфере, и т.д.) возможно подойти к решению жилищной проблемы для молодёжи и молодых семей.

Молодая семья нуждается в различных мерах государственной поддержки и, прежде всего, в её современной форме – социальном обслуживании. Обеспечение молодых

семей не только социальными пособиями, льготами, но и социальными услугами в рамках социальной помощи позволит решить многие проблемы семейной социализации молодых граждан (в первую очередь социально-правовые, социальные психолого-педагогические).

Социальное обслуживание молодой семьи предполагает новый вид социальной помощи. Указанный вид помощи носит нематериальный характер и выступает в виде индивидуальной поддержки молодой семьи в решении социально-психологических, педагогических, правовых, медико-социальных и других проблем и осуществляется через сеть специализированных социальных служб. Учреждения социального обслуживания, функционирующие в ряде регионов, входят в общую систему молодёжных учреждений.

Среди видов и форм социальной помощи, осуществляемой в системе учреждений социального обслуживания, различают:

а) социальную работу экстренного характера (срочная социальная помощь, экстренная правовая помощь, предоставление места в кризисном центре женщинам и детям, подвергшимся жестокому обращению или находящимся в социально опасном положении);

б) социально-психологическую работу, направленную на поддержание стабильности семьи, стимулирование её саморазвития как сложной социальной системы;

в) социально-педагогическую работу, способствующую семейной социализации, интеграции семьи в систему социальных отношений.

Социальная работа с различными категориями семей осуществляется государственными учреждениями социального обслуживания города Москвы, которые в пределах своих полномочий в соответствии с правовыми актами Российской Федерации и правовыми актами города Москвы оказывают социально-экономические, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-правовые, социально-бытовые и иные социальные услуги. Семьям с детьми, попавшим в трудную жизненную ситуацию, предоставляется социальный патронаж.

Центры социальной помощи семье и детям (ЦСПСиД) оказывают различные социальные услуги в соответствии с контингентом и потребностями семей и детей, нуждающихся в социальной помощи. ЦСПСиД развиваются как многофункциональные учреждения ориентированные на создание условий для реализации комплексных программ социальной помощи различным категориям семей с детьми в виде социально-педагогических, психологических, медицинских, юридических и экономических услуг.

Всего в Москве функционирует двадцать пять Центров, территориально расположенных в каждом столичном округе. В данных учреждениях социального обслуживания на учёте состоят 35,9 тысяч семей, находящихся в трудной жизненной ситуации (в том числе малообеспеченных, многодетных, молодых, с детьми-инвалидами и т.п.), и 61,8 тысяч проживающих в них детей. Семьи и несовершеннолетние дети (включая младшую молодёжную группу с 14 до 16 лет) получают в центрах социальные услуги различных видов (социально-экономические, психологические, педагогические, правовые, социально-медицинские и бытовые). Специалисты Центров (специалисты юридических служб, социальные работники, социальные педагоги, психологи, педагоги-организаторы) постоянно проводят работу по выявлению и постановке на учёт семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Работа в центрах социальной помощи семье и детям строится на комплексном подходе в решении проблем семьи и направлена на профилактику семейного неблагополучия, социального сиротства, улучшение внутрисемейных отношений.

Анализ практики социальной работы показывает, что в городе Москве за последние несколько лет сформировалась устойчивая социальная инфраструктура учреждений по работе с детьми, молодёжью и семьёй, развилась сеть районных структур для оперативного выявления и профессионального решения проблем и вопросов в условиях территориальных социальных служб. Планируется создание Центра социальной помощи семье и детям в каждом районе города Москвы, что позволит охватить наибольшее число московских семей с детьми разнообразными услугами в соответствии с целями и задачами социальной защиты населения столицы.

Итак, в настоящее время молодёжная семейная политика находится на этапе формирования как на федеральном, так и на региональном уровнях. Новое отношение к молодой семье как субъекту молодёжной политики связано с ориентацией многих моло-

дых семей на благополучную семью, на ответственное родительство и позитивные ценности семейной жизни. Молодые семьи имеют проблемы, с которыми они не всегда могут справиться самостоятельно. Меры государственной социальной помощи и поддержки способствуют решению проблем молодых семей в процессе реализации ими семейных функций и создают условия для эффективной семейной социализации молодёжи. Комплекс программных мероприятий, предусмотренных городскими целевыми программами, обеспечивает реализацию межведомственного и территориального подходов к решению актуальных вопросов молодёжной семейной политики.

Список литературы

1. Департамент семейной и молодёжной политики города Москвы. Официальный сайт: <http://www.dsmp.mos.ru>.
2. Управление записи актов гражданского состояния города Москвы. Официальный сайт: <http://zags.mgportal.ru>.
3. О положении детей в городе Москве: в ежегодный доклад «О положении детей в Российской Федерации за 2008 год». М., 2009. С. 9.
4. Молодёжь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: информационно-аналитический бюллетень / М.К. Горшков, В.В. Петухов (рук. авторского коллектива). М., 2007. С. 88.
5. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996. С. 87.
6. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 03 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 25. Ст. 903.
7. Концепция государственной политики в отношении молодой семьи // Социальная работа с молодёжью: сборник нормативных правовых документов / автор-составитель Т.К. Ростовская. М., 2007. С. 272.
8. Концептуальная модель государственной политики в отношении молодой семьи // Молодая семья – демографический ресурс России / Г.И. Климантова, Т.К. Ростовская. М., 2008. С. 177.
9. Законодательные акты и нормативные документы молодёжной политики: третий форум московской молодёжи 23 декабря 2009 года. М., 2010. С. 30-31.
10. Департамент семейной и молодёжной политики города Москвы. Официальный сайт: <http://www.dsmp.mos.ru>.
11. О положении детей в городе Москве: в ежегодный доклад «О положении детей в Российской Федерации за 2008 год». М., 2009. С. 119.
12. Постановление Правительства Москвы от 25 декабря 2007 г. № 1164-ПП «О Городской программе «Год семьи в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2008. № 5.

DEVELOPMENT OF WELL-BEING OF YOUNG PEOPLE: SOCIAL SUPPORT FOR YOUNG FAMILIES

M.F. GLUKHOVA

*The Moscow city university
of management
of the Government of Moscow*

e-mail: marfg@mail.ru

The article considers the issues of complex social support of young families in connection with problems which interfere with their normal functioning. The special attention is given to measures of the state youth family policy: system of payments, maintenance with habitation, social service.

Key words: young family, social well-being, social support, youth family policy.

УДК 001:1

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ¹

И.Ю. КЛИМОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В статье рассматриваются этноконфессиональные отношения в производственных организациях на примере трудовых коллективов с однородной этнической средой на территории Российского Нечерноземья. Выясняется, как в однородной среде формируются этнические стереотипы, в том числе и негативные. Описывается, как этноконфессиональная однородность субкультуры при определенных условиях может стать фактором высокой устойчивости подобных стереотипов, усиления их радикально-агрессивного характера. В статье обобщены результаты социологических опросов.

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения; религиозные ценности; организационная культура.

Общепризнана значимость этноконфессиональных отношений для современной России. Властные структуры различных уровней, национальные элиты, религиозные деятели, наконец, ученые, признают, что от характера этих отношений зависят стабильность и целостность страны, социальное самочувствие ее граждан. На данную тему проведено множество исследований².

Вместе с тем в этих исследованиях недостаточно, уделяется внимания некоторым важным аспектам обсуждаемой темы. Проблема рассматривается, прежде всего, на примере многонациональных и поликонфессиональных сообществ. Во-первых, предполагается, что именно подобные социокультурные ареалы и составляющие их элементы выступают источником возможных напряжений. Во-вторых, подразумевается, что на таком материале рельефнее видны различные нюансы. В-третьих, предметом исследований выступают, главным образом, повседневные взаимоотношения на бытовом уровне, межнациональные браки, особенности этнических субкультур и автохарактеристики их субъектов, оценка последними представителей других этносов.

Вне поля зрения находятся этноконфессиональные отношения в производственных организациях. Точнее, с подачи СМИ проблема в основном сводится к последствиям трудовой миграции, статусу гастарбайтеров, кавказцам на рынках (при том, что совокупность продавцов на рынке можно назвать трудовым коллективом с большой натяжкой). Обозначенные темы, прежде всего, проблема мигрантов, действительно, весьма актуальны и важны для научного анализа. Но, в силу своей резонансности, они сильно политизированы и идеологизированы, что, естественно, накладывает «идейный» отпечаток на их научное изучение (при этом, соответствующих, собственно научных исследований на тему не так много)³. Но дело даже не в этом. Подобные коллективы моноэтничны, как правило, сознательно обособлены от окружающей культурной среды, которая к тому же не всегда «дружелюбна» к ним, производственная и индивидуальная жизнедеятельность

¹ Статья написана в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009-2013 гг., государственный контракт № 14.740.11.0669

² См.: Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. С. Б. Филатов. – М., 2002; Религия в самосознании народа. Религиозный фактор в идентификационных процессах / Отв. ред. М.П. Мчедлов. – М., 2008; Вера, Этнос, нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол. М.П. Мчедлов. – М., 2009; Культура как контекст понимания и взаимодействия государства, права, религии. Материалы Международной научно-теоретической конференции 13-14 ноября 2009.

³ См., напр.: Нуралиев Н.Н. Нелегальные мигранты. Таджикиский вариант // Человек. 2006. № 6; Пилецкий Е.Л. Современные миграционные процессы в России // <http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm>

в них практически совпадает. Словом, говорить о полноценных этноконфессиональных отношениях на производстве здесь не приходится.

На первый взгляд этноконфессиональные отношения в трудовых коллективах организаций и предприятий, действующих в *однородной* с этнической точки зрения культурной среде кажутся беспроблемными. Таковой, безусловно, является Российское Черноземье⁴. Между тем, в многонациональной стране «монолитные» культурные группы могут выступать и выступают носителями определенных этнических стереотипов, в том числе и негативных. Причем, этноконфессиональная однородность субкультуры при определенных условиях может стать фактором высокой устойчивости подобных стереотипов, усиления их радикально-агрессивного характера. Отголоски таких установок могут присутствовать и у членов трудовых коллективов – ведь не оставляют же они свои взгляды в «камере хранения» возле заводской проходной.

Далее. Пожалуй, только в глухой российской провинции можно найти поселение, где живут представители какого-то одного народа, религии. А значит, даже в общностях с преобладанием определенного этноса может существовать несколько субкультур, конкуренция между которыми, зачастую, имеет латентный характер. И напряженность может возникнуть не только на бытовой почве, но и в производственной сфере. Еще один важный аспект, имплицитно содержащейся в этой теме: выяснение не декларативных, а подлинных ментальных установок к собственной религии, через изучение этноконфессиональных взаимоотношений в трудовых коллективах.

Предметом нашего исследования стало влияние этнической и конфессиональной принадлежности работников на характер взаимоотношений в трудовых коллективах – как по горизонтали, так и по вертикали. В ходе исследования были опрошены члены трудовых коллективов ряда крупных промышленных предприятий⁵ и организаций разной формы собственности, сотрудники мелких и средних предприятий, преподаватели вузов, госслужащие⁶. Необходимо специально подчеркнуть, что объектом исследования были организации Центрально-Черноземного региона России с преобладанием русского населения, т.е. региона достаточно однородного в этническом и конфессиональном отношении.

Пионером изучения роли этноконфессиональных факторов в процессе труда применительно к обществу модерна считают Макса Вебера – автора классической работы «Протестантская этика и дух капитализма». С тех пор проблема постоянно находилась в поле зрения социологов, этнографов, историков. Вместе с тем исследования строились преимущественно по следующей схеме: как конкретные черты национального характера влияют на личность работника. Скажем, немцам в работе присущи педантизм и аккуратность, беспрекословное следование инструкциям (правилам), что может в определённых ситуациях обернуться организационным коллапсом; достоинство русских – отдаваться делу без остатка, а бич – разгильдяйство; для лиц кавказской национальности характерны повышенная эмоциональность и темперамент, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны и т.п. Следует подчеркнуть, что большинство подобных исследований сосредоточены на этнической специфике. Связь «этнос – конфессия» прослеживается реже, главным образом, на примере сект, в обособлении которых важную роль играла хозяйственная деятельность (мармоны, Церковь Рона Хаббарда, молокане) или на материале такой специфической общности как староверы⁷.

⁴ Так, в Белгородской и Липецкой областях, где проводилось исследование, о котором дальше пойдет речь, доля русских составляет, соответственно, 92,1% и 95,8%. (даты источник из Интернета). В журнале «Социологические исследования» (2010. № 12) опубликована подборка статей, посвященная различным аспектам бытования русского этноса, (Аругюнан Ю.В.. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции; Дробижина Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде; Рыжова С.В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания).

⁵ Крупные компании были представлены Липецким металлургическим заводом, ОАО «МРСК Центра».

⁶ Исследование проводилось летом 2010 г. методом анкетирования. Выборка случайная. Всего опрошено 350 человек.

⁷ Подвойский Д.Г. Старообрядцы и русский капитализм//Человек. 2005. № 2; Фурсова Е. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской области (конец XIX-начало XX вв.): проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001.

Мы попытались выйти за рамки такого подхода и учесть кумулятивный эффект внутригруппового взаимодействия (если таковой обнаружится). А самое главное, выявить насколько значимы для респондентов этноконфессиональные проблемы организационно-управленческих отношений безотносительно к тому, какие конкретно черты национального характера «задействованы» в процессе труда и общения.

Возрастной состав респондентов являет собой две крупные группы примерно по 30%: до 25 лет и от 26 до 30 лет, и несколько малых групп: по 11% – от 31 до 35 лет и от 41 до 45 лет; 8% – от 36 до 40 лет; 10% респондентов старше 46 лет. Лишь 18% опрошенных имеют среднее специальное образование, остальные – высшее, гуманитарное 30% и техническое 24%. По результатам исследования, среди респондентов были выделены две основные группы: те, кто проявляет интерес к этноконфессиональной принадлежности коллег, и те, кто безразличен к проблеме или плохо информирован о ситуации. Так, на вопрос: «Работают ли в Вашей организации представители различных религиозных групп?» 41 % ответили утвердительно (они отнесены к первой группе), 26% считают, что коллектив является монокультурным и треть не ответили на вопрос (все эти респонденты образуют вторую группу). В свою очередь, первая общность сама неоднородна. Для 18% играет роль вероисповедание «иноверцев»⁸, 21% не придают этому существенного значения. Отстраненная позиция по данному вопросу представителей второй группы (61% респондентов) закономерно вытекает из их ответов на первый вопрос.

Как уже отмечалось, согласно статистическим данным 90 с лишним процентов населения областей, где проводился опрос, составляют русские, т.е. люди, исторически принадлежащие к православной культуре (даже будучи атеистами). В свете сказанного инертная реакция 60 % респондентов на этноконфессиональные проблемы в трудовых коллективах вполне объяснима. Но не подтвердилась первоначальная гипотеза, о том, что повышенное внимание к соответствующим проблемам проявляют этноконфессиональные меньшинства. Судя по приведенным данным, интерес в той или иной степени выказывает весомое число членов трудовых коллективов (до 40%)⁹. Причем, спектр установок достаточно широк – от декларативных до готовности к практическим шагам. Рассмотрим ситуацию подробнее.

Важным фактором, определяющим обстановку в коллективе, выступает позиция руководителя по тому или иному вопросу. В нашем случае это особенно значимо, поскольку ни в одной должностной инструкции, должностных обязанностях по определению не содержится пунктов, предусматривающих учет в служебной деятельности этноконфессиональной компоненты¹⁰. Тем не менее, 14% опрошенных отметили присутствие «де факто» в управленческой практике этнических и религиозных контекстов, а еще 3 % считают, что в коллективе существуют проблемы на этнической почве, но руководитель их игнорирует. В данной связи представляет интерес распределение ответов на вопрос: «Изменится ли Ваше отношение к указаниям руководителя, если он станет проявлять негативное отношение к представителям иной [чем он] веры?»¹¹. Ответы распределились

⁸ Термин «иноверцы» употреблен в условном значении, как маркировка представителей иной веры. Кроме того, в эту, как и в другие выделенные по результатам исследования группы, входят атеисты, значительная часть которых считает нужным высказаться по затрагиваемым в анкете вопросам.

⁹ Полученные данные согласуются с результатами других исследований, свидетельствующих, что степень религиозности российского общества не столь высока, как это представляется СМИ или религиозными деятелями различных конфессий. «Если под верующими понимать подлинно воцерковленных людей, которые имеют духовную связь с православной церковью, то таковых по данным 2005 года было выявлено всего 13%, из них: 73% ходят в храм раз в месяц и чаще... причащаются 53% // Синелина Ю.Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суверенное поведение россиян / Институт социально-политических исследований РАН. М., 2006. – С.36-37; «Подлинно верующих в России – около половины «воцерковленных православных», т.е. менее 2% населения России» / Лексин В.Н. Другие»: верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. – №1. – 2008. – С.54.

¹⁰ Подобные нормы отсутствуют и в корпоративных уставах, и в профессиональных этических кодексах. Документы подобного рода не могут трактовать Конституцию РФ, в которой закреплено равноправие граждан, в том числе независимо от их национальной принадлежности.

¹¹ Вопрос носит прожективный характер – и не только потому, что задан в сослагательном наклонении. Вероятность того, что в монокультурной среде (см. сноску 3) начальник окажется нерусским очень невелика.

следующим образом: «для меня это неважно» – 26%; «у меня снизится доверие к его действиям и решениям» – 42%; «при удобном случае я попытаюсь высказать свое отрицательное отношение к этому» – 14%; «Я буду относиться к его указаниям с большим уважением, если его высказывания совпадут с моим мнением» – 18%. Примечательно, что почти столько же респондентов (24%) считают для себя важным, какого вероисповедания придерживается их непосредственный руководитель; большинство же либо никогда не задумывались над этим (25%), либо религиозная принадлежность начальника для них ни не имеет значения (51%).

Первое, что бросается в глаза: когда речь зашла не об абстрактных отношениях, а о возможных реальных ситуациях, резко, более чем в половину сократилось число сторонников отстраненной позиции и возросло количество респондентов, желающих «участвовать» в решении этноконфессиональных проблем в своем коллективе. Причем, доля противников дискриминации по религиозному признаку втрое превышает число тех, кто поддерживает протекционизм руководителя. Из этого можно сделать, по крайней мере, два вывода. Во-первых, даже в монокультурной среде, которая, казалось бы, обеспечивает индивиду комфортное существование, ущемление религиозных прав (в данном случае неформальное) вызывает негативную реакцию. Видимо, общечеловеческое чувство справедливости перевешивает чувство солидарности с единоверцам. Во-вторых, можно с большой долей вероятности ожидать, что неосторожные шаги в этноконфессиональной сфере вызовут напряжение в коллективе и в системе управления.

Добавим, что применительно к себе подобные негативные последствия респонденты оценивают как достаточно гипотетические. В случае, если их руководителем станет представитель иной веры и/или этнической группы, твердое намерение сменить место работы высказал лишь 1% опрошенных; 11% – не уйдут из коллектива ни при каких обстоятельствах; 21% – сменяют место работы, но только тогда, когда новый начальник будет акцентировать в своих действиях и отношении к подчиненным собственную религиозную принадлежность. Столь же призрачно оценивают опрошенные перспективы профессионального роста в случае, если начальник окажется единоверцем. Отметим такую зависимость 14% респондентов; никогда не сталкивались с подобными фактами 57%; сюда же примыкают около трети опрошенных, которые не задумывались об этом, видимо, в силу того, что не сталкивались с подобной ситуацией.

Большинство респондентов, исходя из своего опыта, также считают, что в повседневной работе религиозные предписания, традиции не влияют (как положительно, так и отрицательно) на отношение к труду, выполнение каких-то конкретных видов работы: половина респондентов никогда не встречались с подобными явлениями или уверены, что в их трудовом коллективе нет проблем, связанных с этнической или религиозной разницей, 21% не дали определенного ответа.

Вместе с тем существует и достаточно устойчивая противоположная тенденция. Треть опрошенных сталкивалась с фактами влияния религиозных норм на эффективность трудовой деятельности, в том числе 10% высказали мнение, что работали бы лучше, если бы все коллеги принадлежали к одному вероисповеданию. 36% респондентов уверены: религиозная принадлежность влияет на взаимоотношения с коллегами. Много это или мало? Оценить ситуацию конкретно не представляется возможным, поскольку опрос не предусматривал детальный анализ этноконфессиональных регулятивов трудовой деятельности. Это задача дальнейших исследований.

Каковы же общие итоги? Исследование показало, что в трудовых коллективах существует достаточно многочисленная группа его членов (от 30 до 40 процентов), которые проявляют интерес к этническим и религиозным вопросам в их организации. Анкета содержала 14 блоков вопросов по разным аспектам темы и число «интересующихся» воспроизводилось с удивительным постоянством. Так что можно утверждать: если и были смещения процедурно-методического характера, то они незначительны. Стабильность

Даже, если он и принадлежит к иной этноконфессиональной общности, принятая система подготовки, отбора и назначения руководителей основана нормам и стандартах советской школы управления с ее основополагающим принципом интернационализма. Преемница советской – российская школа бизнеса вобрала в себя значительный пласт западной управленческой культуры – «космополитичной» по существу и отвергающей дискриминацию по национальному признаку. Так что данный вопрос признан, прежде всего, проявить интерес респондентов к этноконфессиональной проблематике и уж затем – возможные планы.

результата подтверждается и тем, что число тех, для кого та или иная сторона проблемы и число респондентов, которые не дали определенного ответа, также достаточно устойчивы: от 30% до 40% в первом случае и от 20% до 30% во втором.

Кто же эти, интересующиеся этноконфессиональной проблемой люди? Выскажем несколько предположений. С уверенностью можно утверждать одно: большинство из них – этнические русские (поскольку они абсолютно преобладают в коллективах). Сколько среди них верующих, а сколько неверующих – предстоит выяснить. Скорее всего, на формирование интереса в существенной мере повлиял опыт межконфессионального общения. На эту мысль наводят неформальные беседы с русскими иммигрантами из республик бывшего Советского Союза, вынужденных возвратиться в Россию после распада СССР. Вместе с тем, предполагаю, что значительную долю рассматриваемой группы составляют представители этнических меньшинств, для которых вопрос сохранения национальной идентичности, в том числе и в стенах предприятия весьма важен. Кстати, предполагалось, что именно эта среда дает кумулятивный эффект роста интереса к этноконфессиональным проблемам. Пока он не обнаружен.

Безусловно, на зафиксированные установки влияют пол, возраст, образование, какие-то другие факторы. Но это уже предмет другого исследования. Сейчас важно, что зафиксирован факт интереса членов трудовых коллективов к этноконфессиональным проблемам, определены количественные масштабы, важные качественные параметры.

Список литературы

1. См.: Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. С. Б. Филатов. – М., 2002; Религия в самосознании народа. Религиозный фактор в идентификационных процессах / Отв. ред. М.П. Мчедлов. – М., 2008; Вера, Этнос, нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред.кол. М.П. Мчедлов. – М., 2009; Культура как контекст понимания и взаимодействия государства, права, религии. Материалы Международной научно-теоретической конференции 13-14 ноября 2009
2. См., напр.: Нуралиев Н.Н. Нелегальные мигранты. Таджикиский вариант // Человек. 2006. № 6; Пилецкий Е.Л. Современные миграционные процессы в России // <http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm>
3. Подвойский Д.Г. Старообрядцы и русский капитализм // Человек. 2005. № 2; Фурсова Е. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской области (конец XIX-начало XX вв.): проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001
4. Полученные данные согласуются с результатами других исследований, свидетельствующих, что степень религиозности российского общества не столь высока, как это представляется СМИ или религиозными деятелями различных конфессий. «Если под верующими понимать подлинно воцерковленных людей, которые имеют духовную связь с православной церковью, то таких по данным 2005 года было выявлено всего 13%, из них: 73% ходят в храм раз в месяц и чаще... причащаются 53% // Синелина Ю.Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян / Институт социально-политических исследований РАН. М., 2006. – с.36-37; «Подлинно верующих в России – около половины «воцерковленных православных», т.е. менее 2% населения России» / Лексин В.Н. Другие»: верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. – №1. – 2008.-с.54.

ETHNOCONFESSIONAL ASPECT IN ORGANIZATIONAL INTERACTIONS

I.Y. KLIMOV

*Belgorod National
Research University*

The article deals with national and religious relationships in production companies and it shows examples of working groups with the same nation in Central Russia. The author tries to understand the way to exclude negative national stereotypes in the same union. The article concerns the results of sociological interview on depending successful working groups in the Russian companies on the tuff's national and confessional features.

Key words: ethnoconfessional relations, religious values, organizational culture.

УДК 316.354

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

О.А.РОЖНОВ

*Министерство спорта,
туризма и молодежной
политики
Российской Федерации*

*e-mail:
minstm.gov.ru/contacts*

Молодежная политика как отрасль государственного управления нуждается в разработке и применении единых критериев и индикаторов оценки ее эффективности. Анализ регионального опыта работы с молодежью на основе обобщенных показателей стал первым шагом по созданию паспорта молодежной политики в субъекте Российской Федерации.

Ключевые слова: молодёжная политика, индекс развития молодежи, показатели оценки эффективности молодёжной политики.

Объективно оценить эффективность, результативность и действенность принимаемых мер, действий и шагов в сфере молодежной политики возможно только при наличии единых критериев, показателей и индикаторов в этой отрасли. Единого подхода к их определению в оценке эффективности проводимой молодежной политики до последнего времени не существовало. Это позволяло оценивать действенность молодежной политики через призму субъективного понимания целесообразности той или иной деятельности, как на муниципальном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации их руководителями и органами, ответственными за работу в этой сфере.

Формулировки, зафиксированные в отношении молодежной сферы в 184-ФЗ и 131-ФЗ («программы для детей и молодежи») позволяли определять цели и задачи, оценивать эффективность работы с молодежью на усмотрение соответствующего чиновника. В некоторых регионах проведение исключительно 2-3 массовых мероприятий в год оценивалось как целостная системная молодежная политика.

Несколько лет назад в ряде исследований для оценки эффективности достижений поставленных стратегических задач в молодежной сфере стал использоваться **Индекс развития молодежи** – композитный показатель, близкий по содержанию и методологии к Индексу развития человеческого потенциала, и позволяющий комплексно оценить состояние человеческого потенциала молодого поколения. Методология расчета данного показателя предложена ЮНЕСКО. Он рассчитывается на базе 3 групп показателей (рисунок): индекса здоровья, индекса образования, индекса дохода.

При расчете индекса здоровья используются данные о количестве умерших молодых людей по различным причинам, при этом все причины сгруппированы по двум категориям: различные болезни и несчастные случаи. К последней, в том числе, относятся: самоубийства, убийства, повреждения, полученные в военных действиях, отравления и травмы, которые привели к летальному исходу, в том числе и связанные с употреблением наркотиков и алкоголя.

Для расчета индекса образования анализируются данные о доле грамотных среди молодежи, об охвате образованием различного уровня, а также о качестве полученного ими образования. Оценка качества полученного молодежью образования производится на основании данных о результатах единого государственного экзамена по русскому языку и математике.

Последняя составляющая индекса развития молодежи – индекс дохода, рассчитываемый по данным обследований Росстата.

Обобщающий индекс развития молодежи рассчитывается как среднее значение всех показателей его составляющих.

В 2008 году Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, на основании указанных выше и других имеющихся наработок, разработало, обсудило на общероссийском совещании с руководителями органов по делам молодежи регионов документ «Статистические данные для оценки эффективности реализации государственной молодежной политики в субъекте Российской Федерации».

Рис. Методология расчета индекса развития молодежи

Документ был разослан во все субъекты Российской Федерации для заполнения. Информация из регионов была в течение нескольких месяцев получена и обобщена.

Сам процесс сбора информации показал весь спектр понимания приоритетов в работе с молодежью. В ряде регионов руководители были удивлены тем, что показателями эффективной молодежной политики являются, в том числе, низкий уровень безработицы в молодежной среде, наркомании, преступности и рецидивной преступности. В некоторых регионах целый спектр статистических данных о состоянии дел с реализацией молодежной политики оказался вовсе выпадающим, т.е. не отслеживался органами власти на момент сбора статданных.

Конечно, существуют общественные процессы и ценностные параметры (духовное развитие, патриотизм, толерантность и т.п.), которые достаточно сложно напрямую оценить количественно, а тем более определить результативность усилий, направленных на их развитие. Практически чтобы их измерить необходимо прибегать к косвенным показателям, которые могут быть не менее информативными.

Тем не менее, необходимо определить перечень статистических показателей, который бы с высокой долей объективности смог охарактеризовать эффективность проводимой молодежной политики в России на современном этапе. При оценке эффективности молодежной политики следует принимать во внимание также факторы, отражающие многообразие категорий и социальных групп молодежи: различия по регионам, географическим районам, различия между селом и городом, между мужчинами и женщинами, между коренной и мигрирующей молодежью и т.д.

В перечне должны быть следующие показатели.

1. Оценки, определяющие положение молодежи и в том числе:

1.1. Социально-демографические характеристики

- Доля молодежи в возрасте 14-30 лет
- Половозрастное распределение молодежи и ее этнонациональный состав
- Распределение молодежи по типам поселений и ее миграция между городами и сельской местностью внутри субъекта РФ

- Миграция молодежи между субъектом РФ и другими субъектами РФ, странами СНГ, зарубежными странами
- Численность мигрирующей молодежи
- Заболеваемость молодежи в субъекте РФ (общая динамика по всем видам болезней).
- Структура причин смертности в молодежной среде
- Семейное положение молодежи в субъекте РФ
- Численность молодых семей в субъекте РФ (с учетом определения молодой семьи)
- Браки и разводы среди молодежи в субъекте РФ
- Рождаемость в молодых семьях
- 1.2. **Занятость молодежи**
  - Формы занятости молодежи
  - Распределение занятости молодежи по сферам производства
  - Средняя продолжительность молодежной безработицы
  - Молодежь, приступившая к работе по специальности после окончания учебных заведений профессионального образования
- 1.3. **Образование молодежи**
  - Уровень образованности молодежи
  - Количество учебных заведений профессионального образования
  - Количество учащихся учебных заведений профессионального образования
- 1.4. **Служба молодежи в армии (количество призывников, молодежи, отслужившей и не отслужившей срочную службу)**
- 1.5. **Социальная активность молодежи и в том числе:**
  - 1.1.1. **Общественно-политическая активность молодежи**
    - Молодежь, участвовавшая в выборах федерального и регионального уровня
    - Молодежь, состоящая в политических партиях и региональных общественно-политических формированиях
    - Молодежь, участвующая в деятельности детских и молодежных общественных объединений, а также органов самоуправления
  - 1.1.2. **Трудовая и деловая активность молодежи в субъекте РФ**
    - Молодежь, участвующая в программах по трудоустройству и профессиональной ориентации
    - Молодые люди, создавшие фермерское хозяйство (задействованные в его деятельности)
    - Молодые люди, зарегистрированные в качестве учредителей коммерческих предприятий
    - Молодежь, участвующая в работе студенческих отрядов и трудовых объединений по сезонной и временной занятости
  - 1.1.3. **Творческая активность молодежи**
    - Молодежь, участвующая в конкурсах, фестивалях, олимпиадах и т.п. мероприятиях межрегионального, всероссийского и международного масштаба, проходящих в субъекте РФ (доля от общего числа молодежи в субъекте РФ)
    - Молодежь, участвующая в конкурсах, фестивалях, олимпиадах, и т.п. мероприятиях регионального уровня, проходящих в субъекте РФ
    - Молодежь, участвующая в работе неформальных и формализованных творческих молодежных союзов и объединений
  - 1.1.4. **Спортивная активность молодежи в субъекте РФ.**
    - Молодежь, занимающаяся в организациях физической культуры и спорта
    - Молодежь субъекта РФ, участвующая в межрегиональных, всероссийских и международных молодежных соревнованиях
    - Молодежь, занимающаяся в организациях РОСТО (ДОСААФ)
    - Молодежь, занимающаяся в учреждениях по месту жительства

• Молодежь, занимающаяся физической культурой и спортом в организациях военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки

1.6. Преступления и правонарушения, совершенные молодежью

• Молодежь, совершившая административные правонарушения и уголовные преступления

• Административные правонарушения и уголовные преступления, совершенные с участием молодежи

• Молодежь субъекта РФ, находящаяся в исправительных учреждениях

• Экстремистские проявления в молодежной среде

2. На этом фоне необходимо оценить деятельность органов власти по реализации основных направлений государственной молодежной политики в субъекте РФ, среди них:

2.1. Поддержка и сопровождение талантливой молодежи в субъекте РФ

• Наличие базы данных по талантливой молодежи

• Количество программ по работе с талантливой молодежью

• Организация работы с молодежью, тяготеющей к деятельности в научной сфере

2.2. Помощь и поддержка молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации (далее – ТЖС)

• Наличие базы молодежи, оказавшейся в ТЖС

• Количество программ по работе с молодежью, оказавшейся в ТЖС

• Специализированные учреждения для молодежи, оказавшейся в ТЖС

2.3. Система профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи

• Программы по профессиональной ориентации и трудоустройству молодежи

• Специализированные учреждения по профориентации и трудоустройству молодежи

• Количество бизнес-инкубаторов

2.4. Деятельность по профилактике асоциальных явлений в молодежной среде

2.5. Патриотическое воспитание и допризывная подготовка детей и молодежи

• Программы по патриотическому воспитанию и допризывной подготовке детей и молодежи

• Организации, работающие в сфере патриотического воспитания и допризывной подготовки детей и молодежи

2.6. Поддержка молодых семей

• Наличие базы данных по количеству и состоянию молодых семей

• Наличие региональных нормативных и правовых актов в отношении молодой семьи

• Программы в отношении молодых семей (в том числе по обеспечению жильем)

• Обеспеченность жильем молодых семей

2.7. Работа с целевыми группами молодежи

2.8. Работа с объединениями молодежных субкультур

• Наличие базы данных по объединениям молодежных субкультур

• Перечень объединений молодежных субкультур в субъекте РФ, с которыми ведет работу орган по делам молодежи

• Программы (подпрограммы) по работе с объединениями молодежных субкультур

3. Следующий раздел показателей касается управления государственной молодежной политикой и ее инфраструктуры:

3.1. Нормативная и правовая база отрасли

• Законы и нормативные правовые акты, принятые в отношении молодежи и молодежной политики

• Целевые программы

3.2. Учреждения и организации по работе с молодежью

- Общая численность учреждений по работе с молодежью
- Молодежные общественные и некоммерческие организации, работающие с молодежью в субъекте РФ, входящие и не входящие в реестр
- Формы институциональной самоорганизации молодежи в субъекте РФ

3.3. Орган по делам молодежи

- Наименование, структура и штатная численность сотрудников органа, отвечающего за реализацию государственной молодежной политики
- Количество сотрудников органа по делам молодежи
- Количество структур по работе с молодежью, подведомственных органу по делам молодежи
- Коллегиальные органы (советы, комиссии и т.п.) при органе по делам молодежи
- Финансирование сферы государственной молодежной политики
- Бюджетное финансирование сферы государственной молодежной политики

Обобщение и сопоставление этих показателей формирует достаточно полную картину эффективности политики в отношении молодежи (своего рода паспорт молодежной отрасли по регионам).

Все эти показатели важны не только в абсолютных цифрах, но и с учетом их доли в общем количестве молодежи, проживающей в субъекте РФ, а также в динамике.

Второй составляющей, характеризующей эффективность молодежной политики, должен быть ежегодный доклад «О положении молодежи в Российской Федерации», информация для которого собирается социологическими методами. Он показывает не статистическую картину, а мнение и оценку самой молодежью, и обществом в целом действенности и результативности проводимой политики.

Все это в совокупности может стать универсальной системой оценки деятельности государства и общества в сфере государственной молодежной политики на всех уровнях управления в Российской Федерации.

ESTIMATION OF EFFICIENCY OF REALIZATION OF THE YOUTH POLICY AND ITS STANDARD-LEGAL MAINTENANCE

O.A. ROZHNOV

*Ministry of Sport, Tourism
and Youth Policy
of the Russian Federation*

*e-mail:
minstm.gov.ru/contacts*

The youth policy as government branch needs working out and application of uniform criteria and indicators of efficiency estimation. The analysis of regional experience with youth on the basis of the generalized indicators became the first step on creation of the passport of a youth policy in the subject of the Russian Federation.

Key words: youth policy, index of development of youth, indicators of an estimation of efficiency of a youth policy.

УДК 316.647.5:21/29-053.67

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

И.В. ШАВЫРИНА*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: shavyrina@bsu.edu.ru*

Статья посвящена изучению готовности белгородской молодежи к социальному взаимодействию в межконфессиональной сфере. Представлены результаты социологического исследования готовности молодежи к социальному взаимодействию с представителями различных религиозных конфессий, определению форм проявления и факторов формирования толерантности-интолерантности в молодежной среде.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, религия, межконфессиональная толерантность (веротерпимость), молодежь.

На развитие мирового социума в условиях формирования демократических институтов в последнее столетие оказывает большое влияние изменение характера объективации инаковости. Начало демократического переустройства общества было связано с борьбой за права человека, которые понимались как неотъемлемо присущие человеку по факту его существования независимо от фенотипических, социально-демографических характеристик, а также мировоззренческих установок. Результатом этого стало политико-правовое оформление прав человека, прежде всего, как права на индивидуальность. Наметившиеся в последнее столетие в мировом сообществе тенденции к интеграции, чему способствовало стремительное развитие средств массовой коммуникации, стали сейчас определяющими в складывающейся конфигурации глобального социального пространства. В этих условиях проблема гармонизации социальных отношений актуализируется многими обстоятельствами, к числу которых можно отнести, во-первых, обострение и выявление ценностно-нормативных различий как неизбежное следствие интеграции и, во-вторых, включенность людей через средства массовой информации в неограниченное количество социальных связей.

В настоящее время в отечественной общественной мысли идет поиск нормативно-ценностной парадигмы, которая бы стала основой для оптимальных форм социального взаимодействия в условиях традиционной для страны поликультурности и нормативно-декларируемого плюрализма во всех сферах жизни социума. В качестве таковой в Российской Федерации на государственном уровне утверждено – формирование толерантности и преодоление экстремизма.

В современной социально-гуманитарной мысли, как отечественной, так и зарубежной, нет единства в понимании толерантности в аспекте социального взаимодействия. На наш взгляд, максимальное эвристическое и регулятивное значение толерантности как модели социального взаимодействия в поликультурном социуме достигается при локализации ее смыслового концепта – терпимости только в ситуации существования и проявления различных форм инаковости и может рассматриваться как готовность личности к позитивному взаимодействию с различными формами существования инаковости. И поэтому, толерантность рассматривается в контексте достижения гармоничного сосуществования субъектов социального взаимодействия в поликультурном мире. Подобное понимание толерантности берет свое начало в европейской общественной мысли периода Реформации, а концептуализируется в работах Дж. Локка. Традиция осмысления толерантности в ситуации существования социокультурных различий была продолжена представителями Просвещения (Ф.М. Вольтер, К.А. Гельвеций, Д. Дидро и др.). Логическим завершением концептуализации толерантности стало ее нормативное закрепление в аспекте прав человека во французском и американском законодательствах конца XVIII века.

Сфера межконфессиональных отношений традиционно являлась пространством существования социокультурного диалога, который носил различные формы – как позитивные, так и негативные. В настоящее время в Российской Федерации пристальное внимание исследователей к проблемам межконфессионального взаимодействия актуализировано, во-первых, снятием атеистических ограничений в духовной жизни общества и, во-вторых, тем, что складывание современной конфигурации поля взаимодействия различных конфессий определяется либеральной парадигмой, концептуальные установки которой не являются идеально адаптивными к российским условиям и не могут быть осмыслены с учетом исторического опыта нашей страны.

В марте 2010 – октябре 2010 гг. автором было проведено социологическое исследование «Социокультурное взаимодействие молодежи Белгородской области». Выборочная совокупность формировалась на основе репрезентативной пропорциональной многоступенчатой квотной выборки (N = 628). За основу квотирования были взяты такие характеристики как тип населенного пункта, социальный статус и пол респондентов. Анкета включала вопросы, связанные оценкой готовности молодежи к позитивному социальному взаимодействию, определением форм проявления и факторов формирования интолерантности в молодежной среде, а также оценкой роли различных социальных институтов в формировании толерантности и способов преодоления нетерпимости в обществе между людьми разных национальностей, вероисповеданий, убеждений и т.д.

Результаты, проведенного автором исследования показывают, что религия является для молодежи основанием для категоризации инаковости. Как видно из табл. 1, подавляющее большинство опрошенных согласилось с тем, что православие должно быть единственной религией в России, причем, по их мнению, в области и, особенно, в городе позиция православия должна быть сильнее, чем в целом по стране, где почти половина опрошенных согласилась с существованием, наряду с православием, других традиционных религий (ислам, буддизм, католицизм, иудаизм).

Таблица 1

Представление молодежи о возможных моделях территориальной поликонфессиональности, в %

	в стране	в области	в городе
Православие должно быть единственной религией	37,2	46,3	54,1
Наряду с православием могут существовать традиционные религии (ислам, буддизм, католицизм, иудаизм)	47,7	41	35,5
Наряду с православием могут свободно развиваться новые религиозные движения (Свидетели Иеговы, кришнаиты и т.д.)	2,2	2,3	1
Наряду с православием и другими традиционными религиями могут свободно развиваться новые религиозные движения (Свидетели Иеговы, кришнаиты и т.д.)	10,2	7,4	6,1
Не должно быть вообще никаких религий	2,7	3	3,3

Данное наблюдение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что белгородская молодежь вполне адекватно представляет себе религиозную ситуацию в современной России, и, отдавая приоритет православию, она в масштабах страны указывает на возможность мирного сосуществования православия и других традиционных религий.

Измерение социальной дистанции подтвердило то, что готовность к принятию человека другого вероисповедания во многом определяется дальностью-близостью его нахождения по отношению к опрошенным. Как видно из табл. 2, если в качестве гражданина нашей страны готовы принять иноверца в качестве равноправного субъекта социального взаимодействия 59,8%, в качестве друга 51,2, то уже в качестве своего супруга 21,3% опрошенных. Анализ данных показал, что в зависимости от социального статуса и места жительства также изменяется готовность молодежи к принятию иноверцев в качестве субъектов социального взаимодействия. Так, студенты высших учебных заведений и работающая молодежь в большей степени, чем учащиеся начальных профессиональных и

средне-специальных учебных заведений, готовы к взаимодействию с людьми другого вероисповедания по всем позициям шкалы социальной дистанции. Учащиеся общеобразовательных школ занимают промежуточное положение между двумя указанными категориями молодежи. При более детальном рассмотрении особого внимания заслуживает анализ двух позиций – при наивысшем показателе принятия человека другого вероисповедания в качестве одноклассника, однокурсника и коллеге по работе (60%), уже в качестве непосредственного начальника, педагога свою готовность высказали лишь 40,2% опрошенных. Причем данная тенденция объединяет все статусные группы опрошенной молодежи, где наименьшую готовность опять таки демонстрируют учащиеся ССУЗов (35,2% и 29,6%), а также учащиеся ПТУ (35,7% и 30,9% соответственно). Указанная ситуация достаточно сложно интерпретируема. Если нежелание принятия в качестве супруга вполне объяснимо сложившейся традицией мононациональных браков, готовность дружить и вместе учиться (работать) с иноверцем можно представить как эмоционально окрашенную форму взаимодействия на личном уровне, то негативное отношение в ситуации, когда начальником (педагогом) респондента будет человек другого вероисповедания может рассматриваться как «не имеющий никакого права командовать аборигеном» в силу отсутствия исторических и культурных оснований для этого.

Таблица 2

Принятие человека другого вероисповедания в качестве ... в зависимости от социального статуса, (% ответивших утвердительно)

	школа	ПТУ	ССУЗ	ВУЗ	работающая молодежь	всего
Гражданина РФ	59,8	42,8	37	69,3	64,4	59,8
Жителя Вашего населенного пункта	58,3	47,6	44,4	69,3	59,4	58,8
Соседа по дому	50,7	40,5	42,6	57	55	51,9
Одноклассника, однокурсника, коллегу по работе	55,3	35,7	35,2	80,1	63,3	60
Непосредственного начальника, педагога	40,1	30,9	29,6	45,6	41,7	40,2
Друга	50	30,9	31,5	60,5	56,7	51,2
Супруга Ваших близких	40,2	26,2	18,5	47,4	37,8	37,5
Вашего супруга	24,2	16,7	11,1	24,6	21,1	21,3

Данные табл. 3 наглядно показывают, что жители областного центра демонстрируют максимальную готовность к взаимодействию с людьми другой веры, а сельские жители считают такое взаимодействие возможным в гораздо меньшей степени. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что жизнь городской молодежи характеризуется сравнительно большей включенностью в систему социальных связей.

Таблица 3

Принятие человека другого вероисповедания в качестве ... в зависимости от территориального статуса, (% ответивших утвердительно)

	жители областного центра	жители районов и ПГТ	жители сельской местности
Гражданина РФ	69,1	59,2	51,9
Жителя Вашего населенного пункта	69,1	57,7	50,1
Соседа по дому	59,1	53,1	43,7
Одноклассника, однокурсника, коллегу по работе	67,1	59,2	54,4
Непосредственного начальника, педагога	48,3	38	35,6
Друга	56,4	50,2	47,5
Супруга Ваших близких	38,3	38,1	36,3
Вашего супруга	22,8	20,6	20,1

Шкала социальной дистанции в этом случае продолжает логику выбора молодежью моделей территориальной поликонфессиональности, где самым близким к респонденту территориальным образованием был его населенный пункт, а здесь субъект интимно-личностного пространства человека – супруг. И в обоих случаях молодежь высказала нежелание, чтобы люди другого вероисповедания составляли их социальное окружение.

Устойчивой характеристикой молодежного сознания является категорическое неприятие существования новых религиозных движений (сект). Причем это неприятие простирается от своего населенного пункта до страны в целом, где респонденты не готовы рассматривать их как равноправные конфессии наряду с православием и традиционными религиями. Здесь следует заметить, что если по данным исследования «Разработка и проведения мониторинга социальной напряженности и выявление уровня толерантности молодежи Белгородской области», проведенного автором в 2004 г в рамках работы по гранту на проведение учеными научных исследований (конкурс для студентов, аспирантов и молодых ученых вузов Белгородской области) (N=400) у 39,5 % опрошенных сектанты вызывают раздражение и неприязнь, 33,5 % – будут стараться их избегать и лишь 0,4 % – отнесутся с уважением, 3,4 % – с сочувствием и 7,9 % – спокойно, то данным исследованием 2010 г. как крайне негативное определили свое отношение к сектантам 84,9% опрошенных, 8,7 % опрошенных высказались за то, что им необходимо предоставить помощь, а 6,4 % – предоставить самим себе, причем вне зависимости от социально-демографических характеристик респондентов.

Достаточно сложной проблемой является установление взаимосвязи между вероисповеданием и национальной принадлежностью в сознании молодежи. Несмотря на то, что 20,8 % указали на религию как детерминанту формирования негативного отношения к людям другой национальности, доминирующим отношением к мусульманам является спокойствие – 46,2 % и безразличие – 22,2 %. Раздражение мусульмане вызывают у 15,7 % опрошенных, а избегают общения с ними 13,2 %. Для сравнения к буддистам спокойно относятся 44,6% и безразлично – 27%, а к иудеям – 46,5 и 21,7, соответственно. Раздражение буддисты и иудеи вызывают у 11,7 % и 17,8 %, а будут стараться избегать общения с ними 7,9 % и 6,1 %, соответственно. Данные показатели кажутся более чем странными, если учесть, что первые три позиции в перечне наций, вызывающих неприязнь, занимали адепты ислама. На наш взгляд, это может служить еще одним подтверждением того, что негативное отношение к нациям в первую очередь формируется как следствие актуализации общественно-политических событий и не распространяется, в данном случае, на весь исламский мир.

Но указанное позиционирование молодежи в сфере межконфессиональных отношений не дает основания делать вывод об априорной зависимости между отношением к другим религиям и собственной религиозной принадлежностью. Притом, что в социально-демографическом блоке анкеты исследования 91,2 % опрошенных определили себя как православных, только для 1% религия является основанием для отнесения человека к «своим» или «чужим», и лишь для 1,2 % – самоидентификационной характеристикой, разделяющей одну позицию с переживаемым состоянием в настоящий момент («голоден», «пишу», «влюблен», «отвечаю на вопросы»). Возможно, данное противоречие объясняется тем, что для молодых людей, даже индифферентно относящихся к религии, православие является важнейшей составной частью культурной традиции русского народа, и они рассматривают духовную жизнь через призму православия.

Таким образом, сфера межконфессиональных отношений является пространством существования позиционирования молодежи относительно конфессиональных различий. Отношение молодежи к людям других вероисповеданий складывается в контексте доминирования православия как конфессии и культурной традиции в межконфессиональной сфере. В целом, по степени реагирования на инаковость молодежь относится положительно к другим традиционным конфессиям в силу объективного осознания поликонфессиональности страны. Но готовность принять представителя этой конфессии, не говоря уже о сектанте, характеризуется как «осознаваемое принятие» в ситуации неосознанного отторжения.

INTERRELIGIOUS TOLERANCE AMONG YOUNG PEOPLE: AN EMPIRICAL STUDY

I.V.SHAVYRINA

*Belgorod National
Research
University*

e-mail: shavyrina@bsu.edu.ru

The paper studies the readiness of Belgorod youth to the social interaction in an interreligious sphere. The author discusses the results of sociological research of readiness of youth to social interaction with representatives of various religions. The paper also contains the definition of forms of expression and formation factors of tolerance-intolerance among the youth.

Key words: social interaction, religion, religious tolerance, youth.

УДК 328.185:316.624

ТИПОЛОГИЯ КОРРУПЦИИ И ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ КОРРУПЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ

М.В. ШЕДИЙ*Орловская региональная
академия государственной
службы**e-mail: m_v_shedij@mail.ru*

В статье рассматриваются различные формы и типы коррупции, распространенные в современном мире. В работе предложены различные критерии классификации форм коррупционных стратегий поведения.

Ключевые слова: коррупция, типы и формы коррупции, коррупционные стратегии поведения.

Коррупция – это многогранная проблема, и ее множественные аспекты не всегда легко выявляются. Коррупция может принимать различные формы и происходить из самых разных источников. В то же время ее воздействие может ощущаться на самых разных уровнях.

Формы коррупции бесконечно разнообразны: от примитивных, в виде получения взяток, за совершение как законных, так и незаконных действий. До сложных и завуалированных – в виде участия должностных лиц, их родственников и близких, самолично или через доверенных лиц, в различных сферах предпринимательской деятельности, продажи должностей и званий; коррумпированности должностных лиц высшего уровня, участвующих в законотворчестве, – в виде лоббирования законов за вознаграждение и т.д.

Несмотря на чрезвычайную многогранность и многоликость проявления, принято выделять следующие типы коррупции.

В зависимости от области приложения, коррупцию подразделяют на экономическую и политическую.

Под экономической коррупцией понимается подкуп (получение, обещание, предложение, дача или вымогательство взятки), любое другое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот или преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для любых других лиц, вопреки охраняемым законом экономическим интересам гражданина, юридического лица, общества или государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу вне зависимости от совершения данных деяний лично или через посредников.

Под охраняемыми законом экономическими интересами гражданина, юридического лица, общества или государства понимаются непротиворечащие Конституции РФ, иному законодательству, международным договорам и принятым в соответствии с ними нормативным правовым актам права, полномочия и свободы в сферах собственности (отношения владения пользования и распоряжения имуществом) и экономической деятельности (отношения производства, обмена, распределения и потребления товаров, в том числе услуг).

К лицам, имеющим публичный статус, относятся лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие должностные или иные служебные обязанности в органах государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях (в том числе иностранных и международных), а также лица, выполняющие управленческие функции в государственных и муниципальных предприятиях, иных коммерческих – в том числе иностранных – организациях.

К экономической коррупции целесообразно относить также подкуп публичных лиц юридическими лицами (например, на основе решений коллегиальных органов управления), который в настоящее время не квалифицируется как преступление или административное правонарушение.

Политическая коррупция связана с деятельностью чиновников аппарата политической власти. В ее основе лежит неофициальный, бесконтрольный обмен ресурсами между властной элитой и другими структурами общества. Противоречия между интересами правящей элиты и нормами морали и закона возникают не столько из-за взяток, сколько из-за сложившихся клановых отношений, в которых главенствующим является принцип родственных связей.

В. Ле Вайн, опубликовавший в 1975 г. исследование, посвященное развитию политической коррупции (на примере Ганы), исходил из трех постулатов. Во-первых, что существует различие между политической и неполитической коррупцией; во-вторых, что имеется некий водораздел между политической коррупцией и коррупцией политического процесса и, наконец, в-третьих, что коррупция – это социальный процесс. Для аргументации своей точки зрения, Ле Вайн разработал систему политологических категорий, часть которых, бесспорно, представляет интерес для теории политической коррупции. Термин «политическая коррупция», по мнению этого автора, подчеркивает структурный и человеческий компоненты формального государственного устройства и предполагает вовлеченность в данный процесс государственных (и «общественно-политических») должностных лиц. В случае, если в акте коррупции не принимают участие подобные должностные лица, то такая коррупция может быть определена как «неполитическая». В отличие от «политической коррупции» «коррупция политического процесса» ориентирована, прежде всего, не на непосредственное извлечение той или иной материальной выгоды, а на деградацию и извращение самого политического процесса. Проявлениями этого вида коррупции служит мошенничество на выборах (например, «регистрация покойников» и наполнение избирательных урн фальшивыми бюллетенями), борьба за политическую власть путем покупки лжесвидетельств, давления на судей и т. п. средства¹.

Сделка в сфере политической коррупции в ее простейшей форме, предполагает участие по крайней мере двух человек, по меньшей мере один из которых находится при исполнении официальных или квазиофициальных полномочий. В обмен на неправомерное применение этих полномочий поступает политический товар, движущийся по крайней мере в одном направлении; при этом по крайней мере одна из сторон осведомлена, что диспозиция политического товара незапланирована, незаконна и несанкционирована.

По мнению отечественного ученого, криминалиста В.В. Лунева, под политической коррупцией следует понимать коррупционные (или связанные с коррупцией) формы политической борьбы правящих или оппозиционных элит, партий, групп и отдельных лиц за власть, т.е. с целью ее захвата или удержания, а также против политических конкурентов. Некоторым ее видам присущи коррупционные деяния против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против основ государственного строя и государственной власти². Г.Н. Горшенков отмечает, что политическая коррупция проявляется в характеризующихся политической окраской деяниях, часть из которых ненаказуема в уголовно-правовом порядке, а другая – наказуема. П.А. Кабанов справедливо указывает на то, что цель коррумпированной элиты (представители государственных органов власти, юридические лица, претенденты на власть) – это не только укрепление, но и получение, сохранение и распределение власти³.

Подчеркивая политическую составляющую коррупции, В.А. Шабалин в статье «Политика и преступность» определяет ее как «девиантное политическое поведение, выражающееся в нелегитимном использовании господствующей политической элитой государственных ресурсов в целях укрепления своей власти или обогащения»⁴.

Таким образом, выделяют следующие признаки политической коррупции:

а) отсутствие явной противоправности;

¹ Lawore B. Social Inequality in Nigeria: the Poor and the Rich / B. Lawore. – Unilag Sociologist, Lagos, 1976/77, 4, P. 2-3.

² Лунев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / В.В. Лунев. – М. : 2001. – С. 25.

³ Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: Монография / П.А. Кабанов. – Нижнекамск, 2004.

⁴ Шабалин В.А. Политика и преступность / В.А. Шабалин // Государство и право. – 1994. – №4. – С. 44.

б) нацеленность на захват, сохранение, укрепление и распределение власти как отдельными лицами, так и их группами (партиями, иными устойчивыми сообществами);
в) использование для достижения указанных целей как государственных, так и общественных ресурсов.

Формами политической коррупции являются:

- коррупционный лоббизм;
- коррупционный фаворитизм;
- коррупционный протекционизм;
- тайные взносы на политические цели;
- взносы на выборы с последующей расплатой государственными должностями и др.

Кроме того, к политической коррупции принято относить и избирательную или электоральную коррупцию, представляющую собой деятельность заинтересованных лиц, направленную на куплю-продажу властных полномочий. Кандидаты на государственные выборные должности стремятся получить эти полномочия официально, а лица, которые «помогают» им прийти к власти – неофициально, желают получить возможность влиять на принятие выгодных для них решений, оставаясь при этом, как правило, «в тени» (лоббирование, протекционирование и т.п.). При этом особенность избирательной, электоральной коррупции заключается в том, что подкупающая сторона действует на «перспективу» на неопределенных условиях. Наиболее распространенным вариантом коррупционного поведения в этом случае является совершение сделки, в результате которой кандидат в законодательные или исполнительные органы власти обменивает свой властный капитал на предлагаемые ему материальные либо нематериальные блага (конвертирует власть в другой ресурс, чаще всего финансовый).

Более сложную классификацию предложил М. Джонстон, американский ученый, специализирующийся по проблемам правонарушений в области экономики, в своем труде «Политические последствия коррупции»⁵:

1. Взятки чиновникам в сфере торговли (за продажу нелегально произведенной продукции, завышение качества товаров, деятельность черного рынка, незаконные операции, неуплата налогов, фальсификация бухгалтерских отчетов и т.д.);

2. Отношения в клановых и патронажных системах, в том числе покровительство «боссов» на основе земляческих, родственных, партийных принципов (явление, описанное еще М. Вебером, а затем Р. Мертоном). Патронажная система возникает, как правило, в том случае, когда незаконные сделки концентрируются в руках ограниченного количества лиц или организаций. Централизованные системы доходов и обязательств охватывают самые разнообразные связи, в том числе покровительство со стороны боссов на основе земляческих, партийных, родственных и других принципов. Централизованный контроль над потребностями населения вынуждает многих жителей выполнять определенные политические обязательства. Это в свою очередь может быть использовано для организованных политических акций, например, для проведения избирательной кампании в пользу той или иной политической партии. Иногда патронажные системы «планируют» коррупцию, манипулируют общественным мнением и поведением в соответствии с желаниями или указаниями местных или центральных властей. Методы влияния патронажных систем на население различны, варьируются от распределения подарков и продуктов до предоставления работы и заключения выгодных контрактов в обмен на возвратные «благодарности», т. е. скрытые взятки. Деятели, контролирующие патронажные системы, стремятся к монополизации власти вплоть до установления контроля над правительством;

3. Дружба и кумовство. Дружба и кумовство приводят к таким фактам, как большие уступки при заключении сделок, назначения родственников на ключевые посты, льготные покупки личной собственности представителями властей, осуществляющими ее национализацию, доступ к твердой валюте и др. Контроль над этими сферами бизнеса создает предпосылки для использования их в целях коррупции. Распределение подобных

⁵ Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М. : ИНФРА. 1996.

благ осуществляется среди небольшой группы элиты и членов их семей, от которых ожидают крупной отдачи в виде взяток и других «благодарностей». Коррупция в семейном кругу не носит столь широких размеров, как торговые взятки и патронажные системы;

4. «Кризисная коррупция», существующая в условиях переходной экономики, где старые правила игры уже не действуют, а новые только устанавливаются: они-то и становятся предметом торга, купли и продажи.

Специалисты по коррупции в странах с переходной экономикой Д. Джонс, Дж. Хеллман и Д. Кауфманн выделяют две формы коррупции: административную коррупцию и «скупку государства»⁶.

Под административной коррупцией они понимают намеренное внесение искажений в процесс реализации законов и правил с целью обеспечить себе или другим нужным им лицам незаконные льготы либо преимущества. Примером служит мелкий торговец, вынужденный давать взятки бесконечной веренице госинспекторов, чтобы они закрыли глаза на те или иные нарушения правил торговли. Сюда же относятся и взятки ради получения всевозможных допусков и разрешений, беспрепятственного прохождения таможенного досмотра, получения предоставляемых на конкурсной (тендерной) основе госзаказов. Наконец, чиновники могут распределять не по назначению находящиеся под их контролем или под контролем членов их семей финансовые льготы. Подобные случаи можно отнести к дискриминационному применению правил и постановлений. Данный вид коррупции измеряют в доле средств дохода, которые тратят на взятки фирмы и компании.

«Скупка государства» заключается в том, что отдельные корпорации или группы лиц с помощью взяток добиваются принятия и реализации выгодных для них законодательных норм и мер экономической политики. В итоге государство действует не в общих интересах, а в частных. Подобная практика близко стоит к лоббированию, правда, незаконному. Она предпринимается с целью обеспечить себе преимущество в результате противоправного и непрозрачного предоставления личных благ. Подобные формы процветают там, где налицо высокая концентрация экономической власти, нет открытого соперничества между общественными партиями и группами интересов, не развиты легитимные каналы политического влияния и лоббирования.

Д. Джонс, Д. Кауфманн и Д. Хеллман полагают, что «скупка государства» достигает значительных масштабов в тех странах, где нет достаточных гарантий прав собственности и сдерживаются процессы экономической либерализации. В неразвитом гражданском обществе и ограничении свободы СМИ у предпринимателей не остается легальных каналов воздействия на политику правительства. Тогда запускаются теневые коррупционные схемы. В условиях слабой конкурентной среды проявляются тенденции монополизации рынка основными действующими игроками, что повышает их возможности влиять на правительственные решения и, как следствие, сильно тормозит внедрение рыночных механизмов и провоцирует коррупцию.

Арнольд Хайденхаймер, используя цветовую шкалу, подразделил коррупцию на белую, серую и черную⁷.

Белая обозначает практики, относительно которых в общественном мнении существует согласие: данные действия не считаются предосудительными. Они, по существу, интегрированы в культуру и не воспринимаются как проблема.

Черная коррупция является объектом иного консенсуса: действия осуждаются всеми слоями общества – «когда преобладает согласие элиты и общественного мнения в осуждении и желании наказать ее на основе закона».

Серой коррупцией А. Хайденхаймер назвал те практики, относительно которых никакого согласия не существует, когда одни, обычно представители элиты, могут желать наказания коррупционного действия, другие – нет, а большинство может не иметь определенного мнения по этому поводу.

⁶ Джонс Д., Хеллман Дж., Кауфманн Д. Что стоит за «загрязняющей рукой» правительства в переходном периоде / Д. Джонс, Дж. Хеллман, Д. Кауфманн // Трансформация. – 2000. – № 2–3.

⁷ Heidenheimer A. Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA / A. Heidenheimer. Quebec City, 2000. August 1-5.

Отечественный исследователь, российский экономист и общественный деятель Ярослав Иванович Кузьминов, создатель и ректор Государственного университета – Высшей школы экономики, различает коррупцию в широком и узком смысле. Первая связана с нарушением должностным лицом своих обязанностей ради материального вознаграждения, вторая – с взяточничеством и чиновничьим предпринимательством⁸.

В зависимости от масштаба различают также крупную (политическую) и мелкую коррупцию.

Крупная характеризуется высоким социальным положением субъектов правонарушения, имеет место в высших эшелонах государственного управления. Такая коррупция связана с большими деньгами и риском, поэтому происходит в очень сложных, специфических и конфиденциальных условиях. Растет взаимозависимость участников, фактор доверия между ними, что создает условия для формирования в стране олигархических кланов.

Мелкая коррупция, коррупция ради выживания, существует на низком уровне; в нее вовлечены широкие массы населения, и скрыть ее не представляется возможным.

Постсоветским странам присуща особая форма коррупции – системная – итог централизованной экономики. Когда коррупция проявляется во всех сферах общественной жизни: в экономике, политике, в силовых структурах, в образовании, науке, искусстве и т.д., то мы имеем дело с ее системным проявлением.

Системная коррупция обратна пропорциональна развитию (во всех областях) страны, ее рост – свидетельство ослабления государства. Специфика этой коррупции – острое несоответствие микро- и макроэкономических показателей, в частности, на уровне домашних хозяйств. При этом значительная часть населения живет состоятельно, высок объем товарооборота, Дороги перегружены престижными автомобилями, открываются новые хозяйственные объекты: супермаркеты, рестораны, казино. А на макроуровне государству трудно решить элементарные проблемы: своевременно выдать зарплату, на минимальном уровне обеспечить социальную защиту инвалидов, беженцев и т.д.

При системной коррупции отдельные должностные лица (даже на руководящих постах) ничего не могут сделать, перед ними стоит выбор: или уйти, или подчиниться правилам системной игры.

В исследовании Фонда ИНДЕМ эксперты подчеркивают существование явной и скрытой форм коррупции.

Согласно их мнению, система коррупционных отношений не сводится к поборам или мздоимству. У нее устойчивая основа, которая формируется за счет постоянных связей и контактов должностных лиц и чиновников с теми, кто дает взятку. При этом, как показывают исследования, совершенно необязательно использовать механизм прямых взяток. Устойчивая система возникает через сращивание интересов коммерческих, финансовых и торговых структур с правительственными органами по ходу принятия теми важных административных решений. Эксперты выделяют коррупцию в особый вид преступности, который имеет тесную связь с организованной преступностью, экономической преступностью и т.п. Нередко подчеркивается, что коррупция не всегда сопровождается нарушением действующих законов. Напротив, она процветает на пробелах и несовершенствах законодательства, максимально эффективно используя их.

Американский политолог, профессор Гарвардского университета Дж. Най полагает, что коррупция включает в себя:

1. Взятничество (дачу вознаграждения для соращения лица с позиций долга);
2. Непотизм (покровительство на основе личных связей или замещение должностей предпочтительно родственниками в нарушение установленного законом порядка);
3. Незаконное присвоение публичных средств для частного использования⁹.

Различные проявления коррупции классифицируются по месту и характеру коррупционных действий. Так, в зависимости от уровня власти или от типов агентов, всту-

⁸ Кузьминов Я. Говорим – власть, подразумеваем – коррупция / Я. Кузьминов // Московские новости. – 1999. – № 45. – С. 10.

⁹ Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. М.: Юридическая литература. 1994.

пающих в коррупционные сделки, выделяют коррупцию низовую, верхушечную и международную¹⁰. Различение осуществляется на основании уровня должностных лиц, принимающих решения и масштабов принимаемых решений. При этом второй критерий важнее.

«Низовая» коррупция – коррупция, в которую вовлечены различные организации, иногда наделенные властными полномочиями, а иногда нет, которые созданы для предоставления различных услуг населению и организациям. Данный тип коррупции распространен на среднем и низшем уровнях и связан с постоянным, рутинным взаимодействием чиновников и граждан (штрафы, регистрации, услуги в сфере здравоохранения, жилья, социального обеспечения и т.п.)¹¹.

Эксперты Фонда ИНДЕМ предлагают разделить низовую коррупцию на две крупные категории. Первая – бытовая коррупция – связана с повседневной жизнью граждан и их семей. Она порождается необходимостью удовлетворять заботы частной жизни – здоровье, образование, отдых, жилье, индивидуальная защита и т.п. Вторая категория – деловая коррупция – связана с хозяйственной (в широком смысле) деятельностью физических и юридических лиц. Она порождается потребностями создания и развития фирм, необходимостью улаживать их взаимоотношения с государством и друг с другом.

«Верхушечная» коррупция, связанная с деятельностью государственных органов власти и охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену (формулы законов, госзаказы, приговоры судов высоких инстанций, изменение форм собственности и т.п.). Важно отметить, что очень часто верхушечная коррупция порождается взаимодействием власти и бизнеса. Некоторые считают, что это и есть единственная «настоящая» коррупция, коррупция как таковая.

Многие эксперты указывают на то, что уровень верхушечной коррупции, безусловно, весьма высокий в России, тем не менее не является специфической чертой российской коррупции. Многие страны в процессе становления демократии переживали нечто подобное. Типичный пример – США в первые десятилетия XX века. Говоря о специфике верхушечной коррупции в России уместно обратить внимание на ее структуру.

Как правило, существование двух уровней коррупции «низовой» и «верхушечной» тесно взаимосвязано: масштабная низовая коррупция создает благоприятный психологический фон для развития коррупции на более высоких уровнях власти, а существование верхушечной коррупции оправдывает, если не узаконивает, наличие коррупции низовой. Сращивание низовой и верхушечной коррупции образует вертикальную коррупционную структуру, т.е. вертикальную коррупцию.

Помимо этого коррупция может проявляться и на межгосударственном уровне. В таком случае речь уже идет о межнациональной или международной коррупции.

Как отмечалось выше, негативное влияние коррупции на развитие общества известно с глубокой древности. Тем не менее, в целом коррупционные процессы носили изолированный характер и развивались только в рамках определенных стран. Это объяснялось тем, что, несмотря на развитие внешнеэкономических связей и торговли, древние общества были изолированы от соседей и самодостаточны политически.

В современном мире, связанном единой информационной сетью, транспортными коммуникациями, фактически единой системой финансовых институтов, положение кардинально иное.

Экономические, социальные и политические процессы в разных частях мира и в различных государствах взаимообусловлены и испытывают взаимовлияние. В этих условиях коррупция становится фактором, имеющим глобальное значение и оказывающим негативное влияние на общемировые процессы. Строго говоря, данная характеристика

¹⁰ См. подробнее исследование Института общественного проектирования совместно с Центром сравнительных социальных исследований «Природа и структура коррупции в России» Режим доступа: <http://www.inop.ru/club>

¹¹ См. подробнее работу «Россия и коррупция: кто кого». – Региональный общественный фонд «Информация для демократии» (Фонд ИНДЕМ). Москва, 1998. Режим доступа: http://www.anti-corr.ru/an_study.shtm

может быть отнесена к любому негативному социальному явлению, поскольку в глобальном мире ничто не может иметь исключительно «внутреннее», национальное значение. Тем не менее именно коррупция ввиду ее внутренних свойств, сложной структуры причиняемых ею последствий оказывает наиболее серьезное влияние на общемировые процессы, позволяющее говорить о ее международном характере. Необходимо учитывать и то, что и сама коррупция приобрела в современных условиях новое измерение, также благоприятствующее ее «глобализации».

Широкомасштабная коррупция еще более углубляет пропасть между уровнем экономического развития развитых стран (США, государства Европейского союза, Японии, Австралия) и странами «третьего мира» (большая часть стран Африки и Азии, бывшие социалистические страны). Известны факты расхищения средств, выделяемых Международным валютным фондом (ВМФ) и Всемирным банком в рамках финансовой помощи развивающимся странам чиновниками-коррупционерами в африканских странах и в Российской Федерации.

Коррупция в ее глобальных масштабах может негативно сказываться на устойчивости мировой финансовой системы. На связь финансового кризиса в Юго-Восточной Азии с коррупцией указывают многие ученые.

С процессами глобализации, развитием внешних связей, становлением международных политических и экономических институтов связано возникновение новых форм коррупции – транснациональной и международной.

К транснациональной коррупции, следует относить те коррупционные проявления, которые связаны с присутствием иностранного элемента (субъекта)¹². Определенные признаки транснационального характера преступлений, в том числе коррупционных, содержатся в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. Так, ст. 3 Конвенции признает преступление транснациональным, если оно совершено:

1. Более чем в одном государстве;
2. В одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
3. В одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве¹³.

Ключевым свойством транснациональной коррупции является, то, что подкуп должностного лица осуществляется иностранным субъектом (гражданином, организованной группой, должностным лицом иностранного государства или иностранной компании). Она совершается исключительно путем подкупа-продажности, ибо его транснациональный характер обусловлен субъектным составом. Кратко данную форму коррупции можно определить как подкуп иностранных должностных лиц.

Как правило, транснациональная коррупция связана с экономической деятельностью хозяйствующих субъектов в иностранном государстве. Поэтому представляется правильной трактовка данного явления А.Л. Репецкой, полагающей, что «транснациональная коррупция проявляется в виде подкупа иностранных должностных лиц с целью получения возможности вести или продолжать экономическую деятельность в какой-либо стране, либо получать несоответствующее преимущество»¹⁴.

Транснациональная коррупция является крайне серьезной угрозой мировой экономической и политической стабильности. Она снижает эффективность проектов и инвестиций, способствует недобросовестной конкуренции на мировых рынках. Масштабы данного явления огромны. Распространенные на II Всемирном форуме по борьбе с коррупцией (Гаага, 2001 г.) данные Государственного департамента США свидетельствуют, что только за последние семь лет на подкупы чиновников с целью получения около 400 международных контрактов израсходовано по меньшей мере 200 млрд. долл. США.

¹² Панов В.П. Международное уголовное право / В.П. Панов. – М.: 1997. – С. 68 – 70.

¹³ Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФА-М, 2004. – С. 7.

¹⁴ Репецкая А.Л. Транснациональная коррупция / А.Л. Репецкая // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация. – 2000. – № 1. – С. 38.

Первой страной, всерьез выразившей беспокойство в связи с транснациональной коррупцией, стали США, принявшие в 1977 г. Закон о коррупционной деятельности за рубежом (*Foreign Corrupt Practice Act*)¹⁵. Долгое время инициатива Соединенных Штатов не находила поддержки, что ставило в невыгодное положение американские компании при заключении внешнеэкономических контрактов. В 1997 г. 28 стран, являющихся членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и пять других приняли Конвенцию против взяточничества¹⁶, в общих чертах развивающую идеи американского Закона 1977 г., и дали обязательство объявить в своих странах нелегальной для любой компании дачу взяток зарубежным официальным лицам. Конвенция вступила в силу в феврале 1999 г. (хотя и не была ратифицирована всеми участниками).

Особую опасность представляет коррупция в деятельности транснациональных корпораций (ТНК), представляющих в современном мире доминирующую экономическую силу.

Коррупция часто классифицируется по «профессиональному» признаку: коррупция на таможне, коррупция при заключении контрактов, коррупция в образовании и т.п.

Сулакшин С.С., директор Института законодательства и нормативно-правовых разработок, Генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования в рамках заседания Клуба политического действия «4 ноября» по теме «Коррупция в России и правовой нигилизм» (6 февраля 2008 года) выделил пять типов коррупции:

- 1) экономическая коррупция;**
- 2) бытовая коррупция;**
- 3) идейная коррупция;**
- 4) конфликт интересов;**
- 5) кадровая коррупция.**

К современному типу коррупционного поведения относят компьютерную или э-коррупцию (*e-corruption*), под которой понимается действия органов государственной власти или отдельных государственных служащих, направленные на реализацию личных интересов, противоречащих интересам общества, с использованием информационных технологий¹⁷.

Появление новых форм коррупции исследователи связывают с основными характеристиками, присущими электронному правительству – ускорением транзакций, сокращением личных контактов между контрагентами, трансформацией бизнес-моделей.

Сокращение срока обработки заявки, повышая эффективность работы добросовестных партнеров, одновременно повышает и степень риска: контроль за выполнением условий транзакции перекладывается на компьютерную систему, и в случае ее сбоя – сознательного или случайного – отменить сделку уже невозможно. Аналогично, сокращение личных контактов между поставщиком и заказчиком сокращает количество источников информации о контрагенте до одного – заявки, обрабатываемой компьютером. Если при традиционной системе отношений внешний вид контрагента, помещение его офиса и т.д. в какой-то степени служили гарантом его добросовестности, то с перемещением общения в режим он-лайн проблема подделок и мошенничества встает очень остро.

Еще одним источником э-коррупции является возникшая асимметрия информации между специалистами в области информационных технологий и остальными служащими. В результате происходит не столько снижение коррупции, сколько вытеснение служащих, не владеющих в совершенстве навыками работы с компьютерами, с коррупционных рынков. Пробелы, ошибки компьютерных систем, непредусмотренные возмож-

¹⁵ Бакатин Д.В., Ковалева Т.К. Закон США о коррупционной деятельности за рубежом. Некоторые вопросы применения и толкования / Д.В. Бакатин, Т.К. Ковалева. – М.: 2001.

¹⁶ Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФА-М, 2004. – С.524.

¹⁷ Солодов В.В. E-government и борьба с коррупцией / В.В. Солодов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2006. – №1. – С. 2-16; Зыков Д.А. Некоторые вопросы предупреждения хищения компьютерной информации в коррупционных целях / Д.А. Зыков // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник статей / Под ред. П. Н. Панченко. – Н. Новгород. – 2001. – С. 464–467.

ности, сознательное создание «лазеек» – все это может быть источником коррупции со стороны ИТ-персонала. Дополнительные источники для незаконного использования своих возможностей компьютерным специалистам дает распространенное мнение о всемогуществе электронного правительства в плане борьбы с коррупцией. Зачастую внедрение информационных систем сопровождается отменой многих традиционных систем безопасности и мер по предотвращению коррупции, поскольку они воспринимаются как дублирующие механизмы.

Еще одним интересным примером новых коррупционных практик является сознательное преуменьшение возможностей новых ИТ-систем. То, что информационные системы повышают эффективность работы организации, очевидно. Однако степень снижения издержек, новый уровень производительности сотрудников невозможно оценить «извне». В результате зачастую сотрудники занижают новые возможности во избежание увеличения нагрузки, и работают «в полсилы».

Крайняя форма проникновения коррупции во все структуры государственной власти – клептократия («власть воров»), обрекающая политическую систему на активизацию необратимых процессов и ее полное разрушение. До определенных пределов коррупция может функционировать и развиваться без клептократии, клептократия без коррупции – никогда.

Клептократия – базирующаяся на коррупции форма организации власти и адекватная ей социально-политическая группа, члены которой, допуская серьезные нарушения общественных норм, используют свои властные (обычно государственно-политические) полномочия для быстрого самообогащения и укрепления ключевых позиций в обществе.

Это коррупция высшей бюрократии, коммерциализация избирательных кампаний, усиление роли денег в партийном и государственном строительстве, распространение террора и политического вандализма; рассматриваются тенденции формирования теневой (негативной) экономики и когорты лидеров преступного мира, изучаются проблемы развития криминальных синдикатов, мафиозных структур и управления подпольным бизнесом.

Кардинальное значение для форсированного становления клептократии имеет монопольное право высшей бюрократии на разработку, принятие и контроль над исполнением решений, материализующих стратегию и тактику вмешательства государства в экономическую жизнь.

При этом, если для отдельно взятого клептократа подключение к госрегулированию хозяйственными процессами означает в основном лишь возможность быстрого обогащения, то для клептократии в целом – это путь к расширению и укреплению своих позиций в экономической и политической структурах власти.

Впервые в российском законодательстве было дано определение коррупции в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Так в статье 1 данного закона под коррупцией понимается:

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

Однако следует высказать ряд замечаний:

1) С такой формулировкой целей коррупции согласиться категорически нельзя; представляется, что в законе смешивается коррупция с элементарным взяточничеством, которое, как раз, и предполагает извлечение из сделки имущественной выгоды.

Однако, коррупционные отношения могут и не иметь, и часто не имеют имущественной окраски. В основе коррупции могут лежать материальные интересы (которые шире интересов имущественных), а могут – и интересы нематериального характера (предос-

тавление взаимной услуги, продвижение во власть, на вышестоящую должность, торговля влиянием, и т.д.). Соответственно, в законе заложена «дыра», позволяющая значительно сузить понятие коррупции и, соответственно, не позволяющая применить настоящий закон к действительно коррупционным правоотношениям. Следует дать в законе то понятие коррупции, которое соответствует международным документам, трактующим коррупцию широко, а не только как взятку.

2) Использование в определении коррупции термина «должностное положение», при одновременной ссылке здесь на деяния должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях (коммерческий подкуп относится именно к таким лицам) породит противоречия с уголовным законодательством, толкующим указанный термин узко, только в отношении государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Собственно, насколько можно истолковать этот закон, в основном, разработчики его и закладывают именно такое – узкое – понимание коррупции (как коррупцию в сфере государственной или муниципальной власти). Это неправильно, а с учетом еще и примитивного понимания коррупции, про которое шла речь выше, вообще оставляет коррупционерам широчайшее поле для маневра, не охватываемое антикоррупционными мерами.

Таким образом, теоретико-методологическое осмысление коррупции позволяет сделать следующий вывод: коррупция представляет собой не искусственно созданный, навязанный и чужеродный обществу заблуждений, вымыслов, а объективно обусловленное, сложное по составу, развивающееся общественное явление, неотъемлемая часть не только экономических, но и политических, социокультурных и иных отношений.

Список литературы

1. Lawore B. Social Inequality in Nigeria: the Poor and the Rich / B. Lawore. – Unilag Sociologist, Lagos, 1976/77, 4, P. 2-3.
2. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / В.В. Лунеев. – М. : 2001.
3. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: Монография / П.А. Кабанов. – Нижнекамск, 2004.
4. Шабалин В.А. Политика и преступность / В.А. Шабалин // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 44.
5. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М. : ИНФРА – 1996.
6. Джонс Д., Хеллман Дж., Кауфманн Д. Что стоит за «загрязняющей рукой» правительства в переходном периоде / Д. Джонс, Дж. Хеллман, Д. Кауфманн // Трансформация. – 2000. – № 2–3.
7. Heidenheimer A. Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA / A. Heidenheimer. Quebec City, 2000. August 1-5.
8. Кузьминов Я. Говорим – власть, подразумеваем – коррупция / Я. Кузьминов // Московские новости. – 1999. – № 45. – С. 10.
9. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. – М. : Юридическая литература. 1994.
10. См. подробнее исследование Института общественного проектирования совместно с Центром сравнительных социальных исследований «Природа и структура коррупции в России» Режим доступа: <http://www.inop.ru/club>
11. См. подробнее работу «Россия и коррупция: кто кого». – Региональный общественный фонд «Информация для демократии» (Фонд ИНДЕМ). Москва, 1998. Режим доступа: http://www.anti-corr.ru/an_study.shtml
12. Панов В.П. Международное уголовное право / В.П. Панов – М. : 1997. – С. 68 – 70.
13. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФА-М, 2004. – С. 7.
14. Репецкая А.Л. Транснациональная коррупция / А.Л. Репецкая // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация. – 2000. – № 1. – С. 38.
15. Бакатин Д.В., Ковалева Т.К. Закон США о коррупционной деятельности за рубежом. Некоторые вопросы применения и толкования / Д.В. Бакатин, Т.К. Ковалева. – М. : 2001.
16. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФА-М, 2004. – С.524.

---

17. Солодов В.В. E-government и борьба с коррупцией / В.В. Солодов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2006. – №1 – С. 2-16; Зыков Д.А. Некоторые вопросы предупреждения хищения компьютерной информации в коррупционных целях / Д.А. Зыков // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник статей / Под ред. П. Н. Панченко. – Н. Новгород. 2001. – С. 464–467.

TPOLOGY OF CORRUPTION AND BASIC MODELS OF CORRUPTION BEHAVIORAL STRATEGY

M.V. SHEDIJ

*Orel Regional Academy
of Civil Service*

e-mail: m_v_shedij@mail.ru

The article considers the forms and types of corruption in the modern world. The various criteria of classification of corruption forms and behavioral strategies are offered in the paper.

Key words: corruption, corruption types and forms, corruption strategy of behavior.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 111.83:164.02

ТРОИЧНОСТЬ СИМВОЛА КАК ИНИЦИИРУЮЩИЙ И ВОВЛЕКАЮЩИЙ МЕХАНИЗМ ВЕРЫ¹

Р.К. ОМЕЛЬЧУК*Восточно-Сибирская
государственная академия
образования**e-mail: R.Om@list.ru*

В статье исследуются вера и символ в связи с человеческим бытием. Рассматриваются символы веры в различных культурах и религиях, а также механизмы веры в онтологическом аспекте. Обосновывается, что общим принципом троичного символа является взаимоотношение его элементов, а иницирующая, ориентирующая и вовлекающая функции веры обеспечивают экспансирование символа веры и самоидентификацию и становление личности.

Ключевые слова: онтология веры; символ веры; функции веры; символ; троичность; отношение.

Введение

Онтологический анализ троичности символа веры с точки зрения выявления сущности каждой из ипостасей представляется малоперспективным, поскольку данный вопрос изучен достаточно полно. В целом отметим, что интерес к троичности Пифагора и Платона впоследствии получил свое развитие как у философов, так и у богословов. Несмотря на то, что само понятие «Троица» (лат. *Trinitas*, греч. *Τριάδος*) впервые встречается только во II в. у Феофила Антиохийского и Тертуллиана, главной теоретической базой для философского фундамента троичности явилось учение неоплатоников. Так, Единое, Мировой Ум и Мировая душа, являющиеся ипостасями идеального бытия в философии Плотина, были известны как Троица². Богословскую и философскую основу учения о троичности составили труды Климента Александрийского, Оригена, Афанасия Александрийского, Августина Блаженного, Боэция, Дионисия Ареопагита, Николая Кузанского, однако их труды интересуют нас только в связи с троичностью как основополагающим принципом символа веры. Аналогичный подход в этом отношении и к классической немецкой философии: здесь принцип троичности получает широкое развитие у И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга и особенно

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).

² См.: Сидаш Т.Г. Неоплатонизм и христианство / Т.Г. Сидаш // Плотин Шестая эннеада. Трактаты I-V. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 368-474.; Сидаш Т.Г. Неоплатонизм и христианство / Т.Г. Сидаш // Плотин Шестая эннеада. Трактаты VI-XI. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. – С. 340-410.

Г.В.Ф. Гегеля, однако нас в первую очередь интересует то, что последний представил его в качестве универсальной схемы всякого процесса развития.

Принципиальным для целей научно-философского анализа символа веры и разного рода троичностей в культурах и религиях (особенно это касается экзистенциального и онтологического подходов) является не обоснование религиозных догматов, а выявление внутренних механизмов и функций символа веры в связи с влиянием на личность и ее становление. По нашему мнению, наиболее ярко цель данной статьи можно выразить следующей цитатой П.А. Флоренского: «Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира, и нам в порядке эстетическом важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, а то, что он воистину передал нам узренное им откровение»³. Подобным же образом мы попытаемся не просто расширить перечень религиозных тринитарных представлений, произвести их сравнительный анализ или рассмотреть культурные контексты, в которых происходило образование и формирование тринитарных представлений, а именно понять троичность символа веры как иницилирующий и вовлекающий механизм веры. В дальнейшем будем придерживаться этого направления.

Отношение веры как условие символа

По мнению Августина Блаженного, термин *persona* («лицо») выражает отношение чего-то одного к другому и соответствует аристотелевской категории «по отношению к чему-то» (лат. *relation* – «отношение»). «Поскольку, – говорит Августин Блаженный, – и *Отец* называется *Отцом* только по причине того, что у Него есть *Сын*, и *Сын* называется (*Сыном*) только по причине того, что Он имеет *Отца*, то Они так называются не по сущности, поскольку никто из Них не называется Сам по Себе, но только по отношению Их Друг к Другу и Одного к Другому... и это отношение не есть случайное свойство, ибо оно неизменно» (*De Trinit. V. 6*). В другом месте Августин Блаженный указывает на то, что «эти имена (*Отец*, *Сын* и *Святой Дух* – прим. Р. О.) обозначают отношения» (*De Trinit. VII. 11*)⁴. Таким образом, опираясь на понимание Троицы Августином Блаженным, можно заключить, что троичность символа веры в первую очередь являет собой символ неизменных взаимоотношений. Рассмотрение в таком аспекте троичности символа веры находит подтверждения в религиозно-философских и культурно-мифологических памятниках древнего мира.

Троичность символа веры многократно подчеркивалась на протяжении всей истории философии. Различия между троичными символами веры возникают в русле богословия и теологии, однако они также могут быть рассмотрены с точки зрения принципа, взятого в основу троичности. В этом случае совершенно нет необходимости в обосновании первичности одного символа веры в отношении другого или выявлении наиболее адекватного современному сознанию символа веры, поскольку наиболее существенным и привлекательным в троичном символе веры является его жизнеутверждающее начало. Троичность как символ живых и неизменных взаимоотношений привлекала внимание человека, давая ему своеобразный образец для становления. Так, С.Н. Булгаков в своих трудах «Свет невечерний» и «Трагедия философии» анализирует троичность христианского символа веры, отмечая, что и дохристианские культы имеют «предчувствия о всех трех божественных ипостасях».

В восточной культуре принцип двойственности заключается в противопоставлении, разделении и одновременно связи, соответствии разделяемых и противопоставляемых начал, принцип троичности отождествляется с динамической целостностью, принцип четвертичности (*тетрады*) – со статической целостностью⁵. Если двойственность

³ Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. / П.А. Флоренский. М.: Мысль, 1996. Т. 2. – С. 363.

⁴ Цит. по: Фокин А. Тринитарное учение Блаженного Августина в свете православной триадологии IV-го века / А. Фокин // Богословский сборник. ПСТБИ, 2003. №13. – С. 151-152.

⁵ Алпатова А.С. Соотношение мифологического, религиозно-философского и музыкального пространства в культуре Южной и Юго-Восточной Азии: проявление принципа триады / А.С. Алпатова // Троичность в мышлении: сборник материалов конференции. М.: АСМ, 2004. – С. 111.

представляется как принцип материального мира (наличное бытие), а четвертичность – как принцип духовного мира (истинное бытие), то троичность – это принцип становления человеческого сознания (бытийная вера), преодолевающего двойственность мира в стремлении достичь духовных устойчивости и постоянства.

В древнеиндийской философии троичность имеет, пожалуй, самое широкое распространение. Троичность лежит как в основе устройства материального (*раджа-саттва-тама*) и духовного (*сат-чит-ананда*) мира, а также духовного авторитетства (*гуру-шастра-садху*), позволяющего преодолеть материальное на пути к духовному. Эти понятия можно перевести соответственно как «страсть, благодать, невежество», «вечность, знание, блаженство» и «духовный учитель, священное писание, чистый преданный»⁶. Среди наиболее фундаментальных троиц в первую очередь необходимо выделить трипостасное божество *Тримурти* («обладающий тремя обликами»), более поздней трансформацией которого в индуизме является божественная триада «*Брахма – Шива – Вишну*»⁷. Наиболее существенной представляется триада «*Брахман-Параматма-Бхагаван*», в большей степени содержащая в себе идею троичности бытия истины как символа веры. Онтологические характеристики этой божественной троицы имеют непосредственное значение для целей проводимого нами анализа. Так, *Брахман* – это *Дух*, представляющий безличный аспект бытия истины; *Брахман* характеризуется через всепроникающее безличное сияние (*брахмаджйоти*) и олицетворяет вечность (*сат*). *Параматма* – это *Сверхдуша*, представляющая локализованный аспект бытия истины; *Параматма* характеризуется как источник жизненной силы для индивидуальной души и олицетворяет совесть, «сердечное знание» (*чит*). *Бхагаван* – это *Верховная Божественная Личность*, представляющая личностный аспект бытия истины; *Бхагаван* характеризуется через имя, форму, качества, деяния и олицетворяет источник блаженства (*ананда*)⁸. Троичность в данном случае указывает на духовную природу, которой обладает истина и которая достигается через стремление к бытию истинным. Эта концепция была развита в бенгальском культе *бхакти*, который также в своей основе имеет трипостасность как символ веры: «чтобы постичь *Радхарани*, *Кришна* принял на Себя Ее роль и попытался понять Сам Себя. В этом состоит тайна инкарнации Господа *Чайтаньи*»⁹. Как утверждает, *Шри Чайтанья* – это *Кришна* в умонастроении *Радхарани*, который является для того, чтобы на собственном примере показать человеку совершенство чистой любви. Троичность символа веры в данном случае несет в себе идею трансцендентальной самоидентификации, раскрывающуюся через отношения. Бытие истины не только целостно раскрывается через троичный символ веры, но фактически входит в бытие личности, побуждая ее обратить внимание на истину и вовлекая ее в межличностные отношения с ней.

Аналогичную закономерность символа веры можно проследить в культуре буддизма. *Трикайя* («трехтельность»), гносеологически представляемая как абстрактное понимание познания (*бодхи*), онтологически есть три способа бытия истины: «*дхармакайя*» («истинное бытие»), «*нирманакайя*» («историческое становление») и «*самбхогакайя*» («благоприятное влияние»). Троичность бытия истины (*трикайя*) – это символ учения, представленный единством *Дхармы*, *Будды* и *Сангхи*, интерпретируемых как «истинное действие», «истинная вера» и «истинное познание»¹⁰. Учение как сущность существования человека, устремленного к совершенству, бытийствует как учение (*Дхарма*), учитель (*Будда*) и ученики (*Сангха*). Единство и взаимодействие внутри буддийского

⁶ См.: Прабхупада А.Ч. Бхактиведанта Свами Бхагавад-Гита как она есть / А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. М.: ББТ, 2005. 815 с.

⁷ Алпатова А.С. Соотношение мифологического, религиозно-философского и музыкального пространства в культуре Южной и Юго-Восточной Азии: проявление принципа триады / А.С. Алпатова // Троичность в мышлении: сборник материалов конференции. М.: АСМ, 2004. – С. 111.

⁸ См.: Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / М.Я. Корнеев [и др.]; отв. ред. М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 145-151.

⁹ Прабхупада А.Ч. Бхактиведанта Свами Учение Шри Чайтаньи / А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. М.: ББТ, 1993. – С. 40.

¹⁰ Бидерман Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман; пер. с нем. М.: Республика, 1996. 335 с.

символа веры достигается, по нашему мнению, следующим образом: истинный учитель всегда есть следующий учению ученик, истинный ученик всегда есть являющийся пример учения учитель, истинное учение всегда есть воплощение взаимоотношений ученика и учителя. Иными словами, троичность и в этом случае связана с отношениями, фундированными учением.

В древнекитайской философии троичность тесно переплеталась с ритуальной деятельностью, которая моделировала устройство космоса. Трехуровневая структура мироздания – *Небо / Человек / Земля* – была зафиксирована в символах триграмм. Так, рассматривая триграммы в качестве «семантических кодов», отражающих универсальные принципы взаимодействия, или «кодовых знаков», которые призваны обозначить эталонные наборы взаимодействий, происходящих в разных сферах мироздания, В.Е. Еремеев обосновывает не только троичность времени и структуры пространства, но и основанную на троичности модель коммуникаций¹¹. Существенным представляется то, что коммуникация в этом случае связана с дарением, причем сам дар выступает в качестве канала связи: с одной стороны, канал рассматривается как «ритуал одаривания», в котором сверху вниз ниспосылаются «небесные повеления» или осуществляются царские пожалования своим слугам, с другой – как предписание высшей инстанции принимать дар «милостиво», а низшей – посылать его «благоговейно»¹². Троичность системы «*Небо-Дар-Человек*» также представляет собой динамическую целостность, фундированную отношениями («*взаимодействиями*»).

Рассматривая троичность христианского символа веры, П.А. Флоренский в определенной степени обобщил закономерность, находящуюся в основании троичных символов веры в различных мировых культурах и религиях. «Истина – созерцание Себя через Другого в Третьем: *Отец, Сын, Дух*. Таково метафизическое определение «сущности – *ουσια*» само-доказательного Субъекта, которая есть, как видно, субстанциональное отношение»¹³. Следует подчеркнуть, что субъект истины в этом случае – это субъект субъектно-субъектных отношений. Иными словами, таким субъектом является и истина бытия, и личность, стремящаяся к достижению этой истины. По мнению П.А. Флоренского, сущность и истины, и личности – это отношение, но отношение, являющееся субстанцией, т.е. третьим субъектом. Взаимопроникновение друг в друга истины, личности и веры (таковы, по нашему мнению, функциональные особенности трех субъектов символа веры) обеспечивает его внутреннее единство и внешнее экспансирование.

Можно сказать, что верховная триада шумерских богов Ану («небеса»), Энлиль (Ан-Лиль, «небесный дух») и Энки (Ан-ко, «сын небес»), а также солнечная триада египетских богов Амона («Бог Солнца»), Ра («солнечный диск») и Хора («божество неба и света») являются наглядным доказательством идеи экспансирования символа веры. Общеизвестно, что месопотамские, ассиро-вавилонские и египетские боги объединялись в тринитарные комплексы богов, обладающие сходными функциями: творящий «отец» каждой пары являлся возрождающимся «сыном» в другой, более ранней триаде. Эта идея, собственно, и была взята в основу Г.В.Ф. Гегелем в его знаменитом троичном принципе тезиса, антитезиса и синтеза: синтез тезиса и антитезиса приводил к появлению нового тезиса с соответствующим ему антитезисом и т. д., экспансируясь каждый раз на новом уровне и в новом качестве.

Символ и человек: экспансирование через вовлечение

Любой символ веры, являясь взаимодействием истины, личности и веры в той или иной форме, сам является своеобразной экспансией истины. Бытие такой истины через соприкосновение с человеком, актуализирует потенциально присутствующую в нем веру, вовлекая его в бытие истинным. Так появляется еще один живой и целостный символ веры, который также, как и первичный символ веры, экспансией которого он является, будет привлекать и вовлекать окружающих в субъектно-субъектные отношения с истиной.

¹¹ Еремеев В.Е. Триграммы «Книги перемен» как символы взаимодействия / В.Е. Еремеев // Троичность в мышлении: сборник материалов конференции. М.: АСМ, 2004. – С. 101, 110.

¹² Там же. – С. 108.

¹³ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодэции / П.А. Флоренский. М.: Правда, 1990. Т. 1 (I). – С. 48-49.

Становится понятным, почему П.А. Флоренский характеризует веру как «сущностное познание», «реальное выхождение познающего из себя или, что то же, – реальное вхождение познаваемого в познающего»¹⁴. Онтологичность веры в данном случае имеет для русского философа принципиальное значение: вера «не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное общение личностей»¹⁵. Однако вера определяет не столько религиозные действия, сколько именно экзистенциальные. Везде, где человеческое находит себе применение, вера представляет собой невидимый корпус, виртуальную форму, планируемую модель 1) платформы для происходящего, 2) многообразия связей, отношений между субъектами, 3) побуждающих, мотивирующих, действующих сил.

Вера в этом случае определенно подразумевает ту или иную ориентацию, которая в свою очередь «предполагает и некоторую определенную систему линий движения нашей жизни»¹⁶. Однако «ориентироваться в пространстве – это значит установить свое отношение к тем или иным вещам мира»¹⁷. Вера, таким образом, является внутренней ориентировкой, определяющей направление раскрытия личностного потенциала. Вера вовлекает человека и включает в человеке то человеческое, которое так часто называют священным, освященным, духовным и даже божественным. Однако ориентация, выявляющая направление для внимания, усилий, становления, творчества, – это только приносящая человеку вера, иницирующая человека непосредственно переживать, тем или иным способом воспринимать священное, духовное, божественное.

Человечность человека – это своеобразный идеал, лежащий в основании гуманистической религии и иницирующей веру как «желание быть»¹⁸ человеком. Однако такое «желание быть» предполагает многообразие бытийных альтернатив и соответствующих им типов веры. Присутствие веры в человеке может быть понято и как осознаваемое стремление к истине, и как неосознанное стремление к истине, и как стремление к неистине (например, к смерти, праздности, пустоте). Все это также является проявлением своеобразного переживания мира, поскольку даже отрицание идеалов или уход от реальности также сопровождаются переживаниями, характеризующими вполне конкретное личностное отношение к Миру, Истине, Другому¹⁹. Так, например, В.А. Фриауф, анализируя философские воззрения А.Ф. Лосева и М. Хайдеггера в связи с символом веры и истиной, указывает, что, имея один и тот же отправной путь, мыслители приходят к противоположным системам мысли²⁰. В свете онтологического подхода к вере можно сказать, что одна и та же истина бытия переживалась мыслителя посредством различных символов веры, подразумевающих и различные отношения. В целом русский и немецкий типы духовности являются своеобразными проекциями двух различных типов веры, двух типов отношений, которые в разное время обозначались и как *Имя* и *Число*, и как *Любовь* и *Смерть*, и как *бытие Истины* и *истина бытия*²¹. Языковые парадигмы, рассматриваемые в таком аспекте, свидетельствуют не только об объекте (истине) и об отношении субъекта к этой истине, но и о самом субъекте – его ценностях, мировоззрении, идеалах, стремлениях и ориентациях.

В этой связи интересна позиция венгерского психолога-экзистенциалиста Л. Сонди, рассматривающего веру как распределение бытийной силы, при котором внут-

¹⁴ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи / П.А. Флоренский. М.: Правда, 1990. Т. 1 (I). – С. 73-74

¹⁵ Там же. – С. 74.

¹⁶ Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П.А. Флоренский; сост. И коммент. С.М. Половинкин, игумен Андроник (Трубачев). М.: РОССПЭН, 2010. – С. 138.

¹⁷ Там же. – С. 144.

¹⁸ Там же. – С. 11.

¹⁹ См.: Омельчук Р.К. На пути к онтологии веры / Р.К. Омельчук. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. 193 с.

²⁰ См.: Фриауф В.А. На пути к истине: Алексей Лосев и Мартин Хайдеггер / В.А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. №4. – С. 39-45.

²¹ См.: Фриауф В.А. Языковая парадигма русской философии / В.А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. №3. – С. 49-55.

реннее и внешнее гармонично балансирует с уровнем развития и соответствующей жизненной фазой личности²². Вера в данном случае пронизывает собой весь мир, как внутри личности, так и снаружи: наследственность соотносится с глубинной связью с предками, побудительная природа – с импульсивной, социальное окружение – с микросредой. Идея человеческого становления посредством веры представляется в качестве гуманизации: так, «стать человеком – значит открыть в себе функцию веры, веры в то, что человек заброшен в этот мир неслучайно, а для того, чтобы взять на себя персональную, раз и навсегда данную задачу, за которую он должен нести личную ответственность»²³.

Выводы

Анализ троичности как фундаментальной характеристики символа веры является одной из главных экзистенциально-онтологических и феноменологических предпосылок формирования онтологического подхода к феномену веры. Общим принципом в символах веры различных культур и религий является тот или иной тип отношений, находящийся в самом основании символа. Принципиальным для целей научно-философского анализа символа веры и разного рода троичностей в культурах и религиях является не обоснование религиозных догматов, а выявление внутренних механизмов и функций символа веры в связи с влиянием на личность и ее становление. Среди таких механизмов нами были выявлены и рассмотрены иницирующая, ориентирующая, вовлекающая функции, обеспечивающие, с одной стороны, экспансирование символа веры и, с другой стороны, самоидентификацию и становление личности. В целом философский анализ символа веры представляется весьма перспективным для целей построения целостной феноменологии человеческого сознания на разных ступенях восприятия истины.

Список литературы

1. Сидаш Т.Г. Неоплатонизм и христианство / Т.Г. Сидаш // Плотин Шестая эннеада. Трактаты I-V. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 368-474.
2. Сидаш Т.Г. Неоплатонизм и христианство / Т.Г. Сидаш // Плотин Шестая эннеада. Трактаты VI-XI. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 340-410.
3. Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. / П.А. Флоренский. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 879 с.
4. Фокин А. Тринитарное учение Блаженного Августина в свете православной триадологии IV-го века / А. Фокин // Богословский сборник. ПСТБИ, 2003. №13. С. 140-171.
5. Алпатова А.С. Соотношение мифологического, религиозно-философского и музыкального пространства в культуре Южной и Юго-Восточной Азии: проявление принципа триады / А.С. Алпатова // Троичность в мышлении: сборник материалов конференции. М.: АСМ, 2004. С. 110-123.
6. Прабхупада А.Ч. Бхактиведанта Свами Бхагавад-Гита как она есть / А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. М.: ББТ, 2005. 815 с.
7. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / М.Я. Корнеев [и др.]; отв. ред. М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. 324 с.
8. Прабхупада А.Ч. Бхактиведанта Свами Учение Шри Чайтаньи / А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. М.: ББТ, 1993. 383 с.
9. Бидерман Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман; пер. с нем. М.: Республика, 1996. 335 с.
10. Еремеев В.Е. Триграммы «Книги перемен» как символы взаимодействия / В.Е. Еремеев // Троичность в мышлении: сборник материалов конференции. М.: АСМ, 2004. С. 99-110.
11. Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П. А. Флоренский; сост. и коммент. С.М. Половинкин, игумен Андроник (Трубачев). М.: РОССПЭН, 2010. 568 с.
12. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодееции / П.А. Флоренский. М.: Правда, 1990. Т. 1 (I). 490 с.
13. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили. М.: Аграф, 1997. 320 с.

²² См.: Сонди Л. Судьбоанализ / Л. Сонди; пер. с нем. А.В. Тихомиров. М.: Три квадрата, 2007. – С 137.

²³ Там же. – С. 415.

14. Омельчук Р.К. На пути к онтологии веры / Р.К. Омельчук. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. 193 с.
15. Фриауф В.А. На пути к истине: Алексей Лосев и Мартин Хайдеггер / В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. №4. С. 39-45.
16. Фриауф В.А. Языковая парадигма русской философии / В.А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. №3. С. 49-55.
17. Сонди Л. Судьбоанализ / Л. Сонди; пер. с нем. А.В. Тихомиров. М.: Три квадрата, 2007. 480 с.

TRIPPLICITY OF SYMBOL AS INITIATING AND INVOLVING MECHANISM OF BELIEF

R.K. OMELCHUK

*The East-Siberian
State Academy of Education,
Irkutsk*

e-mail: R.Om@list.ru

In the article the belief and the symbol in connection with a human being are investigated. Creeds in different cultures and religions and mechanisms of belief in the ontological aspect are considered in the paper. It claims in the article that the general principle of the ternary symbol is the relationship of its elements, and initiating, orienting and involving functions of belief provide creed's expansion and human's identity and personality.

Key words: ontology of belief; creed; belief functions; symbol; triplicity; relation.

УДК 291.1

РЕЛИГИОЗНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ С СУБКУЛЬТУРНЫМИ РЕЛИГИЯМИ

С.С. ПОЧЕПЦОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: pochept-
sov@bsu.edu.ru*

Статья посвящена определению специфики феномена религиозной субкультуры во взаимосвязи с феноменом субкультурной религии. Особенностью религиозной субкультуры является ее связь с базовой или «материнской» культурой. Религиозная субкультура – это порождение традиционной культуры, неразрывно связанное с ней. В отличие от субкультурной религии, религиозная субкультура черпает свои основополагающие идеи или доктрины из традиционной религиозности, доминирующей в том или ином регионе.

Ключевые слова: субкультура, религиозная субкультура, субкультурная религия, субкультурные группы, нетрадиционная религиозность, старообрядчество.

Актуальность вопроса о взаимосвязи религиозных субкультур и субкультурных религий определяется тем, что долгое время понятие «субкультура» рассматривалось в рамках социологии, социальной антропологии, культурологии, но не религиоведения. Термин «субкультура» вошел в научный оборот в первой половине XX в. Американский социолог Н.Дж. Смелзер считал, что субкультурой является «любая система символов, норм и ценностей, которые выделяют группу из большого сообщества»¹. Британский социолог М. Брейк определил субкультуру как «нормы, отделенные от общепринятой системы ценностей и способствующие поддержанию и развитию коллективного стиля жизни, также отдельного от традиционного стиля, принятого в данном обществе»².

Проблема дефиниции понятия «субкультура» по-прежнему находится в поле зрения западных исследователей. Примером тому служит работа австралийского социолога и культуролога К. Джелдера «Субкультуры: культурная история и социальная практика»³. По его мнению, субкультура – это культура меньшинства; это еще и социальная группа, которая состоит из носителей традиций, зачастую «оппозиционных» доминирующей культуре. Субкультуры – это социальные «миры» и их неконформизм или ненормативность всегда должны пониматься в социальном плане. Есть шесть направлений анализа феномена субкультуры. Во-первых, субкультуры обычно оцениваются негативно с точки зрения их отношения к труду. Во-вторых, часто понимается неоднозначно и отношение субкультуры к социальному классу. В некоторых случаях, субкультуры рассматриваются как отклонения в социальной стратификации общества. Например, субкультурой является люмпен-пролетариат, то есть группы людей с низкой классовой идентификацией и без классового сознания. В-третьих, субкультуры, как правило, далеки от вопросов собственности. Субкультурные группы, как правило, локализируют свои места обитания, но не владеют ими. В-четвертых, субкультуры уводят своих носителей от дома и семьи. В-пятых, носители субкультуры отличаются от основной массы членов социума стилем поведения, одеждой, специфическим арго. Наконец, в-шестых, современная субкультурная идентичность может быть направлена против конформистского давления доминирующего социума и массовой культуры. Таким образом, по мнению австралийского исследователя, субкультуру формируют люди, обладающие особым стилем поведения, особым стилем одежды, особым арго или сленгом, особыми вкусами, потребностями, особым способом заработка, местом проживания и т.д.⁴. Понятие «субкультура» близко понятию «контркультура» и связано с понятием «массовая культура». Иногда субкультура может быть оппозиционна массовой

¹ Смелзер Н.Дж. Социология // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 113.

² Брейк М. Субкультура неформальной молодежи // Социологические исследования. – М., 1991. – № 7. – С.28.

³ Gelder K. Subcultures. Cultural histories and social practice. – L., N.Y., 2007.

⁴ Gelder K. Subcultures. Cultural histories and social practice. – L., N.Y., 2007. – P. 1 – 4.

культуре, а иногда может быть её проявлением. В любом случае, по мнению К. Джелдера, субкультура периферийна, а часто и маргинальна.

В отечественной науке взгляд на проблему дефиниции понятия «субкультура» более широкий, чем у западных коллег. Например, по определению А.А. Радугина, «субкультура – это совокупность символов, ценностей и обрядов поведения, отличающих то или иное сообщество или какую-нибудь социальную группу»⁵. П.С. Гуревич под термином субкультура понимает «особую сферу культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающуюся собственным ценностным строем, обычаями, нормами»⁶. По мнению Н.Н. Слюсаревского, «составляющими субкультуры и одновременно признаками ее оказываются: знание (картина мира в узком смысле); ценности; стиль и образ жизни; социальные институты как системы норм; процедурное знание (навыки, умения, способы осуществления, методы); потребности и склонности»⁷. К.Б. Соколов понимает субкультуру, в первую очередь, как явление социально-психологическое и художественное⁸.

По мнению В.П. Римского, любая субкультура «предполагает определенную системную обособленность и идентификационную активность человека по отношению к доминирующей, базовой культуре, подчеркивая субкультурность той или иной социальной группы (страты), ее специфику в рамках системного самоопределения и ее формальную характеристику (это относится и к идентификации индивидов, входящих в структуры этих стратов)»⁹.

Б.С. Ерасов выделяет 10 типов субкультур: субкультура бедных и богатых, гендерная, городская и сельская, девиантная, классовая, криминальная, молодежная, периферийная и элитарная¹⁰. С точки зрения религиоведения, классификацию субкультур, предложенную Б.С. Ерасовым, необходимо расширить, введя понятие «религиозная субкультура». Так, в «Концепции государственной религиозной политики Российской Федерации» субкультура определяется как «система норм и ценностей, которая отличает культуру определенной группы от доминирующих культур. Под *религиозной субкультурой* понимается общность (община, система общин), членов которой объединяют мировоззренческие установки, нравственные представления, поведенческие ориентиры, способы внутри- и внеобщинных отношений, языковые особенности, формируемые под определяющим воздействием религиозного учения и практики»¹¹. Таким образом, в отечественном религиоведении разрабатывается концепт религиозной субкультуры, предлагаются дефиниции понятия «религиозная субкультура».

Кроме того, О.Н. Римской введено в научный оборот понятие «субкультурная религия». Так, она дает определение субкультурных религий, понимая под ними «*сакрально-мифологические системы верований и ритуальных практик отдельных социальных групп, институализированные и неинституализированные, образующие ценностные локальные миры, противостоящие базовой – «большой», «взрослой», «материнской» – культуре («христианской», «мусульманской», «социалистической», «либеральной», и т.п.); индивидуальные и коллективные стереотипы поведения и способы деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических формах, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности. С этим связана подсистема стилей и стиливого поведения, отличающая образ жизни той или иной религиозной субкультуры; групповые формы религиозно-общинной жизни, культурные и жизненные стандарты как специфические продукты не-*

⁵ Радугин А.А. Социология. – М., 2003. – С. 70.

⁶ Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX в.: Словарь. – СПб., 1997. – С. 450.

⁷ Слюсаревский Н.Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С.117 – 127.

⁸ Соколов К.Б. Субкультуры, этносы и искусство: концепция социокультурной стратификации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – №1. – С. 134 – 143.

⁹ Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римский В.П., Римская О.Н. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.

¹⁰ Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М., 1996.

¹¹ Концепция государственной религиозной политики Российской Федерации / РАГС. М., 2003. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_8227.html.

институализированного (маргинального, «теневого» и т.п.) духовного производства и неофициальной массовой культуры»¹². По ее мнению, субкультура не лежит в основе культуры, и не является её продолжением, а в традиционном обществе находится на периферийном, маргинальном уровне. Религиозные субкультуры несут в себе иной раз негатив, зомбируя сознание адептов, с другой стороны, помогают обрести личностную идентичность.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить специфику феномена *религиозной субкультуры* во взаимосвязи с феноменом *субкультурной религии*. Можно предложить следующий вариант их разграничения.

Поскольку субкультурная религия являет собою противовес традиционной религиозности и не является одним из ее элементов, то, следовательно, она может рассматриваться как *привнесенная* (извне в географическом или идеологическом смысле) или *искусственно сконструированная культурная форма* определенного вида и уровня религиозности. В пользу данного предположения могут выступать так называемые «новые религиозные движения» («Общество Сторожевой Башни», Евангельские христиане-баптисты, Адвентисты седьмого дня и т.д.). Несомненно, что, проникая на ту или иную территорию с чуждой или мало сходной культурной традицией, субкультурная религия может приобретать те или иные специфические черты, таким образом, приспосабливаясь к культурной системе данного региона. Однако влияние традиционных религиозных воззрений и особенностей данного региона не внесут существенную трансформацию в изначально заложенные вероучительные доктрины и догматические установления. Всякая трансформация будет сведена лишь к *внешним атрибутам* и *второстепенным элементам* данной субкультурной религии, позволяя ей, таким образом, лишь более прочно закрепиться на новой территории. Учитывая культурные, религиозные, социальные, политические и иные факторы, субкультурная религия способна видоизменяться в зависимости от внешних условий и новой для нее «среды обитания».

Можно поставить вопрос и о возможности соотнесения феномена субкультурной религии не только с «нетрадиционной», маргинальной религиозностью, но и с таким явлением как локальные культы. В религиоведении давно используется термин «локальный культ» или «локальная религия», например, применительно к зороастризму Средневековья, Нового и Новейшего времени, существующему в рамках исламской цивилизации в Иране и индийской цивилизации на полуострова Индостан¹³. Иранские гебры и индийские парсы являются в ареалах исламской и индуистской культур носителями субкультур, сохраняющих элементы погибшей цивилизации Сасанидского Ирана. Наследники гностиков и ессеев-назореев – мандеи – составляют этноконфессиональную группу носителей особой субкультурной традиции в давно исламизированной Месопотамии¹⁴. Джайны в Индии, будучи последователями религиозно-философского учения, некогда оппозиционного брахманизму, ныне стали носителями одной из индийских субкультурных традиций и заняли прочное место в кастовой иерархии индийского общества¹⁵. Таким образом, опираясь на культурно-цивилизационный подход, современные зороастризм, джайнизм, мандейство можно определить не только как локальные религии, т.е. религии, ареал исторического распространения которых ограничен географически и в этнокультурном отношении, но и как субкультурные религии.

Особенностью же религиозной субкультуры является ее *связь с базовой или «материнской» культурой*. Религиозная субкультура – это *порождение традиционной куль-*

¹² Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий: Диссертация на соиск. уч. ст. к. филос. н. – Тула, 2011. – С. 139.

¹³ Лелеков Л.А. Зороастризм: явление и проблемы // Локальные и синкретические культы / Отв. ред. С.А. Арутюнов. – М., 1991. – С. 12 – 49; Wadia B.P. Zoroastrian Philosophy and Way of Life. – Bombay, 1964.

¹⁴ Мандеи: История, литература, религия / Сост. Н.К. Герасимова. – СПб., 2002.

¹⁵ Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. – М., 1980. – С. 82 – 96; Гусева Н.Р. Джайнизм. – М., 1968. – С. 107 – 117; Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст / Пер. с фр. под ред. Н.Г. Краснодембской; Вступ. ст. Н.Г. Краснодембской. – СПб., 2001. – С. 170 – 179, 188 – 190, 225 – 240, 284 – 303; Шохин В.К. Индийская философия. Шраманический период (середина I тысячелетия до н.э.). – СПб., 2007. – С. 182 – 200; Stevenson S. Notes on Modern Jainism. – Oxford, London, Surat, 1910. – P. 85 – 112.

туры, неразрывно связанное с ней. Религиозная субкультура черпает свои основополагающие идеи или доктрины из традиционной религиозности, доминирующей в том или ином регионе, при этом, формируя или привнося свой, новый (возможно ранее утраченный самой доминирующей религиозной системой) элемент (элементы), который и будет отделять ее от базовой религиозной системы. Однако, несмотря на все отличительные признаки и характеристики, религиозная субкультура будет всегда иметь больше сходства, «родственных» связей с доминирующей религиозной традицией, нежели субкультурная религия. Причина данного явления кроется в том, что и в религиозной субкультуре, и в традиционной доминирующей религии в основании будут находиться одни и те же основополагающие элементы, тогда как субкультурная религия, как явление, сформировавшееся на иной культурно-религиозной почве, несет в себе больше своеобразных, «чуждых» характеристик по отношению к господствующей религиозной традиции.

Факторы, сближающие религиозную субкультуру и субкультурную религию, – относительная малочисленность их носителей по отношению к числу носителей господствующей религиозной культуры, меньшая степень ангажированности и большая замкнутость по отношению к доминирующей традиции.

Ярким примером религиозной субкультуры является субкультура старообрядчества. В России после церковного раскола второй половины XVII века сформировалась старообрядческая религиозная субкультура. При этом, старообрядцы-поповцы сохраняли культурные традиции средневековой Руси, образуя особую христианскую субкультуру.

Старообрядцы-беспоповцы сформировали субкультуру, выходящую за рамки русского православия и имеющую черты контркультуры, временами даже, субкультурной религии.

Можно сказать, что под влиянием старообрядческой субкультуры в XVIII в. формируются контркультуры хлыстов и скопцов, находившихся в оппозиции не только к господствующей Церкви, но и к «поповскому» согласию старообрядчества и культурным традициям, основанным на христианской ортодоксии, и несущие явно выраженные признаки средневековых гностико-манихейских сект. По мнению дореволюционных отечественных исследователей, заключая в себе отражение языческих идей Древнего Востока и доктрин древних христианских, гностических и богомильских ересей, скопческая секта по существу своего веро- и нравоучения должна быть отнесена скорее к язычеству, чем к христианству: с последним ересь имеет лишь общие «достопоклоняемые» имена Св. Троицы, Искушителя, некоторых святых, ангелов и человек¹⁶. Одним из примеров, иллюстрирующих данное утверждение, является тот факт, что, согласно учениям хлыстов и скопцов, существуют семь небес. На седьмом небе обитают Святая Троица, Богородица, архангелы, ангелы и святые. Но под этими названиями «они разумеют не лица, но только нравственные свойства и понятия, проповедуя, таким образом, языческий пантеизм»¹⁷.

Последователи поповского направления в старообрядчестве, не приняв установлений Собора 1666-1667 гг., продолжали оставаться в русле христианской традиции. Отказавшись от новшеств, но не отрекаясь от иерархии и таинств Церкви, они восстановили епископство. Сохраняя свою самобытность и культурные особенности, связанные с поддержанием дореформенных традиций в обрядах и богослужебных книгах, они остались верны церковным установлениям дореформенного периода. При этом они не теряли надежд на восстановление прежнего церковного единства, что и выразилось в становлении единоверия.

Религиозная субкультура старообрядчества основывалась на том, что только Русь сохранила истинное благочестие, в отличие от греков и латинян, поскольку последние исказили христианское вероучение, а греки, заключив с латинянами Ферраро-Флорентийскую унию, тем самым приняли «ересь папистов». Отрицание церковных нововведений выразилось и в отрицании благодати в «Никоновой церкви», и соответственно безблагодатности таинств, преподаваемых ею. В первые десятилетия раскола этот вопрос не являлся насущным, поскольку было множество «беглых попов», которые окорм-

¹⁶ Андерсон В.М. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С. 124.

¹⁷ Скопчество как секта и обличение ее заблуждений / Ред.-изд. В.М. Скворцов. – СПб., 1902. – С. 1.

ляли паству запасными дарами, освященными еще до времени патриаршества Никона, однако в конце XVII – начале XVIII вв., когда число «беглого духовенства» естественным образом сократилось, встал вопрос о священниках для совершения таинств. Отсюда и возникают постановления о том, что «... обходиться без церкви и таинств нельзя, что священников можно принимать и от господствующей церкви, но с условием их отречения от ересей»¹⁸. Принятие священников в общину происходило разными путями. Первоначально их перекрещивали, впоследствии принимали через миропомазание, далее же просто через отречение от «никонианской ереси».

Несмотря на то, что старообрядчество находилось в оппозиции господствующей церкви, оно отнюдь не было изолировано от внешнего мира. Об этом свидетельствуют и попытки восстановления церковной иерархии (что и было осуществлено), а также довольно тесное общение с представителями Римско-католической церкви. Представители римского епископата встречались с иерархами Белокриницкой митрополии. В 1910 году старообрядческую Белокриницкую митрополию посетили: католический французский епископ, сопровождавший его священник-монах и молодой граф Андрей Шептицкий (на тот момент монах, а в последствии униатский митрополит, «верховный князь русской церкви в Галичине»). Как об этом свидетельствует Ф. Круглов, «...они вели дружественную беседу с Белокриницким митрополитом Афанасием, и отцом Пафнутием. Католические собеседники, по словам отца Пафнутия, «произвели на всех монастырских и сельских жителей приятное впечатление»¹⁹.

Впоследствии были зафиксированы случаи перехода старообрядческих священнослужителей в лоно Римско-католической церкви. Так, уже выше упомянутый Ф. Круглов пишет, что старообрядческий священник Белокриницкой митрополии Евстафий Сусалев перешел в католичество с сохранением сана. Отсюда следует, что Рим признал законность и каноничность Белокриницкой иерархии²⁰.

Подводя итоги, можно сказать, что в России «поповское» согласие старообрядчества сформировалось как религиозная субкультура, основанная на традициях средневековой Руси. Её главной задачей являлось сохранение христианской веры в том виде, в котором она и пришла на Русь. С течением времени старообрядчество приобрело свои специфические черты, которые проявились в духовной и светской практике. Не являясь маргинальной (маргинальное направление в старообрядчестве было представлено «изуверскими» и «парахристианскими» общинами и хлыстов, скопцов и т.д.), субкультура старообрядцев-поповцев не трансформировалась в контркультуру/субкультурную религию. Большинство старообрядцев внесли свой вклад в культурно-цивилизационное развитие России как хранители традиций допетровской Руси. Не были они изолированы и от внешних влияний, сохраняя при этом самобытность и став неотъемлемой частью российской цивилизации.

Таким образом, в отечественной науке получил распространение взгляд на субкультуру как на явление более широкое, чем культура какой-либо маргинальной группы. Субкультура – один из составляющих элементов культуры. Не всегда субкультура близка контркультуре. Понятие контркультуры акцентирует момент выраженного противостояния фундаментальных ценностных установок некоего сообщества по отношению к господствующей культуре или часто исходной для контркультуры субкультуре. Когда речь идет о субкультуре как о совокупности религиозных символов, идей, убеждений, ценностей, норм, образов поведения, принимаемых обособленной группой людей, её можно назвать религиозной субкультурой.

Список литературы

1. Смелзер Н.Дж. Социология // СоцИс. – 1990. – № 12. – С. 113.
2. Брейк М. Субкультура неформальной молодежи // Социологические исследования. – М., 1991. – № 7. – С. 28.

¹⁸ Андерсон В.М. Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С. 124.

¹⁹ Круглов Ф. Старообрядческий раскол и папа римский. – СПб., 1910. – С. 5 – 6.

²⁰ Там же. – С. 7.

3. Gelder K. Subcultures. Cultural histories and social practice. – L., N.Y., 2007.
4. Радугин А.А. Социология. – М., 2003. – С. 70.
5. Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX в.: Словарь. – СПб., 1997. – С. 450.
6. Слюсаревский Н.Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С.117 – 127.
7. Соколов К.Б. Субкультуры, этносы и искусство: концепция социокультурной стратификации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – №1. – С. 134 – 143.
8. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римский В.П., Римская О.Н. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.
9. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М., 1996.
10. Концепция государственной религиозной политики Российской Федерации / РАГС. М., 2003. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_8227.html.
11. Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий: Диссертация на соиск. уч. ст. к. филос. н. – Тула, 2011. – 172 с.
12. Лелеков Л.А. Зороастризм: явление и проблемы // Локальные и синкретические культы / Отв. ред. С.А. Арутюнов. – М., 1991. – С. 12-49.
13. Wadia V.P. Zoroastrian Philosophy and Way of Life. – Bombay, 1964.
14. Мандей: История, литература, религия / Сост. Н.К. Герасимова. – СПб., 2002.
15. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. – М., 1980. – С. 82-96.
16. Гусева Н.Р. Джайнизм. – М., 1968. – С. 107 – 117.
17. Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст / Пер. с фр. под ред. Н.Г. Краснодембской; Вступ. ст. Н.Г. Краснодембской. – СПб., 2001. – С. 170 – 179, 188 – 190, 225 – 240, 284 – 303.
18. Шохин В.К. Индийская философия. Шраманский период (середина I тысячелетия до н.э.). – СПб., 2007. – С. 182 – 200.
19. Stevenson S. Notes on Modern Jainism. – Oxford, London, Surat, 1910. – P. 85 – 112.
20. Андерсон В.М. Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С.124.
21. Скопчество как секта и обличение ее заблуждений / Ред.-изд. В.М. Скворцов. – СПб., 1902. – С. 1.
22. Андерсон В.М. Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С.124.
23. Круглов Ф. Старообрядческий раскол и папа римский. – СПб., 1910. – С. 5 – 6.
24. Там же. – С. 7.

RELIGIOUS SUBCULTURE: PROBLEM OF THE RELATIONSHIP WITH SUBCULTURAL RELIGIONS

S.S. POCHETSOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: pochetsov@bsu.edu.ru

The article is devoted to defining the specifics of the phenomenon of religious subcultures in relation to phenomenon of subcultural religion. Feature of the religious subculture is its link with the base or «mother» culture. Religious subculture is a product of traditional culture, which is closely connected with it. In contrast to the subcultural religion, religious subculture gets its fundamental ideas or doctrines from traditional religious life, which dominates in a particular region.

Key words: subculture, religious subculture, subcultural religion, subcultural groups, non-traditional religious life, Old Believers.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343.13/98

СВЕДУЩИЕ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КИТАЯ И РОССИИ

С. Г. АЛЕКСЕЕВ¹⁾
Б. А. ЛУКИЧЕВ²⁾

*¹⁾Уральский институт
государственной противопожарной
службы МЧС России*
e-mail: Alexshome@mail.ru

*²⁾Уральский институт
государственной противопожарной
службы МЧС России*
e-mail: lukichev_b@mail.ru

Проведен сравнительный анализ применения специальных знаний в уголовном процессе Китая и России. Рассмотрены права и обязанности специалиста и эксперта в уголовном процессе КНР

Ключевые слова: сведущее лицо, специалист, эксперт, судебная экспертиза, суд.

Территория Российской Федерации географически расположена в восточной части Европы и северо-восточной части Азии, что обуславливает перспективы ее развития и взаимодействия с государствами Европы и Азии.

Успех взаимодействия между Российской Федерацией и евразийскими государствами во многом предопределяется тем, как глубоко мы понимаем культуру, традиции, а также особенности законодательства этих стран. И если в отношении законодательства отдельных стран континентальной Европы и Англии мы имеем определенное, хотя возможно и недостаточное знание, то в отношении законодательства стран Азии, мы, как правило, имеем поверхностное или обыденное представление. Обусловлено это, прежде всего тем, что очень сложно найти в Интернете русифицированные первоисточники процессуального права зарубежных государств. В связи с этим достаточно интересными становятся сравнительные исследования отдельных положений действующего законодательства стран Азии и России, в том числе и в области уголовного судопроизводства¹.

Не секрет, что сегодня одной из наиболее динамично развивающихся стран в Восточной Азии является Китайская Народная Республика (далее – КНР). Реформирование

¹ Хуан Сян. Судебные доказательства в гражданском процессе (опыт сравнительного правоведения на примере России и Китая). М.: Городец, 2009; Люй Сяосэн, Чжан Жучжэн. К вопросу о повышении эффективности и качества судебной экспертизы // Мат. Межд. научно-практ. конф. «Актуальные вопросы судебных экспертиз». Иркутск: ВСИ МВД России, 2010. – С. 68-70.

всех сфер жизнедеятельности в КНР проводится более тридцати лет и включает совершенствование не только политических, экономических и общественных отношений, но также перестройку действующих правовых основ, соответствующих современным условиям развития китайского общества.

Проводимое в КНР реформирование и совершенствование правовой системы осуществлялось с учетом зарубежного опыта и, прежде всего, советского. Обусловлено это было тем, что правовые реформы во многом были ориентированы на международные стандарты. И, кроме того, в историческом прошлом на правовую систему Китая огромное влияние оказывало советское законодательство. Это, в частности, характерно и для китайского уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный кодекс КНР принят Всекитайским собранием народных представителей 1 июля 1979 года. В последующем поправки в УПК были внесены Постановлением Всекитайского собрания народных представителей 17 марта 1996 года. Это указывает на определенную стабильность УПК КНР. Он состоит из 5 разделов, 17 глав и 225 статей².

Уголовно-процессуальный кодекс РФ принят Государственной думой Российской Федерации 22 ноября 2001 года. С момента принятия нового российского УПК в него внесли изменения и дополнения свыше 80 раз, что свидетельствует о постоянном его развитии и совершенствовании. Структура Кодекса состоит из 6 частей, 19 разделов, 56 глав и более 470 статей^{3 4}.

Сведущими лицами, т.е. лицами, обладающими специальными знаниями в уголовном судопроизводстве Китая и России, являются специалисты и эксперты.

Процессуальной фигуре специалиста в УПК КНР посвящена только одна статья, согласно которой, специалист – это лицо, обладающее специальными познаниями. Он может быть назначен либо приглашен для участия под руководством следователя в проведении осмотра и освидетельствования места происшествия, предметов, личности и трупа (ст. 101 УПК КНР). Тогда как в УПК РФ – специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями. Он привлекается к участию в процессуальных действиях, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Эксперт, согласно УПК КНР, – это лицо, обладающее специальными познаниями. Он может быть приглашен в уголовный процесс в целях выяснения обстоятельств дела и разрешения вопросов по делу, требующих специальных познаний (ст. 119 УПК КНР). Тогда как в УПК РФ – эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК РФ).

Эксперт, согласно положениям ст. 82 УПК КНР, относится к участникам процесса. К участникам процесса также относятся: сторона в деле, законные представители, представители в процессе, защитники, свидетели и переводчики (п. 4 ст. 82 УПК КНР). Народный суд, народная прокуратура и органы общественной безопасности КНР обязаны, в соответствии с законом, обеспечить участникам процесса осуществление ими своих процессуальных прав (ст. 14 УПК КНР).

По российскому уголовно-процессуальному законодательству эксперт и специалист также относятся к участникам уголовного судопроизводства. Согласно п. 58 ст. 5 УПК РФ участники уголовного судопроизводства – это лица, принимающие участие в уголовном судопроизводстве. Раздел II УПК РФ к участникам уголовного судопроизводства относит – суд (гл. 5 УПК), стороны, выполняющих на основе состязательности функ-

² Уголовно-процессуальный кодекс КНР (по состоянию на 28 июня 2009 г.). Сайт Законодательство Китая. [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/category/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения 30.01.2011).

³ С учетом статей «прим.» в УПК РФ содержится 486 статей.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (принят ГД ФС РФ 22.11.2001). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

цию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения (п. 45, 46, 47 ст. 5; гл. 6, 7 УПК), а также иных участников уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК). Эксперт и специалист, согласно гл. 8 УПК РФ, отнесены к иным участникам уголовного судопроизводства, т.е. лицам, вовлекаемым в уголовный процесс. В китайском уголовно-процессуальном законодательстве такого деления участников судопроизводства нет. При этом следует отметить, что УПК КНР к сторонам в деле относит потерпевшего, лицо, подавшее частную жалобу, подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, истца и ответчика по дополнительному гражданскому иску (п. 2 ст. 82 УПК КНР).

В УПК РФ решение об отводе эксперта и специалиста в ходе досудебного производства по уголовному делу принимается дознавателем, следователем, а также судом. В ходе судебного производства указанное решение принимает суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей (ст. 70, 71 УПК). В то время как в УПК КНР прямых указаний об отводе эксперта и специалиста не содержится. Но статья 31 УПК КНР распространяет на экспертов действие ст. 28, 29, 30 УПК КНР. Указанные статьи УПК КНР определяют:

- наличие определенных обстоятельств, при которых судья, прокурор и следователь обязаны заявить самоотвод (ст. 28 УПК);
- прямой запрет для судьи, прокурора и следователя встречаться с участвующими в деле сторонами либо их доверенными, а также принимать от них приглашения и подарки (ч. 1 ст. 29 УПК);
- юридическую ответственность судьи, прокурора и следователя за нарушение требований, указанных в ч. 1 ст. 29 УПК КНР (ч. 2 ст. 29 УПК);
- порядок отвода, заявленный судье, прокурору и следователю (ст. 30 УПК).

Несомненно, в связи с усилением мер борьбы с коррупцией в Российской Федерации на основании Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁵, требования, указанные в ст. 29 УПК КНР, заслуживают самого непосредственного внимания российского законодателя. В действующем законодательстве Российской Федерации указанные требования разрешены лишь частично. Например, в п. 1 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперту запрещено без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы. В Федеральном законе РФ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁶ (далее – ФЗ «О ГСЭД») содержится прямой запрет эксперту вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела (ст. 16 ФЗ «О ГСЭД»).

Согласно ст. 119 УПК КНР судебная экспертиза назначается в целях выяснения обстоятельств дела, разрешения вопросов по делу, требующих специальных познаний. В то время как УПК РФ не содержит целей назначения судебной экспертизы.

После проведения экспертизы, согласно ст. 120 УПК КНР, эксперт должен составить и подписать экспертное заключение, а медицинское учреждение поставить на нем печать. Проведение повторной медицинской либо психиатрической судебной экспертизы осуществляется медицинским учреждением, назначенным народным правительством провинциального уровня.

Ст. 204 УПК РФ, определяющая структуру заключения эксперта, не указывает, что экспертное заключение должно быть подготовлено в письменном виде и подписано. С точки зрения формальной логики это может означать, что теоретически возможно его составление в аудио или видеозаписи, в электронной или устной форме, оформляемое при допросе эксперта следователем или судом. Однако следует отметить, что ст. 204 УПК необходимо рассматривать в системном единстве со ст. 80 УПК, разъясняющей термины «заключение и показания эксперта и специалиста». Согласно ч. 1 ст. 80 УПК – заключе-

⁵ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ "О противодействии коррупции" (принят ГД ФС РФ 19.12.2008). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон РФ от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 05.04.2001). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. И, кроме того, в ч. 1 ст. 25 ФЗ «О ГСЭД» также указано, что эксперт или комиссия экспертов на основании проведенных исследований и с учетом их результатов, дают письменное заключение и подписывают его от своего имени. Подписи эксперта или комиссии экспертов удостоверяются печатью государственного судебно-экспертного учреждения.

В УПК КНР определена обязанность следственных органов доводить до сведения подозреваемого и потерпевшего заключение эксперта, а также право подозреваемого и потерпевшего ходатайствовать о проведении повторной или дополнительной экспертизы (ст. 121 УПК КНР). Тогда как в соответствии со ст. 195 и 206 УПК РФ в обязанность следователя входит:

- знакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК);

- предъявлять заключение эксперта, а также протокол допроса эксперта подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, при этом разъяснять им право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы (ч. 1 ст. 206 УПК). Кроме того, ст. 198 УПК РФ определяет следующие права подозреваемого, обвиняемого, его защитника:

- знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, заключением эксперта и протоколом его допроса (п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК);

- ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении (п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК).

Потерпевший, согласно требований УПК РФ, также пользуется правами, предусмотренными п. 1 и 2 ч. 1 ст. 198 УПК (ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 198 УПК).

В соответствии с УПК КНР заключение эксперта является одним из видов доказательств (п. 7 ст. 42 УПК). Аналогичное положение в отношении заключения эксперта содержится и в УПК РФ. При этом следует отметить, что УПК КНР не рассматривает показания эксперта и специалиста в качестве доказательств, как это определено в п. 3, 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Ст. 36 УПК КНР предоставляет право защитнику знакомиться с материалами судебных экспертиз и делать необходимые выписки и копии со дня рассмотрения народной прокуратурой дела для предъявления обвинения. Другие защитники (представители организаций, опекуны, родственники, близкие друзья, рекомендованные подозреваемым и обвиняемым) получают это право только с разрешения народного Суда (ч. 1 ст. 36 УПК КНР). Тогда как в УПК РФ указано, что защитник вправе выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств только по окончании предварительного расследования (п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК).

Согласно ст. 122 УПК КНР срок проведения психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого не засчитывается в срок производства по делу. Тогда как в ч. 3 ст. 203 УПК РФ указано, что в случае помещения подозреваемого в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы срок, в течение которого ему должно быть предъявлено обвинение в соответствии со ст. 172 УПК, прерывается до получения заключения экспертов. При этом следует учитывать, что при производстве судебно-психиатрической экспертизы производство по уголовному делу не приостанавливается (т.е. срок предварительного расследования не прерывается), а время принудительного нахождения подозреваемого в медицинском или психиатрическом стационаре засчитывается в срок содержания его под стражей (п. 3 ч. 10 ст. 109 УПК). Срок предварительного расследования может прерываться только при приостановлении уголовного дела. Основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия определены в ст. 208 УПК РФ.

УПК КНР содержит требования, согласно которых народный суд после принятия решения о начале судебного разбирательства обязан не менее чем за три дня до начала судебного разбирательства оповестить экспертов (ч. 4 ст. 151 УПК КНР). Тогда как ст. 282 УПК РФ определяет только право суда о вызове экспертов для допроса. И, кроме того, в

УПК РФ не заложено временной регламентации оповещения экспертов об этом. Например, для сторон, участвующих в уголовном судопроизводстве этот срок составляет не менее 5 суток (ч. 4 ст. 231 УПК РФ).

Из содержания ст. 156 УПК КНР следует, что эксперт допрашивается по правилам допроса свидетеля. С разрешения председательствующего в суде участники судебного процесса могут задать вопросы эксперту. Тогда как в УПК РФ указано, что следователь и суд вправе, по собственной инициативе либо по ходатайству сторон, допросить эксперта для разъяснения или дополнения данного им ранее заключения (ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 282 УПК). При этом следует отметить, что допрос эксперта, в соответствии с указанными статьями УПК РФ, содержит свою особую регламентацию.

Достаточно интересно содержание ст. 157 УПК КНР, из которого следует, что государственный обвинитель и защитник должны предъявить суду вещественные доказательства, не приобщенные к материалам дела. Не поступившие в суд протоколы показаний свидетелей, экспертные заключения, протоколы осмотра и другие документы, выступающие в качестве доказательств, должны быть представлены для их опознания сторонами в деле и оглашены в суде. Судья должен заслушать мнения государственного обвинителя, сторон в деле и защитника. И, кроме того, ст. 37 УПК КНР наделяет адвоката-защитника, с согласия свидетеля либо других соответствующих органов и лиц, предоставлять им собранные по данному делу соответствующие материалы, а также ходатайствовать перед народной прокуратурой, народным судом о сборе и получении дополнительных доказательств. Адвокат-защитник, с разрешения народной прокуратуры либо народного суда, а также с согласия потерпевших или их близких родственников, может предоставлять им соответствующие материалы, собранные по данному делу. Что определенным образом свидетельствует о наличии отдельных элементов состязательности в уголовном судопроизводстве КНР.

УПК РФ также наделяет защитника с момента допуска к участию в уголовном деле следующими определенными правами:

- собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК). При этом, защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК);
- привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК);
- заявлять ходатайства и отводы (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК);
- ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении (п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК).

В ст. 165 УПК КНР предусмотрено право суда на продление срока судебного разбирательства, если существует необходимость в проведении новых или дополнительных экспертиз. Тогда как в ст. 253 УПК РФ определены основания для отложения или приостановления судебного разбирательства. Согласно ч. 1 ст. 253 УПК РФ при невозможности судебного разбирательства в связи с необходимостью истребования новых доказательств суд выносит определение или постановление о его отложении на определенный срок. Одновременно принимаются меры к истребованию новых доказательств. При этом следует учитывать, что процессуальный срок в соответствии с ч. 2 ст. 129 УПК может быть продлен лишь в случаях и порядке, которые установлены УПК РФ.

В УПК КНР закреплена обязанность председательствующего суда объявить участников судебного заседания, включая экспертов, а также сообщить участвующим в деле сторонам об их праве заявить отвод членам судебной коллегии, секретарю, государственному обвинителю, эксперту и переводчику (ст. 154 УПК). Определено право суда на назначение и производство судебных экспертиз (ст. 158 УПК), допрос эксперта (ст. 156 УПК), а также право сторон, защитника и представителя ходатайствовать о проведении новых экспертиз в уголовном процессе (ст. 159 УПК). В целом эти положения УПК КНР аналогичны требованиям, которые имеются в ч. 3 ст. 195, ст. 266, 282, 283 УПК РФ.

В заключении следует отметить, что уголовное судопроизводство Китайской Народной Республики имеет много общих черт с уголовным процессом Российской Федера-

ции. Обусловлено это тем, что в историческом прошлом на правовую систему Китая и России огромное влияние оказало советское законодательство. И, кроме того, проводимые в КНР и России реформы действующих правовых основ во многом были ориентированы на международные стандарты. Вместе с тем, следует признать, что китайский законодатель не стремился на уровне УПК детализировать процессуальный статус сведущих лиц, а также процесс производства судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве. Специалист, согласно требованиям УПК КНР, привлекается в уголовный процесс для содействия в осуществлении процессуальных действий, тогда как эксперт для выполнения обязанности по обеспечению доказательств.

Проведенный сравнительный анализ применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве Китая и России, предоставляет возможность по-новому взглянуть на отечественный институт сведущих лиц и расширить наше представление о процессуальной деятельности по применению специальных знаний в судопроизводстве зарубежных государств.

Список литературы

1. Хуан Сян. Судебные доказательства в гражданском процессе (опыт сравнительного правоведения на примере России и Китая). М.: Городец, 2009. 96 с.
2. Люй Сяосэн, Чжан Жучжэн. К вопросу о повышении эффективности и качества судебной экспертизы // Мат. Межд. научно-практ. конф. «Актуальные вопросы судебных экспертиз». Иркутск: ВСИ МВД России, 2010. С. 68-70.
3. Уголовно-процессуальный кодекс КНР (по состоянию на 28 июня 2009 г.). Сайт Законодательство Китая. [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/category/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения 30.01.2011).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (принят ГД ФС РФ 22.11.2001). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ "О противодействии коррупции" (принят ГД ФС РФ 19.12.2008). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон РФ от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 05.04.2001). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

EXPERT WITNESSES IN CRIMINAL PROCEDURE IN CHINA AND RUSSIA

S. G. ALEKSEEV¹

B. A. LUKICHEV²

*¹Ural Institute of Fire State
Service of Russian Emercom*

e-mail: Alexshome@mail.ru

*²Ural Institute of Fire State
Service of Russian Emercom*

e-mail: lukichev_b@mail.ru

Comparative research of using of special knowledge in criminal legal procedure in China and Russia is discussed in the paper. The rights and obligations of a specialist (a technical witness or a fact witness) and an expert witness in criminal legal procedure of the Peoples Republic of China are considered in the article.

Key words: technical witness, fact witness expert witness, forensic examination, court.

УДК 343.2/7

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ В XIX – XX ВВ.

О.С. ДЕМКО

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Demko@bsu.edu.ru

В представленной статье рассматривается становление и развитие социологии уголовного права как междисциплинарного научного направления в России в XIX – XX вв.

Ключевые слова: социология, уголовное право.

Вопрос о внесении в уголовно-правовое исследование социологического элемента стал актуальным лишь в последней четверти XIX века, хотя еще в произведениях мыслителей XVIII века основные проблемы уголовного права решались на основе широких социологических построений.

В русской дореволюционной уголовно-правовой литературе вопрос о внесении социологического элемента был предметом большой и острой дискуссии, и, несомненно, представляют интерес некоторые положения сторонников и противников социологического аспекта в науке уголовного права. По мнению Н. С. Таганцева, предмет уголовного права должен быть ограничен изучением юридической конструкции преступления и наказания на основе действующих норм уголовного законодательства. Уголовная социология, по мнению Н. С. Таганцева, является составной частью социологии. Данные этой науки восполняют науку уголовного права, и знание их необходимо криминалисту. Наука уголовного права, полагал Н.С. Таганцев, отличается от уголовной социологии не только по своему предмету, но и по своему методу. Он определял: «Исследуя преступное деяние, юрист различает его признаки, отделяет конкретные, индивидуальные от общих, свойственных известному типу преступлений, и эти типичные признаки делает предметом изучения, устанавливая с возможной точностью определение деяний, воспрещенных законом под страхом наказания; он изучает как преступное деяние вообще, так и его виды в их понятии»¹. Социолог же, по его мнению, изучая преступление, преследует иные цели и использует совершенно иной метод: он исследует жизненную важность, повторяемость фактов, их соотношение с другими явлениями общественной жизни. В курсе уголовного права Н. С. Таганцев приводил немало материалов социологических исследований и использовал сравнительный социально-исторический метод.

Среди русских дореволюционных криминалистов было немало сторонников внесения социологического элемента в науку уголовного права. Среди них следует назвать прежде всего М. В. Духовского, который в 1872 году поставил задачу развития социологического начала в науке уголовного права. Она, по его мнению, не должна замыкаться в схоластических юридических конструкциях, а рассматривать явления в широком социальном плане. «Уголовное право, – писал М. В. Духовской, – изучает преступление, узнает причины его появления и указывает государству средства, годные к предупреждению этого явления»². Эти же идеи в 1873 году развивал другой видный русский криминалист И. Я. Фойницкий, который писал, что «на входных дверях науки уголовного права мы читаем, что предмет его есть не преступление, а преступность»³. Не умаляя значения юридического исследования преступления, И.Я. Фойницкий полагал,

¹ Таганцев Н.С. Уголовное право. СПб : Лит. Коплевской. 1877. – С. 134.

² Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит. 1970. – С. 27.

³ Там же. – С. 27.

что в область уголовного права, как науки, входят не только выражения преступности, но и условия ее, то есть разнообразные явления, имеющие в своем результате юридическое состояние преступности.

Один из виднейших представителей русского направления социологической школы в праве Н. Н. Полянский считал, что юридический метод в науке уголовного права должен сочетаться с методом социологическим, что, однако, не должно приводить к «растворению» уголовного права в уголовной социологии⁴.

Известный русский криминалист С. В. Познышев, определяя предмет науки уголовного права, считал, что она изучает преступление, преступников и наказание, причем юридическое и социологическое изучение не должны противопоставляться⁵. Он рассматривал социальные причины преступности в общетеоретическом плане.

Попытка реализации идеи сочетания юридического и социологического подходов в исследовании проблем уголовного права, была предпринята М. Н. Гернетом. В работе «Уголовное право» (1913 г.) он уделил большое внимание освещению проблем уголовного права в историко-социологическом аспекте, а также исследованию причин преступности и эффективности применения различных мер наказания⁶.

В целом, в дореволюционном правоведении была обозначена необходимость выделения социального компонента в исследовании норм и институтов уголовного права. Предметное поле социологического изучения уголовно-правовых проблем включало в себя причины и социальные условия преступного поведения, а также степень эффективности применения исправительных мер.

В советской уголовно-правовой литературе 1920-х годов предпринимались попытки решения вопроса о сочетании юридического и социологического аспектов исследования институтов уголовного права. В этом отношении представляют интерес работа А. А. Пионтковского «Уголовное право» (изд. 1924, 1927 и 1929 гг.). В разделе «Социологическое учение о преступлении» он рассматривает социологические критерии преступного деяния. Кроме этого в разделе «Меры борьбы с преступностью» он предлагает наряду с традиционными уголовно-правовыми средствами борьбы с преступностью исходить из презумпции общественного влияния на исправление осужденного. Рассматривая юридическое учение о преступлении он выделил социологические признаки преступного поведения⁷.

Таким образом, А. А. Пионтковский в соответствии с требованиями марксистского подхода к объяснению всех социальных явлений стремился раскрыть природу уголовного права, опираясь в первую очередь не на изучение закона и толкование его, а на исследование общественных потребностей, которые могут и должны удовлетворить уголовно-правовые нормы. Это позволило разработать не формальное («деяние, нарушающее уголовный закон»), а материальное («деяние, причиняющее социальный вред, и представляющее объективную опасность для правопорядка») понятие преступления.

Социальную природу юридических институтов рассматривали А. Н. Трайнин, М. М. Исаев, Г. И. Волков, П. И. Стучка, Б. С. Мартынов, А. В. Венедиктов. Их работы отличались глубоким историзмом и тем, что в большинстве случаев отправным пунктом своего анализа они считали не право, а общество. Так, например, А. Н. Трайнин в работе «Уголовное право» (1929 г.) уделил большое внимание историко-социологическому исследованию уголовного законодательства и социологическому изучению преступности.

В целом трактовка отраслевых юридических институтов, сложившаяся в 1920-е годы, соответствовала положениям общей теории права, формировавшейся в то же время и острой идеологической борьбе с буржуазными школами и потому особо подчеркивавшей, что вопрос о чистоте марксистского, диалектического подхода приобретает первостепенной важности значение. Советская теория права уже в первые годы своего формирования твердо стояла на марксистских позициях.

⁴ См.: Полянский Н.Н. Статьи по уголовному праву. М.: Тип. В.И. Знаменский и К^о, 1912. – С. 34.

⁵ См.: Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М.: А.А. Карцев, 1912. – С. 65.

⁶ Гернет М. Н. Уголовное право. Херсон: Тип. Н.А. Ходушина, 1913.

⁷ Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит. 1970. – С. 27.

В последующие годы в учебниках по уголовному праву вовсе исчезает социологический элемент⁸. Так, например, в учебнике «Уголовное право», который вышел пятью изданиями в период с 1938 по 1952 годы приводились некоторые рассуждения социологического порядка, главным образом о причинах преступности. Что же касается учебников и пособий по Особенной части уголовного права, то в них вообще не освещались социологические аспекты норм и институтов уголовного права.

Фактически основоположниками науки социология уголовного права являются А. А. Герцензон и Л. И. Спиридонов. А. А. Герцензон в работе «Уголовное право и социология» (1970 г.) обозначил точки соприкосновения этих дисциплин, а именно, опыт конкретно-социологическое исследование институтов уголовного права, советское законодательство и социологическое изучение личности преступника, уголовная политика и пути ее изучения⁹. Л. И. Спиридонов в 1970-1980-е годы проводил теоретическую разработку нового междисциплинарного направления. Результатом его работы стало монографическое исследование «Социология уголовного права» (1986 г.). Впервые в отечественной юриспруденции он рассмотрел в комплексе институты уголовного права с позиции социологии¹⁰.

В целом, в отечественной правовой мысли весьма широко получила освещение проблема социальных причин правонарушений, социальной обусловленности и социальной эффективности закона. Были предприняты попытки теоретически обосновать связь отдельных отраслей с социологией и определить место социологии права в системе марксистского общественного сознания, а также был накоплен значительный эмпирический материал о социальном, социально-психологическом и личностном механизмах действия права, в том числе и уголовного.

Список литературы

1. Таганцев Н. С. Уголовное право. СПб.: Лит. Коплевской, 1877. 529 с.
2. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит., 1970. 285 с.
3. Полянский Н. Н. Статьи по уголовному праву. М.: Тип. В.И. Знаменский и К^о, 1912. 456 с.
4. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М.: А.А. Карцев, 1912. 324 с.
5. Гернет М. Н. Уголовное право. Херсон: Тип. Н.А. Ходушина, 1913. 256 с.
6. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 523 с.
7. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М.: Юрид. лит., 1986. 240 с.

CONCEPTUALIZATION OF SOCIOLOGY OF CRIMINAL LAW IN DOMESTIC LEGAL THOUGHT IN THE XIX-XX CENTURIES

O.S. DEMKO

*Belgorod National
Research
University*

e-mail: Demko@bsu.edu.ru

The article discusses the emergence and development of the sociology of criminal law as an interdisciplinary scientific field in Russia in the XIX-XX centuries.

Key words: sociology, criminal law.

⁸ См.: Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

⁹ Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит., 1970.

¹⁰ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М.: Юрид. лит., 1986.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342.4

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.С. ВОРОБЬЕВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В статье представлено авторское обоснование структуры института политической безопасности. Охарактеризованы его основные гарантии: конституционные установления; разумная стабильность правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в законодательство, предоставление гражданам возможности, посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к внесенным изменениям. По мнению автора адекватной заменой имеющихся институтов политической безопасности является создание законодательных механизмов контроля устойчивости политической системы.

Ключевые слова: политическая безопасность, территориальная целостность, разграничение полномочий, единство законности и системы управления, политический экстремизм, безопасность избирательной системы и народного представительства.

Проблема институционализации является одной из фундаментальных в юридической науке вообще и в конституционном праве – в частности. В правовой литературе можно встретить упоминание об институционализации многопартийности¹, местного самоуправления², федеральных округов³, антитеррористической политики⁴, корпоративизма⁵, коррупции⁶, прав человека⁷, гражданского общества⁸ и т. д. Во всех случаях под

¹ См.: Заславский С.Е. Институционализация многопартийности в современной России: генезис, механизмы формирования, перспективы: Дисс... канд. юрид. наук. М., 1995. – С. 12.

² См.: Мачульская И.Г. Институционализация местного самоуправления в системе власти Российской Федерации: Автореф... канд. юрид. наук. М., 2001. – С. 9.

³ См.: Матюшкин Г.О. Институционализация федеральных округов в современной России (общеправовой анализ) / Под ред. В.М.Баранова. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. – С. 45.

⁴ См.: Жалыбин С.В. Юридическая институционализация современной российской антитеррористической политики: Автореф... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. – С. 11.

⁵ См.: Перегудов С.П. Институционализация российского корпоративизма // Вестник Российской ассоциации политической науки. Лето 2001. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 19 – 22.

⁶ См.: Косалс Л.Я. Институционализация коррупции в постсоветской России // Социология и коррупция. М.: РНОПЭ, 2003. – С. 196 – 198.

⁷ См.: Горшколепов А.А., Пушкарев Е.А. Институционализация прав человека в современной российской государственности: философско-правовой аспект // Правовое и политическое взаимодействие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004. – С. 11.

институционализацией понимается процесс образования формализованных институтов, внутренних систем правил и процедур, направленных на обеспечение устойчивости функционирования более крупного института, подотрасли или отрасли права, их совершенствования и развития. Институционализация как процесс характеризует весь механизм правового регулирования общественных отношений⁹, а также его реализацию в деятельности правоприменительных органов, в жизни гражданского общества¹⁰. Процесс институционализации, вне всякого сомнения, присущ конституционному механизму обеспечения безопасности личности, общества и государства, включая инструменты гарантирования политической безопасности¹¹.

Обеспечение политической безопасности в институциональном смысле предполагает, прежде всего, высокую степень формализации и структурирования явлений и процессов, их теоретическое моделирование и нормативное обобщение. Конституционный институт политической безопасности может быть представлен в виде внутренних структурных единиц, которые, с одной стороны, имеют самостоятельный предмет правового регулирования, с другой – объединены общими целью, задачами, функциями и методами регулятивного воздействия законодателя на общественные отношения. На наш взгляд, в целом эта структура может быть представлена следующим образом: 1. Политическая безопасность федеративного устройства и местного самоуправления. 1.1. Территориальная целостность Российской Федерации как условие политической безопасности. 1.2. Разграничение полномочий органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению политической безопасности. 1.3. Гарантии единства законности и системы управления в интересах безопасности политической системы. 2. Организационно-функциональное обеспечение устойчивости политической системы России. 2.1. Политический экстремизм как угроза политической безопасности. 2.2. Безопасность избирательной системы и народного представительства. 2.3. Проблемы совершенствования мер противодействия политической коррупции в современной России.

В обоснование предложенной теоретической модели институционализации механизма обеспечения политической безопасности можно высказать следующие аргументы. Во-первых, каждая из предложенных структурных единиц содержит в себе потенциал вероятной угрозы устойчивости политического строя. Территориальный распад государства, дисбаланс в разграничении предметов ведения и полномочий, разрозненность системы управления, нарушение единства законности, развитие политического экстремизма, проникновение в депутатский корпус недобросовестных лиц, вовлечение в теневой рыночный оборот властных ресурсов, – все это неизбежно влечет за собой разложение политической системы, политическую нестабильность, нарушение устойчивости конституционного строя. Во-вторых, предложенная модель учитывает двойственность территориального и организационно-функционального аспектов в конституционном регулировании общественных отношений. Первая группа проблем (территориальная целостность Российской Федерации как условие политической безопасности; разграничение полномочий органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению политической безопасности; гарантии единства законности и системы управления в интересах безопасности политической системы) характеризует территориальный аспект обеспечения политической безопасности; вторая группа (политический экстремизм как угроза политической безопасности; безопасность избирательной системы и народного представительства; противодействие политической коррупции) – организационно-функциональный.

⁸ См.: Выпряхкина Ж.Н. Глобализационный проект гражданского общества: юридическая и политическая институционализация // Правовое и политическое взаимодействие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004. – С. 54 – 56.

⁹ См.: Кононов А.А. Институционализация правового регулирования. Дисс... канд. юрид. наук. СПб, 2004. – С. 18.

¹⁰ См.: Тхабисимова Л.А. Политико-правовая институционализация законодательной и исполнительной власти: зарубежный опыт // Философия права. 2006. № 4. – С. 51 – 53.

¹¹ См., например: Миронов Н. Институционализация политической оппозиции // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. – С. 41 – 44; Селивончик А.В. Конституционно-правовая институционализация политической системы в Российской Федерации // Закон и право. 2005. № 5. – С. 3 – 7.

Институционализация механизма обеспечения политической безопасности осуществляется не только в научной доктрине. Важную роль в этом процессе играет регулятивная роль законодателя, направленная на упорядочение соответствующих общественных отношений. В российской правовой системе отсутствует Федеральный закон «О политической безопасности», поэтому нормы превентивно-охранительного характера содержатся в других нормативных правовых актах, регулирующих политическую систему.

Основные гарантии политической безопасности создает, прежде всего, конституция государства. Самим своим существованием конституция обеспечивает устойчивость функционирования государственного строя, механизмы преемственности политической власти, защиту от произвола и несанкционированного вмешательства государства в частную жизнь граждан. Конституция Российской Федерации запрещает захват власти или присвоение властных полномочий (часть 4 статьи 3); распространяет государственный суверенитет на всю территорию России (статья 4); закрепляет федеративное устройство и содержит основы правовых процедур его изменения (статьи 5, 65 – 79); гарантирует единство гражданства (статья 6), экономического пространства (статья 8) и правовой системы (статья 15). Конституция Российской Федерации исходит из необходимости сохранения исторически сложившегося государственного единства, стабильности и конституционного правопорядка на всей территории России.

Политическая стабильность конституционного регулирования достигается благодаря поддержке доверия граждан к закону и действиям государства. Для этого необходимы разумная стабильность правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в законодательство, предоставление гражданам возможности, посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к внесенным изменениям. Вследствие конституционного регулирования политической безопасности, органы государственной власти и местного самоуправления функционируют на основе принципов непрерывности, разграничения полномочий и ответственности за принимаемые решения. Будучи учрежденными Конституцией Российской Федерации и легитимизируемыми волей народа, органы государственной власти и местного самоуправления обладают организационной и функциональной самостоятельностью. Их деятельность становится производной от правовой функции государства, его организующего и регулирующего воздействия на общественные отношения.

Об этом свидетельствует не только анализ динамики внесения поправок в Конституцию Российской Федерации (декабрь 2008 года), в федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Важное значение в данном вопросе приобретает ряд правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

В постановлении по делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия»¹² Конституционный Суд Российской Федерации явно признал факт «развивающейся» российской демократии, которая еще не приобрела надлежащих конституционно-правовых форм.

Такой же позиции придерживается Европейский Суд по правам человека. В постановлении от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Моэн (Mathieu-Mohin) и Клерфейт (Clerfayt) против Бельгии» он пришел к выводу, что при регулировании политической системы за государством признаются значительные пределы усмотрения: законодательство, различающееся в разных странах, время от времени изменяется и должно оцениваться в свете политического развития конкретной страны, поэтому определенные детали, недопустимые в рамках одной политической системы, могут быть оправданы в дру-

¹² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. по делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

гой, по крайней мере, при том условии, что политическая система обеспечивает свободное волеизъявление народа при выборе законодательной власти.

Еще более четко данная мысль была сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации при вынесении постановления по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹³. Суд установил, что с учетом вытекающего из Конституции Российской Федерации требования о балансе конституционно защищаемых ценностей и общенациональных интересов Российская Федерация на каждом конкретном этапе развития своей государственности самостоятельно корректирует установленный ею государственно-правовой механизм, в том числе в части, касающейся обеспечения единства системы государственной власти и разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Такое правомочие как неотъемлемый элемент конституционно-правового статуса Российской Федерации обусловлено ее государственным суверенитетом, полнота которого изначально принадлежит Российской Федерации в целом, а не ее субъектам, чем обуславливается и характер федеративного устройства Российской Федерации.

Современные процессы развития негативных политических явлений также тесно увязываются с доминирующим влиянием на общественно-политическую жизнь глобальных факторов. Растущая динамика различных угроз, исходящих извне, так и существующих внутри государства, нацеливают на модернизацию всего комплекса социально-политических вопросов, установлению причинно-следственных связей при изучении различных сторон общественной жизни, криминализации общества, государства и личности¹⁴.

В юридической литературе справедливо отмечается, что в современном мире наличествуют две взаимоисключающие тенденции: с одной стороны – экономико-политическая интеграция (это ведет к ломке национальных перегородок и интернационализации общественной жизни), с другой – этническая дифференциация (это приводит к развитию этнических общностей, росту национального самосознания, а зачастую – к межэтническим противоречиям и конфликтам)¹⁵. В международном праве принцип самоопределения народов имеет двойственную природу: с одной стороны, все народы вправе свободно устанавливать свой политический статус, с другой – суверенные государства должны быть ограждены от сепаратистских движений и произвольных действий, ориентированных на раскол государства¹⁶. То есть принцип самоопределения народов «не должен толковаться как санкционирующий или поощряющий действия, которые вели бы к расчленению или нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных государств, соблюдающих принцип равноправия и самоопределения народов»¹⁷.

Вместе с тем, предусмотренные действующим законодательством меры по усилению конституционно-правового статуса главы государства в целях обеспечения политической безопасности страны следует оценивать в конкретном историческом аспекте. Подобные конституционно-правовые решения не могут обуславливаться некими имманентно присущими русскому народу особенностями, которые якобы предполагают смирение, покорность и приверженность россиян к «сильной» и авторитетной власти. С те-

¹³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

¹⁴ См.: Джафаров С.А. Национальная безопасность России. М.: ЦТМ-ПРЕСС, 2007. – С. 13.

¹⁵ См.: Теория государства и права/ Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. С. 173–174; Варламова Н.В., Скурко Е.В. Российская Федерация и ее субъекты: проблема укрепления государственности // Государство и право. 2001. № 7. – С. 91.

¹⁶ О критике сепаратизма – см.: Златопольский Д.Л. Федерация и национальный вопрос (исторический опыт Советского Союза) // Вестник МГУ. Серия "Право". 1998. № 5. – С. 41.

¹⁷ См.: Международное право/ Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 1999. – С. 119.

чением времени демократические институты в России будут развиваться, а механизм обеспечения политической безопасности – приобретать новые демократические формы.

В перспективе Российской Федерации целесообразно перейти к выборности Совета Федерации и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов) субъектов Федерации. Политическая система нуждается в формировании нескольких крупных политических партий, которые поочередно сменяют друг друга в масштабе простого или квалифицированного большинства голосов в Государственной Думе и, вследствие этого, влияют на механизм формирования и деятельности Правительства Российской Федерации. Институт главы государства должен позиционироваться в рамках мирного соперничества политических партий в той же мере, в какой формируется и действует Государственная Дума. Имеет смысл сочетание преимуществ мажоритарной и пропорциональной избирательных систем при проведении выборов в органы народного представительства Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований.

В целях обеспечения политической безопасности, адекватной заменой имеющихся институтов данной безопасности (при условии реализации предложенных выше демократических преобразований) в будущей России должны стать, на наш взгляд, законодательные механизмы контроля устойчивости политической системы. Это четкое разграничение политического экстремизма и свободы политической дискуссии, идеологического плюрализма и ответственности; обеспечение надлежащего баланса между ролью человека и его социальным положением, правами и обязанностями, деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, заслугами и их признанием, преступлением и наказанием. По справедливому мнению А.А.Фомина, «несовершенство правового обеспечения безопасности» во многом связано с «дефектностью действующего российского законодательства». С одной стороны, осуществилась гуманизация законодательства, предполагающая провозглашение и защиту прав и свобод человека и гражданина, создание механизмов для их реализации, ограничение произвола государства рамками закона и ликвидация бесправия личности. С другой – на формирующееся российское законодательство не могли не повлиять проблемы переходного периода: передел собственности, инфляция и падение производства, обнищание населения, рост преступности, коррупция»¹⁸.

В конечном итоге, возникающие юридические споры в политической сфере должны перемещаться в сторону их судебного, а не административного разрешения. Для этого требуется создание компетентного, полного, эффективного, независимого и беспристрастного правосудия, полностью исключающего формальные подходы к разрешению юридических дел. Разнообразие обстоятельств юридических споров делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законодательстве. Окончательный контроль устойчивости политической системы должен с течением времени возлагаться на судебные органы власти, воплощающие организующее и регулирующее воздействие государства на политические отношения в формате разрешения конкретных дел заявителей и других участников процесса.

Главной целью совершенствования системы гарантий и мер политической безопасности в России должно стать обеспечение конституционных принципов соразмерности, разумной достаточности, своевременности и социальной детерминации. Взаимодействие основных звеньев конституционного механизма организации и деятельности публичной власти нуждается в разумном сочетании субординации и координации. Государство, обеспечивая проведение единой политики, вправе при необходимости вмешиваться в политические отношения, применяя к правонарушителям соразмерные санкции.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. по делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

¹⁸ См.: Фомин А.А. Основные направления совершенствования правозащитного механизма в сфере обеспечения безопасности личности // Современное общество и право. 2010. № 1. – С. 47.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
3. Варламова Н.В., Скурко Е.В. Российская Федерация и ее субъекты: проблема укрепления государственности // Государство и право. 2001. № 7.
4. Выпряхкина Ж.Н. Глобализационный проект гражданского общества: юридическая и политическая институционализация // Правовое и политическое взаимодействие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004.
5. Горшколепов А.А., Пушкарев Е.А. Институционализация прав человека в современной российской государственности: философско-правовой аспект // Правовое и политическое взаимодействие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004.
6. Джафаров С.А. Национальная безопасность России. М.: ЦТМ-ПРЕСС, 2007.
7. Жалыбин С.В. Юридическая институционализация современной российской антитеррористической политики: Автореф... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 11.
8. Заславский С.Е. Институционализация многопартийности в современной России: генезис, механизмы формирования, перспективы: Дисс... канд. юрид. наук. М., 1995.
9. Златопольский Д.Л. Федерация и национальный вопрос (исторический опыт Советского Союза) // Вестник МГУ. Серия "Право". 1998. № 5.
10. Кононов А.А. Институционализация правового регулирования: Дисс... канд. юрид. наук. СПб, 2004.
11. Косалс Л.Я. Институционализация коррупции в постсоветской России // Социология и коррупция. М.: РНОПЭ, 2003.
12. Матюшкин Г.О. Институционализация федеральных округов в современной России (общеправовой анализ) / Под ред. В.М. Баранова. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005.
13. Мачульская И.Г. Институционализация местного самоуправления в системе власти Российской Федерации: Автореф... канд. юрид. наук. М., 2001.
14. Международное право/ Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 1999.
15. Миронов Н. Институционализация политической оппозиции// Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. С
16. Перегудов С.П. Институционализация российского корпоративизма // Вестник Российской ассоциации политической науки. Лето 2001. М.: РОССПЭН, 2001.
17. Селивончик А.В. Конституционно-правовая институционализация политической системы в Российской Федерации // Закон и право. 2005. № 5.
18. Теория государства и права/ Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998.
19. Тхабисимова Л.А. Политико-правовая институционализация законодательной и исполнительной власти: зарубежный опыт // Философия права. 2006. № 4.
20. Фомин А.А. Основные направления совершенствования правозащитного механизма в сфере обеспечения безопасности личности // Современное общество и право. 2010. № 1.

INSTITUTIONALIZATION OF SECURITY MECHANISM FOR THE POLITICAL SYSTEM IN MODERN RUSSIA

The paper presents the author's justification of the institutional structure of political security. It is characterized by its fundamental guarantees: the constitutional setting, reasonable stability of the legal regulation of the inadmissibility of making arbitrary changes to the legislation, giving citizens opportunities through the temporary regulation, within a reasonable transition period to adapt to the changes made. According to the author an adequate replacement for the existing institutions of political security is the creation of legal mechanisms to monitor the stability of the political system.

D.S. VOROBYEV

*Belgorod National
Research
University*

Key words: political security, territorial integrity, separation of powers, unity of law and governance, political extremism, security and electoral system of popular representation.

УДК 347.0

ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

О.Г. ЕРШОВ*Омская академия МВД России**e-mail: Ershov_@rambler.ru*

В работе рассматривается теория объекта обязательства вследствие причинения вреда и общая теория объекта гражданского правоотношения. На основе анализа выделенных теорий определяется сущность объекта правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве. Основной вывод работы в том, что объект данного правоотношения должен рассматриваться как нематериальное благо, содержание которого является возможность осуществления принадлежащих прав.

Ключевые слова: строительство, вред, объект права, предупреждение причинения вреда

Создание опасности причинения вреда при строительстве зданий и сооружений приводит к возникновению самостоятельного гражданского правоотношения. Основанием такого утверждения является то, что действующее гражданское законодательство предусматривает положение, согласно которому опасность причинения вреда в будущем дает возможность обратиться с иском о запрещении деятельности, создающей такую опасность. Если вред является последствием производственной деятельности, которая продолжает причинять вред или угрожает новым вредом, суд вправе обязать лицо приостановить или прекратить соответствующую деятельность. Правом обратиться с иском о запрещении деятельности создающей опасность причинения вреда наделяется любое заинтересованное лицо, которое считает, что осуществляемая деятельность представляет потенциальную опасность причинения вреда (ст.1065 ГК РФ). Строительство в этой части не является исключением. Напротив, создание опасности причинения вреда может носить весьма реальный характер, поскольку при выполнении строительных работ применяются машины и механизмы, обладающие вредоносными свойствами, либо проявляются ошибки при проектировании, которые могут стать причиной угрозы вреда объектам, расположенным недалеко от объекта строительства.

Отношения, связанные с устранением опасности причинения вреда имеют самостоятельную гражданско-правовую форму и отличаются от отношений, возникающих в связи с причинением вреда. Отличие можно увидеть, во-первых, в основании возникновения гражданских прав и обязанностей. Основанием возникновения правоотношения по устранению опасности причинения вреда или предупреждению причинения вреда при строительстве является создание опасности причинения вреда. Фактически речь идет о том, что вреда как такового еще не возникло, а имеется лишь реальная угроза причинения вреда. В деликтном правоотношении, напротив, права и обязанности возникают только в том случае, когда вред уже причинен. Во-вторых, отличие правоотношений также усматривается по содержанию. В правоотношении по предупреждению причинения вреда при строительстве управомоченное лицо наделяется правом требования устранения опасности причинения вреда в будущем, в правоотношении в связи с причинением вреда – правом требования возмещения.

Отличие выделенных правоотношений возможно провести по такому элементу как объект правоотношения. Вместе с тем сделать это весьма непросто, поскольку цивилистическая наука в этой части себя достаточно не проявила. Во-первых, дискуссионным остается вопрос о том, что следует считать объектом деликтного правоотношения. Во-вторых, насколько нам известно, ранее в юридической литературе объект правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве не рассматривался, поскольку пока остается не разработанной теория самого правоотношения возникающего по причине создания

опасности причинения вреда. В-третьих, общее учение об объекте гражданского правоотношения продолжает носить достаточно дискуссионный характер, что не способствует надлежащей оценке отдельных объектов гражданских правоотношений.

В целях определения объекта правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве, сначала попытаемся обратиться к анализу теории объекта деликтного правоотношения. Здесь можно выделить несколько подходов.

В рамках первого подхода обосновывается, что объектом деликтного обязательства должно считаться то, что возмещает должник. Так, В.Т. Смирнов и А.А. Собчак отмечают, что объектом обязательства является возмещение, которое должник (ответственное лицо) обязан предоставить потерпевшему. Оно может выражаться как в форме восстановления имущественной сферы потерпевшего в натуре (путем предоставления такой же вещи, исправления, ремонта поврежденной вещи и т.д.), так и в форме компенсации причиненных убытков¹.

Согласно второй теории, объект деликтного обязательства рассматривается как действия причинителя вреда как обязанного лица, направленные на возмещение вреда. В частности, Ю.К. Толстой полагает, что объектом обязательства по возмещению вреда являются действия должника, обеспечивающие наиболее полное, насколько это возможно, восстановление материальных и личных нематериальных благ кредитора, которым причинен вред. При этом объект и предмет обязательства по возмещению вреда ученым рассматриваются как тождественные категории². Аналогичное мнение высказывает В.Г. Вердников, который считает, что объектом обязательства вследствие причинения вреда является положительное действие, направленное на возмещение вреда³. Иногда объектом деликтного обязательства предлагают считать само требование потерпевшего к должнику о возмещении вреда⁴.

Третья теория обосновывает объект деликтного обязательства как субстанцию, которая подверглась вредоносному воздействию. Так, С.М. Корнеев рассматривает объект деликтного обязательства определять как подвергшиеся вредоносному воздействию со стороны правонарушителя материальные ценности и нематериальные блага, принадлежащие субъекту гражданского права. До такого воздействия эти ценности и блага представляют собой обычные объекты права собственности, иных вещных прав либо личные неимущественные блага. Объектом деликтных обязательств они становятся, когда произошло правонарушение и имеются основания ответственности⁵.

Несложно сделать вывод о том, что изложенные теории объекта деликтного обязательства отражают общее состояние цивилистической науки относительно общего учения о гражданском правоотношении. Суть такого состояния сводится к тому, что общее понятие «объект правоотношения» является до конца не разработанным. Достаточно обратиться к анализу юридической литературы. Так, под объектом гражданского правоотношения понимается: а) поведение самих субъектов правоотношения, направленное на различные материальные и нематериальные блага, поскольку сами блага испытывать воздействие правоотношения не могут⁶; б) материальные и нематериальные блага, либо составляющие предмет деятельности субъектов гражданского права⁷, либо в отношении которого существует субъективное право и соответствующая ему обязанность⁸; в) всякая

¹ Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: ЛГУ, 1983. – С.17.

² См.: Гражданское право: учебник. Часть 2 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ПРОСПЕКТ, 1998. – С.699 (автор Ю.К. Толстой).

³ См.: Внедоговорные обязательства. Авторское, изобретательское и наследственное право: учебное пособие / отв. ред. В.А. Рясенцев. М.: ВЮЗИ, 1980. – С.13 (автор В.Г. Вердников).

⁴ См.: Завидов Б.Д. Общие и частные положения о возмещении вреда в гражданском и уголовном праве России // Адвокат. 1999. №5. // СПС Консультант плюс.

⁵ См.: Гражданское право: учебник. Том II. Полутом 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 2002. – С.389-390 (автор С.М. Корнеев).

⁶ Гражданское право: учебник. Часть 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ПРОСПЕКТ, 1998. – С.85-86 (автор Н.Д. Егоров).

⁷ См.: Гражданское право: учебник. Том I / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 2003. – С.294.

⁸ См.: Гражданское право: учебник. Том I / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М.: Юрист, 1997. – С.50.

материальная или нематериальная субстанция (благо), имманентные свойства которой определяют природу, содержание и динамику соответствующего субъективного права, а также создают возможность удовлетворения законных интересов носителя субъективного права⁹;

В связи с этим, Р.С. Бевзенко справедливо отмечает, что можно выделить несколько общих теорий объекта правоотношения в зависимости от соотношения с субъективным правом. Если объект рассматривается как то, на что направлено право, то можно говорить об общеправовой теории объекта. Если объект есть то, по поводу чего возникает право, то можно вести речь о специально-юридической теории объекта. В том случае, если объект мыслится самим субъектом, то на лицо психологическая теория объекта. Далее проводится достаточно обстоятельный анализ положительных и отрицательных моментов изложенных теорий¹⁰. Еще более глубокий анализ теорий объекта гражданского правоотношения сделан В.А. Беловым, которому удалось дать обстоятельный обзор литературы по данной проблематике, провести соотношение объекта гражданского правоотношения с объектом гражданского оборота¹¹.

Таким образом, несложно сделать вывод о том, что объект деликтного обязательства рассматривается в юридической литературе через вещную, поведенческую или смешанную теорию общего учения об объекте гражданского правоотношения. Так, например, если отмечается, что объектом деликтного обязательства является действие должника, которое направлено на возмещение вреда, фактически идет осмысление объекта правоотношения через поведение участника или специально-юридической теории. Если объект деликтного обязательства рассматривается как объект воздействия, то налицо материальная или общеправовая теория объекта правоотношения. Требование потерпевшего к должнику о возмещении вреда отражает психологическую теорию объекта правоотношения.

Полагаем, что общее учение об объекте гражданского правоотношения требует отдельного глубокого исследования и не в полной мере соотносится с теми задачами, которыми были поставлены нами изначально. Несмотря на это, обозначенные подходы в определении объекта правоотношения вполне могут быть применимы и к объекту деликтного обязательства, а также могут заложить основу для разработки теории объекта правоотношения по предупреждению причинения вреда в строительстве. Множество точек зрения на природу объекта гражданского правоотношения, по-видимому, объясняется тем, что в основе самого правоотношения лежат различные общественные отношения, в том числе и те, которые возникают в связи с причинением вреда и созданием опасности причинения вреда при строительстве зданий и сооружений. Деликтные обязательства традиционно относятся к охранительным относительным правоотношениям, в которых действия обязанного лица направлены на восстановление материальных или нематериальных благ потерпевшего. Если речь идет об обязательстве, то удовлетворение интересов потерпевшего происходит посредством действий, совершаемых должником как причинителем вреда.

Д.Н. Кархалев прежде чем сделать вывод об объекте охранительного правоотношения, отмечает, что в статике данной правовой связи необходимо выделять объект субъективного права на защиту и объект охранительной обязанности, а в динамике – объект противоправного поведения и объект меры принуждения, которые следует отличать от объекта охранительного правоотношения. Объектом меры принуждения является восстановление нарушенного гражданского права, а результатом применения – это восстановленное нарушенное субъективное право. Объектом охранительной обязанности выступают действия, которые правонарушитель обязан совершить для восстановления

⁹ См.: Белов В.А. Гражданское право. Общая и Особенная части: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР, 2003. – С.123.

¹⁰ См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2008. – С.303-310 (автор Р.С. Бевзенко).

¹¹ См.: Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. – С.6-76.

нарушенного права. Отсюда автор приходит к выводу, что объектом охранительного обязательства являются те действия, которые совершает правонарушитель по восстановлению нарушенного субъективного гражданского права, либо восстановлению правового положения, существовавшего до нарушения¹².

Таким образом, Д.Н. Кархалев развивает теорию объекта деликтного обязательства как действия причинителя вреда, направленного на возмещение вреда, и соответственно на восстановление нарушенного права. Полагаем, что предложенный вывод является справедливым в том случае, если обязанность по возмещению рассматривать в рамках гражданско-правовой ответственности. Если же обязанность возмещения является содержанием обязательства как правоотношения, то действия, совершаемые должником, тогда могут быть сведены к предмету исполнения, который должен отличаться от объекта правоотношения. Предметом обязательства традиционно со времен римского частного права считались действия должника, направленные на объект, относительно которого возникают права и обязанности.

Рассматривая объект правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве, необходимо установить, как данный объект может рассматриваться в рамках общих теорий гражданского правоотношения, а затем сравнить с объектом деликтного обязательства. Для этих целей сначала обратим внимание на сущность самого правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве. Содержанием такого правоотношения является субъективное право требования устранения опасности причинения вреда при проведении строительных работ, и соответственно обязанность лица, выполняющего работы опасностью устранить. Требование об устранении опасности несет в себе охранительную функцию и по своей природе является внедоговорным.

Если сравнивать с деликтным обязательством, то можно увидеть, что интерес кредитора удовлетворяется различным образом. В правоотношении по предупреждению причинения вреда за счет воздержания от совершения определенных действий, в деликтном обязательстве, напротив, за счет совершения активных действий должника. Это дает основание утверждать, что правоотношение по предупреждению причинения вреда является отрицательным, деликтное правоотношение – положительным. Далее, если под углом исследования ответственности проводить разграничение объекта правоотношения с объектом обязанности и объектом субъективного права, то следует вывод о том, что в деликтном обязательстве объектом обязанности должно признаваться само возмещение, которое делает должник, объектом права – восстановление нарушенного абсолютного права. В правоотношении по предупреждению причинения вреда при строительстве определить объектом обязанности и объект права достаточно сложно. Здесь еще нет вреда, нет, возмещения, сомнительно также вести речь о нарушении субъективного права. Если право есть мера возможного, а обязанность должного поведения, то можно предположить следующее. Субъективное право и обязанность направлены на устранение опасности причинения вреда при строительстве. Следовательно, объектом права в правоотношении по предупреждению причинения вреда здесь должны признаваться устранение опасности нарушения абсолютного права в будущем, объектом обязанности – бездействие лица, выполняющего строительные работы, направленное на устранение опасности причинения вреда.

Опасность причинения вреда при проведении строительных работ создает лишь угрозу причинения вреда материальным или нематериальным благам, но в этом случае нельзя вести речь о том, что они уже подверглись или подвергаются вредоносному воздействию. В противном случае мы имели бы дело с обычным деликтом. По-сути, это не позволяет применить здесь материальную или общеправовую теорию объекта правоотношения. Полагаем, что наиболее верные знания об объекте правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве могут быть получены, если применить специально-юридическую теорию объекта правоотношения, предложенную В.А. Беловым. Объект рассматриваемого правоотношения должен рассматриваться как материальное или нематериальное благо, имманентные свойства которого определяют

¹² См.: Кархалев Д.Н. Объект охранительного гражданского правоотношения // Журнал российского права. 2009. №3. – С.51-58.

природу, содержание и динамику соответствующего субъективного права и обязанности. В нашем случае, речь должна идти о нематериальном благе, которое выражается в том, что лица, не задействованные в процессе строительства, но в тоже время испытывающие на себе его воздействие, должны иметь возможность беспрепятственно и самостоятельно осуществлять свои абсолютные и относительные права. Именно относительно этого блага возникают субъективные гражданские права и обязанности. Данное благо находит свое отражение в объекте права и объекте обязанности, что предопределяет их природу.

Таким образом, полагаем, что *объектом правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве следует считать нематериальное благо в виде гарантированной правом возможности самостоятельного и беспрепятственного в своем интересе осуществления принадлежащего права лицом, которое испытывает на себе негативное воздействие процесса строительства*. Следует обратить внимание на то, что выделенный объект правоотношения по предупреждению причинения вреда при строительстве отличается от объекта деликтного обязательства. В частности нет того, что должен возмещать должник в натуре, отсутствуют действия причинителя направленные на возмещение вреда, нельзя вести речь и о подвергнутому вредоносному воздействию материальному или нематериальному благу, принадлежащему субъекту права. Фактически это является дополнительным аргументом в пользу того, что правоотношение по предупреждению причинения вреда при строительстве есть самостоятельное и отличное от деликтного обязательства правоотношение.

Список литературы

1. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: ЛГУ, 1983.
2. Гражданское право: учебник. Часть 2 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ПРОСПЕКТ, 1998.
3. Внедоговорные обязательства. Авторское, изобретательское и наследственное право: учебное пособие / отв. ред. В.А. Рясенцев. М.: ВЮЗИ, 1980.
4. Завидов Б.Д. Общие и частные положения о возмещении вреда в гражданском и уголовном праве России // Адвокат. 1999. №5. // СПС Консультант плюс.
5. Гражданское право: учебник. Том II. Полугом 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 2002.
6. Гражданское право: учебник. Часть 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ПРОСПЕКТ, 1998.
7. Гражданское право: учебник. Том I / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 2003.
8. Гражданское право: учебник. Том I / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М.: Юристъ, 1997.
9. Белов В.А. Гражданское право. Общая и Особенная части: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР, 2003.
10. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2008. С.303-310
11. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С.6-76.
12. Кархалев Д.Н. Объект охранительного гражданского правоотношения // Журнал российского права. 2009. №3. С.51-58.

OBJECT OF RIGHT ON PREVENTION DAMAGE IN CONSTRUCTION

O.G. ERSHOV

*Omsk Academy of the Ministry
of the Internal Affairs
of the Russian Federation*

e-mail: Ershov_@rambler.ru

In the article the author dwells on the theory of object obligation prevention damage and general theory object civil right relation. Basing on the analysis of this theory, he determines the nature of object of right relations prevention damage in construction. The main conclusion of the article is that the object of this right relation should be regarded as a non-material value which expresses the possibility of right realization.

Key words: construction, danger, object right, prevention damage.

УДК 159.9:342.537

СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ

И.А. КИБАК*Академия МВД Республики
Беларусь**e-mail: ivankibak@list.ru*

Рассматриваются проблемы использования психологических знаний в законотвoрчeствe. Прoвeдeн aнaлиз иcслeдoвaний oснoвныx нaпрaвлeний рaссмaтривaeмыx прoблeм, кoтoрыe иcслeдoвaны в рaбoтaх oтчeствeнныx учeныx прaвoвeдoв и психoлoгoв. Пoкaзaнo, чтo зaкoнoтвoрчeствo имeeт двe стoрoны: oбъeктивную и субъeктивную, кoтoрыe влияют нa eгo эффeктивнoсть. Oсoбoe внимaниe удeлeнo иcслeдoвaниям трeх eгo oснoвныx кoмпoнeнтoв зaкoнoтвoрчeствa: пoзнaния, дeятeлнoсти и рeзультaтa. Oтрaжeнa эффeктивнoсть прaвoвoй рeгуляциe, кoтoрaя зaвисит нe тoлькo oт прaвoвoй сущнoсти принимaeмыx зaкoнoв, нo и oт прaвoвoй сoциaлизaциe члeнoв oбщeствa. Oтмeчaeтcя, чтo oбщeoбязaтeльную силу мoжeт приoбрeсти лишь тa прaвoвaя нoрмa, кoтoрaя спoсoбнa выпoлнять функцию сoциaльнo-психoлoгичeскoй нoрмy, тo eсть oтвeчaть психoлoгичeскoй кyльтурe зaкoнoтвoрчeствa и сoциaльным пoтрeбнoстям личнoсти, oбщeствa и гoсyдaрствa, сooтвeтствoвaть сoциaльнo-психoлoгичeским мeхaнизмaм чeлoвeчeскoгo пoвeдeния. Нaмeчeны нaибoлee пeрспeктивныe нaпрaвлeния дaльнeйшeх иcслeдoвaний психoлoгии зaкoнoтвoрчeствa.

Ключевые слова: психология, законотвoрчeствo, дeпутaт, сoциaльнaя пoтрeбнoсть, зaкoн, прaвoвaя нoрмa.

Зaкoнoтвoрчeствo в Рeспyбликe Бeлaрyсь прeдстaвляeт сoбoй дoвoльнo слoжный и мнoгoэтaпный прoцeсс, в кoтoрoм дoлжнo быть yчтeнo мнoжeствo фaктoрoв, в тoм числe и психoлoгичeские, имeющиe вaжнeйшee знaчeниe для пoстрoeния грaждaнскoгo oбщeствa, сoздaния прaвoвoгo и дeмoкрaтичeскoгo гoсyдaрствa, yстaнoвлeния дeмoкрaтичeских oснoв eгo yпрaвлeния. Oт тoгo, в кaкoй мeрe дeйствyющиe нoрмy прaвa — oт зaкoнa дo инстpyкциe — вырaжaют пoтрeбнoсти и интeрeсы oбщeствa, нaскoлькo эффeктивнo вoздeйствyют oни нa пoвeдeниe миллиoнoв лyдeй, зaвисит глyбинa рaзрaбoткe прoблeм, связaнныx с зaкoнoтвoрчeствoм.

Примeнитeльнo к зaкoнoтвoрчeствy, кaк yкaзывaeт М.Ю. Спирин, имeннo «нaписaниe юридичeских нoрм кaк нaучнo-твoрчeскaя дeятeлнoсть... спoсoбствyeт пoнимaнию прaвa в кaчeствe „ars boni et aequi«»¹ и пoнимaнию юридичeских тeкстoв кaк вeршин кyльтyры чeлoвeчeскoй цивилизaциe, являясь зaкoнoтвoрчeскoй дeятeлнoстью в мaтeриaльнoм смыслe слoвa (зaкoнoтвoрчeствoм кaк тaкoвым). Крoмe тoгo, зaкoнoтвoрчeствo нeoбхoдимo рaссмaтривaть кaк oсoбый вид твoрчeствa. Примeнитeльнo к зaкoнoтвoрчeствy вoзмoжнo иcпoльзoвaть дaнный тeрмин с нeкими oгoвoркaми, тaк кaк этoт вид твoрчeствa рaссмaтривaeтcя кaк сaнкциoнирoвaннaя, рeглaмeнтирoвaннaя влaстнaя прoцeдyрa. Тa свoбoдa твoрчeствa, кoтoрaя сущeствyeт, к примeрy, для хyдoжникa кaк твoрцa, нeпримeлeмa для зaкoнoтвoрчeствa, тaк кaк сущeствyют нeкиe рaмкe, трeбoвaния, yстaнoвлeния, рeглaмeнты, oбязaтeльныe для иcпoлнeния сyбъeктaми прaвa (дeпутaтaми).

Зaкoнoтвoрчeскaя дeятeлнoсть прeдстaвляeт сoбoй нe стoлькo политикo-прaвoвoe, скoлькo, прeждe вeсeгo, сoциaльнo-прaвoвoe и психoлoгичeскoe явлeниe. Eсли зaкoнoтвoрчeствo в сaмoм oбщeм видe мoжeт быть oпрeдeлeнo кaк дeятeлнoсть (сoвoкyпнoсть мeрoприятий и дeйствий), нaпрaвлeннaя нa сoздaниe прaвoвыx нoрм, oблaдaющeй высшeй юридичeскoй силoй, тo зaкoнoтвoрчeствo кaк спeциaльнo-юридичeскaя кaтeгoрия oзнaчaeт сooтвeтствyющyю психoлoгo-юридичeски знaчимyю дeятeлнoсть. Зaкoнoтвoрчeскaя дeятeлнoсть, бyдyчи yрeгулирoвaннoй прaвoм, кaрaктeризyeтcя стрoгoй пoслeдoвaтeльнoстью (этaпнoстью) пo сoздaнию зaкoнoв и вырaжaeтcя в зaкoнoтвoр-

¹Тихoмирoв Ю.А. Тeория зaкoнa. – М.: Изд-вo «Нaукa», 1982. – С.153

ческом процессе как юридической форме функционирования механизма законотворчества во времени. В этой связи вызывает возражение отождествление понятий «законотворческий процесс» и «законотворчество» на том основании, что без процесса само по себе законотворчество как материальная категория неосуществимо. Различие данных категорий состоит в том, что тот же механизм законотворчества в зависимости от определенных условий может по-разному функционировать во времени; различные же по типу механизмы законотворчества могут характеризоваться в то же время идентичными законотворческими процессами. Так, Д.А. Керимов считает, что законотворчество — дело чрезвычайно сложное, тонкое, ответственное, предполагающее глубокое знание прошлого, настоящего и нашего будущего, происходящих в стране процессов, исследование потребностей, интересов и устремлений людей². Дмитрук В.Н. отмечает, что законотворчество — это деятельность законодательного органа по разработке, принятию, изменению и отмене правовых норм (законов)³. На наш взгляд, наиболее удачным является широкое понимание законотворчества, то есть включение в этот процесс деятельности по подготовке и обсуждению законопроектов, в которой участвуют другие государственные органы, общественные организации, широкие круги общественности. Исследователь Т.В. Кашанина приводит поэтапное описание законодательного процесса, однако не уделяет достаточного внимания такой стадии, как опубликование закона⁴. С другой стороны, спорно и определение законотворческого процесса как фактического содержания законотворчества. Фактическое содержание законотворчества как научной категории составляет сама деятельность, направленная на создание закона, осуществляемая через специальный механизм законотворчества. В этом случае законотворческий процесс действует в качестве формы ее (деятельности) осуществления, характеристики функционирования механизма законотворчества (системы законодательного органа, законотворческих норм и т. д.) во времени. Как отмечает Т.Н. Рахманина, в юридической литературе сложились два взгляда на понятие законотворческого процесса. С одной стороны, законотворческий процесс ограничивается рамками официального прохождения законопроекта в высшем представительном органе. Более широкое понимание этого явления включает в законодательный процесс и всю предварительную деятельность по подготовке проекта закона⁵. Другими словами — это законотворческий процесс создания и принятия закона.

Следовательно, понятие законотворчества призвано, во-первых, установить систему взаимосвязанных институтов, обеспечивающих содержательную и психологическую подготовку законов; во-вторых, закрепить стабильные демократические формы волеизъявления всех граждан и его использования; в-третьих, отразить применение различных форм деятельности высших органов государственной власти и других участников в процессе создания и принятия закона. Таким образом, законотворческий процесс — это система юридически установленных процедур деятельности государственных органов, субъектов права, должностных лиц и граждан, направленная на закрепление достигнутого психолого-социального компромисса в текстах проектов закона и выражающаяся в строго регламентированном порядке их подготовки, обсуждения, принятия и опубликования. Вышеприведенные определения имеют важные значения и для выработки понятия психологии законотворчества.

Понятие «законотворчество» охватывает круг различных психологических явлений и процессов, в частности создание психолого-правовой нормы, начиная с зарождения идеи о ней в связи с выявлением потребности в правовой регламентации соответствующих отношений и заканчивая ее принятием в действие. Этот процесс распадается на несколько связанных между собой этапов. Следующие этапы включают период работы над законопроектом субъектом права, самого законодательного органа либо, согласно утвержденному им плану, соответствующего государственного (Национальный центр за-

² Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. — М.: Юрид. литература, 1991. — С.14.

³ Дмитрук В.Н. Теория государства и права : учеб. пособие. — Минск : Амаффея, 1998. — С. 22.

⁴ Кашанина Т.В. Юридическая техника. — М. : Эксмо, 2007. — С. 275.

⁵ Российское законодательство: проблемы и перспективы / редкол.: Л.А. Окуньков [и др.]. — М., 1995. — С. 369.

конодательства и правовых исследований Республики Беларусь), научного учреждения или общественного объединения.

Различие между этапами законотворчества состоит в том, что для первого из них характерно наличие множества предварительных вариантов решений, которые принимаются (с той или иной степенью научной обоснованности) всеми участниками законотворческого процесса создания будущей нормы, хотя ни одно из них не имеет окончательного, нормоустанавливающего значения. Предварительное «решение» выносят субъекты права и на проектом этапе. При этом ключевая роль в процессе создания будущей правовой нормы принадлежит соответствующему законотворческому органу, который выступает стороной в большинстве складывающихся в ходе законотворчества отношений и которому, в конечном счете, только и принадлежит право принятия окончательного законодательного решения. Это различие, общее для всех разновидностей правотворчества, имеет применительно к процессу создания закона особое значение.

Законотворчество имеет две стороны: объективную и субъективную, которые влияют на его эффективность. Объективная сторона заключается в том, что в результате законотворчества получают урегулирование общественные отношения — экономические, политические, социальные, организационные и другие, возникающие и существующие независимо от наличия или отсутствия права. Поэтому процедуре создания закона предшествует изучение реальных фактических жизненных обстоятельств, которые должны найти отражение в законопроекте. Этот процесс не простой, потому что создание законов направлено на регулирование не только уже существующих общественных отношений, но и тех, которые могут возникнуть после принятия законопроекта.

Исследование объективной действительности и отражение ее в законе представляет собой творческий, интеллектуальный процесс. Он является одним из видов социальной инженерии и складывается из деятельности исследователей социально-правовых явлений, психологов, аналитиков, конструкторов норм права, составляющих законопроекты. Точное, адекватное отражение в создаваемых в процессе законотворчества нормах права объективной действительности и составляет объективную сторону законотворчества. Однако это не всегда удается законодателю. В результате созданные нормы права могут не полностью отражать реальные обстоятельства.

Субъективная сторона законотворчества определяется способностью законодателя точно, грамотно и правильно сформулировать текст закона. С целью более успешного решения этого вопроса привлекаются юристы, лингвисты, филологи, юристы-профессионалы, психологи. Вторым субъективным фактором, оказывающим влияние на качество законотворчества, является различие интересов отдельных групп, слоев населения, которых касается создаваемый проект закона. В результате законы не всегда отвечают интересам общества и не представляют собой наиболее рациональные нормы. Нередко они выражают волю части общества, порой незначительной.

Законотворчество характеризуется органическим единством трех его основных компонентов: познания, деятельности и результата, которые в своих диалектических взаимопереходах составляют относительно законченный цикл законотворчества, вслед за которым по восходящей линии размещаются в той же последовательности аналогичные циклы, образующие в своей целостности систему этого процесса. Ведь для того, чтобы в законах адекватно отражались происходящие в обществе процессы, необходимо постоянно обнаруживать, изучать и умело использовать объективные закономерности, направляющие эти процессы. Именно поэтому предпосылкой создания закона является познание сложных психологических и иных условий, факторов и обстоятельств, а также развивающихся общественных отношений, правовое регулирование которых диктуется нуждами социального прогресса. Если с чисто правовой точки зрения законотворчество выглядит как процесс создания правовых норм, то в психолого-социальном разрезе — это согласование воли субъектов права, поиск компромисса различных социальных интересов. И в этой сфере как нигде близко сходятся: правовая, политическая, психологическая и нравственная культура; правовые, политические и моральные нормы; правовое, политическое и этическое сознание.

Психолого-правовыми науками накоплен определенный опыт использования психолого-социологических данных при изучении норм права, социально-

психологических аспектов право- и законотворческого процесса, социально-психологической эффективности правовых норм и правоприменительной практики. *Взаимосвязь психологии и законотворчества жизненно необходима.* Законотворческая практика становится более плодотворной благодаря достижениям психологической науки. Новые психологические теории не перспективны без внедрения их учеными, депутатами-практиками, так как это самый надежный способ испытания на репрезентативность психологической теории.

В психологическом отношении существенно то обстоятельство, что какое-то время установленные нормы находятся во взаимной сообщающейся связи с породившим их сознанием. В особенности прочна «пуповина», соединяющая нормы и ее непосредственного создателя (автора закона). Однако с течением времени детище законодателя приобретает собственную жизнь⁶.

Стартовым и системообразующим звеном правовой регуляции является разработка и издание правовых норм, законов, которые неукоснительно должны соответствовать социальной и социально-психологической сущности законотворчества. Реальную общеобязательную силу может приобрести лишь такая правовая норма, которая способна отвечать социальным потребностям общества и личности, соответствовать социально-психологическим механизмам психологического поведения. Как отмечал известный философ, социолог и психолог Г. Спенсер, «бедствия, причиненные невежественными законодателями, более существенны, чем зло, причиняемое невежественными врачами»⁷. Спенсер приводит многочисленные примеры того, как необоснованные законы усиливали то зло, против которого выступали их инициаторы. Так, установление жестких размеров заработной платы снижало трудовую мотивацию, вызывало спад в промышленном развитии и, в конце концов, ухудшало положение самих трудящихся. Законодатели должны прежде всего учитывать то, как предлагаемые ими законы могут повлиять на благополучие и судьбы людей, на возможности их самореализации. Особенно недопустима послезаконодательная пассивность, когда депутаты перестают интересоваться действием закона после его принятия. Необходим институт мониторинга принимаемых законов, социально-психологического анализа результатов их применения.

Некоторые принятые у нас законы чрезмерно активизируют подзаконное нормотворчество, искажающее сущность исходного закона. Многие законы, принимаемые Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь, не имеют должного механизма их реализации, не работающие же законы создают лишь иллюзию правовой регуляции. Живут только те законы, которые становятся действенным инструментом жизнедеятельности людей⁸. Судьбу закона определяет престиж права, то есть солидарность личности с принимаемыми законами, присвоение личностью защищаемых правом социальных ценностей.

Предлагаемая депутатом правовая норма должна отвечать ряду социальных, правовых и социально-психологических требований и, прежде всего, она не должна противоречить базовым социальным ценностям данного общества, требованиям общечеловеческой цивилизации, международным признанным правам и свободам человека. Нормы закона, принимаемые без достаточного социально-психологического обоснования, становятся юридическим балластом, порождая нигилистическое отношение к закону.

Однако эффективность правовой регуляции зависит не только от правовой сущности принимаемых законов, но и от правовой социализации членов общества. Правовая социализация личности — включение в ценностно-нормативную систему личности ценностей, охраняемых правом; овладение личностью устойчивыми способами правомерного поведения, формирование у нее чувства социальной ответственности и солидарности с правом.

⁶ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. — С. 70.

⁷ Спенсер Г. Грехи законодателя // Соц. исследования. — М., 1992. — № 2. — С. 129.

⁸ Поленина С.В. Закон как средство реализации задач формирования правового государства // Теория права: новые идеи. — М., 1993. — Вып. 3. — С.13–22.

Высший уровень правовой социализации — поведение личности на основе право-солидарных установок — привычное правоисполнительное поведение как устойчивая особенность поведенческого типа личности. При этом нормы права соблюдаются не из страха наказания и даже не из чувства солидарности с правом, а из настоятельной нравственной потребности совершать только правомерные действия, жить достойно. Дефектность же правовой социализации может быть различной, она может проявляться: в недооценке ценности права — правовой негативизм; в безответственном, легкомысленном отношении к требованиям закона — правовой инфантилизм; в активном неприятии норм права — правовой нигилизм; в сознательном правонарушающем, преступном поведении.

Правильно то, что правовые нормы регулируют поведение субъектов, вызывают угодные законодателю поступки. Правильно и то, что регулировать поведение можно только воздействуя на сознание, на волю людей. Но также верно и то, что правовые нормы не были бы правовыми, если бы не опирались в конечном счете на силу государственного принуждения. В самом существовании правовых норм с необходимостью заложено преодоление сопротивления воли их адресатов. Поэтому традиционно усилия законодателей были направлены не столько на интериоризацию гражданами диктуемых ими требований, сколько на обеспечение механического соответствия этим требованиям совершаемых на основе поступков⁹.

Законодатель издает правовую норму, которая предписывает определенную линию поведения, состоящую из разной направленности и продолжительности поступков, имеющих свои промежуточные цели и свое содержание¹⁰. Данная поведенческая программа одновременно поступает непосредственному адресату нормы и правоприменителю, который, таким образом, также является адресатом формулируемых законодателем требований. Если содержащаяся в норме установка полностью совпадает с установкой непосредственного адресата нормы, навеянной предшествующим влиянием внешних и внутренних факторов и данным правовым воздействием; если с восприятием нормы прежняя установка субъекта перестраивается в соответствии с заданной — линия реального поведения будет соответствовать начертанной законодателем. Следует также иметь в виду, что не только на законодателя, но и на каждого субъекта в отдельности действуют многообразные силы, определяющие вместе с правом линию их поведения, сообразно своему значению в жизненном положении данного субъекта¹¹. По словам К. Маркса, «законодатель... не делает законов, он не изобретает их, а только формирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений»¹². Законы позволяют в процессе познания объективной действительности отражать закономерности общественного развития, фиксировать наиболее типичные формулы общественных действий, правила поведения, способствовать стабилизации и упорядочению социального развития в нужном направлении.

Законодательное регулирование нельзя понять только с позиции юридической науки. Необходим комплексный подход, который позволяет в полной мере использовать достижения философии, социологии, управления и, в особенности, психологии. Появляется возможность выявления наиболее существенных черт механизма законодательного регулирования, его адекватности меняющимся условиям общественного развития¹³.

Депутат имеет возможность вести непрерывный психолого-законотворческий поиск в условиях парламентской (законотворческой) действительности, изменять и совершенствовать как условия организации, подготовки и обсуждения проекта закона, так и психокорректирующие воздействия с целью раскрытия творческого потенциала и развития творческой индивидуальности каждого депутата, перенося удачный опыт из плоскости психологических исканий в законотворческий опыт и наоборот. Это позволит более

⁹ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. — С. 80.

¹⁰ Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя // Сов. государство и право. — 1991. — № 8. — С. 14.

¹¹ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. — С. 98.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соб. соч., 2-е изд. : в 39 т. — Т. 18. — С. 162.

¹³ Тихомиров Ю.А. Теория закона. — М. : Изд-во «Наука», 1982. — С. 156.

профессионально находить выход из затруднительной ситуации в процессе подготовки и обсуждения проекта закона.

Отсутствие научной дисциплины, которая непосредственно занималась бы психологическим обеспечением законотворчества и имела бы дело с синтезом субъективного и объективного, который уже давно существует, но не в полной мере учитывается в законотворческой практикой, создает простор для многообразия различных, подчас взаимоисключающих точек зрения. Одна из них — позиция полностью отрицающих или постепенно сводящих «на нет» роль психологических моментов в законотворчестве. Такая «объективистская» точка зрения, в конечном счете, приводит к усилению внутренней законотворческой напряженности. Еще князь М.М. Щербатов, историк и философ, автор «Истории российской с древних времен», указывал на необходимость знания законодателем «человеческого сердца» и создания законов с учетом психологии народа¹⁴. Керимов Д.А. отмечал, что правоведение не может обойтись без определения роли индивидуального волевого акта для правового регулирования¹⁵.

Объективная реальность показала, что поскольку законотворчество является одним из видов человеческой деятельности, постольку нельзя игнорировать и ее психологическую основу — сознание, переживания, установки, мотивацию, настроения субъектов права, участников законотворческого процесса. Созданию правовых норм всегда предшествует отражение в общественном правосознании тех социальных потребностей, на которые эти нормы призваны отозваться. Результатом отражения является осознание таких потребностей в качестве общественных интересов, оценка возможных последствий принятия конкретных правовых норм, их соотношения с целями, стоящими перед обществом или отдельными его институтами. Эти процессы происходят в общественном мнении, умонастроениях, отношениях, убеждениях и установках, а также в других социально-психологических явлениях, которые активно влияют на принятие тех или иных правовых норм. Психологические явления опосредуют законотворческую деятельность и на уровне индивидуального сознания лиц, которые непосредственно ею занимаются. Их изучение тем более необходимо, что здесь возможны различного рода искажения из-за неверных оценок, предубеждений, стереотипных мнений, недостаточного предвидения последствий и т. д. В результате нормы могут неполно или неверно выражать в правовой форме регулируемые общественные отношения¹⁶. Влияние психологии законотворчества на создание законов постоянно возрастает в связи с углубляющейся гуманизацией, психологизацией и демократизацией процессов законотворчества, включением во всестороннее обсуждение проектов законов трудовых коллективов и общественных организаций. Общеобязательную силу может приобрести лишь та правовая норма, которая способна выполнять функцию социальной нормы, то есть отвечать социальным потребностям общества и личности, соответствовать социально-психологическим механизмам человеческого поведения. Особенно важно четкое представление целей, на достижение которых направлена вводимая правовая норма, четкое осознание того, какие формы человеческого поведения требуют расширения, например, репрессий, а какие — их осуждения, каковы психологические механизмы общепреventивного воздействия норм права¹⁷. Таким образом, можно утверждать, что формирование и создание правовых норм — это не только юридический, но и социально-психологический процесс.

Как отмечает А.С. Косопкин, «еще одно проблемное направление парламентской психологии — психология законодательной деятельности и правотворчества в целом — не получило развернутых научных монографических исследований. Это область, где правовая психология как наука, к сожалению, пока что мало соприкасается с практикой. А ведь эта тема — не только академическая, но и сугубо прикладная, поскольку касается не-

¹⁴ Юдина Е.В. Юридическая психология для студентов вузов / под ред. Л.Д. Столяренко. Сер. Шпаргалки [и др.]. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — С. 7.

¹⁵ Керимов Д.А. Психология и правоведение: некоторые аспекты взаимодействия // Психология и право. — М., 1985. — С. 19.

¹⁶ Кульчар К. Основы социологии права. — М., 1981. — С. 111.

¹⁷ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учебник. — М., 1996. — С. 37–38.

посредственно самого содержания парламентской работы, где психологическая составляющая играет далеко не последнюю роль»¹⁸.

Право и все нормативно правовые акты эффективны по своему регулирующему влиянию, если его психологический эффект адекватен, то есть отвечает специфике психологии людей, групп, общностей, народа, если обеспечивает понимание, одобрение, правомерное поведение их.

Психология законотворчества, на наш взгляд, должна изучать влияние различных социально-психологических факторов на процесс создания правовых норм, психологические аспекты законотворческого процесса, исследовать проблему социально-психологических последствий действия правовых норм (закона) в обществе, раскрывать процессы трансформации правовых норм в социальное поведение личности, освещать перевод социальных отношений на язык правовых норм, а также психолого-правовую эффективность предлагаемых правовых норм (новаций), законопроектов, их трактовку, точность изложения и применения. Изучение всех этих вопросов обусловило появление нового раздела (направления) правовой психологии — психологии законотворчества. Психологию законотворчества представляется возможным определить как процесс облегчения психологических явлений в правовую норму и введение их в действие. Важнейшая особенность психологии законотворчества заключается в том, что каждый принятый закон должен учитывать социально-психологические аспекты эффективного законотворчества в содержании нормы. Таким образом, законотворческий процесс должен состоять из ряда этапов, а на последнем этапе — признания этой нормы как обязательной.

Депутат, подвергая анализу законопроект, должен, *во-первых*, корректировать рассматриваемые законопроекты и, с точки зрения их психологической грамотности, следить за тем, чтобы в них не было заложено нереалистических ожиданий, ошибочных представлений о причинно-следственных связях в человеческом поведении, чтобы они не провоцировали людей на деструктивные действия или не способствовали депрессивным реакциям. *Во-вторых*, нормы всех видов (дозволяющие, обязывающие, запрещающие и др.) должны быть направлены на человека, для того чтобы подсказать ему разумные, адекватные, оптимальные и одобряемые варианты поведения, тем самым предотвращая хаос и стабилизируя социальные связи. *В-третьих*, не менее важной задачей депутата является психологизация самого законотворческого процесса, принятия законодательных решений. Общеобязательную силу может приобрести лишь та правовая норма, которая способна выполнять функцию социально-психологической нормы, то есть отвечать психологической культуре законотворчества и социальным потребностям личности, общества и государства, соответствовать социально-психологическим механизмам человеческого поведения. Все это имеет положительное психологическое значение в плане уменьшения стрессов, депрессий, развития способностей личности и ее реализации.

Однако нормы не всегда успевают за стремительным развитием общественной жизни, а в ряде случаев опережают ее; иногда они вступают друг с другом в противоречие вследствие ряда причин, например, сложности структуры общества, смены политических команд и их приоритетов, изменяющихся потребностей людей; не всегда могут полно и адекватно отразить реальное положение дел в обществе вследствие своего абстрактного характера и т. д. Эти обстоятельства законодатель должен увидеть и сделать так, чтобы они не смогли вызвать социальную напряженность и породить у людей разочарование в возможностях правового регулирования. Для тех же, кто имеет антисоциальные установки и преступные намерения, это несовершенство отечественного законодательства может стать искушением и стимулом для реализации корыстных, эгоистичных или преступных целей.

Знание психологических закономерностей взаимоотношений личности и коллектива имеет большое значение для правильного выполнения депутатами своих полномочий. Психическая жизнь депутата, связанная с законотворческой деятельностью, обладает особенностями, характер которых предопределен выполнением множества разнообразных социально-психологических, правовых и иных депутатских функций. Именно данное обстоятельство способствовало выделению из правовой психологии и формиро-

¹⁸ Косопкин А.С. Психология парламентского законотворчества. – М.: Наука, 2006. – С. 4.

ванию такого направления (отрасли науки), которая исследует закономерности психики человека, проявляющиеся в сфере действия законотворчества.

Опираясь на современный высокий уровень развития психологических наук, принимая во внимание социально-психологический заказ общества, можно констатировать, что в настоящее время созрели все необходимые условия для разработки психологии законотворчества как теоретико-прикладного направления правовой психологии, а на ее основе — инновационной психотехнологической модели законотворчества. Использование данной психотехнологии позволит значительно повысить эффективность профессиональной парламентской деятельности депутатов.

Список литературы

1. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учебник. — М., 1996. — С. 37–38.
2. Дмитрук В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие. — Минск: Амалфея, 1998. — С. 22.
3. Кашанина Т.В. Юридическая техника. — М.: Эксмо, 2007. — С. 275.
4. Керимов Д.А. Психология и правоведение: некоторые аспекты взаимодействия // Психология и право. — М., 1985. — С. 19.
5. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. — М.: Юрид. литература, 1991. — С. 14.
6. Косопкин А.С. Психология парламентского законотворчества. — М.: Наука, 2006. — С. 4.
7. Кульчар К. Основы социологии права. — М., 1981. — С. 111.
8. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. — С. 98.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соб. соч., 2-е изд. : в 39 т. — Т. 18. — С. 162.
10. Поленина С.В. Закон как средство реализации задач формирования правового государства // Теория права: новые идеи. — М., 1993. — Вып. 3. — С.13–22.
11. Российское законодательство: проблемы и перспективы / редкол.: Л.А. Окуньков [и др.]. — М., 1995. — С. 369.
12. Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя // Сов. государство и право. — 1991. — № 8. — С. 14.
13. Спенсер Г. Грехи законодателя // Соц. исследования. — М., 1992. — № 2. — С. 129.
14. Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук. — М. : РГБ, 2003 (из фондов Российской государственной библиотеки). — С. 153.
15. Тихомиров Ю.А. Теория закона. — М. : Изд-во «Наука», 1982. — С. 156.
16. Юдина Е.В. Юридическая психология для студентов вузов / под ред. Л.Д. Столяренко. Сер. Шпаргалки [и др.]. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. — С. 7.

SOCIAL REQUIREMENTS FOR KNOWLEDGE DEPLOYMENT IN LAWMAKING

I.A. KIBAK

*Academy of the MIA
of the Republic of Belarus*

e-mail: ivankibak@list.ru

In this article problems of knowledge deployment in lawmaking are considered. There is the analysis of researches of the basic directions of considered problems which are investigated in works of native lawyers and psychologists. It is shown, that lawmaking has two aspects: objective and subjective which influence its efficiency. The special attention is given to the researches of its three basic components in lawmaking: knowledge, activity and result. There is a reflection of efficiency of legal regulation which depends not only on legal essence of accepted laws, but also on legal socialization of society members. It is noticed that only the rule of law that is capable to carry out the function of socially-psychological norm can get obligatory force, in other words the rule of law is to correspond to socially-psychological mechanisms of human behavior, to answer psychological culture of lawmaking and social requirements of a person, society and state. The most perspective directions of the further researches of lawmaking psychology are planned.

Key words: psychology, lawmaking, deputy, social requirements, law, rule of law.

УДК 321 (091); 34 (091)

ГЕНЕЗИС ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

М.В. ЛЕВШУК

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:lmv18@mail.ru

В целях поиска направлений реформирования правового механизма деятельности системы государственного пенсионного обеспечения в Российской Федерации, автор анализирует процесс зарождения организационного механизма пенсионного обеспечения в России в XIX – начале XX вв. и его эволюционного развития.

Ключевые слова: организационный механизм; генезис пенсионного обеспечения; Россия.

Актуальность вопросов государственного пенсионного обеспечения в России обусловлена, с одной стороны, большим интересом к теме развития современной пенсионной системы, с другой стороны, ее недостаточной разработанностью в историческом аспекте. Существующий в России институт пенсионного обеспечения требует модернизации. В целях поиска направлений реформирования правового механизма деятельности системы государственного пенсионного обеспечения в Российской Федерации, попытаемся проанализировать процесс зарождения организационного механизма пенсионного обеспечения в России в XIX – начале XX вв. и его эволюционного развития.

Начнем с такой формы пенсионно-правового обеспечения, как благотворительность. В соответствии с Положениями Комитета Министров Российской империи об учреждении капитала и об утверждении Положения¹ о названном капитале, пожертвованный капитал предназначался для выдачи пособий рабочим и их семьям. Проценты от капитала расходовались на выдачу пособий и на почтовые издержки по пересылке пособий. Сведения о нуждающихся рабочих и их семьях, имеющих право на вышеуказанные пособия и пенсии, должно было собирать в подробные списки Присутствие по горнозаводским делам при Иркутском горном управлении. Это же Присутствие занималось наблюдением за правильным хранением и расходованием процентов с капитала, рассмотрением поступающих от пострадавших и их семейств, от представителей правительственной администрации, от самого жертвователя и от других частных лиц заявлений и ходатайств о выдаче единовременных пособий и продолжительных пенсий. Пособия рабочим и их семьям выдавались по усмотрению Присутствия по горнозаводским делам².

Частная и общественная благотворительность были зачастую недостаточными, имели неустойчивый характер. Вследствие чего, применение ее к явлениям хронического общественного недуга часто оказывалось невозможным³. Обширная сеть благотворительных учреждений разного рода, существовавшая в 19 веке в России, делилась на два вида – благотворительные заведения и благотворительные общества. К 1 января 1899 года общее число благотворительных учреждений Российской империи составляло 14 854, 7 349 из которых – благотворительные общества, а 7 505 – благотворительные заведения⁴. Общее число лиц, которые воспользовались помощью благотворительности в 1898 году, составляло 70 077 129 человек, не считая 20 392 675 случаев обращения к благотворительности в виде посещений⁵. Помощь общественной благотворительности в России

¹ Об учреждении капитала имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова для вспомоществования приисковым рабочим Якутской области и об утверждении Положения о названном капитале. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 14. – № 10403.

² Там же.

³ Райхенберг Н. Международное фабричное законодательство. – Харьков., 1905. – С. 25.

⁴ Благотворительные учреждения Российской империи. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 1.

⁵ Там же. – С. 14.

была слабо организована и осуществлялась уже при полном разорении семьи рабочего, потерявшего трудоспособность. Восстановить нарушенное благосостояние при ничтожности и несвоевременности такой помощи уже не представлялось возможным⁶.

Так, из Окладной книги собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1802 года⁷ нам стало известно, что по итогам 1801 года на 1802 год осталось 117 руб. 4 ³/₄ коп., причитавшихся Курскому Приказу общественного Призрения. Всего в 1802 году в Курский Приказ общественного Призрения поступило 442 руб. 19 ¹/₄ коп.⁸

Согласно Окладной книге собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1803 года⁹, по итогам 1802 года на 1803 год осталось 33 руб. 29 коп., принадлежащих Курскому Приказу общественного Призрения, и в который в 1803 году поступило 280 руб. 00 коп.¹⁰

В соответствии с Окладной книгой собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1805 года¹¹, по итогам прошлого 1804 года на 1805 год осталось 120 руб. 71 коп., принадлежащих Курскому Приказу общественного Призрения, в пользу которого в 1805 году было собрано 127 руб. 31 коп.¹²

Совершенно очевидно, что доходы приказов общественного призрения были случайными, невысокими и нестабильными.

Из Расходной книги отсылаемых Курской Губернией в Приказ общественного Призрения деньгам Корочанского уездного казначейства 1805 года¹³ следует, что в пользу Курского Приказа общественного Призрения Корочанского уездного казначейства в 1805 году «выданы», «заплачены», «отправлены» 321 руб. 60 коп. Остаток на 1806 год составил 28 руб. 95 коп.¹⁴

Согласно Книге расходной отсылаемых Курской Губернией в Приказ общественного Призрения деньгам Корочанского уездного казначейства 1806 года¹⁵, в Приказ общественного Призрения «отправлены», «выданы» 60 руб. 68 коп. Остаток на 1807 год составил 26 руб. 48 коп.¹⁶

Из Отчета Корочанской уездной земской управы о приходе и расходе сумм Курского губернского земства за 1913 год¹⁷ следует, что по наименованию статьи расходов «На выдачу пенсии разным лицам...» на основании «Объяснений и №№ 5913, 5920, 3609, 3611, 3620, 3621, 3654, 3653, 3747 уведомлений губернской управы на производство

⁶ Литвинов-Фалинский В.П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. – СПб., 1903. – С. 4.

⁷ Окладная книга собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1802 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1084. 40 листов.

⁸ Там же.

⁹ Окладная книга собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1803 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1110. 40 листов.

¹⁰ Там же.

¹¹ Окладная книга собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1805 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1157. 30 листов.

¹² Там же.

¹³ Расходная книга отсылаемых Курской Губернией в Приказ общественного Призрения деньгам Корочанского уездного казначейства 1805 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1143. 6 листов.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Книга расходная отсылаемых Курской Губернией в Приказ общественного Призрения деньгам Корочанского уездного казначейства 1806 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1186. 10 листов.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Отчет Корочанской уездной земской управы о приходе и расходе сумм Курского губернского земства за 1913 год. // Журналы заседаний I очередного Корочанского уездного земского собрания за 1914 год. – Курск, 1915. – С. 541.

расхода» подлежало к выдаче: «по ассигновкам прежних лет»¹⁸ – 29 руб. 70 коп.; «ассигнованных в 1913 году» – 3001 руб. 40 коп. В 1913 году было выдано 2959 руб. 45 коп. К 1 января 1914 года «осталось невыданных»¹⁹ 41 руб. 95 коп.

Таким образом, и частная, и общественная благотворительность были неэффективными формами пенсионного обеспечения в Царской империи, так как не подвергались нормативно-правовой регламентации со стороны государства.

Если общественная помощь нетрудоспособным и престарелым лицам существовала еще с древних времен, и в определенных исторических условиях не требовала обязательного государственного регулирования, то государственная помощь инвалидам и престарелым в России появилась в эпоху буржуазного развития и приобрела юридическую форму пенсии с утверждением 6 декабря 1827 года Устава о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим²⁰ и введением его в действие с 1 января 1828 года²¹. Согласно параграфу 99 Устава, «суммы на производство пенсий и пособий всем лицам, в Государственную книгу внесенным, заимствуются из общих Государственных доходов, в главной смете ежегодно на сей предмет ассигнуемых»²². То есть, выплата пенсий и единовременных пособий стали производиться из Государственного казначейства.

Другой формой пенсионно-правового обеспечения в Российской империи XIX века являлись эмеритальные пенсии, которые выплачивались из специально учрежденных в некоторых ведомствах пенсионных капиталов – эмеритальных касс. Так, эмеритальная касса министерства Юстиции ставила себе задачу «обеспечить оставляющих службу чинов сего ведомства, участвовавших взносами в кассу и их семейства производством из сей кассы пенсий и пособий независимо от тех, какие им будут следовать на основании общих законов, особых Уставов и Высочайших повелений»²³. Денежные средства кассы, принадлежащие к специальным средствам Министерства Юстиции и составляющие собственность всех ее участников, ни в коем случае и ни под каким предлогом не могли быть употребляемы иначе, как на пенсии, пособия и расходы по управлению кассы. Никакие изъятия или отступления от правил, изложенных в Уставе, не допускались. Участниками эмеритальной кассы могли стать различные чиновники Министерства юстиции. Денежные средства эмеритальной кассы составлялись из денежного капитала, образовавшегося из эмеритальных вычетов с чинов Министерства Юстиции, произведенных по день открытия кассы с наросшими на эту сумму процентами; из ежегодных вычетов в пользу кассы с чинов ведомства Министерства юстиции, участвующих в кассе; процентов на принадлежащий кассе капитал; добровольных пожертвований и отказов в пользу кассы. В доход кассы ежегодно удерживалось 4 % из всего содержания чиновника, участвующего в кассе (жалования, в том числе и добавочного. Столовых, квартирных денег, назначенных участникам эмеритальной кассы по штатам или распоряжениям начальства). Касса с разрешения Совета кассы была вправе принимать жертвования. Делами эмеритальной кассы ведомств Министерства Юстиции заведовали Управление, Комитет и Совет кассы²⁴.

Следующей организационно-правовой формой пенсионного обеспечения в России в XIX веке являлась материальная помощь из учреждаемых в соответствии с законом от 8

¹⁸ Там же.

¹⁹ Отчет Корочанской уездной земской управы о приходе и расходе сумм Курского губернского земства за 1913 год. // Журналы заседаний I очередного Корочанского уездного земского собрания за 1914 год. – Курск, 1915. – С. 541.

²⁰ Устав о пенсиях и единовременных пособиях, утвержденный 6 декабря 1827 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. II. – № 1592. 1827. – С. 1034 – 1043.

²¹ Указ Императора Николая I Правительствующему Сенату от 6 декабря 1827 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. II. – № 1592. 1827. – С. 1032 – 1033.

²² Устав о пенсиях и единовременных пособиях, утвержденный 6 декабря 1827 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. II. – № 1592. 1827. – С. 1034 – 1043.

²³ Устав эмеритальной кассы ведомства Министерства Юстиции. // Сост.: Полянский А.: Свод уставов о службе гражданской: С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерств и Государственного Контроля. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях и эмеритальных кассах гражданского ведомства: Положение о пенсионной кассе служащих на казенных железных дорогах и формы чинов гражданского ведомства. 3-е изд. Т. 3. – М., 1900. – С. 459.

²⁴ Там же. – С. 459 – 475.

марта 1861 года²⁵ при казенных горных заводах особых товариществ, имевших целью попечение рабочих в болезни и старости, призрение вдов и сирот рабочих. При каждом большом заводе или руднике, либо при объединяемых для этих целей нескольких меньших заводах или рудниках на основании Положения о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ²⁶, являвшегося главой II раздела второго закона от 8 марта 1861 года²⁷, учреждались вспомогательные кассы горнозаводских товариществ. Членами этих товариществ являлись все рабочие, которым в обязательном порядке выдавались расчетные книжки, а также постоянно служащие заводов по вольному найму. Делами товарищества заведовал учреждаемый горнозаводской попечительский приказ, состоящий из председателя, назначаемого горнозаводским управлением, и четырех членов, избираемых на три года всеми участниками товарищества из своей среды. Горнозаводские товарищества среди прочих производили пенсионные операции. В обязанности горнозаводского попечительского приказа входило попечительство об учреждаемом товариществе; заведование вспомогательной кассой и наблюдение за своевременным поступлением взносов, счетоводство и отчетность; удостоверение в неспособности членов товарищества, участвующих в составлении кассы, продолжать заводские работы, постоянно или временно, и установление вследствие чего, временных пособий или постоянных пенсий из вспомогательной кассы в соответствии с правилами Положения о вспомогательной кассе горнозаводского товарищества; призрение вдов и сирот членов товарищества – участников кассы; рассмотрение споров; наложение вычетов и штрафов с работников. Кассы производили пожизненные пенсии членам товарищества, их вдовам и сиротам. Средства касс образовывались из 2 – 3% вычетов из платы каждого члена и из взносов заводоуправления, равных итогу членских вычетов, из прибылей от выданных ссуд, штрафных вычетов и денежных взысканий с рабочих за разные повинности, из пожертвований и прочих источников, которые заводоуправление или само товарищество могли изыскать. «В товариществах состояло на 1 января 1911 года 5 123 пенсионера, коим определено пенсий на 187 333 рублей в год»²⁸.

Кроме казенных горных заводов обязательные пенсионные кассы, в соответствии с законом от 30 мая 1888 года²⁹, существовали также на российских частных железных дорогах. Мнение Государственного Совета, высочайше утвержденное 30 мая 1888 года³⁰, – «Государственный Совет, в соединенных Департаментах Законов и Государственной Экономии и в Общем Собрании, рассмотрев представление Министра Путей Сообщения об учреждении пенсионных касс Обществами частных железных дорог, мнением положил»³¹: обязать Общества всех частных железных дорог, как уже открытых, так и впредь открываемых для общественного пользования, учреждать для своих служащих пенсионные кассы, на основаниях, указанных в Общем Положении о пенсионных кассах Российских частных железных дорог³², «проект которого поднести к Высочайшему Его Импера-

²⁵ Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов от 8 марта 1861 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XXXVI. Отделение 1. – № 36719. 1861. – С. 438 – 450.

²⁶ Положение о вспомогательной кассе горнозаводских товариществ. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XXXVI. Отделение 1. – № 36719. 1861. – С. 448 – 449.

²⁷ Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов от 8 марта 1861 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XXXVI. Отделение 1. – № 36719. 1861. – С. 438 – 450.

²⁸ Литвинов-Фалинский В.П. Новые законы о страховании рабочих. – СПб., 1912. – С. 24.

²⁹ Высочайше утвержденное 30 мая 1888 года Общее Положение о пенсионных кассах Российских частных железных дорог. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII. – № 5263. 1888. – С. –280 – 287.

³⁰ Резолюция. «Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета об учреждении пенсионных касс Обществами частных железных дорог, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить». // Собр. Узак. 1888 г. Июня 21, ст. 516.

³¹ Высочайше утвержденное 30 мая 1888 года Общее Положение о пенсионных кассах Российских частных железных дорог. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII. – № 5263. 1888. – С. 281.

³² Там же. – С. 282 – 287.

торского Величества утверждению»³³. Относительно порядка учреждения пенсионных касс к руководству было принято следующее: во-первых, к сроку, определенному Министром Путей Сообщений для каждой частной железной дороги, Правление которой представляло Министру заявление о том, какую кассу – пенсионную или сберегательно-вспомогательную, оно было намерено учредить для своих служащих, с приложением проекта предполагаемого для нее Устава, составленного на основании Общего Положения об установлениях этого рода по принадлежности. Во-вторых, учреждение пенсионной кассы признавалось предпочтительным; открытие же сберегательно-вспомогательной кассы допускалось только в случае «доказанной неосуществимости предположений о пенсионной кассе для подлежащей дороге»³⁴. В-третьих, указанные выше предположения получали дальнейшее движение в порядке, установленном статьей 3 Общего Положения о пенсионных кассах³⁵. То есть предположения об учреждении пенсионной кассы обсуждались при участии представителей всех железнодорожных служб в Правлении (центральном управлении) соответствующего железнодорожного Общества. Составленные в установленном порядке проекты Устава пенсионной кассы и Инструкции, определявшей внутренний распорядок пенсионной кассы, рассматривались в Общем Собрании акционеров Общества и затем с приложением списков должностей, занимаемых служащими в Обществе, числа служащих каждого разряда и размера их содержания, из которого должны были производиться установленные вычеты, представлялись на утверждение Министра Путей Сообщений. Министр Путей Сообщений утверждал указанные проекты по согласованию с Министром Финансов и Государственным Контролером. Изложенный порядок соблюдался так же относительно изменений в Уставах и Инструкциях пенсионной кассы.

Железнодорожным Обществам, которыми были учреждены пенсионные кассы, разрешалось открывать наряду с ними также и кассы сберегательно-вспомогательные. При разрешении в установленном порядке учреждения пенсионных касс, железнодорожным Обществам, в которых уже существовали кассы такого рода, устроенных на основаниях, противоречащих Общему Положению о пенсионных кассах, были ликвидированы. Таким образом, совершенно очевидно, что законодатель приоритетное значение придавал именно пенсионным кассам.

В случае поступлений частной железной дороги в собственность казны, учрежденная для служащих этой дороги пенсионная касса продолжала действовать на основании утвержденного для нее Устава.

Согласно разделу V Общего Положения о пенсионных кассах Российских частных железных дорог³⁶, делами кассы заведовал Комитет, подчинявшийся Правлению Общества, которым пенсионная касса была учреждена, а если касса была учреждена несколькими Обществами, то – Правлению того из них, которое было указано в Уставе пенсионной кассы. Комитет действовал от имени Общества, Правлению которого он был подчинен. Комитет состоял из Председателя и определяемого Уставом кассы числа членов. Одна половина членов назначалась Правлением соответствующего Общества, а другая – избиралась участниками кассы. Председателем Комитета состоял Управляющий дорогой или одною из дорог Общества, Правлению которого Комитет был подчинен. Делопроизводством Комитета заведовал делопроизводитель, назначаемый Правлением соответствующего Общества. В помощь делопроизводителю Комитетом определялось необходимое число служащих. Расход на содержание личного состава пенсионной кассы и на производство дел относились на средства кассы. Размер такого расхода определялся штатом и ежегодной сметой, составляемых Комитетом и утверждаемых Правлением. Дела в Комитете решались большинством голосов; при равенстве голосов, решающим голосом был голос Председательствующего. Постановления Комитета, с которым не соглашались

³³ Высочайше утвержденное 30 мая 1888 года Общее Положение о пенсионных кассах Российских частных железных дорог. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII. – № 5263. 1888 – С. 280.

³⁴ Там же. – С. 281.

³⁵ Там же. – С. 282.

³⁶ Там же. – С. 282 – 287.

Председательствующий или все присутствующие члены от Правления соответствующего железнодорожного Общества, представлялись на рассмотрение самого Правления. Дела, касавшиеся технических пенсионных расчетов, докладывались Комитету с заключением делопроизводителя. Причем, если было постановлено решение, несогласное с этим заключением, – дело представлялось на разрешение Правления.

Комитет заведовал всеми делами пенсионной кассы под наблюдением и контролем Правления соответствующего Общества. Комитет наблюдал за своевременным поступлением в пенсионную кассу причитающихся ей сумм и нес ответственность за правильное назначение и производство выдач из касс.

В сроки, определяемые Уставом пенсионной кассы, производились проверки пенсионной кассы, состоявшие в «определении современной стоимости обязательств кассы как по отношению к ее участникам и их семьям, так равно и по отношению к пенсионерам и их семьям, т. е. в определении, при помощи составленных по теории вероятностей и прилагаемых к Уставу таблиц – современной стоимости прав, приобретенных участниками кассы, их семьями и семьями пенсионеров, равно как современной стоимости уплачиваемых пенсий»³⁷.

Ежегодно 31 декабря заключались книги пенсионной кассы, а затем Комитетом пенсионной кассы составлялись за истекший год отчет, представляемый на рассмотрение Правления соответствующего Общества. Отчет содержал в себе: баланс пенсионной кассы по состоянию на 31 декабря отчетного года; подробное объяснение всех счетов баланса; общий счет прихода и расхода; счет расходов по содержанию личного состава кассы; счет потерь и прибылей; счет выданных в отчетном году пенсий и единовременных пособий; статистические сведения об участниках пенсионной кассы и пенсионерах, как то: о их возрасте, семейном положении, продолжительности службы, несчастных случаях, смертности и т.д.; счет процентных бумаг, принадлежащих пенсионной кассе. После составления отчета Комитет выдавал участникам кассы, в случаях изъявленного ими желания, выписки из их счетов по состоянию на 31 декабря отчетного года.

Права и обязанности Председателя, членов и делопроизводителя Комитета; порядок поступлений сумм в пенсионную кассу, обращения их в процентные бумаги и выдач из пенсионной кассы; порядок наблюдения и контроля Правления железнодорожного Общества над Комитетом, заведующим делами кассы, правила делопроизводства, счетоводства и отчетности Комитета, порядок освидетельствования и переосвидетельствования лиц, увольняемых по болезни и другие предметы, касающиеся внутреннего распорядка в пенсионной кассе, определялись Инструкцией пенсионной кассы.

Участниками пенсионных касс в обязательном порядке являлись все лица, находившиеся на постоянной службе в железнодорожном Обществе. Пожизненные пенсии выдавались из образовавшихся от собственных взносов участников и приплат железнодорожного Общества сумм, которые разносились по личным счетам участников и их жен, – участникам касс при оставлении ими службы или же остающимся после смерти этих участников членам их семейств (вдовам и сиротам). Средства пенсионных касс состояли из вычетов 6 % из жалования членов касс, из штрафных денег и взносов железнодорожного Общества, размеры которых не были фиксированными, определялись текущими потребностями кассы и не могли превышать половины общей суммы вычетов из заработной платы рабочих.

Таким образом, учреждение и последующее функционирование пенсионных касс служащих на частных железных дорогах происходило исключительно на принципах взаимного страхования участников пенсионных касс.

Пенсионные кассы служащих на казенных железных дорогах стали учреждаться с 3 июня 1894 года, с момента утверждения Положения о пенсионной кассе служащих на казенных железных дорогах³⁸. Все участники пенсионной кассы производили ежемесячные вычеты в размере 6 % получаемого ими оклада и единовременные – из получаемых

³⁷ Высочайше утвержденное 30 мая 1888 года Общее Положение о пенсионных кассах Российских частных железных дорог. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII. – № 5263. 1888. – С. 287.

³⁸ Сборник управления делами пенсионной кассы служащих на казенных железных дорогах. – СПб., 1896. – С. 17.

наград (10 %) и при увеличении содержания (трехмесячная разность между новым и прежним окладом). Пособие казны пенсионной кассе определялось в размере 3 % получаемых служащими окладов. В средства пенсионной кассы также поступали суммы, вырученные от продажи невостребованных грузов и багажа, штрафные деньги, взыскиваемые со служащих, арендная плата за право выставки объявлений и продажи книг и журналов на станциях казенных железных дорог. Поступавшие в пенсионную кассу средства распределялись по личным счетам участников и их жен. Некоторые виды поступлений обращались в капитал, составляющий обязательный резервный фонд по пенсиям, назначаемых детям и сиротам участников и пенсионеров кассы³⁹. Таким образом, несмотря на то, что основную часть средств, направляемых на пенсионное обеспечение нетрудоспособных участников пенсионной кассы, составляли страховые взносы работников, представлявшие капитализированную часть их заработной платы, государство уже вносило свой вклад в их пенсионное обеспечение в виде средств из казны. То есть, государство, совершая первые попытки по организации и урегулированию отношений в области пенсионного обеспечения некоторых категорий нетрудоспособных граждан, уже часть обязательств по пенсионному обеспечению, хоть и не большую, возложило на себя.

«Уже в 80-х годах наша промышленность выдвинула задачи, разрешение которых потребовало законодательного урегулирования некоторых сторон в положении рабочих. С того времени мы наблюдаем целый ряд быстро следующих одна за другой мер, направленных к регламентации фабричного строя и к ослаблению наиболее вредных влияний промышленности на рабочее население»⁴⁰.

В соответствии с Положением о пенсионных кассах служащих и рабочих в частных кредитных учреждениях, торгово-промышленных предприятиях и страховых обществах⁴¹, утвержденном 13 июня 1897 года, в России появилась возможность учреждения для служащих и рабочих пенсионных касс по ходатайствам частных кредитных учреждений и торгово-промышленных предприятий и страховых обществ. Пенсионные кассы могли быть как эмеритального типа, так и быть основанными на страховых началах. Пенсионные кассы могли учреждаться как на условиях добровольного, так и обязательного участия в кассе всех служащих или рабочих. Управляли делами пенсионных касс представители от предприятий и от служащих и рабочих в числе, пропорциональном суммам взносов, вносимых ими на образование средств кассы. Министру Финансов и Внутренних дел по принадлежности предоставлялось назначать ревизии делопроизводства и отчетности пенсионных касс, с обращением расходов по производству этих ревизий на средства учреждений, при которых состояли пенсионные кассы.

Положением о пенсионных кассах служащих в земских учреждениях, утвержденным 12 июня 1900 года⁴², была предусмотрена возможность замены уставом пенсионной кассы выплаты пенсий или их части выдачей капитализированной стоимости пенсий. Причем замена могла быть как обязательной, так и добровольной. Обязательная капитализация предполагала выплату соответствующей стоимости пенсии в полном объеме, а добровольная – удержание в запасный капитал части, определенной уставом пенсионной кассы, но не свыше 10 % стоимости пенсии. Не допускалась капитализация лишь сиротских пенсий и пенсий лиц, неспособных к труду. Следовательно, можно говорить о некотором регрессе на пути развития одной из организационно-пенсионных форм пенсионного обеспечения Российской империи.

³⁹ Сборник управления делами пенсионной кассы служащих на казенных железных дорогах. – СПб., 1896. – С. 17.

⁴⁰ Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб., 1900. – С. VI.

⁴¹ Высочайше утвержденное 13 июня 1897 года Положение о пенсионных кассах служащих и рабочих в частных кредитных учреждениях, торгово-промышленных предприятиях и страховых Обществах. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. XVII. – № 14306. 1897. – С. 409 – 410.

⁴² Положение о губернских и уездных земских учреждениях. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Пг., 1915. – С. 81.

12 июня 1900 года Министерством народного Просвещения была учреждена касса народных учителей и учительниц⁴³, которые будучи участниками этой кассы, вносили ежемесячно 6 % от своего жалования. За каждого обязательного участника кассы столько же должна была вносить казна или земство, или город, или частное лицо. Деньги распределялись между участниками, их женами, сиротами и запасным фондом на случай дефицита кассы, и накапливались на личном счете участника кассы. Эти денежные средства и являлись источником пенсии, которая назначалась на основании вероятной продолжительности его жизни, определяющейся по специальным таблицам смертности. Такой способ установления пенсий назывался страховым, так как, пенсия народного учителя находилась в зависимости от его жалования, от количества прослуженных лет и от возраста участника кассы. Ввиду небольшого размера жалования и, как следствие, – размера пенсии, в целях увеличения последних, некоторые земства осуществляли дополнительные ассигнования и пришли к убеждению о необходимости перехода к эмеритальному или общегосударственному способу пенсионного обеспечения своих служащих⁴⁴.

Государственная власть в XIX веке, как мы уже отмечали ранее, к пенсионному обеспечению основной массы населения не имела прямого отношения, и не только в России. В результате осознания тяжести и ненормальности положения рабочих на Западе появились два противоположных учения о мерах по его улучшению, которые нашли поддержку и в России. Согласно теории первого учения, государство ни в коей мере и в какой форме не должно было вмешиваться в область отношений предпринимателей и рабочих. В соответствии с теорией второго – такое вмешательство было необходимым. К вопросу оказания обществом социальной помощи престарелым и нетрудоспособным ее членам обращались еще социалисты – утописты Дезами, Морелли, Мабли, Оуэн, Сен – Симон, Фурье и другие, которые считали, что при идеальном устройстве общества должна появиться функция государства по обеспечению стариков и нетрудоспособных, для выполнения которой будет выделяться часть общих средств⁴⁵. Дезами в «Кодексе общности» прогнозировал, что «... не будет ни милостыни, ни благотворительности...»⁴⁶. Шарль Фурье писал о том, что будущий идеальный строй «особенно должен прельщать этот строй стариков. Нет ничего досадней участи старого и малого при цивилизации⁴⁷; в этом строе крайние возрасты не находят себе занятий: дети и старики являются бременем для социального организма. Детей, по крайней мере, холят в предвидении грядущих благ; но от стариков не ждут ничего, кроме наследства... Стариков угнетают, их беспощадно поносят, ставя им на вид всю бесполезность их существования. Эти безобразия уже не имеют места в прогрессивном хозяйстве, где старики выполняют не менее полезные функции, чем люди в расцвете сил; при наличии здоровья их жизнь столь же упоительна, как и в лучшие годы»⁴⁸. Таким образом, общим во всех высказываниях социалистов утопистов по исследуемой теме является прогнозирование особых отношений между нетрудоспособными и пожилыми членами общества и обществом в целом, на котором будет лежать обязанность выделять средства для их обеспечения. Механизм исполнения данной обязанности общества указал Карл Маркс в «Критике Готской программы», определив в структуре той части совокупного общественного продукта, которая служит предметом потребления, «фонды для нетрудоспособных»⁴⁹. Выделять эти фонды должно было государство. В.С. Андреев верно отмечал, что «введение и развитие социального обеспечения было одним из требований пролетариата в классовой борьбе с капиталом»⁵⁰.

На производстве рабочим постоянно угрожали такие опасности, как инвалидность, старость, ранняя смерть. Сама сущность капиталистических производственных от-

⁴³ Любченко Д.Е. Пенсионная касса народных учителей и учительниц. – М., 1913. – С. 10.

⁴⁴ Там же. – С. 10.

⁴⁵ Морелли. Кодекс природы. – М., 1956. – С. 222; Дезами. Кодекс общности. – М., 1956. – С. 327; Фурье. Теория четырех движений и всеобщих судеб. – М., 1938. – С. 138.

⁴⁶ Дезами. Кодекс общности. – М., 1956. – С. 327.

⁴⁷ Так Фурье именовал ранний капитализм.

⁴⁸ Фурье. Теория четырех движений и всеобщих судеб. – М., 1938. – С. 138.

⁴⁹ Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. – С. 17.

⁵⁰ Андреев В.С. Социальное обеспечение в СССР. – М., 1969. – С. 8.

ношений обусловила появление такой пенсионно-правовой формы обеспечения рабочих, как государственное социальное страхование.

В специальном значении слово «страховать» означает «обеспечивать от возможного ущерба путем периодических вознаграждений специальному учреждению, которое выплачивает денежное возмещение в случае такого ущерба»⁵¹. Как отмечал Н.А. Вигдорчик, «страхованием – в широком смысле слова – можно назвать всякую организованную взаимопомощь. Если известная группа лиц оказывает своим членам помощь в нужде не случайно, а по ранее намеченному плану, по определенным правовым нормам, то такая организация представляет собой организацию страховую. В более тесном смысле страхованием называют особую форму организованной взаимопомощи, именно такую форму, при которой риск известного несчастья учитывается и заранее распределяется между всеми участниками организации связанная с этим риском материальная тяжесть»⁵². «Мы видим, ... что риск потери заработка обнимает собою несколько категорий отдельных рисков. Соответственно с этим социальное распадается на несколько ветвей. Возможность прекращения спроса на труд составляет объект страхования от безработицы; потеря трудоспособности обеспечивается несколькими формами страхования, в зависимости от причины, вызвавшей нетрудоспособность. Мы имеем здесь страхование от болезни, от несчастных случаев, от старости, от инвалидности (вызванной болезнями), страхование материнства, наконец, страхование вдов и сирот, то есть страхование на случай смерти кормильца семьи»⁵³, – писал Н.А. Вигдорчик. «Страхование – это перенесение ответственности за риск на большое количество участников. Государственным же оно называется потому, что это не добровольное перенесение, а обязательное, установленное как обязанность государственной властью»⁵⁴.

Государственное социальное (в нашем исследовании – пенсионное) страхование является организационно-правовой формой социального (пенсионного) обеспечения⁵⁵. Суть пенсионного страхования, по мнению М.Л. Захарова и Э.Г. Тучковой, заключается в распределении социального риска потери или снижения заработка по независящим от работника обстоятельствам (при наступлении инвалидности, старости, в случае потери кормильца) на работодателей и самих работающих, которые в принудительном порядке отчисляют страховые платежи в целевые фонды пенсионного страхования. Система государственного пенсионного страхования гарантирует застрахованным предоставление пенсий по принципу соизмерения их с размерами сумм, уплачиваемых всеми застрахованными в пенсионный фонд⁵⁶.

Страхование рабочих на случай потери трудоспособности, указывал В.И. Ленин, «...является реформой, властно диктуемой всем ходом капиталистического развития»⁵⁷. Р.И. Иванова верно отмечает, что отношения по пенсионному обеспечению при капитализме, несмотря на то, что противоречат основным законам капитализма, обуславливаются объективным ходом общественного развития⁵⁸. «Капитализм беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению»⁵⁹.

Так, в результате классовой борьбы у работников казенных и горных заводов и рудников, утративших способность к продолжению заводских или рудничных работ в связи с

⁵¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 687.

⁵² Вигдорчик Н.А. Страхование на случай болезни в России. Краткое руководство для врачей. – СПб., 1914. – С. 3.

⁵³ Вигдорчик Н.А. Социальное страхование. – СПб., 1912. – С. 1 – 2.

⁵⁴ Хейсин М.Л. Что такое и как организовано государственное страхование рабочих в России. – СПб., 1913. – С. 7.

⁵⁵ Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. – М., 2004. – С. 32.

⁵⁶ Там же. – С. 32.

⁵⁷ Ленин В.И. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21. – С. 146.

⁵⁸ Иванова Р.И. Соотношение пенсионных и трудовых правоотношений: дисс. ... канд. юр. наук. – М., 1974. – С. 25.

⁵⁹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. т. 1, кн. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. – С. 279.

увечьем или профессиональным заболеванием, полученными во время или вследствие указанных работ, а также у семей этих рабочих, в случае их смерти, с 15 мая 1901 года появились законные основания на получения пенсии из казны согласно Временным правилам о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских или рудничных работах⁶⁰. Таким образом, государство взяло на себя обязательства не только по урегулированию отношений в сфере пенсионного обеспечения указанной категории лиц, но и обязательства по их полному финансированию.

Нормы первого закона об обязательном страховании на случай инвалидности в Царской России – утвержденных 2 июня 1903 года Правил о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, а предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности⁶¹, распространялись на предприятия фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. Исключения составляли предприятия, принадлежащие казне и правительственным установлениям, по отношению к которым сохраняли силу законы и положения, изданные в 1861 году и дополненные правилами 1901 года. Хотя, согласно отделу XIV закона, соответствующим министерствам необходимо было войти в законодательные учреждения в течение года со дня введения в действие закона – 1 января 1904 года, с представлениями о подчинении предприятий казенных управлений действию закона. Фактически под действие закона подпало «около 25% пролетариата России и около 1,7 % всего населения»⁶². Позднее, 17 декабря 1903 года, Главным по фабричным и горнозаводским делам Присутствием была издана инструкция по применению норм закона 2 июня 1903 года, согласно пункту 1 которой, Присутствия по фабричным и горнозаводским делам были обязаны вести списки всех находящихся в их округах промышленных заведений, на которые распространялось действие указанного закона⁶³.

Буржуазное государство считало расходы на обеспечение нетрудоспособных членов общества «непроизводительными издержками» и, как следствие, стремилось максимально ограничить расходы капитала на эти цели. Господствующей доктриной буржуазных идеологов вплоть до середины XX века была идея о «самообеспечении» трудящихся, то есть о создании ими сбережений для обеспечения своего существования при нетрудоспособности. Со времени первых законодательных актов в области пенсионного обеспечения наиболее распространенной теорией об экономической природе материального обеспечения трудящихся при нетрудоспособности являлась теория о том, что средства на страхование должны либо выделяться самими рабочими из своей заработной платы и отчисляться в различные страховые кассы и товарищества (кассы инвалидные, старческие, вдовьи), либо предприниматели наравне с рабочими могут принимать участие в уплате взносов на цели страхования. Но, так как эти расходы являются непроизводительными издержками производства, они должны быть переложены на потребителя – рабочего⁶⁴. Характеризуя сущность этой теории, Л.В. Забелин писал: «Что касается личного обеспечения, то эта форма борьбы с бедностью и необеспеченностью пользуется особенной симпатией имущих классов... Буржуазия всячески поощряет рабочий класс к накоплению сбережений из скудного заработка на черный день, к участию в сберегательных кассах, к разумной экономии и т.д.»⁶⁵.

«В России не только легко привились кассы частного-обязательного типа, но даже образовались сотни учреждений чисто добровольного страхования, объединившие сотни

⁶⁰ Временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских или рудничных работах. // Собрание Указаний, отд. 1. – 17 июля 1901 г. – Ст. 1377; Полное собрание законов Российской империи. – Т. 21. – № 20087.

⁶¹ Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 23. – № 23060.

⁶² Вигдорчик Н.А. Социальное страхование. – СПб., 1912. – С. 197.

⁶³ Инструкция Главного по фабричным и горнозаводским делам Присутствия от 17 декабря 1903 года. // Собрание Указаний, отд. 1. – 17 декабря 1903 года. – № 134. – Ст. 205.

⁶⁴ Иванова Р.И. Соотношение пенсионных и трудовых правоотношений: дисс. ... канд. юр. наук. – М., 1974. – С. 29.

⁶⁵ Забелин Л.В. Теоретические основы социального страхования. // Вопросы труда. 1926. С. 135.

тысяч рабочих, ... можно смело сказать, что почва для самого широкого развития обязательного страхования у нас существовала...»⁶⁶, – отмечал Н.А. Вигдорчик. К началу XX века уже существовали фабричные, ремесленные и горнозаводские пенсионные кассы, производились добровольные и обязательные вычеты из заработной платы, практиковалось смешанное управление делами пенсионной кассы, то есть с участием рабочих и предпринимателей. Если в Германии задача государства в области социального страхования сводилась лишь к тому, чтобы опираясь на обнаружившиеся в жизни общества явления, обобщить эти явления и облечь их в степень обязательных постановлений закона⁶⁷, в России были совершенно иные, более сложные, условия. «Обширная территория, редкое население ее, различие климатических и географических условий, недостаток путей сообщения, слабое развитие сношений, этнографические и бытовые особенности населения наших окраин, заселенных различными племенами, в значительной степени затрудняют проведение в жизнь всякой общей меры, а в особенности такой, которая касается экономических и бытовых интересов значительного числа лиц»⁶⁸. Также нельзя не отметить слабое развитие в России общественности вообще и самодетельности предпринимателей и рабочих в частности. Среди российских предпринимателей корпоративные организации стали возникать лишь в конце XIX – начале XX веков. «Но и те организации предпринимателей, которые мы наблюдаем в настоящее время в России, – отмечал В.П. Литвинов-Фалинский, – преследуют по преимуществу хозяйственные интересы промышленников. В последнее время приходится наблюдать в обществах предпринимателей и другое течение. Так, на съездах промышленников, а равно в обществах фабрикантов, стали обсуждаться вопросы страхования рабочих. Вместе с тем возникли у нас общества, построенные на началах взаимства предпринимателей для страхования рабочих»⁶⁹. Однако под влияние этого течения попадали лишь незначительное число крупных предпринимателей. Среди рабочих наиболее подготовлена была лишь та их часть, которая окончательно осела на фабриках и заводах, и была знакома с разного рода самодетельными организациями.

Впервые проблему социального страхования подняло еще в 1882 и 1891 гг. Общество для содействия русской промышленности и торговле, предлагавшее ввести в стране государственное страхование по старости и инвалидности, охватить страхованием от несчастных случаев сельскохозяйственных и строительных рабочих и установить размер пенсии в случае полной потери трудоспособности равным полной заработной плате. Все спорные вопросы должны были решаться третейскими судами, действующими под руководством мировых судей и состоящими из представителей обеих заинтересованных сторон⁷⁰. Вопрос о социальном страховании рабочих также неоднократно обсуждался на Пироговских съездах врачей и в Московском обществе фабричных врачей, причем высказывалось мнение расширить объем социального страхования и придать страхованию государственную общеобязательную форму. Указанный вопрос обсуждался и на съездах горнопромышленников Юга России в 1904 – 1906 годах. Горнопромышленники признавали, что принятие закона 1903 года не снизило напряженности в их отношениях с рабочими, и поэтому высказывались за государственное страхование, в том числе и по инвалидности вследствие общего заболевания, с распределением обязанности по уплате взносов между предпринимателями, рабочими и государством⁷¹.

Выдвинутое в процессе подготовки проекта первой программы РСДРП В.И. Лениным требование обеспечения государственными пенсиями престарелых рабочих впервые было закреплено в программе партии, принятой на ее II съезде в 1903 году, в виде требования «государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особо-

⁶⁶ Вигдорчик Н.А. Социальное страхование. – СПб., 1912. – С. 55.

⁶⁷ Сбитнева И.Н. Развитие законодательства о социальном обеспечении в России в конце XIX начале XX веков (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – С. 134.

⁶⁸ Литвинов-Фалинский В.П. Новые законы о страховании рабочих. – СПб., 1912. – С. 12.

⁶⁹ Литвинов-Фалинский В.П. Новые законы о страховании рабочих. – СПб., 1912. – С. 14.

⁷⁰ Труды общества для содействия русской промышленности и торговле. – СПб., 1906. – Ч. 28. – Отд. 1. – С. 2 – 9.

⁷¹ Труды XXX съезда горнопромышленников Юга России. – Харьков, 1907. – Т. 1. – С. 94.

го налога на капиталистов»⁷². Таким образом, старость рассматривалась уже как самостоятельное основание для обеспечения за счет средств государственного страхования.

Тем не менее, Законом 23 июня 1912 года «О страховании рабочих от несчастных случаев»⁷³ пенсионное обеспечение в случае потери трудоспособности вследствие старости, общего или профессионального заболевания не было предусмотрено. В соответствие с указанным законом, так же, как и законом 1903 года⁷⁴, устанавливались пенсии лишь в случае утраты трудоспособности в результате несчастного случая. Назначались и выплачивались пенсии страховыми товариществами. Средний размер заработка чернорабочего, необходимый для расчета пенсии в случаях неопределенности заработка рабочего, устанавливался Присутствием по делам страхования рабочих. Таким образом, закон 23 июня 1912 года⁷⁵ явился важнейшим общественным явлением. Как отмечал Н.А. Вигдорчик, «им создавались многочисленные, рассеянные по всей стране ячейки, в которых воспитывались самодеятельность рабочих, развивалась их сознательность, их организованность»⁷⁶. Следующим шагом в развитии государственного социального страхования было очевидная и безусловная необходимость распространения его на все случаи потери заработка, включая старость и инвалидность в случае общего и профессионального заболевания, а также возложение материальных обязательств по обеспечению застрахованных лиц на предпринимателей и государство.

Требования, которым должно отвечать социальное, в том числе пенсионное, обеспечение при капитализме, были сформулированы В.И. Лениным в резолюции VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года⁷⁷ и вошли в историю как «ленинская страховая программа». В.И. Ленин писал, что указанное обеспечение должно быть государственным и строиться на следующих принципах: « а) оно должно обеспечивать рабочих во всех случаях утраты ими трудоспособности...; б) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения полного заработка, причем все расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; в) страхование должно охватывать всех лиц наемного труда и их семейств; д) всеми видами страхования должны вестись единые страховые органы, построенные по территориальному типу и на началах полного самоуправления застрахованных»⁷⁸. «Наилучшей формой страхования рабочих, отмечал В.И. Ленин, является государственное страхование их»⁷⁹. Провозглашенные принципы «государственного страхования» не являясь страховыми по определению, носят государственно – обеспечительный характер.

Как верно отмечает Р.И. Иванова, о пенсионном обеспечении можно говорить лишь при соблюдении двух условий: во-первых, этот вид алиментарного обеспечения должен предоставляться в социально – обязательном порядке на условиях, указанных в законе; во-вторых, трудящиеся должны быть освобождены от каких-либо взносов на эти цели – обеспечение пожилых и нетрудоспособных членов общества должно целиком осуществляться за счет общества⁸⁰.

Пенсионное обеспечение при капитализме не отвечает этим требованиям, так как экономическая база обеспечения нетрудоспособных членов общества при капитализме создается при помощи системы «самообеспечения». «Участие капиталистов и государст-

⁷² Программа партии, принятая II съездом РСДРП в 1903 году. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1954. – С. 41.

⁷³ Закон 23 июня 1912 года «О страховании рабочих от несчастных случаев». // Собрание Указаний, отд. 1. – 23 июня 1912 года. – № 141. – Ст. 1230

⁷⁴ Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично – заводской, горной и горнозаводской промышленности. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 23. – № 23060.

⁷⁵ Закон 23 июня 1912 года «О страховании рабочих от несчастных случаев». // Собрание Указаний, отд. 1. – 23 июня 1912 года. – № 141. – Ст. 1230.

⁷⁶ Вигдорчик Н.А. Страхование на случай болезни в России. – СПб., 1914. – С. 31.

⁷⁷ Резолюция VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21. – С. 146.

⁷⁸ Там же. – С. 146.

⁷⁹ Там же. – С. 146.

⁸⁰ Иванова Р.И. Соотношение пенсионных и трудовых правоотношений: дисс. ... канд. юр. наук. – М., 1974. – С. 35.

ва носит субвентивно-долевой характер и мало чем отличается от частной благотворительности и социального призрения... Капиталистическое государство лишь в определенной мере управляет «социальным обеспечением», а не обладает функцией социального обеспечения нетрудоспособных членов общества»⁸¹.

На основании вышеизложенного, можно сделать принципиальный вывод о том, что в дореволюционный период в Российской империи государство, не имея никаких обязательств перед гражданами в сфере пенсионного обеспечения, лишь косвенно и весьма избирательно касалось проблемы пенсионного обеспечения граждан. Организованное в России в XIX веке пенсионное обеспечение чиновников и военнослужащих, ведомственное эмеритальное пенсионное обеспечение имело фундаментальное значение для последующего образования и развития механизма обязательного государственного пенсионного обеспечения всего населения.

Список литературы

1. Об учреждении капитала имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова для вспомоществования приисковым рабочим Якутской области и об утверждении Положения о названном капитале. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 14. – № 10403.
2. Райхенберг Н. Международное фабричное законодательство. – Харьков., 1905. – С. 25.
3. Благотворительные учреждения Российской империи. – СПб., 1900. – Т. 1. – 300 с.
4. Литвинов-Фалинский В.П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903. – 275 с.
5. Окладная книга собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1802 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1084. 40 листов.
6. Окладная книга собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1803 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1110. 40 листов.
7. Окладная книга собираемых в пользу Приказа общественного Призрения пеням и процентным деньгам Корочанского уездного казначейства 1805 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1157. 30 листов.
8. Расходная книга отымаемых Курской Губернией в Приказ общественного Призрения деньгам Корочанского уездного казначейства 1805 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1143. 6 листов.
9. Книга расходная отсылаемых Курской Губернией в Приказ общественного Призрения деньгам Корочанского уездного казначейства 1806 года. // Государственный архив Белгородской области. Ф – 27. Оп. 1. Дело № 1186. 10 листов.
10. Отчет Корочанской уездной земской управы о приходе и расходе сумм Курского губернского земства за 1913 год. // Журналы заседаний L очередного Корочанского уездного земского собрания за 1914 год. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1915. – 1076 с.
11. Устав о пенсиях и единовременных пособиях, утвержденный 6 декабря 1827 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. II. – № 1592. 1827. – С. 1034 – 1043.
12. Указ Императора Николая I Правительствующему Сенату от 6 декабря 1827 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. II. – № 1592. 1827. – С. 1032 – 1033.
13. Устав эмеритальной кассы ведомства Министерства Юстиции. // Сост.: Полянский А.: Свод уставов о службе гражданской: С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерств и Государственного Контроля. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях и эмеритальных кассах гражданского ведомства: Положение о пенсионной кассе служащих на казенных железных дорогах и формы чинов гражданского ведомства. 3-е изд. Т. 3. – М., 1900. – С. 459 – 475.
14. Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов от 8 марта 1861 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XXXVI. Отделение 1. – № 36719. 1861. – С. 438 – 450.
15. Положение о вспомогательной кассе горнозаводских товариществ. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XXXVI. Отделение 1. – № 36719. 1861. – С. 448 – 449.
16. Литвинов-Фалинский В.П. Новые законы о страховании рабочих. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. – 374 с.

⁸¹ Там же. – С. 36.

17. Высочайше утвержденное 30 мая 1888 года Общее Положение о пенсионных кассах Российских частных железных дорог. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII. – № 5263. 1888. – С. –280 – 287.
18. Резолюция. «Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета об учреждении пенсионных касс Обществами частных железных дорог, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» // Собр. Узак. 1888 г. Июня 21, ст. 516.
19. Высочайше утвержденное 30 мая 1888 года Общее Положение о пенсионных кассах Российских частных железных дорог. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII. – № 5263. 1888. – С. 282 – 287.
20. Сборник управления делами пенсионной кассы служащих на казенных железных дорогах. – СПб., 1896. – С. 17.
21. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. – 365 с.
22. Высочайше утвержденное 13 июня 1897 года Положение о пенсионных кассах служащих и рабочих в частных кредитных учреждениях, торгово-промышленных предприятиях и страховых Обществах. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. XVII. – № 14306. 1897. – С. 409 – 410.
23. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Пг., 1915. – С. 81.
24. Любченко Д.Е. Пенсионная касса народных учителей и учительниц. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. – 222 с.
25. Морелли. Кодекс природы. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 300 с.
26. Дезами. Кодекс общности. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 546 с.
27. Фурье. Теория четырех движений и всеобщих судеб. – М.: Гос. Соцэкиз., 1938.
28. Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. – С. 9 – 32.
29. Андреев В.С. Социальное обеспечение в СССР. – М.: ЮРАТИ, 1969. – 149 с.
30. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 816 с.
31. Вигдорчик Н.А. Страхование на случай болезни в России. Краткое руководство для врачей. – СПб.: Практическая медицина, 1914. – 31 с.
32. Вигдорчик Н.А. Социальное страхование. – СПб.: Практическая медицина, 1912. – 302 с.
33. Хейсин М.Л. Что такое и как организовано государственное страхование рабочих в России. – СПб., 1913. – 228 с.
34. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 608 с.
35. Ленин В.И. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21. – С. 146 – 149.
36. Иванова Р.И. Соотношение пенсионных и трудовых правоотношений: дисс. ... канд. юр. наук. – М., 1974. – 160 с.
37. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. т. 1, кн. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. – С. 279.
38. Временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских или рудничных работах. // Собрание Узаконений, отд. 1. – 17 июля 1901 г. – Ст. 1377; Полное собрание законов Российской империи. – Т. 21. – № 20087.
39. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 23. – № 23060.
40. Инструкция Главного по фабричным и горнозаводским делам Присутствия от 17 декабря 1903 года. // Собрание Узаконений, отд. 1. – 17 декабря 1903 года. – № 134. – Ст. 205.
41. Забелин Л.В. Теоретические основы социального страхования. // Вопросы труда. 1926. С. 135.
42. Сбигнева И.Н. Развитие законодательства о социальном обеспечении в России в конце XIX начале XX веков (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – 237 с.
43. Литвинов-Фалинский В.П. Новые законы о страховании рабочих. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. – 374 с.
44. Труды общества для содействия русской промышленности и торговле. – СПб., 1906. – Ч. 28. – Отд. 1. – С. 2 – 9.
45. Труды XXX съезда горнопромышленников Юга России. – Харьков, 1907. – Т. 1. – С. 94.
46. Программа партии, принятая II съездом РСДРП в 1903 году. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1954. – С. 41.
47. Закон 23 июня 1912 года «О страховании рабочих от несчастных случаев». // Собрание Узаконений, отд. 1. – 23 июня 1912 года. – № 141. – Ст. 1230
48. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и

служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично – заводской, горной и горнозаводской промышленности. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 23. – № 23060.

49. Резолюция VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21. – С. 146.

GENESIS OF THE ORGANIZATIONAL MECHANISM OF PENSION PROVISION IN RUSSIA AT THE XIX- BEGINNING XX CENTURIES

M.V. LEVSHUK

*Belgorod National
Research
University*

e-mail:lmv18@mail.ru

For purposes of the search for the directions of the reformation of a legal mechanism of activity of the system of state pension provision in the Russian Federation, the author analyzes the process of the origin of the organizational mechanism of pension provision in Russia in XIX-th – the beginning XX-th centuries and its evolutionary development.

Key words: organizational mechanism; the genesis of pension provision; Russia.

УДК 347.45/47

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

**А.С. ЛИСЮТИН
И.А. КОНДРАКОВА**

*Белгородский университет
потребительской кооперации*

e-mail: lssiotine@mail.ru

В настоящее время в действующем законодательстве РФ отсутствует четкая грань между потребителем и абонентом, в представленной статье мы попытаемся рассмотреть особенность правового статуса потребителя (абонента) при заключении им договора энергоснабжения, так же сформулировать собственные понятия потребителя и абонента.

Ключевые слова: потребитель, абонент, договор энергоснабжения.

В соответствии с договором энергоснабжения поставщик энергии принимает на себя обязательства подавать другой стороне договора в лице потребителя через сеть энергию, а потребитель, в свою очередь, принимает на себя обязательства по оплате поставленной энергии и обеспечению исправного функционирования эксплуатируемых приборов и оборудования (ст. 539 ГК РФ).

Взаимодействия сторон договора энергоснабжения регулируются гражданским законодательством, а в остальных моментах – законодательными и другими касающимися энергоснабжения правовыми нормами.

Энергоснабжающая компания выступает в роли субъекта коммерческой деятельности, которая специализируется на поставке энергии в определяемом законодательством и другими правовыми нормами порядке.

Являясь публичным договором, данное соглашение заключается с потребляющими энергию лицами при определенных условиях. К данным условиям относится наличие у потребителя соответствующего техническим нормам энергопринимающего оборудования, имеющего подключение к сетям поставщика энергии, а также иных необходимых устройств, в том числе для учета энергопотребления.

В Гражданском кодексе РФ описывается особая процедура заключения и продления действия договора энергоснабжения с потребителем (абонентом). Моментом заключения договора является момент присоединения оборудования потребителя (абонента) к энергоснабжающей сети. Договор заключается на неопределенное время, что означает возможность использования потребителем (абонентом) энергии для бытовых нужд на протяжении неопределенного периода, если обратное условие не было достигнуто в результате соглашения участников договора¹.

Предмет договора энергоснабжения – энергия. В.В. Витрянский указывает, что особенность энергии как товара видится, в первую очередь, в неразрывности процессов производства, транспортировки и потребления энергии (в связи с невозможностью ее длительного хранения). Именно этот принципиальный постулат оказал влияние на юридическую конструкцию договора энергоснабжения, где специфической чертой выступает способ исполнения обязательства – передача энергии потребителю (абоненту) через присоединенную сеть, соответственно предметом обязательства, вытекающего из договора энергоснабжения².

Подача энергии через присоединенную сеть обуславливает особенности субъектного состава договора: энергоснабжающей организации, имеющей энергетические сети, и потребителя (абонента), имеющего энергопринимающее устройство. Кроме того, уже в определении договора обращает на себя внимание впечатляющий перечень обязанно-

¹ Информационный портал «Мы в деле!» // <http://www.myvdele.ru/dogovor/11534>.

² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Договоры о передаче имущества. Кн. 2. – М.: Статут, 2000. С. 156 – 157.

стей (помимо обязанности оплаты) потребителя (абонента), несвойственный для обычного потребителя по договору купли-продажи. Подробнее этим специфическим обязанностям абонента посвящена ст. 543 ГК РФ³.

Противоречивость возникает в следующем, в Гражданском кодексе РФ под лицом потребляющим электрическую энергию подразумевается понятие – абонента, однако в ФЗ «Об электроэнергетике» под этим же самым лицом законодатель указывает потребителя.

Сложность данной проблемы объясняется тем, что законодатель на наш взгляд неразумно оперирует такими понятиями как «потребитель» и «абонент», что в свою очередь, является недостаточной проработкой этого вопроса в теоретическом плане. В следствии чего у нас возникают пробелы из-за несовершенства действующего законодательства, регулирующего указанные отношения.

Федеральный закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» представляет нам потребителя как гражданина, имеющего намерение заказать или приобрести либо заказывающего, приобретающего или использующего товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Между тем Федеральный закон от "Об электроэнергетике" дает нам немного иное понятие потребителя как потребителя электрической энергии с управляемой нагрузкой – категория потребителей электрической энергии, которые в силу режимов работы (потребления электрической энергии) влияют на качество электрической энергии, надежность работы Единой энергетической системы России и оказывают в связи с этим на возмездной договорной основе услуги по обеспечению вывода Единой энергетической системы России из аварийных ситуаций. Указанные потребители могут оказывать и иные согласованные с ними услуги на условиях договора.

Существует также и иное понятие потребителя которое подпадает под указанные правоотношения в сфере энергоснабжения, его дает нам Федеральный закон от 17.08.1995 N 147-ФЗ "О естественных монополиях". Согласно указанного закона, потребитель это – физическое или юридическое лицо, приобретающее товар, производимый (реализуемый) субъектом естественной монополии.

Нередко в правоприменительной деятельности данная неразбериха приводит к спорам. В специальной литературе подобному отождествлению некоторыми авторами не придается значения вследствие отсутствия практической необходимости в этом. Другие, напротив, категоричны, так как эти понятия необходимо разграничить, определив абонента как физическое или юридическое лицо, осуществляющее пользование электрической энергией по присоединенной к энергоснабжающей организации сети. Последняя точка зрения нам представляется верной по следующим соображениям.⁴

Данное обстоятельство обусловлено тем, что в ходе проведенной реформы произошла трансформация прежней вертикально интегрированной модели электроэнергетики и как следствие, формирование новых субъектов этой отрасли на розничных рынках электроэнергии, в том числе территориальных сетевых организаций.

Разделение субъектов электроэнергетики России по видам деятельности (генерация, передача, распределение и сбыт энергии) определяет особый состав участников отношений в сфере электроснабжения, а также особую структуру договорных связей. В зависимости от того, имеется или нет у потребителя (абонента) в собственности или на ином законном основании энергопринимающее устройство, присоединенное непосредственно к сетям энергоснабжающей организации, структура договорных связей между субъектами отношений по электроснабжению может быть соответственно простой или сложной.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) (2-е издание, переработанное и дополненное) / Алексеев С.С., Васильев А.С., Голофаев В.В., Гонгалов Б.М. и др. Под ред. С.А. Степанова). – М.: Проспект, Институт частного права, 2009.

⁴ Блинкова Е.В. Потребитель или абонент? (Проблемы определения ответчика в судебных спорах по обязательствам энергоснабжения) // Российский судья. – 2005. – №7.

Согласно ст. 37 Федерального закона "Об электроэнергетике" и п. 11 Правил функционирования розничных рынков электрической энергии в переходный период реформирования электроэнергетики, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 530, отношения по снабжению электроэнергией потребителя, энергопринимающее устройство которого непосредственно не присоединено к сетям энергоснабжающей организации, должны опосредоваться двумя договорами: договором купли-продажи (или поставки) и договором на оказание услуг по передаче электроэнергии. Последний договор заключается между территориальной сетевой организацией, в собственности (или ином вещном праве) которой находятся электросети, и потребителем. Анализ положений Федерального закона "Об электроэнергетике" позволяет сделать вывод о том, что при заключении договора купли-продажи согласовывается условие о количестве электроэнергии, а при заключении договора на оказание услуг по передаче энергии – условие о ее передаче. Следовательно, эти договоры не являются самостоятельными: они выступают составными частями договора электроснабжения, который призван регулировать единый (неразрывный) технологический процесс производства, передачи и потребления электрической энергии.

Таким образом, процесс заключения договора электроснабжения разделен на два этапа: заключение договора купли-продажи и заключение договора на оказание услуг по передаче электрической энергии.⁵

На наш взгляд мы предлагаем дополнить ФЗ «Об Электроэнергетике», новыми понятиями – большая и малая энергосистема, по аналогии с макро и микроэкономикой, и разделить действующую энергосистему Российской Федерации на две части, где большая энергосистема – это отношения в сфере передачи электроэнергии от производителя к территориальной сетевой организации (потребителю), а малая энергосистема – это отношения по передаче электроэнергии от территориальной сетевой организации непосредственно к абоненту. Потребителем тогда будут считаться юридические лица (поставщик-продавец электроэнергии) непосредственно заключившие договор о приобретении электроэнергии у субъекта естественной монополии с целью ее последующей продажи (реализации). Абонентами будут выступать физические или юридические лица непосредственно заключившие договор с поставщиком-продавцом электроэнергии для ее личного использования.

В судебной практике нередко возникают споры по взысканию с абонентов задолженности за потребленные энергоресурсы при отсутствии заключенного договора энергоснабжения. При их рассмотрении для принятия судом законного и обоснованного решения важное юридическое значение имеет выяснение вопроса о том, кто является в каждом конкретном случае абонентом. Причем в определенных ситуациях решение этого вопроса осложнено тем обстоятельством, что непосредственными потребителями электрической энергии являются граждане – собственники квартир в многоквартирном доме, в то время как сами жилые дома со всеми инженерными коммуникациями находятся в муниципальной или государственной собственности, их балансодержателями выступают юридические лица, как правило, осуществляющие функции обеспечения населения жилищно-коммунальными услугами.⁶

Список литературы

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Договоры о передаче имущества. Кн. 2. М.: Статут, 2000. С. 156 – 157.
2. Гражданский кодекс РФ от 30.10.1994. Часть первая // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (Часть вторая) от 26.01.1996. // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

⁵ Матияшук С.В. Теоретические и практические проблемы определения предмета договора, регулирующего отношения по электроснабжению на розничных рынках России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – №1.

⁶ Николина О.А. Стороны договора энергоснабжения // Законодательство и экономика. – 2006. – №12.

4. Федеральный закон от 26.03.2003 №35-ФЗ "Об электроэнергетике" // Собрание законодательства РФ. – 2003. – №13. – Ст.1177.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный)(2-е издание, переработанное и дополненное) / Алексеев С.С., Васильев А.С., Голофаев В.В., Гонгалло Б.М. и др. Под ред. С.А. Степанова). – М.: "Проспект", "Институт частного права", 2009.
6. Блинкова Е.В. Потребитель или абонент? (Проблемы определения ответчика в судебных спорах по обязательствам энергоснабжения) // Российский судья. – 2005. – №7.
7. Николина О.А. Стороны договора энергоснабжения // Законодательство и экономика. – 2006. – №12.
8. Матиящук С.В. Теоретические и практические проблемы определения предмета договора, регулирующего отношения по электроснабжению на розничных рынках России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – №1.
9. Информационный портал «Мы в деле!» // <http://www.myvdele.ru/dogovor/11534>.

LEGAL STATUS OF THE CONSUMER AT THE CONCLUSION OF THE CONTRACT OF POWER SUPPLY

**A.S. LISUTIN
I.A. KONDRAKOVA**

*Belgorod University
of Consumer Cooperatives*

e-mail: lssiotine@mail.ru

Now in the current legislation of the Russian Federation there is no accurate difference between the consumer and the subscriber. The article considers some features of legal status of the consumer (subscriber) at the conclusion of power supply contracts as to formulate own concepts of the consumer and the subscriber.

Key words: consumer, subscriber, power supply contract.

УДК 340.137

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. И. ЛЯХОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Lyakhova@bsu.edu.ru

В статье анализируются процессы трансформации российского права и законодательства в современных условиях. Автор исследует процессы реформирования российского законодательства в условиях глобализации, унификации и гуманизации правовой системы.

Ключевые слова: правовая система, права человека, система принципов права, юридический принцип.

Проводимые в настоящее время реформы в социально-экономической, политической, правовой и духовной сферах нашего общества позволяют сделать вывод о неуклонном возрастании роли права, правовых предписаний как эффективного способа обеспечения охраны прав и свобод личности. В центре внимания любого государства должна находиться личность и присущие ей права и свободы. Международные стандарты в области защиты прав и свобод личности, основные демократические институты приобретают все большее значение в отечественном праве.

Выступая на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» 10 сентября 2010 года Президент РФ Д.А. Медведев отметил, что «государство XXI века требует правового воплощения гуманистических ценностей и идеалов, ... все те ценности, которых мы придерживаемся, должны иметь правовую рамку. Придание этим ценностям практической силы закона, которая направляет развитие всех общественных отношений, то есть задаёт главные ориентиры общественного развития».

Права человека становятся ныне и высшим принципом современной международной правовой системы, а самыми опасными международными преступлениями являются преступления против человечности, влекущие гуманитарные катастрофы, угрожающие не только локальной, но и глобальной международной безопасности.¹ Основная цель современного законодательства – провозглашение и защита прав и свобод человека, создание реальных, эффективных механизмов для их реализации. Ограничение произвола государства рамками закона, ликвидация нарушения прав человека – внутренние условия функционирования гражданского общества и правового государства.

В связи с поставленной перед государством задачей необходимым представляется изменение методов правового регулирования. *Гуманизация* права привела к широкому применению общедозволительного метода: «разрешено все, что не запрещено законом». Однако данный метод относится к частноправовым отношениям и касается всех субъектов гражданского общества. Напротив государственным органам и должностным лицам адресован другой метод, называемый разрешительным: «дозволено только то, что прямо указано в законе». Такое соотношение между дозволениями и запретами способствует более эффективной реализации системы прав и свобод личности.

Гуманизация системы права проявляется не только в создании материальных нормативных предписаний, отражающих требования правовой действительности, но и в нормах процедурного характера. К примеру, в уголовном судопроизводстве с принятием нового УПК значительно расширены возможности участников процесса, позволяющие реализовать принадлежащее им право на защиту своих интересов. К таким возможно-

¹ Явич Л.С. О философии права на XXI век. // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 6.

стям следует отнести: возможность участия адвоката в допросе свидетеля (п. 6. ч 4 ст. 56 УПК РФ); признание недопустимыми доказательств полученных в ходе досудебного производства путем допроса подозреваемого, обвиняемого в отсутствие защитника (п. 1. ч 2 ст. 75 УПК РФ); возможность обжалования в судебном порядке действий и решений органов предварительного расследования и суда (ст. 123 УПК РФ); ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства только по решению судебных органов (ст. 29 УПК РФ) и т.д. В ряде статей Уголовного кодекса были снижены или вообще исключены нижние пределы санкций (ст. 179, 201, 224, ч. 2 ст. 268). Ряд преступлений переводятся из категории особо тяжких в категорию тяжких преступлений, из тяжких среднюю тяжесть или средней тяжести в небольшую тяжесть. Расширен перечень преступлений, за которые может назначаться наказание в виде обязательных работ (ст. 119, 121, 124, 133). Отдельные виды преступлений были декриминализированы (ст. 182, 200 УК РФ).

На этом процесс гуманизации российского уголовного законодательства продолжается и 21 октября 2010 года на совещании по вопросам либерализации уголовного законодательства было предложено исключить из 68 составов преступлений нижние пределы санкций в виде лишения свободы. «Это достаточно радикальная мера, но она должна позволить суду при назначении наказания применять дифференцированный подход, а стало быть, наказание может быть более справедливым. При этом, конечно, должны максимально учитываться данные о личности обвиняемого, и приговор к лишению свободы в этом случае будет применяться только тогда, когда преступление действительно представляет серьёзную опасность для общества»².

Одной из основных тенденций развития мирового сообщества на современном этапе является *глобализация*. Она представляет собой новую стадию процесса интернационализации различных аспектов общественной жизни.³

Единство мирового сообщества, упрочение взаимозависимости государств диктуют необходимость того, чтобы их социально-экономические и политико-правовые системы были совместимы и способны взаимодействовать друг с другом и с глобальной системой в целом в качестве ее составных частей.⁴

Процессы глобализации наиболее ярко проявляются в экономической сфере, выражаясь в формировании единого экономического пространства. Однако и другие сферы общественной жизни также подвержены процессам глобализации. Глобализационные процессы в праве способствует созданию единого правового поля, приводят к унификации национальных законодательств.

В рамках глобальной системы правового регулирования будут активно взаимодействовать национальные правовые системы друг с другом, с региональными системами и общим международным правом. Фундаментом такой системы служат основные принципы международного права⁵.

Положение п. 4 ст. 15 Конституции РФ провозглашает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации рассматриваются как составная часть ее правовой системы. Международные договоры, признаются не только полноправными источниками российского права, им придается приоритет в случае коллизии с национальным законодательством.

В целях обеспечения единства международного сообщества государства должны подчиняться принятым ими правовым актам. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора» (ст. 27).

² Выступление Президента РФ Медведева Д.М. на Совещании по вопросам либерализации уголовного законодательства // www.kremlin.ru/transcripts/9305.

³ Кабалкин А., Санникова Л. Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства // *Российская юстиция*. – 2001. – №12. – С. 17-19.

⁴ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // *Журнал российского права*. – 2002. – №3. – С. 117-118.

⁵ Там же.

Глобализация требует от государства обеспечивать оптимальные условия развития институтов демократии и демократического управления обществом. «В наше время происходит глобализация демократических ценностей. Демократия признается принципом всеобщего значения. Право на нее становится глобальным правом, которое в растущей мере будет поддерживаться международным сообществом в целом»⁶.

Экономические преобразования, проводимые в нашей стране в последние годы, свидетельствуют о стремлении России к интеграции в мировое экономическое пространство. Расширение сотрудничества между государствами в различных сферах общественной жизни увеличивает объем общения между людьми, порождает увеличение объема правоотношений между субъектами различной государственной принадлежности. Для совместной экономической деятельности между государствами и их гражданами, инвестиционной деятельности требуется единая правовая регламентация экономических отношений. Экономическое процветание и стабильность государств в определенной степени зависит от реализации задач по гармонизации и унификации российского права.

По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько значение унификации законодательства в «аккумуляции однотипных предписаний и создании юридических актов, которые упростили бы законодательство, делая его доступным и единообразным»⁷.

С точки зрения А.В. Баркова, «под гармонизацией ... понимается согласование и нормативное закрепление положений международных договоров во внутреннем законодательстве или изменение актов национального законодательства, имеющих своей целью применение единообразных норм и правил»⁸.

Проблема гармонизации российского права с правовыми порядками ведущих экономически развитых стран означает основательное взаимодействие международного и внутреннего права. При этом границы между международным и внутригосударственным правом не стираются, поскольку это привело бы к нарушению их нормального функционирования. У каждой из этих правовых систем своя природа, сфера действия, объект регулирования и механизм действия. Происходит углубление взаимодействия двух правовых систем, а не стирание границ между ними. Гармонизация законодательства осуществляется через интеграцию норм международного права в российское законодательство.

Унификация законодательства выступает как выработка единообразных однотипных предписаний в законодательстве разных государств и во внутригосударственном праве. С помощью унификации ликвидируется несогласованность, разобщенность в системе правовых норм, устраняется сложность законодательного регулирования различных сфер общественной жизни.

Унификация права является основным инструментом глобализационного процесса. Особое значение в этой связи приобретает унификация норм материального права. Именно они, единообразно регулируя общественные отношения, обеспечивают единый правовой режим и позволяют создать единое правовое пространство. На это указывает и усиление их роли по сравнению с коллизионными нормами. Обеспечивая единый правовой режим, унификация материальных норм также способствует сближению правовых систем.

В июле 2010 года вступил в действие Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России, что требует унификации таможенного законодательства всех стран- участников союза и детальной разработки унифицированных таможенных правил – единого Таможенного кодекса.

Создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана является интеграционным экономическим проектом, который на такой значительной территории создаёт единое таможенное пространство, оказывает большое влияние на развитие событий и на состояние интеграционных тенденций, а также требует трансформации правового пространства стран – участниц Таможенного союза. Унификация российского законодатель-

⁶ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. – С. 23.

⁷ Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – С. 236.

⁸ Барков А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе // Журнал российского права. – 2003. – № 8.

ства проводится и в рамках подготовки вступления России в ВТО. Сейчас, в атмосфере очень сложной экономической ситуации такого рода интеграционные процессы могут помочь решить реальные экономические проблемы.

Однако тенденции унификации не следует рассматривать исключительно с точки зрения мировых глобализационных процессов, поскольку процессы унификации протекают и во внутригосударственном праве. Федеративное устройство государства требует унифицированного подхода к согласованности законодательства субъектов РФ, формированию единого правового пространства на всей территории Российской Федерации. Существующие противоречия между федеральными и региональными нормативными правовыми актами порождают кризисные явления политического, экономического и социального характера. Возникающие проблемы, связаны с неправильным пониманием природы федеративного государства, неоднозначным осмыслением принципов разграничения предметов ведения РФ и ее субъектов.

Процесс унификации протекает также и в системе российского процессуального законодательства, при этом унифицированные правовые модели вырабатываются с учетом отраслевой принадлежности нормативных предписаний для регулирования сходных общественных отношений с учетом их общих свойств и качеств.

На наш взгляд проблема унификации права должна рассматриваться не только с позиций отраслевого подхода, но и с позиции универсализации процессуальных норм в различных отраслях права и процессуальных институтах. Процессуальные принципы осуществления и защиты прав личности должны быть максимально общими и единообразными независимо от отраслевой принадлежности предмета регулирования общественных отношений. Необходима выработка единых процессуальных гарантий, унификации процессуальных правил реализации прав личности независимо от вида юридического процесса, но с учетом специфики регулируемых процессуальных отношений. Унификация права позволяет уменьшить объем нормативного материала, исключить его дублирование, облегчить применение нормативных предписаний. Особое значение приобретает данная проблема в связи с принятием нового закона «О полиции» обсуждение которого происходит в настоящее время. Процессуальные гарантии, права и свободы личности, закрепленные в уголовно-процессуальном и административно-процессуальном законодательстве должны быть унифицированы и найти свое отражение в новом законе. Например, проект закона «О полиции» предусматривает, что сотрудник полиции обязан в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основание применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина (п.4 ст.5 Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина), однако закон не содержит никаких правовых последствий неисполнение этого предписания. Возникает необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном и административном законодательстве РФ последствия нарушения указанной нормы как признание недопустимыми доказательств, полученных с нарушением указанной нормы.

Следующей тенденцией развития права можно назвать процесс противоположный унификации – *специализацию* права.

Для права наряду с процессом интеграции характерны конкретизация и дифференциация, т.е. специализация правового регулирования, все более возрастающее «разделение труда» между нормативными предписаниями, правовыми институтами, отраслями права позволяющее в соответствии с социальными потребностями обеспечить более конкретное, содержательно определенное правовое регулирование⁹.

Специализация и унификация как объективные закономерности развития права и юридической практики тесно взаимосвязаны друг с другом и фактически являются парными правовыми категориями.

⁹ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т, Т. 1. — М.: «Юридическая литература», 1981. — С. 132-133.

Поскольку право обусловлено материальными условиями жизни общества, постольку с изменением этих условий оно вынуждено изменяться. При этом усложняются общественные отношения и внутренняя структура законодательства. Процессы специализации характерны для всей системы права в целом и оказывают влияние не только на ее форму, но и на ее содержание.

Некоторые авторы выделяют следующие виды специализации: предметная (отраслевая), функциональная, региональная и смешанная¹⁰.

Предметная специализация заключается в появлении в системе законодательства новых отраслей права и правовых институтов. Реформы в социально-экономической сфере обуславливают необходимость внутренних преобразований системы права путем дифференциации законодательства на различные отрасли. Постепенное накопление нормативного материала и формирование специального предмета правового регулирования приводит к выделению самостоятельных правовых институтов, подотраслей и отраслей права. В настоящее время активно формируется налоговое, налогово-процессуальное, банковское право, развивается страховое законодательство, законодательство в области регламентирования использования высоких технологий.

Под функциональной специализацией понимается обособление правовых предписаний внутри нормативно-правовых актов с целью совершенствования их организационного строения и внутренней структуры.

Региональная специализация законодательства напрямую связана с федеративным устройством государства и необходимостью формирования самостоятельного законодательства субъектов РФ. Данный вид специализации обусловлен объективным процессом трансформирования российской государственности, расширением полномочий субъектов Федерации, самостоятельностью правотворческой деятельности субъектов.

Смешанная специализация сочетает в себе предметно-функциональный признак или функционально-региональный.

Специализация законодательства является не одномоментным, а длительным и объективно закономерным процессом и имеет свои формы внешнего выражения, такие как: дифференциация, конкретизация и детализация.

Дифференциация выступает как первоначальный процесс специализации, который позволяет определить специфические черты определенных групп общественных отношений.

Конкретизация позволяет сформулировать определенные правовые предписания, которые регламентируют определенную группу однородных общественных отношений и уточняют содержание общих положений.

Детализация является завершающим этапом процесса специализации и представляет собой внутреннее структурирование содержания нормативных предписаний на составные элементы, которые в своей совокупности образуют их сущность.¹¹

Современное законодательство должно быть эффективным, при этом оно должно отражать и защищать интересы государства, интересы общества и интересы отдельного гражданина. Процессы, происходящие в российском законодательстве в настоящее время, отражают современные международные тенденции развития права и способствуют развитию правового государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Явич Л. С. О философии права на XXI век // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 4-7.
2. Совещание по вопросам либерализации уголовного законодательства // www.kremlin.ru/transcripts/9305.
3. Кабалкин А., Санникова Л. Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства // Российская юстиция. – 2001. – №12. – С. 17-19.

¹⁰ Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. – С. 388.

¹¹ Там же. – С. 391.

4. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – №3. – С. 117-118.
5. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000. С. 23.
6. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001.
7. Барков А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе // Журнал российского права. – 2003. – № 8. – С. 137-144.
8. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т, Т. 1. – М.: «Юридическая литература», 1981.

TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE MODERN RUSSIAN LAW AND THE LEGISLATION

A. I. LYAKHOVA

*Belgorod National
Research
University*

e-mail: Lyakhova@bsu.edu.ru

The processes of transformation of Russian law and legislation in the modern situation are analyzed in the article. The author discusses the processes of reforming of Russian legislation in the way to globalization, unification and a humanization of the legal system as a whole.

Key words: legal system, human rights, system of law principles, legal principle.

УДК – 34(091)

ЦЕННОСТНАЯ ПРИРОДА ПРАВА В ТРУДАХ ЮРИСТОВ ХАРБИНСКОЙ ШКОЛЫ

В.П. ПОНОМАРЕВА*Брянский государственный
университет имени академика
И.Г.Петровского**e-mail: pon-verau@yandex.ru*

Статья посвящена феномену права как социальной ценности и взглядам юристов Харбинской школы права на эту проблему.

Ключевые слова: власть, государство, закон, право, свобода, сила, аксиология, Харбинская школа права

Проблема ценности права обусловлена его особым местом и ролью в жизни индивида и общества. Право, по сути, отражает представления социума о правомерном, справедливом и нравственно оправданном; изучает и формулирует новые, более актуальные, ценностные ориентации, которые выступают как системный фактор, обеспечивающий интеграцию общества и адаптацию в нем индивидов и социальных групп.

Свой вклад в разработку этой проблемы внесли представители различных правовых школ: исторической, марбургской, баденской, позитивистской, естественной, теории «чистого права» и др. В России ценностно-правовая традиция сформировалась в конце XIX в. и, позднее, нашла свое отражение в работах российских и советских юристов: И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, В.Г. Графского, В.П. Малахова, В.С. Нерсесянца.

В рамках обозначенного аксиологического подхода уместно обратиться к правовым взглядам юристов восточной ветви российской эмиграции, которые являются неразрывной частью интеллектуального наследия нашего Отечества, обогатят политико-правовую мысль и будут способствовать формированию правовых ценностей в современном мире.

Судьба распорядилась так, что почти 400 тысяч или пятая часть всех изгнанников оказалась в «желтолицем Китае». Самой благоприятной для жизни беженцев стала территория трех восточных провинций Северной Маньчжурии, по которой проходила Китайская Восточная железная дорога (далее – КВЖД) с центром в Харбине, который «по праву считался духовным и культурным центром российской диаспоры на Дальнем Востоке».

Харбинское высшее образование было представлено рядом учебных заведений, в том числе и Юридическим факультетом, который сыграл огромную роль в жизни русской диаспоры в Китае. По стечению обстоятельств, среди беженцев в Маньчжурии оказались преподаватели-юристы: цивилист Г. К. Гинс, государственный Н. В. Устрялов, экономист М. В. Абросимов – всего 12 человек. К этому времени в городе уже был создан «Комитет по учреждению высшего учебного заведения в г. Харбине», который в марте 1920г. открыл «Высшие экономико-юридические курсы» по программе юридического факультета, позднее переименованные в «Юридический факультет». Читая лекции по различным юридическим дисциплинам сюда приезжали профессора из Владивостока, среди них: М.Н. Ершов, Н.И. Никифоров, В.А. Рязановский. Пока существовало юридическое образование во Владивостоке, Харбинский юрфак нередко ассоциировался с Государственным Дальневосточным университетом (далее – ГДУ) как его зарубежный филиал. Но, после того как в Приморье была установлена Советская власть и факультет общественных наук в ГДУ был упразднен «в виду отсутствия марксистских научных кадров», многие профессора, готовившие кадры юристов, эмигрировали в Маньчжурию. После этого юридическое образование на русском языке на всем Дальнем Востоке осталось только в Харбине, который стал флагманом юридического образования.

На факультете, собравшем плеяду талантливых и работоспособных профессоров, была создана истинно академическая обстановка, дававшая возможность получения

фундаментальных классических знаний. Учебные планы, содержание учебных программ и качество преподавания в Харбине достаточно высоко оценивалось современниками.

Основные направления научной и педагогической деятельности преподавателей юридического факультета сводились к изучению «старого» российского и «нового» советского права, исследованию права стран Восточной Азии, европеизации китайского права. Эту позицию прямо объяснял декан факультета В. А. Рязановский: «Может быть, у некоторых возникает сомнение, зачем на юридическом факультете преподается старое право, в то время, когда вся Россия живет новым правом. ... Прежде всего, надо отметить, что, строго говоря, нет старого или нового права, а есть единое право, которое живет и развивается, может быть только старое и новое законодательство и мы на юридическом факультете, прежде всего, стремимся к тому, чтобы познакомить слушателей с основными началами прав — гражданского, уголовного, административного и других, и стремимся научить наших слушателей умелому пользованию этими началами, дать им научный метод. ... Затем я сказал, что и фактически неверно, будто мы изучаем старое русское право. Это право не является старым для Особого района Восточных провинций. Здесь в судебных установлениях на основании соответствующего постановления центральной власти применяются в делах между русскими частное русское дореволюционное. ... Как бы не относиться политически к тому, что сейчас происходит в России, мы никогда не уйдем от того факта, что 150-миллионный народ — наша Родина — живет своими, особыми законами, и мы должны ознакомить своих слушателей с состоянием законодательства там и дать юридическое освещение тем законодательным актам, которые там изданы в последние годы. Однако наша задача этим не ограничивается. Мы живем в Китайской республике и по одному чувству известной признательности, а также и по соображениям целесообразности приходится знакомить своих слушателей с китайским законодательством. Таким образом, содержание юридического факультета составляет, прежде всего, изучение основных начал права и ознакомление слушателей с научным методом, затем ознакомление со старым и новым русским законодательством и с китайским правом».

Благодаря финансовой поддержке советской администрации КВЖД (1925 — 1928г.г.), на факультете была отличная библиотека, преподавателям оплачивались научные командировки в Европу, где они защищали диссертации в Русских академических группах. Так, в Испытательной комиссии при Русской Академической группе в Париже по теме «Очерки государственного права в Китае» в 1925 году В. В. Энгельфельд — зав. кафедрой административного права, защитил диссертацию на степень магистра государственного права; в 1928 году Н. Е. Эсперов (выпускник харбинского юрфака 1923г.) сдал экзамены на степень магистра истории и ему было присвоено звание приват-доцента, в 1929 г. Г. К. Гинс — защитил там же магистерскую диссертацию по водному праву. Н.И.Никифоров в 1928 г. защитил в Русской академической группе в Праге диссертацию на тему «Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка» и получил степень магистра всеобщей истории.

Практически со дня основания факультета издавались научные труды преподавателей — «Известия юридического факультета». За время существования юрфака было выпущено 12 томов «Известий». «Факультет проложил путь научной книге и теперь в городе Харбине можно напечатать любое исследование», отмечал Н. П. Автономов. В этих томах профессора факультета публиковали свои серьезные научные исследования: В.А. Рязановский «Монгольское право», «Обычное право монгольских племен», «Современное гражданское право Китая». Выпуск 1-2 ; В.В. Энгельфельд «Очерки государственного права Китая», Г.К. Гинс — «Новые идеи в праве и основные проблемы современности». Выпуск 2, «Право и культура. Процессы формирования и развития права», «Право и сила» и другие.

Суммируя все сказанное можно утверждать, что в Харбине была создана уникальная научная школа, в которой присутствовали все основные критерии этого феномена: организационная структура — учебный факультет; близость в тематике и проблематике трудов; научное издание; наличие педагогического аспекта связи «учитель — ученик». Эту школу можно отнести к «топонимической», так как объединяющим фактором стал не «учитель», это не школа того или иного ученого, а, внешний, географический фактор,

вынужденное бегство профессуры в Харбин, по имени которого мы и называем эту школу права Харбинской.

Юридический факультет просуществовал 17 лет и в марте 1937г. в связи с оккупацией Маньчжурии Японией, продажей КВЖД, отливом русского населения из Харбина и вытекающими отсюда последствиями, был ликвидирован.

Известный знаток культуры российской эмиграции М.И. Раев писал: «Харбинский юридический факультет, несмотря на свое изолированное положение, внес заметный вклад в интеллектуальную жизнь Русского Зарубежья, поскольку дал солидную подготовку целому ряду молодых эмигрантов, которые впоследствии продолжили образование в других странах, главным образом в США. Уровень, на котором проводились исследования, был столь велик, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность и по сей день».

Для характеристики этого вклада большое значение имеет аксиологическая концепция права, созданная Матвеем Николаевичем Ершовым, профессором Юридического факультета в Харбине.

Матвей Николаевич Ершов (1886г – ?), профессор Императорской Казанской духовной Академии, первый проректор Государственного Дальневосточного университета, преподаватель Юридического факультета в Харбине принадлежит к той плеяде отечественных ученых, которые своими взглядами, идеями, деятельностью оказывали влияние на образование, воспитание, сохранение национальных традиций в высшей школе, формирование правового сознания и правовой культуры, в судьбах которых отражались важные грани исторической эпохи. Российские ученые все чаще вовлекают работы М.Н.Ершова в научный оборот: его фундаментальный труд о проблеме богопознания в философии Мальбранша и менее «объемные», но концептуальные исследования, в частности, «Факторы культурного развития личности (социально-педагогический очерк)» и «Ценность юридического образования в наше время» становятся базой для серьезных обобщений.

М.Н.Ершов – носитель идей естественного права, ценностное значение которого для него связано, прежде всего, с самим процессом поиска критериев нравственной оправданности и справедливости права как социального феномена. Согласно его естественно-правовой концепции право это критерий для оценки правоустанавливающей власти, для определения ее гуманности, справедливости, нравственности. При этом само естественное право понимается им как явление, изначально наделенное абсолютной ценностью. Такая позиция ученого связана с его духовным образованием – М.Н.Ершов закончил Императорскую Казанскую Духовную Академию в 1911 г. со степенью кандидата богословия и званием магистранта, преподавал там на кафедре Священного Писания Ветхого Завета, защитил диссертацию и получил ученую степень магистра.

В 1918г., в связи с революционными событиями в России, Ершов переехал во Владивосток и был избран деканом и штатным профессором по кафедре философии историко-филологического факультета, преобразованном впоследствии в Государственный Дальневосточный университет (ГДУ). Позднее он был назначен проректором Дальневосточного Университета. Летом 1922г. М.Н.Ершова пригласили в Пекин для чтения лекции на летних учительских курсах, после которых он переехал в Харбин и с осени 1926г. начал работать доцентом кафедры энциклопедии права и истории философии на юридическом факультете.

Одной из доминирующих тем его научного творчества харбинского периода, оставалась проблема философско-правового осмысления личности в правовом пространстве и права как элемента целесообразной деятельности человека. В связи с этим несомненный интерес представляет вступительная лекция, прочитанная Матвеем Николаевичем в курсе истории философии права на тему: «Ценность юридического образования в наше время». Исследуя юридическое образование как часть общей культуры личности, М.Ершов приходит к следующему выводу: «Для русских – воспитание юридического мышления, вкуса и интереса к праву – условие исторического существования». Красной нитью через все содержание лекции проходит мысль, высказанная известным юристом Л.И. Петражицким о «цивилизующем» значении права, его роли и значении в социальном прогрессе. Вслед за ним Ершов признает, что, право наделяет человека определенной

мерой свободы и автономного существования, побуждает к соблюдению законности в отношении других, а значит, является частью и общей культуры человека и национальной культуры. Решая вопрос о соотношении личности и права, М.Н.Ершов солидарен с Л.Петражицким, утверждавшим, что идея права должна укорениться в сознании народа.

Необходимость права в жизни общества М. Ершов связывает с общекультурным значением юридического образования как части общеевропейской культуры. Культурная жизнь человека — процесс видоизменения человеческим сознанием разных сторон природного бытия: права, государства, хозяйства. Ориентировать современный ум в проблемах социальной культуры, и есть главная задача юридического образования. Право и закон для Ершова и его коллег по харбинскому юридическому факультету выступают как великие охранительные силы в жизни человека и стоят на страже созданной им культуры. Культурное, духовное начало в человеке нельзя смешивать с образованностью, которая лишь формирует внутреннюю жизнь, личности, прежде всего, но не затрагивает нравы, которым требуется воспитание. Образование дает толчок склонностям личности, поднимает общий уровень культурного развития получающего образование и, вместе с тем, «оно одно в состоянии развить критическую мысль, стремление к творчеству». По определению М. Н.Ершова «ценность отдельной человеческой личности стоит в прямой зависимости от степени реализации ею в своей жизни принципа и порядка свободы...» .

Правовые взгляды М.Н.Ершова, несомненно, носили ярко выраженный аксиологический характер и в своих исследованиях он пытался ответить на вопрос, что в действительности отражает та или иная правовая идея, что лежит в основе многообразных правовых отношений, является действительно движущим мотивом поведения человека. Поэтому не случайно одним из основных вопросов, которые решал Ершов, был о том, каким образом правовые установки становятся личностными мотивами поведения человека в юридически значимых ситуациях.

Матвей Николаевич Ершов проработал на юридическом факультете Харбина практически до конца существования этого учебного заведения (до июля 1937г.), а далее судьба профессора теряется среди многих тысяч судеб русских эмигрантов, которых ветер истории развеял по всему свету.

Несколько иной позиции на ценностное значение права высказывал и Н.В. Устрялов — первый декан юридического факультета в Харбине.

Николай Васильевич Устрялов (1890 — 1939) занимает особое место в отечественной правовой и политической мысли XX века. Его по праву можно назвать философствующим юристом и публицистом. Изучение государственно- правовой концепции Устрялова, введение в научный оборот пока еще малоизвестной его политика — правовой публицистики позволит по-новому взглянуть на актуальные проблемы юридической аксиологии.

Короткие вехи биографии Николая Васильевича Устрялова: получил образование на юридическом факультете Московского университета, прослушал весной-летом 1914 г. курс лекции в Сорбонне и Марбургском университете, вернулся в Москву и успешно сдал в декабре 1915г. магистерский экзамен по философии права и государственному праву. Положительно приняв демократические преобразования в России, Устрялов в 1918 г., по поручению Московского университета, был командирован на юридический факультет Пермского университета, где позднее его избрали и.д. экстра ординарного профессора по кафедре государственного права. После захвата Перми войсками адмирала Колчака, Устрялов переехал в Омск, работал юрисконсультom при управлении делами правительства Колчака, а с февраля 1919 г. — в Отделе печати, где под его руководством было создано Русское бюро печати. После падения «белого» Омска Устрялов попал в Маньчжурию, и надолго поселился в русской эмигрантской столице северного Китая — Харбине.

Долгие годы Устрялов Н.В. читал лекции на Харбинском юридическом факультете, одновременно сотрудничая в газетах «Новости жизни», «Герольд Трибун», «День юриста», «Утро». С начала 1925 года он также работал в качестве советского специалиста — (предварительно получив советское гражданство), возглавлял Учебный Отдел КВЖД, к 1928 году стал директором Центральной библиотеки КВЖД.

Число работ, написанных Н. В. Устряловым в харбинский период, огромно. Стуски своих идей им были выражены в его итоговом эмигрантском сборнике «Наше время. Сборник статей» (Шанхай, 1934. 202 с). По этим научным работам и публикациям можно

составить представление о правовых взглядах профессора Устрялова. Более же компактно правовая концепция Н.В.Устрялова и его взгляды на роль права в жизни общества и государства были изложены в работе «О разуме права и праве истории».

В рамках аксиологического подхода к праву Устрялов исходит из того, что ценностное значение права только в его связи с государством. Право по своей природе, сущности и специфики производно от государства и обеспечено им. Из этого тезиса он выводит сущность понятия права как формального регулятора общественных отношений, и дает точное определение границ вмешательства права в жизнь общества и правовой системы.

В иерархии социальных ценностей праву, по мнению профессора Устрялова, принадлежит подчиненное место. Выше его только нравственность и религия: «большие исторические движения обыкновенно допускают известное «оформление» именно нравственными, эстетическими и религиозными категориями, но не правовыми». Н.Устрялов исходит из того, что: «право – полезный, необходимый элемент в жизни народов ... Но в «критические» эпохи истории не оно движет миром ... Подобно статуе Свободы в дни конвента, оно «задержано священным покрывалом», Те же, кто обращается к праву, правовым принципам организации общества в переломные моменты истории, считает Устрялов, напоминают собой тех полководцев, которые «в разгар неудачного сражения начинают читать дрогнувшим солдатам лекции о пользе дисциплины, или того брандмейстера, который в момент пожара внушает хозяевам горящего дома правила осторожного обращения с огнем».

Признавая за правом регулятивные функции, формальную определенность, профессор противопоставляет ему силу, считая, что в переломные моменты истории (войны, революции) «подлинная сила, добываясь своего признания, апеллирует, прежде всего, к самой себе. ... подлинная сила всегда глубоко духовна, прежде всего. За подлинной силой всегда стоит творческая идея.

Ценностное значение права для Н.В. Устрялова пронизано идеей примата государства и сводится, в конечном итоге, к принудительной силе государства. Будучи противоречивой, эта концепция все же важна для современной России, новых ее поколений, ибо невозможно создать новую государственную модель, игнорируя опыт прошлого.

Практическая значимость исследования правовых ценностей в трудах юристов Харбинской юридической школы состоит и в том, что оно непосредственно направлено на вопросы связанные с формированием ценностных ориентаций современного российского общества.

Список литературы

1. Балаянц М.С. Сущность ценностного подхода к праву // История государства и права. - 2007. - №3. - С.38-40.
2. Политико-правовые ценности: история и современность / Графский В.Г., Дождев Д.В., Ефремова Н. Н., Козлова Н. Ю., и др.; Под ред.: Нерсисянц В. С.; Редкол.: Графский В. Г., Лаптева Л.Е., Мамут Л. С. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 256 с.
3. Сабенников И.В. Российская эмиграция (1917-1939): Сравнительно-типологическое исследование. Тверь.: Федеральная архивная служба России; ВНИИДАД. 2002. — 431 с.
4. Из истории философско-эстетической мысли 1920-1930-х годов. Выпуск 1. Н.А. Сетницкий. — М., 2003. — 624 с.
5. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999 / Ред. В.И. Курилов. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. — Ч. 1. — 704 с.
6. Пятьдесят лет юридическому образованию в Дальневосточном государственном университете. В.И.Курилов, Т.М.Самусенко, В.В.Сонин // Правоведение. — 2008. — №4. — С.6-18.
7. Никифоров Н.И. Оазис русской культуры // Рубеж. Харбин, 1934. 18 августа. — №34.
8. Известия юридического факультета. Харбин, 1925. Т.1. — С.224-226.
9. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине за 18 лет существования. 1920-1937. В сб.: Право и культура. Харбин, 1937. — С.1-84.
10. Г.В.Мелихов..Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925-1932. — М.:Издательства: Русский путь, Викмо-М, 2007. 320 с.
11. Хисамудинов А. Париж и русская эмиграция на дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. — 2001. — № 3. — С. 163-167.
12. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918-1939). — М., 2000. — 293 с.

13. Михальченко С.И. Киевская школа в Российской историографии (школа западно-русского права). – М.: Прометей, 1996. – 186 с.
14. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. – 2010. – № 16. – С.2-7.
15. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919-1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 296 с.
16. Яковенко Б.В. Тридцать лет русской философии (1900-1929) // Философские науки. – 1991. – № 10. – С.61-96.
17. Национальный Архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф.10. О.1.Д.10775. Л.429-436.
18. Отчет о деятельности комитета по учреждению историко-филологического факультета во Владивостоке за первую половину 1918-1919 академического года// Ученые записки Историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Владивосток, 1919. – Т.1.Отд.П. Вып.1.
19. Энциклопедия русской эмиграции Литературное зарубежье России... / Под ред. Мухачева Ю.В. – М. : Парад, 2006. – 678 с.
20. Известия юридического факультета. Харбин,1931. – Т.9. – С.340.
21. Ершов М.Н. Ценность юридического образования в наше время // Известия юридического факультета. Харбин, 1927. Т.4. – 160 с.
22. Ершов М.Н.. Факторы культурного развития личности (социально-педагогический очерк). -Владивосток, 1921.-36 с.
23. Романовский В.К. Харбинский юридический факультет в жизни профессора Н.В. Устрялова // Дальний Восток в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура: Третьи Крушановские чтения – 2003 г. Владивосток:, 2006. – С.542-549.
24. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф.418. Оп. 513. Д. 8907.
25. Из истории философско-эстетической мысли 1920-1930-х годов. Н.А. Сетницкий. – М.: Наследие, 2003. – Вып.1. – С.284.
26. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. – М., 2000. Т.3. Кн.2. 1918-1920 гг. – С.224-225.
27. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н.Серебряных. В 5 т. – М., 2006. – Т.1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам ...» (1919 – 1934). – 448 с.
28. О разуме права и праве истории // Смена Вех. –Париж, 1921. – № 1. – С.6-8.
29. Устрялов Н.В. Элементы государства. Территория. Население. Власть. Харбин, 1931. – С. 26.
30. Устрялов Н.В. К вопросу о русском империализме // Проблемы Великой России. – 1916. – №15. – С. 1-5.
31. Булычева М.В. Политическая концепция государства в теоретическом наследии Н.В. Устрялова : дис.канд.полит.наук. Саратов, 2007.

VALUABLE NATURE OF LAW IN WORKS OF LAWYERS OF HARBIN SCHOOL

V.P.PONOMAREVA

*I.G. Petrovsky Bryansk State
University*

e-mail: pon-verau@yandex.ru

The article discusses the phenomenon of right as the social value and views of lawyers of Harbin school of the right at this problem.

Key words: power, state, law, right, freedom, force, axiology, Harbin juridical school.

УДК 343.359.2

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ОГРАНИЧЕННАЯ СВОБОДА ИЛИ СВОБОДА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ?¹

Е.Е. ТОНКОВ
А.А. ГУСЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

В статье показано, что реализация права на свободу в социальном государстве налагает особые обязанности на граждан по отношению к обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Ключевые слова: государство, коррупция, кризис, власть, криминализация, реформы, легализация, правоохранительная деятельность, правовое регулирование, свобода, частное право, диспозитивный.

Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, закон содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе.

И.А. Ильин

Правозащитная деятельность в России, рассматриваемая с точки зрения цивилизованного социального государства, функционирует, к сожалению, не в режиме инновационного развития, а уже длительное время находится на стадии замедленного становления. В значительной степени успешность защиты прав человека основывается на конструктивном взаимодействии всех органов, осуществляющих уголовно-правовую и социальную политику государства, средств массовой информации, религиозных и общественных организаций, нормативном, юридическом, управленческом, финансовом ее обеспечении.

Противоречия между активизацией правозащитного потенциала общества и отсутствием реальных действий органов законодательной и исполнительной властей в данном направлении составляют чрезвычайно «узкое место» проблемы эффективности правозащитной деятельности на современном этапе. Нельзя не заметить, что в различных социальных слоях российского общества происходит консолидация критической массы недовольства политической и экономической ситуацией в стране, что невозможно заретушировать никакими отрепетированными «праймериз».

Представляется актуальным не только сформировать нормативно-правовую базу, но и обеспечить правовое регулирование межведомственных отношений, возникающих в процессе правозащитной деятельности. Разрозненность этих усилий не позволяет в единстве и целенаправленно реализовывать задачи правозащитной деятельности, направлять в общее русло усилия и возможности многочисленных государственных и общественных организаций.

На основе аппроксимации опытных данных и теоретических обобщений мы сочли возможным определить условия эффективности процесса модернизации правозащитной деятельности:

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.).

- *системность*, то есть учет в правозащитной деятельности совокупности политических и социальных факторов, определяющих готовность государства к диалогу и непосредственному участию населения в процессе правозащитной деятельности;
- *парциальность* (представление о правозащитной деятельности как о факторе влияния на государственную правовую политику);
- *проблемная адекватность* (отражение в содержании правозащитной деятельности реальных проблем общества);
- *когнитивная адекватность* (соответствие фактического содержания правозащитной деятельности действующему законодательству);
- *персонификация* (обеспечение прямого, непосредственного участия органов государственного управления в разрешении ситуации, требующей вмешательства);
- *альтернативная выгода* (создание в обществе условий, способствующих участию населения в осуществлении правозащитной деятельности);
- *использование обратных связей*, которые служат ведущим фактором формирования системных свойств и тезауруса систем правозащитной деятельности.

Важной задачей представляется достижение консенсуса с активной частью населения, которую принято называть общественностью, по вопросу о том, что победить произвол возможно, однако причины его эскалации лежат в социальных проблемах, поэтому государство должно выступать в качестве координатора их решения.

Процесс непосредственно ориентированной координации должен охватывать действия государственных органов, муниципальных служб, СМИ, общественности, отдельных граждан, представителей деловых кругов с соблюдением следующих обстоятельств:

- граждане являются клиентами для государства и именно они определяют уровень потребностей и ожиданий от качества работы государственного аппарата;
- государство и население являются партнерами, которые в равной степени несут ответственность за состояние общественного правопорядка;
- профилактика правонарушений, недопущение криминальных проявлений должны находиться в основе работы государственного аппарата;
- эффективность деятельности государственного аппарата оценивается прежде всего населением (клиентом).

В США, например, выработана концепция, получившая название «эпоха решения гражданских проблем». В основу этой концепции положена следующая формула — *власть государственному аппарату дается по закону, от населения и для населения*. Деятельность государственного аппарата строится на демократизме, в соответствии с потребностями общества и на основе партнерских отношений с ним. При этом граждане должны взять на себя часть ответственности за ситуацию в стране. Подобные взгляды на деятельность государственного аппарата распространены и во многих западных странах.

В России, как отмечает М.Б. Смоленский, «абсолютный и надличностный характер воплощенного в образе государства добра парадоксальным образом благодаря синкретическому типу ментальности уживается на уровне социальной практики с глубокой отчужденностью от государства в лице его структур, в частности правоохранительных»². Поэтому в общественном сознании образ государства присутствует в двух измерениях — фактическом, где отсутствуют законность и справедливость, и зазеркальном, в котором витают идеи добра и общечеловеческих ценностей.

Деятельность государства предполагает наличие специально созданной им правоохранительной системы, в определенной мере ограничивающей поведение граждан. При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов»³.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. Как подчеркивает Д. Шумпетер, ни одно современное

² Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 15.

³ Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 170.

общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю⁴. На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в рассматриваемой области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

Д.Н. Бахрах и Л.А. Гущина справедливо отмечают, что «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаясь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения»⁵.

При этом стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Граждане страны обязаны выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Поэтому они должны знать, что им придется смириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Несмотря на относительную самостоятельность, право, как и другие виды социальных норм, осуществляет специфические регулятивные функции не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами, в частности, моралью.

Как отмечал в этой связи Гегель, который первым с философской точки зрения наиболее полно и всесторонне исследовал характер связи и взаимодействия противоречивых предметов и явлений, «...все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее – не абстрактно, не стоит само по себе, а есть лишь в другом, но в этом другом оно есть отношение с собою, и отношение есть единство соотношения с собою и соотношения с другими»⁶.

Вся доступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Любые предметы и события – звенья одной бесконечной цепи, объемлющей все существующее в мире в единое целое. При этом мы имеем в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование правоприменительной практики (хотя и то, и другое чрезвычайно важно), но наполнение государственной деятельности качественно иным содержанием, подразумевающим, в том числе, использование нравственного потенциала общества.

Вместе с тем, с юридической точки зрения, действия государственных органов, направленные на сужение диапазона свободы граждан не противоречат статье 29 Всеобщей декларации прав человека, которая вводит институт ограничения прав и свобод при наличии определенных оснований «с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»⁷.

Кроме того, часть 3 статьи 55 Конституции РФ предусматривает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в

⁴ Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

⁵ Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.

⁶ Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук*. – М., 1974. – Т. 1. – С. 301.

⁷ Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года / Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М., 2004. – С. 43–44.

целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁸.

Мы полагаем, что в результате политико-правовой модернизации частное право должно занять центральное место в российской правовой системе, поэтому предпочтительно акцентировать внимание на переносе диспозитивных правоотношений, традиционно присущих частноправовым отраслям права, в публично-правовую сферу, когда субъект, наделенный властными полномочиями, является государственным органом и наделен правом издания односторонне-властных предписаний, адресованных другому участнику.

Как отмечает В.Ф. Яковлев, «нам следует перестроить нашу правовую систему так, чтобы в ней на основе Конституции утвердился бы приоритет частного права, чтобы не гражданин существовал для государства, а государство – для гражданина»⁹.

Государство предоставляет возможность участникам диспозитивно-личностных отношений выбирать для себя наиболее приемлемый вариант поведения, ограничивая этот выбор только требованиями соблюдения законности. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

Важнейшей характеристикой правозащитной деятельности служит ее легитимность, результатом которой является способность и готовность граждан следовать определенным правилам, соблюдать правовые ограничения и закреплённые обязательства.

По справедливому замечанию Н.В. Исакова, следствием «признания политического и правового порядка легитимным становится добровольное подчинение граждан законам и установлениям власти»¹⁰.

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой правозащитной деятельности населения.

Российская правовая доктрина вот уже в течение многих лет отдает приоритет целям и интересам государства, а уже опосредованно речь идет о целях, ориентациях, потребностях индивидов, составляющих социум. По отношению к личности интересы государства выступают в качестве определенной системы требований, направляющих, ограничивающих и регулирующих ее социальное поведение. Не случайно Ю.А. Тихомиров называет одним из признаков публичного права положение, в соответствии с которым государственные органы – субъекты публично-правовых отношений¹¹.

В процессе реализации большинства юридических форм осуществления государственной власти движущими силами являются главным образом не личные интересы, а потребности государства, в той или иной мере предлагаемые индивидам для усвоения. Априори предполагается, что деятельность государства носит публично-правовой, а не частноправовой характер, поэтому, например, правоохранительные интересы граждан охраняются, соответственно, в основном, не гражданским законодательством.

⁸ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 2009. – 21 янв.

⁹ Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 14.

¹⁰ Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1. – С. 21.

¹¹ Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 3.

Общее родовое понятие публичного интереса корреспондируется здесь с такими видовыми нормативными понятиями, как интересы общества и государства, национальной безопасности и т.д. Устанавливая границы юридически возможной деятельности, ограничивая человеческую независимость, само право представляет собой ограничение.

Еще Е.Н. Трубецкой отмечал: «Где свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями, там нет вообще права: существенным признаком права является правило, или норма, ограничивающая свободу»¹².

Г.Ф. Шершеневич называл обязанностью осознание связанности своей воли, подчеркивая, что при этом «человек действует не так, как побуждают его собственные интересы, он считает необходимым ограничить себя в возможном фактически осуществлении интересов из-за интересов других»¹³.

Вместе с тем, как считал И.А. Ильин, «ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему зато беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов»¹⁴.

Развивая эту идею и исходя из необходимости оптимального сочетания публичного и частного интересов в политико-правовой модернизации государственной деятельности, мы сочли возможным использовать ранее разработанный нами и апробированный в предыдущих исследованиях *диспозитивно-личностный подход – совокупность принципов и методов правового регулирования, означающую, что в процессе правозащитной деятельности гражданам в пределах установленных юридических ограничений обеспечиваются условия для реализации собственной социально-правовой активности и возможность свободно распоряжаться своими правами, психологическими и материальными ресурсами при выборе форм целесообразного поведения.*

Конструкция нового подхода к пониманию правозащитной деятельности определяется тем, что возникающие правоотношения представляют собой единство объективного и субъективного, публичного и частного интересов, являясь как результатом осознанных действий участников, так и следствием объективного развития ситуации.

Известно, что в системе права выделяются две правовые семьи – публичного и частного права. Как отмечает В.Ф. Яковлев, сферы действия обеих важно различать: частное и публичное право надо использовать уместно, там, где они должны обязательно «присутствовать», и нельзя их применять в той сфере, которая не является их предметом¹⁵.

Поэтому особую актуальность данный подход приобретает в период развития в России гражданского общества, рассматриваемого как система внесударственных общественных отношений, институтов, которая формируется на основе реализации принципов индивидуальной свободы, правового равенства граждан, их самостоятельности и самоорганизации, достигает наиболее полного развития в демократических правовых государствах.

Правовые ограничения не только устанавливают границы субъективных прав, но и определяют ту нишу, в пределах которой человек может свободно действовать и развиваться как личность в случае правомерного поведения. При этом он самостоятельно избирает формы и методы достижения как лично значимых, так и социально полезных целей. Как известно, термин «диспозитивность» образован от латинского *dispositivus*, означающего право участников договора или процесса действовать по своему усмотрению. Диспозитивно-личностный подход не отрицает нормативного подхода к понятию права, а только дополняет его, расширяет его границы.

Как отмечает М.И. Байтин, «нормативный характер права заключается в том, что право как государственная воля общества проявляется в реальной жизни не иначе как сис-

¹² Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. – СПб., 2001. – С. 291.

¹³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912. – С. 619–620.

¹⁴ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 96.

¹⁵ См.: Яковлев В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической техники. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 3.

тема официально признаваемых и действующих в данном государстве юридических норм в их материалистическом понимании»¹⁶.

Диспозитивный – это «допускающий выбор». В центре внимания данного подхода, с одной стороны, находятся цель и организационное обеспечение процесса государственного управления, а с другой – правосубъектность структур и граждан, включенных в систему реализации правозащитной деятельности.

О.Ю. Глухова определяет институт диспозитивности как «совокупность правовых норм, содержащих юридическую свободу (возможность) осуществлять субъективные права (приобретать, реализовывать, распоряжаться), закрепленные в нормах материального права, и распоряжаться средствами их защиты, закрепленными в нормах процессуального права, по своему усмотрению в пределах закона»¹⁷.

Диспозитивно-личностное регулирование правоотношений предполагает, что участники находятся в равноправном положении, наделяются правом выстраивать свои взаимоотношения на взаимовыгодных (эквивалентных) условиях. Содержание института диспозитивности представляет свобода лиц и их объединений, определяемая уровнем демократизации общества, зафиксированным в соответствующей нормативной форме.

При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов»¹⁸.

Права и свободы человека составляют условия его нормальной жизнедеятельности, своеобразный каталог социальных, юридических и политических благ и возможностей, которыми он может свободно пользоваться. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

В юридической науке выделяют материальную диспозитивность и формальную диспозитивность. Материальная диспозитивность представляет собой юридическую свободу выбора варианта поведения, которая содержится в нормах материального права, то есть означает свободу распоряжаться материальными правами. Формальная диспозитивность предполагает возможность по своему усмотрению использовать средства защиты материальных прав, закрепленную в нормах процессуального права.

Государство и общество рассматриваются нами как равноправные партнеры и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений. Фактически каждая отрасль права использует оба метода (императивный и диспозитивный), то есть всегда, как замечает С.П. Маврин, «имеет место их сочетание, которое, правда, характеризуется преобладанием императивных или диспозитивных начал, обусловленных природой регулируемых отношений»¹⁹.

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой социально-правовой активности.

Акцентирование внимания на правосубъектности при осуществлении диспозитивно-личностного подхода обусловлено тем, что даже в фундаментальной работе Ю.А. Тихо-

¹⁶ Байтин М.И. Сущность права. – М., 2005. – С. 63.

¹⁷ Глухова О.Ю. Институт диспозитивности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 7.

¹⁸ Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 170.

¹⁹ Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 208.

мирова, посвященной теории компетенции, граждане рассматриваются как субъекты частноправовых отношений, которые сталкиваются с компетенцией органов власти и являются главным образом правообязанными²⁰.

Нас же, в первую очередь, привлекает не только превентивный характер правовых ограничений, но и возможность с помощью метода правового регулирования стимулировать социально-правовую активность населения в целях повышения эффективности правозащитной деятельности.

В результате правовые ограничения занимают подчиненное положение, выступая, как верно заметил Н.Н. Семенюта, в качестве вспомогательной формы воздействия права²¹.

Роль социальных и правовых норм не сводится к созданию ограничений для личности, но и рассматривается в качестве фактора, определяющего поведение индивидуума в жизненно-важных ситуациях и регулирующего отношения людей для достижения максимально возможного уровня свободы каждого из нас.

При всем многообразии и при всей разнохарактерности отношений между правовыми ограничениями и правовыми возможностями в процессе правозащитной деятельности общим основанием для них является диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия.

Основными признаками диалектических противоположностей правовых ограничений и правовых возможностей являются взаимоположение, взаимопроникновение и асимметрия, что означает наличие в каждом случае ведущей (доминирующей) и ведомой (подчиненной) сторон, каждая из которых характеризуется своей тенденцией изменений.

Как отмечалось еще в ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, «свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами»²².

Правозащитная деятельность предназначена для эффективной реализации прав и свобод человека и именно в этом заключаются её смысл и цель в гражданском обществе. Права человека и его интересы приоритетны по отношению ко всем иным правам, свободам и интересам, если они не ограничивают, а тем более, если не нарушают законные права, свободы и интересы других. Правозащитная деятельность, таким образом, направлена, в первую очередь, на защиту человека и восстановление его нарушенных прав.

Конституция РФ содержит ряд норм, представляющих собой предписания, входящие в круг полномочий органов государственной власти:

- о человеке, его правах и свободах как высшей ценности, защита которой является обязанностью государства и всех его органов (ст. 2, 17 и 18);
- о демократическом, правовом, социальном характере Российского государства (ст. 1 и 7);
- о равенстве всех перед законом и судом (ст. 19);
- о гарантировании государственной защиты прав и свобод человека и гражданина и, в частности, гарантировании судебной защиты (ст. 45–48).

Таким образом, правозащитная функция получила закрепление на конституционном уровне. Кроме того, конституционные нормы-принципы развиты в федеральных конституционных и федеральных законах, в подзаконных актах. Права человека являются центральным звеном государственной и правовой жизни, одним из важнейших институтов права, с помощью которого регулируется правовой статус человека, определяются пределы вторжения в его личную жизнь. Можно констатировать, что в российском законодательстве сформирован межотраслевой комплексный институт прав человека.

Н.В. Витрук в своих ранних работах условно разделяет понятия «охрана» и «защита» прав граждан, понимая под охраной прав деятельность, направленную на устранение препятствий в реализации прав, на профилактику и предупреждение нарушений прав, а защита, по его мнению, наступает тогда, когда есть неисполнение обязанности или зло-

²⁰ Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М., 2001. – С.60–62.

²¹ Семенюта Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С.8.

²² Современные зарубежные конституции. – М., 1992. – С.98.

употребление правом, возникает препятствие в осуществлении прав, имеется спор о наличии самого права. Вместе с тем, Н.В. Витрук считает возможным фактически объединить обе рассматриваемые категории в единое целое – охрану (защиту) прав²³.

Совершенствование взаимоотношений государства и общества требует поиска взаимоприемлемых решений и инициативного взаимодействия на основе готовности к консенсусу. Необходимо, чтобы не только государство, но и население проявили желание разрешить проблему. Без этого невозможно обеспечить эффективность социального взаимодействия и адекватной коммуникации. Правовые ограничения призваны при этом обозначить пределы негативной активности и создать условия для повышения уровня позитивной активности граждан, которая непосредственно связана с их правами, свободами и законными интересами.

Как справедливо подчеркивают В.А. Затонский и А.В. Малько, гражданин «вынужден это делать, если желает добиться обладания конкретным социальным благом, особенно в тех жизненных ситуациях, когда его право на это оспаривается»²⁴.

Степень жесткости юридического регулирования, наличие ограничений для активности субъектов права зависит от политического режима, сложившегося в государстве, демонстрирующего соотношение и взаимодействие гражданского общества и государства, объем политических, социальных, экономических прав и свобод личности и реальные возможности их осуществления.

Настроение общества, как и любое другое социальное настроение, не отличается стабильностью, однако это не лишает его внутренней готовности к сопротивлению обстоятельствам. У населения появилось явно выраженное чувство стремления к покою, безопасности, что выражается в обращении к силе, которая сможет защитить граждан от произвола, правового беспредела²⁵.

Характер взаимоотношений между государственными органами и населением представляет собой один из значимых индикаторов социально-политической ситуации в стране. Незаконные действия сотрудников органов государственной власти в отношении прав и свобод личности или даже пренебрежительное отношение воспринимаются гражданами очень остро и болезненно.

Проблемой выступает и то, что подчас государство не только неэффективно выполняет свои функции, но и само нарушает права граждан. Факты беззакония в деятельности властных структур опасны не только тем, что причиняют непосредственный вред конкретному лицу, но и порождают правовой нигилизм общества.

К сожалению, такая ситуация имеет в России глубокие исторические корни. Еще А.И. Герцен, подчеркивая правовую необеспеченность русского народа и полное отсутствие равенства перед судом, писал: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»²⁶.

В какой-то момент люди утратили уверенность в своей защищенности государством. Рассогласование взаимодействия граждан и государства, являющееся итогом ошибочной, ориентированной на параметры государственной самооценки внутренней политики, находит свое выражение не только в росте преступности, но и в поведении законопослушных граждан, в их реакции на поведение чиновников, в оценках способности государства обеспечить общественную безопасность. Это ставит перед государством задачу разработки системы мер по взаимодействию с населением, начиная от индивидуальной работы с обратившимся за помощью и заканчивая влиянием на общественное правосознание.

Поэтому вполне актуальными представляются не только интенсификация работы властных структур, но также поиск и использование новых форм и методов решения про-

²³ См.: Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М., 1976. – С. 104–115.

²⁴ Затонский В.А., Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 11.

²⁵ См.: Ермаков В.Г., Зубова О.В. Ограничение конституционных прав граждан при государственно-правовом регулировании борьбы с терроризмом: Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – С. 67.

²⁶ Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7. – С. 251.

блем взаимодействия государства с населением, научная разработка путей дальнейшего совершенствования стратегии правозащитной деятельности именно на этой основе.

С целью сдерживания криминализации страны специалисты и ученые пытаются выявить ее причины. Некоторые из них в качестве основных причин роста преступности видят ухудшение экономических условий, другие – рост детской безнадзорности и беспризорности, третьи – культ насилия, господствующий в работе средств массовой информации, четвертые – недостатки действующего законодательства, пятые – нестабильность общественного устройства и т.д.

Безусловно, данные причины оказывают влияние на состояние правосознания, но крайне затруднительно с достаточной долей уверенности только этим объяснить распространение преступности, особенно среди молодежи. Можно предположить существование определенных социальных закономерностей, обусловленных переходом российского общества в качестве новое состояние и способствующих росту преступности.

Интеграция экономики, включая ее техническое совершенствование, повлекла за собой и побочное следствие – интеграцию нелегальной экономики. Наркобизнес, незаконная торговля оружием составляют значительную часть теневой экономики, активно используют интеграционные процессы для усиления своего влияния на мировое пространство. В Россию активно проникает транснациональный наркобизнес, который не только постоянно наращивает свои объемы, но и развивается в направлении материально-технического и технологического вооружения.

Большинством исследователей отмечается высокий уровень организованности преступности, что обусловлено спецификой криминальной экономики, предусматривающей систему производства сырья, переработку, транспортировку, контрабанду и разветвленную сеть сбыта. Это свидетельствует о том, что процесс криминализации общества рассматривается криминальными структурами прежде всего с точки зрения экономических интересов. Сыграла свою роль естественная либерализация правовых барьеров на постсоветском пространстве при отсутствии эффективного правоприменения существующей юридической базы.

Кроме того, криминализация России своеобразной «платой за свободу», следствием глобального «социального аутсайдерства», когда многие люди оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобрела стихийный, неуправляемый характер. Российское общество утрачивает систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, многие традиционные институты социализации, такие как семья, школа, детские и молодежные организации теряют свое значение, а на смену им, кроме горьковских университетов «улицы», ничего не пришло.

В результате процесс социализации носит все более негативный характер, граждане испытывают в настоящее время в большей степени духовный прессинг криминального мира и его ценностей, а не позитивное влияние институтов гражданского общества.

Другой особенностью современной ситуации в России является значительный рост проявлений криминальной агрессии как выражение экстремальности политической и экономической ситуации в стране. Известно, что агрессия имеет как внешнюю, так и интрасубъектную направленность. Интрасубъектная направленность агрессии прежде всего выражается в суициде. В России в последние годы на 100 тыс. населения совершалось 60–70 самоубийств, что в 3–3,5 раза превышает среднемировой уровень суицида, установленный Всемирной организацией здравоохранения. Криминальное проявление агрессии выражается прежде всего в таких формах насилия как умышленные убийства, причинения тяжкого вреда здоровью.

Анализ насильственной преступности свидетельствует о таких негативных тенденциях, как рост жестокости, широкое использование огнестрельного оружия, распространение заказных убийств, учащение случаев захвата заложников и, наконец, проявление агрессии как модели.

Характеристика преступности в России позволяет выделить негативные тенденции, имеющие общенациональное значение:

- Количественный рост преступности в целом.

- Значительное увеличение в структуре преступности доли тяжких и особо тяжких преступлений.
- Существенное изменение мотивации противоправного поведения (широкое распространение корыстных преступлений).
- Преобладание среди преступников лиц без постоянного источника дохода, что тесно связано с резкой дифференциацией населения по имущественному положению, обусловленной продолжающимися кризисными социально-экономическими процессами.
- Увеличение относительного удельного веса преступности несовершеннолетних.

Приведенный анализ показывает, что криминогенная ситуация в России остается сложной. Законопослушное население страны не ощущает своей безопасности, не чувствует себя защищенным от преступных посягательств, что отражается на общем климате доверия по отношению к государству.

Правоохранительные органы в государственном механизме занимают специфическое место в силу возложенных на них задач по борьбе с преступностью, охране общественного порядка, обеспечению безопасности граждан. Для этого они наделены особыми государственно-властными полномочиями, подкрепленными необходимыми средствами и методами принуждения, приемами силового воздействия на правонарушителей вплоть до применения огнестрельного оружия.

Данная деятельность неизбежно сопряжена с вторжением при необходимости в личную жизнь человека, что обуславливает исключительную остроту вопроса о негативном отношении населения к правоохранительным органам и низкой степени доверия к ним. В правоохранительных органах обыватель, в основном, усматривает только силу, которая должна противостоять преступности. Борьба с преступностью задает основные содержательные и структурные параметры деятельности правоохранительных органов, а то, что оказывается за рамками борьбы с преступностью, воспринимается уже как менее значимое.

Л.И. Спиридонов еще более двадцати лет назад отмечал, что преступление в конечном счете «выступает не как объективное свойство поступка человека, разрушающего объективно существующий порядок отношений между людьми, а как результат применения к индивиду норм и санкций, которые, собственно, и превращают его в преступника»²⁷.

Узкий диапазон осознания только репрессивного значения функций правоохранительных органов инициирует прогрессирующий рост их отчужденности от общества. Проблема заключается в непонимании большей части населения того, что органы правопорядка не определяют состояние правоотношений и уровня преступности. Правовая ситуация определяется не только уровнем профессионализма и добросовестностью сотрудников, а в первую очередь – политикой государства, уровнем развития общества, материальным благополучием граждан, их нормативной и ценностной культурой. Нарушение законов, несоблюдение элементарных прав и свобод человека, массовый произвол должностных лиц, коррупция, рост преступности свидетельствуют о низкой правовой культуре государства в целом.

Вместе с тем, «баланс между объективными и субъективными основаниями криминализации сложен и во многом зависит от расстановки политических сил в стране»²⁸.

Поэтому постановка методики оценки деятельности правоохранительной системы «в зависимости от изменений в динамике и структуре преступности справедлива лишь в условиях социальной стабильности, когда процесс криминализации общества не характеризуется частыми и стремительными изменениями»²⁹.

Система не заинтересована показывать реальное состояние преступности, поскольку нередко это влечет негативные последствия для сотрудников. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда укрытие преступлений от учета, произвольное манипулирование статистикой составляют положительные факторы для органов государственной

²⁷ Спиридонов Л.И. Социология и уголовное право. – М., 1986. – С. 97.

²⁸ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 47.

²⁹ Скоморохов Р., Шиханов В. Значимость статистических сведений о состоянии преступности // Законность. – 2004. – №8. – С. 43.

власти, выстраивают фундамент для иллюзорного движения вперед по пути укрепления безопасности и правопорядка.

Ничего, кроме недоумения, не может вызвать, например, составленный экспертами Центра экономических исследований «РИА-Аналитика» на основании данных МВД РФ и Росстата рейтинг регионов России по степени криминогенной опасности населения за первое полугодие 2011 года. Оказалось, что наиболее безопасными регионами нашей страны, по мнению исследователей, являются Ингушетия, Дагестан и Чеченская республика. Комментарии, как говорится, излишни.

Поэтому следует согласиться с О.Э. Лейстом, что авторитетность права зависит прежде всего от политико-правового режима, т.е. от отношения к праву лиц, облеченных властью, а также от его справедливости, эффективности и стабильности³⁰.

Все отчетливо обнаруживается, что органы исполнительной власти не обеспечивают реализацию охранительной функции государства, а правозащитное направление и вовсе находится где-то «на задворках» государственной политики.

Как отмечает В.В. Лунеев, «мы имеем самую низкую эффективность деятельности милиции (полиции). И никто знать об этом не желает и не дает разобраться в этом ученым»³¹.

В этих условиях абсолютно необходимыми представляются не только интенсификация работы, но также поиск и использование новых форм и методов развития правоохранительной системы. Задачи, функции, средства и процедуры их реализации определяют касающийся практически всех граждан России объем коммуникаций, взаимоотношений правоохранительных органов и населения. Это подтверждает мнение о том, что правоохранительные органы по разнообразию регулирующих, контролирующих, разрешающих и профилактических функций являются самым дифференцированным и действительно ближайшим к населению звеном государственной власти.

Вместе с тем, до сих пор ни одно общество не достигло идеала верховенства права. Для этого не просто необходимо, чтобы в распоряжении общества имелись совершенные законы, но и чтобы государственные органы последовательно руководствовались ими в своей работе.

Как справедливо подчеркивает Т.А. Эндикотт, достижению верховенства права, в первую очередь, может помешать нарушение норм закона должностными лицами³².

На рост преступности в России, как и на всем постсоветском пространстве, оказывает влияние не только слабость правоохранительной системы, но и ее традиционная ориентированность на приоритет защиты интересов государства и общественной собственности, а не прав и свобод личности.

Д.А. Медведев называет суд самой авторитетной властью, аргументируя свою позицию тем, что «в суде формируется и отношение людей к государству, оценивается способность государства защищать интересы, применять силу закона и восстанавливать справедливость»³³.

При этом он подчеркивает *правозащитные качества* судебной системы: «обеспечение прав и свобод граждан при помощи правосудия, гарантированность судебной защиты для каждого, презумпция невиновности обвиняемого, охрана прав потерпевшего от преступлений, злоупотреблений властью и ряд других принципов, которые непосредственно вытекают из Конституции»³⁴.

Концептуальный пересмотр правозащитной деятельности, создание новой модели взаимодействия человека и власти обуславливают реорганизацию не только механизма реализации публичных прав и свобод, но и выбор качественно иной системы защиты и восстановления нарушенных интересов. Процедура защиты прав и свобод является составной частью механизма реализации права, отражающий уровень развития общества и государства.

³⁰ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002. – С. 65.

³¹ Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 54.

³² См.: Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2. – P. 312–330.

³³ Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Российский судья. – 2009. – № 1. – С. 4.

³⁴ Там же.

По мнению А.Г. Седышева, механизм юридической защиты прав и свобод человека представляет собой систему нормативно-определенных судебных и внесудебных способов, взаимодействующих между собой и направленных на эффективность юридической защиты прав и свобод человека.

Структура рассматриваемого механизма включает в себя судебные и внесудебные способы защиты прав и свобод человека, состоящие из институциональных, организационных, контрольных, надзорных мероприятий, правомерной деятельности субъектов права, общественного мнения и ответственности³⁵.

Е.В. Вавилин считает, что механизм защиты субъективных гражданских прав – это индивидуально выстроенная система правовых средств и условий, направленная на достижение конечной цели по юридическому и фактическому восстановлению нарушенных прав либо пресечению их нарушения.

Цель защиты, по его мнению, заключается в том, чтобы восстановить нормальный желаемый для конкретного субъекта, общества и государства ход реализации прав³⁶.

Эффективное сочетание судебного и внесудебного способов оспаривания действий и решений органов публичной администрации гражданами и организациями может обеспечить развитие демократических начал в жизни гражданского общества, повысить заинтересованность граждан в управлении государством.

Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с этим нуждается в дальнейшем совершенствовании посредством предоставления гражданам возможности активного поведения при рассмотрении жалоб, закрепления ответственности должностных лиц за преследование за критику, установления более подробных процедур вынесения и исполнения решений по жалобам и многое другое³⁷.

Тем не менее, в этом законе впервые на уровне Российской Федерации определен терминологический аппарат всего производства по обращениям граждан (статья 4).

Перспективы развития демократии в России актуализируют необходимость последовательного реформирования концептуальных основ механизма защиты публичных прав и свобод граждан и организаций. Принятие половинчатых решений в области утверждения новых стандартов обжалования решений и действий органов публичной власти с большой степенью вероятности может привести к дискредитации идей модернизации и расширению диапазона правового нигилизма населения.

Список литературы

1. Байтин М.И. Сущность права. – М., 2005.
2. Бахрах Д.Н., Гуцина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.
3. Вавилин Е.В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 178–179.
4. Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М., 1976.
5. Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года / Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М., 2004.
6. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1974. – Т. 1.
8. Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7.
9. Григорова Т.В. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия. – Новосибирск, 1999.
10. Глухова О.Ю. Институт диспозитивности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009.

³⁵ См.: Седышев А.Г. Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 7.

³⁶ См.: Вавилин Е.В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 178–179.

³⁷ Российская газета. – 2006. – 5 мая.

11. Григорова Т.В. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия. – Новосибирск, 1999.
12. Дьячковский С.А. Состояние криминальной ситуации в России. Проблемы противодействия преступности // Закон и право. – 2004 – №3.
13. Затонский В.А., Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. – 2006. – № 4.
14. Ермаков В.Г., Зубова О.В. Ограничение конституционных прав граждан при государственно-правовом регулировании борьбы с терроризмом: Моногр. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004.
15. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3.
16. Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1.
17. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос. газета. – 2009. – 21 янв.
18. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. – 2004. – № 12.
19. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002.
20. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1.
21. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1.
22. Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Российский судья. – 2009. – № 1.
23. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Рос. газета. – 2006. – 5 мая.
24. Седышев А.Г. Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003.
25. Семенюта Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000.
26. Скоморохов Р., Шиханов В. Значимость статистических сведений о состоянии преступности // Законность. – 2004. – №8.
27. Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4.
28. Современные зарубежные конституции. – М., 1992.
29. Спиридонов Л.И. Социология и уголовное право. – М., 1986.
30. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М., 2001.
31. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – № 5.
32. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. – СПб., 2001.
33. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912.
34. Яковлев В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической техники. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1999.
35. Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4.
36. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2.
37. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

LAW ENFORCEMENT IN RUSSIA: RESTRICTION OF FREEDOM OR FREEDOM WITHOUT RESTRICTION?

E.E. TONKOV
A.A. GUSEVA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

This article is devoted to the problem of realisation of right to freedom in social state. As the author points out, realisation of right to freedom confirms obligations upon citizens. It is underlined that it can be restricted within protection of public morality, health and rights of other citizens.

Key words: state, corruption, crisis, power, criminalization, reforms, legalization, law enforcement activity, legal regulation, freedom, individual right, non-mandatory.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 21.009:316.37

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ФЕДОРОВА

О.Ю. АКИМОВ*Тулльский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail:
Aktula1@gmail.com*

В статье анализируются отношения между реальностью и языком в творчестве Н.Федорова. Федоров анализирует феномен времени как будущее в прошлом. Средством фиксации подобной структуры времени для Федорова является язык.

Ключевые слова: сознание, мир, время, субъект, существование.

Творчество Николая Федорова, выдающегося русского мыслителя середины девятнадцатого, начала двадцатого веков, представляет собой оригинальный и во многом парадоксальный опыт прочтения основных онтологических корреляций языка и мышления в рамках метасистемного целого текста. Большинство исследователей касаются лишь фактологической стороны федоровского творчества, то есть того мироустроительного проекта, развертыванию которого посвящена философия общего дела. Это в первую очередь, А.А Киселев, В.П Пазилова, С.Г Семенова. При этом почти всегда вне поля зрения исследователей остается языковая составляющая воплощения этого проекта, а говоря точнее, выстраивания новой реальности мира, включающей себя в качестве обязательного момента своего становления, возвращение в прошлое. Недаром Федоров весьма часто соотносит параметры своего социального этического и онтологического идеала с тем, что прошло, кончилось, исчезло, устарело, изменило свой лик в угоду преходящей константной стабильности настоящего. Именно с настоящим связан, по мнению Федорова, негативный опыт традиционной науки.¹ Именно в этот конкретный момент времени, в этом конкретном пространственном очаге действительности мира открывает себя ценностная внеположность объективной действительности, которая, исчезая и стираясь из человеческой памяти, оставляет в сознании субъекта лишь общее представление о себе, единую координату своего существования, по этой координате контекст прошлого затем спонтанно восстанавливается в настоящем и воспринимает себя в человеческом сознании как его неотъемлемая часть. Сознание и есть основное время местопребывания мира людей и предметов. Оно постоянно обращено в настоящее, то есть продиктовано той конкретной перцептивной формой, которая воспринимает мир как себя и делает мир причастным

¹Федоров Н.Ф. Философия общего дела собр. соч.м. Мысль 1982. – С 69.

своей абсолютной значимости, именно поэтому при детальном анализе федоровских текстов бросается в глаза тот малозаметный факт, что мыслитель восстанавливает не просто архетипические структуры прошлого в будущем, но и системы настоящего в своем здесь и сейчас бытии, осуществляя своеобразную перестановку во времени проективного и фактологического начал мировой истории. Именно так и понимает Федоров феномен прогресса². В федоровском изложении история события становится историей времени, настоящее воспринимающего становится настоящим воспринимаемого, то есть субъект не просто реконструирует время в своем сознании, но и живет во времени как в центральном событии своего собственного реагирования на внешний мир. Время для Федорова не расстояние между двумя конкретными точками, в которых предполагается осуществить некоторое действие, имеющее значение для всех будущих и прошедших поколений людей, а скорее физическое ощущение адекватности собственного восприятия этого события и его реального масштаба. Время в данной конкретной ситуации предметно и лишено таких константных характеристик как длительность или определенное отношение к исходному моменту, или исходной ситуации философского вопрошания, ведь момент находится в прошлом, а последнее заранее редуцировано и находится вне зоны воздействия проектирующего сознания, так как его предметная структура так или иначе сводится к внешнему впечатлению, то есть к целостности всех подобных моментов, которая по сути своей ирреальна, именно эта ирреальная целостность и носит название настоящего и является общим системным определением времени как такового. Время, таким образом, становится расстоянием между двумя реальными событиями, ограниченным или в сторону увеличения, и тогда речь идет о прошлом, либо в сторону уменьшения, и тогда подразумевается будущее. Если расстояние увеличивается, так называемое фиктивное настоящее получает больше возможностей для своего обозначения, осуществления, вовлечения в определенную систему человеческих отношений. Именно координаты фиктивного настоящего замещаются в федоровских произведениях либо координатами прошлого за счет увеличения расстояния, либо координатами будущего за счет его уменьшения. Метафизика прошлого и метафизика будущего образуют единство в феномене воскресения.³ Фиктивный мир настоящего для Федорова включает в себе парадигму своего собственного разрушения, однако в случае, если содержание его произведений рассматривать с позиций традиционной философии, для которой весьма большое значение имеет восприятие реальности как суммы составляющих ее элементов, можно прийти к абсолютно противоположным результатам. Система Федорова в этом случае будет выглядеть как восстановление прошлого и проектирование будущего в формате настоящего, однако языковая культура федоровских работ ясно свидетельствует не в пользу подобного понимания, так как маркеры настоящего у Федорова сведены к простому отрицанию актуального контекста содержания человеческой жизни. Именно поэтому де факто Николай Федорович отрицает не только наличные проявления технического прогресса, но саму по себе форму актуализации поступательного движения человеческой истории. Настоящее для него есть предметная материальность, которая должна быть снята, или говоря точнее, она подвергается уничтожению с течением времени, то есть на предметную среду оказывает воздействие нечто, обозначаемое понятием настоящего, именно здесь и сейчас область представлений человеческого сознания, благодаря наличию которой создается определенная перцептивная рамка как бы отступает на задний план, и человеку открывается мир вещей вне времени или время, лишенное определенности параметральными характеристиками предметов. Поскольку настоящее априори являет себя вне круга предметного наполнения, а прошлое и будущее оказываются лишь разнонаправленными формами утраты этого настоящего, как не антиципируемой среды своего развертывания, именно поэтому федоровские идеи воспринимаются как проекты. Между тем они проективны лишь в том единственном смысле, что их осуществление прямо не соотносится с вышеназванной перцептивной рамкой настоящего, то есть они не фрагментарны и поэтому неразложимы на элементарные составляющие, которые могут быть включены во время представления, то есть в ту его доминанту, благодаря интерлингвистической дос-

² Федоров Н.Ф. Философия общего дела собр. соч.м. – М.: Мысль, 1982. – С 84-85.

³ Там же. – С 88-89.

тупности которой возможно называние настоящего, благодаря чему создается или, точнее говоря, воссоздается закономерность, лежащая в основе единого архетипа времени, которая представляет собой классический случай нарушения или говоря точнее, ничтожения общепринятых схем взаимодействия понятия и предмета, или говоря по другому, редукции внешнепредметной основы понятийного содержания человеческой экзистенции. Когда у Федорова поднимается тема всеобщего воскресения, мыслителем сознательно подрывается фундаментальная когнитивная максима человеческого сознания, которая позволяет субъекту воспринимать мир как форму заданности ограниченного, но в ограниченности своей абсолютного единства настоящего, представление о котором, а точнее опытное знание которого, является исходным общезначимым кодом простой предметной субстанции бытия, облакаемой субъектом в образность времени и пространства. Смертность становится, если оставаться в пределах этой конкретной федоровской схемы, лишь формой трансформации реально эмпирического времени во время представления, то есть эффект, которого классическая идеалистическая философия достигает посредством абстрактного схематизирования параметров эмпирического мира, у Федорова образует безусловную форму человеческой экзистенции. Таким образом, смыкаются ее цель и смысл, начальная и конечная точки ее развертывания, исчезает обращаясь в нечто обязательная пауза между начальным и конечным моментами исследования образует его целостный метафонтекст, в котором помещаются конкретно эмпирическое время протекания исследования и абстрактно метафизическое время его осмысления.

Философию Федорова можно назвать своеобразным трансцендентным позитивизмом, так как исходная интенция федоровского философствования, связанная с прагматической стороной философии общего дела, автоматически включает в себя интеграцию теоретических и прикладных аспектов научного знания и знания чисто философского, то есть направленного в своем предельном проявлении на «сканирование» исходного статуса бытия, описание которого содержит в себе нормы функционирования предметного мира, дает тем самым возможность актуализации феномена знания как такового. Для традиционной философии любое действие является формой проектирования знания в среду действительного мира, который по определению является пригодной платформой для надлежащей экспозиции последнего. В подобном случае знание есть либо расшифровка некоторого кода, которая влечет за собой телеологически ориентированное переосмысление статуса наличных данностей эмпирического мира, тогда это связано с рядом объективных причин, уяснение подлинного космологического статуса которых неминуемо приводит субъект к постижению объективных закономерностей бытия, к выведению предельно простой формулы его, содержащейся в самой форме видимого мира, который предстает сознанию познающего субъекта зеркальным отражением изначально данного его сознанию универсального содержания онтокосмического Единого. Если представить себе суть всех активных познавательных действий подобным образом, то сразу же станет понятной и оправданной необходимостью функционирования любой метафизической философской системы идеалистического направления не только в качестве источника теоретических знаний о мире, но и в качестве своеобразной «гарантии» их практического осуществления. Пространство осуществления знания в таком случае *ante re* становится пространством потенциально достижимого знания уровня, известного системе и уже от-refлектированного ею и реализованного в рамках актуализации определенных базовых категорий, которые при синхронном наложении друг на друга в локусе вербально семантической целостности языка и мышления обозначают идеальный статус системы в качестве ее наличного состояния, тогда переход к этому статусу включающий в себя деструкцию различных концептуальных особенностей воздействующего здесь и сейчас на субъективное сознание комплекса представлений о реальном мире может быть потенциально бесконечным. В противном случае идеализация необходимо должна осуществляться другим путем, а именно как субъективно ориентированная перцептивная выборка определенной формы взаимодействия различных сегментов эмпирического мира. Тогда речь, как правило, идет о привнесенной извне человеческим сознанием системе, которая работает с уже известным ей эмпирическим содержанием, приводя последнее к его оптимальной форме исходя из наличия некоторых идеальных пропорций, встраиваемых в механизм осуществления реального действия осознающим аксиологическую целостность

данного механизма субъектом. Такова позитивная природа любого знания, ибо если оно осуществимо в принципе, что и подразумевается представителями любой официально признанной философской школы, то оно осуществляется либо как привнесенное субъектом извне, либо как содержащееся в природе объекта и экстерииоризованное и реализованное субъектом. В обеих системах начальная и конечная точки реализации и обналичивания отделены друг от друга тотальностью процесса ее развертывания, в ходе которого вне цикла действия остаются конкретно предметные аспекты субъективной перцепции объективного. Все процессы в подобном случае происходят в рамках трехчастной схемы опыта внешней трансформации системы, включающей в себя субъект, объект, а также внешнюю среду изменения объекта, то есть его качественные характеристики, объединяющие его и субъект в контексте одной системы или, другими словами, внутри развертывания единого бытийного цикла. При этом опосредованность целостной системой и есть ключевая характеристика любой операции, составляющая смысл и значение любого активного преобразования внешнего мира. Опосредованность эта неизбежно относится на счет объекта, как это имеет место в идеалистических системах, где субъект реализует объективно данную телеологическую установку с санкции самой системы, опознаванию значимости которой содействует подчас весьма сложная рефлексия, или за счет субъекта как это происходит в однозначно эмпириоцентричных системах, в первую очередь, позитивистского толка. Федоров как самостоятельный и во многом уникальный мыслитель стремится отказать от подобной схемы, выводя за скобки все параметры объектно-субъектного взаимодействия, которые не имеют отношения к опосредующей их, а в значительной степени и опосредуемой ими, общемировой онтологической данности или доминанте, которую мыслитель обозначает словом «космос».

Список литературы

1. Федоров Н.Ф. Философия общего дела собр. соч. – М., 1982.
2. Киселев А.А. Учение Н.Ф. Федорова в свете современности // Грани 1971 № 81 С 122-153.
3. Пазилова В.П. Критический анализ религиозно-философского учения Н.Ф. Федорова. – М., 1985.
4. Семенова С.Г. Этика «общего дела» Н.Ф. Федорова. – М.: Знание. сер. этика. № 7 1989.

PROBLEM OF TIME IN THE WORKS OF N. FEDOROV

O.JU. AKIMOV

*Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University*

*e-mail:
Aktula1@gmail.com*

The article analyzes the relationship between reality and language in the works of N. Fedorov. Fedorov examines the phenomenon of time as the future in the past. The language is the means of fixing such a time frame for Fedorov.

Key words: consciousness, world, time, subject, existence.

УДК 167.72

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ РОССИИ

И.И. АНИСИМОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

Вопрос об атеистическом воплощении религиозного идеала в истории России находится в тесной связи с эволюцией самого коммунистического учения, которое произошло на русской почве. В наше время советский период в истории России и сталинское наследие вызывает много дискуссий. Часто можно встретить утверждения о необходимости «изживания», «преодоления» наследия сталинизма, и с этим, нельзя не согласиться, в том плане, что ни человек, ни общество, ни государство не могут быть самоцелью. Исторический феномен сталинизма стал возможен именно вследствие склонности русского народа и других народов России к «идеальному», к поиску обоснования смысла человеческой жизни и существования государства. Поэтому «преодоление» наследия Сталина в этом отношении станет и «преодолением», то есть разрушением самой Исторической России.

Ключевые слова: И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, коммунизм, эволюция, традиция, Россия, социализм, религия, идеал, проект, глобализм, СССР, теократия, идея.

Вопрос об атеистическом воплощении религиозного идеала в истории России находится в тесной связи с эволюцией самого коммунистического учения, которое произошло на русской почве. С одной стороны, нельзя не отметить, что в период построения коммунизма в России государство, с одной стороны, оставило нравственный идеал в качестве основы своей идеологии, а с другой, – заменило его. Теперь роль Священного Писания стали выполнять труды теоретиков марксизма. Коммунистическая партия взяла на себя функции Церкви, которое она занимала в прежней, дореволюционной России. Правда к эпохе Российской империи это относится в гораздо меньшей степени, чем к периоду «допетровской Руси», когда, по мнению Д.М. Володихина знаменитая формула графа Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» стала попыткой «записать не прописываемое»¹.

Но все это относится к эпохе «сталинской России» и сталинского «варианта коммунизма», который в известной степени можно назвать «почвенническим». В то время как проект, противостоящий сталинскому, – идеи Ленина и Троцкого, пересекается с идеями современного глобализма. При этом сама по себе «почвенническая» традиция в русской политико-правовой мысли (или византийская традиция у К.Н. Леонтьева и отчасти у Л.А. Тихомирова, которая выступает основой «почвенничества» в условиях России), в традиционной парадигме мышления, «оправдывается» исключительно на основании религии и религиозного мировоззрения, когда и человек, и государство исполняют в своей жизни идеал христианства. В «сталинском проекте» «псевдорелигия» коммунизма служила многовековой Русской Традиции, то есть действовала вопреки своей сущности, а потому, и укрепление «Исторической России» при И.В. Сталине, хотя и достигнутое огромными жертвами, не могло продолжаться долго. Это был «дом, построенный на песке». Закономерным итогом «сталинского поворота» к русской традиции могло стать возрождение традиционной духовности России, – Православия, чего так и не произошло, – в значительной степени потому, что в «недрах» русского коммунизма жил другой – «глобалистский» «проект» Ленина и Троцкого, направленный, в конечном итоге, на разрушение нравственности, традиции, культуры, в процессе последовательного воплощения которого России отводилась роль источника человеческих и материальных ресурсов. В неопределенности выбора между двумя «мировоззренческими проектами» и прошла история послевоенной России.

¹ См: Традиция и русская цивилизация / Д.М. Володихин [и др.] . – М., 2006 .– 282 [2] с.

В известной степени выбор между традицией и глобализмом стоит перед страной и сейчас.

Так, Троцкий писал: «Марксизм исходит из мирового хозяйства, не как суммы национальных частей, а как могущественной самостоятельной реальности (курсив – А.И.), которая создается международным разделением труда и мировым рынком, властно господствующим в нынешнюю эпоху над национальными рынками... Социалистическое общество должно представлять собою в производственно-техническом отношении более высокую стадию по сравнению с капитализмом. Задаваться целью построения национально-замкнутого социалистического общества значило бы, несмотря на все временные успехи, тянуть производительные силы назад даже по сравнению с капитализмом»².

Он же говорил о «пролетарской интервенции» во имя построения коммунизма: «Робеспьер говорил, что народы не любят миссионеров со штыками. Он хотел этим сказать, что нельзя навязывать другим народам революционные идеи и учреждения при помощи военного насилия. Эта правильная мысль не означает, разумеется, недопустимости военной интервенции в других странах с целью содействия революции. Но такая интервенция, как часть революционной международной политики, должна быть понятна международному пролетариату, должна отвечать желаниям рабочих масс той страны, на территорию которой вступают революционные войска. Теория социализма в отдельной стране совершенно не годится, разумеется, для воспитания той активной международной солидарности, которая одна только может подготовить и оправдать вооруженное вмешательство»³.

С негодованием писал Троцкий и о стремлении укрепить в СССР семью: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», т.е. архаическое, затхлое и косное учреждение... Место семьи... должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания», – то есть «действительное освобождение от тысячелетних оков. Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семей остаются гнездами средневековья... Именно поэтому последовательные изменения постановки вопроса о семье в СССР наилучше характеризуют действительную природу советского общества... Назад к семейному очагу!.. Трудно измерить глазом размах отступления!.. Азбука коммунизма объявлена «левацким загибом»⁴.

Несколько слов стоит сказать и о т.н. «Оттепели» в истории России. Так, по мнению А. Приба, «задачей доклада Хрущева было вывести себя и свое... окружение из-под ответственности за преступления совершенные против русского народа после государственного переворота 1917 года, повесив всю вину на Сталина. А ведь при Ленине и Троцком, а не при Сталине только за 1917-1921 годы, годы Красного террора, бандой политических террористов в России было уничтожено без суда и следствия 28 епископов, 1219 священников, 6 тыс. профессоров и учителей, 9 тыс. врачей, 54 тыс. офицеров, 260 тыс. солдат, 70 тыс. полицейских, 12950 помещиков, 355250 интеллигентов, 193290 рабочих и 815 тыс. крестьян (т.е., всего около 1 миллион 777 тыс. чел.)»⁵.

И теперь, следует остановиться на истоках и воплощении «сталинского варианта» коммунизма. Русское государство до революции 1917 года можно назвать теократическим. По поводу термина «теократия» существует много подходов в научной литературе. И здесь нельзя не остановиться на мнении российского политолога А.С. Панарина. По его словам, понятие «теократия» «...не означает прямой политической власти клира (жречества). Она означает лишь, что политическая власть здесь ограничивается и контролируется духовной властью, но контролируется не в своих практических действиях, а в своих «помыслах» –

² Троцкий Л.Д. Две концепции. // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm277.htm> (дата обращения – 21.02.11).

³ Троцкий Л.Д. Еще и еще раз о природе СССР // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm482.htm> (дата обращения – 21.02.11).

⁴ Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm> (дата обращения – 21.02.11).

⁵ Приб А. Уничтожители России // URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/02/22/unichtozhiteli_rossii/?print=y (дата обращения – 23.02.11).

высших ценностных ориентациях»⁶. По выражению христианского писателя Ефрема Сирина «Бог создал человека свободным, почтив его умом и мудростью и положив пред очами его жизнь и смерть, так что если пожелает по свободе идти путем жизни, то будет жить вечно, если же по злему произволению пойдет путем смерти, то вечно будет мучиться»⁷.

Примером воплощения теократического идеала стала Византийская империя. И вот что писал, в частности, крупнейший русский византист Ф.И. Успенский по поводу сущности Византийского государства, описывая эпоху, когда в империи шла борьба между сторонниками и противниками почитания икон: «Если нужно было бы назвать в истории Византии наиболее рельефный период, которым резко характеризуется византизм и который дает тон всему дальнейшему историческому развитию, то, конечно, таким следовало бы признать именно период, начинающийся со Льва Исавра и продолжающийся до Василия Македонянина⁸. Иконоборческая эпоха задела за живое самые чувствительные струны человеческого существа; тогда люди боролись не за живот, а на смерть из-за отвлеченного принципа, живо интересуясь ходом религиозной борьбы и жертвуя для торжества идеи самыми дорогими интересами»⁹.

Как писал немецкий мыслитель А. Мёллер ванн де Брук: «Кто хочет выйти за рамки системы, тот должен понять ее психологию. Либерализм основывается на либеральном человеке, с которым мы и будем иметь дело...»¹⁰. И если затронуть вопрос о так называемом «человеке теократического мышления», как его называет Е.Н. Салыгин, – Homo teokratikus, то, к примеру, А.С. Панарин считал «теократичность» мышления неотъемлемой особенностью русского менталитета.

Однако, актуальным остается вопрос о сущности идей, которые находили свое выражение в работах теоретиков коммунизма. Вовсе не случайно А.Дж. Тойнби говорил о том, что марксизм представляет собой «псевдорелигиозную ересь». Интересно привести здесь и пример другого рода. Например, католический епископ Марсель Лефевр описывал случай, когда Робеспьеру однажды «...показалось, что его всецелие должно основываться на добротных теологических основаниях и что следует... устроить... Культ Верховного Существа... он произнес речь «о связи религиозных и моральных идей с республиканскими принципами...», которую Конвент постановил опубликовать». В связи с этим было устроено даже празднование¹¹. Таким образом, связь религиозного и атеистического и идеала выразилась довольно оригинальным способом, что, в свою очередь, подтверждает религиозные корни революционных учений, правда не в смысле «революционности» самой религии, а наоборот, революционный характер доктрин, отрицающих религию как раз и объясняется извращением ее принципов, – «ересь».

И здесь, в частности, нельзя не затронуть вопрос о том, что, собственно говоря, в некоторой степени «роднит» идеал христианства и идеал марксистской теории. Это выстраивание традиционной иерархии общества. Как в свое время говорил К.Н. Леонтьев, «форма – это деспотизм внутренней идеи». Он же говорил о социализме: «Теперь коммунисты (и пожалуй, социалисты) являются в виде самых крайних, до бунта и преступлений, в принципе неограниченных либералов... они, доводя либерально-эгалитарный принцип в лице своем до его крайности, обнажая, так сказать, его во всей наготу его, служат бессознательную службу реакционной организации будущего. И в этом, пожалуй, их косвенная польза... Я говорю только польза, а никак, конечно, не заслуга»¹².

⁶ Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиции : Учебник для вузов. – М., 2000, – С. 230.

⁷ Сокровищница духовной мудрости. Том 1. Издание Московской Духовной Академии и Введенской Оптиной Пустыни, – М., 2002. – С. 80.

⁸ Период между 717 годом – началом правления императора Льва III Исавра (717-741 гг.) и 867 годом – первым годом правления императора Василия I (867-886 гг.) – основателя новой, т.н. Македонской династии в истории Византийской империи (867-1056 гг.).

⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи в 5 т. Т. 2. – М., 2005. – С. 232.

¹⁰ Мёллер ванн де Брук. А. Миф о вечной империи и Третий Рейх. – М., 2009. – С. 180.

¹¹ Лефевр Марсель. Они предали Его. – СПб., 2007. – С. 73.

¹² Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Храм и церковь. – М., 2003. С. 477.

Так, по словам С. Алексева, «диктатура большевиков порвала с Традицией и принялась разрушать ее с жестокостью, не имевшей аналогов со времен Французской революции... Но осознав, что власть действительно находится у нее, партийно-государственная верхушка не захотела делиться ею с малопригодной к управлению массой... советский тоталитаризм перешел к конструированию, безо всякой опоры на Традицию, собственной иерархии... Удовлетворить природную тягу к традиции должны были уступки, сделанные ей Сталиным, – легализация религии, восстановление имперских институтов власти, «государственнические мотивы» в идеологии»¹³. Но опять-таки, стоит вспомнить «культ Высшего существа» у Робеспьера и становится ясно, что сталинские «формы» отличались от традиционных констант русской государственности: «Социально-политические опыты ближайшего грядущего (которые, по всем вероятностям, неотвратимы), – отмечал К.Н. Леонтьев, – будут, конечно, первым и важнейшим камнем преткновения для человеческого ума на ложном пути искания общего блага и гармонии.

Социализм (т.е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для некоторой части человечества. Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным... сами победители, как бы прочно и хорошо ни устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя. И это как дважды два четыре вот почему: эти будущие победители устроятся или свободнее, либеральнее нас, или, напротив того, законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже страшнее»¹⁴. Тем самым можно отметить, что коммунизм, как и любая идеология, отрицающая религию, рано или поздно возвращается к тем же самым «стеснительным формам», о которых говорил Леонтьев. По словам Е.Н. Салыгина, стоит выделить квазитеократический политический режим, к числу которых он относит, в том числе, и Советский союз: «Общность теократических и квазитеократических доктрин заключается в одинаковой логике их теоретического моделирования: в общих мыслительных структурах, закономерностях мышления и языке описания социальных идеалов.

Тожество мыслительных форм, лежащих в основании квазитеократических и теократических теорий, обусловлено их общей религиозно-мифологической подоплекой, а в некоторых случаях, производным характером первых доктрин от вторых. Теократические и квазитеократические учения выступают лишь разными проекциями одних и тех же религиозных мотивов и мифов. Неосознанно или сознательно основные компоненты религиозных и теократических доктрин были перенесены, а точнее трансформированы, в светские квазитеократические доктрины общественно – политического устройства. При подобной трансформации религиозное содержание выхолащивается, поэтому новые теории уже нельзя назвать собственно теократическими и более правильно именовать квазитеократическими»¹⁵.

Причем исследователь обращает внимание на аспект, который представляется нам немаловажным: «На логическом уровне теократические и квазитеократические представления схожи общими для них понятиями и связями, объединенными в *мессианскую, хилиастическую* и *эсхатологическую* идеи. Эсхатологизм (эсхатология – религиозное учение о конце света) теократической идеи выражается в мысли о том, что с построением теократического государства на земле воцарится рай и историческое развитие завершится единением человека с богом. Эсхатология квазитеократических доктрин выражается в представлениях о завершении человеческого развития после достижения обществом идеального, с точки зрения доктрины, состояния. Совершенное общество в таких доктринах, как и царство божье в теократических концепциях, – конечная цель истории. Далее человечество уже ничего не ждет, его судьба свершилась. Идентичными выглядят и пути достижения райского состояния. Для этого требуется кардинально изменить сложившийся уклад социальных отношений. Хилиазм (христианское учение о тысячелетнем правлении на земле Иисуса Христа), хотя и связан с христианством, тем не

¹³ Традиция и русская цивилизация. – М., 2006. – С. 98-99.

¹⁴ Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Леонтьев К.Н. Храм и церковь. – М., 2003. С. 404.

¹⁵ Салыгин Е.Н. Теократическое государство. М., 1999. – С. 28.

менее в видоизмененной форме присутствует и в нехристианских теократических доктринах»¹⁶.

Отправной точкой атеистического воплощения религиозного идеала стала идея автономности человека. Если христианство говорит об особом предназначении человека, которое определяется Божественным Замыслом, то мысль о человеческой автономии свидетельствует о его «разрыве» с Творцом. В христианстве связь человека с Богом очень прочна, так как человек подчиняется не какому-либо постороннему, чуждому началу, а источнику своего бытия. Святитель Игнатий Брянчанинов писал, что «имеющий духовную свободу нисколько не нуждается в гражданской: он в рабстве, в тюрьме, в окопах, в руках палача – свободен. Напротив того, лишенный духовной свободы, хотя бы пользовался гражданской свободой, хотя бы пользовался гражданским благоденствием, есть раб греха и страстей, есть узник и раб вечный»¹⁷.

В «Декларации о правах и достоинстве человека», принятой X Всемирным русским народным собором в 2006 году, отмечается: «Мы различаем две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора. Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло.

Права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Именно поэтому содержание прав человека не может быть не связано с нравственностью. Отрыв этих прав от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства не бывает»¹⁸.

В то же самое время атеистический идеал также не может обходиться без «суррогата» Божественного. Более того, в определенной степени его положения предписывают исполнение определенных заповедей, он точно также как и религиозный идеал, говорит о справедливости, истинном и ложном и т.д. Однако, при этом человек, с одной стороны, допускает возможность познания истины, основываясь только на своих силах, руководствуясь только своими представлениями. Но, с другой, человеку по прежнему требуется самоконтроль, который неизбежно ослабляется вследствие размывания нравственности в атеистическом обществе. Место самоконтроля, который получает свое воплощение в христианстве, в частности, – в чувстве греха, занимает самый жесткий контроль, как правило, со стороны государства, так как в любой религии необходимо два субъекта: Бог и человек.

Однако, марксистская теория в принципе не допускает возможности какой-либо религиозности, что наталкивает на мысль о том, что «выход на историческую сцену» атеистического воплощения религиозного идеала связан как раз с непоследовательностью ее воплощения, в частности в сталинскую эпоху в СССР.

Таким образом, можно согласиться со словами Л.А. Тихомирова, который отмечал: «В этом отношении наиболее замечательна теория экономического материализма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, явившаяся последним словом материалистической логики. Принимая исходным пунктом материалистическое понимание жизни, эта теория логически определяет, что жизнь человека и общества есть не что иное, как органический процесс, сущность которого состоит в обмене веществ с окружающей природой. Вся жизнь – физическая, умственная, психическая – составляет лишь орудие и последствие приспособления человека к природе в процессе обмена веществ. На почве того же приспособления развиваются семья, общество и государство... Личная этика, понятия о достоинстве человека, о том, что благородно и высоко, – все это строится так, как требует данный тип общества, являющийся, в свою очередь, созданием техники производства... человек теснейше связан с природой, но никакой религии здесь не может возникнуть, ибо ни человек, ни природа не сохраняют никаких атрибутов самостоятельного, разумного и ведущего субъекта, и человеческая общественная жизнь представляет собой простой

¹⁶ Салыгин Е.Н. Теократическое государство. М., 1999. – С. 29.

¹⁷ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Том II. М.: «Паломник». 2006. – С. 416.

¹⁸ Декларация о правах и достоинстве человека / Принята X Всемирным русским народным собором в 2006 г. // URL: <http://www.sedmitza.ru/text/443832.html>. (дата обращения – 12.12.10).

процесс развития органического вещества, совершающийся по законам физики, химии, космических влияний и т. д. Эта грубая философия, выбрасывающая из души три четверти ее содержания...»¹⁹.

Список литературы

1. Троцкий Л.Д. Две концепции. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm277.htm> (дата обращения – 21.02.11).
2. Троцкий Л.Д. Еще и еще раз о природе СССР [Электронный ресурс] // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm482.htm> (дата обращения – 21.02.11).
3. Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? [Электронный ресурс] // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm> (дата обращения – 21.02.11).
4. Приб А. Уничтожители России [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/02/22/unichtozhiteli_rossii/?print=y (дата обращения – 23.02.11).
5. Панарин А.С. Политология : Западная и восточная традиции : Учебник для учащихся вузов [Текст] / А.С. Панарин. – М. : Университет, 2000. – 318 [1] с.
6. Сокровищница духовной мудрости. Т. II. [Текст] / Издание Московской Духовной Академии и Введенской Оптиной Пустыни, 2003. – 567 с.
7. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. Период III (610-716 гг.). Иконоборческий период (717-867 гг.) [Текст] / Ф.И. Успенский. – М. : Астрель, 2005. – 624 с.
8. Мёллер ванн де Брук. Миф о вечной империи и Третий рейх : [пер. с нем.] [Текст] / Артур Меллер ван ден Брук, Андрей Васильченко. – М. : Вече, 2009. – 366 с.
9. Лефевр Марсель Они предали Его. От либерализма к отступничеству = Ils l'ont decouronne. Du liberalisme a l'apostasie [Текст] / Марсель Лефевр (архиепископ) ; пер. с фр. М. Заслонов. – СПб. : Владимир Даль, 2007. – 348 [1] с.
10. Леонтьев К.Н. Храм и Церковь [Текст] / К.Н. Леонтьев. – М. : АСТ, 2003. – 636 с.
11. Традиция и русская цивилизация [Текст] / Д.М. Володихин [и др.] . – М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2006. – 282 [2] с.
12. Леонтьев К.Н. Храм и Церковь [Текст] / К.Н. Леонтьев. – М. : АСТ, 2003. – 636 с.
13. Салыгин Е.Н. Теократическое государство [Текст] / Центр конституционных исследований Моск. Общ-ва Науч. Фонда. – М., 1999. – 127 с.
14. Салыгин Е.Н. Теократическое государство [Текст] / Центр конституционных исследований Моск. Общ-ва Науч. Фонда. – М., 1999. – 127 с.
15. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Том II. [Текст]. М.: «Паломник», 2006. – 674 с.
16. Декларация о правах и достоинстве человека [Электронный ресурс] / Принята X Всемирным русским народным собором в 2006 г. // URL: <http://www.sedmitza.ru/text/443832.html>. (дата обращения – 12.12.10).
17. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории [Текст] / Вступ. ст. М. Б. Смолин – М. : Москва, 1998. – 587,[2] с.

EVOLUTION OF COMMUNIST IDEOLOGY IN RUSSIA

The question of the atheistic incarnation of religion ideal in Russian history stands in close relation with evolution of communist doctrine, which happened on the Russian condition. Nowadays the Soviet period in the Russian history and Stalin's patrimony make many debates. You can often find many approvals about necessity of «overcoming» of Stalin's patrimony, so we must agree neither a man and society nor state can't be the end of itself. The historical phenomenon of Stalinism can be possible as a result of propensity for «perfect world», for search of the explanation of the meaning of humanity's living and existence of the state. That's why the destruction of Stalin's patrimony in this connection becomes the «overcoming», that is the destruction of the Historical Russia itself.

I.I. ANISIMOV

*Belgorod National
Research
University*

Key words: I.V. Stalin, L.D. Trotsky, communism, evolution, tradition, Russia, socialism, religion, ideal project, globalism, the USSR, a theocracy, an idea.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. – М., 2007. – С. 524-525.

УДК 130.2

СОБЫТИЕ И ДИСКУРС: К АНТРОПОЛОГИИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

О.С. БОРИСОВА¹⁾
С.Н. БОРИСОВ²⁾

*¹⁾Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*²⁾Белгородский государственный
институт культуры
и искусств*

e-mail:SBorisov@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу антропологического содержания репрезентации русских революций начала XX века в советском кинематографе 20-30-х гг. XX века.

Ключевые слова: революция, кинематограф, репрезентация, событие, дискурс.

Прежде всего, отметим ряд положений, являющихся ключевыми для понимания проблемы соотношения события и дискурса:

1. общим основанием, которое позволяет свести дискурс о революции к «общему знаменателю» и конкретизировать концепт «революция» является концепт «событие». Революция-Событие есть противоречивое единство субъективного и объективного, частного и общественного, феноменального и дискурсного. Событие дает начало *человеку-субъекту* посредством следования некоему экзистенциальному императиву, который внеположен ситуациям обыденности или ситуациям динамичности, задаваемых коллективом-субъектом;

2. *событие репрезентации* как знаково-символическая реальность связано с революцией-событием процедурой «верности» (А. Бадью), и основано на возможности знака презентировать не наличную реальность, но иное, которое может быть отождествлено с событием. В столкновении субъективного и объективного, пространстве-времени пересечения зрителя и автора, персонажа и объектов, камеры и реальности, возникает специфическое *аудиовизуальное пространство кинодискурса* как специфической образно-нарративной смыслопорождающей коммуникативной деятельности, индуцированной культурной ментальностью и идеологией той или иной эпохи-события и выраженной в образах, текстах, контекстах, концептах и знаково-символических формах.

Революция как событие определяет разрыв культурных традиций (социальных, политических, ментальных и иных), воспроизводит ситуацию «обнуления субъекта», вторичного конструирования «естественного человека», нарушает не только вертикальную политическую иерархию, но и горизонтальные, онтологические субъект/объектные отношения, что и репрезентируется в кинодискурсе 20-х годов. Революция, понимаемая как событие, разрыв устоявшихся логик воспроизводства (социальных, политических, ментальных и иных) предоставляет человека «самому себе». Как правило, антропологическое измерение этого феномена трактуется как «обнуление» традиции или откат назад на уровне системы. Однако можно предположить, что это происходит не сразу. Откату и упрощению предшествует автономизация субъекта. Поскольку событие есть разрыв, и он интериоризируется на уровне конкретного субъекта, то сам разрыв следует понимать как разрыв в наследовании ценностей, идей, представлений. Хаотизацию субъекта и его деидентификацию с какой-либо традицией. Происходит то, что можно назвать расщеплением идентичности.

Если вернуться к онтологическому измерению, то человек остается «один на один» с Бытием, событием – множественностью открытым для изменения. Говоря языком синергетики, революция есть точка бифуркации, в том числе, и на уровне конкретного субъекта.

Отсюда начинается «обнуление» субъекта, которое с полным правом отождествимо с «естественностью». Под ней следует понимать своеобразную «точку отсчета», исходный уровень переформатирования субъективации. Это уже не хаос, но начало нового, хаосмос. Однозначно идентифицировать «естественность» довольно сложно, поскольку она вязана с субъективным переживанием возврата к истоку или крушения традиционных представлений. Однако анализ кинематографического материала позволяет ее довольно четко определить, поскольку этот уровень «ноль» на уровне репрезентации маркируется символически. Дети или детство, природная стихия или причастность к ней указывают на «естественного субъекта».

Так в «Кино-глазе» Д. Вертова среди объектов кинематографического революционного «наступления» в большинстве случаев мы находим детей. «Деревенские» и «городские» пионеры изображаются крупным планом и их репрезентации занимают большую часть картины. Нередко их изображение совмещено с показом природы (например, идущий отряд деревенских пионеров и поток воды во втором ролике фильма). Топологии образов детей в «Кино-глазе» локализует их преимущественно вне города или деревни, которые, в свою очередь маркированы как пространство борьбы (революционной борьбы за новый мир).

Например, деревенские пионеры расклеивают агитационные листовки на стенах крестьянских изб, а городские на стенах домов. Титрами «Звено «революция» обследует рынок» сопровождается «революционный» поход пионеров на городской рынок с целью помощи кооперативу. Именно на рынке возникает одна из оппозиций «старого» и «нового» человека: взрослых и детей.

Сам же кооператив как локализация «нового мира» превращается в место поистине сакральное, поскольку именно там осуществляется «воскрешение» и обращение времени вспять (сюжет с оживлением быка и его возвращением на пастбище, которое пастет пионер Латышев). В этот момент впервые в фильме заявляет о себе (презентирует себя) «странный» субъект – сам «Кино-глаз». Это не визуализируемая инстанция взгляда, которая преимущественно и явно посредством титров, а неявно как единственно возможная оптика устанавливает правила и границы репрезентации. Фраза «Кино-глаз отодвигает время назад» выявляет его функциональность. «Кино-глаз» властвует над временем (время вспять) и жизнью (воскрешение животного). Но также творит «новый мир», сам являясь «естественным» субъектом-репрезентацией, поскольку «возвращает» (животное в естественную среду) и «воз-рождает» (время идет назад, но также осуществляет «прыжок» в будущее, символизируемое пионером Латышевым).

Место локализации «новых людей» – пионеров также примечательно. Лагерь пионеров (наиболее очевидно в ролике «Утро в лагере пионеров») занимает срединное место между городом и деревней. Это своеобразное погружение в природу и возвращение к ней, а взятое в своей мифологической ипостаси «граница», ничейная территория, равно отстоящая от «старого мира» города и деревни. Часть под названием «Кино-глаз рассказывает как был открыт и построен этот лагерь» повествует об освоении этой территории где труд выступает как инструмент ее непосредственного и символического включения в пространство события революции.

Труд у Вертова выступает первым средством территориализации революции, наравне со вторым – пропагандой. Труд это основание или само-основание «естественного субъекта», его деятельность, которую с полным правом можно назвать демиургической. Безусловно, в репрезентации труда мы можем усматривать и идеологический контекст, однако претензия «Кино-глаза» на отражение непосредственной жизни, как она есть, дает нам право толковать труд непосредственно. Труд лежит в основании «нового человека», революция как событие разворачивается в труде, что усиливается образами крестьянки и работницы, присутствующих на открытии лагеря и в определенном смысле легитимизирующими и субъекта и революцию как основополагающая инстанция – народ.

Наше отождествление пионеров с «естественным субъектом» доказано его топикой, а использование образа «новый человек» следует рассматривать также как самоназвание, поскольку «Кино-глаз» показывает нам лозунг на одной из палаток лагеря: «Мы пионеры – новые люди...». Однако, как мы уже сказали, это один из репрезентируемых субъектов, вторым является сам «Кино-глаз» и действуют они различно. Если первый

связан с репрезентацией труда и борьбы (агитации), что непосредственно устанавливает связь с революцией как деятельностью эмпирического субъекта; то второй очевидным образом указывает нам на суть революционной субъектности (экзистенциальный субъект), кроющейся в демиургичности. Так в ролике «Кино-глаз о китайце фокуснике» он снова обращает время вспять «по желанию пионера» (дословно «Кино-глаз продолжает мысль пионера»). Хлеб «реверсирует» в тесто, затем в муку, зерно и рожь. Снова мы видим возврат к естественности (назад из города в деревню и поле) и актуализации демиургичности «естественного субъекта». Он как бы отменяет ложный (фокусник – фокус – обман) «старый» мир и заменяет его «новым», связанным или преобразенным трудом. Кино-глаз же разворачивает это действие на наших глазах, предъявляет, репрезентирует событие революции.

Событийность кроется в открытии «нового человека» Кино-глазом. «Естественность» зрения подчеркивает грань между старым и новым, но не в форме истории (повествования), а в форме события, здесь и сейчас видимого.

«Естественный субъект» своей непосредственной деятельностью прочерчивает границу, отменяет старое и учреждает новое – революцию. Тем самым мы приходим в ряду оппозиций, которые выстраиваются в фильме. Отметим основные, к которым отнесем:

«Новый» человек – «старый» человек, «Новый» мир – «старый» мир, город – деревня, работа – развлечение (праздность). Эти оппозиции персонифицированы и «новый» человек есть пионер или ребенок. «Старый» – взрослый, беспризорник, воришка. «Старый» мир это рынок, город и деревня взятые вне их соотносительности с трудом. «Новый» мир – поле, любое место присутствия естественного субъекта как человека труда. Соответственно «старый» мир и город в частности изображается в его связи с болезнью (сюжеты о сумасшедшем доме) и смертью (смерть сторожа от удущья); а «новому» при- сущее здоровье (завершающие сюжеты о больнице).

С целью выявления «механики» удвоения «естественного субъекта» обратимся к исследованию «Отрицательная революция» в которой А. Магун прослеживает процессы революционной субъектности на примере Великой Французской буржуазной революции и ее репрезентации, когда народ, бедняки, массы воспринимались как «естественный» и даже «природный» объект с чего начиналось их «просвещение» и «возвышение» до политического субъекта: «Революция предлагает обществу двойную детерминацию человека: он выступает, во-первых, как квазиприродный объект, который темен в своей внеположности, а во-вторых, – как темный в своей интериорности субъект, недоуменно взирающий на непостижимый объект. Таким образом, отношение между субъектом и объектом перестает быть односторонним и иерархичным: на его место приходит идентификация субъекта знания с его объектом. Посредством этой идентификации субъект знания и власти приобретает возможность бросить взгляд на самого себя. Этот переворот и релятивизация иерархии «субъект/объект», совершающиеся в ходе политической революции, аналогичны коперниканской революции...»¹.

Тем самым событие в своей замкнутости и ограниченности сталкивает субъекта с самим собой как объектом и субъектом и в этом суть описываемого нами удвоения «естественного субъекта». Здесь усматривается не только логика самого события как разрыва и «обнуления» на уровне конкретного человека до уровня естественности, равно как и системного отката социокультурной системы к своим более упрощенным формам, но также динамика субъектности в ее самодвижении идентификации от объекта к субъекту. Иначе говоря, человек, будучи включенным в сложившуюся систему общественных отношений, не обладает возможностью авторефлексивности. «Запросы» выстраиваемой идентичности дают ответы, санкционируемые традицией и генерируемые институциональными дискурсами. Революция нарушает иерархию субъект/объектных отношений. Человек как объект власти-знания (термин М. Фуко) в ходе усвоения, интериоризации знания становится субъектом. Однако его «понятность» и пронизуемость властными практиками в событии революции дает сбой и человек сталкивается с самим собой, что есть автономность и естественность. Подобное, только на уровне события-репрезентации проделывал Д. Вертов в своем экспериментальном кино и художественно-эстетическом проекте «кино-глаза», в котором герои картины были ее же авторами, соединяя в себе объект и субъект,

¹ Магун А. Отрицательная революция. СПб., 2008. – С.132.

субъекта действующего и субъекта воспринимающего/переживающего, героя картины и зрителя.

Субъект и объект в их неразличимости Вертов пропагандирует в манифесте «Мы», уравнивая «нового человека» революции и машину: «Стыдно перед машинами за неумение людей держать себя, но что же делать, когда безошибочные манеры электричества волнуют нас больше, чем беспорядочная спешка активных и разлагающая вялость пассивных людей.

Нам радость пляшущих пил на лесопилке понятнее и ближе радости человеческих танцулек,

Мы исключаем временно человека как объект кино съемки за его неумение руководить своими движениями.

Наш путь – от ковыряющегося гражданина через поэзию машины к совершенному электрическому человеку.

Вскрывая души машин, влюбляя рабочего в станок, влюбляя крестьянина в трактор, машиниста в паровоз, мы вносим творческую радость в каждый механический труд, мы родним людей с машинами, мы воспитываем новых людей, Но вый человек, освобожденный от грузности и неуклюжести, с точными и легкими движениями машины, будет благодарным объектом кино съемки»². Здесь Вертов смешивает субъектность человека и его «объектность». Человек как объект кино съемки, не подходит для революции, поскольку восходит к субъекту, чувственности, индивидуальности. Радикализм Вертова в «обнулении» человека до орудия труда, предмета, станка, трактора и прочего. Своей деятельностью он творил революцию, создавая событие-репрезентацию революции на антропологическом уровне, «сталкивая» субъект и объект в восприятии.

Ту же установку, но в несколько другом ракурсе мы находим в его «Киноглазе». В своей заметке «О фильме «Киноглаз»», Вертов довольно четко определяет свою позицию, которая не лишена антропологического смысла: «Все действующие лица продолжают делать в жизни то, что они делают обычно.

Настоящая картина представляет собой атаку киноаппаратами нашей действительности и подготавливает на фоне классовых и бытовых противоречий тему всеобщего труда. Вскрывая происхождение вещей и хлеба, киноаппарат дает возможность каждому трудящемуся наглядно убедиться, что все вещи делает он сам, трудящийся, а следовательно, они ему и принадлежат»³. «Атака киноаппаратов» здесь принципиальная установка по объективизации или десубъективизации стоящего за аппаратом. Помимо этого тот факт, что акцент в первом же предложении сделан на фиксации обыденной жизни говорит в пользу нашего тезиса.

Очевидно, что по мысли Вертова главным объектом является труд и вещи, возникающие как его результат, то есть, процесс «естественный». Ему соответствуют такие же «естественные» люди.

Вместе с тем, наше утверждение о репрезентации Вертовым революции в «Киноглазе», требует пояснения (тем более что в его творчестве есть другие картины, более близкие тематически и хронологически). «Киноглаз» следует трактовать как «атаку киноаппарата» на революционную действительность, фиксацию события революции в его непосредственности, о чем говорит сам Вертов: «Раздевая флиртующую буржуйку и заплывшего жиром буржуа и возвращая еду и вещи сделавшим их рабочим и крестьянам, мы даем возможность миллионам трудящихся увидеть правду и усомниться в надобности одевать и кормить касту паразитов»⁴. Этот фильм есть своеобразный «нулевой» уровень репрезентации революции как события, в котором осуществляется сложный процесс удвоения субъекта, характеризуемого как естественного и демиургического⁵.

² Вертов Д. Вариант манифеста «Мы» URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.08.2011)

³ Вертов Д. О фильме «Киноглаз» URL : http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.08.2011)

⁴ Там же.

⁵ Однако, трактовка естественного субъекта как демиурга у Вертова не означает, что он несет и героические черты. Скорее он связан с разграничением и утверждением революции как события. Если он и является героем, то тем, который творит реальность-универсум, а не историю.

Сутью удвоения является столкновение субъекта в событии революции как объекта и субъекта, что схоже с марксовым описанием отчуждения у Гегеля, где: «... противоположность между в-себе и для-себя, между сознанием и самосознанием, между объектом и субъектом, т.е. противоположность между абстрактным мышлением и чувственной действительностью...»⁶. Подобное мы встречаем и в работах С. Эйзенштейна, особенно раннего периода, периода 20-х годов. Это время обоснования его теории «монтажа аттракционов», которое, на наш взгляд, отражает «дух» времени и концепцию «естественного субъекта». Несколько позже возникнет идея «интеллектуального кино» с приматом идеологии над образом.

Интересующую же нас тенденцию отражает фильм «Броненосец Потемкин», в котором событие (восстание на броненосце), разворачивается в киносюжет (жанр хроники), историю, но историю не составляющую повествование, а скорее цепь сингулярных образов, образ-движений (Ж. Делез). Образы в их совокупности образуют событие-репрезентацию в его замкнутости и цельности.

Реальность сливается с идеей, образуя событие-репрезентацию революции. Однако в картине существует и идеологическая составляющая, которая декларируется самим автором и должна учитываться в анализе: «Что же касается моей точки зрения на кино вообще, то я должен признаться, что требую идейной направленности и определенной тенденции. На мой взгляд, не представляя ясно – «зачем», нельзя начинать работу над фильмом. Нельзя ничего создать, не зная, какими конкретными чувствами и страстями хочешь «спекулировать»... Мы подстегиваем страсти зрителя, но мы также должны иметь для них и клапан, громоотвод, этот громоотвод – «тенденция». Отказ от направленности, рассеивание энергии я считаю величайшим преступлением нашей эпохи. Кроме того, направленность, мне кажется, таит в себе большие художественные возможности, хотя она может быть и не всегда такой острой, осознанно политической, как в «Броненосце»...

Надо поднять голову и учиться чувствовать себя людьми, нужно быть человеком стать человеком – ни большего и ни меньшего требует направленность этого фильма⁷. Указанная «направленность» фильма есть идейная позиция автора и на уровне типического антропологии революции ее можно трактовать как трансформацию «естественного» субъекта в субъекта «политического».

Вместе с тем, событийность (равно как и репрезентация «естественности» субъекта) в фильме сохраняется, но реализуется несколько иначе, чем в «Кино-глазе» Вертова. Эйзенштейн доказывает, что событие репрезентирует себя не только в столкновении камеры и непосредственно жизни, но и на уровне монтажа и реальности. Где монтаж – идея, продолжение идеи революции (события) в голове режиссера и она репрезентирует событие революции и ре-конструирует его, буквально воскрешает в памяти, что является одной из задач фильма: «И вместе с тем любопытно вспомнить сейчас, что этот исторический эпизод как-то был в забвении: где бы и когда бы мы ни говорили о восстании в Черноморском флоте, нам сейчас же начинали рассказывать о лейтенанте Шмидте, об «Очакове». «Потемкинское» восстание как-то более изгладилось из памяти. Его помнили хуже. О нем говорили меньше. Тем более важно было поднять его заново, приковать к нему внимание, напомнить об этом эпизоде, вобравшем в себя столько поучительных элементов техники революционного восстания, столь типичного для эпохи «генеральной репетиции Октября»⁸.

На уровне монтажа это взаимопереход обыденной жизни в восстание, когда революция подобно стихии захватывает людей, низводя до уровня рефлексов и простых эмоций (так гнев молодого матроса на ударившего его боцмана в первой части «Люди и черви» переходит в массовое недовольство матросов отношением офицеров к еде). Сам Эй-

⁶ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. Т.42., М., 1974. С.157.

⁷ Сергей Эйзенштейн. С.Эйзенштейн о С.Эйзенштейне, режиссере кинофильма «Броненосец Потемкин»/ URL : http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_zejzenshtejn.txt (дата обращения: 22.08.2011)

⁸ Сергей Эйзенштейн. Броненосец «Потемкин», 1925. С экрана в жизнь URL : http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_bronenosec.txt (дата обращения: 22.08.2011)

зенштейн задает такой режим интерпретации фразой в начале фильма: «Дух революции носился над русской землей... Личность, едва успев осознать себя, растворялась в массе, масса растворялась в порыве». Столкновение противоречий в их различных ипостасях, как то матросы – офицеры, матросы – поп, корабль – город и прочее, находят разрешение в кульминации: столкновении двух реальностей (революции и «старого мира»), разграничивает которые «естественный» коллективный субъект, субъект-масса, которая сама осознает себя. Этот коллективный субъект революции (масса) последовательно возрастает в сюжете фильма в стыках полярных частей и образов; репрезентирующих противоречия и несовместимость двух реальностей, «старого» и «нового» мира и человека, из которых вырастает «политический» субъект (победа идеи единства, братства матросов и горожан как пример), вырастает из субъекта «естественного» (начиналось все с реакции на пропавшую еду в первой части фильма).

Сравнивая особенности репрезентации революции у Вертова и Эйзенштейна в аспекте соотносительности реальности и образа, жизни и идеи, можно выделить две характерные схемы, на которые указывает С.И. Фрейлих, говоря о творчестве Эйзенштейна: «Левовская концепция ликвидации образа материалом и документом обернулась созданием образа материалом и документом. Здесь Вертову соответствует первая схема движения реальности в образ, когда действие революции, событие переходит в событие-репрезентацию, то есть образ (что подтверждается самой концепцией Киноков). Соответственно, репрезентация не содержит в себе педагогической интенции, поскольку «естественный» субъект революции так же естественно входит в образ и становится им. У Эйзенштейна эта схема переворачивается и репрезентацию можно трактовать как ре-презентацию/воскрешение революции в событии-репрезентации. Он идет от документа к образу. Революционный субъект здесь конструируется (что явно в педагогической и этической направленности «Броненосца Потемкина») средствами монтажа, актерской игры, особенностями построения сюжета. Здесь событию-репрезентации предшествует не само событие в его непосредственности (здесь и сейчас как жизни), а «след» события в его идеальности, «верность событию» (в терминологии Бадью).

Таким образом, революция как событие есть разрыв устоявшихся логик воспроизводства (социальных, политических, ментальных и иных) предоставляет человека «самому себе». Так Вертов в своей работе «Кино-глаз» смешивает «субъектность» человека и его «объектность». Он «обнуляет» человека до орудия труда, предмета, станка или трактора, создавая событие-репрезентацию революции на уровне непосредственности, когда революцией оказывается сама жизнь. Событийность кроется в открытии «нового человека» Кино-глазом. «Естественность» зрения подчеркивает грань между старым и новым, но не в форме истории (повествования), а в форме события, здесь и сейчас видимого. «Естественный субъект» своей непосредственной деятельностью прочерчивает границу, отменяет старое и учреждает новое – революцию.

У С. Эйзенштейна событие революции репрезентирует себя не столько в столкновении камеры и жизни, сколько на уровне монтажа и реальности. Монтажа как идеи революции, которая репрезентирует, ре-конструирует себя в памяти и образе. На примере фильма «Броненосец Потемкин» мы можем увидеть взаимопереход обыденной жизни в восстание, когда революция подобно стихии захватывает людей, низводя до уровня рефлексов и простых эмоций. Столкновение противоречий находят разрешение в столкновении двух реальностей (революции и «старого мира»), разграничивает которые «естественный» коллективный субъект, субъект-масса.

Список литературы

1. Вертов Д. Вариант манифеста «Мы» URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.08.2011)
2. Вертов Д. О фильме «Киноглаз» URL : http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.08.2011)
3. Магун А. Отрицательная революция. СПб., 2008
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. Т.42., М., 1974.

5. Сергей Эйзенштейн. Броненосец «Потемкин», 1925. С экрана в жизнь URL : http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_bronenossec.txt (дата обращения: 22.08.2011)

6. Сергей Эйзенштейн. С.Эйзенштейн о С.Эйзенштейне, режиссере кинофильма «Броненосец Потемкин»/ URL : http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_eyzenshtejn.txt (дата обращения: 22.08.2011)

EVENT AND DISCOURSE: TO ANTHROPOLOGY OF RUSSIAN REVOLUTIONS IN THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

O.S. BORISOVA¹⁾
S.N. BORISOV²⁾

*¹⁾Belgorod National
Research University*

*²⁾Belgorod State Institute
of Culture and Arts*

e-mail:SBorisov@bsu.edu.ru

The article discusses the anthropological aspect of representation of Russian revolutions of the beginning of the Xxth century in the Soviet cinema of 20-30^s of the XXth century.

Key words: revolution, cinema, event, discourse.

УДК 2-426

ЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ Н.О. ЛОССКОГО И С.Л. ФРАНКА (ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ)

Г.В. ВАЛЕЕВА*Тульский государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail:
Aktulax@gmail.com*

Статья посвящена изучению проблемы теодицеи в русской религиозной философии конца XIX – начала XXвв на материалах трудов Н.О. Лосского и С.Л. Франка. В статье рассматриваются категории «добро» и «зло», смысл и бессмысленность мира, Абсолют, проблема свободы выбора. Большое внимание уделяется антиномичности мира, который существует в двух противоположных, но в то же время неразрывных планах. Главной антиномией теодицеи является вопрос о существовании зла в обществе, о мере ответственности за зло человека и способах его преодоления.

Ключевые слова: теодицея, добро и зло, мировое зло, оправдание бога, грех, свобода, свобода выбора.

Проблема теодицеи (от греч. *theos* – Бог и *dike* – справедливость) – оправдание Бога¹, это попытка примирить существование зла и несовершенства в мире с благостью, премудростью, всемогуществом и правосудием Творца. В теодицее сконцентрированы узловые вопросы человеческого бытия и его взаимоотношения с миром – вопросы добра и зла, страдания, искушения, свободы личности, соотношения смысла жизни отдельного человека со смыслом бытия мира, меры ответственности человека и Бога за существующее зло и многие другие. При этом дополнительную сложность проблеме придает то, что каждое из данных понятий является предельно общим обозначением фундаментальных явлений и характеристик бытия и имеет разнообразные оттенки в толковании.

В русской религиозно-философской мысли конца XIX начала XXвв термин «теодицея» обозначал религиозно-философские учения, стремящиеся согласовать идеи благого и разумного божественного управления миром с наличием мирового зла, и оправдать это управление вопреки существованию темных сторон бытия.

«Религиозная философия предполагает соединение теоретического и практического разума, достижение целостности в познании. Это есть познание совокупностью духовных сил, а не одним разумом. Русская религиозная философия особенно настаивает на том, что философское познание есть познание целостным духом, в котором разум соединяется с волей и чувством, и в котором нет рационалистической рассеченности».² Поэтому, опыт теодицеи русских религиозных философов, опирающихся на конкретные исторические условия – это опыт постижения зла в совершенно конкретном обществе, с одной стороны. С другой стороны, представление о теодицеи – это пример глубокого философского обобщения перспектив развития человечества в контексте противостояния явлений добра и зла. А категории, составляющие теодицею, несут в себе не только общечеловеческие смысловые оттенки, но и отражают национальный менталитет.

Проблема теодицеи, явления добра и зла в мире, страдания человека, искупления вины и наказания волновали величайших мыслителей с древних времен. Особенный интерес проявлялся в периоды общественных кризисов и катаклизмов. Свидетельство тому,

¹ Термин «теодицея» – «оправдание Бога» – введен Г.В. Лейбницем (1646–1716) в трактате «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» (1710), где философ предпринимает попытку согласовать «идею благого и разумного управления миром с наличием мирового зла» и доказать с помощью различных логических построений, что существующий мир является наилучшим из всех возможных миров.

² Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX – н. XX в. Судьба России. – М., 1997. – С. 183.

основные вехи осмысления проблемы в истории философии и, в частности, усиленное внимание религиозных философов конца XIX начала XX века. Результатом этого явилось значительное количество философских трудов, посвященных данной проблеме: Бердяев Н.А. «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого», «О назначении человека», «Из размышлений о теодицее», «О свободе и теодицее»; Лосский Н.О «Условия абсолютного добра», «Бог и мировое зло. Опыт теодицеи»; Соловьев В.С. «Оправдание добра: нравственная философия»; Трубецкой Е.Н. «Смысл жизни»; Франк С.Л. «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии», «С нами Бог. Три размышления», «Смысл жизни»; Флоренский П.А. «Столп и утверждение православной истины. Опыт православной теодицеи»; Ильин И.А. «О сопротивлении злу силой».

Главным предметом исследования проблемы теодицеи являются такие ключевые понятия как: добро и зло, справедливость и наказание, грех и добродетель, смысл и бессмысленность человеческой жизни, мира, страдание и искупление, смерть и бессмертие, свобода и ответственность. Мыслители определяют содержание этих понятий, выявляют диалектическую связь между ними, обозначают центральные вопросы теодицеи. Каждый из философов представляет свое видение проблемы, выстраивает свою теодицею.

Н. О. Лосский является одним из русских религиозных философов, кто имел опыт христианской теодицеи. С точки зрения мыслителя, религиозно-философское учение о теодицее возникает и развивается в основном в пределах христианского миропонимания (или в предхристианских философских исканиях, например, в сочинениях Плотина, который дал подробнейшую для древнего мира теодицею). Но в основном теодицея – это проблема христианина, проблема человека с разбуженной совестью. И потому, чем более проникается человек христианским миропониманием, тем настоятельнее встает вопрос, как мог всемогущий и всеблагой Бог сотворить наш мир, столь глубоко пронизанный всевозможными видами зла. Чем с большей полнотой христианство охватывает весь состав личности, тем требовательней человек вопрошает Бога: Откуда зло?

Мир не совершенен. То царство бытия, в котором мы живем, пронизано всевозможными видами несовершенства. Стоит упомянуть распространенные среди людей гордость, зависть, тщеславие, обидчивое себялюбие, пьянство, лень. Вспомним душевные и телесные недостатки, с которыми рождаются иногда люди, – слабоумие, различные уродства. Всевозможные болезни подстерегают нас на каждом шагу и, в конце концов, все мы без исключения обречены смерти. Социальная жизнь человечества несет с собою другие не менее тяжелые бедствия: войны, революции, бунты, сословную или классовую вражду, эксплуатацию низших сословий или классов высшими. Царство животных и даже растений полно таких явлений, как пожирание одних существ другими и различные виды борьбы за выживание. Мало того, природа в целом заключает в себе много проявлений дисгармонии, неустроенности, дикого хаоса: землетрясения, вулканические извержения, грозы и возникающие от них лесные и степные пожары, ураганы и т.п.

Многие, наблюдая перечисленные виды зла и несовершенство мира, приходят к убеждению, что мир не сотворен Богом, что Бога вовсе нет. Или же если Бог и существует, то Он не Всемогущ, не Всеблаг, не Всеведущ.

Христианин, любящий Бога и потому обладающий религиозным опытом, твердо знает, что Бог существует. И что вина за несовершенство мира лежит вовсе не на Боге и не на мире, Им сотворенном, а только и исключительно на человеке. Делая человека ответственным, христианство признает тем самым его свободу. «Человек – существо свободное; ничто не вынуждает его совершать дурные поступки; если человек отклоняется от пути добра и вступает на путь зла, он страдает и не имеет права сваливать вину на других, на среду или на Бога, будто бы плохо сотворившего мир»³. Человек как существо свободное, говорит Лосский, может вступить на путь враждебного или равнодушного к другим существам обособления от них, но он же может свободно обнять свою любовью весь мир и тогда осуществится абсолютное божественное добро, ради возможности которого и сотворен мир Богом.

По мнению Н.О. Лосского, понять, что такое зло, можно не иначе как в соотношении с добром, как это всегда бывает с двумя противоположными понятиями. Добро и зло,

³ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика. 1994. – С.78-83.

т.е. положительная и отрицательная ценность, есть нечто столь основное, что определение этих понятий через на ближайший род или родовой признак не возможно. Поэтом Лосский разграничивает добро и зло на основе непосредственного усмотрения: «это – есть добро», «то – есть зло». Это позволяет нам признавать и чувствовать, что одно заслуживает одобрения и достойного существования, а другое заслуживает порицания и недостойного существования. Однако, имея дело со сложным содержанием жизни, легко впасть в ошибку и не заметить зла, замаскированного примесью к нему добра, или не оценить добра, которое не лишено недостатков.

Чтобы не совершить ошибку Лосский предлагает утвердить своеобразную абсолютно совершенную и всеобъемлющую меру добра, которая станет основой для всех остальных оценок. Таким высшим добром он называет Бога. «Бог есть само Добро во всеобъемлющем значении этого слова: Он есть сама истина, сама Красота, Нравственное Добро, Жизнь и т.д. Таким образом, Бог, и именно каждое лицо пресвятой Троицы, есть Всеобъемлющая абсолютная самоценность»⁴.

На основе учения о положительных ценностях, в итоге, можно развить учение об отрицательных ценностях. Можно сказать, что отрицательную ценность, т.е. характер зла, имеет всё то, что служит препятствием к достижению полноты абсолютной полноты бытия. Но не стоит думать, что будто зло, например, болезнь, эстетическое безобразие, ненависть, предательство и т.п. сами в себе безразличны и только постольку, поскольку следствием их является недостижение полноты бытия, они суть зло; как добро оправданно само в себе, так и зло есть нечто само в себе недостойное, заслуживающее осуждения. Однако есть разница между Абсолютным Добром и злом: зло не первично и не самостоятельно (оно существует только в тварном мире и может осуществляться исключительно по средствам добра).

В этой связи Лосский задаётся вопросом: откуда в этом случае берется зло и когда оно возникает?

«Существует некая иерархия ценностей, в которой Бог – высочайшая ценность, и поэтому его необходимо любить больше всего в мире. Затем в иерархии ценностей следует тварная личность как некий индивидуум, неповторимый как существующий и незаменимый никакой иной ценностью, если мы примем во внимание его возможное творчество в царстве Божиим. Следовательно, каждый должен любить ближнего, как самого себя. Мы должны любить ценности, такие, как истина, нравственная добродетель, свобода, красота, которые являются составными частями абсолютного блага полноты жизни»⁵.

Любовь может быть только свободным выражением личности. Этот выбор – свободный акт деятеля. Многие неверные представления об учении о свободной воле устраняются путем различения между формальной и материальной свободой.

Формальная свобода означает, что в каждом данном случае деятель может воздержаться от не-которого отдельного проявления и заменить его другим. Эта свобода абсолютна и не может быть утрачена ни при каких обстоятельствах. Многие неверные представления об учении о свободной воле устраняются путем различения между формальной и материальной свободой.

Материальная свобода означает степень творческой силы, обладаемой деятелем, и находит свое выражение в том, что он способен творить. Она беспредельна в царстве Божиим, члены которого единодушно соединяют свои силы для совместного творчества и даже получают помощь от божественного всемогущества. Но деятели вне царства Божиего пребывают в состоянии духовной деградации и получают весьма небольшую материальную свободу, хотя их формальная свобода не умаляется.

Жизнь вне царства Божиего есть результат неверного использования свободы воли. Деятель может направить свою любовь на некоторую ценность, предпочитая ее всему остальному, безотносительно к ее месту в иерархии ценностей. Так, любя совершенство абсолютной полноты жизни, деятель может стремиться к ней ради самого себя, предпочитая себя всем другим существам. Это просто заурядное себялюбие. Оно заслуживает осуждения, потому что себялюбие нарушает иерархию ценностей, указанную Иисусом

⁴ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика. 1994. – С.344.

⁵ Лосский Н.О. Ценность и бытие. – М.: Мысль, 2000. – С.369.

Христом в его двух главных заповедях: люби Бога больше самого себя и своего ближнего, как самого себя. Неисполнение этих заповедей означает грехопадение.

Существует другой вид эгоизма, нарушающего иерархию ценностей значительно больше: некоторые деятели, стремящиеся к совершенству, к абсолютной полноте бытия и, более того, к благу всего мира, принимают решение достигнуть своей цели своим собственным путем и занять первое место и возвыситься над всеми другими существами и даже самим господом Богом. У этих людей преобладающей страстью является гордость. Такие люди вступают в соперничество с Богом, считая, что они способны привести в порядок мир лучше, чем его творец. Преследуя недостижимую цель, они терпят поражение на каждом шагу и начинают ненавидеть Бога.

«Эгоизм отделяет нас от Бога, поскольку мы ставим перед собой цели, несовместимые с Божией волей, — что мир должен быть совершенным. Точно таким же образом эгоизм отделяет деятеля в большей или меньшей степени от других деятелей: его цели и действия не могут быть согласованы с действиями других существ и часто ведут к враждебности и взаимной противоположности»⁶. По мнению Н.О. Лосского, причиной падения тварного существа является эгоизм. Это первичное, основное нравственное зло и все остальные виды зла суть следствия себялюбия.

Таким образом, основные положения этики и теодицеи Лосского заключаются в следующем. Первоначальный акт сотворения мира Богом, предшествующий шести дням развития мира, выраженного в библии фразой «в начале Бог сотворил небо и землю», состоял в творении Богом субстанциальных деятелей и в наделении их свойствами сверхвременного и сверхпространственного бытия вместе с принципами абстрактного Логоса и сверхкачественной творческой силой. Этими качествами является образ Бога в отдельном созидании. Деятели, вступившие сразу на путь правильного поведения, в соответствии с нравственным законом, требующим любви только к абсолютным ценностям в их иерархическом порядке, удостоились с самого начала жить в царствии небесном, и на них было ниспослано обожествление. Они составляют «небеса». Существа, вступившие на путь эгоизма, образуют сферу несовершенного бытия, в которой они освобождаются от своих недостатков посредством медленной, более или менее болезненной эволюции. Принимая во внимание их будущую судьбу, библия описывает их как «землю».

Вместо полноты жизни эгоистичные, т. е. греховные, существа создают для себя ограниченное, бесцветное существование; разочарования, вытекающие из эгоистических действий, представляют собой непосредственную имманентную санкцию нравственного закона. Сохраняя инстинктивное стремление к полноте жизни, эгоистичные деятели постоянно ведут борьбу за то, чтобы выработать новый, более сложный тип существования, чтобы заняться более важными видами деятельности. Для достижения этой цели они вступают в союз друг с другом; они объединяют свои силы, отказываясь до известной степени от своего исключительного эгоизма и подчиняясь некоторому деятелю, который изобрел более сложный тип жизни. Они образуют «родственное» тело этого более развитого деятеля и служат ему в качестве его органов. Таким образом, деятели становятся, например, атомами, т. е. такими типами жизни, как кислородность, фосфорность и т. п.; на более высшей стадии появляются молекулы, т. е. такой тип жизни, как вода, соль и т. п. Был сделан огромный шаг на пути к большей сложности и богатству жизни теми деятелями, которые изобрели органическую жизнь растений и животных. Последующую стадию развития жизни на земле составляет появление человека.

Земной человек — это тварь, восходящая от животности к духовности. «Жизнь земного человеческого типа была изобретена деятелями, которые на основе всего своего предыдущего опыта, сначала неорганической, а затем растительной или животной жизни, поднялись до осознания абсолютных ценностей и долга, заключающегося в том, чтобы творить их в своем поведении»⁷. На предыдущих стадиях своего развития эти деятели были только потенциально личными, но, достигнув человеческой стадии, они стали актуальными личностями. Утверждение, что один и тот же деятель может развиваться от

⁶ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. Основы теодицеи. — М.: Республика, 1994. — С.323.

⁷ Лосский Н.О. Избранное. — М.:Правда, 1991. — С.139.

электрона до человеческого типа жизни и подняться выше человека, например в форме общественного я, — это утверждение есть не что иное, как учение о перевоплощении.

Лосский говорит, что в процессе перевоплощения все деятели рано или поздно преодолевают свой эгоизм и удостоиваются обожествления через посредство благодати. Но так как процесс развития совершается посредством свободных творческих актов, он часто не является прямым восхождением в Царство Божие, но содержит временные грехопадения и заблуждения. Лосский называет нормальной эволюцией ту линию развития, которая ведет прямо к воротам царства Божиего.

Философ отвергает учение о том, что Бог творит мир в соответствии со своими божественными идеями, составляющими часть его бытия, потому что Бог и мир онтологически совершенно отличны друг от друга и не имеют ни одного тождественного аспекта. Идеи, которые неизбежно включаются с самого начала в строение мира, как, например, математические идеи, представляют собой тварное бытие, а не состояние Бога.

Н.О. Лосский считает, что его концепция Бога и мира совершенно противоположна пантеизму, что она является чистейшей формой теизма. Она сохраняет поэтический характер пантеизма, потому что онтологическая пропасть между Богом и миром не препятствует Богу как любящему отцу всегда и везде устанавливать отношения со своими тварями. Это отношение может быть особенно близким, потому что Бог-Сын, конкретный Логос, становится с самого начала сотворения мира Богочеловеком, именно божественным человеком, и всякая добродетель, в частности абсолютное совершенство царства Божиего, реализуется только при милостивом содействии Богочеловека.

Русский религиозный философ С.Л. Франк, к проблеме теодицеи подходит через определение и сотворение мира. Мир, говорит Франк, есть определенное "это", актуальное и безличное бытие. До самого последнего времени это казалось рациональным по форме, но хаотическим и бессмысленным по содержанию. Еще хуже, что оно равнодушно к добру и злу, а в действительности скорее враждебно к добру. Учение о сотворении мира из ничто не может быть, однако, понято буквально: во-первых, ничто, из которого, как полагают, мир должен был быть сотворен, есть просто слово, ничего не значащее; во-вторых, организация мира уже предполагает время, но о самом времени можно, в известном смысле, думать только как об элементе или измерении космического бытия. На этом основании Франк приходит к заключению, что сотворение мира Богом состоит в придании ему ценности и смысла: мир имеет свою реальную опору и свою идеальную основу в Боге, а именно это и означает тварность мира.

Мир есть теофания, самораскрытие Бога, одеяние Бога или его выражение — нечто подобное тому, как телесная форма есть выражение духа. Но эмпирически данный мир содержит зло и добро. Отсюда возникает проблема теодицеи. Причем добро имеет двойственную природу. С одной стороны, добро раскрывается как абсолютно притягательная, всепобеждающая и торжествующая сила, источник высшего блага, а с другой — обнаруживает всю свою неспособность противостоять силам тьмы, покончить с периодически вспыхивающей агрессией зла.

Наличие зла не влияет на истину о существовании Бога, потому что реальность Бога более самоочевидна, чем реальность фактов; это есть реальность Бога как Всемогущего и Всемиловитого. Франк делает весьма рискованный богословский вывод о том, что «Бог отнюдь не Всемогущ в смысле внешне зримой и осязаемой победоносности, а осязаем только незримо и идеально, проявляясь в составе самого мира только по образу света, который озаряя все вокруг себя, все же остается окруженным плотной завесой тьмы»⁸.

Отсюда следует, что связь между Богом и, так сказать, плохим эмпирическим миром самоочевидна только как непостижимое. Иными словами, проблема теодицеи абсолютно неразрешима рационально, и, по существу, неразрешима в принципе. Объяснить зло — значит найти его основание, его смысл, т. е. оправдать его. Но это противоречит самой сущности зла, как тому, чему не следовало быть. Единственно правильное отношение к злу заключается в том, чтобы отвергнуть его, устранить его и, конечно, не объяснять его. Можно описывать зло, но не создавать о нем гипотезы.

Кто виноват, что существует зло?

⁸ Франк С. Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. — М.: Факториал. 1998. — С.139.

Франк отказывается объяснить происхождение зла свободой выбора, ибо выбор уже предполагает существование зла. Кроме того, мы свободно стремимся лишь к добру, составляющему истинную внутреннюю основу нашего бытия; что же касается зла, то мы, напротив, в него вовлекаемся. Таким образом, существует антиномия между нашей собственной ответственностью за зло, с одной стороны, и силой зла, действующего на нас, с другой стороны.

Мы – всего лишь маленькая частица мирового целого и его центр, в котором мы пребываем. Отсюда, космическое грехопадение есть наше грехопадение – грехопадение мира. Мы подвергаемся действию мировых демонических сил, и в то же самое время все демонические силы мира существуют непосредственно в нас. «Зло, однако, не в состоянии разрушить всеобщее бытие как таковое, ибо, поскольку зло означает изоляцию и деление, оно всегда связано со страданием и вечной смертью не только жертвы, но также и носителя зла, и это служит доказательством, так сказать, абсолютного всемогущества Бога»⁹.

Но эта истина еще не разрешает проблемы теодицеи. Напротив, говорит Франк, она ведет нас к признанию, что в некотором окончательном и глубоком смысле зло или, во всяком случае, его первоначальный источник, скрыты в непостижимых глубинах самого Бога. Ответственность за зло ложится на тот первоначальный элемент реальности, который, хотя и в Боге (ибо всё, без исключения, пребывает в Боге), не есть сам Бог или нечто ему противоположное. Зло возникает из невыразимого хаоса, который находится как бы на рубеже между Богом и не Богом.

Этот хаос, говорит Франк, дан мне как мое собственное я, как бездонная глубина, которая соединяет меня с Богом и вместе с тем отделяет меня от него. Вот почему осознается вина в грехе и за зло; это осознание ведет к преодолению и устранению зла путем восстановления нарушенного единства с Богом. Без страдания, – говорит Франк, – нет совершенства; есть страдание у самого Бога, у Богочеловека. Но отпадение от бытия, т. е. от Бога, и раскол всеединства существуют только в нашем человеческом аспекте. В божественном аспекте всеединство остается навсегда ненарушенным, ибо все его трещины немедленно наполняются положительным бытием, вытекающим из самого первоначального источника. В аспекте своей вечности Бог есть всё во всем. Несмотря на все проблемы зла, мир в своей конечной основе и сущности есть преображенное бытие – Царствие Божие.

В работе "С нами Бог" Франк излагает главные основы христианства и показывает, что его существенное содержание основывается на религиозном опыте, на соединении человеческого сердца с Богом, на живом общении с Богом. Он различает две концепции веры – «вера как доверие, т. е. как вера в авторитет, и вера как достоверность, т. е. как знание»¹⁰. Франк указывает, что вера в авторитет предполагает опыт, который свидетельствует, что авторитет действительно выражает истину о Боге. Отсюда, даже вера в авторитет опирается на веру как знание, основанное на религиозном опыте. Точно таким же образом Франк доказывает, что наша вера в положительное откровение связана с нашим непосредственным религиозным опытом.

Бог не есть наш судья, а наш спаситель. Человек осуждает сам себя пред лицом своей собственной совести, но Бог спасает человека и проявляет больше любви к грешнику, чем к праведнику, потому что грешник в ней нуждается больше. Бог пребывает по ту сторону добра и зла. «Бог есть любовь, и христианская религия воспитывает человека ради жертвенной любви и ради вступления на крестный путь во имя Богочеловека Иисуса Христа»¹¹. Под вечными муками Франк понимает не длительность мук во времени, но их качество.

Так же в учении Франка, необходимо отметить сближение между миром и Богом, что вселенная не только не может существовать в отдельности от Божества, но само Божество неотделимо от всей остальной реальности при сотворении той основы, из которой состоит его собственное бытие. Такое значительное сближение Бога и мира, которое неизбежно заключается в концепции абсолюта как всеединства, ведет к непреодолимым

⁹ Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. – М.: Аст, 2007. – С. 388.

¹⁰ Там же. – С. 388.

¹¹ Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда. 1990. – С.313.

трудностям по отношению к происхождению зла и личной свободы, как это всегда имеет место в пантеистически окрашенных теориях.

Франк открывает первоначальный источник зла, в принципе, который в Боге не есть сам Бог. Ни один философ, признававший этот принцип, не скажет, что последний сотворен Богом. Не говорит этого и Франк. В живом опыте он находит источник греха и зла в собственном человеческом «я». Это «я», говорит он, – не просто маленькая частичка вселенной, но также и ее центр, так что мое грехопадение является грехом всего мира, и наоборот. Более того, мое «я» есть точка пересечения между Богом и вселенной, точка, где Бог и вселенная встречаются. Тогда только один шаг к признанию, что само Божество как всеединство вносит свою долю в порождение зла. Франк не делает этого шага, но говорит, что Бог есть, но в известном смысле он также есть источник зла.

Вследствие преувеличения единства между Богом и вселенной Франк не может изолировать Бога от зла и не решается включить зло в Бога; поэтому он вынужден утверждать, что теодицея в рациональной форме невозможна, и что самая попытка ее построить является не только логически, но морально и духовно недопустимой.

Первый опыт, наиболее общий и неопределенный, – говорит он, – заключается, очевидно, в том, что реальность имеет бесконечную, неизмеримую глубину и что в этой глубине в некотором смысле абсолютно все возможно, включая логически и метафизически немислимое. Это есть не что иное, как стремление просто найти убежище в мудром невежестве. И, если угодно, это есть просто признание, что философская мысль не в состоянии разрешить эту проблему.

Вследствие того же самого чрезмерного подчеркивания единства в системе Франка не отделяются одна от другой индивидуальные сущности, и поэтому грехопадение есть не индивидуальный акт каждого отдельного «я», а общая вина всего мира как целого.

Христианский опыт Царства Божиего и опыт личной жизни вынуждают нас придерживаться другого взгляда, согласно которому Бог творит личности как сущности, онтологически отличные от него и одна от другой, так что каждая личность является сравнительно самостоятельным, свободным творцом своих действий и всецело за них ответственной. Следовательно, нельзя определенно утверждать, что все тварные сущности совершили грехопадение. Царство Божие состоит, прежде всего, из бесчисленного множества ангелов, являющихся его членами испокон веков и никогда не согрешивших в чем-либо.

У Франка нет такой концепции царства небесного. Это очевидно не только из его учения о грехопадении всего мира, но также из его утверждения, что без страдания нет совершенства. Эта идея отчасти связана с его концепцией отрицания как обуславливающего рациональную определенность бытия и существование противоположностей. Франк говорит, о том, что отрицательное суждение, ни точка зрения борьбы и противодействия, соответствующие в действительности самой структуре бытия, никогда не могут целиком исчезнуть или замениться сглаживающим, объединяющим окончательно примиряющим утверждением. Он смешивает здесь два вида противоположности, идеал или дифференцирующую противоположность, необходимую для богатства, сложности и разнообразия мира, и реальную противоположность взаимной борьбы, которая затрудняет и упрощает жизнь борющихся сущностей. Вполне мыслимо, что реальная противоположность должна полностью исчезнуть, в то время как сохранились бы идеальные различия, способные к взаимному проникновению и дополнению друг друга. Именно так и следует понимать структуру Царства Божиего.

Таким образом можно сделать вывод, о том, что объяснение зла неправильным использованием человеческой свободы, понимаемой как власть выбора между добром и злом, не затрагивает, по его мнению, существа дела, поскольку оно уже предполагает существование зла. Критика Франка была бы справедливой, если бы объяснение было действительно, таким, за какое он его принимает. В самом деле, из этого объяснения не вытекает, однако, что человек должен выбирать между готовым добром и злом, разложенными перед ним наподобие, скажем, груш и яблок, так что он должен только взять то или другое. Те, кто придерживается этого взгляда, утверждают, что существо, совершающее акт грехопадения, вступает свободно и впервые на путь хорошего или дурного поведения. И даже тогда, когда они говорят о свободном выборе, то подразумевают выбор между идеей возможного добра или плохого поведения, заканчивая выбором в пользу зла и вызывая его осуществление, ведущее ко злу, которое становится впервые актуальным.

Учение Франка о свободе неудовлетворительно в силу той же самой причины – слишком значительного преувеличения единства между Богом, миром и всеми существами. Франк утверждает, что мы никогда не совершаем зла свободно: мы лишь в него невольно вовлекаемся. Он считает, что только стремление к добру поистине свободно, потому что добро совпадает в глубинах реальности с существованием, образует истинную внутреннюю основу нашего бытия: концепция свободы, которая по существу совпадает со святостью как свободное посвящение себя лишь добру, не принимается им как абсурд. Свобода, как бытие у самого себя есть состояние, когда самость от самого себя и внедряется своими корнями в нечто другое, более высокое. Отсюда ясно, что свобода означает для Франка полную зависимость поведения от внутренней основы личности, и поскольку эта основа есть реальность как добро, то свобода, с его точки зрения, означает то, что обычно называется рациональной свободой.

Теодицея в русской религиозной философии – учение, вновь поставившее вопрос о добре и зле в мире, о преобразовании общества посредством преобразования человеком своего внутреннего мира. Особенность теодицеи заключается в том, что все учения о проблеме представлены опосредовано через категории «Бог», «добро» и «зло». Теодицея в русской религиозной мысли встраивается в контекст всего этического учения и онтологического дискурса.

Исследования проблемы теодицеи русских религиозных философов имеют ряд общих черт: признание антиномичности мира, который существует в двух противоположных, но неразрывных планах; интерпретация человека как ответственной персоны за зло, но несущей в себе образ Бога. Своеобразие учений отечественных мыслителей заключается в различной терминологии и акцентах. Главный вопрос теодицеи о существовании зла в мире, о мере ответственности за зло человека и способах его преодоления.

«Как бы не волновала проблема зла наше сознание, и как трудно ни было бы религиозной мысли согласовывать реальность зла с реальностью Бога, сама очевидность Бога ни в малейшей мере не колеблется реальность зла, а, напротив, остается незатронутой этим сомнением. Ибо эта очевидность покоится на самой себе, а не есть итог какого-либо умозаключения. Более того, «реальность» Бога обладает большей реальностью факта»¹².

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX – н. XX в. Судьба России. – М., 1997.
2. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994.
3. Лосский Н.О. Ценность и бытие. – М.: Мысль, 2000.
4. Лосский Н.О. Избранное. – М.: Правда, 1991.
5. Франк С. Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. – М.: Факториал, 1998.
6. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. – М.: Аст, 2007.
7. Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990.
8. Назаров В.Н. Введение в теологию – М.: Гардарики, 2004.

ETHICAL VIEWS OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS N.O. LOSSKY AND S.L. FRANK (PROBLEM OF THEODICY)

G.V. Valeeva

*Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University*

*e-mail:
Aktular@gmail.com*

The article is devoted to the investigation of the problem of the theodicy of Russian religious philosophy of the end of the XIX – beginning of the XX centuries based on the works by N.O. Lossky and S.L. Frank. The categories of good and evil, the sense and senselessness of the world, the Absolute, the problem of freedom of choice are considered in the article. A great attention is paid to the nature of the contradictory world which exists in two opposite, but at the same time indissoluble plans. The main theodicy antinomy is the question of the existence of the evil in the society, about the measure of the responsibility for the harm of the person and the ways of its overcoming.

Key words: theodicy, good and evil, world evil, justification of the God, sin, freedom, freedom of choice.

¹² Назаров В.Н. Введение в теологию. М.: Гардарики, 2004. – С.38.

УДК 111.7

ТВОРЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

А.Г. ВЯТКИНА*Воронежский
государственный
университет**e-mail: alla.vyatkina@mail.ru*

Творчество есть полагание принципиально нового, того что не задано предшествующим содержанием. Истоки этой незаданности кроются в непредметном измерении человеческого духа, в противоположность уровню предметного (чтойного). Это непредметное измерение в статье раскрывается как область неоформленных возможностей, где и берет свое начало новая предметная форма. Связь предметной и непредметной сторон творчества осуществляется через воображение.

Ключевые слова: творчество, предметное, непредметное, воображение, образ, переживание, интуиция.

Проблема творчества относится к числу так называемых «вечных», или классических, тем философии. Такие темы никогда не теряют своей остроты и жизненности, будучи неисчерпаемыми в развитии своей проблематики. Не случайно многие мыслители называют творчество не просто вопросом, ожидающим своего решения в более или менее отдаленном будущем, но тайной, разгадка которой всегда будет ускользать от человека. «Ведь что такое тайна? Это... что-то, о чем известно, но мы не можем добраться до того места, откуда известно»¹. Поэтому самое большее, на что может рассчитывать исследование, имеющее своей целью теоретическое рассмотрение творчества, это совершение лишь еще одного шага на уходящем в бесконечность пути постижения.

Что же представляет собой этот процесс, природа которого столь «таинственна» для нашей мысли? Не пытаюсь создавать сложных теоретических конструкций, остановимся на кантовском определении искомого феномена: творчество есть полагание, дающее «новое правило, какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера»². Существует и множество других, более сложных, определений, сопровождающих рассматриваемый феномен пространными разъяснениями и большим количеством дополнительных эпитетов – уникальность, неповторимость, оригинальность. Однако кантовское определение представляется наиболее удачным, ибо в строгой и лаконичной формулировке фиксирует самый смысл интересующего нас феномена – полагание принципиально нового, того нового, что логически не вытекает «ни из одного предшествующего принципа или примера». Иными словами, творчество есть прерывание развертывания некой заданной логики и одновременно полагание основ для новой. Сама же наличная логика, развертывающаяся на основе рационального мышления, не может вступить в противоречие сама с собой или прервать самое себя, она реализуется в непрерывной причинно-следственной цепи выводов, между звеньями которой нет и не может быть никаких разрывов. Эта жестко детерминированная причинная связь абсолютно непроницаема для возможности включения в свою определенность принципиально новых содержательных моментов. Между тем, именно в этих разрывах, где последующее не вытекает из предшествующего, и вспыхивают полагающие принципиальную новизну акты творчества. Обнаружение возможности и существа этого разрыва, являющегося творческим переходом из одной предметной определенности в другую, и составляет задачу философского исследования проблематики творчества.

Вследствие того, что всякая внутри себя логически последовательная мысль в принципе не может выстроить мост между двумя несоизмеримыми определенностями, ответ на вопрос, как перейти из одной предметной определенности в другую, звучит сле-

¹ Мамардашвили М.К. Введение в философию / Мераб Мамардашвили // Философские чтения. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 110.

² Кант И. Критика способности суждения / Иммануил Кант. – СПб.: Наука, 2006. – С. 246.

дующим образом: посредством скачка из одной определенности в другую. Действительно, творчество – это совершаемый в акте чистой интуиции скачок в новое видение, не укладывающийся в известную диалектическую формулу снятия. Вместе с тем одна только констатация того, что в творчестве совершается скачок из одной определенности в другую, не есть действительное решение искомой проблемы. В данном случае мы делаем лишь первый шаг, да и то скорее словесный, чем понятийный.

Творчество как полагание принципиально нового не может иметь истоком своего возникновения некое предзаданное содержание. Ибо если нечто возникло как результат развития предшествующего, значит оно уже содержалось в нем до акта созидания, присутствовало скрытно, в неявленном виде. В этом случае корректно ставить вопрос о выведении, развертывании, обнаружении, но никак не о творении, поскольку бессмысленно говорить о творчестве уже имеющегося. В творчестве должно возникнуть то, чего еще нет, и что ни в какой определенной форме не содержится в предшествующей предметности.

Истоки полагания подлинно нового располагаются в сфере непредметного, той сфере, которая на языке неклассической онтологии XX века именуется ничто, в противоположность области сущего (чтойности). Это ничто не тождественно небытию, оно не есть абсолютное ничто («темная бездна») мистиков. Рассматриваемое нами ничто выступает как область неоформленных возможностей, которые присутствуют в бытии сущего, но не выводятся из его предметно оформленного содержания. Читаем у Хайдеггера: «Что такое Ничто? Уже первый подступ к этому вопросу обнаруживает что-то непривычное. Задавая такой вопрос, мы заранее представляем Ничто как нечто, которое тем или иным образом «есть» – словно некое сущее. Но ведь как раз от сущего Ничто абсолютно различно»³, «ничто есть полное отрицание всей совокупности сущего»⁴. В этом контексте у Хайдеггера можно встретить определение ничто как пустоты, в смысле простора, свободного от ограничивающих рамок какой бы то ни было предметной наполненности. Но в то же время заголовок одного из параграфов работы «Европейский нигилизм» звучит следующим образом: «Бытие как пустота и богатство». Именно потому, что рассматриваемое измерение бытия в своей природе является непредметным, и в этом смысле «пустым», оно и может быть истоком богатства различных форм определенности: «Бытие и должно держаться совершенно неопределенным в своем значении, чтобы принимать определенность от того или иного разнообразного сущего»⁵. В сфере непредметных данностей еще нет определенности, а есть неоформленное движение и беспокойство, откуда нечто принципиально новое только и может возникнуть.

Собственно само творчество и предстает как движение от непредметного к предметному, как переход от ничто к нечто. Причем первичность ничто по отношению к нечто имеет принципиальное значение для проблематики творчества. Именно потому, что рождение подлинно нового истоком своего происхождения имеет сферу ничто, положенная творческим актом предметность не есть продолжение определенности имеющегося причинно-следственного ряда. Она появляется не как результат последовательного развертывания, но, напротив, как прерывание наличной цепочки причинных отношений и утверждение на ее месте новой. Как утверждает Сартр: «То, что отделяет предшествующее от последующего, и является как раз *ничем*. И это ничего абсолютно непроходимо именно потому, что оно является ничем; ибо во всяком препятствии, которое нужно преодолеть, есть нечто положительное, которое дается, перед тем как быть преодоленным»⁶. Поэтому напрасно искать между «старой» и принципиально новой предметными определенностями те ступени, мосты, которые выступали бы в роли промежуточных связующих звеньев. Пропасть ничто, отделяющая предшествующее от последующего, «старое»

³ Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Мартин Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Хайдеггер М. Европейский нигилизм / Мартин Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 173.

⁶ Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр. – М.: Республика, 2000. – С. 65.

от «нового», не содержит в себе твердых фиксированных точек опоры. Но именно в ней располагаются истоки возникновения нового.

Для обоснования творческого процесса необходимо отыскать такую сферу, которая образовывала бы пространство соизмеримости между предметным и непредметным, определенным и неопределенным. Именно в пространстве соизмеримости предметного и непредметного, возникающего в диалектическом взаимодействии данных противоположностей, собственно и протекает творческий процесс. Здесь совершается зарождение сущего, его кристаллизация, образующая переход в принципиально новое видение.

При этом, как представляется, данное содержание не сводится к одномоментному акту интуитивного прозрения. Ибо акт чистой интуиции выражает результативную составляющую творчества. Интуитивное озарение, *insight* – это уже свершившийся скачок в новое видение, уже достигнутый результат творчества. Здесь мысль снова обнаруживает себя замкнутой в пределах некоей уже ставшей предметности – еще не развернут ни один момент содержания, не сделан ни один вывод, однако сущее уже положено и определено в своих основах. Таким образом, акт интуитивного прозрения не может образовать необходимое нам пространство соизмеримости предметного и непредметного, в котором протекает процесс зарождения новой сущности. Сведение творчества к одному-единственному полагающему акту интуиции изымает из рассмотрения саму процессуальную наполненность феномена, его содержание, предполагающее длительность вместо мгновенности. В результате чего «механизм» перехода к будущей предметности остается совершенно закрытым для понимания.

Таким образом, чтобы разгадать тайну творчества, вернее, приблизиться к ее разгадке, необходимо раскрыть точку интуиции, «распаковать» (термин В.И. Аршинова и В.Г. Буданова⁷) ее. Иными словами, рассмотреть творчество не как мгновенный акт, посредством которого совершается переход из непредметного в предметное, не как скачок, парадоксальный и соответственно недоступный для понимания и объяснения, но как процесс. Лишь обнаружение процессуальной природы самого перехода позволит преодолеть парадоксальность в осмыслении творчества.

Пространство соизмеримости предметного и непредметного и есть «распакованная» точка полагающего интуитивного акта. И это пространство, в котором сбывается сама жизнь творческого процесса, где ничто, спонтанно осуществляя свои возможности, переходит к нечему, обнаруживает себя как *воображение*. Данная способность, преодолевающая границы отражения, схватывает и удерживает край непредметного, благодаря чему открывается непредзаданный горизонт множества возможностей, в котором мышление находит истоки для своих новых определений. Предметная составляющая воображения в конечном итоге реализуется в понятии, соответственно непредметная сторона рассматриваемой способности воплощается в тех формах субъективности, основой которых является чувственность. Таким образом, конструируемое воображением пространство соизмеримости предметного и непредметного, представляет собой соизмеримость рационального и чувственного.

Необходимо отметить, что вопрос о природе чувственности многие мыслители справедливо относят к числу тех проблем, которым еще только надлежит получить свое философское осмысление. Подобная точка зрения обнаруживается, в частности, в рассуждениях М. Шелера, указывающего на неудовлетворительность понимания чувственности в системах английских сенсуалистов, а также в теории Канта, которые полностью сводят ее природу к одному разрозненному материалу ощущений, элиминируя тем самым ее сложный многоуровневый характер. Но чувственность, полагает Шелер, обладает также и эмоциональной наполненностью, выступающей по отношению к ощущениям как более высокий уровень, более сложная форма. Сходные представления можно найти также в рассуждениях Ж.-П. Сартра, выделившего в качестве первичного и непосредственно значимого содержания чувственности ее аффективную составляющую, связанную с эмоциональными переживаниями⁸.

⁷ Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М.: Арго, 1994. – С. 233.

⁸ Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Жан-Поль Сартр. – СПб.: Наука, 2001. – С. 142-149.

Представляется, что существенная роль чувственности, взятой во всей ее действительной сложности, в деле творчества еще не была должным образом осознана философской мыслью. Поскольку предметная определенность, замкнутая в круге своей заданной логики, не может служить источником творчества, но лишь началом развертывания, мы и полагаем, что в самой чувственности следует искать истоки творчества, а именно: в сфере человеческой эмоциональности, содержанием которой являются переживания. Важно отметить, что в данном случае переживание – это не психическое состояние человека. Это сам мир, взятый в полноте своих возможностей и нетематически раскрывающийся в сфере нашей эмоциональности. Такое переживание само по себе непредметно, здесь еще нет ни одного выделенного определения. Но в то же время оно не является чистым ничто. Это начало творческого полагания новой предметности, полагания, совершаемого воображением.

Дальнейшее движение творческой деятельности связано с обретением непредметным переживанием своей плоти, с воплощением его в образе. Способность воображения полагает в пространстве образа соизмеримость предметного и непредметного, которая становится тем источником, из которого художественное и научное мышление черпают бесконечные возможности для своих определений. Образ – это предметность в самой себе незавершенная, стремящаяся выкристаллизовать чистый смысл на материале чувственного переживания. Здесь творческая мысль еще только пытается высвободиться от непосредственной сраченности с чувственным. Не непосредственно из самой чувственности появляется смысл, но и без нее как своей жизненной наполненности этот смысл не смог бы никогда возникнуть. Само же открытие новой идеи осуществляется в форме интеллектуальной интуиции, которая является конечным пунктом процесса воображения как содержания творческого перехода в подлинно новое.

Бесспорно, сколь бы полно ни осуществлялся анализ воображения или любого другого феномена, так или иначе причастного к творчеству, манящая тайна творчества всегда останется с человеком. Быть творцом – не значит разгадать эту тайну (сделанное открытие, прекрасная строка стихотворения и т.д. более всего, как известно, изумляет своего творца). Быть исследователем творчества – значит снять «табу» с рационального размышления о нем, ввести мысль в пространство перехода, конституированного воображением, иррациональная действительность которого возносит человека над миром и возвращает его в мир уже готовым к прозрению принципиальной новизны. Именно в воображении обнаруживается внутреннее содержание творческого акта как процесса, имеющего длительность вместо одномоментности интуитивного озарения.

Список литературы

1. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Философские чтения. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 7-172.
2. Кант И. Критика способности суждения. – СПб.: Наука, 2006. – 512 с.
3. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 16-27.
4. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176.
5. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
6. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М.: Аргус, 1994. – С. 229-242.
7. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.

CREATIVITY AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

A.G. VYATKINA

*Voronezh
State University*

*e-mail:
alla.vyatkina@mail.ru*

Creativity is the occurrence of something essentially new which isn't determined by the previous content. Sources of any not predetermined content are covered in the sphere of not definite, not thematic content of human spirit, contrary to the sphere of a definite, a thematic content («what»). This article presents such sphere of not thematic content as the area of no determined possibilities where the new object form originates. Communication of the definite and not definite parties of creativity is realized through imagination.

Key words: creativity; definite, thematic content; not definite, not thematic content; imagination; image; experience; intuition.

УДК 347.0

ПРОБЛЕМЫ «КОНКУРЕНЦИИ» ИСКОВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ СОВЕРШЕНИЯ НИЧТОЖНЫХ СДЕЛОК

Н.В. КОЗЯР

Статья посвящена анализу применения последствий совершения ничтожных сделок.

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

Ключевые слова: иск, сделка, ничтожная сделка, конкуренция.

По общему правилу при исполнении по ничтожной сделке должны наступать последствия, предусмотренные п.2 ст.167 ГК РФ, в виде двусторонней реституции, которая предполагает возврат сторонами всего полученного. В то же время, когда по ничтожной сделке было передано индивидуально-определенное имущество, другая сторона не приобретает на него правового титула. Соответственно этому, у собственника появляется возможность истребования имущества из чужого незаконного владения по основанию ст.301 ГК РФ (право на виндикацию). Кроме того, приобретатель по ничтожной сделке может считаться неосновательно обогатившимся за счет другой стороны, что, в свою очередь, может быть расценено как основание для возникновения обязательства из неосновательного обогащения (кондикция). Выявление соотношения реституции с виндикацией и кондикцией связано с широко известной в современной российской цивилистике проблемой конкуренции исков.

Для определения сферы применения реституции и критериев отграничения рассматриваемого института от смежных институтов (виндикации и кондикции) необходимо отдельно исследовать вопрос о соотношении данных институтов.

В настоящее время преобладающей является позиция, согласно которой реституция выступает самостоятельным средством правовой защиты. Это обосновывается тем, что она обладает только присущими ей чертами.¹ Такая самостоятельность реституции определялась еще в период действия ГК РСФСР 1922 г. в работах Б.Б.Черепяхина², Г.Н. Амфитеатрова³, О.С.Иоффе⁴ и др. В то же время многие цивилисты рассматривают реституцию как разновидность виндикации либо кондикции⁵. Наиболее последовательно в последнее время данную точку зрения проводит Д.О.Туззов. По его мнению, реституция – это родовое, собирательное понятие, обозначающее в каждом конкретном случае то или иное одностороннее охранительное правоотношение (виндикационное, кондикционное, по

¹ См. напр.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. Учебн.-практ. пособие. – М.: Дело, 2000. – С.316-318; Матвеев И.В. Указ. соч. – С.37-38; Лоренц Д.В. Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации. – М.: Инфра-М, 2011. – С.76-85; Туктаров Ю.Е. Требование о возврате полученного по недействительной сделке // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 144-173 и др.

² Черепяхин Б.Б. Виндикационные иски в советском праве // Учен. зап. Свердловского юридического института. Т. 1. Свердловск, 1945. С. 48-50.

³ Амфитеатров Г.Н. Война и вопросы виндикации // Ученые записки ВИЮН. – Выпуск III. – 1945. – С.46.

⁴ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л.: Издательство ЛГУ, 1955. – С.72-73.

⁵ См. напр.: Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. ... – С. 237; Данилов И.А. Вопросы совершенствования гражданского законодательства, регулирующего отношения в сфере недействительности сделок. Дис. ... к.ю.н. – М., 2006. – С.102-103; Чернякова С.А. Недействительность сделок по незаконному субъектному составу и ее последствия по российскому гражданскому праву. Дис. ... к.ю.н. – М., 2006. – С.148-153; Тигранян А.Р. Актуальные проблемы ничтожных и оспоримых сделок. Дис. ... к.ю.н. – М., 2006. – С.178-185 и др.

возмещению убытков и др.)⁶. Причем такая позиция не является абсолютно новой. Еще в 1960 г. Н.В.Рабинович говорила, что «изъятие недолжно полученного возможно только путем иска о виндикации или иска о неосновательном обогащении».⁷ Соответственно этому, проблема соотношения рассматриваемых охранительных мер актуальна и дискуссионна и в настоящее время.

Проблема взаимосвязи и разграничения реституционных и виндикационных притязаний становится практически значимой в случаях, когда стороной недействительной сделки, получившей вследствие ее исполнения индивидуально-определенное имущество, является добросовестный приобретатель. Права такого субъекта гражданского оборота подлежат защите, наряду с правами собственника или иного титульного владельца. Максимально определена такая защита проявляется в случае рассмотрения в судах виндикационных исков.

Традиционно, в цивилистике под виндикационным иском понимается внедоговорное требование собственника (иного титульного владельца) о возврате имущества из чужого незаконного владения, возможность которого прямо предусмотрена ст.301 ГК РФ. Однако удовлетворение такого требования возможно не всегда, причем даже в случае, если истцом выступает собственник такого имущества. Отказ в удовлетворении такого иска возможен, если оно находится у добросовестного приобретателя, возможность истребования имущества у которого наличествует только при определенных условиях. Так, в силу п.1 ст.302 ГК РФ, истребование имущества от добросовестного приобретателя возможно в случае, когда имущество утеряно собственником или титульным владельцем, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли либо приобретено ими безвозмездно.

Конструкция данной нормы предполагает, что добросовестный приобретатель приобрел соответствующее имущество не иначе как по недействительной сделке. Об этом свидетельствует п.1 ст.302 ГК РФ, где говорится, что вышеприведенное правило об условиях истребования имущества применяется «если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать». В случае отсутствия права на отчуждение имущества, совершенная сделка является недействительной. Соответственно этому появляется основание применить положения о реституции, предусмотренные п.2 ст.167 ГК РФ, в отношении которых ничего не говорится о необходимости учета интересов добросовестного приобретателя. Поэтому *при буквальном подходе* к нормам о реституции они более выгодны для лица, истребующего имущество у добросовестного приобретателя, поскольку не связаны с условиями истребования имущества в результате предъявления виндикационного иска. Вследствие этого возникает конкуренция исков, связанная с тем, что у истца появляется право выбора между реституционным или виндикационным иском.

Такая конкуренция исков отчасти была поддержана в литературе. В частности, В.В.Витрянский пишет: «То обстоятельство, что покупатель может оказаться в роли добросовестного приобретателя, в отношении которого закон не допускает виндикации, не должно служить препятствием для предпринятия собственником иска о последствиях недействительности ничтожной сделки», поскольку «фигура добросовестного приобретателя появляется лишь в правоотношениях, возникающих в связи с предъявлением... виндикационного иска...».⁸ К.И.Скловский, критикуя российское законодательство, пишет, что в нем «не проведена последовательная защита добросовестного приобретателя в обороте. Если он и защищен, согласно авторитетной юридической традиции, от виндикационного иска собственника, то в рамках реституции истребование вещи, но, конечно, в пользу не собственника, а другой стороны в сделке, не исключено»⁹. Имущество возвращается сторонам недействительной сделки, считает К.И.Скловский, «только в силу того,

⁶ Тузов Д. О. Реституция в гражданском праве. Автореф. дис. ... к.ю.н. – Томск, 1999. – С.7.

⁷ Рабинович Н.В. Указ. соч. – С.116-117.

⁸ Витрянский В.В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. – М.: МЦФЭР, 1998. – С. 139

⁹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. Учебн.-практ. пособие. – М.: Дело, 2000. – С.111-112.

что оно было ранее ими же передано, но никак не потому, что стороны имеют на него какое-либо право»¹⁰.

Д.О.Тузов, критикуя подобный подход отмечает, что если будет иметь место конкуренция исков, и собственник будет иметь возможность предъявить иск о реституции к третьему лицу и истребовать вещь у добросовестного приобретателя, то будет перечеркнуто закрепленное в статье 302 ГК РФ правило об ограничении виндикации. Данный же принцип «как раз и рассчитан на те случаи, когда вещь переходит к добросовестному приобретателю по недействительной ... распорядительной сделке»¹¹. Выход из данной коллизии как раз видится ему в непризнании за реституцией самостоятельного охранительного средства. В этой связи им отмечено, что «иск о реституции точно так же, как и виндикационный, направлен на истребование имущества из чужого незаконного владения. Его особенность состоит лишь в том, что само незаконное владение всегда возникает здесь вследствие исполнения недействительной сделки. Иными словами, недействительность сделки необходимо входит в предмет доказывания по реституционному иску в качестве своеобразного «отрицательного факта», обосновывающего сохранение за истцом права собственности (иного права) на вещь, несмотря на отчуждение последней ответчику. ... Выделяясь лишь некоторой особенностью субъектного состава (ее субъектами являются стороны недействительной сделки) реституция владения по своей правовой природе есть не что иное, как разновидность виндикации, частный случай ее применения»¹². Поддерживая данный тезис, в литературе даже делаются предложения об исключении норм о реституции из ГК РФ¹³.

Судебная практика 90-х годов в решении данного вопроса последовательностью не отличалась. Это было время, когда подход к его решению только формировался. Так, и в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах можно встретить решения, которые отражают позицию В.В.Витрянского и К.И.Скловского.¹⁴ В то же время, было обращено внимание, что применение реституции в буквальном понимании п.2 ст.167 ГК РФ фактически позволяло обходить положения п.1 ст.302 ГК РФ, чем нивелировались интересы добросовестного приобретателя. При этом уже в 1998 г. Пленум ВАС РФ в Постановлении №8 от 25.02.1998¹⁵ в отношении рассматриваемой ситуации дал следующие разъяснения: «Если в такой ситуации собственником заявлен иск о признании недействительной сделки купли-продажи и возврате имущества, переданного покупателю, и при разрешении данного спора будет установлено, что покупатель отвечает требованиям, предъявляемым к добросовестному приобретателю (ст. 302 ГК РФ), в удовлетворении исковых требований о возврате имущества должно быть отказано». Таким образом, приоритет был отдан интересам добросовестного приобретателя, и, соответственно, толкование п.2 ст.167 ГК РФ должно осуществляться в нормативном единстве с п.1 ст.302 ГК РФ. Такое разъяснение было неоднозначно встречено в научной литературе. Так, по мнению И.В. Матвеева, «данное руководящее разъяснение необоснованно распространяет условие неудовлетворения виндикационного иска к реституционному требованию и уполномочивает арбитражные суды отказывать в реституции в связи с тем, что незаконный владелец является возмездным и добросовестным, а имущество выбыло из рук собственника по его воле.

¹⁰ Скловский К.И. Защита владения, полученного по недействительной сделке // Хозяйство и право. – 1998. – № 12. – С.35.

¹¹ Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблемы соотношения // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. – 2002. – № 3. – С.127.

¹² Там же. – С. 122-124.

¹³ См. напр.: Тиграян А.Р. Актуальные проблемы ничтожных и оспоримых сделок. Дис. ... к.ю.н. – М., 2006. – С.186-187.

¹⁴ См. напр.: Постановление Президиума Московского городского суда от 18.10.95 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – №4. – С.9-10; Прилож. к инф. письму Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.11.97 № 21 "Обзор практики разрешения споров, возникающих по договорам купли-продажи недвижимости" (п. 12) // Вестник ВАС РФ. 1998. – № 1. – С.89.

¹⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 №8 "О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" // Вестник ВАС РФ. – 1998. – №10. – С.14-21. (утратило силу)

Такое объяснение представляется несправедливым по отношению к лицу (собственнику вещи), пострадавшему от сделки, которая обладает признаками недействительности»¹⁶.

В дальнейшем данный вопрос стал предметом обсуждения в Конституционном Суде РФ, который поддержал позицию о необходимости учета интересов добросовестного приобретателя. Конституционный Суд РФ не только подтвердил ранее высказанное Пленумом ВАС РФ толкование о невозможности изъятия вещи в порядке реституции у лица, отвечающего установленным в п.1 ст.302 ГК РФ требованиям, но и пошел дальше, сделав вывод о том, что в случае приобретения имущества у неуправомоченного отчуждателя реституция не должна иметь места в принципе и что в такой ситуации возможен лишь виндикационный иск не участвовавшего в сделке собственника, удовлетворение которого зависит от условий, предусмотренных ст. 302 ГК РФ. Основываясь на ст. 168 ГК РФ, которая устанавливает, что сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения, Конституционный Суд РФ постановил, что на сделку, совершенную с нарушением закона, не распространяются общие положения о последствиях недействительности сделки, если сам закон предусматривает «иные последствия нарушения». Поскольку добросовестное приобретение в смысле ст. 302 ГК РФ возможно только тогда, когда имущество приобретает не непосредственно у собственника, а у лица, которое не имело права отчуждать это имущество, последствием сделки, совершенной с таким нарушением, является не двусторонняя реституция, а возврат имущества из незаконного владения. Следовательно, права лица, считавшего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма, установленного п.п. 1 и 2 ст.167 ГК РФ. Такая защита возможна лишь путем удовлетворения виндикационного иска, если для этого имеются предусмотренные статьей 302 ГК РФ основания, которые дают право истребовать имущество у добросовестного приобретателя (безвозмездность приобретения имущества добросовестным приобретателем, выбытие имущества из владения собственника помимо его воли и др.)¹⁷.

Как видно, Конституционный Суд РФ обосновывает вывод о необходимости учета интересов добросовестного приобретателя не тем, что при истребовании имущества от него реституция приобретает форму виндикации, а тем, что виндикация является иным последствием (в отличие от реституции), применимым в данном случае. Однако, как справедливо и неоднократно отмечалось в научной литературе Конституционный Суд РФ для обоснования неприменимости реституции в случае добросовестного приобретения должен был сослаться не на ст. 168 ГК РФ, а на п.2 ст. 167, в которой и установлены последствия недействительности, а также возможность применения иных последствий, если они предусмотрены законом¹⁸. Как пишет Д.О.Тузов: «Очевидно, что исключения из правила о ничтожности могут касаться только самого этого правила, но не положения об общих последствиях недействительности сделки (п. 2 ст. 167 ГК РФ), представляющего собой совершенно самостоятельное правовое предписание»¹⁹.

Однако, несмотря на вышеотмеченный (по моему мнению) недочет, можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд РФ разграничил такие последствия как реституция и виндикация. На основе такого разграничения построены и разъяснения высших судебных инстанций, изложенных в совместном Постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ №10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой

¹⁶ Матвеев И.В. Указ. соч. – С.36.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 ГК РФ в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева от 21 апреля 2003 года // Вестник ВАС РФ. – 2003. – №6.

¹⁸ См. напр.: Эрделевский А.М. Об истребовании имущества у добросовестного приобретателя // Хозяйство и право. – 2005. – №5. – С. 6.

¹⁹ Тузов Д.О. Конституционный Суд о защите добросовестного приобретателя // Законодательство. – 2003. – №10. – С. 12.

права собственности и других вещных прав»²⁰. В п.34 данного Постановления отмечается, что спор о возврате имущества, вытекающий из договорных отношений или отношений, связанных с применением последствий недействительности сделки, подлежит разрешению в соответствии с законодательством, регулирующим данные отношения. При этом далее подчеркивается, что спор о возврате имущества собственнику подлежит разрешению по правилам ст. 301, 302 ГК РФ именно в тех случаях, когда между лицами отсутствуют договорные отношения *или отношения, связанные с последствиями недействительности сделки*.

Кроме того, в соответствии с п.35 вышеуказанного Постановления «если имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе обратиться с иском об истребовании имущества из незаконного владения приобретателя (ст. 301, 302 ГК РФ). Когда в такой ситуации предъявлен иск о признании недействительными сделок по отчуждению имущества, суду при рассмотрении дела следует иметь в виду правила, установленные ст. 301, 302 ГК РФ». Таким образом, нормы о виндикации применимы лишь к отношениям между собственником имущества и незаконным владельцем имущества при отсутствии между ними каких-либо договорных отношений или отношений, связанных с последствиями недействительности сделки, по поводу истребуемого имущества.

В то же время, данные разъяснения не должны истолковываться как исключающие право лица, считающего себя собственником имущества, предъявить иск о признании недействительными сделок с этим имуществом, совершенных сторонними лицами. Собственник вполне может быть юридически заинтересован в результатах рассмотрения такого иска, поскольку решение по такому иску может явиться правовым основанием для истребования своего имущества (поскольку подтверждает отсутствие у приобретателя правового титула на данное имущество). Однако по смыслу п.34 рассматриваемого Постановления, такое истребование должно осуществляться на основе предъявления виндикационного иска, а не посредством заявления требований о применении реституции по сделкам, стороной которых он не является. В судебной практике имеются примеры реализации подобного подхода²¹.

Как видим, складывающаяся судебная практика (особенно последнего времени) достаточно определенно склоняется к позиции о самостоятельности реституционного притязания по отношению к виндикации. И, представляется, тому имеются достаточно веские основания. Помимо того, что уже было отмечено, можно выдвинуть следующие дополнительные аргументы.

Во-первых, реституция (в отличие от виндикации) как следствие недействительности направлена на защиту обеих сторон такой сделки (договора). Причем такой двусторонний характер реституции прямо зафиксирован п.2 ст.167 ГК РФ, согласно которой «каждая из сторон обязана возратить другой все полученное по сделке». Такая двусторонность вполне соответствует характеру отношений, возникающих вследствие подтверждения или признания уже исполненной (хотя бы и частично) сделки недействительной. Соответственно, интересы гражданского оборота требуют максимально скорейшего исправления аномальной в имущественном плане ситуации, которая возникла вследствие отсутствия (либо лишения силы) юридического факта, явившегося для сторон основанием для взаимного имущественного предоставления. При виндикации такая двусторонность отсутствует, и более того, односторонний возврат имущества, переданного по недействительной сделке, на основе виндикационного иска, приводил бы к неосновательному обогащению одной из сторон. Поэтому более удобным в этом плане охранительным средством, по нашему мнению, является двусторонняя реституция.

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. – 2010. – №6.

²¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 №15278/10 по делу №А65-1798/2010-СГЗ-13 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Кассационное определение Псковского областного суда от 12.10.2010 по делу №33-1367/2010 г. // СПС Консультант Плюс: Судебная практика и др.

В этом плане можно согласиться с К.И.Скловским, который говорит, что во многом, реализация реституции это не только защита субъективного права, но и защита оборота²². Хотя данный тезис автором использован для обоснования иного вывода, но, полагаю, он может быть использован и применительно к рассматриваемому доводу о существенном отличии реституции от виндикации.

Соответственно сказанному, если одна из сторон предъявит требование к другой стороне о возврате переданного ей во исполнение недействительной сделки имущества, основываясь на ст.ст.301, 302 ГК РФ, в удовлетворении такого иска должно быть отказано даже в том случае, если по условиям п.1 ст.302 ГК РФ виндикация была бы возможна. Тому есть подтверждение в судебной практике. Так, обществом с ограниченной ответственностью (продавцом) и акционерным обществом (покупателем) заключен и исполнен договор купли-продажи нежилых помещений. Исходя из ничтожности этого договора, общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском о признании недействительным акционерного общества об истребовании из его незаконного владения переданных во исполнение договора помещений на основании ст. 301 ГК РФ.

Рассматривая требование по существу, суд согласился с мнением истца относительно ничтожности спорного договора, однако в удовлетворении иска отказал, сославшись на то, что истцом, предъявившим виндикационное требование, а не требование о возврате каждой из сторон всего полученного по недействительной сделке, избран ненадлежащий способ защиты нарушенного права. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковое требование, указал: сам по себе факт использования истцом такого способа защиты как виндикационный иск не может быть основанием для отказа ему в защите права, так как является результатом свободного выбора им способа защиты нарушенного права. При этом суд апелляционной инстанции не согласился с доводами ответчика о нарушении в данном случае удовлетворением виндикационного иска правила п.2 ст. 167 ГК РФ, приводящем к односторонней реституции. По мнению суда, у ответчика имеется возможность восстановления своего права путем предъявления иска о взыскании неосновательного обогащения в размере денежных средств, перечисленных им в качестве оплаты за спорное имущество по недействительной сделке.

Суд кассационной инстанции постановлением суда апелляционной инстанции отменил, оставил в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судами, стороны совершили и исполнили ничтожную сделку. Возвращение каждой из сторон всего полученного по недействительной сделке осуществляется в порядке, предусмотренном п.2 ст. 167 ГК РФ, *согласно которому возвращение полученного носит двусторонний характер. Это означает, что решение суда по требованию, заявленному в соответствии с п.2 ст. 167 ГК РФ, должно разрешать вопрос об обязанности каждой из сторон вернуть все полученное по сделке.* Ввиду того, что законом предусмотрены специальные последствия недействительности сделок, правила об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301, 302 ГК РФ) к отношениям сторон применению не подлежат²³. Как видно, одним из основных аргументов кассационной инстанции явилось то, что реституция носит двусторонний характер, и одностороннее возвращение имущества на основании виндикационного иска не соответствует характеру последствий недействительности, предусмотренных специальной нормой п.1 ст.167 ГК РФ. Такие же суждения можно встретить и в практике нижестоящих судов.²⁴

Во-вторых, возврат имущества на основе реституционного иска не связан с доказыванием наличия вещных прав стороны недействительной сделки (как это имеет место при удовлетворении виндикационного иска).

²² Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – №8. – С.109-110.

²³ П.1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 №126 "Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения" // Вестник ВАС РФ. – 2009. – №1.

²⁴ См. напр.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.04.2010 по делу №А27-7785/2009 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2010 №18АП-6304/2010 по делу №А47-10612/2009 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

Однако такой подход разделяется далеко не всеми цивилистами. Например, Д.О.Тузов, критикуя такое положение, пишет, что «подобное понимание реституции, основанное на буквальном толковании п.2 ст. 167 ГК и допускающее возможность использования этого средства не только собственником или иным титульным владельцем, но и лицом, никаких прав на переданную по недействительной сделке вещь не имеющим, т.е. в интересах незаконного владельца, представляется неприемлемым теоретически и не соответствующим смыслу действующего гражданского законодательства»²⁵. Подобного понимания придерживаются и некоторые другие авторы²⁶. Причем на рубеже XX-XXI вв. такой позиции придерживалась и судебная практика. Так в заключении Научно-консультативного совета при ФАС Северо-Западного округа, данному в связи с обзором практики по соотношению виндикационных исков и исков о применении последствий недействительности ничтожных сделок в виде истребования имущества от 18.12.98 № 3 прямо отмечается, что «иски о применении последствий недействительности ничтожных сделок в виде истребования имущества являются гражданско-правовыми средствами защиты интересов собственника и титульных владельцев».²⁷ Это прямо увязывает возможность применения реституции с доказыванием факта титульного владения переданным по недействительной сделке имуществом. Это нашло отражение и при рассмотрении конкретных дел²⁸. Тем не менее, такую позицию можно считать спорной.

Полагаю, что меры, указанные в п.2 ст.167 ГК РФ, в первую очередь, призваны восстановить прежнее положение, а в качестве основной цели защиты собственности не преследуют. В этом смысле они отвечают назначению защиты владения, а это предполагает, что требовать защиты может не только титульный владелец, но и фактический (хотя бы он и являлся незаконным).

Возможность и даже необходимость применения последствий недействительности сделки в виде реституции без необходимости доказывания законного обладания переданным имуществом поддерживалась некоторыми представителями гражданско-правовой науки еще в советское время. Так, Д.М.Генкин писал, что «требование реституции вытекает из недействительности сделки, а не из субъективного права собственности, как это имеет место при виндикации»²⁹. В современной научной литературе такая позиция высказана, в частности, В.С.Емом, который вполне определенно пишет, что при истребовании индивидуально-определенной вещи сторона недействительной сделки не только не должна доказывать своего права на переданную вещь, но может и не иметь такого права³⁰. Наиболее полно данный тезис аргументирован К.И.Скловским, который также отмечает, что имущество, переданное по недействительной сделке, возвращается только потому, что сделка оказалась недействительной, а не потому, что одна из сторон сохранила на него право.³¹ При ответе на им же поставленный вопрос о том, почему возник такой механизм, он пишет следующее. «Здесь, видимо, учтено то обстоятельство, что нужды оборота заставляют скорее вернуть имущество тому, кто, возможно, не имеет на него права, чем вовсе исключать неправильно отчужденную вещь из оборота. Известно,

²⁵ Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. – С.123-124.

²⁶ См. напр.: Савельева О.Ю. Недействительность сделок в гражданском обороте. Дис. ... к.ю.н. – Рязань, 2003; Смольков С.Н. Недействительные сделки: вопросы теории и практики. Дис. ... к.ю.н. – М. 2004.

²⁷ См.: Заключение Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа от 18.12..98 № 3 «В связи с обзором арбитражной практики по соотношению исков об истребовании имущества (виндикационных исков) и исков о применении последствий недействительности ничтожных сделок в виде истребования имущества» // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

²⁸ См. напр.: Постановление ФАС Центрального округа от 01.02.2001 №101/13 // // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

²⁹ Генкин Д. М. Право собственности в СССР. – М.: Госюриздат, 1961. – С.193. Того же мнения придерживался и Г.Н. Амфитеатров (Амфитеатров Г.Н. Война и вопросы виндикации // Ученые записки ВИЮН. – Выпуск III. – 1945. – С.50).

³⁰ Гражданское право: В 4т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.510 (автор главы – В.С. Ем).

³¹ Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – №8. – С.108-109.

что ответственность за судьбу вещи несет собственник. Если собственник утратил возможность вернуть вещь, – неважно, по своему недосмотру или по другим причинам, – то это само по себе усиливает позицию незаконного владельца вещи, который теперь, хотя и в более узких рамках, несет бремя заботы о вещи. Соответственно, ему дается и определенная защита. Общество в целом не может и не должно заботиться об интересах собственника больше его самого. А вот о судьбе вещи общество заботится, ведь упорядоченный оборот – условие его существования. Отсюда и следует, что в известных случаях защиту будет получать лицо, предположительно или несомненно собственником не являющееся. ... К числу лиц, защищаемых в силу нужд оборота, относится и сторона недействительной сделки. Она получает право на реституцию и в том случае, когда не имеет права на истребуемую вещь»³².

В этом отношении можно обратить внимание на измененный подход в решении данного вопроса со стороны судебной практики. Так, Президиум ВАС РФ в одном из обзоров сформулировал вывод о том, что при рассмотрении требования лица, передавшего имущество по недействительному договору аренды, о его возврате на основании п.2 ст.167 ГК РФ суд обоснованно не стал исследовать право этого лица на спорное имущество. При этом было указано следующее. По смыслу п.2 ст.167 ГК РФ для возврата полученного по недействительной сделке не подлежат исследованию основания возникновения прав сторон на переданное по сделке имущество. Стороны должны доказать только факт передачи имущества во исполнение недействительной сделки. Также было признано правомерным отклонение довода ответчика о необходимости применения правил о виндикационном иске к требованиям о возврате в натуре имущества, полученного по недействительной сделке, указав, что в соответствии со ст. 12, 167 ГК РФ применение последствий недействительности сделки является самостоятельным способом защиты гражданских прав. В рамках этого спора право истца на имущество исследованию не подлежит, однако удовлетворение такого иска не предрешает исход возможного спора о принадлежности имущества.³³

Таким образом, данное обстоятельство также свидетельствует о существенных отличиях в правовой природе реституции и виндикации.

И, в-третьих, реституция и виндикация, хотя и объединяются тем, что являются мерами охранительного порядка, но относятся к различным подотраслям гражданского права. Виндикационный иск является типичным вещно-правовым притязанием. Его предъявление возможно в случаях, когда стороны не связаны между собой договорными правоотношениями по поводу истребуемой вещи. В противном случае такое истребование должно основываться на соответствующем договоре. Реституция же, как защитная мера, относится к обязательственной сфере гражданского права. В этом отношении В.С.Ем справедливо отмечает, что если рассматривать возможность возврата имущества, переданного по недействительной сделке, путем предъявления виндикационного иска, то «в результате этого необоснованно смешиваются сферы действия вещных и обязательственных исков и появляется возможность конкуренции исков, несвойственная российскому и в целом континентальному гражданскому праву»³⁴. Такой подход можно обнаружить и в арбитражной практике. Так, по одному из дел ФАС Поволжского округа отметил, что при возврате имущества, переданного по недействительной сделке, истец избрал ненадлежащий способ защиты своего права путем предъявления виндикационного иска. При этом подчеркнуто, что наличие между сторонами обязательственных правоотношений исключает возможность удовлетворения исковых требований, заявленных на основании ст.301 ГК РФ.³⁵ Такая же позиция была сформулирована и Президиумом ВАС РФ, когда было разъяснено, что при рассмотрении требования о применении

³² Склоцкий К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – №8. – С.109-110.

³³ П.3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 №126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // Вестник ВАС РФ. – 2009. – №1.

³⁴ Гражданское право: В 4т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.510 (автор главы – В.С. Ем).

³⁵ Постановление ФАС Поволжского округа от 25.10.2010 по делу №А57-25303/2009 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

последствий недействительности сделки, заявленного стороной этой сделки, правила п.1 ст. 302 ГК РФ не применяются.

На основе изложенного, можно сделать вывод о существенных отличиях в правовой природе таких охранительных мер как реституция и виндикация. Это не позволяет рассматривать реституционное притязание как разновидность виндикации.

Говоря о соотношении взыскания исполненного по недействительной сделке (реституции) и неосновательного обогащения (кондикции), полагаем, их также нельзя отождествлять, хотя внешне имеется очень большое сходство. Так, в силу ст.1102 ГК РФ, лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). При осуществлении исполнения по недействительной сделке каждая из сторон приобретает от другой имущественную выгоду без установленных законом или сделкой оснований. Следовательно, формально имеются основания для признания предоставленного по недействительной сделке неосновательным обогащением. В силу этого, в литературе зачастую реституционное обязательство характеризуют как обязательство из неосновательного обогащения³⁶.

По мнению Д.О.Тузова, «недействительность сделки – это всего лишь частный случай отсутствия правового основания, а предоставление по такой сделке – одна из возможных причин неосновательного владения или обогащения, и притом, по-видимому, наиболее распространенная. Не случайно в системе кондикционных обязательств одно из главных мест традиционно принадлежит тем из них, которые возникают вследствие исполнения недействительных сделок. Это характерно и для континентального европейского, и для англо-американского права».³⁷ Аналогичной позиции придерживается Ф.С.Хейфец, указывающий, что «правовым основанием изъятия имущества при признании сделки недействительной, независимо от юридической характеристики переданного имущества (индивидуально-определенные вещи или вещи, определенные родовыми признаками), является неосновательное приобретение или сбережение имущества»³⁸. Признание реституции обязательством из неосновательного обогащения встречается в работах цивилистов и советского периода. Так, В.П.Шахматов отмечал: «Признание сделки недействительной, как правило, относит недействительность к моменту ее совершения. Отсюда переход имущества по такой сделке теряет свое правовое основание... Исполнение оспоримых сделок приводит к неосновательному получению только тогда, когда такие сделки признаются недействительными. Но во всех случаях недействительности сделок с их исполнением возникает и неосновательное получение имущества. ...Таким образом, если то или иное лицо требует признания оспоримой сделки недействительной, то это означает, что в результате ее совершения оно либо необоснованно лишилось принадлежащего ему права, либо без должных оснований приняло на себя исполнение той или иной обязанности, а поэтому и настаивает на восстановлении права или освобождении от обязанности, или на том или другом одновременно»³⁹. Аналогичного толкования придерживалась и Н.В.Рабинович.⁴⁰

Можно считать бесспорным то, что фактическое приобретение имущества без достаточных оснований может возникнуть не только при исполнении недействительной сделки. С учетом этого в литературе утверждается, что обязательство из неосновательного обогащения универсально для всех случаев, когда одно лицо приобретает (сберегает) имущество за счет другого без правового основания, и поэтому является родовым поня-

³⁶ См. напр.: Соломина Н.Г. К вопросу о соотношении требования о возврате неосновательного обогащения с требованием о возврате исполненного по недействительной сделке // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – №2. – С.7-10; Эрделевский А.М. О соотношении кондикционных и иных требований // СПС Консультант Плюс: Комментарии законодательства.

³⁷ Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. – С.85; Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. – С.284-358.

³⁸ Хейфец Ф.С. Указ. соч. – С.116-117.

³⁹ Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. – С. 247.

⁴⁰ Рабинович Н.В. Указ. соч. – С. 116.

тием.⁴¹ «Неосновательное обогащение, – отмечает А.М.Эрделевский, – является родовым понятием по отношению ко всем обязательствам возвратить... имущество. Признаки неосновательного обогащения есть... при исполнении недействительной сделки».⁴²

Признавая сходство рассматриваемых охранительных мер, все же считаем, что нет оснований для их полного отождествления, как с точки зрения нормативного подхода, так и их внутренней сущности.

Так, выявляя соотношение рассматриваемых институтов с точки зрения действующего законодательства, на основе буквального толкования положений ст. 1103 ГК РФ можно сделать вывод о том, что реституционное требование и требование о возврате неосновательного обогащения имеют автономный статус. Этот вывод прямо вытекает из названия статьи («Соотношение требований о возврате неосновательного обогащения с другими требованиями о защите гражданских прав») и ее текста («...правила, предусмотренные настоящей главой, подлежат применению также к требованиям...») и косвенно следует из расположения реституционного требования (в рамках все той же статьи) в черед требований (виндикационного и деликтного), самостоятельность которых не вызывает сомнений. Также в этой статье четко указано, что правила данной главы применяются, если «иное не установлено настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений».

Кроме того, некоторые нормы гл. 60 ГК РФ не могут применяться при возврате исполненного по недействительной сделке. Так, согласно п.4 ст.1109 ГК РФ, *не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения «денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности»*. Это правило не соответствует существу реституционного правоотношения. Невозможность его использования подтверждает и практика ВАС РФ (п.11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 №49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»).

Конечно, ссылка на закон не является особенно убедительным аргументом в научном споре, тем более, что законодатель не определяет природы правоотношений, связанных с применением последствий недействительности сделки. Однако, для некоторого разграничения реституции и кондикции, полагаем имеются и иные основания.

Получение имущества по недействительной сделке, безусловно, лишено правовых оснований и потому является неосновательным. Однако, как представляется, это несколько упрощенный взгляд на природу анализируемых отношений и такое формальное сходство еще не позволяет однозначно относить реституционное обязательство к неосновательному обогащению в том смысле, который заложен в нормах гл. 60 ГК РФ. При чуть более глубоком анализе обнаруживается, что не всегда наличие обязанности возвратить все полученное по недействительной сделке связано с обогащением. В этом плане можно согласиться с Ю.С.Поваровым, который отмечает, что далеко не во всех случаях недействительности сделок уместно говорить об обогащении – приобретении (сбережении) имущества одним лицом за счет другого. К примеру, трудно считать обогащением получение вещи по признанному недействительным и исполненному обеими сторонами договору купли-продажи, в котором цена предмета договора определена исходя из его рыночной стоимости: приобретая вещь, покупатель понес и соответствующие расходы, вследствие чего вряд ли оправданно утверждать о получении сторонами выгоды с точки зрения увеличения имущества.⁴³ По мнению Д.В.Новака, также «при взаимном исполнении недей-

⁴¹ См. напр.: Соломина Н.Г. Универсальность кондикционного обязательства в российском гражданском праве. Автореф. дис. ... д.ю.н. – М., 2009. – С.7; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М.: МЦФЭР, 1996 и др.

⁴² Эрделевский А.М. О соотношении кондикционных и иных требований // СПС Консультант Плюс: Комментарий законодательства.

⁴³ Поваров Ю.С. Вопросы соотношения реституционного и кондикционного требований // Журнал российского права. – 2010. – №7. – С.60-61.

ствительной сделки, стороны которой передали друг другу равноценное имущество, факт обогащения отсутствует, однако закон все равно предписывает каждой из сторон возвратить другой все полученное по сделке (двусторонняя реституция)⁴⁴. Причем такой подход разделяется и Президиумом ВАС РФ, который в п.7 информационного письма от 11.01.2000 №49 сформулировал вывод о том, что денежные средства, уплаченные за пользование имуществом, предоставленным по недействительному договору, могут считаться неосновательно полученными лишь *в части, превышающей размер причитающегося собственнику имущества возмещения*.⁴⁵

Как видно, в ситуациях, когда обе стороны произвели исполнение по недействительной сделке, ни одна из них не может считаться обогатившейся за счет другой стороны, тем не менее, в силу недействительности стороны должны вернуть друг другу все, что ими получено друг от друга (то есть реституционное правоотношение должно быть реализовано). Полагаем, это связано с двусторонним характером реституции. Видимо не случайно, те авторы, которые рассматривают реституцию как разновидность неосновательного обогащения, обращают внимание на необходимость отдельного рассмотрения обязанности каждой из сторон по недействительной сделке вернуть все полученное по ней.

Так, Н.Г.Соломина, формируя вывод о том, что реституционное требование выступает разновидностью требования из неосновательного обогащения и не является самостоятельным способом защиты гражданских прав, аргументирует это тем, что «при применении последствий недействительности сделки процесс возвращения каждой из сторон в первоначальное положение должен рассматриваться изолированно друг от друга, а каждая из сторон недействительной сделки в зависимости от направленности реституционного действия является одновременно и потерпевшей стороной, и обогатившейся. При двусторонней реституции необходимо вести речь о требованиях обеих сторон недействительной сделки о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, каждое из которых должно рассматриваться как самостоятельное»⁴⁶.

Обращая внимание на двусторонность реституции, другие авторы разграничивают рассматриваемые институты. В частности, Е.Перкунов отмечает, что одно из различий заключается в том, что возврат исполненного по недействительной сделке в подавляющем большинстве случаев приводит к двусторонней реституции, тогда как возврат неосновательного обогащения – это реституция односторонняя⁴⁷. С ним солидарны А.И.Дихтяр и Е.С.Анисимова.⁴⁸ Доводы в пользу двустороннего характера реституционного отношения приводились выше.

Таким образом, реституция имеет свои отличительные признаки, которые не позволяют рассматривать ее как традиционное неосновательное обогащение в понимании гл.60 ГК РФ.

На основе изложенного, можно прийти к выводу о том, что реституция как следствие недействительности сделок не может сводиться ни к виндикации, ни к кондикции. Наличие у нее отличительных признаков, обусловленных природой данных правоотношений, позволяет сделать вывод о самостоятельности реституции как гражданско-правового способа защиты. Она занимает свое место среди иных охранительных мер и поэтому конкуренции исков в рассматриваемых случаях быть не должно.

⁴⁴ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в теории российского гражданского права // Вестник гражданского права. – 2007. – №1. – С.5-44.

⁴⁵ П.7 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 №49 "Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении" // Вестник ВАС РФ. – 2000. – №3.

⁴⁶ Соломина Н.Г. К вопросу о соотношении требования о возврате неосновательного обогащения с требованием о возврате исполненного по недействительной сделке // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – №2. – С.7.

⁴⁷ Перкунов Е. Неосновательное обогащение – место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (Окончание) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2004. – №3. – С.117.

⁴⁸ Дихтяр А.И., Анисимова Е.С. Обязательства, связанные с неосновательным обогащением: вопросы теории и практики // СПС Консультант плюс: Комментарии законодательства.

Список литературы

1. Смольков С.Н. Недействительные сделки: вопросы теории и практики. Дис. ... к.ю.н. – М. 2004.
2. Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – №8. – С.109-110.
3. Савельева О.Ю. Недействительность сделок в гражданском обороте. Дис. ... к.ю.н. – Рязань, 2003.
4. Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. – С.123-124.
5. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.04.2010 по делу №А27-7785/2009 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2010 №18АП-6304/2010 по делу №А47-10612/2009 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.
6. П.1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 №126 "Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения" // Вестник ВАС РФ. – 2009. – №1.
7. Заключение Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа от 18.12.98 № 3 "В связи с обзором арбитражной практики по соотношению исков об истребовании имущества (виндикационных исков) и исков о применении последствий недействительности ничтожных сделок в виде истребования имущества" // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

ISSUES OF SUITS "CONCURRENCE" AT CONSEQUENCES USAGE OF VOID TRANSACTIONS

N.V.KOZYAR

*Belgorod National
Research
University*

The article deals with the analysis of consequences of void transactions.

Key words: suit, transaction, void transaction, concurrence.

УДК 316.334

МОДЕЛИ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Л.М. КУЗЬМИНА*Российский
государственный
социальный университет**e-mail: www.rgsu.net*

Проведенное исследование дает возможность проследить различия в социальной мобильности супругов в течение первых пяти лет брака.

Также на основе изучения потребностей молодой семьи и способов их удовлетворения автором сформированы модели жизненной стратегии молодой семьи.

Ключевые слова: модель жизненной стратегии семьи, гендерные особенности, цели жизненной стратегии семьи, карьера семьи.

Жизненная стратегия молодой семьи (далее – ЖСМС) – это совокупность последовательных этапов жизненного пути молодых супругов, прохождение которых позволит молодой семье достичь поставленных целей в профессиональной деятельности, образовании супругов и детей, осуществлении репродуктивной функции, достижении планируемого благосостояния и качества жизни.

К этапам жизненной стратегии целесообразно отнести репродуктивный (от момента образования семьи до рождения первого ребенка), достижительный (достижение материального благополучия, определенной стабильности), профессиональный (осуществление профессиональной карьеры одного или обоих супругов, улучшения жилищных условий, получения профессионального образования (вторичного или первичного)).

Траектории развития обозначенных этапов взаимосвязаны между собой, однако существует определенная последовательность. Достижительный этап рассматривается в качестве итогового на протяжении всего периода становления молодой семьи.

Репродуктивный этап может включать две фазы «роста» молодой семьи: от момента вступления в брак до момента рождения первого ребенка (0-2 года) и от рождения первого до рождения второго ребенка (2-5 лет).

По данным обследования, большинство первых рождений (77,5%) приходится на два начальных года брачной жизни. Средний стаж семьи при появлении первого ребенка равен 2 годам, а второго – 5-6,6 года.

Социальная «линия» развития семьи (социальный статус) определяется характером занятости членов семьи, типом их социальной мобильности и связана с утверждением социального статуса семьи в профессиональной сфере.

Материалы социологического исследования¹ дают возможность проследить различия в социальной мобильности супругов в течение первых пяти лет брака. При образовании семьи различия в образовательно-квалификационном уровне супругов незначительны, а по общему уровню образования жены даже несколько превосходят мужей. Что касается специального образования, то здесь заметно их отставание, т.к. женщины чаще начинают свою трудовую деятельность, не имея специальной подготовки, что, возможно, отражается на трудовой карьере. Тем не менее, при вступлении в брак в половине супружеских пар фиксировался одинаковый уровень квалификации супругов или жена обогнала мужа.

При сравнении отдельных когорт можно заметить положительную динамику: более высокий квалификационный статус или равный с мужем в момент вступления в брак имеют все больше и больше женщин.

¹ Социологическое исследование «О положении молодой семьи в Российской Федерации» было проведено в 2009 году Международным центром семьи, молодежи и детей при поддержке Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ.

Молодые женщины более активно реализуют возможности профессионального роста, чем старшее поколение. Тем не менее, различия в социально-профессиональной мобильности мужей и жен достаточно существенны.

Неравенство мужчин и женщин проявляется даже в случае растущей карьеры у жены, т.к. «потолок» профессионального роста женщин значительно ниже. Например, в случае руководящей должности — это скорее уровень руководителя отдела или группы, а не предприятия или учреждения.

Преобладающий тип трудовой карьеры влияет и на динамику заработков супругов. В среднем она вырастает в одинаковой мере, но у мужчин основной рост приходится на первые пять лет брака (у рабочих) или вторые пять лет (у служащих), тогда как женщины только к концу периода активизируют свои усилия, возвращаясь в полной мере к профессиональной деятельности.

Радикальные изменения всей системы функционирования экономики в стране, появление безработицы привели к значительным трансформациям в типах и направлениях социальной мобильности мужчин и женщин. Мужчины сохранили в среднем положительное направление мобильности, но падение результирующего показателя мобильности оказалось для них ощутимее в силу более высокого статусного уровня в прошлом. Что касается заработной платы, то сейчас отставание жен от своих мужей увеличилось: их средняя заработная плата составляет немногим больше половины заработка мужа. Эта тенденция заметна и на начальных этапах жизненной карьеры молодой семьи.

Экономическая «линия» развития семьи определяется материальной и жилищной обеспеченностью, которые измеряются показателем душевого дохода, а также размером и качеством жилья.

Уровень материальной обеспеченности зависит от двух факторов: занятости членов семьи (а она в тот период определяется в основном демографическим состоянием) и величины их заработков.

Исследование показало, что на уровень материальной обеспеченности семьи в начальный период ее жизни значительное влияние оказывает помощь или, наоборот, иждивение старших родственников, увеличивая или уменьшая душевой доход семьи. Родители в значительной степени превращаются в кормильцев молодых супругов, даже живущих отдельно. В молодых семьях возрастает доля семей, получающих регулярную материальную помощь от родителей. В случае сложных семей роль родителей в бюджете семьи также становится более значительной от поколения к поколению: в старшей брачной когорте родители-«кормильцы» были только в 17% сложных семей, но уже в младшей когорте — в 43%. В среднем доход родителей был на 60% выше заработка молодых супругов.

Описанная траектория изменения душевых доходов семей в течение жизненного цикла претерпевает существенные изменения в современных социально-экономических условиях. Прежде всего, заработки людей зависят в меньшей степени от стажа и, следовательно, от квалификации, а в большей — от места работы (бюджетный или частный сектор), статуса (наемный работник или работодатель), от дополнительной или теневой занятости. В этих условиях молодежь оказывается более мобильной, более способной к адаптации, что на данных по условному поколению дает некоторое выравнивание в доходах младших и старших групп по возрасту семьи. Для исследования динамики материальной обеспеченности семей методом реального поколения еще не прошло достаточно количества лет жизни в новых условиях, т.е. трудно пока выделить закономерности развития, тем более что до сих пор не сложилось устойчивой ситуации, когда можно было бы сказать, что новые правила игры окончательно определены.

Большое значение для анализа семейного благосостояния имеет изучение динамики жилищных условий семьи на отдельных этапах ее жизненного цикла, в частности определение типа, размера и комфортности жилья, в котором молодая семья начинает свою жизнь.

Особой категорией с точки зрения жилищной обеспеченности являются сложные семьи. Уже само появление новой семьи определяет ее потенциальную потребность в изолированном жилье. Предоставление же сложным семьям квартир происходит на общих основаниях. Тем не менее, стремление молодой семьи к самостоятельности застав-

ляет искать пути решения жилищной проблемы зачастую через мобилизацию внутренних материальных средств на строительство жилья. Среди тех, кто сумел осуществить этот план, лишь треть имеет относительно высокие доходы и могла без посторонней помощи приобрести квартиру. В большинстве случаев основная тяжесть в обеспечении молодых семей изолированным жильем ложится на родителей. Несмотря на то, что первоначальные условия жизни молодой семьи были относительно благоприятнее в сложных семьях, частота случаев улучшения жилья почти равна для простых и сложных семей, различаются лишь пути улучшения: доля получающих государственное жилье среди сложных семей значительно ниже.

Анализ динамики жилищной обеспеченности на протяжении жизненного цикла семьи показал еще одну причину постоянно сохранявшейся остроты жилищной проблемы. Это отсутствие возможности для мобильности в связи с изменениями в составе семьи. При распределении жилья не учитывается возраст семьи, в результате после рождения первого, а чаще второго ребенка около 40% семей, уже получивших жилье, опять становятся нуждающимися в улучшении жилищных условий.

В условиях появления рынка жилья проблемы остаются и еще более усугубляются из-за высоких цен, не соответствующих возможностям молодых семей, а распад распределительной системы не позволяет им надеяться на улучшение жилищных условий и в отдаленной перспективе.

Таким образом, на основе изучения потребностей молодой семьи и способов их удовлетворения можно сформировать несколько моделей жизненной карьеры молодой семьи.

Модель I

Цель – высокий уровень благосостояния и качества жизни.

Этапы достижения цели:

- профессиональная карьера, высокооплачиваемая работа обоих супругов,
- улучшение жилищных условий,
- организация отдыха.

Модель II

Цель – высокий уровень благосостояния и качества жизни.

Этапы достижения цели:

Муж

Высокооплачиваемая работа
Обеспечение семьи жильем
Организация отдыха

Жена

Рождение и воспитание ребенка
Ведение домашнего хозяйства

Модель III

Цель – рождение и воспитание детей, стабильное функционирование семьи.

Этапы достижения цели:

- рождение и воспитание двух или более детей,
- профессиональная деятельность обоих супругов,
- жилищные условия (автономно или совместно с родителями).

Модель IV

Цель – высокий уровень благосостояния и качества жизни.

Этапы достижения цели:

- высокооплачиваемая работа обоих супругов,
- приобретение жилья.

Основной целью жизненной стратегии своей семьи и мужчины (85,71%) и женщины (70,59%) считают достижение высокого уровня благосостояния и качества жизни. Следующей по значимости целью развития семьи является рождение и воспитание детей, эта цель приоритетна для 14,29% мужчин, и, почти на 10%, большего числа женщин (23,53%). Развитие профессиональной карьеры волнует только молодых (22-24 года) женщин. В этой же возрастной группе (22-24 года) процент людей, ставящих главной целью достижение высокого уровня благосостояния, относительно других возрастных групп, наименьший (55,56), зато резко возрастает количество людей, ставящих превыше

всего рождение детей, в этой возрастной группе этот показатель достигает своего пика, затем, по мере увеличения возраста опрашиваемых, снижается.

Респонденты, уже имеющие детей, чаще называли своим приоритетом повышение качества жизни и реже рождение детей, чем респонденты без детей, что вполне логично.

Представляется интересным, что респонденты с низким и высоким уровнем доходов одинаково высоко (80,00% и 81,82%) оценили приоритетность достижения высокого уровня жизни, а опрашиваемые со средним доходом в два раза чаще других групп называли главной целью своей семьи рождение детей (31,67%).

Подавляющее большинство респондентов основной целью жизненной стратегии своей семьи выбрали достижение высокого уровня благосостояния и качества жизни, ради достижения этой цели чаще всего (41,94%) люди согласны ограничить своё время общения с семьёй, при этом, и женщины, и мужчины согласны с таким ограничением почти в равной степени (41,18% и 42,86%, соответственно). Вторым по популярности вариантом ограничения оказался отказ от рождения второго ребёнка, в большей степени этот вариант ответа предпочли женщины – 47,06% против 28,57% у мужчин.

Следующие варианты ответов у мужчин и женщин как бы компенсируют друг друга: женщины в большей степени согласны отказаться от собственного жилья, мужчины от высокого благосостояния, женщины от ограничения профессионального роста, мужчины от получения образования.

Резко отличаются от средних ответы возрастной группы 22-24 года, респонденты этого возраста в меньшей степени хотят ограничивать своё время общения с семьёй (22,22%), при том, что в других возрастных группах это ограничение считают приемлемым 50% опрошенных. Интересно, что отказаться от собственного жилья согласны только самые молодые (19-21 год) респонденты, но среди них доля выбравших этот вариант ответа довольно высока – 25%.

Нельзя исключать значимость гендерных особенностей. Так, выбор результатов жизненной карьеры значительно различается в ответах мужчин и женщин.

Только 14% мужчин выбирают в качестве цели жизненной карьеры «рождение и воспитание детей» в сравнении с 24% женщин. Особенно это проявляется у мужчин в возрасте до 21 года (0% респондентов). Никто из мужчин не ставит целью профессиональную карьеру одного из супругов, хотя около 6% женщин готовы помогать супругу при движении по профессиональной лестнице. Материальные цели жизненной карьеры более значимы для мужчин, чем для женщин.

Главной задачей планирования и реализации жизненной карьеры является обеспечение взаимодействия профессиональной и внутрисемейной карьер, которое предполагает выполнение ряд задач:

- достижение взаимосвязи целеполагания и каждого члена семьи;
- обеспечение направленности планирования карьеры на семью с целью учета специфических потребностей каждого члена и ситуаций;
- устранение «карьерных тупиков», в которых практически нет возможностей для развития семьи;
- формирование наглядных и воспринимаемых критериев роста, используемых в конкретных карьерных решениях;
- изучение карьерного потенциала семьи;
- обеспечение обоснованной оценки карьерного потенциала семьи с целью сокращения нереалистичных ожиданий;
- определение путей роста, использование которых удовлетворит количественную и качественную потребность в нужный момент времени и в нужном месте.

Под планированием и контролем ЖСМС мы понимаем организацию с момента вступления в брак планомерного горизонтального и вертикального развития семьи. Желательно знать не только свои перспективы на краткосрочный и долгосрочный период, но и то, каких показателей необходимо добиться, чтобы рассчитывать на развитие.

Большинство женщин (59%) считают, что для успешного развития карьеры молодой семьи необходимо иметь возможность профессионального роста и материальной поддержки государства при рождении детей (41%). Для женщин во все времена одной из значимых задач была возможность дать детям образование. Данные проведенного нами

исследования не противоречат этому: 41% женщин отметили этот фактор важным для себя. Причем с возрастом значимость этого фактора усиливается.

Для мужчин наиболее важно в жизни – повышать профессиональное мастерство и продвигаться по карьерной лестнице – 85% респондентов высказали это мнение.

Интересен факт, что молодые люди не рассчитывают на поддержку государства как при организации собственного бизнеса, так и при рождении детей. Никто из респондентов не выбрал факторы «Государственная поддержка семейного бизнеса» и «Материальная поддержка государства при рождении детей» значимым для себя.

Однако они рассчитывают на поддержку государства при трудоустройстве (21%) и считают необходимым повышать свою квалификацию (21%). Причем, чем выше уровень доходов, тем острее необходимость в поддержании и повышении квалификации.

Главным условием успешного развития семьи на стадии её формирования подавляющее большинство респондентов (74,19) считают наличие собственного жилья, с этим согласны более половины (57,14%) мужчин, но этот фактор более важен для женщин (88,24%). Об устройстве ребёнка в детский сад, как о факторе развития семьи, сказали 17,65% женщин и ни один мужчина, с получением льготных кредитов ситуация обратная этот фактор важен для 14,29% мужчин и не важен для женщин. Вопросы трудоустройства и совмещения работы и учёбы женщин волнуют в среднем в полтора раза больше (41,18% и 23,53% против 28,57% и 14,29% мужчин). Практически в три раза больше женщин беспокоит материальная поддержка государства при рождении детей (41,18% против 14,29% мужчин).

В наибольшей степени гарантия трудоустройства волнует респондентов из возрастной группы 28 – 35 лет. Возрастную группу 19 – 21 год волнуют вопросы совмещения работы с получением образования (75%) и гарантия трудоустройства (50%).

Как ни странно, наличие собственного жилья выступило как более важный фактор с точки зрения респондентов, не имеющих детей и имеющих средние доходы. Чётко прослеживается снижение влияния фактора устройства ребёнка в детский сад по мере увеличения доходов опрашиваемого. Возможность получения льготных кредитов волнует только малообеспеченных респондентов, а вот ипотечное кредитование затрагивает и людей с высоким уровнем доходов. Естественно, что важность фактора трудоустройства уменьшается по мере увеличения доходов.

На развитие семейных отношений оказывает влияние ряд факторов, среди которых важнейшее место занимает мотивация каждого члена семьи.

Можно выделить следующие движущие мотивы:

1. Автономия. Человеком движет стремление добиться независимости, чтобы получить возможность делать все по-своему. В рамках семьи такую возможность предоставляет либо высокий доход, либо статус, либо авторитет и заслуги, с которыми все вынуждены считаться.

2. Безопасность и стабильность. Деятельностью членов семьи управляет стремление сохранить и упрочить семейное положение, поэтому в качестве основной задачи они рассматривают получение должности, дающей такие гарантии.

3. Управленческая компетентность. Человеком руководит стремление к власти, лидерству, успеху, которые ассоциируются с высокой должностью, рангом, званием, статусными символами, важной и ответственной работой, высокой заработной платой.

4. Предпринимательская креативность. Людью руководит стремление создавать или организовывать что-то новое, то есть заниматься творчеством.

5. Потребность в первенстве. Человек стремится к позитивной жизни ради того, чтобы быть всегда и везде первым, "обойти" своих коллег.

6. Стиль жизни. Человек ставит перед собой задачу интегрировать потребности личности и семьи, например, получить интересную, достаточно высоко оплачиваемую работу, предоставляющую свободу передвижения, распоряжения своим временем и так далее.

Наличие перспектив развития карьеры предоставляет ряд преимуществ, как каждому члену, так и семье в целом.

Любой человек планирует свое будущее, основываясь на своих потребностях и социально – экономических условиях. Нет ничего удивительного в том, что он хочет знать

перспективы своего служебного роста и возможности повышения квалификации в данной организации, а также условия, которые он должен для этого выполнять. То же самое должно относиться и к семье. В противном случае мотивация поведения становится слабой, семья распадается.

Правильная самооценка деловых черт предполагает знание каждого члена семьи, своей силы, слабостей и недостатков. Только при этом условии можно правильно поставить цели ЖСМС.

Целью ЖСМС нельзя назвать область деятельности супругов, определенную работу, должность супругов, место на служебной лестнице. Она имеет более глубокое содержание. Цели ЖСМС проявляются в причине, по которой семья хотела бы занимать определенную ступеньку на иерархической лестнице.

MODELS OF VITAL STRATEGY OF THE YOUNG FAMILY (FOLLOWING THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

L.M. KUZMINA

*Russian State
Social University*

e-mail: www.rgsu.net

The conducted research gives the chance to track distinctions in social mobility of spouses within first five years of marriage.

Also on the basis of studying of requirements of a young family and ways of their satisfaction the author generates models of vital strategy of a young family.

Key words: model of vital strategy of a family, gender features, the purposes of vital strategy of a family, family career.

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В СОЦИОЛОГИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ДОРОТИ Е. СМИТ

Л.У. КУРБАНОВА

ГНИ

им. ак. М. Д. Миллионщикова

e-mail:

medna59@mail.ru

В статье рассматривается гендерный аспект позиционирования социолога на примере концепции Д. Е. Смит.

Ключевые слова: гендер, социология, господство.

Рассматривая формы и практики «мужского господства» Пьер Бурдьё признавал, что мы прибегаем к способам мышления, которые являются порождением этого господства. «Пытаясь понять тот или иной субъект, мы включаем себя-как мужчину и женщина- в состав этого объекта, воспроизводя тем самым историческую структуру мужского порядка в виде бессознательных схем восприятия и оценивания. Поэтому когда мы пытаемся понять мужское господство, мы склонны прибегать к способам мышления, которые являются продуктами этого самого господства. Единственную надежду на выход из этого круга дает поиск практической стратегии объективации самого субъекта научного объективирования»¹.

Под «субъектом объективирования» Бурдьё имеет, естественно, в виду «мужчину». Мужчина как конструкция социальных практик и репрезентаций, с безальтернативным набором аргументаций, который уже в силу этого «порядка вещей» имеет статус «естественных». «Объективный порядок вещей» Бурдьё не рассматривает как «заговор» определенной группы людей, которые решили пользоваться своими привилегиями, он считает, что сила мужского порядка не нуждается ни в оправдании, ни в подтверждении². Но вопрос об исторической специфичности, а, следовательно, временности, тех или иных социальных ролей и интерпретационных традиций не сходит с повестки дня социологии. Попыткой «субъективировать» взгляд на мужское господство в иерархии порожденных им социальных ролей, где перманентно женщине отводится роль «обслуживающей» эту мужскую социальную конструкцию, является попытка переключить исследовательский фокус на опыт, а не на знание, которые по мнению известного социолога Дороти Е. Смит, имеют разный статус. В своей известной работе «Женская перспектива как радикальная критика социологии»³, она утверждает, что мир в том виде, в котором он конструируется мужчинами, находится в позиции власти по отношению к миру женщин. В работе прослеживается весьма конструктивный подход в объяснительной модели женского места в социологии, где свое право представлять должны сами женщины, а не просто воспринимать в качестве директив интересы, традиционно представленные в социологии, скомпилированной мужчинами. «Что же мы можем предпринять в связи с открывшимся доступом к социальной реальности, ранее недоступной и, по сути, подавленной? Что произойдет, если мы начнем относиться к ней с позиций нашей науки? Как и многие, мы, безусловно, можем подумать всего лишь о включении [новых] курсов в существующий репертуар, – курсов о половых ролях, о женском движении, о женщинах на рабочем месте, о социальной женской психологии и, возможно, каких-то

¹ Цит. По Ушакин С.»Человек рода он»: футляры мужественности./Вопросы философии. 2005. №7. – С. 34.

² Там же. – С.35.

³ Dorothy E. Smith. Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology // Feminism and Methodology. Women's Perspective. NewYork, 1987. Перевод с англ. Анны Бородиной, Тверской Центр Женской Истории и Гендерных Исследований, 2002. – С. 21.

новых версий социологии семьи?»⁴ спрашивает автор. И идет дальше в своих вопросах: «как бы выглядела социология, если бы она начиналась с точки зрения традиционного места в ней женщин, и что произойдет с социологией, которая постарается серьезно подойти к этой проблеме?».

С точки зрения «места женщины» ценности, закрепленные за различными сферами жизни, не стоят на месте. Одни выходят на первый план, тогда как значение других стандартных социологических установок уменьшается. В качестве модели Дороти рассматривает мир, который предстает перед нами в полуденных сериалах – «мыльных операх». Их сюжеты, как правило, определяются (хотя и не ограничиваются) домашними событиями, домашними интересами и деятельностью. «Мужчины в этом мире появляются как необходимые и жизненно важные компоненты. Это не есть женский мир в смысле исключения из него мужчин. Однако это мир женщин в том смысле, что правят бал в нем особенно, относящиеся к месту женщины. Мужчины демонстрируются нам лишь с их домашней, частной стороны или же как точки пересечения публичного и приватного – доктора в больницах, юристы в своих офисах, обсуждающие условия завещаний и разводов. Мир их профессии и политики представлен в незначительной степени. Мужчины изображены как целостные личности – и, в то же время, частичные, неполные – подобно тому, как женщины появляются в социологии, predeterminedенной вселенной, которую заняли мужчины»⁵. Это любопытное сравнение автора, она убеждена, что женщины рассматриваются в социологии через сконструированные процедуры миром мужчин. Поэтому было бы недостаточно сформулировать все проблемы женщин как исследовательскую проблему для социологов. Это не меняет по мнению автора власть существующих процедур. «Мы не можем на этом успокоиться, поскольку все это не объясняет границы между двумя мирами, а также не анализирует и не объясняет нам отношений между ними»⁶.

Дороти Смит определяет трудности объективации женского места в социологии тем, что понимание социологии – ее методов, концептуальных схем и теорий – основано и построено в рамках мужской социальной вселенной. Сложность она видит здесь, в первую очередь, в разъединении того, каким образом женщины воспринимают и познают мир, и теми концепциями и теоретическими схемами, которые доступны им для осмысления этого.

И вторая трудность, по мнению автора, заключается в том, что два мира и две основы (по) знания и опыта не равны по своему статусу. Мир в том виде, в котором он конституируется мужчинами, находится в позиции власти по отношению к миру женщин. «С позиций именно мужского мира наше общество управляется, именно с них начинается все происходящее с нами. Домашний мир пребывает в состоянии зависимости от мира мужского, которому подчинен и сам характер женского мира.»⁷

Эти две трудности соотносятся друг с другом особым образом. «Последствия взаимодействия второй с первой состоит в преподнесении концепций и категорий, в которых осмысливается мир мужчин, в качестве тех, в которых женщины должны осмысливать свой мир. Следовательно, за счет этих категорий женщины отчуждаются от своего собственного опыта.

Профессия социолога основывается на вселенной, занятой мужчинами, и все еще во многом присваивается мужчинами как их «территория». Социология есть часть той практики, посредством которой всеми нами управляют, и эта практика устанавливает свои соответствия и взаимосвязи»⁸.

Автор сходится к мысли, что мужчины структурировав этот мир в социологических процедурах, сделали женщин их заложниками. Ибо женской социологии с созданной ей самой «своей территорией не существует, она находится на «территории» мужчин

⁴ Dorothy E. Smith. *Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology // Feminism and Methodology. Women's Perspective*. New York, 1987. Перевод с англ. Анны Бородиной, Тверской Центр Женской Истории и Гендерных Исследований, 2002. – С.23.

⁵ Там же. – С.27.

⁶ Там же. – С.28.

⁷ Там же. – С.29.

⁸ Там же. – С.30.

и вынуждена принимать их правила игра соподчинения, где она всегда внизу, а он наверху. Дороти Смит видит выход в следующем: «Так, институты, запирающие социологию в структурах, оккупированных мужчинами, – это те же самые институты, которые запирают женщин в ситуациях, в которых они оказываются угнетенными. Чтобы выпустить вторых, логически необходимо освободить и первых. То, что за этим последует, или же, скорее, станет возможным в связи с этим, – поскольку, безусловно, ни в коей мере не является неизбежным, – это не столько сдвиг в субъекте, сколько [принципиально] иная концепция того, как социология будет либо сможет понимать и осмысливать наш опыт общий как для женщин, так и для мужчин»⁹.

Подчеркивая, что управление нашим обществом производится через концепции и символы и вклад социологии в этот процесс состоит в разработке концептуальных процедур, моделей и методов, посредством которых непосредственные и конкретные черты опыта можно преобразовывать в концептуальные схемы, через которые и осуществляется управление, автор приходит к выводу, что женщины находятся за рамками этой всей структурированной системы и подчинены ей. Потому что, когда мужчина входит в свою концептуальную модель, ему не нужно раздваиваться и думать о своих житейских проблемах. Ими занята женщина.

Автор размышляет следующим образом: «Именно то, что мужчина не должен сосредотачивать деятельность и интересы на своем телесном существовании, обуславливает ему возможность войти в концептуальную модель и абсорбироваться ею. Если он собирается более полно участвовать в абстрактном образе действия, то он должен быть освобожден от необходимости уделять внимание своим нуждам и т.п. в конкретном и частном плане. Организация труда и ожиданий в управленческих и профессиональных кругах одновременно конструирует и зависит от отчуждения мужчины от его телесного и местного бытия. Структура работы и структура карьеры принимают как данность то, что эти житейские проблемы решаются так, чтобы не мешать мужчинам действовать и участвовать в этом [концептуальном] мире. За освобождение мужчин от аристотелевских категорий, отвечает женщина, которая ведет хозяйство в его доме, заботится о его детях и воспитывает их, стирает его одежду, ухаживает за ним, когда он болен, и вообще решает все проблемы, связанные с его телесным существованием»¹⁰.

Таким образом, место женщин в отношении к этому образу действия находится там, где выполняется работа по созданию условий, способствующих тому, чтобы мужчина завладел концептуальным образом сознания. Удовлетворение физических потребностей мужчины, организация его повседневной жизни, даже постоянство эмоционального фона максимально подстраиваются под его обязательства.

Дороти Смит сравнивает соподчинение мужчины и женщины в несколько модифицированном виде с теорией отчуждения К.Маркса.

Простейшая формулировка отчуждения постулирует связь между работой, выполняемой индивидами, и тем внешним порядком, который их угнетает, так что чем больше они работают, тем сильнее порядок, угнетающий их. Такова ситуация с женщинами в этом отношении. «Чем успешнее выполняют женщины посредническую функцию в мире конкретных частностей, – с тем чтобы мужчинам не приходилось вовлекаться в этот мир (а, следовательно, и думать о нем), поскольку в этом залог их абстрактной деятельности, – тем полнее погружаются мужчины в мир абстрактный, тем сильнее становится его власть и тем больше подчиняются ему женщины. Кроме того, углубляется дихотомия между двумя мирами и разрыв между ними.»-заключает автор и считает, что женщины-социологи находятся в центре противоречия отношений между нашей наукой и нашим опытом познания мира. Преодолеть это противоречие означает установить [принципиально] иные формы отношений, отличные от тех, которые мы обнаруживаем в рутинной практике наших миров.

⁹ Dorothy E. Smith. Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology // *Feminism and Methodology. Women's Perspective*. NewYork, 1987. Перевод с англ. Анны Бородиной, Тверской Центр Женской Истории и Гендерных Исследований, 2002. – С.31.

¹⁰ Там же. – С. 33.

¹¹ Там же. – С. 35.

Теории, концепции и методы нашей науки претендуют на объяснение или, по крайней мере, обладание способностью объяснить и проанализировать в точности такой же мир, который мы знаем по своему опыту. Однако эти теории, концепции и методы организованы вокруг и построены на том способе познания мира, который принимает как должное ограничения опыта для той среды, в которой он конструируется. Этот способ познания мира, следовательно, принимает как должное условия его существования и выводит из них категории, никоим образом не изучая эти условия. Он не способен проанализировать и свое собственное отношение к этим условиям, поскольку социолог как реальное лицо в реальной конкретной ситуации растворился в процедурах, объективирующих и отделяющих его от его знания. Получается, женщина, способ познания мира никак не может регулировать, исходя из своего опыта, ибо использовать этот опыт и возможность на его основе конструировать иные модели познания она не может себе позволить, находясь в раздвоенном мире.

«Связь между нами как социологами-практиками и нами как работающими женщинами постоянно стоит у нас перед глазами как главная черта познания мира, так что раздвоение сознания становится для нас ежедневной пропастью, которую необходимо перейти: на одной стороне ее находится эта особая концептуальная деятельность мысли, исследования, преподавания, руководства, а на другой – мир конкретной практической деятельности по поддержанию чистоты в доме, попыткам успешного совмещения работы по дому, хозяйству и уходу за детьми; мир, в котором неизбежны проявления специфики людей в их чисто физиологической непосредственности (уборка следов рвоты, смена подгузников, кормежка). Даже если указанный выше случай нас пока не касается, мы все же знаем, что можем со временем оказаться в подобной ситуации»¹¹. Дороти приходит к однозначному выводу, что для нас, женщин, настало время понять, что в науке мы действуем с мужчинами отнюдь не на равных. Мы не получили полный доступ к ее властному аппарату, то есть праву наделять [своим] авторством и контролировать действия, знание и мышление, которые, как считается, являются действиями, знанием и мыслями науки. Мы, следовательно, не можем управлять внутренними принципами наших действий. Это по-прежнему находится вне нас. Теоретические рамки, заказывающие категории, в которых проводятся исследование и обсуждение, изначально формулируются мужчинами. Субъектами социологических изречений (если у них вообще есть субъект) являются мужчины. Социолог – это «он». И даже еще не убедившись, что наш пол есть основание для исключения (*они* не говорят о нас), мы, тем не менее, не можем свободно действовать как субъекты социологических высказываний, потому что должны временно отстраниться от своего пола и своего знания о том, кто мы есть, кто вообще говорит и о ком. Следовательно, мы не можем полноценно участвовать в декларациях и формулировках этого вида сознания. Экстернализация социологии как профессии, становится для женщин двойным отчуждением-приходит к заключению Дороти Смит.

Таким образом, для женщин существует базовая организация их опыта, которая демонстрирует им структуру раздвоенного сознания. В то же время она ослабляет их приверженность социологии, которая направлена на создание экстернализованного корпуса знаний, основанного на такой организации опыта, которая исключает женский опыт и отказывает женщинам в любом другом статусе, кроме подчиненного.

Автор убеждена, что без использования женского опыта в социологии, притязания науки на объективность дискредитируют сами себя. Она уверена, что, что концептуальные процедуры, методы и установки социологии организуют свой субъект с точки зрения определенных позиций в обществе. Подобное критическое разоблачение становится, таким образом, основой для альтернативного способа помыслить социологию. Если социология не может избежать привязки к ситуациям, то ей следует использовать это как отправную точку и встроить ее в свои методологические и теоретические стратегии. В том виде, в котором это происходит сейчас, теории и методы отделяют социологически сконструированный мир от того, что познается непосредственным опытом, именно этот разрыв и необходимо преодолеть.

«Подобная реорганизация подразумевает, в первую очередь, размещение социолога там, где она фактически и находится, а именно в отправную точку тех действий, по-

средством которых она получает знания или собирается их получить; а, во-вторых, необходимость сделать ее непосредственный повседневный опыт основой ее знания».¹²

Мне представляется, что нам следует отказаться от социологии ради социологии. Нам вовсе не интересно вносить свой вклад в корпус знания, использование которого нам недоступно, а сами знатоки неизвестно кто, но, как правило, все же мужчины, – особенно когда нет полной ясности в том, что же в этом смысле конструируется как знание. От обыкновения профессионального социолога осмысливать знание так, как его должно осмысливать, нужно отказаться. Она [социолог] будет ограничиваться лишь тем, как это происходит в ее непосредственном опыте. Социология предложит каждому знание общественного устройства и определений свойств и событий непосредственно познаваемого мира. Социологический анализ станет частью наших обычных интерпретаций пережитого опыта, – так же как и наш опыт видения того, как солнце садится за горизонт, трансформирован нашим знанием о том, что земля вращается вокруг своей оси (хотя с того места, где мы находимся, все же кажется, что именно солнце садится, и этому также должны быть даны объяснения).

Едиственный способ познания социально сконструированного мира – познание его изнутри. Мы никогда не сможем позиционировать себя вне его. Те рамки, в которых социологические феномены объясняются объективными причинами и репрезентируются как внешние по отношению к наблюдателю и независимые от него, сами по себе являются социальной практикой, также познаваемой изнутри. Взаимоотношения наблюдателя и объекта наблюдения, отношение социолога к «предмету» [своего исследования] представляют собой особые социальные отношения. Даже быть посторонним означает войти в мир, сконструированный как посторонний. Сама по себе отстраненность есть способ, посредством которого мир познается.

Мы должны признать, что, окружающая нас обстановка, оборудование, «окружающая среда», расписания, события и так далее, наряду с предприятиями и рутинными акторов, социально сконструированы, конкретно и символически организованы еще до начала наших практических действий. Начав с нашего исходного и непосредственного знания о мире, социология предлагает способ сделать его социально организованные репрезентации доступными наблюдению, а затем проблематизировать их.

Таким образом, Дороти Смит приходит к неутешительному выводу: «Мы никогда не выйдем за пределы наших голов, если примем это [царство] как нашу единственную территорию. Исследование социологом нашего непосредственно познаваемого мира как исследовательской проблемы, скорее всего, и есть тот самый способ, за счет которого мы сможем открыть и по-новому взглянуть на общество изнутри.»¹³. Ее (женщины-социолога) цель состоит не в многократном повторении того, что она уже (по умолчанию) знает, но в изучении с помощью знания того, что происходит извне и самым тесным образом связано с реальностью.

Конструирование объективной социологии как модели или схемы реальности строится через призму управленческих практик нашего общества. Оно до сих пор зависит от половых оснований, которые дают социологии возможность уйти от проблемы различного восприятия и познания нашего общества с разных точек зрения внутри этого общества.

Список литературы

1. Ушакин С. «Человек рода он»: футляры мужественности./Вопросы философии.2005.№7. – С. 34.
2. Dorothy E. Smith. Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology // Feminism and Methodology. Women's Perspective. NewYork, 1987. Перевод с англ. Анны Бородиной, Тверской Центр Женской Истории и Гендерных Исследований, 2002.

¹² Dorothy E. Smith. Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology // Feminism and Methodology. Women's Perspective. NewYork, 1987. Перевод с англ. Анны Бородиной, Тверской Центр Женской Истории и Гендерных Исследований, 2002. – С.47.

¹³ Там же. – С.53.

PLACE OF WOMAN IN SOCIOLOGY IN THE THEORETICAL CONCEPTION OF DOROTHY E. SMITH

L.U. KURBANOVA

*Grozny State Oil Institute after
M. D. Millionshikov*

*e-mail:
medna59@mail.ru*

The article discusses the gender aspect of sociologist's positioning at the example of D.E. Smith's conception.

Key words: gender, sociology, governance.

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА КАЗАЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ РОССИИ

А.М. ЛЯШКО*РХТУ им. Д.И. Менделеева**e-mail:
attila80@mail.ru*

В данной статье на примере Кубанского казачества рассматривается один из важнейших процессов социально-политического конфликта – трансформация жертвы в участника или субъекта противостояния. Кубанские казаки, как и все российское казачество, оказались вовлечены в конфликты с большевиками и советской властью помимо своей воли. Советская власть проводила в Гражданскую войну, а также в 20-30-ые гг. прошлого века политику геноцида против казачества как социальной группы. Став жертвой такой политики, казачество, в силу своих особенностей, трансформировалось в участника конфликтов.

Ключевые слова: кубанское казачество, социально-политический конфликт, жертва, трансформация.

В XX веке смена общественного строя в России и приход к власти большевиков привели к массовым репрессиям. Физическому уничтожению подлежали целые социальные группы, сословия, составлявшие значительную часть населения страны. Это вызвало активное противодействие со стороны казачества, которое сначала подверглось террору, а потом из жертвы трансформировалось в участника и даже субъекта конфликта.

Рассмотрим механизмы такой трансформации на примере кубанских казаков. Подобные механизмы были задействованы и во многих других конфликтах: например, при организации массового партизанского движения в 1941-45 гг. на территории СССР, оккупированной Германией и ее союзниками, которые применяли политику массового террора по отношению к местному населению; а также при возникновении других массовых, стихийных вооруженных выступлений (конфликты в Приднестровье, в Южной Осетии и Абхазии), где имел место геноцид местного населения.

Анализируя реакцию общества на террористический акт, Ф.Н. Ильясов описал три стадии отношения людей к произошедшему событию: рефлекторную, психологическую, социальную. К этим стадиям Г.И. Козырев добавляет еще и политическую. На рефлекторной стадии люди испытывают страх, испуг, стресс, а затем оценивают реальность и масштаб возникшей угрозы. На психологической стадии возникает либо апатия и безысходность, либо ответная реакция на агрессию. На социальной стадии «возникает реакция критического отношения к властям»¹, иногда эти стадии объединяются (такой вариант характерен для случаев, когда источником террора является власть). Политическая стадия возникает, если в ответ на произошедшее событие принимаются политические решения и происходят изменения в политике.

При трансформации жертвы в участника, либо в субъекта социально-политического конфликта могут задействоваться различные механизмы – *эмоционально-психологические, социально-психологические, социальные (структурные), политические, мобилизационные, экзистенциальные*².

Эмоционально-психологические механизмы. Описывая состояния людей, переживших теракты, техногенные катастрофы или боевые действия и не участвовавших в конфликте на какой-либо из сторон, Д.В. Ольшанский выделяет следующие их формы: испуг – страх – ужас. Ужас, по мнению Ильясова, – крайняя форма страха, характеризующаяся чувством безысходности и неотвратимости бедствия. Ужас парализует волю и

¹ Ильясов Ф.Н. «Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв» Соц. Исследования. М., 2007 №6 – С. 84-85.

² Козырев Г.И., ««Жертва» в социально-политическом конфликте», М., 2008, глава 5, – С. 76-84.

делает человека неспособным к сопротивлению наступающему бедствию. Ужасу подвержены морально (и часто физически) слабые люди, поэтому военизированное общество (каковым являлось казачество) более способно к сопротивлению и более активно. На основании страха и ужаса развивается паника, которая может трансформироваться в стихийную агрессию. Военные раньше других поняли опасность этого процесса, поэтому активно боролись с паникерами и недостаточно стойкими солдатами (например, децимации в Древнем Риме, приказ Петра Первого перед Полтавской битвой о создании заградительных отрядов, с полномочиями рубить каждого, бегущего с поля боя, включая самого царя). Борьба шла как при помощи воспитания морально устойчивых солдат, так и радикальными способами т.е. путем уголовного преследования, а часто и физического уничтожения без суда и следствия.

Г.И. Козырев рассматривает эмоции («социальный клей», по выражению Э. Дюркгейма) «не только как уход от рациональности, но и как ... подготовку к рациональным действиям»³. Важный фактор для запуска эмоционально-психологических механизмов – «однородная эмоциональная атмосфера общества или социальной общности» (там же), позволяющая мобилизовать людей для отпора агрессии и нейтрализации угрозы. При рассмотрении социально-политических конфликтов с трансформацией казачества из жертвы в участника конфликта, этим механизмам должно быть уделено особое внимание. Казаки – до 1835 г. «военно-служивый народ», после – «военно-служивое сословие», т.е. в любом случае милитаризованная социальная группа (по мнению ряда исследователей – этнос, народ)⁴ с соответствующим воспитанием.

Социально-психологические механизмы. Основой этих механизмов являются эмоционально-психологическое состояние людей, а также потребность и готовность к рациональным действиям, исходящим из критического отношения к произошедшим событиям и как реакция на внешнюю угрозу. Вместе с этим определяются виновные в произошедших событиях. При наличии достаточного мобилизационного и организаторского потенциала, потерпевшие объединяются для защиты своих интересов. В процессе развития социальный протест может преобразоваться в политические акции.

Видом социально-психологического механизма трансформации жертвы в агрессора может служить «жажда мести». Наряду с эмоциональной мотивацией в ней присутствуют осознанные действия в виде спланированного возмездия. По мнению У. Макдаугалла, для восстановления попранного достоинства пострадавший способен годами планировать возмездие и ожидать удобного момента⁵. Г.И. Козырев ссылается на возрождение германского милитаризма после поражения в Первой мировой войне⁶, здесь рассматриваются участие казаков, пострадавших от произвола советской власти, во Второй мировой войне на стороне Германии.

Для трансформации казачества из жертвы в участника конфликта нехарактерны **социальные (структурные), политические, мобилизационные и экзистенциальные механизмы**. Так, социальные механизмы проявляются постепенно, а например, в восстании 1918-ом года казаки осознали себя жертвой сравнительно быстро, за несколько недель. Политическими механизмами казачество не сумело воспользоваться в силу ряда причин: это отсутствие политического субъекта на международном уровне (за исключением краткого периода государственности и деятельности Кубанского правительства в эмиграции), устойчивые стереотипы в сознании постсоветского общества (казаки – военизированная каста, состоявшая из жестоких людей, воевавших против народа). Мобилизационные механизмы были неактуальны, т.к. казаки прекрасно знали, кто их враг, и легко мобилизовались для вооруженного сопротивления.

Каким образом казачество, бывшее самой милитаризованной частью общества в начале 20-го века, стало «жертвой»?

³ Козырев Г.И., «Жертва» в социально-политическом конфликте. М., 2008, – С. 78.

⁴ Гордеев А.А. История казачества. М. Вече, 2006. – С.25.

⁵ Николаев В.Г. Месть, как предмет социологического интереса: предисловие к публикации текста У. Макдаугалла / Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. « Социология»/ РЖ. 2003, № 3. – С. 127-138.

⁶ Козырев Г.И., «Жертва» в социально-политическом конфликте. М., 2008, – С. 80.

В 1901 году в статье «С чего начать?», опубликованной в 4-ом номере газеты «Искра», Ленин пишет: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора»⁷. Террор, как крайняя форма агрессивных действий по отношению к политическому противнику, часто сопровождает борьбу за власть. В России же большевистский террор приобрел широкий размах, стал официально провозглашенной, оправдываемой революционной необходимостью, политикой партии, захватившей власть в стране.

Своими основными союзниками революционные идеологи провозглашали те социальные группы, где влияние традиционных ценностей было наиболее слабым. Такими социальными группами были беднейшие слои крестьянства, рабочих, мещан. Казачество к началу 20-го века было религиозным, законопослушным сообществом с давними традициями демократии и гражданского общества. Казаки были поголовно вооружены и проходили военную службу, готовясь к ней с ранних лет. Эти факторы делали казачество, с одной стороны, устойчивым к революционной агитации, с другой стороны, – опасным в открытом вооруженном конфликте. Культурные традиции и мировоззрение казаков делали их противниками марксистских социальных экспериментов.

Образ врага, необходимый для обоснования террора против казачества, формировался революционными агитаторами еще до основных событий 1905-го года, когда казачьи войска массово привлекались для наведения порядка внутри страны вместе с другими армейскими частями. Этот факт использовался для обвинения казаков в преступлениях против населения и до и после 17-го года (заметим, используется и сейчас). Сами большевики декларировали террор (в том числе и против мирного населения) как один из основных методов борьбы за власть. 8 января 1905 г. (за день до «Кровавого воскресенья») большевики выпускают в С-Петербурге листовку «*Ко всем петербургским рабочим*» с призывом к оружию: «Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку – только тогда загорится заря свободы». В «Советах восставшим рабочим», выпущенных в Москве в 1905 г., отдельный пункт посвящен террору именно против казаков. Этот террор стал возможен во время Гражданской войны.

Для начала необходимо уточнить структуру социально-политического конфликта на Кубани в конце 1917-1918 гг.

Стороны конфликта.

1) Белые. В их состав входили Добровольческая армия и Кубанская Рада – казачья республика, возникшая в 1917-ом году, а также их сторонники (ряд социальных групп, в том числе, казачья интеллигенция, офицеры, духовенство и ряд других). Значительную часть, даже основу «партизанских» отрядов составила учащаяся молодежь (юнкера, студенты, кадеты и гимназисты) возрастом от 14-ти лет. Выступали как за реставрацию монархии, так и за созыв Учредительного собрания («непредрешенчество»).

2) Красные. Представлены большим количеством «распропагандированных» солдат, как возвращавшихся с турецкого фронта, так и специально направленных большевиками в казачьи регионы. Имели поддержку среди иногородних – неказачьего славянского населения Кубани. Стремилась к «диктатуре пролетариата».

Подавляющая часть казаков заняла нейтральную позицию, некоторые, как и на Дону, поначалу выступила на стороне красных. В ходе конфликта все больше казаков переходили на сторону белых (около 65% Добровольческой армии составили кубанские казаки, кроме того, была и собственно Кубанская армия), либо становились третьей стороной конфликта, которая была представлена казачьими республиками, пытавшимися проводить самостоятельную от Добровольческой армии и Деникина политику. Схема характерна для всех конфликтов первой половины 20-го века с участием казачества. Предметом нашего исследования является процесс перехода казаков из нейтралитета и даже от поддержки красных к участию в Белом движении (в годы Второй мировой войны – на стороне Германии).

Изучив свидетельства участников событий начала 1918-го года, можно составить схему, по которой происходила трансформация кубанского казачества в участника конфликта.

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т.5. – С.7.

Генерал Шкуро в «Записках белого партизана» подробно описывал подготовку восстания на востоке Кубани, в ст. Баталпашинской (ныне – г. Черкесск). Определяющими факторами успеха восстания он считал социальный конфликт казачьего и иногороднего населения, где советская власть выступила на стороне иногородних; эскалацию конфликта между разными классами общества. В мемуарах А.Г. Шкуро можно отчетливо выявить описываемые Ф.Н. Ильясовым и Г.И. Козыревым стадии отношения казаков к террору. В главе 7 А.Г. Шкуро описывает, как он исследовал обстановку на Кубани весной 1918 г. и начинал готовить антибольшевистское восстание. Казаки *«держались вообще осторожно, опасаясь соглядатаев и большевистских провокаторов, коими кишели базары. Каждое неосторожное слово могло стоить жизни; даже самое наименование «казак» считалось контрреволюционным, и станичники именовались гражданами, а чаще «товарищами». Эмблема протеста — черные казачьи папахи были заменены защитными, без кокард, и солдатскими картузами. Было жалко смотреть на матерых казаков, переряженных в ненавистные им картузы и застенчиво именовавших друг друга «товарищами»»*⁸. Как и при актуальной угрозе террористических актов, к которым можно отнести убийства без суда, аресты, лишения собственности и т.д., казаки пытались оградить себя от опасности, приспосабливаясь к требованиям и симпатиям власти. Эти явления присущи рефлексивной стадии, на которой люди, испытав испуг от новых порядков и массового наплыва агрессивного элемента, вследствие убийств и других репрессий, стараются оценить масштаб угрозы, надеясь на мирный исход.

Психологическая и социальная стадии в рассматриваемых нами случаях не разделяются, т.к. источником угрозы являлась власть, против которой и была направлена ответная реакция на агрессию – назревало массовое антибольшевистское выступление.

Политическая стадия – открытое вооруженное выступление против большевиков – началась в конце мая – начале июня 1918 г. в станицах Бугурустанской, Бекешевской, Суворовской в окрестностях Баталпашинска. Благодаря сочетанию ряда факторов (военизированность казачьего населения, негативное отношение к большевикам, сочувственное – к лидерам восстания. высокий уровень компетентности руководителей восстания) восставшие быстро заняли значительную территорию, соединились с Добровольческой армией и примкнули к Белому движению, став участниками конфликта.

В мемуарах и свидетельствах участников и очевидцев тех событий отчетливо видно действие механизмов трансформации жертвы в участника конфликта.

На рефлексивной стадии действуют эмоционально-психологические механизмы. История казачьих антибольшевистских восстаний в Гражданскую войну показывает, что казаки, как и все люди, испытывали страх, когда против них был развязан террор. На какое-то время этот страх перешел в ужас, с которым казакам помогли справиться действовавшие и после формальной отмены сословий, социальные механизмы, характерные для военизированного сообщества. Кубанское казачество, несмотря на ряд внутренних противоречий, оказалось все же эмоционально однородным. Это позволило и казачьим, и белым лидерам мобилизовать казаков на борьбу с большевиками.

Как показала история, потребность и готовность к рациональным действиям у казаков оказалась очень сильна. Подтверждением этому служит успешная реализация социально-психологических механизмов трансформации, выразившейся в массовых выступлениях против большевиков. Восставшие тщательно разработали планы выступлений, сумели выдвинуть лидеров и найти союзников. Они привлекли на свою сторону не только казачье население Кубани, но и горцев (Баталпашинское восстание). Несмотря на то, что ряд антибольшевистских выступлений 1918г. окончился неудачно, Баталпашинское и Таманское восстания достигли своих целей, в том числе и политических. Восставшие установили свою власть на занятых ими территориях и соединились со своими союзниками для дальнейшей борьбы, трансформировавшись из жертв в участников социально-политического конфликта.

После окончания Гражданской войны, большевики не отказались от практики террора, пик которого пришелся на 30-ые годы: коллективизацию и массовые репрессии

⁸ Шкуро А.Г., «Записки Белого партизана», глава 7, http://militera.lib.ru/memo/russian/shkuro_ag/o7.html

37-го г. Террор был массовым и проводился сразу во многих сферах жизни: в политике, экономике, в межнациональных отношениях, культуре, религии, и даже науке и образовании. Советское государство, к сожалению, часто применяло террор в нарушение собственного законодательства, либо принимало заведомо дискриминационные законы.

П.М. Андриянкин в казацкой газете "Станица" рассказал о коллективизации на Дону (по такому же сценарию происходила коллективизация и на Кубани): «Объявили, что в Новодеревянковской зреет контрреволюция, занесли станицу на "черную доску". Был поднят Ейский полк: оцепили всю станицу – ни въехать, ни выехать. Зерно из станицы вывезли все подчистую – прямо в поле, на ток, и пшеницу и кукурузу. Оно потом все так в кучах и погребло на земле. По дворам ходили солдаты, всех сгоняли на работу – зимой, прямо в чем попало, не разрешили одеваться. А специальная комиссия из актива ходила по дворам, отбирала все съестные запасы – гарбузы, буряки, даже пшеничку из стаканчика, куда свечку ставили, выливали и масло из лампадок перед иконами. Варенья, соленья выносили во двор, разбивали и разливали – там все и замерзло. Отбирали даже узелки с горохом и фасолью, что были отложены на весеннюю посадку. И, не дай Бог, найдут у кого старые фотографии с казаками – сразу же забирали того человека. <...> Люди мерли как мухи. Команда ходила, собирала трупы – кого в рядюшке, кого так свозили в яму, засыпали землей. А кто своих прямо во дворах хоронил. <...> Около двадцати тысяч было в станице. Осталось в живых – меньше восьми. Контрреволюцию же так и не нашли...»⁹ Другой свидетель событий А. Дейневич: "На "черную доску" заносились станицы, которые не справились в 1932 году с планом хлебосдачи. В них изымалось полностью не только все зерно, но и съестные припасы, из магазинов вывозились все товары – они закрывались, запрещалась всякая торговля. Окруженные войсками станицы и хутора превращались в резервации, откуда был единственный выход – на кладбище. <...> В станицах были съедены все собаки и кошки, порой пропадали дети – были случаи людоедства. <...> Как свидетельствует советский историк Н.Я. Эйдельман, "когда по всей Кубани опухших от голода людей сгоняли в многотысячные эшелоны для отправки в северные лагеря, во многих пунктах той же Кубани на государственных элеваторах в буквальном смысле слова гнили сотни тысяч пудов хлеба...". <...> Уничтожая людей, злодеи пытались уничтожить саму память о них: места братских захоронений (ямы, глиняные карьеры) никак не обозначались, а людей, которые пытались вести учет жертв, – расстреливали как злейших врагов народа. Книги записей рождений и смертей уничтожались»¹⁰.

Репрессии против казачества усилились в начале 30-х годов. Реакцией казаков был отпор насилию и произволу. Так, в конце ноября 1932 года восстала станица Тихорецкая на Кубани. Две недели безоружные казаки отражали атаки регулярных частей РККА, против казаков коммунисты применяли артиллерию, танки и даже химическое оружие. Причиной восстания на этот раз стали не репрессии, а продовольственная политика руководства страны, в результате которой возникли серьезные проблемы с продовольствием, вынудившие жителей ст. Тихорецкой нападать на обозы с продовольствием, идущие от удаленных станиц к ж/д станции. Кроме того, стало известно, что «в Москве решили изъять все активное молодое население области и направить его на север»¹¹. По утверждению авторов статьи (эмигрантов-казаков), личный состав местных гарнизонов относился к восставшим либо нейтрально, либо сочувственно, дав себя разоружить без боя, а среди восставших были не только казаки, но и небольшое число немцев-колонистов. Численность вооруженных восставших оценивалась в 6 тысяч человек, а невооруженных – «чуть не все мужское население района»¹². После подавления восстания, к высылке было подготовлено, по данным того же источника, 18 тысяч человек.

На примере Тихорецкого восстания рассмотрим стадии отношения людей к политике властей, которую, несмотря на декларируемую диктатуру закона, также можно назвать террористической. По утверждению Н. Петрова, исследователя из общества Мемо-

⁹ Андриянкин П.М. «Люди мерли как мухи...», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. – С. 29.

¹⁰ Дейневич А. «Преступлениям нет прощения!..», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. – С. 29.

¹¹ "Февраль-март" – "Вольное казачество". 1933. № 125. – С. 3.

¹² Там же.

риал, большая часть осужденных в период с 1921 по 1936 гг. по делам, подготовленным ВЧК-ОГПУ-НКВД, было приговорено «*Коллегией ОГПУ 63 тысячи (4%), Особым совещанием ОГПУ – 245 тысяч (15%), тройками Полпредств ОГПУ – 712 тысяч (44,5%)*. То есть подавляющее большинство людей, которые были осуждены как «*враги государства*», как «*враги советского строя*», не были осуждены легальными законными юридическими органами»¹³. Само советское законодательство в определенные исторические промежутки было классовым, в частности, свобода печати и митингов декларировалась только для рабочих и их организаций¹⁴. В Конституции РСФСР от 11 мая 1925 г. не было постулата о невозможности лишения человека свободы без судебного постановления¹⁵.

Рефлекторную стадию трансформации отследить сложно. Вероятно, она проходила для каждого из участников восстания индивидуально, т.к. репрессии и экономические санкции применялись не одновременно ко всем пострадавшим, а в разные сроки. Однако, в какой-то момент (судя по хронологии восстания, летом 1932 г.) рефлекторная стадия закончилась и началась психологическая, тесно связанная, как и в 1918 году, с социальной. Эта стадия выразилась в подготовке восстания, а также в нападениях на хлебные обозы, следовавшие к железной дороге.

В середине октября 1932 г. реакция перешла в политическую стадию, восстало население на территории протяженностью примерно в 300 км. Показательно поведение местных гарнизонов, которые «*сочувственно отнеслись к восстанию, и если не стали открыто на сторону восставших, то и не выступили в защиту советской власти и без сопротивления дали себя разоружить*». Это может свидетельствовать о том, что личный состав гарнизонов, зная о ситуации в регионе, также критически относился к советской власти, и несмотря на примененное восставшими насилие (разоружение, плен), не считал их виновными. Восстание было подавлено, многие участники расстреляны без суда, значительная часть населения была выслана.

К моменту нападения Германии на СССР казаки неоднократно подвергались репрессиям, причем во многих случаях с нарушениями советского законодательства. Эти нарушения были вызваны произволом власти, перед которой стоял целый ряд экономических и политических задач. Для их решения часто использовались методы террора и устрашения. Поэтому реакция казаков, ставших жертвами террора, была вполне закономерна и в ней хорошо видны соответствующие стадии, единственным отличием является одновременность психологической и социальной стадии, т.к. если в исследовании Ф.Н. Ильясова власть и террористы – разные субъекты, то при изучении причин казачьих восстаний можно сделать вывод, что советская власть и была террористом. Политическая стадия характеризовалась вооруженными выступлениями, сменой власти, присоединением изначально нейтральных казаков к врагам советской власти. Так произошло и во Вторую мировую войну.

В восстаниях и выступлениях 20-30-х годов, а также в массовом участии казаков во Второй мировой войне на стороне Германии, массовым проявлением социально-психологических механизмов трансформации стала жажда мести. Это оказалось характерно как для казаков – жителей СССР, так и эмигрантов. Из-за поражения в Гражданской войне и последующего террора (который с одной стороны сделал невозможными открытое проявление недовольства и противодействие политике коммунистов, с другой – усилил «жажду мести», т.к. появилось большое количество пострадавших от террора и несправедливой политики), враги СССР стали восприниматься если не как друзья, то по крайней мере, как временные союзники в борьбе с большевизмом. Ниже приведены примеры реализации «жажды мести».

Объектом нашего исследования являются казаки, жившие на территории СССР, а также вынужденно эмигрировавшие из страны. Яркими представителями последних являются атаманы А.Г. Шкуро и Н.И. Гулый. Оба возглавили восстания в 1918-ом году, а после сражались в рядах ВСЮР (Вооруженные силы Юга России – белые войска, состояв-

¹³ Петров Н., Публичная лекция «Преступный характер сталинского режима: юридические основания.» 24 сентября 2009г., <http://www.polit.ru/lectures/2009/11/19/stalin.html>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

шие из Донской, Кубанской и Добровольческой Армий), после поражения оба оказались в эмиграции, во Вторую мировую войну оба вступили в казачьи части, сформированные немцами. В 1945-ом году оба были выданы англичанами в Линце советским войскам вместе с десятками тысяч других казаков. А.Г. Шкуро вместе с другими казачьими лидерами был убит в Лефортовской тюрьме после заседания трибунала, который вынес заранее утвержденный Сталиным и Абакумовым приговор. По утверждению Н. Петрова («Мемориал»), такого рода суды проводились над немецкими военнопленными генералами, и после этого процесса в соответствии с решением Совета Министров в сентябре 1947 г. Н.И. Гулый вместе с братом был приговорен к 10 годам тюремного заключения и умер в 1946 г.

Участие в конфликтах в обоих случаях было вынужденным. Гулого в 1918-ом году сместили с поста станичного атамана, а новая власть проводила разрушительную для жизни станицы политику. Вероятно, и личная безопасность Гулого была под вопросом. Шкуро в 1917-18 гг. – герой войны, офицер, кавалер многих орденов. Однако во время возвращения полка несколько раз подвергался опасности быть убитым «распропагандированными» солдатами, пережил покушение на жизнь. После возвращения на Кубань вынужден был жить по подложным документам и скрываться от властей, был арестован и бежал. Таким образом, их можно считать жертвами социально-политического конфликта, связанного со сменой власти.

В эмиграции, как и многие другие эмигранты, Шкуро и Гулый надеялись на продолжение активной борьбы с большевиками-коммунистами и на реставрацию прежней власти. Осознавая недостаточность сил эмиграции на борьбу с СССР, присоединились в 1941-ом году к Германии, считая ВОВ продолжением Гражданской войны. Эта борьба была вынужденной: в 20-30-ые гг. было несколько волн репатриации русских эмигрантов, многие из которых были репрессированы вскоре после возвращения. Соответственно, надежды на мирное окончание конфликта с советской властью у казаков-эмигрантов не было.

В самом СССР выросло поколение детей, чьи родители и родственники были репрессированы, а сами они – репрессированы из-за родства с участниками Белого движения. Такой пример приводит и Н.И. Палибин. В своей книге «Записки советского адвоката» он рассказывает, что сын умершей в зале суда казачки (привлеченной к ответственности за сокрытие примерно 100 кг зерна) в самом начале Великой отечественной войны перешел на сторону немцев¹⁶. В 1942 году было опубликовано письмо В.Н. Рябовола, сына председателя Кубанской краевой и законодательной рады (парламента казачьей республики на Кубани) Н.С. Рябовола, убитого в 1919 г., по мнению казаков, деникинской контрразведкой. В 20-30-ые гг. советская власть неоднократно применяла санкции к семье Рябоволов. Так, мать В.Н. Рябовола была переведена в разряд лишенцев, старший брат был расстрелян в 1937 г., дед С.Г. Рябовол замучен большевиками до смерти в 1921 г., братья отца высланы на Соловецкие острова. Была даже разорена могила Н.С. Рябовола в Краснодаре¹⁷. Сам В.Н. Рябовол перешел на сторону немцев под Смоленском в 1941 г.

Учитывая масштабы репрессий, можно сделать вывод о том, что массовое участие казаков в конфликтах на стороне антикоммунистических сил было вынужденным и вызвано агрессивными и террористическими действиями большевиков и коммунистов против мирного населения как в Гражданскую войну, так и в 20-30-ые гг. 20-го века. Оно стало возможным в силу наличия у казаков традиций демократического гражданского общества, а также высокой милитаризации и дисциплины. Во всех рассмотренных эпизодах, трансформация казачества из жертвы в субъекта и участника конфликта происходила с задействованием эмоционально-психологических и социально-психологических механизмов, что связано с особенностями рассмотренных социально-политических конфликтов и особенностей казачества как социальной группы. В ряде случаев, правда, использовались и экзистенциальные механизмы (особенно в случаях перехода казаков на сторону врага в ходе ВОВ).

Список литературы

1. Андрюнкин П.М. «Люди мерли как мухи...», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. С. 29

¹⁶ Палибин Н.В. «Записки советского адвоката», США, 1955г., глава 17 «Дела о ямах».

¹⁷ Голос освобождённых казаков.». Казачий Вестник. Орган Казачьего Национального Освободительного Движения №-17(23) Прага 15-го августа 1942г.

2. Гордеев А.А. «История казачества» М. Вече, 2006 г.
3. Дейневич А. «Преступлениям нет прощения!..», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. С. 29.
4. Ильясов Ф.Н. «Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв» Соц. Исследования. М., 2007 №6 С. 84-85.
5. Козырев Г.И., ««Жертва» в социально-политическом конфликте», М., 2008.
6. Ленин В.И. ПСС. Т.5.
7. Николаев В.Г. «Мечь, как предмет социологического интереса: предисловие к публикации текста У. Макдаугалла»/ Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. « Социология»/ РЖ. 2003, № 3. С. 127-138.
8. Палибин Н.В. «Записки советского адвоката», США, 1955г., глава 17 «Дела о ямах».
9. Петров Н., Публичная лекция «Преступный характер сталинского режима: юридические основания.» 24 сентября 2009г., <http://www.polit.ru/lectures/2009/11/19/stalin.html>
10. Шкуро А.Г., «Записки Белого партизана», глава 7, http://militera.lib.ru/memo/russian/shkuro_ag/07.html
11. "Февраль-март" – "Вольное казачество". 1933. № 125. С. 3.
12. «Голос освобождённых казаков.». Казачий Вестник. Орган Казачьего Национального Освободительного Движения №-17(23) Прага 15-го августа 1942г.

TRANSFORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL STATUS OF COSSACKS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF RUSSIA

A.M. LYASHKO

Mendeleev RCTU

e-mail:
attila80@mail.ru

The article considers of the major processes of the sociopolitical conflict – transformation of a victim to the participant or the subject of opposition – on example of the Kuban Cossacks. The Kuban Cossacks, as well as all Russian Cossacks, have been involuntary involved to conflicts with Bolsheviks and the Soviet power. The Soviet power used them in the Civil war, and set a class war against the Cossacks in 20-30-s' of the XXth century. Becoming a victim of such policy, the Cossacks, owing to the features, were transformed to the participant of conflicts.

Key words: Kuban Cossacks, sociopolitical conflict, victim, transformation.

УДК 130.2

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДВОРЯНСКОГО РОДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИНСТИТУТА СОСЛОВНОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

О.А. РАДУГИНА*Воронежский архитектурно-строительный университет*

В данной статье автор ставил перед собой цель выявить основные элементы и раскрыть содержание ценностных оснований дворянского рода: ценностей Бога, Православия, Родины, Отечества, Государства, службы – служения (Отечеству, обществу, роду, семье, женщине), благородства, долга, чести, честности, верность данному слову и обязательству.

Ключевые слова: дворянский род, ценности, ценностные основания, социокультурный институт, сословное общество, религиозность, патриотизм, нравственное достоинство.

Радикальные социально – политические и экономические перемены, происходящие в российском обществе на рубеже XX – XXI в.в. существенным образом изменили социальный облик страны. Под влиянием этих перемен в последнее время в России возрос интерес к отечественной истории и культуре, их историческому и национальному своеобразию. В современном общественном сознании большое место занимают вопросы возрождения традиций. В сегодняшней России этот феномен несет сильную идеологическую нагрузку. Ценность "возрождения традиций" часто противопоставляется как "тоталитарному прошлому", так и глобалистическим проектам обновления мира.

Призыв к возрождению традиций следует рассматривать как наделение ряда элементов культурного наследия ценностным звучанием. Значение традиции состоит в пропаганде конкретных ценностей и образцов действия. Важность той или иной традиции определяется через совокупную оценку аккумулированных в ней ценностей, выполняющих, в том числе и воспитательную функцию. Традиция – это механизм наследования культурного опыта прошлого. И в той мере, в какой этот опыт расценивается как значимый для общества, традиция имеет самоценное значение. Поэтому когда говорят о «возрождении традиции», неважным оказывается степень сохранности тех элементов наследия, значимость которых оценивается высоко. Традиция позволяет наследовать "через поколения", восстанавливая то, что было действенным в поколении дедов и существовало латентно или вовсе прекратило существовать в поколении отцов. Традиционные ценности носят характер практического идеала, образца, в соответствии с которым субъект формирует себя и, сообразуясь с которым, действует в мире. Ценностное отношение предполагает выбор из множества объективно возможного, и существует всегда как система взаимосвязанных ценностей. Посредством системы ценностей субъект видит поле своей практической деятельности в объекте: что ему важно, и что нет, куда он направит свои усилия, а что оставит без применения в своей жизнедеятельности.

Поскольку в послереволюционной России принадлежность к дворянскому сословию (в равной степени, как и ориентация на нормы и ценности этого сословия) порицалась и преследовалась, несколько поколений россиян вплоть до 80-х годов нынешнего столетия предпочитали скрывать свои дворянские корни и продворянские симпатии.

Только после перестройки появилась реальная возможность приобщиться к несправедливо подвергнутым забвению достижениям дворянской культуры. Однако, долгие годы их бойкотирования привели не только к утрате вещественных и духовных элементов этой культуры, но и к недооценке значимости и неадекватности восприятия ее ценностей новыми поколениями, выросшими в условиях советской России. Ценностно – нормативная система советского общества (особенно чётко проявившаяся на поведенческом уровне) обусловила неприятие (или избирательное восприятие) многими из наших

современников норм и ценностей дворянской культуры как нежизнеспособных, не отражающих потребностей сегодняшнего дня.

Общее негативное отношение к нормативно-ценностным основаниям дворянской культуры в советский период привело к недооценке составляющих ее элементов, имеющих непреходящее значение и ориентированных на общечеловеческие ценности. Поэтому предстоит серьезная и длительная работа по возвращению в нормативно-ценностную систему современного общества таких понятий как служение (Отечеству, обществу, роду, семье,), долг и честь, верность данному слову и обязательству, стремление к самосовершенствованию, повышению интеллектуального уровня и расширению кругозора, строгое соблюдение правил приличия, рыцарское отношение к женщине, являющихся характерными чертами ценностной системы дворянина. Таким образом, актуальность исследования ценностных оснований дворянской культуры обусловлена, прежде всего, необходимостью объективного изучения культурных феноменов прошлого в связи с задачами духовного возрождения России, поисками того ценного, что было создано нашими предками в предыдущие годы.

Цель данной статьи выявить основные элементы и раскрыть содержание ценностных оснований дворянского рода в культуре сословного общества России.

Одной из ведущих структур дворянской культуры является такая существенная и устойчивая её духовная сфера, как ценности. В философской литературе существует множество определений понятия «ценности». Нам представляется наиболее продуктивной концепция ценностей, представленная в докторской диссертации Л.С. Перевозчиковой. По ее определению: « Ценность – это идеальное качество явлений Культуры, формирующееся в процессе общественно-исторической, предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности Человека и отражающее отношения их (явлений) значимости в социальном взаимодействии и общении, служащее смыслообразующим основанием человеческого бытия, задающее направление и мотивацию конкретной деятельности, поступков и всей жизнедеятельности»¹. Всякая ценность, с точки зрения Л.С. Перевозчиковой, характеризуется двумя свойствами – значением и личностным смыслом. Ценности и смыслы находятся в тесном взаимодействии – они взаимно обуславливают друг друга. Ценности являются критериями значимости и ориентирами деятельности индивида, они отражают личностные смыслы. Смыслы же выражают отношение субъекта к объективной реальности и собственно наделяют предметы ценностным статусом.

Аксиологическая сфера социокультурного института имеет иерархическую структуру. Высшим уровнем этой структуры являются ценностные основания. Ценностные основания социокультурного института – это фундаментальные значимости и культурные смыслы, которые в форме мировоззренческих, нравственных, духовных и профессионально – служебных установок задают направление и мотивацию деятельности и общения его структурных единиц. По нашему мнению, дворянский род может быть рассмотрен как социокультурный институт. Ценностные основания дворянского рода как социокультурного института – это фундаментальные значимости и культурные смыслы, которые в форме мировоззренческих, нравственных, духовных и профессионально – служебных установок задают направление и мотивацию жизнедеятельности его членов и всему роду как социальной общности.

Эту структуру можно строить по различным критериям. Для целей нашего исследования можно ограничиться выделением в иерархии ценностей двух основных рядов: ценности-основания и ценности-продукты. Пересекаясь по содержанию, ценности-основания и ценности-продукты сохраняют определенные различия. Ценности-основания носят фундаментальный характер. Они пронизывают всю ценностную систему и служат мировоззренческой опорой ценностной системы, а не для принятия решений по конкретным поступкам и действиям. Ценности-продукты носят производный характер и служат основой для выработки линии поведения в служебной деятельности и в повседневности.

¹ Перевозчикова Л.С. «Аксиологические основания гуманистической парадигмы высшего образования в культуре информационного общества». Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры. Тула. 2009. – С.50.

Прежде всего, следует отметить, что система ценностей дворянского рода находится под непосредственным воздействием системы ценностей дворянского сословия, выступая как ее модификация на основе социокультурного опыта членов данного дворянского рода. В свою очередь, основанием для формирования системы ценностей дворянского сословия является исторический, социальный опыт коллективной жизнедеятельности членов дворянского сословия. При этом наиболее функционально эффективные и социально-приемлемые формы и технологии удовлетворения интересов и потребностей людей, способствующие повышению уровня их социальной интегрированности, аккумулируются в системе ценностных ориентаций данного сообщества, входят в его культурную традицию. В силу тех или иных обстоятельств исторической судьбы дворянского сословия некоторые из этих ценностных ориентаций и традиций обретают особенную значимость в качестве субъективных (в глазах самих членов дворянского сословия или формирующих дворянскую идеологию идеологию элит), маркирующих черт социально-культурной самобытности и идентичности сословия или его сословных ценностей. К подобным сословным ценностям относятся государственно-служебная деятельность, благородство, совершенное владение нормами и правилами светского этикета и т.д.

Прежде всего, среди ценностей – оснований следует выделить ценность Бога. Вера в Бога, воцерковливание, исповедание вероучения, следование заповедям Христа, систематическое участие в религиозной жизни, соблюдение обрядов и правил конфессиональной веры, религиозно-мистическое в своей основе мировоззрение является фундаментом ценностной системы дворянского рода. Идеалом реализации этой ценностной установки является святость. Приоритетную роль в жизнедеятельности человека, с нашей точки зрения, имеют ценности Духа. С этих позиций, ценностная система дворянского рода предполагает проявление, защиту и утверждение нравственно – духовных ценностей. Духовно-нравственные ценности составляют смысло-целевой фундамент деятельности православного человека. Без смысло-целевого фундамента деятельность и общение членов дворянского рода теряют высший, трансцендентный смысл. В контексте духовности главное во всякой деятельности не достижение материальных результатов, а их смысл и цель. Соответственно и духовность – это проблема обретения смысла, обретение смысла на ценностной платформе Истины, Добра и Красоты.

Исследователи русской истории и русской культуры постоянно отмечают, что религиозность вообще была свойственна русскому народу, и дворянство не составляло исключения. В России в целом, в том числе и в дворянской среде, религия была неразрывно связана с общественной и семейной жизнью, составляя с ними органичное целое. Именно она была основой духовной жизни всего русского общества. Морально-этические нормы христианства являются базовыми моральными нормами дворянского рода. В одном из популярных изданий о правилах хорошего тона мы читаем: «Сострадание – одно из прекраснейших человеческих качеств. Будьте добры и человеколюбивы к себе подобным, соболезнуйте их горестям и страданиям, любите их, если можете – защищайте их против несправедливостей, облегчайте и участь, насколько можете, и одевайте их милостями – словом, помогайте им, чем и как можете»². В дворянской среде на протяжении длительного исторического периода, вплоть до февраля 1917 года православие воспринималось как неотъемлемая часть традиционного русского быта. По традиции русских детей учили читать по Часовнику и Псалтырю, Елизавета Петровна добавила к ним в обязательном порядке изучение Катехизиса «для лучшего усвоения православной веры». Члены Сената, свидетельствовавшие 12-летних дворянских недорослей, проверяли не только их умение читать и писать, но и знание основ православия. Известный русский историк и государственный деятель В.Н.Татищев в духовном завещании сыну приравнивает измену веры к измене государю и Отечеству. Российские государи, как правило, были искренне верующими людьми и считали распространение и укрепление православия одной из важнейших задач своего царствования. Так, Императрица Елизавета Петровна в своем имении заботливо оборудовала домашнюю церковь, а ее хор был одним из лучших в России. Елизавета во время службы ходила по церкви, читала вместе с дьяком священные тексты или пела вместе с хором. А став императрицей, она не пропускала ни одной службы, со-

² Искусство хороших манер: Советы и наставления.- Спб., 1995. – С.145.

блюдала посты сама и преследовала за недержание постов своих придворных. Даже члены императорской семьи обязательно должны были поститься первую и последнюю неделю поста, а соблюдать ли пост целиком – решали сами.

Елизавета Петровна уделяла пристальное внимание не только распространению православия среди некрещеных народов, но и укреплению веры, и даже следила за соблюдением внешних правил приличия в церкви.

Не менее важным для Елизаветы было обращение в православие приехавших в Россию иностранцев. Рассчитывая на честолюбие поступающих на русскую службу, Елизавета повелела присваивать следующий по порядку чин иноземцам, состоящим в русской службе, за принятие веры греческого вероисповедания, что позволяло им перейти на следующую ступеньку в служебной лестнице.

Важным элементом основания ценностной системы дворянского рода является ценность Государя. С этой ценностью в ценностной системе дворянина неразрывно связана ценность Родины, Отечества, Государства. Данная ценность может быть охарактеризована как ценность «патриотизм». Ценность патриотизма – это сформированная направленность личности относительно своей Родины – места, где родился и вырос человек, а иногда и Отечества как социально-политического явления, связанного с общественными отношениями, политическим и экономическим строем, историей, конкретной природной, материальной и социокультурной средой. В мировоззрении дворянина Государь – это помазанник Божий. Ему власть над народом и территорией Государства дарована Богом. Таким образом, патриотизм воина-дворянина был тесно связан с личной преданностью государю и имел государственный характер. Поэтому эти три основополагающие ценности неразрывным образом связаны друг с другом и образуют фундамент ценностной системы дворянского рода. Привязанность к земле, к Руси была для него еще окрашена местным патриотизмом, памятью о службе, которую нес его род, и о чести, которой он пользовался. Важное место в ценностной системе воспитания занимает ценность служения Отечеству. Как мы уже говорили, одной из базовых ценностей российского дворянства была ценность государственной службы. На протяжении XVIII века эта ценностная ориентация проходит эволюцию от идеи личной службы государю, свойственной служилому дворянству XVII века, через идею службы государю и отечеству, как воспринимали службу петровские пенсионеры до служения государству и своему сословию. Если для дворянина XVII века – служба – это некий вид личного договора дворянина с государем, когда взамен на преданность и службу дворянин получает денежное или земельное вознаграждение, то Петр I вводит в общественное сознание понятие "общего блага" и служения Отечеству. Патриотические настроения, свойственные эпохе петровских преобразований, добавляют к привычному представлению о службе государю идею службы государству в целом. Последующее развитие ценностных представлений о службе, на которых базировался дворянский менталитет, идет по линии деперсонализации службы. Личность государя, после эпохи дворцовых переворотов и при оформляющейся общности сословного самосознания, уже не играет столь решающей роли. Служить – это не просто быть преданным личной воли монарха, которая, как показало 10-летие правления Анны Иоанновны, может напрямую противоречить национальным интересам, это значит служить идее величия России, работать на благо государства. А поскольку в дворянской среде государство омысливалось, прежде всего, как дворянская монархия, то служить государству – означало, прежде всего, служить своему сословию. Вот почему с отменой обязательной службы дворяне в большинстве своем продолжают служить, но само понимание службы значительно расширяется. Понятие о службе уже с середины XVIII века включает в себя не только военную и статскую службу, но и общественную деятельность. Так, например А.П.Сумароков, создавая комедии, которые «издевкой правят нрав», тоже справедливо считал, что находится на службе государства. Он возглавлял два театра – придворный и русский. Но его служба включает в себя не только выполнение своих непосредственных обязанностей, но и работу по исправлению нравов современного ему дворянского общества. Именно в этом видит он сам высший смысл своей деятельности. Таким образом, в форме «служения» ценность государственной службы сохраняется как краеугольный камень ценностной системы дворянства. В качестве ценностей – продуктов следует выделить ценность самого дворянского рода для его членов и конкретные

ценности членов дворянского рода. Хотя и эти ценности неразрывно связаны, но в нашем исследовании понятие «ценность рода» выступает как более социально значимая ценность, чем конкретные ценности членов дворянского рода. Выделяя понятие «ценность дворянского рода» в аксиосфере, мы хотим подчеркнуть, что сам институт дворянского рода является важнейшей социальной ценностью, обеспечивающей целостность и возможности развития данного сообщества.

Ценность дворянского рода состоит из системы ценностей органично связанных друг с другом. На первом месте, вероятно, находится ценность «крови» – общность генетического происхождения. «Мы с тобой одной крови», «у нас одни предки», «мы сородичи, единокровное братство», «братья и сестры по генетическому основанию». С этой ценностью неразрывно связаны ценность «общности судьбы» и ценность «общности групповой культуры»: у нас общая история, в ходе которой формируются духовные и материальные основания бытия и жизнедеятельности нашего рода, ценность «родовых традиций», в свою очередь, включающая большой спектр разнообразных ценностей. Ценность будущих поколений, которая выражается в заботе о благосостоянии будущих поколений. Дворянин в своей жизнедеятельности и отношениях чаще всего руководствуется не сиюминутными интересами, видит перспективу и ориентируется на эту перспективу. Этой ценностной установкой могут быть продиктованы его действия как в сфере хозяйственной деятельности в родовых поместьях, так и в служебной деятельности при выборе путей карьерного роста. Особую роль эта ценностная установка играет при заключении браков. Значительное место в ценностной системе дворянского сословия занимала ценность древности рода. Помнить, когда появились и откуда произошли те или иные русские дворянские роды, помнить их связи между собой, особенно родовые отношения своей семьи, считалось в дворянском кругу обязательным. Екатерининский вельможа граф А. Н. Самойлов любил повторять: «Родню умеи счесть и отдай ей честь». Институт наследования дворянства порождал внимание к истории рода во многих поколениях — к его происхождению, роли в истории страны, заслугам его выдающихся представителей. Это знание, оформленное обычно в форме генеалогического древа, родового герба, портретов предков, преданий и т. п., вызывало чувство личного достоинства и гордости за своих предков, напоминало о единстве всех живущих представителей рода и побуждало к заботе о сохранении его доброго имени. Ярким примером реализации такой установки является написанная Василием Левшиным «Книга благородных дворян Левшиных, содержащая в себе доказательство о происхождении их фамилии, времени выезде в Россию и поколенную роспись, напечатанную на средства полковника Павла Федуловича и коллежского асессора Гавриила Федуловича Левшиных в вольной типографии у А. Решетникова 1791 год». В предисловии этой книги ее автор объясняет главный мотив, которым он руководствовался, когда взялся за этот большой и тяжелый труд, требующий не только затрат времени на написание, но и большую работу в архивах и сбора документов и свидетельств у всех родственников. «Любезные Родственники! Благородные дворяне Левшины! Усердие и почитание мое ко всем вам единокровным моим, понудило меня приступить к сочинению полного нашего родословия. А потом и напечатанию оно: дабы всяк из нас, в каком бы месте не жил, мог знать чрез то, как о выезде своей фамилии, так и о проотце и поколении, от которого происходит, а при том, чтобы все мы быв отрасли от единого праотца, и обитая в отдаленных округах разных губерний, не учинили бы разноречий в подании поколенческих росписей на основании **всемилоствейшей** грамоты, пожалованной дворянству»³.

Фамилия Левшиных с начала выезда своего, всегда оказывала Всероссийскому престолу верные услуги, все в ней служили на войне и десятеро из оной пролили кровь свою в сражениях за Отечество; ни один человек из ней во все смертны времена и, не отставая от стороны справедливой, не замешался между мятежниками, и редкий дом сего роду не может показать грамот от Великих Государей царей, в коих – верность и храб-

³ Книга благородных дворян Левшиных, содержащая в себе доказательство о происхождении их фамилии, времени выезде в Россию и поколенную роспись, напечатанную на средства полковника Павла Федуловича и коллежского асессора Гавриила Федуловича Левшиных в вольной типографии у А. Решетникова 1791 год – С.3-4.

рость предки его милостливо свидетельствуется и похваляется. Да и древнее благородство и знаменитость фамилии подтверждается словами: великое благородство и порода (см. в жалованных грамотах – 1,2, 4, 6 как и в прочих грамотах)⁴.

Гордость за древность, знатность и благородство своего рода звучит и в «Автобиографии» великого русского поэта А.С. Пушкина. Он пишет: » Мы ведем свой род от прусского выходца *Радиши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, то есть знатного, благородного, выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шеремединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междоусобия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. Четверо Пушкиных подписались под грамотою об избрании на царство Романовых...⁵».

Понятие «ценности членов дворянского рода» имеет более низкий ценностный статус и относится к категории ценности-средства. Ценности-средства формируются на основе ценностей основания и служат смысло-целевой основой для решения конкретных проблем в деятельности членов дворянского рода. Среди ценностей-средств можно выделить следующие наиболее значимые ценности. Дворяне, как отмечалось ранее, были служивым сословием, в этом была их избранность и востребованность. Из этого статуса вытекала и определяющая ценностная установка – долг. Дворянское чувство долга было замешено на чувстве собственного достоинства, чести и службе отечеству. Ценность долга перед Отечеством, Государем, своим родом, семьей, перед самим собой определяла линию поведения дворянина. Сергей Львович Толстой утверждал, что девизом его отца была французская поговорка: «*Fais ce que das, advienne que pourra*» [«Делай что должно — и будь что будет» (фр.)]⁶. Как известно, Лев Толстой вкладывал в понятие долга свой, подчас неожиданный для общества смысл. Но сама установка: думать об этическом значении поступка, а не о его практических последствиях — традиционна для дворянского этического кодекса, кодекса чести. Ценность «хорошего воспитания», которое предполагало владение правилами хорошего тона, знание и безукоризненное применение норм этикета светские манеры поведения *comme il faut*, гармонию этических и этикетных норм. Честь, достоинство, уважение к духовным и нравственным ценностям предков – это качества, которые определяют понятие «дворянин». «Честь» не дает человеку никаких привилегий, а напротив, делает его более уязвимым. В идеале «Честь» являлась основным законом поведения дворянина, безоговорочно преобладающим над любыми другими соображениями: будь то выгода, или успех, или безопасность, или рассудительность. Нравственный облик человека той эпохи формирует не уровень материального благосостояния, а уровень этических требований, целью которых было формирование высокой гражданской позиции, позиции служения Отечеству.

Одной из основных ценностей членов дворянского рода считалась дворянская честь, *point d'honneur*, которая отождествлялась с внутренним нравственным достоинством человека. Как утверждает наука этика, понятия «честь» и «достоинство» раскрывают отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества. Сознание человеком собственного достоинства есть форма самосознания и самоконтроля. Человек не совершает определенного поступка, считая, что это может нанести урон его чести или ниже его достоинства. Честь и достоинство – выражение ответственности человека за свое поведение перед самим собой, предстают как высшая форма проявления сознательности и нравственности мотивов. Честь и достоинство обязывает совершать нравствен-

⁴ Книга благородных дворян Левшиных, содержащая в себе доказательство о происхождении их фамилии, времени выезда в Россию и поколенную роспись, напечатанную на средства полковника Павла Федуловича и коллежского ассесора Гавриила Федуловича Левшиных в вольной типографии у А. Решетникова 1791 год – С.3-4.

⁵ Пушкин А. С. Автобиографическая проза. Начало автобиографии // Там же. Т. 8. – С.48.

⁶ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1968. – С. 102.

ные поступки, соотносить свое поведение с требованиями общественной морали. Моральная ценность личности в понятии чести связывается с конкретным общественным положением человека, родом его деятельности и признаваемыми за ним моральными заслугами. Исторически честь в моральном сознании общества появилась в виде представлений о родовой и сословной чести, предписывающей человеку определенный образ жизни, деятельности, поведения, не унижающий достоинства рода или сословия, к которому он принадлежит. Таковы были представления об офицерской чести в условиях, когда офицерский корпус комплектовался в основном из дворянства. Они были связаны с особой щепетильностью в отношении действий, которые затрагивали или могли затронуть честь офицера и дворянина. Честь обязывает человека оправдывать и поддерживать репутацию, которой он обладает лично и которая принадлежит социальной группе, в которой он состоит. Забота о своей репутации как человеку чести была одной из важнейших доминант жизнедеятельности дворянина. Дворянин с особой щепетильностью относится к решению всех вопросов, которые затрагивали или могли затронуть честь офицера и дворянина. Честь дворянина воспринималась и им самим, и окружающими, как некая важная реальность, вызывающая доверие к нему. Наоборот, нарушение правил чести рассматривалось как нравственное падение человека. С ценностью чести сопряжена также ценность благородства. Благородство (от *благо* и *род*) — изначально совокупность личностных качеств, как правило присущих человеку, происшедшему из знатного ("благородного") рода, то есть аристократу, дворянину, обретавшаяся в ходе специального воспитания, необходимого для несения возлагавшейся на него в силу происхождения ответственности. Благородство предполагает возвышенность мотивов поведения человека, их «родственность Благому». С понятием благородство сопряжено представление о высокой нравственности, самоотверженности и честности. Как правило, под благородством подразумеваются естественные добрые проявления внутренней сущности человека, не обусловленные какими-либо законами, запретами, правилами или предписаниями.

В понятие о чести наряду с достоинством органично входило понятие честности. Человек чести — это честный человек. В связи с этим в дворянской среде большое значение придавалось соблюдению «честного слова». Нарушить данное слово — значило раз и навсегда погубить свою репутацию, потому поручительство под честное слово было абсолютно надежным. Известны случаи, когда человек, признавая свою непоправимую вину, давал честное слово застрелиться — и выполнял обещание. Конечно, щепетильно оберегая свою честь, дворянин учитывал чисто условные, этикетные нормы. Но главное было все же в том, что отстаивая свою честь, он защищал свое человеческое достоинство. Обостренное чувство собственного достоинства воспитывалось в нем с детства, целой системой разных, внешне порой никак между собой не связанных требований.

Честь дворянина это не только честь личности, но и честь дворянского рода. Сохранение чести рода — святая обязанность его членов. Показательно в этом плане напутствие старого князя Болконского своему сыну, отправляющемуся на войну: «Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет <...> а коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!»⁷. Сохранение чести для старого аристократа является более высшей ценностью, чем даже жизнь любимого сына. Ради сохранения чести дворяне жертвовали жизнью.

Историческим доказательством этого положения являются институт и практика дуэли. Дуэль являлась способом решения вопросов чести в России, как и в других европейских странах. Граница между честью и бесчестьем порой была чисто условной, доказательством тому являются те дуэли, поводом к которым служили лишь светские предубеждения. Но постоянная угроза смертельного поединка накладывала свой отпечаток на весь стиль поведения. Человек должен был привыкнуть отвечать за свои слова; «оскорблять и не драться» (по выражению Пушкина) — являлось пределом низости. Публичное оскорбление неизбежно влекло за собой дуэль, но публичное же извинение делало конфликт исчерпанным.

Дуэль как средство решения вопросов чести в западной Европе возникло в XVI веке. В России дворянское понятие о чести и об бесчестьи во внятной обличии появилось

⁷ Толстой Л. Н. Война и мир. // Полн. собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 9. — С. 134.

в послепетровские времена. В допетровские времена, времена местничества понятие о чести выросло из сознания неизбежности места рода и человека в государственной структуре. Боярину или дворянину допетровских времен в голову не приходило смывать оскорбление кровью на поединке или просто демонстрацией своей готовности убить или умереть ради чистоты репутации. В этом не было нужды. Государство регулировало отношения между подданными. И не потому, что оно было сильнее и зорче, чем после Петра. А наоборот, потому, что благородные подданные больше доверяли государству и традиции и меньше связывали понятие чести со своей личностью. Если одному боярину за обиду выдавали другого головой – он считал себя удовлетворенным, хотя его заслуги в происходящем не были никакой. Все делала упорядоченность представлений о сословной ценности рода и человека. И потому в «Уложении» царя Алексея Михайловича вообще не упоминалось наказание за дуэль, а провозглашалось нечто иное: "А буде кто при царском величестве выймет на кого саблю или иное какое оружие и тем оружием кого ранит, и от той раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого до смерти убьет, и того убийца за то убийство самого казнити смертию. А хотя буде тот, кого тот убийца ранит, и не умрет, и того убийца по тому же казнити смертию".

Тут главное – обнажение оружия в присутствии государя, то есть более важен факт оскорбления величества насильем в его присутствии, чем факт схватки и ее результат. И речь идет здесь отнюдь не о дуэлях в точном смысле слова, а о любом вооруженном инциденте в соответствующей обстановке.

Если дворянство Московской Руси стремилось отличиться местом, которое занимали предки, то под влиянием реалий петровского времени, прежде всего «Табели о рангах», само понятие местничества отмирает, но сохраняется и усиливается понятие родовой чести. Под воздействием новых культурных течений и просветительских тенденций, в дополнение к родовой появляется понятие личной чести. Как следствие эволюции понятия личного достоинства, является развитие дуэли и создание первых дуэльных кодексов. Дуэль становится средством разрешения межличностных конфликтов между представителями благородного сословия, своеобразным механизмом регулирования социальных отношений. Журналы 50-х гг XVIII века. еще называют дуэль «какой-то заморской чумой, в старину у нас и не знали этого»³⁴. Но в дворянской среде, особенно в гвардии, дуэль быстро становится общепризнанным способом решения межличностных проблем.

Вот как определяет назначение дуэли «Дуэльный кодекс»: «Основной принцип и назначение дуэли – решать недоразумения между отдельными членами общей дворянской семьи между собою, не прибегая к посторонней помощи»⁸. Таким образом, дуэль не только средство решения проблем чести, но еще и средство избежать огласки, оставив проблему внутри «дворянской семьи», на слово членов которой можно положиться.

«Дуэль может и должна происходить только между равными». Если в конфликте замешены представители других сословий, вопрос должен решаться через суд. Принятие вызова от человека из низших сословий унижает достоинство дворянина и потому запрещается дуэльными правилами. В то же время, оскорбление, нанесенное равным, может быть отомщено только на дуэли, хотя это не противоречит возможности обратиться в судебные инстанции: «Дуэль служит способом отмщения за нанесенное оскорбление и не может быть заменена, но вместе с тем, и не может заменить органы судебного правосудия, служащие для восстановления или защиты нарушенного права»⁹.

Интересно, как дуэльный кодекс определяет оскорбление: «Оскорбление есть посягательство на чье-либо самолюбие, достоинство или честь. Оно может быть нанесено на словах, письменно или действием»¹⁰. Понятие чести включало в себя и родовую, семейную честь (вот почему дворянин мог вызвать на дуэль обидчика, нанесшего оскорбление покойному родственнику) и личную честь. Под достоинством понималось достоинство дворянина как представителя своего сословия. Стремление соответствовать высокой чести принадлежности в привилегированному сословию противоречило любым неблагоприятным поступкам, несовместимым с понятием дворянского достоинства. Таким обра-

⁸ Дурасов В.. Дуэльный кодекс. – СПб., 1908. С. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 15.

зом, в системе личностных и родовых ценностей заключался тот высокоморальный идеал дворянина, которому, в большей или меньшей степени, стремились соответствовать все члены сословия. Женщина-дворянка была не только окружена уважением, ее привилегированное положение в обществе было закреплено даже в дуэльном кодексе. Так «оскорбления, наносимое женщиной, включая оскорбление действием, считаются оскорблениями первой степени»¹¹. Зато «тяжесть оскорбления, наносимого женщине, повышается на одну ступень»¹². Это вовсе не означало, что женщина могла позволить себе оскорбить кого-либо безнаказанно. «За оскорбления, нанесенные недееспособными лицами или женщинами, ответственны другие лица»¹³, то есть вызов на дуэль получали ближайшие родственники – муж, отец, брат. Подобная ответственность за близких налагала на женщину определенную сдержанность в словах и поступках,

Дуэльный кодекс, вобравший в себя мудрость и столетний опыт поединков в России, утверждал: «Дуэль не должна ни в коем случае, никогда и ни при каких обстоятельствах служить средством удовлетворения материальных интересов одного человека или какой-нибудь группы людей, оставаясь всегда исключительно орудием удовлетворения интересов чести». Только в сфере чести, в личных отношениях идеальная дуэль должна была служить регулятором и выходом из крайних положений. На практике же в реальных российских условиях – дуэль служила для разрубания узлов в самых различных сферах жизни. Дуэли применялись и в политике, политической борьбе.

Право на поединок, которое, несмотря на жестокое давление власти, отстаивало послепетровское дворянство, становилось сильным знаком независимости от деспотического государства. Дворянин, оставляя де-факто за собой право на дуэль, резко ограничивал влияние государства на свою жизнь. Право дуэли создавало сферу, в которой были равны все благородные, вне зависимости от знатности, богатства, служебного положения. Кроме, разве что, высших служебных степеней и членов императорской фамилии.

Право на поединок стало для русского дворянина свидетельством его человеческого раскрепощения. Право на поединок стало правом самому решать – пускай ценой жизни – свою судьбу. Право на поединок стало мерилем не биологической, но общественной ценности личности. Оказалось, что для нового типа дворянина самоуважение важнее жизни. Самодержавие видело в нарождающемся институте дуэли угрозу государственности, и поскольку оно принципиально претендовало на право контролировать все сферы существования подданных, распоряжаться их жизнью и смертью, оно решительно выступило против института дуэли.

В конце XVII века в Германии был издан имперский закон, грозивший дуэлянтам смертью через повешенье с конфискацией имущества. Во Франции дуэль была объявлена оскорблением величества. Петр ориентировался как на германское, так и французское антидуэльное законодательство. В Уставе Петра сказано: «Если случится, что двое на назначенное место выедут, и один против другого шпаги обнажат, то Мы повелеваем таковых, хотя никто из оных уязвлен или умерщвлен не будет, без всякой милости, такожде и секундантов или свидетелей, на которых докажут, смертью казнить и оных пожитки описать... Ежели же биться начнут, и в том бою убиты и ранены будут, то как живые, так и мертвые повешены да будут». С течением времени эти положения Устава еще более ужесточались (что свидетельствует о малоэффективности запрета на поединок): теперь повешение грозило уже только за вызов на дуэль; если же поединок состоялся, дуэлянтов должны были повесить за ноги.

Для дворянина ценность чести являлась интегральной ценностью. Для него в понятие чести входило: и независимость дворянина, и личное бесстрашие в защите своих правил и представлений, и способность оказаться на стороне невинно угнетенного, и верность своему долгу вне зависимости от выгоды.

Итак, ценностные основания дворянского рода как социокультурного института – это фундаментальные значимости и культурные смыслы, которые в форме мировоззрен-

¹¹ Дурасов В.. Дуэльный кодекс. – СПб., 1908. С. 31.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Там же. С.28.

¹³ Там же.

ческих, нравственных, духовных и профессионально – служебных установок задают направление и мотивацию деятельности и общения его членам. В систему ценностных оснований дворянского рода входят такие основополагающие ценности как ценность Бога, Православия, Государя, Родины, Отечества, Государства, службы – служение (Отечеству, обществу, роду, семье, женщине), долг, честь, честность, благородство, верность данному слову и обязательству. Формирование этих ценностных установок в сознании современных россиян способствовало бы росту духовно-нравственной культуры современного российского общества.

Список литературы

1. Перевозчикова Л.С. «Аксиологические основания гуманистической парадигмы высшего образования в культуре информационного общества». Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры. Тула. 2009.
2. Искусство хороших манер: Советы и наставления.- Спб., 1995. 208 с.
3. Книга благородных дворян Левшиных, содержащая в себе доказательство о происхождении их фамилии, времени выезде в Россию и поколенную роспись, напечатанную на средства полковника Павла Федуловича и коллежского ассесора Гавриила Федуловича Левшиных в вольной типографии у А. Решетникова .1791. – VIII, 136, [1] с., 6 л. табл.; 4°.
4. Пушкин А. С. Автобиографическая проза. Начало автобиографии // Там же. Т. 8. – 278 с.
5. Толстой Л. Н. Война и мир. // Полн. собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 9. 332 с.
6. Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1968. 566 с.
7. Дурасов В. Дуэльный кодекс – Спб., 1908.- 215 с.

VALUE BASIS FOR NOBILIARY AS A SOCIOCULTURAL INSTITUTION OF THE ESTATES SYSTEM

O.A. RADUGINA

*Voronezh Architectural and
Construction university*

In this article, the author aims at identification of key elements and revealing the contents of value grounds of noble family: the values of God, Orthodoxy, the Motherland, fatherland, state, service – ministry (Fatherland, society, clan, family, female), honor, duty, honor, integrity, loyalty to the promised word and obligation.

Key words: aristocratic family, values, value base, social and cultural institution.

ЭТИКА ПРОФЕССИЙ И КОРПОРАТИВНЫЙ ЭТОС

К.Б. САФОНОВ

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:
k_b_s_k_b@list.ru*

Статья посвящена анализу проблем функционирования системы корпоративной этики организации, ее культурных, социальных и антропологических оснований. Большое внимание уделяется рассмотрению особенностей корпоративной культуры, ее связи с этикой профессий членов коллектива. Феномен корпоративного этиоса исследуется во взаимосвязи с корпоративной и профессиональной этикой.

Ключевые слова: профессиональная этика, корпоративная этика, корпоративный этиос, этический кодекс, корпоративная культура, этические ценности.

Облик современного социума во многом определяется особенностями сферы хозяйства. Именно она является источником получаемого обществом экономического продукта, институтом социализации личности и областью приложения труда. С философской точки зрения, труд следует рассматривать не только как средство преобразования материального мира, способ получения материальных благ с целью дальнейшего удовлетворения существующих у человека витальных потребностей. Ценность труда заключается в его способности содействовать моральному оздоровлению и духовному преображению личности. Воспринимаемый как искусство, труд позволяет нам участвовать в изменении мироздания. В.Н. Назаров отмечает, что «своим трудом человек вкладывает свою волю в жизнь вещей, в их совершенствование»¹. Таким образом, на современном этапе развития общества труд является основным способом участия индивидуума в совместном с природой и обществом творчестве по улучшению мира, ускорению социального, экономического и культурного прогресса.

В течение многих столетий труд воспринимался как таковой. Еще двести лет назад не существовало особых различий между трудом ремесленника и крестьянина, как следствие, не могло идти и речи о национальном и международном разделении труда. Кардинальные изменения в экономическую деятельность человечества внесла промышленная революция, которая к началу XX века изменила мир до неузнаваемости. И если до этого, по мнению Э.Ф. Зеера, свободного выбора профессий не было, то теперь человек столкнулся с проблемой поиска сферы приложения труда вне связи с сословными традициями и в условиях существования рынка труда и возникновения новых профессий². Число новых профессий росло, а так как их представители очень часто относились к наиболее образованным и продвинутым слоям общества, именно в их среде активно происходили процессы бурного развития первых профессиональных объединений в их современном понимании – действующих на постоянной основе организаций, решающих задачи, напрямую связанные с выполнением миссии профессиональной деятельности, претворением в жизнь ее духовной и нравственной составляющей. Именно эти профессиональные объединения стали проводниками идей этики профессий как среди профессионалов, так и среди всех представителей социума. Именно благодаря этой деятельности этика профессий стала моральным базисом любой профессии, основой ее существования в обществе и взаимодействия с ним.

Современный человек существует в условиях все ускоряющихся процессов социальной стратификации и институализации. Мы все являемся представителями того или иного социального слоя, профессии, политического объединения. Каждый из общественных институтов имеет собственную мораль, писанный или неписанный кодекс этических воззрений и культурных оснований собственного существования. Неудивительно, что,

¹ Назаров В.Н. Философия в вопросах и ответах. – М.: Гардарики, 2004 – С. 197.

² См. Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005 – С. 32.

как указывают А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян, «исторически наиболее существенными являются видоизменения морали, которые связаны с национально-культурной, социально-статусной, профессиональной принадлежностью людей»³. Однако, рассматривая профессиональную принадлежность индивидуума, мы можем обнаружить невозможность ее четкого выделения и обоснования как таковой. И связана эта проблема, в первую очередь, с тем, что в современных условиях трудовая и профессиональная деятельность лишены значительной части индивидуальности, так как осуществляются в рамках тех или иных организаций и трудовых коллективов. И в этой связи весьма существенным становится вопрос о взаимодействии этики отдельной профессии и корпоративной этики организации.

Анализ данной проблемы следует начать с определения корпоративной этики. В рамках рассматриваемых вопросов наиболее уместным нам представляется определение С.Н. Коробковой: «Корпоративная этика – это культура поведения сотрудников компании, их убеждения и ценности, традиции, уровень взаимоотношений между руководителями среднего звена (менеджерами) и рабочими, между компанией, ее клиентами и партнерами»⁴. Совершенно очевидно, что в каждой организации или коллективе существует уникальная и неповторимая система корпоративной этики. Данная система не существует сама по себе, она есть синтез нравственных и духовных вкладов тех профессионалов, которые работают в данной организации. Как было отмечено выше, труд – это процесс постоянного нравственного обновления и совершенствования. Однако не стоит забывать, что ведущую роль в трудовой деятельности играет не единичный профессионал, а коллектив в целом. Иными словами, миссия профессиональной и трудовой деятельности не может быть выполнена вне коллектива. Труд есть не только и не столько сфера хозяйственной активности индивидуума, но и важный фактор межличностного взаимодействия.

Этико-философские основания профессиональной деятельности являются одной из главных составляющих любой из профессий. Профессиональная этика есть тот фактор, который играет решающую роль в процессе возникновения профессионального сообщества. При этом необходимо отметить, что нормы профессиональной этики находятся в постоянном взаимодействии с нормами общечеловеческой морали. Это находит отражение в том, что, с одной стороны, профессиональная этика есть результат взаимодействия общих моральных принципов со специфическими условиями и принципами осуществления профессиональной деятельности. Однако, с другой стороны, многие исследователи указывают на факт наличия процессов выхода профессиональной этики за пределы профессиональных сообществ. В.Н. Назаров и Е.Д. Мелешко отмечают: «Сегодня можно наблюдать, как моральные нормы особо престижных, значимых видов профессиональной деятельности вытесняют и подменяют собою общие принципы этики»⁵. Данный факт позволяет нам утверждать, что этические принципы отдельных профессий, проникая в повседневную жизнь общества, постепенно начинают взаимодействовать в этическими принципами, существующими в данном обществе. При этом они не могут не взаимодействовать друг с другом. Иными словами, на современном этапе этика той или иной профессии находится под влиянием не только общественных представлений о морали и моральных воззрений профессионалов, но и этик прочих профессий.

Таким образом, происходит некоторое смещение в системе этических факторов, оказывающих влияние на профессионала. Совершенно очевидным представляется тот факт, что основу этой системы должна составлять этика той отрасли профессиональной деятельности, к которой принадлежит индивидуум. Однако в настоящее время все большее значение приобретает надпрофессиональная (которую в большинстве случаев можно отождествить с корпоративной) этика. Корпоративная этика – это этика организации, профессиональная этика всех членов того или иного коллектива. По своей сути она, с одной стороны, совершенно уникальна, но, с другой стороны, – складывается из этических воззрений представителей профессий, составляющих коллектив.

³ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. – М.: Гардарики, 1998 – С. 393.

⁴ Коробкова С.Н. Этика делового общения. – СПб., 2001 – С. 11.

⁵ Назаров В.Н., Мелешко Е.Д. Этическое образование в России (история и современность). – Тула, 2004 – С. 51.

Функционирование системы корпоративной этики неразрывно связано с проблемой принадлежности того или иного сотрудника к рассматриваемой организации. Поскольку, как мы уже выяснили, корпоративная этика основана на убеждениях и ценностях, необходимо определить порядок их формирования у профессионалов. В данном случае различия между профессиональной и корпоративной этикой весьма существенны. Профессиональное сообщество не испытывает необходимости формирования общих ценностей своих представителей. Поскольку все профессионалы проходят определенную подготовку (обычно занимающую долгие годы учебы, практики и стажировок), они еще в образовательных учреждениях начинают чувствовать свою духовную связь с профессией, с профессиональным сообществом. Именно поэтому многие рано или поздно вступают в профессиональные объединения, принимают в их работе активное участие. Совсем иной может быть ситуация с определением корпоративной принадлежности. Сам факт принятия на работу не меняет мировоззрения профессионала, не заставляет его начать воспринимать себя в качестве части организации. Следовательно, раз и навсегда не могут быть усвоены и корпоративные этические ценности. Решение данной проблемы лежит в формировании у сотрудников организации корпоративной идентичности, которую Н.Ю. Пименова определяет как «отождествление сотрудниками или отдельными организационными структурами себя как части организации»⁶. Иными словами, необходимо формировать духовную связь отдельных профессионалов с коллективом, способствовать проникновению положений корпоративной этики во все сферы профессионального и отчасти межличностного взаимодействия.

В приведенном выше определении корпоративной этики большое внимание уделяется ее культурной составляющей. На наш взгляд, это связано с тем, что корпоративная этика является неотъемлемой частью и базисом корпоративной культуры организации, которая «формирует у сотрудников целый ряд нравственно-психологических установок по отношению к профессиональной реальности, в том числе и установку на отношение к самим себе как сотрудникам данного предприятия»⁷. При этом необходимо учесть, что каждая организация характеризуется особым и свойственным только ей этическим ландшафтом. Данный ландшафт формируется под влиянием этики сферы основной деятельности организации в целом при взаимодействии с индивидуальной этикой ее сотрудников. Выше нами было сказано, что индивидуальная этика есть некий синтез общих представлений о нравственном, существующих в обществе, и профессионально-этических воззрений индивидуума. Корпоративная этика, в свою очередь, представляет собой индивидуальную этику сотрудников, преломленная сквозь призму корпоративной культуры организации, ее социальной миссии и основных целей деятельности.

Таким образом, вся корпоративная этическая система основана на двух составляющих – этике профессий сотрудников и корпоративной культуре. При этом доминирующим элементом является этика профессий, проникающая не только в индивидуальную этику ее носителей, но и активно влияющая на нравственные ценности организации в целом. Формирование этического ландшафта организации происходит под влиянием этических и смежных с ними факторов корпоративной культуры. На наш взгляд, наиболее удачным способом описания процесса формирования системы корпоративной этики является рассмотрение ее как результата существующего в каждом трудовом коллективе корпоративного этоса. При этом существенные трудности могут возникнуть при определении данного явления. Современная литература не дает четких пояснений термину «этос». Можно лишь отметить, что, как указывают В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, «это понятие адекватно для обозначения промежуточного уровня между пестрыми нравами – и собственно моралью, сущим – и должным»⁸. В то же время, например, «хо-

⁶ Пименова Н.Ю. Особенности формирования корпоративной идентичности в системе дистанционного обучения: опыт Владивостокского государственного университета экономики и сервиса // Университетское управление. 2004. № 5-6 (33). – С. 163.

⁷ Франц А.С. Корпоративная культура университета (этико-аксиологический аспект) // Университетское управление. 2006. № 2 (42). – С. 26.

⁸ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии / Под ред. Батыгина Г.С., Карнаухова Н.Н. – Тюмень, 2000 – С. 36.

зяйственный этос», в понимании его М. Вебером – это не просто совокупность правил житейского поведения, не только практическую мудрость, но и объективированная, воплощенная в укладе, строе жизни, мироощущении людей мораль в расширенном ее понимании. Подобный взгляд на проблему «хозяйственного этоса», по мнению исследователей, есть путь к исследованию профессиональной морали⁹.

Этос организации, или корпоративный этос, – это система этических и культурных установок сотрудников, устоявшийся в коллективе порядок и стиль поведения. Основой этоса и его неотъемлемой частью является кодекс корпоративной этики. Совершенно очевидно, что данный кодекс в значительном числе случаев выходит за пределы корпоративной морали. Очень часто его положения применяются в межкультурном взаимодействии за пределами организации и вне рамок трудового коллектива. Создание кодекса корпоративной этики – это сложный и противоречивый процесс, который, начавшись однажды, никогда не заканчивается. Меняются профессионалы, вместе с ними меняется и коллектив в целом. Старые ценности уходят на задний план, вперед выдвигаются новые, доселе незначимые. Все это влияет на корпоративные ценности, корпоративную культуру организации. А они, в свою очередь, не могут не повлиять на ее корпоративную этику. Изменившиеся концепции корпоративной этики кодифицируются в новой редакции кодекса.

Кодекс корпоративной этики должен отражать дух коллектива. Только в этом случае он будет воспринят сотрудниками не как директива (а далеко не все директивы исполняются), а как неотъемлемая часть собственного мировоззрения (в соответствии с которым мы все живем и хотим жить). При этом необходимо иметь четкое представление того, что мы подразумеваем, под «духом коллектива». На наш взгляд, наиболее тесно с этим понятием связано понятие корпоративного этоса – системы ценностей, характерных для конкретной общности людей, которых связывает профессиональная деятельность, направленная на выполнение определенной миссии и достижение определенных целей. При этом, с одной стороны, цели и миссия деятельности могут быть совершенно различные. Данный факт обусловлен профессиональной неоднородностью коллектива. С другой стороны, однако, сплоченный и хорошо организованный коллектив представляет собой единое целое, он является неким коллективным индивидуумом, обобщенным профессионалом, наделенным нравственными и культурными особенностями всех без исключения членов коллектива.

Долгие годы в нашей стране, согласно официальной идеологии, не могло существовать иной морали, кроме коммунистической. Этика профессий представлялась чуждой советским рабочим и служащим. О формировании и функционировании системы корпоративной этики в рамках той или иной организации не могло идти и речи. В результате лучшие черты отечественного профессионализма, опирающиеся на многовековые нравственные, культурные и духовные традиции русского народа, были преданы забвению. Некоторые исследователи считают, что они были вовсе потеряны навсегда. Мы, однако, разделяем точку зрения Н.Н. Зарубиной, которая указывает, что «даже если традиция как конкретная устойчивая форма деятельности утрачена, то в менталитете народа она осталась как совокупность ценностей и норм, представлений о должном»¹⁰. Культурный этос российского народа должен и может стать основой для развития корпоративного этоса каждой организации, работающей в нашей стране. В системе ценностей индивидуума центральное место занимают нравственные ценности и моральные установки. Следовательно, основу корпоративного этоса как системы ценностей коллективного индивидуума, коим является совокупность сотрудников организации, должны составить корпоративные моральные ценности, формирующие корпоративную этику.

Нравственность коллектива складывается из этических установок каждого его представителя. Этика нашей профессии играет существенную роль в формировании нас не только как профессионалов, но и как граждан, ответственных членов общества. Индивидуальная этика находится в теснейшей взаимосвязи с профессиональной этикой, их

⁹ См. Там же.

¹⁰ Зарубина Н.Н. Модернизация и хозяйственная культура (Концепция М.Вебера и современные теории развития) // Социологические исследования. 1997. № 4. – С. 53.

концепции во многом взаимообусловлены. Этический ландшафт организации определяется этическими портретами ее представителей. Носитель корпоративной этики – коллектив – есть обобщенный субъект, обладающий совокупностью черт всех входящих в него профессионалов, его этика – это этика, нравственные ценности и культурные особенности каждого индивидуума.

В.Н. Назаров и Е.Д. Мелешко указывают на наличие в современном обществе кризиса морали, что проявляется в снижении уровня фундаментальной этической мотивации и отказа от использования общих этических ценностей в качестве непосредственных стимулов поведения¹¹. Место общих этических ценностей в моральной парадигме современного человека занимают профессионально-этические ценности, регулирующие не только его профессиональную деятельность, но и все больше проникающие в повседневную жизнь. Непосредственное влияние концепции профессиональной этики оказывают на систему ценностей индивидуума. Как мы выяснили, система корпоративных ценностей есть процесс взаимодействия систем индивидуальных ценностей членов коллектива. Таким образом, корпоративный этос, являющийся основанием корпоративной этики, находится в непосредственной зависимости от этики профессий, существующих в организации. Существующая зависимость двусторонняя: индивидуальная этика, находящаяся под непосредственным влиянием профессионально-этических ценностей, влияет на корпоративные моральные ценности, в значительной части формирующие корпоративный этос, который, представляет собой систему культуры и этики организации. Этические и культурные особенности организации усваиваются ее членами и влияют на их индивидуальную этику и профессионально-этические представления.

Корпоративный этос можно описать как душевный склад или характер обобщенного профессионала. Профессия формирует характер индивидуума. И точно так же профессионализм членов коллектива (в том числе и этика их профессий) формируют обобщенную душу организации, ее корпоративный этос.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Профессиональная этика является важнейшим средством регулирования осуществляемой индивидом профессиональной деятельности.
2. Корпоративная этика есть синтез этических воззрений всех представителей конкретной организации.
3. Особенности осуществляемой профессиональной деятельности оказывают влияние на формирование индивидуальной этики.
4. Результатом взаимодействия систем профессиональной и корпоративной этики в организации является формирование корпоративного этоса.

Список литературы

1. Назаров В.Н. Философия в вопросах и ответах. – М.: Гардарики, 2004.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. – М.: Гардарики, 1998.
4. Коробкова С.Н. Этика делового общения. – СПб., 2001.
5. Назаров В.Н., Мелешко Е.Д. Этическое образование в России (история и современность). – Тула, 2004
6. Пименова Н.Ю. Особенности формирования корпоративной идентичности в системе дистанционного обучения: опыт Владивостокского государственного университета экономики и сервиса // Университетское управление. 2004. № 5-6 (33). С. 163 – 172.
7. Франц А.С. Корпоративная культура университета (этико-аксиологический аспект) // Университетское управление. 2006. № 2 (42). С. 26 – 30.
8. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и общественные реалии / Под ред. Батыгина Г.С., Карнаухова Н.Н. – Тюмень, 2000.
9. Зарубина Н.Н. Модернизация и хозяйственная культура (Концепция М.Вебера и современные теории развития) // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 46 – 54.

¹¹ См. Назаров В.Н., Мелешко Е.Д. Этическое образование в России (история и современность). – Тула, 2004 – С. 58.

ETHICS OF THE PROFESSIONS AND THE CORPORATE ETHOS

K.B. SAFONOV

*Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University*

*e-mail:
k_b_s_k_b@list.ru*

The article is devoted to the analysis of the problems of functioning of the system of corporate ethics in the organization, its cultural, social and anthropological bases. A great attention is paid to the discussing of the peculiarities of the corporate culture, its ties with the ethics of professions of the staff members. The corporate ethos phenomenon is investigated together with corporate and professional ethics.

Key words: professional ethics, corporate ethics, corporate ethos, ethical code, corporate culture, ethical values.

УДК 343.359.2

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Е.Е. ТОНКОВ
Р.В. ДОНЕЦ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

В статье представлен авторский взгляд на процессуальную сторону государственной деятельности, совершенствование которой в условиях модернизации не только создает предпосылки для формирования новых социальных отношений, преодоления кризиса и стабилизации экономического положения, но неизбежно влечет за собой видоизменение механизма правового регулирования.

Ключевые слова: государство; деятельность; кризис; модернизация; процесс; юридические формы.

Политико-правовая модернизация общественных отношений в России сопровождается очевидным усилением активности государственного аппарата, что становится особенно наглядным накануне парламентских выборов. Возрастание доли участия государства во всех сферах жизни общества преподносится как вынужденная стабилизирующая мера, однако может стать и буревестником постепенного свертывания демократических преобразований.

Экономика России, находящаяся в перманентно-угасающем состоянии, вопреки оптимистическим заявлениям придворных политологов, требует реального совершенствования государственной деятельности для преодоления негативных процессов и дальнейшего поступательного развития. Как отмечает Ю.К. Толстой, «социального государства с развитой рыночной экономикой у нас, к сожалению, так и не возникло»².

Государственная власть как социальный феномен характеризуется особым статусом в силу известных особенностей ее субъекта, выделяющих государство из других институтов общества, поэтому только расширение диапазона ее влияния может обеспечить макроэкономическую стабильность и сбалансированность бюджета. Используя авторитет и силу публичной власти, административный ресурс аппарата, государственный механизм выполняет роль мощного активатора общественной жизни, способного организовать эффективное управление обществом, реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности.

В результате нестабильной экономической обстановки, вызванной мировым финансово-экономическим и системным кризисом, паралича господствовавшей ценностной парадигмы видимого всеобщего благоденствия государственные органы оказались не готовы к защите предложенных эталонов поведения и тех идеалов, которые были навязаны рыночной вседозволенностью и начинают разрушаться. Все то, что происходит в России сегодня, по своим масштабам уже соизмеримо с социально-экономическим коллапсом, поразившим страну десятилетие назад, однако российская экономика до сих пор не достигла спасительного «дна», от которого должно начаться восхождение.

Кризис наглядно продемонстрировал, что институциональная система России буквально пронизана дефектами, а уроки из прошлого власть предрержащими не извлечены. Как иронично и прогностически точно подчеркнул И.А. Исаев еще несколько лет на-

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.).

² Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. – С. 32.

зад, «амбициозная убежденность современной политико-правовой науки в чистом рационализме своих категорий и понятий в жизни постоянно сталкивается с неизвестно откуда возникающими феноменами иррационального и стихийного»³.

Политико-правовая модернизация во многом затрагивает тем или иным образом практически все формы общественной жизни и предполагает необходимость переосмысления сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе. Эта потребность объясняется тем, что созданная при социализме теория правового регулирования не в состоянии объяснить происходящие перемены в политической и правовой системе. Политико-правовая модернизация является одновременно и содержательной характеристикой всей правовой системы общества. Если в 90-хх гг. XX века мы наблюдали разрушение монополии государственной собственности и сопровождение этого процессом приватизации, ухудшение общего экономического положения страны, в результате чего произошло снижение уровня жизни значительной части населения, то в настоящее время осуществляется перераспределение прав собственности при очевидном государственном вмешательстве в этот процесс.

Политико-правовая модернизация создает предпосылки для формирования новых отношений, преодоления кризиса и стабилизации экономического положения. Трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Государственная деятельность в условиях рыночной экономики не может осуществляться в тех же юридических формах и пределах, что и прежде.

Поэтому главной задачей ближайшего будущего является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации. На наш взгляд, трансформация юридических форм государственной деятельности в результате политико-правовой модернизации, их совершенствование могут придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению кризиса, становятся одним из определяющих факторов развития демократии, становления гражданского общества, построения правового государства.

Решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы до настоящего времени преобладают в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось, что дает нам основания на собственное представление о ней.

Особое значение имеют новые подходы к оценке и формированию государственной деятельности. В любом государстве, как и в любой науке, должен существовать основной, ведущий методологический подход. Не единый и обязательный для всех, а преобладающий, доминирующий, выступающий базой методологического инструментария той или иной науки⁴.

Юридические формы государственной деятельности, являясь внешним выражением процесса осуществления функций государства, органично связаны между собой и составляют содержание государственной деятельности. Одни и те же действия и акты государственного органа могут повлечь последствия различного характера и содержать предписания различного рода.

Как отмечает М.Н. Марченко, «под формами осуществления функций понимается их внешнее выражение, основные контуры и параметры их проявления»⁵.

По словам С.С. Алексеева, в России происходит «суровое явление – это крушение права в его общецивилизационном, высоком значении. И это должно быть большой трево-

³ Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. – М.: Юрист, 2006. – С. 8.

⁴ См.: Сырых В.М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2005. – С. 15–44.

⁵ Марченко М.Н. Теория государства и права. – М., 2008. – С. 336.

гой для общества. Потому что крушение права означает, что общество теряет одну из важнейших ценностей цивилизации, которая может вывести его на новые ступени прогресса»⁶.

В этих условиях развитие и дальнейшее совершенствование юридических форм государственной деятельности в процессе модернизации должно осуществляться координированно, на основе единой концепции, с учетом их взаимозависимости, хотя они отличаются друг от друга содержанием выполняемых задач и, соответственно, характером действий, способов, методов, средств их решения, а также направленностью юридических процедур и последовательностью их использования.

По мнению А.А. Павлушиной, «концепция юридической деятельности до сих пор полноценно не востребована при исследовании проблем процессуального права»⁷.

На наш взгляд, признание полноценности позитивных юридических процессов в правоведении уже состоялось, но содержательная основа их правовой конструкции и ее место в механизме правового регулирования остаются не в полной мере исследованными. Юридическая деятельность всегда связана с наступлением юридически значимых последствий (принятие закона, вынесение судебного решения, предписания, внесение представления).

Это определяет содержание юридической деятельности и дает основания считать ее относительно самостоятельным элементом правовой системы, органически входящим в социально-политический и правовой механизм общества. Ее юридическая значимость заключается в том, что она не только создает правоотношения, которые соответствуют духу закона, мысли законодателя, но и позитивно влияет на правовую сферу, являясь эффективным правовым инструментом.

Динамическую сторону юридической деятельности составляют правовые действия и операции. Юридические действия и операции можно соотнести как целое и часть: первые из них представляют собой внешне выраженные, социально преобразующие и влекущие определенные правовые последствия акты субъектов, которые служат фундаментом, основанием любой юридической деятельности; вторые подразумевают совокупность взаимосвязанных действий, объединенных локальной целью и направленных на решение обособленной границами юридического процесса задачи.

Юридическая форма деятельности государства основана на предписаниях права и всегда подразумевает наступление определенных юридических последствий. В последние годы процессуальная форма основательно вошла в российскую правовую систему и законодатель неуклонно идет по пути процессуализации различных сфер общественной жизни – приняты УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ и ряд других нормативных правовых актов, посвященных именно процессуальной форме разрешения юридических дел.

Поэтому, являясь (вслед за В.М. Горшениным, Ю.И. Мельниковым, И.Б. Шаховым, И.В. Бенедиком, Г.А. Борисовым и др.) сторонником так называемого «широкого» понимания юридического процесса, мы поддерживаем мнение, что процессуальной форме должна отводиться роль организационной гарантии в любой, не только судебной, но и позитивной деятельности органов государства⁸.

Значительную роль в функционировании и развитии права играют его комплексные закономерные связи с психологическими феноменами – потребностями, ценностями, интересами, волей. Эти феномены являются необходимыми частями процесса формирования права, правоприменения и правореализации.

Таким образом, юридическая форма представлена в теории права и как деятельность, и как структура права, и как совокупность источников права, и как процедура.

На наш взгляд, для корректной в научном смысле трактовки данного вопроса следует четко понимать философское значение категорий «форма» «содержание» и «деятельность».

⁶ Алексеев С.С. Право – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. 2009. № 7. – С. 16.

⁷ Павлушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы. – Самара, 2005. – С.9.

⁸ См.: Олейников С.Н. Общетеоретические проблемы юридической процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1986. – С. 9.

Задачи и функции государственной деятельности реализуются в конкретных действиях органов и должностных лиц, ее осуществляющих. Эти действия находят внешнее выражение в определенных формах государственной деятельности.

Следовательно, форма есть объективированное выражение сущности деятельности органов и должностных лиц, которые осуществляют государственную деятельность. Так как посредством форм практически реализуются задачи и функции государства, то от использования тех или иных форм в значительной мере зависит успех государственной деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций государства. Многообразие задач и функций государства обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами.

Юридические формы государственной деятельности под влиянием объективно-диалектических и волеустановленных факторов развиваются в содержательном и видовом смысле, что дает основания выделять наряду с традиционными новые подходы к их систематизации.

Юридическая форма государственной деятельности – это комплексная юридическая категория, которая, во-первых, обеспечивает опосредование правом различных неправовых, но нуждающихся в юридической регламентации общественных явлений, во-вторых, означает способ существования и выражения содержания норм материального права, реализуемый в ходе позитивного юридического процесса, в-третьих, характеризуется деятельностью субъектов правоотношений с соблюдением установленных законом правил и процедур.

Юридическая форма государственной деятельности соответствует способу правоприменения, виду юридического процесса и характеризует процессуальное урегулирование властной деятельности субъектов. По не утратившему своего значения замечанию В.М. Корельского, между сущностью и функциями государства нет никаких промежуточных звеньев, поэтому, как ничто другое, функции позволяют проникнуть в сущность государства, вскрыть то главное, что его характеризует, выявить основные, определяющие черты и связи⁹.

Юридические формы реализации функций государства являются способами реализации опосредованной формы осуществления государственной власти. Как подчеркивает В.И. Кнорринг, «каждая управленческая функция наполнена характерным для нее объемом и содержанием работ и имеет специфическую структуру, в рамках которой она реализуется»¹⁰.

Юридические формы в связи с этим следует рассматривать как организационно-управленческие действия управомоченных субъектов, которые всегда связаны с совершением юридически значимых действий в порядке, определенном законом.

Вполне очевидно, что юридическая форма, являясь объективно выраженным и устойчивым способом связи между составляющими право элементами, а также между правом и неправовыми явлениями, нуждающимися в правовой регламентации, служит важным компонентом предмета теории государства и права.

Форма государственной деятельности представляет собой способ ее организации, существования и выражения содержания. Степень соответствия формы и содержания может быть различной, однако, очевидно, что форма всегда оказывает существенное влияние на достижение целей и решение задач конкретных разновидностей государственной деятельности.

Деятельность государства по преодолению кризиса представляет собой процесс формирования и осуществления соответствующей государственной политики, который обеспечивается системой правовых норм и системой государственных органов. Не менее важной задачей модернизации является стабилизация условий осуществления юридических форм государственной деятельности, учитывая, чтобы сам ее процесс, получаемые рубежные и окончательные результаты не изменяли мотивационное и целевое содержание права, а способствовали его упрочению.

⁹ См.: Корельский В.М. Общая теория социалистического государства. – Свердловск, 1970. – С. 108.

¹⁰ Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. – М., 2001. – С.45.

Таким образом, граница между функциями и юридическими формами их реализации определяется уровнями управления, соподчинением государственных органов, осуществляющих соответствующую деятельность.

Высоко оценивая преимущества свободного рынка и демократических устоев, следует понять, что формирование гражданского общества, реальной демократии, создание правового государства подразумевают господство права, Конституции и закона. Сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием, позволяющими осуществлять надежное противостояние возникающим угрозам.

В России законодателем созданы необходимые фундаментальные основы для реализации демократических правовых принципов. Теперь необходимо сформулировать четкую концепцию природы и содержания юридических форм государственной деятельности в современных условиях с выходом на практические рекомендации правового регулирования соответствующего спектра проблем.

Механизм государственной деятельности представляет собой процесс реализации практических мер, средств и способов деятельности государства по обеспечению надлежащего уровня организации и функционирования системы государственного управления, выражающихся в создании и развитии эффективной управляющей системы (аппарата), направленной на достижение поставленной цели.

Моделирование процесса деятельности государства на федеральном уровне предполагает наличие полномочного и самостоятельного субъекта, наделенного надотраслевой юрисдикцией, что позволяет реализовать возложенные на него функции координации на отраслевом и региональном уровнях и проводить единую государственную политику.

Правовая действительность в современном российском обществе нередко упрощается искусственно, однако количество правовых проблем в социуме в процессе так называемой модернизации не только не уменьшается, но приобретает устойчивую тенденцию к росту. Распространяемый публично массив научной информации, к сожалению, не дает достаточного понимания общественных процессов и явлений. Очевидно, что население в большей степени заинтересовано не в философском объяснении причинно-следственных связей или туманном долгосрочном прогнозе или отдаленных стратегиях дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого и осязаемого выхода из создавшегося положения. Поэтому исследование в сфере совершенствования государственной деятельности не может ограничиться объяснительной или прогностической функцией, а обязано довести познание до предложения реальных мер.

Важным приоритетом государственной деятельности в период кризиса является повышение роли субъектов федерации в более эффективном использовании собственного ресурсного потенциала. Мы имеем в виду правовую сторону данного вопроса, связанную с полномочиями субъектов по предметам совместного ведения, по вопросам управления и пользования собственностью, по реализации финансовых полномочий. При этом следует понимать, что повышение активности и заинтересованности регионов во многом зависит от позиции федерального центра, от региональной политики государства.

Вместе с тем, мы разделяем мнение В.В. Субочева, что «объем интересов, которые нуждаются в правотворческой конкретизации и непосредственной охране, гораздо обширнее норм, составляющих законодательную основу регулирования общественных отношений»¹¹.

В этом сказывается естественная инерция законодателя, который, в силу большей статичности права по сравнению с регулируемым им отношениями, не всегда своевременно оформляет в виде нормативного правового акта те или иные интересы граждан и организаций.

Методологическим инструментом дальнейшего развития юридических форм государственной деятельности должна стать соответствующая государственная политика, направленная на оптимизацию управления исследуемым процессом. Рассмотрение политики и права в плоскости социальной технологии предполагает, что методология совершенствования государственной деятельности выстраивается не только с позиции ее

¹¹ Субочев В.В. Законные интересы: основы теории // Государство и право. 2009. № 5. – С. 15.

системности, но и функциональности. Это дает веские основания оценивать в рамках политической и правовой системы эффективность рассматриваемого процесса, то есть качество совместной деятельности государства и граждан по модернизации общества.

Неопределенность и размытость демократических идеалов современной России требует поступательной трансформации отечественного права в структурированную, стройную систему норм. Необходимость реформирования отечественного права объективно обусловлена тем, что в течение советского периода развития социальная роль и назначение права были существенно деформированы.

Как подчеркивает А.Ю. Саломатин, «происходит не только стремительное разрастание массива правовых норм и дальнейшая их отраслевая дифференциация, но и создание сложных, комплексных отраслей права в соответствии с требованиями научно-технического прогресса и социально-политической трансформацией общества»¹².

Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание данной категории.

Это тем более необходимо, что «длительное и безраздельное господство позитивного права в худшем его понимании (в духе Вышинского) и отрицание идей естественного не могли привести к адекватным выводам, характерным для демократического гражданского общества»¹³.

Современная ситуация в России, вступившей на скользкую дорогу предвыборного марафона, инициирует ускоренное развитие процессуальной составляющей политико-правовой модернизации. Если рассматривать модернизацию как универсальный процесс адаптации к меняющимся условиям, то сущность политико-правовой модернизации заключается в приведении содержания политики и права в соответствие с потребностями общества, что неизбежно влечет за собой развитие проблемы определения сущности самой юридической формы. Целесообразность решения данной проблемы в условиях модернизации объясняется не только потребностями собственно научного анализа, но и необходимостью совершенствования политической и юридической практики.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Право – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. 2009. № 7.
2. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. – М.: Юрист, 2006.
3. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. – М., 2001.
4. Корельский В.М. Общая теория социалистического государства. – Свердловск, 1970.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права. – М., 2008.
6. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003.
7. Олейников С.Н. Общетеоретические проблемы юридической процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1986.
8. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы. – Самара, 2005.
9. Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1.
10. Субочев В.В. Законные интересы: основы теории // Государство и право. 2009. № 5.
11. Сырых В.М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2005.

¹² Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1. – С. 200.

¹³ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 178-179.

12. Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1.

PROCEDURAL ASPECTS OF IMPROVING STATE ACTIVITIES IN MODERNIZATION OF SOCIETY

E.E.TONKOV
R. V. DONETS

Belgorod National Research University

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

The article presents the author's view on the procedural aspects of state activity. The improvement is part of the modernization and not only a prerequisite for the formation of new social relations to overcome the crisis and stabilize the economic situation. It will inevitably result in a modification of the mechanism of legal regulation.

Key words: State; activity; crisis, modernization, process, legal forms.

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.Ю. УДАЛЬХ

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: losevo7@mail.ru

В статье рассматриваются особенности восприятия детства в традиционной отечественной культуре, в культуре советского периода и в современности. Показываются существенные отличия отношения к детству. Делается вывод, что возвращение к традиционным метафизическим смыслам детства и материнства способно оздоровить современную духовную и демографическую ситуацию.

Ключевые слова: детство, материнство, святость детства, метафизика пола, русская философия, духовный и демографический кризис.

Когда мы смотрим на очаровательные детские лица, то готовы легко забыть все невзгоды нашего «цивилизованного» мира, где так много тяжелых проблем и нерешенных вопросов. Глаз погружается в чудесные детские черты, и дети окружают нас как пророки прекрасного будущего, маленькие ангелы, каким-то чудом возвратившиеся из отошедших райских времен. Непостижимым для нас образом эти маленькие чада ничего еще не делают иного, кроме как глядят в мир. Вместе с ними и мы начинаем глядеть в него и дивиться жизни.

Каким-то удивительным образом дети заставляют взрослых удивляться миру, пробуждают видение «миров иных», из которых только что вышел младенец. Вот она – тайна, тайна, начинающаяся в зачавшей женщине, к которой люди относятся с каким-то особенным вниманием и трепетом, к этому существу особого рода, в котором осуществляется таинственный процесс зарождения, созревания и появления нового, ранее небывшего. Вот она, по словам В. В. Розанова, «кардинальная тайна мира»: из ничто в нечто, из небытия в бытие.

О духовной сущности ребенка, своеобразии детской души писали многие выдающиеся представители русской культуры. Среди них Ф.М. Достоевский, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, Л.Н. Толстой, И.А. Тургенев, М.Ю. Лермонтов, В.В. Розанов, А.П. Чехов, М. Горький, К.И. Чуковский, С.Л. Франк, Н.Ф. Федоров, С.И. Гессен и др. В.В. Розанов называет зачатие и появление на свет младенца «выявленной мыслью Божьей», В.В. Зеньковский концентрирует внимание на закрытости детства от взгляда взрослого, а также на специфичности детского знания: «дети обладают каким-то тайным знанием жизни», о котором говорит и Ф. М. Достоевский: «детские знания питаются иными проникновениями». Он говорит о детстве как о принципиально ином состоянии человека, в корне отличающегося от состояния взрослости, он концентрирует внимание на таких значимых проявлениях детства, как: «через детей душа лечится», «дети очеловечивают душу уже одним только своим появлением между нами». А. Платонов говорит: «дети – черновики бессмертия», «дети – спасители Вселенной». Русские мыслители понимали детство в категориях чуда и тайны. Ребенок для них – это чистое, невинное существо, несущее в себе образ Божий, они видели в нем полноценное духовное существо.

Русский философ В.В. Розанов дерзнул говорить о том, о чем до него никто не говорил так искренне и откровенно. Его откровенность приподнимает то, о чем недоговаривается, что в рядовом сознании прячется от себя. Он выявил тему половой любви, тему пола из тем самых запретных, самых «неприличных», самых «стыдных» тем и сумел придать им глубокий человеческий смысл.

Творящая функция пола для него – величайшая тайна, связь метафизических основ бессмертия мира и бессмертия человеческого бытия. Высшим проявлением этой тайны является младенец. Это чудо, но не в механизме родов, не в физическом появлении на свет, чудо в зачатии, в «чадо-зачатии». В этом трансцендентально-мистическом акте продолжается творение мира Богом. Младенец, говорит В. В. Розанов, высочайшее проявление тайны «в плане создания своего, в улыбке, невинности и чудной безгрешности»,

ибо «завитый живой душой огонек в них [младенцах]»¹, точно упал с неба, словно вовсе и не принадлежит земле. Улыбка, невинность, безгрешность – эти характеристики младенца и составляют полноценную духовность, явленную в полной мере в столь немощем и беспомощном теле. Маленький человек, дитя, считал философ, самым непосредственным образом обнаруживает трансцендентность человеческого существа, бездонную тайну своего происхождения. Младенец своим появлением на свет самым чудесным и непосредственным образом разбивает грани этого мира и пробуждает в людях, понимающих человеческую природу, «видение миров иных». «Но как-то, глядя на него, мы и в себе пробуждаем как будто видение «миров иных», только что оставленных этим малюткой... коих свежесть, яркость, а также и святость он несет на губках своих, на безлукавых глазах...»². Оставленные миры, которых ищет человек и к которым постоянно тянется, даны младенцу от рождения в его улыбке. Этой безгрешной улыбкой вдохновляется человек на дальнейшую жизнь и творчество. Ребенок как связка в системе двоимирия, придя в действительный мир из зазора между бытием и небытием, он равно принадлежит и действительно и иному миру, связывая их.

Дитя – самое прекрасное из творений, никакая грязь еще не успела осквернить его душу. Младенец – это не только сияние жизни, свежесть и чистота, которую взрослый утрачивает с годами, это еще и явление той единственно бесспорной безгрешности, какую на земле знает и испытывает человек. Для В. В. Розанова младенец – это не просто отсутствие греха, но и присутствие святости, когда телесность и духовность ребенка пребывают в гармоничном единстве.

В Библии описана сцена благословения детей Спасителем: «Приносили к нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царство Божье». Этот знак особой любви Христа к детям свидетельствует об особой оценке нравственного состояния души маленького человека. Взрослому, чтобы обрести вечную жизнь, нужно умалиться до дитяти, т.е. преобразить свой ум, т.к. преобразенный ум взрослого равен уму младенца, о котором говорится в Евангелии от Луки: «Слаблю тебя, Отче, Господа неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам».

В христианстве условием обретения человеком вечной жизни является уподобление ребенку: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя мое, тот Меня принимает». В религиозном понимании подлинное величие для взрослых заключается в том, чтобы умалиться до дитяти: это и есть истинное смирение, без которого невозможно стать сыном Отца Небесного. Об этом много говорит русский религиозный мыслитель и педагог В. В. Зеньковский³.

Духовно здоровая семья принимает детей как дар Божий. Радуется рождению каждого ребенка. Каждый ребенок от Бога, каждый – это Божие проникновение. Рождение детей в традиционной христианской культуре понимается как один из путей для замужней женщины спастись и обрести вечную жизнь: «Спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». Дар материнства для женщины рассматривается в христианской традиции как драгоценнейший Божий дар. Рождение ребенка само по себе религиозно, оно воскрешает женщину, оно свято и спасительно. И женщина здесь – проводница из одного мира в другой, из того в этот.

***

Если в традиционной русской культуре семья, брак, дети являлись святынями, то в Советском Союзе под влиянием марксистской идеологии понимание семьи, материнства и детства значительным образом трансформируется.

Советский Союз – это время экспериментов в области отношения между полами. Провозглашается то политика «отмирания семьи» как буржуазного института, разреша-

¹ Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990. – С.328.

² Розанов В.В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. – М., 1995. – С.458.

³ Зеньковский В.В. Психология детства. – М., 1996.

ются аборт и разводы по первому требованию, то политика укрепления семьи, запрещение аборт и ужесточение условий развода. Пропагандируется освобождение женщины от «отупляющего» круга бесконечных обязанностей по дому, «домашнего рабства», по выражению первой женщины-посла Александры Коллонтай. Роль женщины в обществе стала сводиться в первую очередь к наемной труженице вне дома, к работнице, во вторую очередь – к матери и хозяйки семейного очага.

Беременность и материнство в Советском Союзе трактуется как производительная деятельность, существующая наряду с другими работами в жизни женщины. Беременность и роды объясняются как «усиленная работа» всех органов матери, на которую уходит множество сил и энергии женщины. Как всякая производительная деятельность, работа по уходу за ребенком должна подчиняться определенным правилам, быть оптимизирована и рационализирована.

В 30-х годах XX века беременность, рождение младенца интенсивно медикализировались, выводятся сначала из сферы религии, духовности, затем из сферы производственной деятельности в сферу биологии и описываются сугубо в медицинских терминах. Рождение перестает быть тайной. В книгах по уходу за ребенком 30-х годов беременность репрезентируется уже не в терминах работы, а в терминах биологической нормы/аномалии. Бестселлер эпохи – книга Эсфирь Конюс «Мать и дитя: спутник родителей» объясняет, что «у здоровой женщины обычно в течение первых месяцев брачной жизни наступает беременность. ...Беременность не болезнь, а нормальное естественное состояние женского организма. Однако при сложности процессов, происходящих в организме во время беременности, многие нормальные явления могут легко переходить в болезненные»⁴. В книге Г. Н. Сперанского «Ребенок раннего возраста» читаем: «На новорожденного надо смотреть, как на хирургического больного, которому сделана операция. К такому больному не подходят без чистого халата, не прикасаются к нему грязными руками. Помещение, где он находится, кровать, на которой он лежит, – все должно быть безупречно чисто»⁵.

Роды, беременность, уход за маленькими детьми объявляются сферой, где безраздельно властвует медицина и где последнее слово принадлежит специалисту – врачу, здесь нет места таинственному, сакральному, святому...

Материнство, по мнению А. Коллонтай, означало только две обязанности – рождение самого ребенка и вскармливание его материнским молоком. Выполнив это, женщина имела полное право считать, что ее долг выполнен. В свою очередь, государство обязано создать для беременной женщины все необходимые условия, а женщина – соблюсти правила разумного поведения во время беременности, помня, что в эти месяцы она не принадлежит себе, а служит обществу, «производя» из своей плоти и крови новую трудовую частицу.

Коллонтай считала, что поскольку работающая женщина не имеет ни времени, ни возможности воспитывать детей, общество, взяв на себя решение этой задачи, станет чем-то вроде второй матери для ребенка. Она предложила установить новый принцип: забота о новом поколении, которая так тяжело ложится на плечи женщин, не является частным семейным делом, но социальной функцией государства, которое должно дать женщине возможность участвовать в производительном труде, не насилуя ее природу, не вынуждая отказываться от материнства. В свете этого Коллонтай не считала, что у женщин может быть собственный выбор. За нее этот выбор делает государство. При этом мнение самих женщин, их приверженность ценностям традиционной семьи не учитывались.

В Советском Союзе семье была в значительной мере нравственно деформирована. Само понятие «семья» стало чем-то порочным, «буржуазным», подавляющим «свободу» личности. Дети оказались принадлежащими государству, которое стало активно вмешиваться в их воспитание, а супружеская верность оказалась пережитком старого общества. Первая женщина – посол Александра Коллонтай утверждала, что любовь – буржуазный анахронизм.

⁴ Конюс Э.М. Мать и дитя: спутник родителей. – М.; Л., 1939. – С. 6,24.

⁵ Сперанский Г.Н. Ребенок раннего возраста. – М.; Л., 1939. – С. 60.

Разрушение семейных связей неизбежно приводит к нарушению нормального развития детей и накладывает долгий, неизгладимый отпечаток на всю их последующую жизнь. Ребенок, воспитывающийся без матери, вырастает с пониженным родительским чувством, а отрыв детей от родителей в течение нескольких поколений привел к появлению молодых людей, у которых отсутствует желание иметь ребенка. Сохраняя физиологическую способность к деторождению, такие молодые люди оказываются психологически непригодными ни к семейной жизни, ни к родительству. Они не хотят иметь детей. Ребенок воспринимается как разрушитель комфорта, как помеха. Эти люди воспитаны в нескольких поколениях в отрыве от матери, часто без отца и все это ведет начало к 20-м годам, когда первая в мире женщина-нарком, гордость Советского Союза, Александра Михайловна Коллонтай говорила, что «Ребенок принадлежит обществу, в котором родился, а не своим родителям». И, что страшно, это были не только слова, а реальная политика правительства, подкрепляемая аппаратом репрессий и мощной машиной идеологической обработки населения.

***

Глубочайший мыслитель Советской эпохи, писатель Андрей Платонов почувствовал сильнейшее людское горе, величайшую трагедию Советской России – сиротство. Отняв у ребенка мать, лишив его материнского тепла и заботы, он навсегда остается сиротой. Ибо величайшая задача материнства – согреть души, дать почувствовать ребенку теплоту мира, которую он пронесет с собой через жизнь, дать опору добра человеку. В период Советского Союза, когда нужно было поднимать страну, нужны были рабочие руки, а тут еще и война... Женщину вырывают из семьи и отправляют на производство. На декрет полагается 6 недель. А дальше ребенка в ясли, потом школа, октябрята, пионеры, комсомол... А маму на завод. Вот и получилась «страна бывших сирот», как называет Советскую Россию Платонов. Но несмотря на обилие детских организаций, заботу о детях со стороны этих организаций, ребенок, усыновленный страной, продолжает чувствовать и ощущать нехватку домашнего тепла: «Девочка хотела, чтобы ее снова любил кто-нибудь – отдельный человек, подобно отцу и матери, а не все люди, которые сейчас ее кормят и учат, но которых она хорошо не знает» (рассказ «Оля»).

Тема смысла материнства, материнского тепла крайне значима для А. Платонова. Счастье ребенка у Платонова заключено в любви к нему матери. В материнском сердце непрерывно и безвозмездно рождается счастье любви, которое озаряет своим теплом и детей, находящихся рядом, и тех, кто был далеко, но «постоянно и безотчетно» чувствовал это тепло (рассказы «Полотняная рубашка», «Третий сын», «Разноцветная бабочка», «Сухой хлеб», «Семен» и др.). Мать олицетворяет образ бескорыстной любви и вечного страдания. Умирая, она навсегда оставляет ребенка сиротой, грустным и одиноким странником в человечестве. Одинокие, потерявшие мать дети для А. Платонова являются первейшим знаком социального и нравственного неблагополучия.

«Женщина ... питает человечество. Она сводит небо на землю, совершенствуя человека, поднимая его, очищая сменой поколений его горящую жаждущую душу». «В женщине живет высшая форма человеческого сознания – сознание непригодности существующей вселенной», сознание греховности и несовершенства, порочности этого мира и желание сделать его хоть капельку лучше, хоть на шаг приблизить к совершенству «влюбленностью в далекий образ совершенного существа – в сына, ... зачатого совестью погибающего мира»⁶.

***

Сегодня общество культивирует исключительно земные потребности человека, искусственно раздуваемые с помощью искусственно созданных средств. Люди стремятся к избыточному потреблению и избыточному комфорту, что приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Современное общество формирует человека ненасытного, сотворившего себе кумиров в лице рынка, бесконечного сверхпотребительства и усиленно навязывает эти «ценности» детям, агрессивно вторгаясь в священную, чистую область детства, заставляя ее обитателей жить по законам взрослого мира. Родители из семьи убегают в бизнес, с работу, а детьми занимаются учителя, воспитатели,

⁶ Платонов А. Душа мира // Чутье правды. – М., 1990. – С.66-69.

няньки, педагоги, психологи, ТВ. У родителей нет времени на детей. Для женщины оказывается важнее обеспечить ребенка больше материальными благами, а не материнским вниманием, заботой, теплом, на самом деле более важным. Чтобы заработать, она становится врачом, адвокатом, чиновником, выходит из семьи в общество, стремится быть равной мужчине. Взрослые забывают, что детям нужно давать достаточную опору не в материальном плане, а в мудрости, в каких-то советах. В итоге ребенок вырастает с ценностями потребления и неразвитой душой.

Фактически все самое важное в жизни человека происходит вне семьи. Рожают «цивилизованные люди» в медицинских учреждениях. Умирают, как правило, тоже. Да и в промежутке между этими двумя эпохальными событиями, в основном, находятся не в семье. Ясли, детский сад, школа, институт, служба, дом престарелых... Скольких родителей уже удалось убедить в том, что они равным счетом ничего не смыслят в собственных детях, не умеют их ни воспитывать, ни даже любить, и должны руководствоваться исключительно советами специалистов. Еще, казалось бы, совсем недавно, в начале 90-х, многие родители вообще не понимали, зачем им психологи, и обращались за помощью только в случае действительно серьезных поведенческих отклонений. Сейчас психология – наука бурно развивающаяся. Психологи работают в каждом детском саду и школе. В каждом коммерческом центре детского развития занятия ведут специалисты-психологи. Родители теперь спрашивают советы у психологов на все случаи жизни. Ребенок спать днем не любит – на прием к психологу. Бабушке грубит – без специалиста не разобраться. Ссорится с младшим братом – «Подскажите, что делать – ребенок неуправляем!»

В традиционном обществе брак и семья воспринимались как жизненная необходимость. Значение семьи в прежние периоды русской истории было чрезвычайно высоким. Сегодня представления о благополучной жизни обходятся без потребности в семье и детях. Гедонистические ценности и культ индивидуализма смещают семейность со шкалы социальных приоритетов. Семейность и материнство оказываются не в моде и заменяются ценностями материальной обеспеченности, максимальной самореализации в профессиональной сфере, построением успешной карьеры и т. п.

В постсоветский период стало поощряться стремление к самореализации, к достижению личного успеха, независимости. Материнство как самостоятельная ценность в такую систему координат не вписывается. Девочку с раннего детства ориентируют на хорошую учебу, затем – на выбор профессии и успехи в работе. Счастье в личной жизни воспринимается как второстепенное, сопутствующее успехам в труде. Принизание социальной значимости материнства и отцовства сравнительно с успехами в профессиональной сфере приводит к тому, что дети начинают восприниматься как ненужная обуза, дети становятся помехой индивидуалистического комфорта.

Женщина воспринимает материнство не как свое призвание, а как препятствие в профессиональном становлении. Детей либо «заводят» как домашнее животное, либо нет, поскольку не видят необходимости в их появлении. Нередко будущий ребенок нужен женщине не сам по себе, а лишь как средство достижения неких целей. Например, чтобы узаконить брак или удержать мужа в семье. Или женщина не хочет выделяться из общей массы: «Все рожают, а я что, хуже?». С рождением ребенка могут быть связаны планы по улучшению жилищных условий или какие-то иные материальные выгоды. То есть, осознанной потребности в ребенке как в таковом у будущей матери порой не наблюдается. СМИ говорят о рождении и воспитании детей так, словно это сплошные проблемы, трудности и неприятности.

***

Христос указывал апостолам на дитя, воплощенное бескорыстие и целомудрие, ставил его перед ними как подлинный и универсальный критерий нравственности. Ведь детей отличает, прежде всего, чистота, и именно к сохранению детской чистоты, целомудрия, невинности призывал Спаситель. Об этом просят и родители в молитвах о детях: «Сохрани их сердце в ангельской чистоте», «непусти их впасть в нечистоту и нецеломудрие». И эти-то качества как раз и вытравляются всеми силами из современной жизни.

Перестав видеть святость семьи и детства, люди менее всего заботятся о том, чтобы оберегать и пестовать эту святость. Потеряв веру в высшее начало жизни, распадается современная семья, все больше появляется сирот, все больше становится проблем с деть-

ми, которые в условиях отсутствия стремления к высшим идеалам, к высшим смыслам существования становятся подобием непробужденных взрослых. Если есть чувство тайны, божественности, чуда рождения (а именно такое понимание семьи и детства мы находим в трудах русских философов), то об абортах, оставленных, убитых детях, о детдомах, детской проституции и прочих ужасах мира сего не может быть и речи. К социальным бедам приводит утрата духовного видения мира.

Ребенок обладает теми положительными качествами, которые являются самыми ценными в любом человеке, которые притягивают. Это чистота, непосредственность, искренность, открытость, доброта, бескорыстие. В детях обязательно, особенно в маленьких, неиспорченных еще бездуховным миром, так много еще добрых, положительных, душевных, искренних и живых проявлений. Отношение взрослого к ребенку, в сущности, оказываются идеальными отношениями между людьми, отношениями внимания и заботы. Оттого они, дети, и являются островками преображения в непробужденном мире и даются взрослым как идеал нравственности, но что удивительно, сами находящиеся еще вне морали.

«Спасители вселенной» – так в одном из произведений Андрей Платонов назвал детей. В каком-то смысле дети действительно «спасители вселенной», они способны пробудить нежные чувства даже в огрубелых сердцах. В детях есть что-то особенное, что вызывает во взрослых чувство живой и настоящей любви «просто так». Поражает детская наивная мудрость, детская слабость, которая часто становится силой, исправляющей вывихи и уродства мира. Когда ребенок улыбается, когда он смеется, невозможно злиться. Детский мир удивителен! Дети дают тепло миру взрослых, не могут оставить взрослого равнодушным, они способны высекать искры человеческого тепла и доброты, позволяя человеку оставаться человеком, способны пробудить заваленного житейским сором, проблемами и заботами взрослого к жизни. И сегодня, отказываясь от семьи и многодетности, мы теряем самое ценное. Современность меняется, а дети приходят в этот мир всегда одни и те же.

Смысл детства не в том, чтобы научить ребенка жить и ориентироваться в мире, а в том, чтобы взрослый сам подтягивался до младенца, не опускать его до современности, а самим подниматься до детскости. Каждый взрослый благоговеет перед чистотой детского сердца, напоминающей о его истинной, высшей природе, о том, чем мы все должны были бы быть, но по разным причинам не стали.

Список литературы

1. Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990.
2. Розанов В.В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. – М., 1995.
3. Зеньковский В.В. Психология детства. – М., 1996.
4. Конюс Э.М. Мать и дитя: спутник родителей. – М.; Л., 1939.
5. Сперанский Г.Н. Ребенок раннего возраста. – М.; Л., 1939.
6. Платонов А. Душа мира // Чутье правды. – М., 1990.

MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN RUSSIAN CULTURE

E.Y.UDALICH

*Voronezh State
University*

*e-mail:
losevo7@mail.ru*

The article deals with peculiarities of perception of childhood in the traditional national culture, the culture of the Soviet period and in modern times. It shows significant differences related to childhood. It is concluded that a return to traditional metaphysical sense of childhood and motherhood can improve the modern spiritual and demographic situation.

Key words: childhood, motherhood, the sanctity of childhood, the metaphysics of sex, Russian philosophy, spiritual and demographic crisis.

УДК 130.2

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МЕТАФИЗИКИ ЭСХАТОЛОГИИ

Е.Г. ЯКИМОВА*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

Статья посвящена религиозно-философскому анализу метафизики эсхатологии. В статье показано, что эсхатологические идеи зародились на базе мифологии, а впоследствии в результате эволюции стали существенным элементом религиозного мировоззрения. Автор обращает внимание на то, что в настоящее время эсхатология является элементом как религиозного, так и нерелигиозного мировоззрения.

Ключевые слова: конец, история, эсхатология, линейность, цикличность, миф, метафизика.

Эсхатология (от греч. *eschatos* – последний, конечный и *logos* – учение, наука) представляет собой очень сложный и многогранный феномен, находящий свое выражение во многих религиозных системах. В основе этого феномена лежит вопрос о конечности человеческого существования, который носит важное значение и определяет сами основы мировосприятия. На это обращал особое внимание С.С.Аверинцев, который считал, что эсхатология представляет собой «учение о конечных судьбах человеческой личности и всего сущего в «вечности», т.е. в самой дефинитивной перспективе за пределами истории, биографии, вообще «этого» мира»¹. Однако, в настоящее время эсхатология в основном рассматривается с конфессиональной или с религиозно-философской точки зрения.

Согласно конфессиональной точки зрения, эсхатология – «учение о завершительном или последнем дне настоящего существования мира и человечества ... о втором пришествии Христа и мировых событиях, следующих непосредственно за ним²: о воскресении мертвых, о Страшном суде, о царстве Божиим³». Это узкое толкование данного термина, которое характеризует непосредственно христианскую эсхатологию. Наибольший вклад в развитие христианской эсхатологии внесли такие Отцы Церкви как И. Лионский, К. Александрийский, Ориген, И.Златоуст, Г.Нисский, Августин, И.Флорский, а так же русские религиозные философы – Н. А. Бердяев, В.С.Соловьев, С.Н.Булгаков, Е.Н.Трубецкой и др.

Однако, на наш взгляд, особый интерес имеет религиозно-философское понимание эсхатологии. С религиозно-философской точки зрения эсхатология – это «религиозное учение о конечных судьбах отдельных людей, человечества и мира в целом»⁴. Это более широкое толкование данного термина, которое характерно для многих религиозных систем и философских направлений. Наиболее ярким представителем такого понимания эсхатологии является М.Элиаде. Кроме него, с этого же ракурса эсхатологию рассматривали А.Олрик, О.В. Кузнецов, Д.В. Пивоваров, Ф.Н. Петров и др. Мы считаем, что понимание эсхатологии с религиозно-философской точки зрения является наиболее актуальным, потому что позволяет рассматривать данный феномен как учение о некоей глобальной, физической, экономической или политической катастрофе вообще и о переменах в мире после этой катастрофы в контексте взаимовлияния собственно религиозного компонента и социально-политических условий, в которых он существует. Это особенно актуально на фоне мирового кризиса, укрепляющего эсхатологические настроения. Помимо этого, намечается переход эсхатологической тематики в научную сферу, способствуя возникновению все-

¹ Аверинцев С.С. Эсхатология // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т.4. – М., 2001. – С. 467.

² Митр. Макарий (Оксиюк). Эсхатология Григория Нисского. – Киев, 2006. – С. VI

³ Эсхатология // Философский энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 545.

⁴ Элбакян. Е.С. Эсхатология // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 1230.

возможных научных сценариев катастроф, которые могут погубить цивилизацию, планету, Солнечную систему, Галактику, Вселенную⁵.

Таким образом, можно утверждать, что эсхатология имеет глубокую метафизику как по своей сущности, так и по своей форме. В связи с этим целью данной статьи является попытка религиозного анализа эволюции метафизики эсхатологии как с конфессиональной, так и с религиозно-философской точки зрения.

Как уже было показано выше, в настоящее время термин «эсхатология» используется учеными и теологами для обозначения множества доктрин и верований, связанных с идеей «конца света». Однако, в своем первоначальном значении это понятие относилось лишь к иудео-христианской традиции, которая связана с библейскими представлениями о конце мира, Страшном Суде, воскресении умерших и т.д. Впоследствии область его применения была расширена, и этот термин стал употребляться для обозначения аналогичных сюжетов в религиозных системах различных народов и эпох, включая первобытные и языческие религии древности, восточные и центрально-азиатские культы. Анализ эволюции метафизики эсхатологии показывает нам, что, несмотря на множество различных религий, все они являются по своей сути эсхатологическими. И в этом отношении мы согласны с мнением ученых, которые считают, что вне зависимости от конкретной формы, которую принимает та или иная религия, религиозные поиски в конечном итоге всегда оказывались поисками конечного состояния реальности (абсолютного бытия), высших ценностей (абсолютного блага, истины, разума и т.п.) и особых, высших качеств (трансцендентное, непостижимое разумом)⁶.

Таким образом, встает вопрос: «Можно ли считать, что эсхатология является элементом только лишь религиозного мировоззрения?». Пытаясь ответить на этот вопрос, мы выходим на проблему соотношения мифа и религии. Хотя это не является темой нашего исследования, мы считаем необходимым обратить внимание на позицию известного ученого А.Ф. Лосева, полагавшего, что миф и религия имеют общую личностную основу, в них личность находит утешение, оправдание, самопроявление. Но религия, в отличие от мифа, всегда живет вопросами грехопадения, искушения, спасения и т.д. Миф же представляет собой способ освоения, моделирования мира и человека путем фантазии и воображения с привлечением символических, художественно-образных средств. Тем не менее, религия привносит в миф религиозное содержание, и миф становится религиозным. Хотя миф не является религией, и спокойно может существовать как внутри, так и вне религии, нельзя отрицать того факта, что он является предтечей религии⁷.

Тем самым, исследование эволюции эсхатологии выявляет, что эсхатологические представления присутствуют уже на базе мифологии. Поэтому, хотя происхождение эсхатологических настроений, ожиданий, надежд и идей обычно связано с иудаизмом и христианством, рассмотрение эсхатологии как феномена религиозной доктрины сегодня принято начинать с изучения культур и религий бесписьменных народов и племен. Именно там мы впервые можем обнаружить первые представления о конечности существования, грядущей гибели и последующем возрождении мироздания. Впоследствии эсхатологические идеи получили активное развитие в рамках религиозных систем, при этом эсхатологический миф стал важной частью религиозной мифологии, что нашло отражение в том, что во всех мировых религиях можно выделить свои эсхатологические учения.

Таким образом, эсхатологические воззрения изначально присутствовали практически во всех мифологических системах в форме эсхатологического мифа. Под эсхатологическим мифом мы понимаем мифы о конце света, о прошлых или грядущих катастрофах, уничтожающих мир, человечество, возвращающих всё в изначальный хаос. В этом плане наше внимание привлекли исследования уральского коллеги Ф.Н.Петрова, который выделяет универсальную структуру эсхатологического мифа. Значимость метафизики эсхатологии как раз и состоит в том, что, несмотря на различия, которые существуют в

⁵ См: Великман А.А. Правда о конце света: прогнозы экологов, астрологов, физиков, ясновидящих и других специалистов. – М., 2007. – С. 150-183.

⁶ Цит по: Григоренко А.Ю. Эсхатология, миллиаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки (научное издание). – СПб., 2004. – С. 45.

⁷ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М., 1990.

религиозных системах, во всех них можно вычлениить некие общие черты, характерные для всех эсхатологических мифов. Особо важным является тот факт, что эсхатологический миф вбирает в себя так же мифологию народа, в котором он коренится, несет в себе этническую характеристику национальной культуры.

Анализируя эволюцию метафизики эсхатологии, мы соглашаемся с мнением Ф.Н.Петрова, который вычлениет три основных структурных блока эсхатологического мифа, расположенных последовательно друг за другом. Первый структурный блок включает в себя образы глобальных искажений миропорядка, всеобщего разложения культурных норм и правил, а так же бедствий, которые постигнут людей в преддверии конца мира. Второй (центральный) элемент структуры эсхатологического мифа представляет собой кульминацию событий, момент раскрытия полной истины об уходящем мире и о всех, кто жил в нем и действовал и подводит итог мировой истории. Третий структурный блок эсхатологического мифа демонстрирует описание грядущего мира, приход которого последует за гибелью мира нынешнего⁸.

Для первого структурного блока характерно выделение образов глобальных искажений миропорядка, свидетельствующих о начале разрушения структуры мироздания. Например, в зороастризме мы находим упоминание о великанской зиме, в результате которой люди постепенно откажутся от приема пищи, и будут пить только воду. Кроме того, произойдет примирение людей с животными. В индуистской мифологии содержится описание многих лет неурожая, которые будут предшествовать гибели людей. Так, в «Пуране о мироздании» говорится следующее: «В конце времен жизнь укоротится, ибо возрастет беззаконие (адхарма). Люди по вине правителей будут жестоко страдать и рано умирать: женщинами становятся в 5-7, а мужчинами в 8-10 лет. В 12 лет у них появится седина, и никто не переживет 20-летнего возраста»⁹. Таким образом, мы видим, что во всех случаях описываются сбивание космических циклов, коренные изменения правил существования мира, условий жизни людей, всеобщее разложение культурных норм. Последнее свидетельствует о том, что к концу времен все недостатки и преступления в общественной жизни, нарушения моральных запретов, которые существуют в этом мире, получают широчайшее распространение. В результате этого в конце времен люди будут подвергаться наказаниям, мучениям и бедам.

Ключевыми образами второго структурного блока являются следующие.

1. Явление в мир Спасителя, который должен провести гибель мира через его кульминацию для воцарения мира правды и света.

Например, в скандинавской мифологии образ Спасителя представлен в облике светлого бога Бальдра – сына Одина, – который воскреснет в новом мире. Миф о его гибели подробно изложен в «Младшей Эдде». Убийство Бальдра было подстроено асом Локи, некой демонической фигурой, чьи козни неоднократно ставили асов на грань гибели, от которой сам же Локи, как правило, их и спасал. Бальдр, единственный из асов, который имеет эпитет «добрый», а потому его смерть была большим потрясением для асов. Поэтому, с одной стороны, убийством Бальдра начинается отсчет последних дней мира, с другой – именно с этого момента конец мировой истории приобретает свой положительный смысл. Бальдр ушел в Хель – подземное царство мертвых, и асы, несмотря на все усилия, не могут выручить его оттуда. Чтобы вызволить Бальдра из Хель плакало «все, что ни есть на земле, живого иль мертвого ... люди и звери, земля и камни, деревья и все металлы»¹⁰. В систему существующего мира Бальдр вернуться уже не может. Можно сказать, что его гибель представляет собой первую несправедливость в мире, которую нельзя исправить, если мир не будет разрушен вместе со всеми своими законами, а затем создан вновь, лучшим. Именно возвращение Бальдра в новый мир является одним из центральных событий нового мира. Павший жертвой Локи и несчастного случая, он возвращается

⁸ Петров Ф.Н. Универсальная структура эсхатологического мифа // Религиоведение. № 4, 2004. – С. 46-55.

⁹ Бестужев-Лада И.В. Эсхатология индуизма (футурологический аспект) // Индуизм: традиции и современность. – М., 1985. – С. 13-14.

¹⁰ Младшая Эдда. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/medda/oo2.htm>

из подземного царства смерти в земной мир и живет вместе с Хёдом, своим невиновным убийцей, которого в прошлом постигла смерть.

2. Воскрешение мертвых, которое состоит в том, что все люди, жившие в мире в разные времена, являются в него вновь для участия в последней драме мировой истории.

Например, зороастрийские мифы повествуют о том, что мертвые воскреснут именно в том месте, где каждый встретил свою смерть. При чем, тела и души узнают друг друга, и все узрят свои добрые и злые помыслы и дела.

3. Последняя битва, которая представляют собой момент наивысшего напряжения всех сил мира, каждая из которых стремятся утвердить свою правду о мире.

Наиболее яркое описание Последней битвы мы можем найти в скандинавской мифологии. Наступает «великанская зима», на свободу вырывается Фенрир Волк – чудовищное порождение аса Локи, который был связан богами. На богов наступают Мировой Волк, Мировой Змей – Ёрмунганд, Локи, войска великанов во главе с Хрюмом, отряды мертвецов из подземного мира, а так же сыны Муспелля и Сурт с огненным мечом. Страж богов – ас Хемдалль трубит в рог Гьяллахорн. Асы отправляются на битву и вместе с ними эйнхерии – доблестные войны, павшие в бою, которых Один собирал в своих палатах. Один вступает в бой с Мировым Волком и гибнет, но его сын Видар убивает Волка. Тор сражается с Мировым Змеем, убивает его, но сам умирает от яда Змея. Вырвавшийся на свободу пес Гарм вступает в бой с Тюром и они оба поражают друг друга насмерть, так же убивают друг друга Локки и Хеймдалль. Сурт побеждает в схватке Фрейра и сжигает весь мир.

Однако, следует отметить, что Последняя битва может закончиться не только поражением, но и победой. Доказательство этого можно найти в зороастрийской мифологии. Эта победа предопределена тем, что люди в Последней битве выступают на стороне благого Творца – Ахура-Мазды.

4. Страшный Суд.

Важно то, что первоначально эсхатологический миф не включал в себя идеи Страшного Суда. Ее появление связано с формированием представлений о добре и зле как основных началах мироздания и, соответственно, представлений о грехе и добродетели как о двух взаимоисключающих характеристиках человеческого поведения. Эти представления оформились в зороастризме. Согласно зороастрийской версии Страшного Суда, на этом суде праведных отделят от грешных, при чем праведники вознесутся на небеса, а грешники низринутся в ад. Три дня и три ночи и те, и другие будут страдать: грешники от мучений в аду, а праведники – из-за своих грешных друзей и родственников, с которыми их разлучили. Затем грешники умрут, но спустя три дня воскреснут те из них, чьи грехи невелики и подлежат искуплению.

Впоследствии идея Страшного Суда из зороастризма перешла в мировые религии и заняла центральное место в эсхатологии, усилив тем самым представления об авторитарной власти Бога. Но особо важным является тот факт, что в современном обществе идея Страшного Суда становится ключевым элементом представлений о «конце света», а потому часто происходит сведение метафизики эсхатологии именно к данному аспекту, что, на наш взгляд, является недопустимым.

5. Образ грядущего разрушения мироздания посредством сжигания огнем или затоплением волнами океана.

Огненное очищение мира мы можем видеть практически во всех эсхатологических мифах. Например, скандинавская мифология описывает разрушение мира как гибель мировых светил и самой земли, которую сжигает огонь и затапливают волны океана:

Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит.¹¹

¹¹ Старшая Эдда. Прорицание вёльвы. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/volusp.htm>

Для третьего структурного блока характерен такой ключевой момент, как описание грядущего мира, приход которого последует за гибелью мира нынешнего.

Во всех вариантах эсхатологического мифа новый мир описывается как лучший, благой мир. Первый образ этой части мифа – цветущая и плодоносящая земля. В зороастризме говорится, что в конце времен «наступит вечная весна, вся земля будет цветущим садом»¹². Второй образ, составляющий этот структурный блок, – образ нового жилища людей. Так, в скандинавской мифологии вечное счастье в золотом чертоге, зовущемся Гимли, суждено тем из людей, кто верно сражался в Последней битве и погиб в ней с асами. Золотой чертог Гимли – символ и воплощение грядущей счастливой жизни.

Аналогичные сюжеты можно найти в мифологии практически всех народов мира. Однако, особенностью эсхатологического мифа является так же тот факт, что для него характерны представлениями о неизменном возрождении и восстановлении (или установлении нового) мирового порядка. Сезонные колебания температуры, увядание растений осенью и расцвет весной, смена поколений, неудачных периодов жизни на удачные – эти и другие аспекты рождали в мифологическом сознании древних надежду, что конец света не является полным, абсолютным концом. Это лишь завершение очередного этапа, стадии, периода. На смену ему идет новое качество, новый порядок. И катастрофы, и смерть живущих лишь расчищают место для этого нового порядка.

Так, например, согласно мифам ацтеков, вселенная прошла четыре цикла развития. Первый цикл – «Солнце четырех тигров» – закончился истреблением ягуарами племени гигантов, второй – «Солнце четырех ветров» – ураганами, третий – «Солнце четырех дождей» – всемирным пожаром, а четвертый – «Солнце четырех вод» – потопом. Современный, пятый цикл, должен закончиться страшными катаклизмами, кроме того, каждые 52 года вселенная подвергается опасности быть уничтоженной¹³.

У соседей ацтеков – майя исторические циклы соотносились с движениями звезд и планет. Согласно верованиям майя, уходящими в глубокую древность, с момента сотворения мира прошло уже четыре цикла или «солнца», каждый из которых завершился полным уничтожением цивилизации. «Первое солнце» (4008 лет) было разрушено землетрясением. «Второе солнце» (4010 лет) было уничтожено ураганами. «Третье солнце» (4081 год) пало под огненным дождем, пролившимся из кратеров огромных вулканов. «Четвертое солнце» (5026 лет) уничтожил потоп. В настоящее время длится эпоха «Пятого солнца» или «Солнца движения», по истечению которой (5126 лет) должно произойти некое движение Земли, влекущее за собой уничтожение цивилизации. Согласно хорошо разработанной теории космических циклов майя, точная дата возникновения мира – 11 августа 3114 г. до н.э., а окончательная мировая катастрофа должна произойти 21 декабря 2012 г. н.э.¹⁴.

У древних греков так же можно проследить ту же самую идею о цикличности исторического развития и теорию мировых эпох. Гесиод первым описывает деградацию человечества в течение 5 эпох. По его мнению, вся мировая история делится на 5 эпох (периодов): золотой век, серебряный, медный, героический и железный. Первая эпоха – Золотой век при титане Кроносе – был своего рода раем, люди жили долго, не старели, и их существование походило на жизнь богов. Второй людской род и второй век уже не были такими счастливыми, как первый. Это был серебряный век. Люди были не равны ни силой, ни умом предыдущему поколению, были неразумны и непокорны, жизнь их была менее длинной. В медной эпохе люди были сильные и могучие, любившие гордость и войну, а потому уничтожавшие друг друга. В четвертом периоде – героическом – род людской был более благородный и справедливый, равный богам, однако, был истреблен в кровопролитных битвах и злых войнах. Тогда наступила железная эпоха, которая продолжается и по сей день. Люди ведут тяжелую жизнь, сопряженную бедами и утратами, занимаются изнурительным трудом, не так радостны и беззаботны, часто находятся в печали. Зло и добро одновременно присутствуют в мире, но последнее все же перевешивает.

¹² Зороастрийская мифология. – СПб.- М., 1998. – С. 380

¹³ Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1994. – С. 363.

¹⁴ Затерянный мир майя / Пер. с англ. Н. Усовой. – М., 1997. – С. 14

Приведенный нами анализ эсхатологических представлений в различных религиях древности дает основания говорить не только о присутствии эсхатологического мифа и его эволюции, но и о метафизике эсхатологии.

Таким образом, анализ эволюции метафизики эсхатологии выводит нас на проблему цикличности и линейности исторического развития. Для эсхатологического мифа характерна циклическая концепция исторического развития. Мифологический циклизм, на первый взгляд, противоречит идее об абсолютном конце света, о переходе в небытие. Однако, названные выше циклы не бесконечны. Сменяя друг друга, они выстраиваются от первого до последнего. То есть эсхатологические мифы уже фиксируют начальную точку (происхождение или сотворение мира) и конечную (его исчезновение).

Однако, в процессе эволюции происходит переход мифа в религию, которая несет в себе специфические черты. Для религиозного мировоззрения характерна линейная концепция исторического развития как осмысление жизненного цикла. В этом отношении нам следует обратиться к знаменитому исследователю религии М.Элиаде, который считал, что существуют определенные различия между библейской (ветхозаветной и новозаветной) эсхатологией и формами выражения эсхатологических идей и настроений в других религиях и культурах. В религиях первобытных и восточных народов преобладают теогонические и космогонические представления, которые связаны с идеей вечной борьбы двух тенденций в жизни космоса – его угасания и становления. В связи с таким различием между библейской эсхатологией и эсхатологическими сюжетами в иных религиях М.Элиаде предложил ввести два названия для этих различных форм выражения эсхатологических настроений и идей: мифологические и исторические типы эсхатологий¹⁵. К мифологическому типу эсхатологии, т.е. основанных на понимании цикличности исторического развития, относится большая часть древних религий, таких как, например, древнеегипетская, месопотамская, древнегреческая, римская. К историческому типу эсхатологии, т.е. основанному на понимании линейности исторического развития, – иудаизм и христианство.

Но, прежде, чем мы перейдем к подробному рассмотрению этих двух типов эсхатологии, следует остановиться на рассмотрении еще двух форм эсхатологии. Традиционно различаются две формы эсхатологии: индивидуальная («малая») и всемирная («великая») эсхатологии.

Индивидуальная эсхатология представляет собой учение о загробной жизни отдельного человека, включающей представления о немедленном посмертном суде и воздаянии. Особую роль в становлении этого типа эсхатологии принадлежит религии Древнего Египта, ибо там довольно рано получила распространение идея, согласно которой после смерти душа покойного попадает в загробный мир и предстает перед судом богов под председательством бога царства мертвых Осириса или бога солнца Ра. На древних изображениях этого судилища душа умершего представлена человеческим сердцем, помещенным на одну чашу весов, а на другой – перо, символ справедливости и правосудия или фигурка богини справедливости Махт. На этих «весах правды» взвешивались все добрые и злые, праведные и неправедные дела покойного. Если добро перевешивало, душа могла обрести вечное блаженство. В противном случае она обрекалась на множество мучений. Практически та же идея прослеживается и в христианстве.

Всемирная эсхатология представляет собой учение о цели космоса и истории, об их конце и о том, что за этим концом следует. В рамках христианского мировоззрения это учение очерчено периодом Второго пришествия Иисуса Христа, Страшным Судом, воскресением людей и т.д. Особая роль в становлении этого типа эсхатологии принадлежит иудаизму, который первый сосредоточил внимание на мистическом осмыслении истории, понимаемой как процесс, направляемый волей единого Бога: руководимая Богом история должна преодолеть себя саму в приходе «грядущего мира».

Однако, в метафизике эсхатологии особое значение приобретает взаимодействие этих двух форм эсхатологии. Индивидуальная эсхатология обычно существенно соотносена с всемирной эсхатологией, но степень и модальность этого соотношения в разных системах весьма различны. Например, русский философ Н.А.Бердяев, называя эти два

¹⁵ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – М., 2000. – С. 224.

типа эсхатологии индивидуально-личной и универсально-исторической перспективами, считает, что, несмотря на то, что они взаимосвязаны, все же их согласование затруднено вследствие парадокса времени: «С одной стороны, утверждается индивидуальное разрешение личной судьбы после смерти человека. С другой стороны, ждётся разрешение судьбы всего мира и человечества в конце времен, в конце истории. Между двумя перспективами образуется пустое время. Моя вечная судьба не может быть изолирована, она связана с судьбой истории, судьбой мира и человечества. Мировая, всечеловеческая судьба есть и моя судьба, и наоборот, мировая всечеловеческая судьба не может быть разрешена без меня¹⁶».

Мы считаем, что наиболее наглядно взаимосвязь индивидуальной и всемирной эсхатологии можно продемонстрировать посредством диалектики единичного и общего Гегеля. Диалектика единичного (индивидуальная эсхатология) и общего (всемирная эсхатология) проявляется в их неразрывной связи. Над единичным «властвует» общее, которое безжалостно «заставляет» последовательно гибнуть единичное как преходящее во имя сохранения общего как чего-то устойчивого: единичное умирает, но род живет. Общее внутренне привязано к единичному, потому что в силу дискретности мира общее не существует и не дано нам иначе, как через единичное. Диалектика заключается не в том, что одно существует и другое существует и они как-то между собой взаимодействуют, а в том, что нечто существует и проявляет себя как существующее (тем или иным способом) в силу материального единства мира. Поэтому общее существует не отдельно, а как закон рождения и жизни единичного. Оно содержит в себе закономерность протекания процессов в любом единичном явлении данного класса. Действие закономерности, анонимная власть общего выражается только в единичном и через единичное. Промежуточным звеном, которое не только связывает единичное и общее, но еще и является объединяющим их началом, является особенное. В нашем случае, в качестве этой категории выступают эсхатологические представления конкретной религии, которые не только снимают противоположность единичного и общего, но и выражают общее в его реальном, единичном воплощении, а единичное – в его единстве с общим.

Таким образом, как индивидуальная эсхатология невозможна без всемирной эсхатологии, так и, наоборот, всемирная эсхатология невозможна без индивидуальной эсхатологии, которая служит предпосылкой и субстратом всемирной эсхатологии, а связующим звеном выступают эсхатологические представления той или иной религии.

В этом отношении особого внимания заслуживает анализ типов эсхатологии, в частности, эсхатологии мифологического и исторического типов. Для эсхатологии мифологического типа, прежде всего, характерно воспроизводство начала мира в его конце, когда смерть сменяется жизнью лишь для того, чтобы в последующем стать новым этапом в вечном процессе становления и угасания космоса. Таков извечный закон бытия и космоса, которому подвластна как жизнь природы, так и людей. Это извечное возвращение, извечное повторение единого ритма Космоса, которое включает в себя закономерное, периодически повторяющееся его разрушение и столь же закономерное его возникновение, то есть воссоздание в первоначальном виде. Этот закон жизни Космоса отрицает саму мысль об истории, понимаемой как движение по трем координатам: прошлое, настоящее, будущее. История здесь предстает как цикл, круговорот, повторяющийся до бесконечности (сотворение, уничтожение, новое воссоздание Космоса). Именно это убеждение в извечности «возвращения к началу» несут в себе различные мифы и мистерии древности и первобытности: будущее есть возвращение к старому. Сценарии этих мифов и мистерий ежегодного обновления Космоса через воспроизводство, имитацию акта Сотворения имеют глубокое и символическое содержание. Театрализованная постановка смерти и возрождение к жизни умирающих и воскресающих богов, царей имеет значение магического действия. Миссия этих богов-царей – периодически возрождать весь Космос, всю Природу, все Бытие. История в таком случае по существу перестает быть историей, отрицаемая идеей круговорота Времени.

¹⁶ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация.// Н.А. Бердяев. Дух и реальность. – М., 2003. – С. 550-551

Исторический тип эсхатологии иллюстрирует иудаистская картина мироздания, в которой Яхве побеждает саму идею цикличности Времени. В отличие от языческих богов, он проявляется не в космическом времени, а во времени историческом, то есть необратимом. Евреи воспринимали каждое новое историческое бедствие как наказание, которое ниспослал на них Яхве, разгневанный грехами, в которых погряз избранный народ. Никакое страдание или поражение не казалось абсурдным, ибо за каждым подобным событием всегда угадывалась воля Яхве. Все эти катастрофы были предусмотрены Богом для того, чтобы еврейский народ не пошел против своей судьбы, отвергая религиозное наследие, завещанное Моисеем, а потому были просто необходимы. Каждый раз, когда наступала эпоха относительного экономического процветания и мира, евреи отступали от Яхве и предавались богам своих соседей. Только исторические катастрофы направляли их на правильный путь, обращая взоры к истинному Богу. В ужасающих видениях пророков явственно звучала мысль о неизбежной каре, который обрушит Яхве на свой народ, который не сумел сохранить веру. И лишь в той мере, в какой подобные пророчества были подвержены катастрофам, эти исторические события приобретали религиозное значение, то есть с полной очевидностью представляли карами, ниспосланными Богом, в наказание за нечестивость Израиля. Поэтому эти события превращались в «богоявления негативного порядка» – «гнев» Яхве. В результате исторические события обретали смысл и нерасторжимо связывались друг с другом, ибо являлись конкретным воплощением единой божественной воли. Таким образом, тема эсхатологии оказывается крепко связанной с темой теодицеи, спасения, ответственности человека и человечества.

В свое время именно на эту взаимосвязь обращал внимание видный немецкий писатель Томас Манн, который в годы фашизма в своем произведении «Иосиф и его братья» стремился показать символический образ человечества, его полного противоречий соотношения индивидуального и коллективного, переплетения стремлений бога и человека к высшим целям при необходимости друг в друге. Для нас, живущих в 21 веке, сейчас очень важно услышать слова Томаса Манна в послесловии к своему труду о том, что «...страдания, бремя которых мы сейчас несем, катастрофу, которая на нас обрушилась, мы навлекли на себя тем, что в нашем легкомыслии, которое давно уже стало преступным, растеряли последние остатки этой мудрости перед богом? (благочестие – Е.Я.)»¹⁷.

Примечательно то, как перекликаются с этими рассуждениями Т.Манна слова М.Элиаде, полагавшим, что пророчества впервые придают ценность истории: они выходят за рамки традиционного циклического видения, где всему существу обеспечено вечное возвращение, и открывают однонаправленное, линейное время. Именно в иудейской религии впервые укрепляется мысль о том, что исторические события имеют ценность сами по себе – в той мере, в которой они определены волей Бога. Яхве является богом еврейского народа, который постоянно вмешивается в историю и раскрывает свою волю при помощи событий, а не божество, периодически возрождающее все бытие. Любое проявление Яхве в истории привязано к какому-нибудь предшествующему проявлению. Все деяния Яхве, таким образом, – это его личные, сугубо конкретные и уникальные, деяния в истории: все они раскрывают свой сокровенный смысл только его народу, народу, избранному самим Яхве¹⁸.

Ветхозаветная эсхатология находится в тесной связи со спасением, можно сказать, что она родилась под знаком веры в спасение, в грядущую полноту бытия, к которой Творец ведет человека и все мироздание. Хотя Бог открывает Себя в истории, смысл бытия лежит за ее пределами, там, где исторический процесс завершается осуществлением высшей цели Творца. Эсхатологическое Откровение давалось в прообразах спасения ветхозаветной Церкви от врагов, а впервые тайна всеобщего преображения мира была открыта пророкам-писателям, которые возвестили о грядущем Богоявлении (Дне Господнем). В соответствии с любовью и правдой Бога их эсхатология была двуединой, являясь одновременно и судом, и спасением.

Продолжая анализировать эволюцию метафизики эсхатологии, следует отметить, что христианская религия так же существенно отличается от мифологической эсхатологии.

¹⁷ Манн Т. Иосиф и его братья. Т.2. – М., 1991. – С. 714

¹⁸ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – М., 2000. – С. 304-305.

Она гораздо глубже проникает в сущность исторического времени, так как в Новом Завете Бог воплотился, обрел конкретно-индивидуальное, исторически обусловленное человеческое существование. Христианство, таким образом, выступает здесь как теология истории, ибо вмешательство Бога в историю и, в первую очередь, воплощение Иисуса Христа в историческую личность, пережившую рождение и смерть, имеет сверхисторическое значение и цель: спасение людей. Смысл христианской эсхатологии состоит в движении от предистории к собственно истории, точнее, к ее финальной будущей цели – к Спасению. По этому поводу М.Элиаде замечает, что христианство по существу отрицает саму возможность обратимости циклического времени, провозглашая одновременно его необратимость, ибо все, что происходит в новозаветной версии времени, есть ряд явлений уникальных, неповторимых: ведь Христос жил, был распят и воскрес один лишь раз¹⁹.

Однако, в новозаветной эсхатологии, по сравнению с иудейской, акцент смещается на спасении не только богоизбранного народа, но и каждого человека в отдельности. Посмертное воздаяние предназначалось уже всем «спасенным», а идея конца света была связана с глобальными природными катаклизмами, появлением антихриста, Вторым пришествием Иисуса Христа, Армагеддоном, воскрешением мертвых, хилиазмом и Страшным Судом²⁰.

Новозаветная эсхатология построена на Проповеди Иисуса Христа и началась с вести о приходе Царства Божьего (Мф. 4:17; Мк. 1:14-15), таким образом, стала продолжением и завершением («исполнением») ветхозаветной эсхатологии. Кроме традиционного учения о конце истории, отраженного в Евангелиях, Христос возвещал о Царстве как о реальности сегодняшнего дня, незаметно проникающей в мир, без тех космических знамений, которые ожидала прежняя библейская эсхатология. Новозаветная эсхатология учит о полной трансформации человеческой природы в Царстве Божьем. По словам Христа, люди Царства будут «как Ангелы на небесах» (Мк. 12:25). Именно эта надежда на спасение, а не просто бессмертие души, составляет сущность христианской эсхатологии («чаю воскресения мертвых и жизни будущего века»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эсхатологические представления возникают в рамках мифологического мышления в форме эсхатологического мифа, а затем переходят практически во все религиозные системы. Появление эсхатологических представлений в монотеистических религиях обусловило смещение акцентов: если архаические религии в дихотомии «линейность-цикличность» отдавали приоритет цикличности, то монотеистические учения основывались на признании направленности, линейности, «стрелы» времени. Отсюда, собственно, и вытекает представление об истории как связанном, смыслообразующем процессе человеческой жизнедеятельности. Библейская эсхатология главным образом указывает на линейную направленность времени от его начала – сотворения, до его конца – Страшного Суда. Линейность истории допускает «разорванность» и трагизм исторического времени, благодаря выходу человечества из самой плоскости истории в сферу «сверхистории» или «надистории» (Царство Божие, Царство Свободы и Духа и т.д.), а необратимость времени компенсируется тем, что история ограничена во времени и выходит в надисторическую вечность. В отличие от цикличности истории, где сама эта идея уже является бегством от «разорванности времени», от необратимости прошлого, но в то же время и вечным вращением в замкнутом круге истории.

Итак, в процессе эволюции религий эсхатологическая тематика то угасает, то начинает выходить на первый план. Отличительной чертой современности является всплеск эсхатологических идей, которые находят свое выражение во всех сферах человеческой жизни: в средствах массовой информации, литературе, музыке, кинематографе и т.д.²¹.

¹⁹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – М., 2000. – С. 243.

²⁰ Основными источниками христианского эсхатологии являются Евангелия и книга «Откровение Иоанна Богослова». Важны в этом отношении и апостольские послания: Первое послание к Фессалоникийцам, Второе послание к Фессалоникийцам, Первое послание к Коринфянам, Второе послание Петра, Первое послание Иоанна.

²¹ Эсхатологические настроения в современном обществе проявляются и в различных научных исследованиях – в форме выявления признаков приближающегося катастрофического разрушения современного мира; в искусстве – в апокалиптических символах и стилях разрушения мира и рождение совер-

Особенностью современного мировоззрения является тот факт, что эсхатологическая тематика начинает выходить за рамки религиозного мировоззрения и все шире распространяться на все сферы человеческой жизни. Мы считаем, что особо важным является тот факт, что в настоящее время эсхатологические представления оказывают сильное влияние на нерелигиозное, например, научное мировоззрение. Апокалипсические сценарии российских и зарубежных ученых базируются в основном на современном научном знании о мире и человек. Например, один из российских исследователей сценариев «конца света» В.Ю.Чумаков выделяет наиболее популярные из них:

1. Версия гибели Земли от столкновения с небесными телами.
2. Катастрофа в виде сдвига полюсов.
3. Конец света в результате стихийных бедствий.
4. Гибель Вселенной как следствие применения биологического или ядерного оружия.
5. Конец света как результат негативных последствий нанотехнологий²².

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время эсхатологические представления становятся элементом как религиозного, так и нерелигиозного мировоззрения. На наш взгляд, это происходит потому, что само религиозное мировоззрение эволюционировало и, по словам М.Вебера, «разволшебствовалось» в силу секуляризации и кризиса религии. Кроме того, глобализационные процессы, происходящие в современном мире, все время обостряют эсхатологические аспекты, которые являются частью мировоззрения в целом. На первый план выходит сущностный аспект эсхатологии, который заключается в озабоченности судьбами человека и мира вообще в свете идеи гибели и будущего мира, что связано, прежде всего, с идеей спасения. Поэтому эволюция метафизики эсхатологии дает нам основания отводить ведущую роль не столько гибели мира, сколько идеям будущего мира и спасения, ибо ставится под вопрос само существование человеческого рода. И, несмотря на то, что идея спасения является религиозным элементом, она выходит за рамки религиозного мировоззрения, еще раз подтверждая тот факт, что эсхатологические идея являются элементом мировоззрения вообще.

В процессе рассмотрения эволюции метафизики эсхатологии мы приходим к следующим выводам. Во-первых, несмотря на многообразие религий, все они по своей сути являются эсхатологичными. Во-вторых, изначально эсхатологические представления сформировались на базе мифологии и являлись элементом мифологического мировоззрения. Впоследствии представления о конечности существования и грядущей гибели мироздания перешли в религиозные системы и стали существенной частью религиозного мировоззрения.

В-третьих, в настоящее время эсхатология является элементом не столько религиозного, сколько мировоззрения в целом. Значимость религиозного мировоззрения в метафизике эсхатологии состоит в том, что оно дополнило эсхатологию идеей спасения, с которой тесно связаны идея гибели и грядущего. Именно идея спасения является ключевым элементом эсхатологических представлений в настоящее время, так как от нее зависит будущее человека и всего мира. А потому не следует сводить главенствующую роль в эсхатологии идее Страшного Суда, тем более, что ее не было первоначально в эсхатологии в момент ее зарождения, она возникла несколько позже. И, наконец, особо важным является факт взаимовлияния индивидуальной и всемирной эсхатологии, наглядно демонстрирующий связь личности и истории.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Эсхатология // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.4. – М., 2001.
2. Митр. Макарий (Оксиюк). Эсхатология Григория Нисского. – Киев, 2006.

шенно иного, отличного от настоящего. В настоящее время эсхатология становится модным кинематографическим и литературным жанром, в которых появляются различные фильмы («Апокалипсис» Мела Гибсона и др.) и весьма разнородные произведения («Апокалипсис 2012 года. Научное исследование конца цивилизации» Джозефа Лоуренса, «Правда о конце света: прогнозы экологов, астрологов, физиков, ясно-видящих и других специалистов» А.А.Великмана и др.) В музыке все больше звучит эсхатологическая тематика, о чем свидетельствует, например, появление музыкальной группы «Эсхатология».

²² Чумаков В.Ю. Конец света: прогнозы и сценарии. – М., 2010. – С. 11-205.

3. Эсхатология. // Философский энциклопедический словарь. – М., 2003.
4. Элбакян. Е.С. Эсхатология. // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М., 2006.
5. Великман А.А. Правда о конце света: прогнозы экологов, астрологов, физиков, ясновидящих и других специалистов. – М., 2007.
6. Григоренко А.Ю. Эсхатология, миллинаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки (научное издание). – СПб., 2004.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М., 1990.
8. Петров Ф.Н. Универсальная структура эсхатологического мифа // Религиоведение. № 4, 2004.
9. Бестужев-Лада И.В. Эсхатология индуизма (футурологический аспект) // Индуизм: традиции и современность. – М., 1985.
10. Младшая Эдда. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/medda/002.htm>
11. Старшая Эдда. Прорицание вёльвы. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/volusp.htm>
12. Зороастрийская мифология. – СПб.- М., 1998.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1994.
14. Затерянный мир майя / Пер. с англ. Н. Усовой. – М., 1997.
15. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – М., 2000.
16. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Н.А. Бердяев. Дух и реальность. – М., 2003.
17. Манн Т. Иосиф и его братья. Т.2. – М., 1991.
18. Чумаков В.Ю. Конец света: прогнозы и сценарии. – М., 2010.

ON THE EVOLUTION OF ESCHATOLOGICAL METAPHYSICS

Y.G. YAKIMOVA

*Tula State Teachers' Training
University n.a. L.N.Tolstoy*

*e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

The article is devoted to the religious science analysis of eschatological metaphysics. It is shown in the article that the eschatological ideas arose on the basis of mythology, and subsequently as the result of the evolution became an essential element of the religious outlook. The author pays attention to the fact that eschatology nowadays is an element of both religious and non-religious outlook.

Key words: end, history, eschatology, linearity, cyclicality, myth, metaphysics.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

С 21 по 22 апреля 2011 года в Белгороде состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Национальный вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее». Конференция была организована Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, Белгородским государственным национальным исследовательским университетом, Харьковским национальным университетом им. В.Н. Каразина. В этой рубрике мы публикуем лучшие доклады и статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике.

УДК 316.722:323 (476)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БЕЛАРУСИ

Т.И. АДУЛО

*Институт философии
Национальной
академии наук
Беларуси*

*e-mail:
tadoul@mail.ru*

В статье рассматривается круг вопросов, характеризующих межнациональные отношения и процессы культурного созидания в Беларуси в XX веке.

Показано, что сплоченность, самоотверженный труд, тесное сотрудничество белорусской нации с русской нацией позволили Беларуси достичь в XX веке феноменальных результатов в области науки и культуры.

Ключевые слова: национальная культура, восточнославянское духовное наследие, духовная жизнь белорусского общества, межнациональные отношения.

Из всей системы социальных связей и отношений по своей масштабности и значимости выделяются межнациональные отношения. Они особенно важны для устойчивого развития государства. Неудивительно поэтому, что в различные исторические эпохи именно межнациональные отношения становились объектом пристального внимания и практического действия политиков. Достаточно напомнить о революционной активности «национальных окраин», сыгравших отнюдь не последнюю роль в победе рабочего класса в 1917 году, национально- и колониально-освободительном движении середины XX века, полностью изменившим облик нашей планеты, наконец, о «перестроечной» эпохе в СССР, всколыхнувшей до основания национальное сознание и самосознание многих десятков этносов, породивших, в свою очередь, межнациональные конфликты и кровавые разборки на этнической почве.

В Беларуси, по сравнению с Россией и другими государствами, не наблюдалось и, к счастью, до сих пор не наблюдается подобных жестких межнациональных конфликтов, хотя это не означает полного отсутствия каких-либо противоречий на межнациональной почве. Эти противоречия есть, и о них прекрасно осведомлены политтехнологи, обустроившие планету на рубеже XX – XXI вв.

Одна из главных установок Запада – разобщить народы, проживавшие не так давно в одном государстве – СССР, и прежде всего – родственные восточнославянские

народы. Но, как свидетельствует история, белорусы, русские и украинцы (малороссы) имеют один корень. Этим корнем является единая древнерусская народность, которая сложилась в IX–XIII вв. и была представлена Киевской Русью – самобытным феодальным государством. Именно там, в Киевской Руси, происходило объединение восточнославянских племен, формировались язык, самобытная культура.

В связи с этим надо сказать о том, что много домыслов допускают в настоящее время некоторые историки, представляя, например, Полоцкое княжество как самостоятельное белорусское государство, а имевшие место войны между Полоцким и Киевским, Полоцким и Новгородским княжествами как межгосударственные. На самом деле, происходила обычная политическая борьба между княжествами Киевской Руси, шел обычный, непростой, объективный процесс формирования единого централизованного восточнославянского государства. Важно подчеркнуть, что только после распада древнерусского государства (начало XII в.) на основе древнерусской народности начали формироваться три родственные восточнославянские народности – русская, украинская и белорусская. Каждая из них пошла своим особым путем, причем, не по своей воле. Если говорить о белорусских землях, то после распада Киевской Руси вплоть до начала XX века они поочередно входили в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), Речи Посполитой, Российской империи. И лишь в 20-е годы XX века белорусская нация обрела все атрибуты государства, образовав совместно с другими союзными республиками СССР.

Из всех исторических этапов наиболее сложным и драматичным этапом для белорусского этноса оказался период его вхождения в состав Речи Посполитой после заключения в 1569 году Люблинской унии. Западный вектор стал определяющим вектором интеллектуального пространства Беларуси. Белорусские земли и ее жители подверглись со стороны Польши экономической и духовной экспансии, последствия которой ощутимы до настоящего времени. Лишь один пример. В сентябре 2007 года в Польше был принят закон «О карте поляка». Согласно принятому закону, «Карта поляка» подтверждает принадлежность гражданина из стран СНГ, Балтии и Грузии к польскому народу. Она выдается на десять лет с дальнейшим продлением срока ее действия еще на десять лет и гарантирует его обладателю ряд льгот, как то: получение долгосрочной визы на пребывание, дающей право на многократное пересечение границ Польши; осуществление легальной рабочей деятельности на территории Польши; пользование в Польше бесплатной системой образования и здравоохранения на таких же условиях, как и польские граждане; пользование 37%-й скидкой на железнодорожный проезд на территории Польши; бесплатное посещение государственных музеев в Польше и др. «Карта поляка» может быть выдана всем полякам, проживающим в странах Балтии, СНГ и Грузии, которые знают польский язык и считает его родным языком; знают и поддерживают польские традиции и обычаи; в присутствии консула Республики Польша или уполномоченного сотрудника представляют письменную декларацию принадлежности к польскому народу.

После подписания этого закона президент Польши Лех Качиньски заявил: «С великой гордостью, удовлетворением и одновременно с большим волнением я подписал один из самых важных документов, подготовленных правительством Республики Польша – Закон о Карте поляка. Благодаря ему, польские власти выполняют великий долг по отношению к нескольким миллионам соотечественников, которые – в основном не по своей вине, в результате послевоенного сдвига границ на запад – оказались за границами родины»¹. Самое любопытное заключается в том, что «Карта поляка» может быть выдана и лицам не польского происхождения, которые представляют письменную справку от польской организации, подтверждающую их личное активное участие в деятельности *в пользу польского языка и культуры* или польского национального меньшинства в течение последних трех лет.

На эту политическую подоплеку «Карты поляка» уже обратили внимание не только белорусы, но и литовцы. В самом деле, чтобы получить «Карту поляка», гражданину иного государства надо не только проявить любовь к Польше, но и *активно защи-*

¹ <http://publikacje.poland.gov.pl/files/banery/KPRosja.pdf>

цать ее интересы. Мы сталкиваемся с той же, прежней практикой политической экспансии Польши на соседние государства, хотя и в иной «упаковке»².

Беларусь является славянским государством. Но уже давно славяне не представляют собой единого целого. Они разделены границами, политическими интересами. Они давно враждуют и воюют между собой. Жесткая борьба проявляется в экономической, политической и духовной сферах. Поэтому, называя Беларусь славянским государством, важно иметь в виду то, что она является *восточнославянским* государством. И именно это более всего раздражает ее западных соседей.

Согласно переписи 2009 года, восточные славяне в Беларуси составляют 93,7% от всего состава населения. В том числе: белорусы – 83,7% (7957252 тыс. жителей), русские – 8,3% (785084 тыс. жителей), украинцы – 1,7% (158723 тыс. жителей), западные славяне (поляки) – 3,1% (294,5 тыс. жителей). Другие национальности в Беларуси составляют всего 3,2% (308 тыс. жителей). Важно отметить и то, что только 61% белорусов в качестве родного языка назвали белорусский язык. Свыше 70% белорусов разговаривают дома на русском языке и лишь 26% белорусов общаются дома на родном языке³.

Как и другие государства, Республика Беларусь многое делает для сохранения и развития национального языка. Но, в отличие от соседей, проводит в этом вопросе взвешенную политику и не пытается волевым путем утверждать «белорусизацию» школ и учебных заведений. Государством учитывается конкретная ситуация. Русский язык на протяжении многих десятилетий был языком межнационального общения как в СССР, так и далеко за его пределами. Благодаря русскому языку с творчеством белорусских писателей знакомилась многие нации и народности. Но и белорусская творческая интеллигенция посредством русского языка входила в круг проблем как советской, так и мировой культуры.

Сейчас ситуация резко изменилась, и отнюдь не в лучшую сторону. Не много произведений белорусских писателей, поэтов переводится на русский язык, а еще меньше – на английский язык. Национальная культура замыкается в себе, не выходит за рамки национального государства. Хотя, казалось бы, нас должны больше знать в мире, поскольку сейчас мы напрямую, а не через СССР, как было раньше, связаны с мировым интеллектуальным пространством. Но, как и в экономике, в области культуры идет конкуренция. Мощные государства активно поддерживают национальную культуру не только в своей стране, но и всемерно «проталкивают» ее на мировую арену. Это надо учитывать молодым и не столь мощным государствам.

Закономерно возникает вопрос, в каком направлении могут, и должны, двигаться восточные славяне, которые составляют 93,7% населения Беларуси, – в восточном или западном? Ответ очевиден. Именно этим объясняются результаты референдума 1995 года, когда подавляющее число граждан высказались за придание русскому языку равного статуса с белорусским языком и за экономическую интеграцию с Россией. Этим же обусловливается и политика нашего правительства, избравшего в середине 1990-х годов в качестве приоритета восточный, а не западный вектор.

Оппозиция тут же обвинила белорусов в «несознательности». На самом деле «несознательность» белорусского народа, как это пытаются утверждать отдельные политики, тут ни при чем. Логику поведения граждан определяют объективные обстоятельства. И эти объективные обстоятельства важно было бы признать некоторым политическим деятелям, ученым, которые упорно желают подчинить их своим субъективным представлениям.

Не менее важен и другой, чисто прагматичный вопрос. Действительно ли ждут, действительно ли гостеприимно встретят в своем доме восточных славян те же немцы, французы или англичане? Позитивный ответ на заданный вопрос проблематичен. Это «гостеприимство» и «радушие» западных соседей достаточно полно испытал на себе белорусский народ за время многочисленных войн, прокатившихся через его земли.

Итак, если исходить из национального состава населения Беларуси, то, казалось бы, здесь не должно быть никакого межнационального противостояния в плане истори-

² <http://news.open.by/politics/50841>

³ Сборники Белстата: Перепись 2009 года. Национальный состав населения Республики Беларусь // <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi1.php>

ческого выбора – Восток или Запад. Но реалии на какое-то время оказались иными. Возникает вопрос: почему государство, 95% населения которого составляли в 1990-е годы восточные славяне, начали резкую переориентацию с Востока на Запад? Почему политике государства стали определять не 95%, а лишь 5% ее граждан? Ответ очевиден. В первых, выходцы именно из этих 5% населения оказались в начале 1990-х годов на ключевых государственных постах, определяли государственную идеологию и политику. Второй, не менее серьезной причиной «разворота» Беларуси в западном направлении явилась мощная поддержка белорусских «западников» не только Западом, но и Востоком – «молодыми реформаторами» России. Практика разобщения белорусов и русских осуществляется и сейчас с помощью «Карты поляка». Используются с этой целью и другие «убедительные» аргументы.

Например, современные политтехнологи пытаются разыграть древние, как этот мир, мифы о «колонизации» Россией разных народов, их «массовом переселении» и т.п. Здесь много надуманного, спекулятивного, основанного не на фактах и не на здравом смысле. Здесь преследуются прежде всего политические цели. Обратимся к конкретным фактам. За 5 лет (с 1909 г. по 1913 г.) число переселенцев в Сибирь (включая ходоков) было: из Минской губернии – 4836; Могилевской – 14718; Витебской – 7246; Гродненской – 2247⁴. Всего за 50 лет, предшествовавших Первой мировой войне, из Беларуси переселились в другие губернии России 1387 тыс. человек⁵. Но жители Беларуси (а это были в основном крестьяне) переселялись в другие губернии России не потому, что их туда кто-то силой высылал, а по причине своего бедственного положения, безземелья. Малоосвоенные районы России на протяжении многих десятилетий как раз и спасали обезземелившихся, разорившихся белорусских крестьян от голодной смерти.

Начиная с конца 1980-х годов, многие политики сознательно спекулировали на Кавказской войне 1817–1864 гг., в результате которой Россия присоединила к себе Чечню, Горный Дагестан и Северо-Западный Кавказ, забывая о том, что до этой войны кавказские народы пострадали от Османской империи гораздо сильнее, чем от России. Обратимся к новейшей истории. За 30 лет (с 1959 по 1989 гг.) численность русских в РСФСР возросла в 1,2 раза. За этот же период численность народов Северного Кавказа увеличилась более чем в 2 раза; бурят, якутов, калмыков – в 1,7 раза. О каком уничтожении народов Северного Кавказа, Крыма, Сибири можно утверждать? Об этом способны утверждать лишь недобросовестные исследователи.

В связи с этим хотелось бы сказать следующее. Пожалуй, нет ни одного государства в мире, где бы правительство не допустило тех или иных ошибок, просчетов. Но наши, отечественные, исследователи, в отличие от западных, в 1980-е годы сконцентрировали внимание именно на ошибках своего государства и сознательно стали охаивать все отечественное: экономику, политику, культуру, историю. Идеологические, а следовательно, и политические последствия такого рода «научных» исследований и публикаций печальны.

Еще один из типичных образцов тенденциозного подхода при исследовании восточнославянского духовного наследия. Многие ученые считают, что духовная культура шла в Беларусь и Россию с Запада: на Востоке, мол, были варварство и дикость. Действительно, если обратиться к истории, нельзя отрицать того факта, что выдающиеся белорусские мыслители получили образование на Западе – в Варшавском, Краковском, Пражском, Падуанском университетах, впитали многие идеи западноевропейских мыслителей. Но почему мы, порою, столь упрощенно трактуем взаимосвязь духовных культур – лишь как однонаправленную? Почему не пытаемся раскрыть влияние восточнославянской культуры на западноевропейскую, не стремимся проследить хотя бы процесс трансформации мировоззрения тех миссионеров, которые направлялись в Беларусь и вынуждены были учитывать конкретные реалии? И, главное, не раскрываем диалектику взаимодействия культур, не говорим о том, что впитывалось нашей национальной культурой, что отвергалось как неприемлемое, какое духовно-культурное поле формировалось в результате взаимодействия различных культур. В этом плане историко-философские исследования 60–70-х гг. XX века являются более объективными по срав-

⁴ Статистический ежегодник России. 1914. Отд.2. – Пг., 1915. – С. 3.

⁵ Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. – Минск, 1957. – С. 20.

нению с современными хотя бы потому, что в них не было однозначной, только позитивной оценки влияния Европы на нашу национальную культуру.

Если в советское время акцентировалось внимание на общем в культуре народов СССР, особенно у русских, украинцев и белорусов, то в современных условиях мы столкнулись с другой крайностью – переоценкой самобытности национальных культур народов, живших на протяжении многих столетий в одном государстве, переоценке, ведущей к разрушению сложившихся межнациональных связей, единого духовно-культурного поля, нарастающему замыканию в литературных, национально-культурных границах собственных государств. В процессе социализации индивида все более остро ощущается абсолютизация национально-особенного, национально-самобытного, национально-подлинного бытия, за которым уже не просматривается взаимосвязь, взаимовлияние, взаимопереплетение и взаимообогащение белорусской и русской культур. Белорусские историки и философы все больше внимания уделяют доказательству органичной связи белорусской и польской, белорусской и литовской культур, для чего из архивов извлекаются соответствующие исторические документы Великого княжества Литовского и обнародуются с соответствующими политическими комментариями.

За последние годы издана масса книг по истории этого княжества, его городов, работ биографического характера, посвященных различным политическим деятелям, мыслителям, где порою трудно отличить истину (хотя и в популярном изложении) от вымысла. Действительно, Беларусь, стоящая на перекрестке путей между Востоком и Западом, испытала сильное влияние западноевропейской культуры, осуществлявшееся, главным образом, через Польшу. Не станем отрицать и того факта, что белорусы с литовцами и поляками на протяжении нескольких веков жили в одном государстве, совместными усилиями вели сражения как против тевтонского ордена (крестоносцев), так и против Московского княжества (не против русских, как об этом пишут некоторые историки, а против одного из русских княжеств). Но не менее значимо и то, что белорусы непосредственно соприкасались с русскими, а затем жили с ними в одном государстве, что не могло не отразиться на их культуре. Если говорить о XIX – начале XX вв., нашу отечественную культуру трудно представить без Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Харькова и других городов, представлявших собой мощные научно-культурные центры Российской империи. Без преувеличения можно сказать, что природные задатки многих белорусов выкристаллизовывались и шлифовались в Москве, Петербурге и других российских городах. Например, стали ли бы Б.А. Тарашкевич известным белорусским лингвистом, а Е.Ф. Карский основоположником белорусской этнографии без Петербургского университета и Нежинского историко-филологического института? Конечно же, нет. А можно ли представить М. Богдановича без нижегородского периода его духовного становления? Тоже нет. Поэтому не следует противопоставлять друг другу белорусскую и русскую культуры, которые на протяжении многих столетий взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Что бы ни говорили некоторые современные историки, факты свидетельствуют о том, что подлинное развитие науки и духовной культуры белорусов произошло в советское время. В начале XX в. белорусскую литературу представляли в основном только две общественно-политические и литературные газеты «Наша доля» и «Наша ніва», а также белорусское книгоиздательское товарищество «Наша хата», находившееся в Вильно. В писательскую когорту входили Я. Купала, Я. Колас, А. Тетка, М. Богданович, некоторые другие начинающие литераторы. В 30-е годы XX в. уже не где-то за пределами, а в самой Беларуси была создана мощная издательско-полиграфическая база. В Союз писателей БССР входили более сотни известных мастеров поэзии и прозы. Наряду с Я. Коласом и Я. Купалой белорусскую литературу представляли А. Астрейко, П. Бровка, З. Бядуля, В. Вольский, П. Глебка, М. Зарецкий, М. Климкович, К. Крапива, А. Кулешов, М. Лыньков, Я. Мавр, П. Панченко, А. Русак, Э. Самуйленок, Я. Скрыган, М. Чарот, К. Чорный и многие другие.

До революции в Беларуси не было ни одного профессионального театра. Существовали лишь труппы, в том числе известная белорусская труппа И. Буйницкого (театры в Несвиже и Слониме периода Речи Посполитой – семейные, а не профессиональные). В 1920-е годы в Минске были созданы первый и третий, в Витебске – второй белорусские государственные театры. Всего в начале 1941 года в республике работали 23 профессиональ-

ных театра, которые осуществляли постановки как белорусских (Я. Купалы, Я. Коласа, К. Крапивы, В. Вольского), так и русских (М. Горького, А. Островского), а также зарубежных (Ж. Мольера) авторов. Уже в то время сформировались профессиональные театральные труппы, состоявшие из признанных мастеров сцены – Г. Глебова, А. Ильинского, П. Молчанова, Б. Платонова, Л. Рахленко, Л. Ржецкой и др.

Творческий взлет характерен и для национального музыкального искусства. Одним из основателей белорусской композиторской школы стал ученик Римского-Корсакова В.А. Золотарев, переехавший в 1933 году на работу в Минск в качестве профессора только что открывшейся консерватории. Его известными учениками стали А.В. Богатырев, П.П. Подковыров, Л.М. Абелиович, Д.А. Лукас, В.В. Оловников и др. В 1933 году открыт театр оперы и балета. Не только строительство в сжатые сроки современного здания, но и формирование труппы театра стало возможным лишь благодаря помощи со стороны России. Вскоре белорусскому зрителю были представлены национальные оперы «Міхась Падгорны» и «Алеся» Е. Тикоцкого, «Кветка шчасця» А. Туренкова, «У пушчах Палесся» А. Богатырева, «Кастусь Каліноўскі» Д. Лукаса, «Калючая ружа» Ю. Семеняко, а также балеты «Салавей» М. Крошнера и «Князь-возера» В. Золотарева.

В 1937 г. была открыта Белорусская государственная филармония. Созданы такие известные коллективы, как Государственный академический симфонический оркестр (1928 г.), Государственный академический народный оркестр имени Жиновича (1930 г.), Государственная академическая хоровая капелла имени Г. Ширмы (1939 г.) и др.

На 1 февраля 2001 года только творческие союзы белорусских писателей, композиторов, кинематографистов, художников, музыкальных и театральных деятелей, мастеров народного творчества, дизайнеров, литературно-художественных критиков насчитывали 5772 члена. Это огромный социальный слой творческой интеллигенции, представляющий белорусскую национальную культуру. Большинство из названных союзов были сформированы в начале 30-х годов XX века. Это ли не свидетельство взлета белорусской национальной культуры в XX веке!

Характеризуя процесс формирования отряда творческой интеллигенции в Беларуси, нельзя не обратить внимание на тот бесспорный факт, что в ее рядах оказались представители самых разных наций – русской, украинской, белорусской, польской и др. В становлении белорусского национального театра, оперы, балета, музыкального и изобразительного искусства огромное содействие оказала русская интеллигенция. Именно из России приехали в Минск и другие белорусские города известные деятели культуры России для оказания помощи белорусам. Прежде всего благодаря им, Беларусь за столь короткий срок достигла вершин в области культуры. Нельзя не сказать и о том, что белорусские национальные кадры учились и повышали профессиональное образование в Москве, Ленинграде, Киеве – признанных центрах мировой культуры. Обучаясь, стажирясь, встречаясь с интеллигенцией других союзных республик во время гастролей, обмениваясь опытом, белорусская творческая интеллигенция осваивала духовно-культурное наследие других наций и народностей, но одновременно знакомила другие нации и народы с уникальной белорусской культурой. Все это способствовало обогащению национальных культур, их сближению, приводило к интернационализации духовных процессов в целом. В 1940-е годы в СССР не было каких-либо серьезных межэтнических и межнациональных конфликтов наподобие тех, что случились в 1990-е годы. И в этом немалая заслуга деятелей культуры и искусства.

В связи с этим нельзя не затронуть и такую проблему. Общеизвестен интерес исследователей к советской истории 1930–1950-х годов. В последнее время та эпоха характеризуется как самая жестокая и губительная по своим социальным последствиям. Порой создается впечатление, будто бы репрессивная функция стала чуть ли не единственной функцией государства. Конечно же, процесс формирования интеллекта был далеко не простым и не столь быстрым, как представлялось. Но через противоречия, борьбу, ошибки, заблуждения, моральные и психологические издержки новая жизнь прокладывала себе путь. История не может остановиться, «поразмислить» над содеянным, что-то исправить. Ее поступательный ход размерен и неумолим. На новую, более высокую ступень в своем историческом развитии поднялся и интеллект России и объединившихся с ней в единое государство союзных республик, став феноменальным явлением мировой культу-

ры XX века. Отсюда вывод: взлет советской культуры мог осуществиться лишь при условии мощной социально-экономической поддержки ее со стороны государства. Но это одно из необходимых условий, не более. Не желудок же творит произведения искусства. Их создает человеческий мозг и осененные великой мыслью руки мастера. А великая мысль рождается великой эпохой. Именно такой эпохой для десятков тысяч деятелей культуры стала эпоха строительства нового общества.

Характерным отличием эпохи 1920–1950-х годов является то, что она пронизана великой гуманистической идеей всеобщего блага – не в узких, ограниченных рамках семьи, поселка, региона, социального слоя, национального государства, а в планетарном масштабе, в границах всей цивилизации. Эта великая, масштабная, благородная идея всеобщего блага и составляла смыслообразующий стержень советского искусства, культуры, делала ее уникальной. Советская культура была одухотворена великими идеалами, близкими всему человечеству, а не какой-то узкой социальной группе лиц, звала людей на масштабное, возможно, и не осуществимое в обозримом будущем, но все же достойное для человека дело. В этом главная отличительная особенность советской культуры и ее сила.

Отличительная особенность советской культуры состояла в том, что она охватывала все социальные слои общества, не исключая крестьянство. Интеллигенция была не сторонним наблюдателем происходящих в стране событий. Наоборот, была их реальным участником. Это позволяло ей воспроизводить в своих произведениях саму жизнь со всеми ее коллизиями и противоречиями. Смог ли бы, скажем, М.А. Шолохов столь глубоко вникнуть в психологию донского казачества, оказавшегося в невероятно сложной ситуации радикальной ломки устоявшегося жизненного уклада, если бы сам лично не пережил этого социального потрясения?

Но только одних талантов, гениев еще недостаточно для взлета культуры. Чтобы культура заявила о себе в полный голос, нужны не только творцы, великие мастера – солисты, музыканты, дирижеры, композиторы, художники и т.д., но и зритель, слушатель. Не случайный прохожий, просто любопытствующий, а образованный, интеллектуально развитый. Такой зритель, слушатель, читатель в стране тоже был сформирован за очень короткий по историческим меркам срок.

Формирование новой культуры, мировоззрения человека, индустриализация страны, развитие науки, техники и новейших технологий – все это взаимосвязанные задачи, которые приходилось решать молодому советскому государству в невероятно сжатые сроки. И все они практически были решены, что и стало основой победы СССР над Германией. Интеллект советского народа, соединенный с патриотизмом, самоотверженностью, коллективизмом и стал важнейшим фактором великой Победы над фашистской Германией.

Специфика интеллектуального пространства Беларуси, как и других бывших союзных республик, ставших суверенными государствами, состоит именно в том, что оно напрямую, т. е. без опосредствующих звеньев, как это было в прошлом, связано с мировым интеллектуальным пространством. Для своего развития белорусская нация может более активно использовать интеллектуальные достижения мирового сообщества. Но, впитывая уникальные достижения культур других народов и таким образом обогащая национальную культуру, важно не перейти критическую черту и не «раствориться» в неоглядном пространстве мировой культуры. Именно здесь и проявляется мудрость нации и государства, зафиксированная в философском понятии «мера».

С 1991 г. республика Беларусь – суверенное государство в подлинном смысле этого слова. Однако процесс становления государственности не был простым. Как и в других постсоветских государствах, в Беларуси в тот период сформировались различные политические течения. На теоретическом уровне и на уровне быденного сознания велись острые дискуссии. Они завладели умами не только профессиональных политиков, творческой интеллигенции, но и простых граждан. Социально-экономическая альтернатива «социализм – капитализм» в общественном сознании белорусов в 1990-е годы органично увязывалась с цивилизационной альтернативой «Восток – Запад». Более того, порой «цивилизационное противостояние» доминировало в мировоззренческой парадигме белорусской интеллигенции. Так было и позже, когда вопрос о союзном государстве России и Беларуси из философско-теоретической и юридически-правовой плоскости был переведен в экономически-практическую плоскость. Реалии таковы, что часть белорусской

творческой интеллигенции ориентировалась на Запад. Но и Запад не терял даром времени и стремился максимально и с выгодой для себя использовать сложившуюся после распада СССР политическую ситуацию.

В связи с этим хотелось бы особо сказать о недопустимости искусственного «разогревания» национальной темы. Она настолько сложная и тонкая, что проблемы иногда возникают даже в том случае, когда к ней привлекается излишнее внимание. Когда подогревается интерес к этой проблеме как к глобальной. Но и замалчивать данную тематику, отдавая ее на волю случая, тоже нельзя. И очень важно не допускать искажения, подтасовки фактов. Иначе тему разогреют политики. Во времена перестройки большинство СМИ давало массу материалов о несправедливости, допущенной в прошлые времена в отношении национальных меньшинств. И хотя мы жили уже в совершенно другую эпоху, в массовом сознании прошлое экстраполировалось на настоящее. В результате все это было использовано политиками для разжигания националистических настроений, русофобии, что и способствовало в итоге развалу Союза.

Государство может быть сильным, если опирается на то, что объединяет людей, а не на то, что их обособляет, разделяет, тем более противопоставляет. И здесь очень важно, что более приоритетно для национальных меньшинств: интересы государства, в котором они сейчас проживают, или же тех государств, откуда они приехали (или где их исторические корни)? Чьи интересы они выражают? На этот вопрос нужно обязательно давать ответ, как бы это сложно ни было. Если человек не живет там, где его историческая родина, то он не может не придерживаться порядков того государства, которое его приняло. Национальные интересы этнических меньшинств не должны превалировать над общенациональными интересами – интересами всех этносов, проживающих в данном государстве, но прежде всего над интересами титульной нации.

Сегодня, в период обострения международной обстановки, перед лицом сырьевого и энергетического кризиса государствам и народам нужно больше думать не о разьединении, а о том, как сохранить мир и спокойствие, чтобы люди могли пользоваться тем, что есть, не разрушая его, жить и трудиться. Мы не найдем ни одного государства, где бы жили представители только одной национальности. История так распорядилась, что одни народы оказались разделенными границами образовавшихся государств, а другие не получили по разным историческим обстоятельствам своей государственности. В Российской Федерации сегодня только на одном Северном Кавказе проживает более 130 национальностей. И что, будем переделывать то, что складывалось веками? История и так состоит из непрекращающейся череды войн, и нужно ли еще давать для них повод? Любое раздробление государства, передел границ – это война, это гибель людей, бедность и разруха. Тем более, как показывает та же история, слабые государственные образования на основе малых народностей зачастую поглощаются более сильными соседями. История порой бывает жестокой.

Современный мир динамичен и противоречив. За внешним спокойствием политических лидеров ведущих держав спрятаны напряженность и озабоченность завтрашним днем, местом своей страны в мировом сообществе XXI века. Век «сверхдержав», по историческим понятиям, короток. А потому все они стремятся максимально использовать предоставленную историей возможность для обеспечения себе достойного, или, в худшем случае, беспроblemного будущего. Пользуясь мощью и безнаказанностью, сверхдержавы всех сметают на своем пути – потенциальных конкурентов и тех, кто им хоть в какой-то степени оппозиционирует.

В конце XX – начале XXI вв. в числе оппонентов ведущих капиталистических стран (по терминологии Ю.И. Семенова, ортокапитализма) оказалась Беларусь, не желающая оказаться паракапиталистической страной, т.е. периферийным капитализмом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Убрать с пути «строптивое» государство – одна из задач США и их ближайших союзников. С целью дискредитации Беларуси, ее внутренней и внешней политики используются различные средства. Ставка сделана на молодежь как возможную главную ударную силу с целью дестабилизации белорусского государства. Мы вступаем в информационное общество, в век информационных технологий, в том числе социальных, с помощью которых легко манипулировать общественным мнением. Чтобы не поддаться на уловку, манипуляцию, адекватно оценивать обстановку, надо быть не только политически грамотным человеком, но, кроме того, а, может быть, даже прежде всего – патриотом.

В последние годы в духовной жизни белорусского общества все большее место занимают религия и церковь. Отметим сразу, что отношение к религии и церкви стало абсолютно лояльным со стороны государства, а количество верующих в Беларуси значительно возросло. Конституция Беларуси гарантирует гражданину право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Согласно социологическим опросу, проведенному Аналитическим центром ЕсоМ, 77,5% граждан Беларуси считают себя верующими людьми, 20,5% – неверующими и только 2% – атеистами, активно выступающими против религии.

По конфессиональной принадлежности верующие распределились следующим образом: православие исповедуют 78,4%, католицизм – 14,2%, иудаизм – 1,4%, ислам – 1,4%, буддизм – 0,8%, протестантизм – 1,6%, другие религии – 2,3%. Как видно, православию, отсчет которого ведется с 992 года (года основания Полоцкой православной епархии), по-прежнему является наиболее распространенной на белорусской земле религиозной конфессией. Различные религиозные конфессии и сами верующие, принадлежащие к ним, живут и действуют на территории Беларуси в согласии. Хотелось бы, чтобы и впредь на религиозно-конфессиональной почве не возникали социальные конфликты.

Подтолкнуть общество к социальной активности, вывести людей на улицы выплеснуть накопившуюся энергию, разбалансировать общество всегда легче, чем привести его потом к нормальному состоянию. Поэтому каждодневную работу среди населения, среди всех его социальных слоев, этносов и конфессий нужно вести всегда, ни на минуту не снимая руки с «пульса общества». Даже если причин для беспокойства вроде бы и нет. Конфликты межнациональными не рождаются, они ими становятся. У людей нет природной неприязни друг к другу. Скорее, наоборот, человек – существо общественное. Но если социальный конфликт возник, свидетельством зрелости общества может быть его способность предотвратить разрастание, остановить цепную реакцию вовлечения в него других людей и превращения его в массовый конфликт, в том числе, межнациональный.

Беларусь исторически оказалась на территории, непосредственно соприкасающейся с территориями сильных и постоянно соперничающих друг с другом мощных государств. Ее активно втягивали в эти разборки, и часто выяснение споров противников происходило именно на ее территории, что неизбежно вело к разрушению материальных и культурных ценностей белорусского народа. Поэтому мечта белорусов – сделать мир спокойным и стабильным, без зла, насилия и кровавых разборок. Беларусь, наученная горьким опытом прошлых эпох, способна на равных условиях со своими партнерами, и в первую очередь с Россией, отстаивать общие интересы в условиях каких-либо геополитических коллизий. Это и станет прочной основой доверительных союзнических отношений в различных сферах общественной жизни.

Список литературы

1. Karta Polaka. Nowe uprawnienia dla Polakow na Wschodzie // <http://publikacje.poland.gov.pl/files/banery/KPRosja.pdf>.
2. Данилин А. Конституционный суд Беларуси: нормы закона "О карте поляка" не соответствуют общепризнанным принципам суверенного равенства государств // <http://news.open.by/politics/50841>.
3. Сборники Белстата: Перепись 2009 года. Национальный состав населения Республики Беларусь // <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi1.php>.
4. Статистический ежегодник России. 1914. Отд.2. – Петербург, 1915.
5. Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. – Минск, 1957.

NATIONAL AND CULTURAL STRUCTURING IN BELARUS

T.I. ADULO

*Institute of Philosophy
The National Academy
of Sciences
of Belarus*

*e-mail:
tadoul@mail.ru*

In the article the range of questions, which characterize international relations and processes of cultural creation in Belarus in the XXth century is considered.

The thesis that the cohesion, selfless work, close cooperation of Belarusian nation with Russian nation allowed Belarus to reach in the XXth century the phenomenal results in the field of science and culture is proved.

Key words: national culture, eastern-slavic spiritual heritage, spiritual life of Belarusian society, international relations.

УДК 94.327.339.924(470)+4761

ИСТОРИСОФСКОЕ ЕДИНСТВО БЕЛОРУСОВ И РУССКИХ КАК ОСНОВА СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Л.Е. КРИШТАПОВИЧ*Информационно-аналитический
центр при Администрации
Президента Республики Беларусь*

Статья посвящена анализу процессов строительства Союзного государства Беларуси и России, рассмотрению историсофского и цивилизационного единства белорусов и русских, исследованию механизма торможения объединительного процесса.

Ключевые слова: белорусы, русские, единство, Союзное государство, противоречия.

Противников единения белорусского и русского народов условно можно разделить на две группы. Первая представляет собой публику, находящуюся на содержании у своих западных хозяев. Эти политические лакеи разъезжают по заграницам и претендуют, ни больше ни меньше, как на представительство от имени «европейской демократии». Будучи людьми невежественными, они не в состоянии говорить о реальных проблемах союзного строительства, а поэтому занимаются лишь критикой Союзного государства. Поскольку решение возникающих проблем на пути союзного строительства достаточно скучное занятие, а критика занимательна, постольку политические камердинеры, чтобы не быть скучными, вынуждены всячески злословить о белорусско-российской интеграции. Так как люди судят о чужих мнениях лишь по аналогии с их собственными, то политических лакеев можно убедить лишь лакейскими доводами.

Другую группу противников Союзного государства составляет определенная часть нашей гуманитарной интеллигенции, которая в мгновение ока совершила умственное сальто-мортале. Свою «переоценку ценностей» эти деятели обычно объясняют невозможностью говорить правду в эпоху «тоталитаризма» и ссылками на некие новые исторические факты, которые, дескать, скрывали от общественности.

В действительности же проблема подобной интеллектуальной метаморфозы лежит совершенно в иной плоскости. Дело в том, что в эпоху массового «производства» интеллигенции, в том числе и ученых (такое явление характерно сегодня для всех развитых стран), подавляющая ее часть никакого отношения к науке не имеет, хотя и называется научной. Причина тому – подмена научного исследования резонерством. Как отмечал великий мыслитель, в наше резонирующее время совсем нетрудно научиться подыскивать доводы «за» или «против» одного и того же содержания, и надо быть очень уж недалеким человеком, не умеющим подобным образом «аргументировать».

Отсюда и кажущийся парадокс, когда одни и те же ученые в советское время «аргументировали» за Союз с Россией, а в нынешнее – против Союза с Россией. Это и есть ученые-резонеры. Вся их наука – уметь подыскивать аргументы в зависимости от обстоятельств, политической конъюнктуры. Отличие ученого-резонера от подлинного ученого состоит в том, что первый ищет доводы, за которые в данное время хорошо платят, а второй – истину. Поэтому для ученых-резонеров не существует проблемы научной добросовестности, честного сопоставления того, что они писали раньше, с тем, что утверждают сегодня. Они обыкновенные производители и потребители лжи. Они забили свою голову ложью до такой степени, что уже утратили способность реагировать на нее. Они утратили способность воспринимать истину. Точнее, они истину воспринимают как ложь.

Поэтому их аргументация против Союзного государства Беларуси и России – это лишь имитация научности. Она бесплодна во всех отношениях. Она есть искусственное извращение истории нашего народа.

Исторический путь развития Беларуси проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов харак-

терны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социально-нравственная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Общеизвестно, что попытки польской шляхты привлечь белорусское крестьянство к своей борьбе против России всегда терпели крах. Ибо белорусы прекрасно понимали, что их недруг не Россия, а польский пан и антинациональный иезуитизм. Сами иезуиты, видя провал своего миссионерства в среде белорусов, в сердцах произносили: «Грубый и окаменелый в схиме (православии. – Л.К.) народ». Точь-в-точь как сегодняшние политические иезуиты обвиняют белорусский народ в советском консерватизме и в ностальгии по СССР. Белорусская государственность сформировалась в условиях восточнославянского цивилизационного времени и пространства, союза с русским народом, совместного строительства Союзного государства, т.е. союзной, национальной модели развития в противоположность модели унионистской, антинациональной. Терминологически понятия «союз» и «уния» тождественны, но за этим формальным тождеством скрывается принципиально разное философско-историческое содержание. Уния Беларуси с Польшей всегда была реакционна, антинациональна, поскольку ставила своей целью денационализацию белорусского народа. Союз Беларуси и России всегда был прогрессивен, национален, поскольку способствовал сохранению ментальных характеристик белорусского народа, сохранял условия для национального возрождения и государственного строительства. Вот почему всякие концепции «вхождения Беларуси в Европу», «Европейскую унию» будут вести к утрате государственной независимости Республики Беларусь, к денационализации белорусского народа, т.е. к его исчезновению.

В геополитическом контексте противоположность между союзной парадигмой и унионистской моделью развития Беларуси выступает как противоположность между интеграцией и глобализацией. Формально интеграция и глобализация рассматриваются как тождественные процессы. Но фактически они означают принципиально противоположные варианты мирового развития. Глобализация является антиинтеграционной парадигмой, сущность которой сводится к бесплатному присвоению природных, трудовых, интеллектуальных ресурсов человечества в интересах западных корпораций и потребителей. В известной степени это признает лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 год Джозеф Стиглиц, который отмечает, что «существует большой массив фактических данных и аналитических построений, подтверждающих, что глобализация усиливает экономическую нестабильность, а экономическая нестабильность способствует ослаблению чувства защищенности и увеличению масштабов нищеты»¹.

Объединение в рамках Европейской унии идет в русле глобализации, которая так или иначе ориентирована на закрепление привилегированного положения западных стран в системе международных отношений и создание однополюсного мира.

Строительство же Союзного государства Беларуси и России основывается не на стратегии однополюсного глобализма, а на стратегии многополюсной интеграции, сущность которой заключается в установлении справедливых взаимоотношений между всеми государствами мирового сообщества. Интеграционная парадигма Союзного государства основывается на справедливом доступе к экономическим и финансовым возможностям для всех стран, на их взаимном интересе, радикальной демократизации международных институтов на основе общепризнанного международного принципа «одна страна – один голос».

В этнокультурной сфере противоположность между союзным и унионистским принципами общественного и государственного развития Беларуси выступает как противоположность между национальной культурой и так называемой западной «цивизованностью». Еще Л.Н. Толстой метко отмечал различие между подлинной культурностью и мнимой цивилизованностью. «Как легко усваивается то, что называется цивилизацией. Пройти университет, воспользоваться услугами портного и парикмахера, прикупить кое-что, съездить за границу – и готов самый цивилизованный человек. А для народа – больше газет, партий, бульваров, парламентов – и готов цивилизованный народ. Как легко. От того и хватаются люди за цивилизацию, а не за просвещение. Первое не требует

¹ Stiglitz J.E. Globalization And Its Discontents. New York, 2002. P. 81.

усилий, второе же требует напряженного труда и всегда гонимо, презираемо, ненавидимо толпой потому, что обличает всю ложь цивилизации»².

Подлинная культура базируется не на заимствованных принципах и институтах, а на национальной системе ценностей. Необходимо уважать национальные ценности и формировать чувство самоуважения. Навязывание чуждых ценностей подрывает уверенность человека в своих силах. «В основе национальной ответственности и расширения возможностей человека, – как подчеркивается в Докладе Программы развития ООН за 2003 год, – лежит чувство самоуважения». Союзный вектор развития Беларуси и России как раз и аккумулирует в себе национальную систему ценностей наших народов, их высокую духовность, культуру и человечность.

В сфере политики противоположность между Союзом и Унией проявляется как противоположность между народным пониманием демократии и западной трактовкой демократии, как противоположность между народовластием и олигархической формой правления.

Дело в том, что в конституционном праве США под демократией понимается «охрана прав меньшинства». В американских политических трактатах утверждается, что если «большинство будет объединено общим интересом, права меньшинства окажутся под угрозой». Очевидно, что такое понимание демократии никак нельзя назвать демократическим, поскольку изначально устанавливается, что интересы большинства должны законодательно подчиняться интересам меньшинства, т.е. большинство граждан должно руководствоваться не своим интересом, а частным интересом, интересом меньшинства. Но ведь такое государство будет уже являться государством меньшинства, а не большинства, т.е. государством не демократическим, а олигархическим. При такой трактовке демократии повисает в воздухе сама идея правового государства, ибо такое государство не включает в свою обязанность охранять права большинства, защищать не только частные, но и общие интересы. Западная политическая система по своей природе является не демократической, а олигархической. Таким образом, унионистский сценарий политического развития постсоветского пространства объективно ведет к установлению не демократии, а режима олигархии в постсоветских республиках.

Союзная модель развития, основывающаяся на историческом опыте наших братских народов, как раз и представляет собой демократическую модель обустройства постсоветского пространства.

Белорусско-российский интеграционный процесс был инициирован в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, повышения благосостояния, обеспечения безопасности белорусского и российского народов. Этим объясняется стабильная общественная поддержка объединительных инициатив в двух государствах.

Противники союзного строительства неизменно указывают на несоответствие экономических систем двух государств; акцентируют внимание на «невыгодность» для российской экономики равноправного союза с Беларусью. Подобная позиция вуализируется красивым словом «прагматизм», включенным в политический лексикон отдельными представителями политической элиты в России, на словах заботящихся о соблюдении национальных интересов своей страны, но не усвоивших суть данного понятия, которая заключается в соответствии его содержания реальной практике. Необходимо понять, что всякие попытки рассматривать взаимоотношения Беларуси и России в русле прагматизма являются абсолютно некорректными.

Что такое прагматичная политика? Это политика между государствами, интересы которых могут обеспечены лишь на основе принципа компромисса. Прагматичная политика базируется на логике *do ut des* (даю, чтобы и ты дал; уступаю, чтобы и ты уступил). К примеру, взаимоотношения между Россией и США, Россией и Германией, Россией и Англией, разумеется, должны строиться на прагматическом подходе.

Но достаточно такого подхода при анализе союзного строительства? В том-то и дело, что абсолютно недостаточно. Ибо белорусский интерес и российский интерес – это, по сути, один и тот же национальный интерес. Нам незачем примирять наши национальные интересы, поскольку они объективно совпадают, тождественны. Как мы говорим: хо-

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 58. М., 1992. – С. 133.

рошо России, хорошо Беларуси. Аналогично и обратное. Неслучайно Президент А.Г.Лукашенко постоянно подчеркивает, что «белорусский народ и русский – один народ», что «Россия всегда есть и будет нашим традиционным, братским, родным государством», что «нет более пророссийского человека в Беларуси, чем Президент»³. Эти слова не следует рассматривать как некие дипломатические реверансы, формальные комплименты по отношению к России, это наша ментальная характеристика, вытекающая именно из природы союзности белорусско-российских отношений. Поэтому белорусский Президент вполне резонно сомневается в необходимости прагматизации отношений Беларуси и России: «Кто его знает, нужен ли нам этот подход в наших отношениях между двумя исторически и духовно близкими государствами и народами? Не все, конечно, можно измерить рублем, долларом или, если хотите, кубометрами газа». На встрече 26 августа 2010 г. с руководителем Курской области Александром Михайловым Президент Беларуси в очередной раз подчеркнул, что «нет такой силы и таких политиков, которые бы могли разорвать нашу дружбу, наше братство».⁴

Разумеется, те силы, которые активно участвовали в разрушении Советского Союза, стремятся не допустить интеграции постсоветского пространства, пытаются торпедировать процесс союзного строительства. Они бы хотели геополитическую катастрофу XX века трансформировать в геополитическую катастрофу XXI века, т.е. разрушение самой России.

Противники союзного государства применяют два метода противодействия союзному строительству.

Первый метод исходит от определенных антисоюзных групп (экономических, политических, информационных) в России, которые пытаются представить Беларусь хлебницей России. Российскому общественному мнению они внушают ложную идею о несостоятельности, обременительности союзного строительства, поскольку это строительство сводится лишь к одним ненужным финансовым растратам. Спекулируя на возникающих трениях между высшим политическим руководством России и Беларусью, они прямо заявляют, что «единое государство с Белоруссией» – это миф, и пора, дескать, «развезть этот миф, закрыть мертворожденный проект». Об этом прямо писал откровенный противник Союзного государства Леонид Радзиховский в Российской газете за 6 июля 2010 г. И что любопытно: антисоюзная позиция определенных сил в России абсолютно совпадает с такой же позицией антироссийских политиков в Беларуси. Так, например, бывший кандидат в президенты Ярослав Романчук, засоривший свою голову банальностями «Экономикса» резонерствует, что Союзное государство – «это бумажка. Это мертвый проект». Таким образом, можно вполне сделать вывод, что антисоюзность и русофобия – это одно и то же. И все эти бухгалтерские подсчеты, кто кого кормит, кто кому сколько должен – от лукавого. И речь идет совершенно о другом: не допустить выхода наших стран на созидательную траекторию движения, оставить их в ситуации геополитической катастрофы. И тот экономист, политик, журналист в России, который придерживается антисоюзной точки зрения, одновременно является и антироссийским экономистом, политиком и журналистом. Такова диалектика строительства Союзного государства.

Другой метод дискредитации Союзного государства главным образом пропагандируется антисоюзными группами в Беларуси. Чтобы убедить белорусское общественное мнение в негативном характере союзного строительства, они изображают Россию как сугубо криминальное, безнравственное, коррупционное государство, а затем пафосно вопрошают: «Хотите вы с таким государством объединиться?» И определенная часть недумающей публики заявляет: «Нет, конечно, не хотим!». Эту же, с позволения сказать, аргументацию использует и часть журналистского сообщества в России, истинная цель которого – лишить Россию естественных союзников на постсоветском пространстве и навязать ей разрушительный вариант развития 1990-х годов.

³ Российская Федерация сегодня. 2010. № 23. – С. 29; Свободная мысль. 2010. № 10. – С. 8, 10.

⁴ Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.gov.by/ru/press95994.html>, свободный.

Но диалектика постсоветского пространства в том и заключается, что строительство Союзного государства – это и есть процесс экономического, политического, социального и нравственного оздоровления России и Беларуси, всех постсоветских государств, ликвидации тех негативных явлений (коррупция, криминал, межнациональные конфликты, демографический кризис, пауперизация и т.п.), которые были спровоцированы разрушением именно принципа союзности наших республик.

Кстати, мы много говорим об успехе китайских реформ. Но во всех этих разговорах нет главного. Нет понимания того, что проведение экономических реформ в Китае осуществляется на основе национальных ценностей китайского народа. В отличие от постсоветских республик, где под предлогом перехода от плановой к рыночной экономике навязывалась политика переходит от национальной системы ценностей к западным идеям и ценностям. Отсюда и принципиально различные последствия в Китае и постсоветских республиках при проведении, казалось бы, одних и тех же экономических преобразований. В Китае эти реформы на основе своих национальных ценностей увеличивали благосостояние народа и могущество страны, а на постсоветском пространстве на основе отрицания своих ценностей привели к обнищанию населения и деградации государственности.

Отметим такую закономерность: среди бывших советских философов и экономистов наибольшими антисоветчиками и антикоммунистами оказались те, которые как раз и занимались «критикой» западных учений. Именно эти «специалисты» и оказались наиболее рьяными адептами рыночных реформ, т.е. тех реформ, опровержением которых они лишь и занимались в советское время. Сегодня, требуя замены национальных ценностей и традиций чуждыми идеями, смены ментальности русских и белорусов, привязки постсоветских республик к западной колеснице, они сбивают наши страны на обочину исторической дороги, на периферию мирового развития.

Здесь возникает еще один интересный вопрос. Мы сегодня много говорим об импортозамещении иностранной продукции отечественными товарами. И это совершенно правильно. Ибо без развития своего производства нельзя вести речь о сохранении экономической безопасности наших стран. Но если это верно, то должно быть верно, и то, что нам уже пора осуществить своеобразное импортозамещение иностранных идей и ценностей национальными идеями и ценностями. Ибо без этого условия все наши разговоры о национальной идее, об уважении к своему прошлому, о воспитании патриотизма останутся гласом вопиющего в пустыне. Как мудро заметил Конфуций, «исключительное занятие чуждыми учениями может только приносить вред».

Сегодня ведется много разговоров о модернизации экономики Беларуси и России. Считается, что Беларусь и Россия должны проводить модернизацию через признание европейским ценностей и смену ментальности наших народов. Аргументируют так: дескать, наши народы не инициативны, не предприимчивы, привержены патерналистской психологии, а поэтому, чтобы осуществить модернизацию экономики, надо сменить ментальные характеристики населения, сделать его по-настоящему европейским. И мы вроде бы соглашаемся с такой аргументацией. Но в том-то вся и пикантность, что это абсолютно ложный подход. Ибо в основе модернизации и расширения возможностей человека, в том числе и его инициативы, предприимчивости, должно лежать чувство собственного достоинства. Человек, которому постоянно внушают, что он ленился, что у него психология иждивенца, что ему надо поменять свою ментальность, будет всегда чувствовать свою социальную и нравственную ущербность, приниженность. Думать, что такой человек будет способен к некоему инновационному мышлению, а следовательно, и к модернизации экономики – глубочайшее заблуждение. Поклоняться чужим пенатам – это верх пресмыкательства. В то же время сознавать долг и не исполнять его – это трусость. Отказываться от своей ментальности – значит, отказываться от самого себя, от своей идентичности.

Образно говоря, нельзя собственную историю уподоблять библейской истории и искать какую-то обетованную землю за пределами своей территории. Не надо идти ни на Запад, ни на Восток, надо уметь обулаивать собственную землю, надо исходить не из ложных геополитических ориентаций и идеологических концепций, а из собственных национальных интересов и уметь продвигать эти интересы на международной арене. Необходимо понять, что только уважение к своим национальным ценностям и традициям,

только чувство своего национального достоинства являются основой экономического процветания страны. Это и есть условие модернизации экономики. И искать эту модернизацию надо у себя дома, а не в чужих краях. И тогда сами собой отпадут фальшивые рассуждения о смене ментальности, о «европеизации» наших народов как якобы необходимым условием модернизации наших стран.

Важно понимать, что проблему модернизации экономики нельзя экстраполировать на сферу нравственности. Можно говорить о модернизации экономики, но нельзя вести речь о модернизации нравственности. Почему? Потому что у нравственности нет прогресса. Нравственные ценности абсолютны. Нравственность имеет дело не с сиюминутным, а с вечным. Пытаясь сменить ментальность, то есть, модернизировать систему ценностей белорусов и русских, мы тем самым лишаем их устойчивости, смысла жизни, превращаем их деятельность в дурную бесконечность, никогда не достигающую своей человечности, смысловой определенности.

Необходимо понять, что Союзное государство это и есть наша национальная идея, которую мы пытаемся искать где-то в чужих краях, а не у себя дома. Это и есть наш национальный путь развития, отвечающий интересам наших братских народов.

Сегодня следует осознать очень важную идею: строительство Союзного государства как раз и создает реальные предпосылки обеспечения национальной безопасности Беларуси и России и устойчивого развития наших народов.

Союзное государство – это не альтернатива независимости Беларуси и России, не ущемление их суверенитета, а наоборот, такое политическое образование, благодаря которому укрепляется независимость обоих государств, осуществляется реализация совместных национальных интересов в современном мире. Вот почему политика прагматизма между Беларусью и Россией – это политика, основанная на неверных предпочтениях.

15 марта 2011 г. в Минске были приняты важные интеграционные решения, которые определили дальнейший ход формирования Единого экономического пространства Беларуси, России и Казахстана и строительства Союзного государства Беларуси и России. Касаясь интеграционной политики, российский премьер-министр Владимир Путин особо подчеркнул роль Президента Александра Лукашенко как последовательного сторонника интеграции на постсоветском пространстве. Он, в частности, отметил: «Это проявляется в том, что мы качественно и в сжатые сроки подготовили и приняли ряд концептуальных документов, касающихся интеграции между Россией, Беларусью и Казахстаном в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства. Считаю, что это очень важные решения, которые, безусловно, будут способствовать стабилизации экономики и решению непростых социально-экономических задач, особенно в условиях продолжающихся кризисных явлений во многих ведущих экономиках мира».⁵

На состоявшемся заседании союзного Совмина были рассмотрены результаты выполнения антикризисного плана совместных действий и торгово-экономического сотрудничества Беларуси и России в 2010 году, подведены итоги реализации ряда союзных программ, а также обсуждены проекты новых программ союзного строительства.

Союзная модель, выстраиваемая нашими странами, может стать образцом интеграционных процессов в мире. Главное сейчас – не останавливаться на достигнутом, определить цели на будущее и уверенно двигаться к их осуществлению.

Начало третьего тысячелетия многие аналитики и политологи связывают с **глобальным кризисом, поразившим страны Запада**. Несмотря на сохраняющуюся относительную экономическую стабильность в этих государствах, которая большей частью обеспечивается за счет контроля над основными сырьевыми ресурсами и диктата на мировом рынке ТНК, тем не менее, кризис является системным и затрагивает не только финансовую, экономическую, но и политическую, и духовную сферы.

В данной связи исторически обусловленное понимание мировым сообществом губительности силовых факторов структурирования международных отношений неизбежно приводит к возникновению возможности социального развития в направлении формирования таких форм общественного устройства, которые не укладываются в сего-

⁵Союз (периодическое издание Совета Министров Союзного государства). 2011. 17 марта (№ 10).

дняшние представления, но которые будут способствовать формированию условий для подлинно демократического развития всех государств мирового сообщества в будущем.

С учетом этого строительство Союзного государства Беларуси и России отвечает интересам и Европейского союза, поскольку исключает рост социально-политической напряженности на постсоветском пространстве и закладывает фундамент для общей мировой интеграции на основе баланса национальных региональных и мировых интересов в многополярном мире. Союзное государство имеет все возможности для превращения в один из **мировых центров интеграции**, обеспечения европейской и международной безопасности.

Список литературы

1. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.gov.by/ru/press95994.html>.
2. Российская Федерация сегодня. 2010. № 23. С. 29 ; Свободная мысль. 2010. № 10.
3. Союз (периодическое издание Совета Министров Союзного государства). 2011. 17 марта (№ 10).
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 58. М., 1992.
5. Stiglitz J.E. Globalization And Its Discontents. New York, 2002.

HISTORIOSOPHICAL UNITY OF BELORUSSIANS AND RUSSIANS AS THE BASIS FOR THE UNION STATE

L.E. KRYSHTAPOVICH

*Informational and analytical
Centre, Administration
of the President
of the Republic Belarus*

The article is devoted to the analysis of building process of the Union State of Belorussia and Russia. The author analyzes civilization and historical unity of Belorussian and Russian peoples, breaking mechanism of the unifying process.

Key words: Belorussians, Russians, unity, Union State, contradiction.

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

С 8 по 10 сентября 2011 года в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170) в Белгороде состоялась Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности». Конференция была организована Министерством образования и науки РФ, Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, Белгородским государственным национальным исследовательским университетом. В этой рубрике мы публикуем лучшие доклады и статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике: Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2011.

УДК 130.2

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТЕРРИТОРИЯ КОНФЛИКТОВ?¹

Е.А. КРОТКОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В связи с назревающими в обществе конфликтами в сфере мировоззренческого дискурса обсуждается возможность формирования новой социально-психологической установки в коммуникации субъектов разной веры, веры и безверия, способствующей выходу страны из духовного кризиса.

Ключевые слова: мировоззренческий дискурс, конфликт, плюрализм, нейтралитет, толерантность.

Широко известен феномен противостояния цивилизаций, связанный с конфликтом религиозных дискурсов («языческий мир – христианская цивилизация», «христианская цивилизация – исламский мир»). Давнюю историю имеет и такой мировоззренческий конфликт как «теизм – атеизм». В России противостояние тех, кто «горой стоит» за веру, и тех, кто критически относится к ней, не завершилось фактом поражения политических сил, насаждавших безверие не только идеологическим террором, но и физиче-

---

¹ Публикация выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170).

ским насилием: с уходом в небытие государственного («воинствующего») атеизма нарождается феномен «воинствующей» церкви. Сегодня клерикальной пропагандой с завидной методичностью внушается россиянам мысль о том, что обращение народа в религиозную веру необходимо для спасения России от нравственного нигилизма и вестернизации, а неверующий в Творца потенциально непатриотичен и бездуховен.² Само понятие «духовность» безоговорочно отождествляется с церковной религиозностью, а нравственное просвещение молодежи государство, судя по всему, готовится передать под патронаж церковным структурам. Об этом свидетельствуют «встраивание» религиозной идеологии в школьное образование (под предлогом ознакомления детей с основами религиозной культуры), передача церковным структурам хранящихся в музеях произведений искусства и символов религиозного содержания, участвовавшие выступления церковных иерархов по каналам СМИ в роли блюстителей общественной нравственности, и т.п. Между тем, имплантация авторитарно-этатистского варианта христианского (равно как и исламского, иудейского) мировоззрения в государственную идеологическую доктрину едва ли будет способствовать духовному росту, миру и процветанию российского общества. Но уже публикуются статьи, в которых содержатся призывы к изменению на православных основах существующего государственного строя. Так, священник Д.Познанский пишет на страницах «Политического журнала»: «Необходимо приводить в соответствие с православной цивилизационной моделью всю государственную систему», поскольку де «любые попытки скрещивания христианских ценностей с секулярно-либеральными институтами западной демократии обречены на провал»³. Спрашивается, а не возникнет ли, к примеру, желание у иерархов мусульманства пропагандировать в СМИ идею «приведения в соответствие» российской государственности, но только не с православной, а с исламской цивилизационной моделью? Не сомневаюсь, что и такая инициатива получит широкую поддержку. И что тогда? Уместно напомнить: принадлежность к иной вере в иные времена считалась (да и ныне нередко считается) не меньшим злом, чем просто безверие. А ведь И.Кант предупреждал нас: «<...> религиозные распри, которые столь часто потрясают мир и заливают его кровью, никогда не представляли собой ничего другого, кроме разногласий из-за церковной веры»⁴. В современном мире причастность дискурса религиозного фундаментализма к развязыванию вооруженных конфликтов – далеко не рудиментальное явление.

Лидеры так называемых основных религиозных конфессий заключили между собой негласный «пакт о ненападении», дабы не отвлекать силы от их «священной» борьбы за умы и сердца мирян и тех, кто ещё не обратился в их веру. Уместно заметить, что это перемирие не может не быть временным, тактическим, поскольку каждая из конфессий, в точности следуя завету её основателя, провозглашает свою веру единственно верной, а принадлежность к иной вере – едва ли не большим грехом, чем просто безверие⁵. А. Мельников ставит, на мой взгляд, вполне обоснованный диагноз сложившейся ситуации. «В XXI веке религиозные общины обычно стараются скрывать свои разногласия, подчеркивать их считается неполиткорректным. <...> Стоит священнослужителям сойти с высоких трибун и остаться наедине со своей паствой в храмах, молитвенных домах и общинных центрах, смысл и тональность их выступлений меняются. Борьба религиозных организаций России против нетрадиционных учений, постоянные попытки пересмотреть светские устои государства, непрерывные проявления религиозной нетерпимости, часто

²В статье «Теологический агностицизм в диалоге с религией и атеизмом» Л.Н Столович пишет: «Приветствуя то, что церковь сегодня получила большие права в духовной жизни общества, А.Д. Сахаров не без основания опасался наступления такой ситуации, когда нужно будет уже защищать не верующих, а атеистов».

³ Познанский Д. Цивилизационная несовместимость // Политический журнал. 2008. №4 (181). 11 марта.

⁴ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. – С.178.

⁵«Религии, особенно монотеистические, исконно непримиримы к иным религиям и вообще к иным мировоззрениям. Если Бог истинен, если истинны Его имя, облик, атрибуты, священная история, святые, то это должна быть истина для всех людей», – отмечает Н.С.Розов.

переходящие в криминал, в разных частях страны – все это замалчивается, затеняется завесой уверенений в готовности вести межрелигиозный диалог»⁶.

Я не ополчаюсь на религию как таковую и не намерен обелить партийных и государственных лиц, по чьей вине взрывались храмы и ломались судьбы тех, кто молился в них. Настаиваю лишь на принципиальном (последовательном и безоговорочном) соблюдении положений Конституции РФ о свободе совести и светском характере нашего общества. Не менее важным представляется формирование принципиально новой социально-психологической установки в отношении друг к другу субъектов разной веры, веры и безверия, способствующей выходу страны из духовного кризиса. Она связана с малознакомой российскому обществу традицией плюрализма и толерантности в мировоззренческой сфере.

Метафизические основания мировоззренческого дискурса

Любое мировоззрение представляет собой личностно-духовное образование, которое Р.Рорти удачно называл «искупительной истиной»⁷. Искупительная истина удовлетворяет человеческую потребность «увязать все на свете – все события, всех людей, все идеи – в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, предопределенным и единственно возможным», а также «единственно значимым для определения смысла человеческой жизни, потому что только в данном контексте человеческое существование будет явлено в истинном свете». Верить в искупительную истину значит верить, что «есть некая подлинная реальность за видимостью явлений, что есть одно истинное описание всего существующего и случающегося, один главный секрет и одна окончательная разгадка»⁸. Сразу же подчеркну: «истина мировоззрения» и «научная истина» – существенно различающиеся концепты. Содержание научных теорий достаточно уверенно контролируется логикой и экспериментом, поэтому рано или поздно специалисты приходят к относительному единству в их признании. Мировоззрения тоже могут быть насыщены сведениями из различных областей науки, но их фундамент составляют некие метафизические построения, для которых характерны универсализм и абсолютизм, т. е. стремление все многообразие явлений подвести под единое, нередуцируемое к чему-либо другому и вечно пребывающее основание (Абсолют), а затем «вывести» из него всю многоликость преходящего, и таким образом «объяснить», или «оправдать», его.

Однако потребность в фундировании всего сущего Абсолютом (как бы его не называли: Богом, Вселенским Разумом, Мировой Волей или Материей) не равнозначна, вопреки мнению критиков метафизики, неистребимому человеческому влечению к познанию глубинной, единой и окончательной «мировой сущности». Сама эта потребность индуцируется настроениями и размышлениями экзистенциального характера. На это об-

⁶ Мельников А. Диалог религий в любой момент может перерасти в конфликт. /Режим доступа: http://religion.ng.ru/events/2008-04-02/3_dialog.html

⁷ Вполне осознаю многозначность слова «мировоззрение» и непродуктивность попыток связать с ним одно-единственное значение, являющееся «аутентичным». В этой связи позволю себе уточнить, что в дальнейшем изложении с этим словом будет ассоциироваться содержание, которое обычно именуется «картиной мира в целом и пониманием места в нем человека». Это содержание может быть представлено не только в форме философской либо теологической системы, но и в художественно-образном и афористическом повествовании. Все иные контексты употребления слова «мировоззрение» (к примеру, такие как «политическое мировоззрение» или «экономическое мировоззрение», «коммунистическое мировоззрение» или «буржуазное мировоззрение», и т.п.) более уместным было бы именовать, на мой взгляд, словом «кругозор». Допускаю также, что а) не всякий кругозор имеет мировоззренческие корни, а если и имеет, то это не всегда идет ему на пользу (например, политическому кругозору, мировоззренческая пресуппозиция которого состоит в убеждении богоизбранности некоего народа и/или его лидера, в постулате богоустановленности власти); б) далеко не каждый человек озабочен мировоззренческими вопросами: многие люди довольствуются кругозором, в котором нет места размышлениям о «мире как целом», о «природе нравственности», о «смысле жизни», и т.п., хотя они и без этих размышлений неплохо ориентируются в окружающем их природном и социальном мире, в меру нравственны и достаточно целеустремленны; (принудительное «обращение» в какую-либо мировоззренческую веру тех, кто не имеет этих качеств, и проблематично, и небезопасно).

⁸ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003, №3. – С.3.

стоятельство обращал внимание Вильгельм Дильтей, считавший «великие жизненные настроения», «чувство жизни» (такие, к примеру, как оптимизм и пессимизм) фундаментом, «подпочвой развивающихся на их основе мировоззрений», и отмечавший, что мировоззрения «не возникают в результате одной лишь воли познания»⁹. Похожий взгляд у профессора философии и истории культуры института интегральных исследований в Сан-Франциско Ричарда Тарнаса, который полагает, что в мировоззренческом выборе, помимо усилий интеллектуального характера, участвуют и такие «более разомкнутые факторы» как «воля, воображение, вера, надежда и страсть»¹⁰.

И.И.Лапшин, видный деятель русской «университетской» духовной культуры первой половины XX в., ставил весьма примечательный для нашего рассмотрения вопрос: «Почему метафизика Шопенгауэра приняла форму монистического волюнтаризма? То есть, почему Шопенгауэр признал именно волю сокровенной сущностью вещей и почему всякая множественность индивидуальностей (множественность вещей и сознаний) представляется ему лишь видимым отображением единой мировой воли?». Ответ он получает из сопоставления экзистенциального опыта Шопенгауэра с его метафизическим принципом: «Дисгармония в волевой деятельности, мучительный разлад между жаждой жизни и в то же время полной неудовлетворенностью ее содержанием — вот что было источником личной трагедии Шопенгауэра; этой трагедии он придал характер мировой трагедии». По такой же схеме Лапшин ставит «диагноз» мировоззрениям Фихте, Гегелю, Герберту, и приходит к следующему общему выводу: «Подобно тому, как художники воплощают в типы, объективируют в художественные образы лично глубоко пострадавшее и тем как бы снимают с себя бремя страданий, метафизики нередко объективируют характерные черты собственной личности в мировую сущность»¹¹.

Множественность мировоззрений и их борьба

О невозможности построения мировоззрения, «истина» которого приемлема для всех и на все времена, косвенно свидетельствует отсутствие интерперсонального аргументативного преимущества у любой из мировоззренческих позиций по таким вопросам как «является ли мир самодостаточным или он сотворен Богом?», «ограничен мир или безграничен во времени и пространстве?», «бессмертна ли душа человека или она погибает вместе с телом?», и т.п. При этом проблема не в том, что тезис доказывается неправильно, а антитезис — правильно (или наоборот), но в том, что у полемизирующих сторон не существует единого поля аргументации: те положения, которые в качестве аргументов представляются несомненно истинными для одних, не признаются в качестве таковых другими, и любая дискуссия оказывается неконструктивной. Данное обстоятельство послужило Дильтею поводом заявить: «Борьба мировоззрений между собой ни в одном основном пункте не увенчалась победой одного из них. История производит из них отбор, но великие типы их сохранили всю свою силу, недоказуемые и неразрушимые. Они не могут быть обязаны своим происхождением тому или иному доказательству, ибо никакое доказательство разрушить их не может»¹².

Употребляя слово «борьба», В.Дильтей осознавал, надо полагать, что эта борьба в истории человечества нередко оказывалась «пусковым механизмом» для политических и военных конфликтов, являлась их идеологическим сопровождением. Очевидна связь религиозных представлений и с нынешней конфликтной ситуацией на Ближнем Востоке,

⁹ Дильтей Вильгельм. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М., 1995. — С.220-225.

¹⁰ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. — С.345.

¹¹ Лапшин И. Шопенгауэр / Энциклопедический словарь. Издание Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIXA. — С.79.

¹² Дильтей Вильгельм. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М., 1995. — С.225. В этом и состоит суть той разновидности скептицизма, которую, как я полагаю, может позволить себе человечество: речь идет о сомнении в том, что только мое («наше») мировоззрение в полной мере способно направить человечество на путь Истины и Добра, наполнить высоким и непреходящим смыслом жизнь каждого человека.

Алжире, Пенджабе и т.д.¹³ Роль религиозного манипулирования для достижения и сохранения власти возрастает в нашей стране. И только религиозность как фактор «морально доброго образа мыслей» и «доброго образа жизни» (И.Кант), а не в качестве аргумента в противостоянии политических амбиций, составляет реальную и безальтернативную основу решения проблемы межконфессиональных конфликтов – одну из самых опасных угроз всему мировому сообществу. Впрочем, и другие формы мировоззрения с немалым «успехом» использовались для антигуманных целей (метафизика воли к власти – в идеологии 3-его Рейха; сращенный с диалектикой материализм – в идеологии большевизма, etc.). Поэтому желательной была бы такая ситуация в обществе, когда над политическим, юридическим и этическим дискурсами не довлеют мировоззренческие постулаты, а «аргумент к мировоззрению» не принимается в расчет в обосновании регулятивов и ценностей общецивилизационной значимости.¹⁴ Вместе с тем, столь же контрпродуктивны и призывы «покончить раз и навсегда» с верой либо, напротив, с безверием: если какое-либо из этих мировоззрений принимается личностью осознанно и добровольно, оно может позитивно повлиять на нравственное и психическое ее здоровье. К примеру, религиозное мировоззрение служит хорошим лекарством против синдрома «осатаневшей самости» (Ф.М. Достоевский), т.е. безбрежного эгоизма, цинизма и своеволия, а также средством психологической компенсации несбывшихся надежд и невосполнимых утрат личности. А безрелигиозное мировоззрение способно блокировать потенциал безграничного ее самоуничтожения и атрофию социальной активности.¹⁵

Мировоззрение и толерантность

Словом, каждый человек волен идти по жизни с понятной ему и родственной его душевной организации «искупительной истиной», и никто не должен понуждать его ни прозелитизмом, ни системой воспитания/образования к принятию какого бы то ни было «аутентичного» мировоззрения. В этом заключена суть мировоззренческой толерантности как уважительного отношения к людям с иным мировоззрением. Ее антиподом является мировоззренческая интолерантность, т.е. агрессивное отношение к людям с иным мировоззрением на основе убеждения в том, что только мое (наше) мировоззрение правильно и допустимо. В этом смысле теизм и атеизм как аргументационные системы с их интенцией «победить», «искоренить», «вытеснить», не вписываются в модель консансного социального бытия, поскольку мировоззренческий текст, «истина» которого пытается подвергнуть остракизму любые другие «искупительные истины», является актом духовного насилия. «Люди, считающие, что их вряд ли может заинтересовать вопрос о существовании Бога, не вправе осуждать людей, которые страстно верят в его существование, или людей, которые не менее страстно отрицают его. И ни те, ни другие не вправе осуждать тех, кому этот спор кажется бессмысленным»¹⁶ [14]. Безальтернативный способ коммуникации между субъектами разных мировоззрений мне представляется таким, когда её участники оказываются способными к соблюдению мировоззренческого нейтралитета и следованию принципам толерантности: ««Слышать» друг друга, и при этом обойтись «без драк на меже», с этой точки зрения, можно лишь при обоюдном допущении, что «может быть, я прав, или, может быть, ты прав, или никто из нас, или, неизвестным для нас способом, мы оба правы вместе»¹⁷.

¹³Идеологи религиозных организаций нередко интерпретируют подобного рода конфликты как «неизбежное столкновение божественных и сатанинских сил, и на этой основе культивируют фанатизм и оправдывают любую жестокость и вероломство».

¹⁴Джон Ролз, автор знаменитой теории справедливости, неслучайно стал настаивать на том, что публичное понимание социальной справедливости должно быть максимально независимо от противоборствующих философских и религиозных учений.

¹⁵Христианская религия, равно как и светский гуманизм, отмечены в истории западного общества значительным вкладом в развитие культуры и науки. Это хорошо известно. Но из этого не следует, что их позитивное влияние на современное общество сохраняет свои прежние глубину и масштаб.

¹⁶ Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм. // Логос. 2008. № 4.

¹⁷Пока же у нас иная ситуация, весьма далекая от толерантности. «На самом деле это очень сегодня распространено: наши-ваши. Кто круче – католики или православные. Или, может, раскольники. Последователи отца Александра Меня или отца Георгия Кочеткова. Все разделены на крохотные партии. Для одних Россия – икона Христа, для других – наоборот, не икона. Еще у нас ведь как принято у многих? Причастился, вышел на улицу, всех презираю, кто не воцерковился» – сокрушалась в одном из сво-

Толерантность, мировоззренческий нейтралитет могут иметь место лишь в условиях, когда у их субъектов – людей или социальных общностей с расходящимися векторами сиюминутных интересов, с антипатиями, неприязнью и т.п. – имеется общая основа, позволяющая им вступить в диалог и выявить единство в сфере долговременных интересов, фундаментальных принципов и ценностей. Не в теории, а на практике познавшее горечь мировоззренческой нетерпимости, расового, национального и социально-классового эгоизма, мировое сообщество вплотную приблизилось к «прозрению» координат общечеловеческого аксиологического пространства¹⁸. И так ли уж важно, в чем философы, культурологи и теологи усматривают их источник – в антропологическом единстве человечества, в адаптационных закономерностях эволюции социального бытия, в абсолютных теоретических интуициях, или в Слове, которое было у Бога? Важно другое: добровольное и осознанное (по Канту – основанное на понимании и самообязывании) следование «духу универсальной нормативности» (Э.Гуссерль), или кодексу человечности, составляет одно из важнейших условий выживания планетарной цивилизации. А это, в свою очередь, предполагает их способность к критико-рефлексивному отношению к себе, к обнаружению скрытых возможностей к частичной реинтерпретации своей собственной идентичности. Любое демократическое общество, увеличивая, насыщая потенциал инаковости его агентов, т.е. количество социально, этнические и психологически значимых различий, должно параллельно осуществлять упорядочение его приоритетов, в частности, решать проблему построения небольшого, но ясно очерченного пространства нравственных ценностей и норм социального бытия, совместимого с общечеловеческим. Способом ее решения может быть социально-коммуникативный дискурс, модель которого предложена Юргеном Хабермасом. Дискурс в его трактовке представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия. В дискурсивной коммуникации господствует лишь «ненасильственное принуждение» наилучшего аргумента: «В дискурсах мы пытаемся заново проинвестировать проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования»¹⁹.

В этой связи весьма опрометчивым представляется отказ мультикультурологов от идеи единства культур в пользу непреодолимых их различий, поскольку, как им представляется, конфликт цивилизаций является следствием унификационных практик западных стран и инструментом обретения глобальной гегемонии США. «Такие попытки ведут к тому, что в социальных науках и философии Различие приобретает большую ценность, чем Тождество, а политическая и правовая практика оказываются беспомощными перед лицом серьезных Вызовов, угрожающих человечеству»²⁰. Кое-кто из моих коллег, нахмутив брови, отметит: ну, вот, еще один космополит (глобалист, как ныне говорят) объявился. Ответ ему нахожу у Ричарда Рорти. Одно дело – космополитизм, «<...> согласно которому права человека годятся для европоцентристских культур, другим же лучше подходит вездесущая тайная полиция, имеющая в распоряжении подобострастных судей, профессоров и журналистов, вкупе с тюремной гвардией палачей. Альтернативой этому фальшивому и занимающемуся самообманом виду космополитизма является тот, который содержит ясный образ особого космополитического человеческого будущего:

их последних интервью Наталия Трауберг, выдающийся переводчик, член правления Библейского общества и редколлегии журнала «Иностранная литература». Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994, № 6.

¹⁸Номинально они представлены во многих международно-правовых документах и актах, а также в национальных Конституциях демократических стран. Разумеется, это единство не есть априорное, раз и навсегда предзаданное условие всепланетного человеческого бытия. Это, скорее, «задача, которую каждое новое поколение теоретиков и практиков обречено переосмысливать и решать заново, сознавая при этом, что их понимание единства и их практические действия по осуществлению этого единства не выходят за пределы их пространства и времени».

¹⁹Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. – С.66.

²⁰Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Выпуск 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.84.

образ всепланетной демократии, общества, где пытки или закрытие университета или газеты на другом конце мира будет вызывать тот же гнев, как если бы это случилось на родине. Этот будущий космополис может в неполитическом плане быть не менее культурно многообразным и гетерогенным. Но в этом утопическом будущем культурные традиции перестают влиять на политические решения. В политике будет лишь одна традиция: предотвращение попыток богатых и сильных воспользоваться преимуществами перед бедными и слабыми»²¹.

Толерантность не равнозначна «смиреной любви» (в духе заповедей Христа, учений Л. Толстого и Ф. М. Достоевского) или «принятию других, каковы они есть», как об этом нередко пишется в нашей культурологической публицистике. Субъекты мировоззренческой толерантности должны проявлять неуступчивость, а нередко и активное – в легитимных рамках – противодействие по отношению к тем, кто пропагандирует идеи и совершает деяния, несовместимые с упомянутым выше кодексом человечности (к членам расистских и ультранационалистических организаций, экстремистских религиозных сект, к фашиствующим молодчикам, коррупционерам всех рангов и мастей)²².

Мировоззренческий дискурс и мораль

Особую остроту мировоззренческий конфликт проявляет себя в противостоянии дискурса теологов и религиозных философов, с одной стороны, и нерелигиозных мыслителей (философов и ученых) – с другой, по вопросу о генезисе и природе морали. Недавно институтом философии РАН был проведен конкурс сочинений на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?». Вопрос относится к разряду закрытых, предполагающих истинность одного из альтернативных ответов. Считаю, что каждому из них уже давно дан (во многих достойных уважения вариантах) положительный либо отрицательный ответ, вполне удовлетворяющий критерию организаторов конкурса «быть «логически убедительным, психологически глубоким, теоретически и исторически основательным»²³. Но известно также, что ни один из них не получил – а я убежден, что никогда и не получит – статус общепризнанного. В этой ситуации остается одно, а именно – попытаться ответить на релевантный поставленному, но более широкий вопрос: «Сможет ли человечество уберечь нравственность (и тем сохранить себя для достаточно отдаленной перспективы), не полагаясь в решении этой задачи ни на теизм, ни на атеизм как его антипод?».

Начну с обращения внимания на публикацию, в которой представлены результаты экспериментальных исследований из области психологии морали, проведенных специалистами факультета психологии и эволюционной биологии человека Гарвардского университета. Они предлагали тест мужчинам и женщинам разного уровня образования, политических и религиозных убеждений. Каждый пункт этого теста – некое действие – им нужно было оценить по семибалльной шкале как допустимое или запрещенное с моральной точки зрения. «Результаты научных исследований свидетельствуют, что, хотя вероисповедание накладывало отпечаток на характер ответов, в группах верующих и неверующих не выявлено достоверных различий в решении моральных дилемм. Из этого ученые делают заключение, что внутренние понятия о добре и зле не зависят от следования религиозным догмам. В поддержку своего тезиса о независимом возникновении религии и морали авторы приводят в пример детские социальные отношения, в которых, безусловно, присутствуют моральные нормы, притом, что дети еще не вовлечены в религию. В качестве иллюстрации того, что решение моральных дилемм не зависит от отношения к религии, авторы приводят пример легализации эвтаназии в Нидерландах и запрета в США, несмотря на сходный уровень религиозности того и другого общества»²⁴. В

²¹ Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994, № 6. – С.24.

²²Агент социальной общности имеет право стать в оппозицию к принятым в ней целям, ценностям и принципам, полагая, что они противоречат фундаментальным правам и свободам человека. Но при этом он может добиваться внесения соответствующих изменений только путем убеждения общности в своей правоте, и только в границах правового поля.

²³ Конкурс философских сочинений 2010. / Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page48142539.htm>.

²⁴Представляется достаточно аргументированной и такая точка зрения: «Моральные установки людей, исповедующих разные религии, но живущих в одном и том же обществе, зачастую гораздо более

теоретическом плане эта точка зрения вполне может опереться на авторитетное мнение И. Канта, согласно которому «для себя самой <...> мораль отнюдь не нуждается в религии», «не нуждается ни в идее о другом существе над ним (человеком – Е.К.), чтобы познать свой долг, ни в других мотивах <...>»²⁵.

Но ведь не подлежит сомнению и другое. Во многих разновидностях религиозных дискурсов несложно найти широко признанные принципы морали: осуждение бессмысленной жестокости, вероломства, предательства, разврата, неуважительного отношения к старшим, пренебрежения родительским долгом, и т.п. Религия в процессе культурной эволюции человечества обеспечивала возможность сравнительно простого пути соблюдения этих фундаментальных норм человеческого общежития. Однако в истолковании этих норм с позиций догматов вероучения содержится немало чуждого культуре и нравственности современного («открытого», по терминологии К.Поппера) общества. К примеру, православный катехизис растолковывает верующим, что в пятой заповеди (о почитании старших) под «родителями» следует подразумевать не только отца и мать, но и всех тех, кто «заступает место родителей», т. е. «начальников гражданских» и «начальников духовных», в первую очередь царя, затем церковных пастырей и, наконец, вообще всех «начальствующих в разных отношениях»²⁶.

В атеистические времена наша страна шла по жизни «мимо» Бога. Тем не менее, в народе высоко ценились трудолюбие и профессионализм, было развито чувство коллективизма и личной ответственности; «интернационализм и братство народов», «любовь к своей стране, ее культуре», «уважительное отношение к пожилым людям», «забота о детях» и т.п. не были пустыми словами для миллионов и миллионов наших граждан. Многие ценности и принципы общечеловеческой морали нашли отражение в так называемом кодексе строителя коммунизма. Но и они были деформированы идеологией большевизма. Достаточно напомнить о ленинском тезисе выводимости нравственности из интересов классовой борьбы пролетариата²⁷. Туниковый вариант «морали без Бога» мы находим в дискурсе Ф.Ницше. Идеал всеобщей и единой морали должен быть отброшен. В христианской морали, или морали «рабов», Ницше усматривал выражение мстительности (воплощенного, по его убеждению, в демократическом и социалистическом движениях). Те же, кто способен стать «по ту сторону» навязываемого обществом понимания добра и зла, являются носителями «высшего нравственного закона», о котором, как я полагаю, его провозвестник не сумел поведать нам что-либо определенное.

Складывается впечатление, что тезис, согласно которому мораль возможна только на некой «избранной» мировоззренческой основе, защищается и пропагандируется идеологами, чьи «симпатии» связаны с ценностями тоталитарного общества. Между тем, ни падение авторитета мировых религий, ни распад тоталитарных режимов не привели, в общем и целом, к ее девальвации. Всечеловечность ее принципов, и не только как эмпирический факт, но и как осознанно принимаемый императив, следование которому уже в не столь отдаленной перспективе составит одно из важнейших условий выживания человечества (все еще предельно разобщенного), едва ли оспорима. Ее основу составляет «золотое правило нравственности», т.е. правило практического этоса «поступать по отноше-

---

похожи, нежели установки людей одной религии, но из разных обществ» (Религия и мораль. / Режим доступа: <http://lex-kravetski.livejournal.com/8239.html>).

²⁵Кант полагает также, что «поскольку человеческой способности недостаточно для того чтобы привести счастье в мире в полное согласие с достоинством быть счастливым, необходимо признать всемогущее моральное существо как владыку мира <...>, т.е. мораль неизбежно ведет к религии». Признание необходимости «всемогущего морального существа» связано у Канта не с природой морали, а с эмпирическими факторами: несовершенством того общества, в котором нравственность и счастье довольно часто не прописаны по одному и тому же адресу. И только промысел божий, по его убеждению, может быть в этих условиях гарантом «самого строгого соблюдения морального закона» 4, с.82-83].

²⁶ Святитель Филарет (Дроздов). Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. / Режим доступа:

http://azbyka.ru/dictionary/10/drozдов_katehizis_1g_14_all.shtml#002.

²⁷ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. / Режим доступа: <http://transformations.russian-literature.com/node/>.

нию к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе» (вариант: «не делать другим того, чего не желаешь себе»). И.Кант воспринял эту максиму как выражение убеждения, присущего здравомыслящему человеку независимо от его происхождения, положения, вероисповедания, и представил его в форме категорического императива. Для мирового сообщества, прошедшего после Канта через ужасы многих революций, региональных и мировых войн, поставленного ныне перед лицом глобальных финансово-экономических и экологических проблем, невиданного по своему масштабу всплеска терроризма на религиозно-этнической основе, категоричность этого требования уже не кажется столь гипертрофированной, а его содержание – формалистичным, как это представлялось многочисленным критикам этики долга.

Мировоззренческий дискурс и смысл жизни

Если принять тезис о факультативности мировоззренческой ангажированности морали, то появляется возможность конструктивного обсуждения не менее важного вопроса о смысложизненной «вертикали» личности. Этот вопрос, полагал С.Л.Франк, «<...> волнует и мучает в глубине души каждого человека. Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхличные страсти и «дела» — в политику, борьбу партий и т.п., — но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек <...>». Но этот вопрос (как полагали, впрочем, и другие религиозные мыслители), категорически неразрешим вне контекста религиозного мировоззрения. «Для того чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия: существование Бога и наша собственная причастность Ему, достижимость для нас жизни в Боге, или божественной жизни. Необходимо, прежде всего, чтобы, несмотря на всю бессмысленность мировой жизни, существовало общее условие ее осмысленности, чтобы последней, высшей и абсолютной основой ее был не слепой случай, не мутный, все на миг выбрасывающий наружу и все опять поглощающий хаотический поток времени, не тьма неведения, а Бог, как вечная твердыня, вечная жизнь, абсолютное благо и всеобъемлющий свет разума»²⁸. Несомненно, мы имеем хорошо продуманное в метафизическом плане решение проблемы смысла жизни. Есть только одно «но»: непосредственный, или прямой, адресат этого решения – человек традиционного общества. Современное западное общество основывается на идеалах креативной деятельности, творческой активности суверенной личности с развитой рефлексивностью ее сознания, ориентацией на критерии доказательности мышления, десакрализацией окружающей природы и космоса²⁹, что мало совместимо с культурой и менталитетом традиционного общества. Принимая религиозное мировоззрение и имплицитно решая им проблемы смысла жизни, искренне верующий человек склонен выносить «за скобки» жизненное пространство современного социума, рискуя оказаться в нем «посторонним», а то и вовсе в оппозиции к нему.

Безрелигиозное мировоззрение в решении проблемы смысла жизни менее взыскательно, но более реалистично и не менее гуманно. Во всяком случае, оно совсем не обязательно должно быть пессимистичным. Смысл жизни состоит в способе ее проживания, в практическом решении личностью вопросов «К чему стремиться?» и «Как этого достигнуть (какими средствами)?», исходя из реальных возможностей и не полагаясь на промысел божий. А это означает, что жизнь у людей складывается по-разному, поскольку нет универсальных рецептов ее «обустраивания». Однако любой человек — при желании и наличии воли — может обрести смысл своей жизни в том, что он дает людям (созидательным трудом, творчеством), что он берет от мира (радость общения в кругу семьи и с друзьями, с природой и искусством); наконец, в мужестве и человеческом достоинстве, с которыми он переносит тяготы жизни и удары судьбы³⁰. Для многих людей такой *modus vivendi* не обязательно предполагает молитвенное служение, паломничество по святым

²⁸ Франк Семен. Смысл жизни. / Режим доступа: <http://www.ref.by/refs/90/39253/1.html>.

²⁹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации. / Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/Stepin51.htm>.

³⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. – С.164-165, 173-174.

местам и ожидание грядущего пришествия Христа, хотя и их жизнь преисполнена достоинством и благодетством.

* * *

Подведу итоги. У человечества никогда не иссякнет потребность в «искупительной истине» – постижении мерцающих неопределенностью предельных оснований вечно пребывающего мира и непреходящего смысла нашей скоротечной жизни в нем. Кто-то надеется получить «искупление» верой в единого Бога (Христа, Аллаха, Яхве), другим уютнее прожить свою жизнь в секуляризованном мире научного материализма, третьи тяготеют к многокрасочному миру языческого многобожия, и.т.д. Ничего предсудительного не вижу и в том, что на разных этапах своей жизни человек обретает духовную опору в разных «искупительных истинах»³¹. При этом, как я полагаю, неизменным условием непреходящей позитивной значимости жизни любого человека является следование понятным и доступным каждому гуманистическим ценностям и принципам морали. «Будь таким, каким ты сам себя взрастишь в твоем свободном самоопределении. Но общезначимые ценности остаются непреложными. Они нуждаются в защите и поддержке, в том числе и твоей. Ты свободен во всем остальном, но за общезначимые ценности ты в ответе»³². А избавиться хотелось бы от любой формы принуждения к принятию какой-либо из мировоззренческих доктрин – в качестве «единственно верной», и навязывания на этой основе всему обществу её ценностей и регулятивных принципов – в качестве институциональных.

Список литературы

1. Борисова Елена. Христианство – это очень неудобно. «Эксперт» №19(657) / мая 2009. / Режим доступа: <http://www.expert.ru/printissues/expert>.
2. Гёте И.В. Избранные философские произведения. М., 1964. / Режим доступа: http://society.polbu.ru/radugin_philohrest/cho7_i.html.
3. Дильтей Вильгельм. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М., 1995.
4. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
5. Конкурс философских сочинений 2010. / Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page48142539.htm>.
6. Лапшин И. Шопенгауэр /Энциклопедический словарь. Издание Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIXA.
7. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. / Режим доступа: <http://transformations.russian-literature.com/node/>.
8. Маркина Н. Мораль легко отделима от религии. / Режим доступа: http://www.infox.ru/science/human/2010/02/05/Religia_moral.phtml.
9. Мельников А. Диалог религий в любой момент может перерасти в конфликт. /Режим доступа: http://religion.ng.ru/events/2008-04-02/3_dialog.html
10. Мунтян Михаил. Политика и религия. / Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=380190>.
11. Панич Алексей. О пользе и вреде скептицизма для философии. / Режим доступа: <http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php>.
11. Панич Алексей. О пользе и вреде скептицизма для философии. / Режим доступа: <http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php>
12. Познанский Д. Цивилизационная несовместимость // Политический журнал. 2008. №4 (181). 11 марта.
13. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998.
14. Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм. // Логос. 2008. № 4.
15. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003, №3.
16. Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994, № 6.

³¹И.В.Гете увязывал мировоззрение человека с особенностями жизненного опыта личности, в силу которых юноша из наивного реалиста превращается в идеалиста, у мужчины все основания стать скептиком, а старик всегда должен будет тяготеть к мистицизму.

³² Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998.

17. Святитель Филарет (Дроздов). Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. / Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/10/drozдов_katehizis_1g_14_all.shtml#002.

18. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации. / Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/Stepin51.htm>.

19. Столович Л.Н. Теологический агностицизм в диалоге с религией и атеизмом. / Режим доступа: http://www.atheism.ru/library/Stolovich_1.phtml.

20. Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995.

21. Франк Семен. Смысл жизни. / Режим доступа: <http://www.ref.by/refs/90/39253/1.html>.

22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

23. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000.

24. Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Выпуск 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

25. Rawls J. Gerechtigkeit als Fairneß: politisch und nicht metaphysisch// Kommunitarismus: Eine Debatte über die moralischen Grundlage moderner Gesellschaften. Frankfurt-am-Main, Campus Verlag, 1993.

WORLDVIEW DISCOURSE: TERRITORY FOR CONFLICTS?

E.A. KROTKOV

*Belgorod National
Research University*

The article discusses the potentials for creation a newer and more adequate to the current situation socio-psychological attitude in the communication between agents of belief and unbelief. The issue is observed in the context of emerging conflicts in the field of worldview discourses.

Key words: worldview discourse, pluralism, conflict, neutrality, tolerance.

УДК 130.2

ТОЛСТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОПЫТ НЕПРОТИВЛЕНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ¹

Е.Д. МЕЛЕШКО
А.Ю. КАШИРИН

*Тульский государственный
педагогический универси-
тет им. Л.Н. Толстого*

В статье рассмотрен уникальный опыт толстовского движения, имеющий историческую и национальную ценность. Рассмотрены основные моральные ценности и установки мировоззрения толстовцев, показано толстовство как мировоззрение и общественное движение, рассмотрено действие принципа непротивления как мотивация хозяйственной деятельности и основание толерантных политических и межличностных отношений.

Ключевые слова: толерантность, непротивление, толстовство.

Понятие толстовского движения: Толстовство – организованное общественное движение в России во II половине XIX столетия, объединяющее людей самых различных национальностей, социальных слоев и вероисповеданий, которые совершили уникальный социально- исторический и духовно-нравственный эксперимент. В то же самое время толстовское движение в истории России – это своеобразный социально-нравственный феномен, имеющий ярко выраженный исторический и национальный колорит. В нем определилось одно из направлений русской духовной реформации, выразившей «внутренний ход русской революции»,² в значительной степени подготовившей, в силу настроений протестантского характера, «кадры отрицателей» (С. Франк) государственной и церковной власти.

Толстовство как мировоззрение: Толстовство – система духовно-нравственных ценностей, сформированных на основе религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого. Необходимо отметить, что система ценностей толстовского движения претерпела значительные изменения, особенно в периоды «второй» и «третьей» волны развития толстовства (1913-1930 гг.), когда формируется пост-толстовская философия духовно-монистического понимания мира П. П. Николаева.³

Отношение к земледельческому труду как моральная ценность: Уникальность социального и духовного опыта толстовцев состоит в признании ими главным мировоззренческим принципом хозяйствования – представлении о земледельческом труде как о главной составляющей человеческого образа жизни, являющегося единственным источником сохранения в человеке как в разумном существе живого одухотворенного начала. Земледельческий труд является «самым естественным и разумным для существования человека»⁴ (курсив мой – Е.М.), что основывалось на крестьянском здравом смысле с его представлениями о природных и естественных основаниях труда: «Ведь если здраво рассудить, пишет в своих воспоминаниях Я.Д. Драгуновский, – «то мы живем только трудом; а, кто живет и не трудится, тот должен знать, что кто-то трудится через силу. *Природа создала закон жизни и создала закон труда* (курсив мой – Е.М.); стало быть, кто не трудится, тот преступник закона, тот преступник природы. Такой закон годится для каждого человека, живущего на планете Земля...».⁵

¹ Публикация выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170)

² См.: Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины М.: Правда, 1991. – С. 251.

³ Философский труд П. Николаева «Духовно-монистическое понимание мира» есть попытка вслед за книгой, составленной В. Ф. Булгаковым, не столько *изложить*¹², сколько *развить* идеи религиозно-нравственного учения Толстого, представив его как *этико-философское направление* в истории русской философской и общественной мысли. Толстовское движение рассматривается, как уникальный социально-нравственный опыт, не только апробирующий, но и развивающий метафизические и этические идеи великого мыслителя.

⁴ Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы. Книга. 1989 г. – С. 415.

⁵ Там же. – С. 385.

Природный и естественный закон, как закон *естественных условий* жизни человека не приемлет каких – либо форм насилия. Этот принцип проявлялся в характере труда коммунаров. Приводя известное высказывание В.И. Ленина о характере коммунистического труда, толстовцы в своих воспоминаниях подчеркивают: «за долгие годы жизни в коммуне мы познали возможность и радость такого труда; теперь этого нас лишали насильно. И как это ни странно, эта привычка к коммунистическому труду перешла... в, казалось бы совсем неподходящее место – в заключение, в лагеря, где труд – под штыком». ⁶ Свободный труд рождал творческие идеи и задумки. В коммунарах все больше проявлялось стремления к творческому труду, было много изобретений, связанных, например, с оросительной системой при ручном земледелии, проведением водопровода и др. Человек призван не к насилию над землей, животными, природой для своего блага, например, в целях повышения результативности урожая и т. д., а, напротив, своим присутствием и трудом *способствовать становлению живого: помогать* земле, растениям в их проявлении *жизни*. Характерно в этом плане высказывание одного из коммунаров: «Как приятно и радостно наблюдать за посевами, изучать жизнь растений, когда надо помогать растению. И физически и духовно весьходишь, углубляешься в радостное дело». ⁷ «*Радостное дело труда*», связанное с ощущением *единения с живым – землей, природой*, посредством любви, представляет собой в опыте толстовства *проявления принципа непротивления* по отношению к живой природе.

Опыт жизни в толстовских коммунах в условиях свободного земледельческого труда, принципиально осознаваемого как средство *благоговейного отношения к живому*, способствует утверждению действительно нравственных отношений и ценностей. Эта цельность и *естественность отношений* между людьми не может быть запрограммированной или целенаправленной. Поэтому, по мнению толстовцев, «никаких программ построения форм жизни у нас наперед не было. Все складывалось само, так как это вытекало из наполнявших душу убеждений. Все было настоящее, не надуманное». ⁸

Практическое осуществление идей Л.Н. Толстого было главным *духовным фактором* объединения людей в толстовские земледельческие коммуны. Коммунары исповедовали терпимость и заботу в отношении друг с другом; им было присуще особое жизненное мироощущение свободы, полноты жизни и счастья, которое пронизывало все стороны бытия коммунаров: «Но какое же это счастье, – пишет в своих воспоминаниях один из коммунаров – толстовцев, – «жить во – всю!» Какую полноту жизни создавала «жизнь во – всю», то есть никого не давить и ни перед кем не пресмыкаться, говорить открыто правду и поступать так, как хочешь, с тем только непременным условием, чтобы не повредить другому; жить радостно, без озлобления и без малейшего страха. Мы испытали это не только каждый в отдельности, но и всем обществом. Не потому ли уже десятки лет спустя, это время, прожитое в коммуне, вспоминается как лучшее, незабываемое время жизни». ⁹ Это чувство радости жизни осталось у коммунаров на всю жизнь. О неистребимости этого чувства свидетельствует также и признание толстовца Д.Е. Моргачева, прошедшего тяжелые испытания в тюрьмах Гулага: «Я и сейчас бы, не раздумывая, оставил бы все и свой обеспеченный, спокойный угол и пошел бы в неизвестность на труды и лишения, лишь бы участвовать в строительстве такой коммуны, какая была моим стремлением всю жизнь, и к старости еще более укрепилось мнение, что путь этот правильный, достойный разумных людей». ¹⁰ Ненасильственное отношение ко всему живому обусловило и образ жизни толстовцев-коммунаров: они были строгими вегетарианцами, не употребляли табака, спиртных напитков, не ругались. В толстовских коммунах не было замков, двери были открыты любому человеку, питание общее и бесплатное. Интересным и заслуживающим внимание является тот факт, что коммунарам было совершенно не присуще чувство собственности. Складывалось это не сразу, в процессе жизни в коммуне: «Люди за долгие годы жизни в коммуне отвыкли от таких понятий как «мой дом», «моя корова», и т.д.; все было «наше» Люди уже сильно впитали в себя коммунистиче-

⁶ Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы. Книга. 1989 г. – С. 195.

⁷ Там же. – С. 405.

⁸ Там же. – С. 205.

⁹ Там же. – С. 154.

¹⁰ Там же. – С. 306.

ские, не частнособственнические чувства, люди привыкли работать не по найму, не за зарплату, а по сознательному отношению к труду, как необходимому и радостному условию человеческой жизни».¹¹

Эта связь проявлялась, например, в хозяйственной жизни: ведь труд домашних животных не использовался: «Как хорошо работать без помощи животных. Чувствуешь, что освободил невинное животное, освободился, и сам от mnogой обузы по уходу за скотом. Когда работаешь на лошади, то часто приходится сердиться, нервничать и бить палкой или кнутом иногда по худым ребрам обессиленное животное, что недостойно звания вегетарианца и вообще недостойно звания доброго, разумного человека».¹² «Что же после этого мы, вегетарианцы, толстовцы представляем из себя? Мы не едим мяса из-за сострадания и любви к животным, считаем их своими друзьями и тут же на работе так жестоко бьем своих друзей палками и замучиваем до смерти».¹³

Радостное мироощущение, несомненно, было связано с особенностью трудовой деятельности толстовцев – деятельности свободного, без эксплуатации и принуждения: «Мы счастливы тем, – признаются они в своих воспоминаниях, – что узнали радость труда не по найму, не из расчета, а вольного, радостного труда, который дает возможность самостоятельно принимать решения и жить, руководствуясь своим разумом и своей совестью, согласно сил и требований души».¹⁴

Таким образом, главным условием земледельческого труда, его духовной установкой было работать честно, без ожесточения, а с *любовью* и желанием, с убеждением, что физическая работа не только приносит пользу другим, но и оздоровительна для тела и ума, что физический труд – это – необходимое условие, закон природы для каждого человека.¹⁵

Такое отношение к труду имело впечатляющие результаты: достаточно сказать, что в 30-х годах, когда уже началось активное притеснение толстовских коммун со стороны правительственных органов, коммунары добивались результатов, участвовали в выставках, различного рода соревнованиях по результатам сельскохозяйственного труда. Однако, несмотря на то, что трудовые достижения толстовцев имели выдающиеся результаты и коммунары неоднократно получали высшие оценки за свою продукцию, их достижения официально игнорировались: премий и наград им не вручали.¹⁶

В коммунах по идейным убеждениям в 30-х годах была создана так называемая артель «ручников»,¹⁷ которые «не хотели эксплуатировать труд животных, как рабочей силы, а также пользоваться молочным скотом, считая, что молоко принадлежит детенышам коровы, а лошадь должна быть свободна».¹⁸ Ручники были строгими вегетарианцами, даже не носили шерстяных и кожаных изделий. Они обрабатывали землю вручную с помощью мотыги и лопаты, но были даже такие представители этого идейного направления, которые считали невозможным пользоваться даже элементарными орудиями труда. Поэтому «толстовская любовь и преклонение перед землей у многих выражалась в том, что они не копали землю лопатой, а перетирали руками, считая, что железо оскорбляет землю. Земля, первоначально тяжелая, после их рук становилась как пух».¹⁹ С точки зрения толстовцев такая форма труда наиболее полно выражает толстовский принцип понимания *живого, жизни*, а, следовательно, и принцип отношения к труду: ведь, согласно Толстому, – земледельческий труд выражает *физиологическую* потребность человеческого организма. Поэтому «ручное земледелие в наш машинный век кажется нера-

¹¹ Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы. Книга. 1989 г. – С. 194.

¹² Там же. – С. 406.

¹³ Там же. – С. 406.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 383.

¹⁶ Там же. – С. 140.

¹⁷ Группа ручников была, например, в коммуне «Жизнь и труд». В нее входили Е. Безутлый, Я.Д. Драгуновский, П.П. Горячев, братья Катрухи, В.А. Кудрявцев, И. Лукьянов, Е.И. Попов, братья Тюрк и др. Там же. – С. 284.

¹⁸ Там же. – С. 284.

¹⁹ Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996. – С. 18.

зумным и даже диким, а на самом деле, если разобраться глубже, – и разумно, и нравственно, честно и благородно».²⁰

Результаты ручного земледелия были впечатляющие: ручники обрабатывали в среднем по 5-7 соток зерновых и овощных культур (если учитывать земельные неудобья, которые выделялись для толстовских коммун государством), и получали от 8-10 пудов пшеницы с каждой сотки, поэтому, кроме нужд пропитания, ручники имели еще и излишки продукции. В то же самое время опыт показал, что ручное земледелие все-таки рассчитано на незначительные излишки, следовательно, в условиях государственного социализма, учитывающего, прежде всего, экономическую результативность труда, этот вид земледелия считался продуктивно невыгодным. По мнению крестьян-толстовцев государственного социализма, с его принципом равного распределения и механического экономизма в отношении оценки труда, его специфики не выдерживал критики: «на одного рабочего приходится несколько сот иждивенцев, протягивающих руки за хлебом, овощами, фруктами, мясом, молоком, яйцами».

В то же самое время механически – экономический подход к крестьянскому труду, стремление *уравнять* всех даже в труде, подчинить решениям государственных органов, имело отношение и к толстовцам, внедряющим в крестьянское хозяйство идеи ручного земледелия. В условиях государственного экономического социализма, даже тогда, когда страна остро нуждалась в продуктах питания, государственные чиновники стремились задавить инакомыслящих в хозяйственной деятельности крестьян непосильными сельскохозяйственными государственными планами. Ручное земледелие в этих условиях оказалось невостребованным и *не возможным в принципе*, ведь «ручное земледелие возможно, когда каждый человек несет сам несет свою долю крестьянского труда». Все эти обстоятельства вызвали недоумение и протест толстовцев, искренне поверивших в идеи социализма. Сохранились документы о предложениях толстовцев по экономической и правовой реорганизации сельского хозяйства; о введении единого сельхозналога с ценности земли, который бы мог снять социальное неравенство по отношению к потреблению продуктов труда и повысить результативность труда крестьянина.²¹

Хотя коммуны и создавались на неудобьях, на «голом месте», постепенно, благодаря энтузиазму, инициативе, беззаветному труду коммунаров, превращались в крепкие хозяйства. Продукция коммун имела неограниченный спрос, ведь, в основном, хозяйства коммунаров производили и продавали молочные продукты, яйца, овощи и фрукты очень высокого качества. Характерной чертой земледельческого труда в толстовских земледельческих коммунах было *окультуривание земли*. Так, кроме овощеводства и огородничества, толстовцы, высаживали плодовые деревья, старались придавать земле, на которой они трудились, а это была, в основном, земля не пригодная к земледельческому труду, так называемые неудобья: (болота, склоны гор, тайга) благородный культурный вид: «был посажен большой плодовый сад и все обсажено декоративными деревьями в несколько рядов. Через 7-8 лет многим не верилось, как голое место превратилось в цветущий участок... В 1962 году, через тридцать один год, я поехал на родину и походил по тем местам, где я с друзьями строил коммуны. Дикая поросль по рядам, где были плодовые деревья. Наверное, и сейчас там так».²²

Большое духовное влияние на деятельность общин, а также на создание этих общин оказывали духовные лидеры толстовского движения, единомышленники и сподвижники Л.Н. Толстого: В.Г. Чертков, И.И. Горбунов-Посадов, Н.Н. Гусев, и др., которые возглавляли и руководили толстовскими пропагандистскими и просветительскими Центрами в столичных городах и в провинции. Они содействовали коммунарам не только духовно и морально, но и политически, при возникновении конфликтов с местными властями, благодаря поддержке крупных государственных деятелей, в том числе и советских.²³

Сознательность и разумность, здравый смысл как главные *добродетели* толстовского учения, были руководящими факторами в формировании моральных качеств тол-

²⁰ Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996. – С. 285.

²¹ Там же. – С. 384.

²² Там же. – С. 304.

²³ Так было выхлопотано разрешение о переселении толстовских коммун в Сибирь в 1931 году.

стовцев. В их общем стремлении «быть членом мирного общества, устраивающего жизнь на разумных, сознательных началах... разумно руководить своими поступками и своим трудом»,²⁴ основывался протест против всякого насилия и угнетения личности. Насилие понимается в этой связи как «грубый эгоизм, разделяющий людей на своих и чужих. Насилие – это грубое и низшее желание земного блага только себе, только своей низшей, неразумной, иллюзорной природе; желание земных благ низшей, неразумной и иллюзорной природе людей своего круга, своего государства». Отсюда нежелание «ни индивидуально, ни организованно... поддерживать своим сознанием и своим трудом насильственные организации»²⁵.

В процессе жизни опыт общения сводился к тому, что отступление от нравственных норм и правил делает жизнь в коммуне *неестественной и невозможной*. Это касалось и проблем, связанных с чувством собственности, с материальным достатком, возникшим в коммунах в связи трудовыми достижениями коммунаров, с отношением коммунаров к труду. В коммунах оставались только те люди, которые выдерживали трудовые и нравственные принципы общинной жизни, причем эти принципы были прочными и неизменными мировоззренческими и нравственными убеждениями.

С другой стороны, сам факт самостоятельного существования коммун доказывал возможность негосударственной формы организации хозяйства. Пример крестьянского земледельческого социализма не укладывался в общую концепцию государственной коллективизации, тем более что коммунары, исходя из позиций принципиального ненасилия отказывались платить государственные налоги, нести воинскую повинность, выполнять хозяйственные наряды, связанные с обеспечением армии.

Нравственный максимализм, верность принципам своей совести толстовцы пронесли через всю свою жизнь. Даже в лагерях, в адских условиях невыносимого труда, голода и издевательств они жертвенно были верны идеалам добра, человечности, воспринятых ими в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого.

Выраженность национальных черт и потребностей в опыте толстовских земледельческих коммун проявляется в негласном соревновании с системой государственного социализма, который создает коллективные хозяйства посредством насильственного «механического» объединения людей, «механически» справедливого (С.Л. Франк) распределения собственности и фактически подневольного труда. Толстовские земледельческие коммуны по результативности и культуре труда, качеству продуктов превосходят коллективные хозяйства. Уклад и образ жизни коммунаров показывают *иные возможности и иное социальное и нравственное устройство жизни*. Все это было одной из причин насильственного устранения толстовских земледельческих коммун, расстрела и арестов толстовцев.

Толстовские земледельческие коммуны создавались «изнутри», по собственной инициативе и желанию людей, по *принципу той «естественной» самоорганизации* в общины, о которой писал великий мыслитель. Принцип непротивления в этом смысле ориентирует на свободное волеизъявление в труде, образе и укладе жизни, в мировоззрении. «Этическое правосознание» регламентирует управление социальными и нравственными процессами внутри общины.

В то же самое время опыт толстовских земледельческих коммун показал, что земледельческая коммуна как социальное и культурное объединение может функционировать только в том случае, если *социальный состав коммун имеет неоднородный характер*: он объединяет в себе и крестьян – земледельцев и интеллигенцию. Неудачи первых толстовских коммун заключались в том, что они состояли, в основном из интеллигенции, не привыкшей и не готовой к физическому и земледельческому труду. Опыт толстовских земледельческих коммун показал возможность *продуктивного сосуществования* этих различных социальных слоев в условиях общины. Этим объясняется высокий духовный и культурный уровень крестьян – толстовцев, их стремление быть открытыми к людям с другим мировоззрением, с другой жизненной ориентацией и т.д.

²⁴ Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996. – С. 412.

²⁵ Там же. – С. 413.

Толстовские земледельческие коммуны, своей духовной и практической деятельностью показали *возможность сосуществования толстовских земледельческих коммун с лояльной государственной системой*. В то же самое время опыт толстовских земледельческих коммун доказал, что в этих условиях необходимо происходит *процесс перерастания непротивления в ненасилие*. Это проявилось в тактике толстовских земледельческих коммун: в их *компромиссной политике* по отношению к советской государственной системе.

Выводы:

1. Толстовские земледельческие коммуны – *уникальный социальный, исторический и духовно-нравственный опыт*, который на основе религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого, продемонстрировал действенность принципа непротивления во всех сферах человеческой жизни: хозяйственной, социальной и нравственной. Теократическая модель социализма Л.Н. Толстого, центральной осью которого был принцип непротивления, не стала социальной утопией. Напротив, толстовский религиозный социализм, выразивший глубинные национальные потребности в целостной однородности социального устройства, в единении всего живого, как условия жизни; нравственного, а значит мирного сосуществования со всеми людьми и со всеми живыми существами, получил *свое действительное проявление в толстовских земледельческих коммунах*, которые просуществовали достаточно долго и продуктивно, как *безгосударственные социальные объединения*, юридически зарегистрированные и имеющие право хозяйственной деятельности в государственном пространстве.

2. Толстовство сформировало особый тип хозяйственной этики, определяющей структуру и формы хозяйствования, характер собственности и способы регуляции хозяйственной деятельностью. Этика, моральные ценности имеют в этой системе институциональный характер, определяя приоритеты, структуру и принципы хозяйствования, а попытка институционализации морали в опыте толстовства приводит к проявлению особого статуса морального закона как *своеобразного естественного права*. Хозяйственная этика в опыте толстовства представляет собой *попытку институционального закрепления морали* в хозяйственной и экономической деятельности, выступает как *опыт* по созданию *института социальной этики*.

3. Представления толстовцев о собственности в условиях сосуществования с государственной властью имеют сходство с философией собственности евразийства. Социальный и хозяйственный опыт толстовских земледельческих общин представлен как *своеобразное сочетание практики экологического окультуривания земли и опыта совершенствования духовности, нравственных и культурных ценностей*.

4. Опыт неделания толстовцев приводит к видоизменению непротивления и к формированию ориентации толстовского движения на ненасилие как организованного, компромиссного сосуществования с государственной властью в рамках правового пространства. Толстовские сельскохозяйственные коммуны представляли собой своеобразные институты социальной этики, впервые осуществившие *социальный эксперимент внедрения гуманистических начал и нравственных норм в организацию, управление и структуру хозяйства*.

5. Опыт толстовских земледельческих коммун показывает неразрывность принципа непротивления и ненасилия, как *многообразия возможностей проявлений свободы, свободы совести* в государственном, правовом и нравственном пространстве. Процесс перехода в духовном и практическом опыте коммунаров можно обозначить: непротивление (как становление и развитие личных убеждений и принципов) – ненасилие (как способ проявления мировоззрения и образа жизни в правовом и государственном пространстве) – непротивление (как способ существования и в условиях насилия: тюрьмах и ГУЛАГАХ). Это так называемый принцип «*экстархизма*», которым руководствовались толстовцы по отношению к государственной власти.²⁶

²⁶ Характерно, что и принцип экстархизма (мирного сосуществования с государственной властью согласно своим убеждениям) в отношении к государственной власти мог возникнуть только под влиянием философии хозяйства Толстого и онтологических принципов философии духовно-монистического миропонимания П. П. Николаева, корни которых в традициях русской религиозной философии.

6. Опыт неделания толстовцев приводит к видоизменению непротivления и к формированию ориентации толстовского движения на ненасилие как организованного, компромиссного сосуществования с государственной властью в рамках правового пространства. Толстовские сельскохозяйственные коммуны представляли собой своеобразные институты социальной этики, впервые осуществившие *социальный эксперимент внедрения гуманистических начал и нравственных норм в организацию, управление и структуру хозяйства*.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины М.: Правда, 1991
2. Булгаков С.Н. Человекобог и человекозверь // Соч. В 2-х т. М.: Наука, 1993
3. Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996 г.
4. Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы М., Книга. 1989 г
5. Каширин А.Ю. Философия толстовства: идея духовно-монистического миропонимания // Этическая мысль: Ежегодник. М., 2001. (В соавт. с Е. Д. Мелешко)
6. Каширин А.Ю. Социально-нравственная деятельность толстовских общественных организаций // Человек в социальном мире. Вып. 2, 2001. № 6. С. 73-76.
7. Мелешко Е.Д. Толстовские земледельческие коммуны // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки. М.: Аслан, 1996 г.
8. Мелешко Е.Д. Толстовство как социально-этический феномен // Л.Н. Толстой и традиции ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума) М.: «Аслан», 1996 г.\
9. Николаев П. П. «Духовно-монистическое понимание мира. М., 1914
10. Николаев П. П. «Понятие о Боге как Совершенной основе жизни (Духовно-монистическое мировоззрение. Т. 1 и 2. Женева, 1915-1916
11. Поповский М.А. Русские мужики рассказывают. Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе. 1918–1977. Лондон, 1983.
12. Memoirs of Peasants Tolstoyans in Soviet Russia. Translated, edited, and with an introduction by William Edgerton. Indiana University Press.: 1993

TOLSTOYAN MOVEMENT: EXPERIENCE OF NON-RESISTANCE AND TOLERANCE

E.D. MELESHKO
A.N. KASHIRIN

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

The paper observes the unique experience of the Tolstoyan movement which has its significant historical and national value. The authors discuss moral values and worldview attitudes of Tolstoyans, describe Tolstoyan conception as a worldview and social movement, observe the principle of non-resistance as a motive for economics and tolerant political and interpersonal relations.

Key words: tolerance, non-resistance, Tolstoyan movement.

МОРАЛЬНЫЙ РЕСЕНТИМЕНТ КАК СИМПТОМ СОВРЕМЕННОЙ КВАЗИТОЛЕРАНТНОСТИ¹

В.Н. НАЗАРОВ

*Тульский государственный
педагогический универси-
тет им. Л.Н. Толстого*

В статье рассмотрен аспект влияния ресентимента на возникновение моральных основ идеи толерантности.

Ключевые слова: толерантность, мораль, ресентимент.

Одним из действенных психологических импульсов, позволяющих конкретизировать и адекватно оценить мотивы того или иного поступка, является ресентимент, сыгравший, как показал Ф. Ницше, ключевую роль в генеалогии морали и структурировании моральных ценностей. Ресентимент – французское слово, не имеющее равноценного аналога в других европейских языках; на русский язык условно его можно перевести как повторное переживание определенной эмоции, как «после-чувствование» или «вновь-чувствование». Речь идет об интенсивном переживании и последующем воспроизведении определенной эмоциональной ответной реакции на поступки другого человека, в силу чего сама эмоция перестает быть непосредственной реакцией-стимулом, а превращается в некое пролонгированное, затаенное негативное (враждебное) чувство. Согласно Макс Шелеру, это долговременная психическая установка, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, – запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам².

Внешним выражением ценностной иллюзии ресентимента является сдержанная терпимость, принятие и признание права другого лица быть источником негативных эмоций. Такое неестественное состояние видимой терпимости и лояльности между негативно и конфликтно настроенными друг против друга лицами можно назвать квазитолерантностью современного гражданского общества.

К числу основных душевных движений и аффектов, служащих пищей для ресентимента, Шелер относит, прежде всего, импульсы *мести, ненависти, злобы, зависти, враждебности, коварства*. Важнейшим исходным пунктом в образовании ресентимента является импульс мести. Однако необходимо иметь в виду, что сама по себе жажда мести есть всего лишь материал для ресентимента. Месть вступает в процесс ресентимента только в том случае, если субъект, на который она бывает направлена, остается *не отмщенным* или *не прощенным*, то есть если не происходит нравственного преодоления мести (искреннего прощения, подлинного примирения с обидчиком и т.п.) или соответствующих действий отмщения (оскорбления, физического насилия, лишения жизни). В этом случае к мести примешивается чувство неудовлетворенности от невозможности по тем или иным причинам совершить акт прощения или отмщения, сопровождаемое сознанием *собственного бессилия*. «Мститель, чувством подвигнутый на действие и мстящий; ненавистник, наносящий вред противнику, осыпаящий его руганью при других или хотя бы высказывающий ему «свое мнение»; завистник, пытающийся получить то, чему он завидует путем работы или преступления, – все они не впадают в ресентимент, – замечает Макс Шелер. – Только там существуют условия для его возникновения, где особая сила этих аффектов идет рука об руку с чувством бессилия от невозможности претворить

¹ Публикация выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170)

² См.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. – С. 13.

их в поступки, – из-за физической или духовной слабости, из страха и трепета перед тем, на кого направлены аффекты»³.

Наряду с сознанием собственного бессилия, одним из главных условий формирования resentment является установка на ценностное сравнение себя с другими людьми. Такого рода ценностное сравнение, как правило, оказывается не в пользу сравниваемого, в силу чего оно оказывается пропитанным завистью, ненавистью, ревностью и т.п. В соединении с сознанием бессилия это сравнение порождает специфические «ценностные иллюзии resentment», заключающиеся в принижении ценных качеств объекта сравнения или фальсификации самих ценностей.

Характерно, что сама установка на ценностное сравнение возможно только в обществе относительно равных политических прав. Это позволило Макс Шелеру сделать весьма проницательное суждение о *resentimente демократии*: «Максимально сильный заряд resentment должен быть в таком обществе, где почти равные политические права и соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие соседствуют с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, то есть в таком обществе, где каждый имеет «право» сравнивать себя с каждым и «не может сравнить реально»⁴.

Исходя из данного замечания Шелера, можно предположить, что в современной России существует весьма благоприятная почва для произрастания resentment.

Наряду с общими условиями формирования resentment (данными человеческой природы и социальной структуры общества) существуют определенные *социальные и профессиональные* роли и ситуации, располагающие к появлению resentmentных реакций и даже порождающие *resentimentные типы личности*. Это обстоятельство имеет самое непосредственное отношение к тем или иным видам прикладной и профессиональной морали, которые как бы изначально предполагают определенные элементы resentment.

В своем исследовании М. Шелер описывает наиболее предрасположенные к resentmentу сферы социальной жизни и межличностных отношений: область *половой морали; конфликт поколений; сфера семейно-брачных отношений*. Наряду с этим он выделяет такие resentmentные типы личности, как тип чиновника, политика, артиста, священника. На первый взгляд resentment должен бы быть у преступника и воина. Однако при наличии аффектов, предрасполагающих к resentmentу (ненависти, враждебности, мести и т.п.) они находят свой выход в активных действиях.

Более важным является вопрос о том, каков уровень resentmentа в тех или иных профессиональных видах деятельности, например, у бизнесмена, журналиста, педагога, ученого, врача, художника? В какой мере они могут быть свободны от ценностных иллюзий resentmentа? Не вдаваясь в отдельную resentmentную оценку той или иной профессии, можно сформулировать некое общее правило «проверки на resentment»: *свободным от ценностных иллюзий resentmentа можно стать в той мере, в какой сопутствующие тому или иному виду профессиональной деятельности аффекты получают свою адекватную разрядку*. Именно этим, по всей видимости, объясняется тот факт, что врач иногда вынужден повышать голос на пациента, учитель на ученика; артист срывать свое зло на журналисте, а журналист устраивать сенсационные разоблачения известных особ; политик вымещать свои эмоции через публичную ругань, а бизнесмен упражняться в политических инсинуациях. Особенно широкое поле для разрядки resentmentных эмоций предоставляет, конечно, политика. Шелер справедливо замечает, что парламентские институты даже там, где они наносят ущерб законодательству и управлению государством, а тем самым и общему благу, все же имеют огромное значение как средство выхода массовых, групповых и индивидуальных эмоций такого рода⁵.

Список литературы

1. Шелер М. Resentiment в структуре моралей. СПб., 1999.

³ Шелер М. Указ. соч. – С. 18.

⁴ Шелер М. Указ. соч. – С. 21.

⁵ См.: Шелер М. Указ. соч. – С. 49.

MORAL RESENTIMENT AS A SYMPTOM OF MODERN QUASI-TOLERANCE

V.N. NAZAROV

*Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University*

The article discusses the aspect of influence of resentment on the moral basis of the concept of tolerance.

Key words: tolerance, morality, resentment.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ В МЕТОДОЛОГИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

В.П. РИМСКИЙ
О.Н. РИМСКАЯ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:rimskiy@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются методологические проблемы современного религиоведения, эпистемологические парадоксы, связанные с «объективностью» и «толерантностью» в социально-гуманитарных исследованиях. В частности показано, что использование понятия «субкультурные религии» в современном социально-гуманитарном знании позволяет расширить и углубить проблемно-концептуальное поле исследования религиозного плюрализма в исторической перспективе и контексте классических эпистемологических парадигм, понимая религиозные субкультуры не только как «маргинальный», «периферийный» и «деструктивный» элемент развития постиндустриального общества и культуры постмодерна, но и задающий определенные креативные вызовы.

Ключевые слова: толерантность, объективность, мировоззренческая ангажированность, понятие, концепт, трансметодологический дискурс, религиозное многообразие, субкультурные религии.

Современное состояние отечественного религиоведения переживает определенный подъем, связанный с тем, что ученые-религиоведы (в большинстве своем это профессиональные философы, социологи и историки, специализирующиеся в сфере исследования и интерпретации религии) смогли преодолеть многолетнее тотальное давление официальной советской идеологии, существенным моментом которой был так называемый «научный атеизм», и оправились после не менее радикального и агрессивного наступления богословского и псевдобогословского дискурса в 90-е годы прошедшего века. Отечественные религиоведы, как приверженцы гуманизма, атеизма и скептицизма, так и верующие, заняты поиском теоретических и методологических оснований *новой дисциплинарной парадигмы* религиоведения, которая могла бы вместить все важнейшие достижения западной и российской (дореволюционной и советской) науки, выработать критерии объективной оценки и научный аппарат исследования многообразия религиозных феноменов и процессов на рубеже столетий.

Наибольшую проблему для эпистемологического обоснования дисциплинарной парадигмы религиоведения представляет реализация взаимосвязанных принципов «объективности», «толерантности», «политической неангажированности». Проще всего с «политической неангажированностью»: исследователь может легко оставить в стороне свои политические пристрастия, наука – не избирательный участок и, тем более, не митинговая площадь. Но как быть с «мировоззренческой неангажированностью»? Как «мировоззренческая ангажированность» сказывается на реализации эпистемологических принципов «объективности» и «толерантности»? Как достичь «мировоззренческой толерантности»?

Эти вопросы наиболее актуальны не только для религиоведения, но и других социально-гуманитарных наук. Православный религиовед и богослов о. Владимир Федоров с озабоченностью писал: «Очевидно, что и обществу в целом, и каждой конфессии необходим анализ религиозной и религиозно-общественной жизни в стране, особенно сегодня, в период «религиозного возрождения». Этот анализ предлагается порой специалистами (социологами, политологами, журналистами и др.), открыто заявляющими о своей

¹ Публикация выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170)

внеденоминационности, т.е. невключенности в какую-либо форму или традицию религиозной жизни. Именно это обстоятельство позволяет им полагать, что их анализ объективен. Безусловно, взгляд со стороны интересен и полезен для общества и даже для Церкви, но можно ли назвать объективным мнение о религии человека нерелигиозного? Свое слово о религии, о ее месте в обществе и культуре должна сказать наука о религии – религиоведение, в частности, такой ее аспект как социология религии. Однако до сих пор большинство религиоведческих центров и кафедр ВУЗов возглавляют не только специалисты по атеизму, но и атеисты. *Трудно ожидать объективности и адекватности их анализа* (выделено нами – авт.)². Соглашаясь в целом с постановкой проблемы, позволим себе не согласиться с последними словами, нами выделенными.

Например, разве для религиоведения не важен опыт «атеистический», «опыт неверия»? Да и об атеизме надо говорить скорее условно, в контексте феномена секуляризации, который не сводится к атеизму, занимающему в европейской культуре даже XVIII–XIX веков незначительное место. Да и что изменится в жизни отечественных кафедр религиоведения, если их возглавят (а многие кафедры в провинции и возглавляют!) верующие, воцерковленные ученые? Это что, прибавит им объективности или таланта, который, как известно, «дар Божий»? Мы можем и в последнем случае наблюдать как *необъективность*, так и *нетолерантность*. Все, на наш взгляд, гораздо сложнее и в научном, и в экзистенциальном аспектах.

Среди ученых даже в советское время встречались «верующие» (вспомним С.С. Аверинцева и А.Ф. Лосева – это только наиболее знаковые и авторитетные фигуры советских верующих ученых, что им не мешало писать превосходные «объективные» статьи по религиоведческой проблематике) и «неверующие» (последнее также еще не означало «атеист», многие ученые не были воцерковлены по известным причинам и даже состояли в КПСС, но в личных и публичных заявлениях часто декларировали себя «частично верующими» или «терпимыми» к вере, по отношению ко многим можно говорить и о феномене «мистического атеизма»³, ведь с тайной в экзистенциальном опыте сталкивается каждый человек). И среди ученых-атеистов советского времени мы можем назвать знаковые фигуры, таких создателей первоклассных, мирового уровня религиоведческих исследований (убрать из них «атеистические идеологизмы» очень легко), как С.А. Токарев, Д.М. Угринович, Л.Н. Митрохин, И.А. Крывелев, М.И. Шахнович (мы упомянули только ныне покойных). Думаем, можно не продолжать...

Дело в том, что проблема «мировоззренческой неангажированности» в ее связи с реализацией принципов эпистемологической «объективности» и «толерантности» присутствует и в естествознании (вспомним споры вокруг парадигмы эволюционизма в космологии, биологии и антропологии), но в социально-гуманитарных науках она гораздо сложнее и приобретает действительно чуть ли не политическую остроту. Это часть общей гносеологической проблемы, включенности субъекта познания в объект, когда в рамках неклассической науки субъект-объектное разделение теряет свой смысл и требует наряду с реализацией принципа верификации, также и принципа фальсификации полученного знания при его проверке на достоверность.

Можно согласиться с мнением А. Байкер: «Возможности социальной (как и любой другой дескриптивной) науки ограничены. Она не может решать богословские и идеологические споры, не может выносить приговоры в вопросах нравственности, отвечать на вопросы: «Что такое хорошо и что такое плохо», и говорить людям, как надо поступать. Социальная наука не творит чудес»⁴. Да, относительно изучаемого явления или процесса нравственные и аксиологические суждения нельзя выносить. Но вот, что касается самой познавательной деятельности ученого, то здесь, без нравственных норм не обойтись – на

² О. Владимир Федоров. Новые религиозные движения: православный взгляд на проблему. Предисловие издателей русского перевода к книге // Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб, 1997 // Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm.

³ См.: В.П. Бабинцев, В.П. Римский. Как навести мосты над безднами бездуховности? // Горизонт. – № 11. – Москва, 1988. – С. 47.

⁴ Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб, 1997 // Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm.

наш взгляд, в этой сфере должны действовать уже нормы *научной этики*. Даже если полученные нами (или другими исследователями) достоверные знания (прежде всего, речь должна идти об *эмпирическом уровне* познания и *первичной интерпретации фактов*) вступают в противоречие с нашим мировоззрением и опытом религиозной (церковной) или атеистической духовной жизни, мы должны их или опровергнуть другими, не менее достоверными знаниями и фактами, или принять на данный момент (речь, разумеется, можно вести об истине с маленькой буквы, которая всегда относительна «здесь и сейчас»). Но не пытаться их опровергнуть (фальсифицировать) на уровне вторичной, теоретической интерпретации, а тем более на уровне транстеоретического (метатеоретического, философского) дискурса. Вот здесь зачастую оказываются «ангажированными» и «нетолерантными» и верующие, и неверующие ученые. Так что упрек отца Владимира Федорова обоюдный.

Это имеет отношение, прежде всего, к исследованию так называемых «новых религиозных движений». В этой предметной области существенные трудности отмечают не только отечественные, но и зарубежные ученые. «Ученых не всегда правильно понимают, когда они говорят об «объективности и беспристрастности», – пишет по этому поводу А. Баркер. – Под беспристрастностью имеется в виду то, что любое изложение исследователем своего предмета должно быть подано по возможности корректно и быть как можно менее окрашено личными ценностными установками. Вполне естественно, что при рассмотрении сложных социальных проблем невозможно обеспечить абсолютную объективность и непредвзятость, однако отличие ученого от непрофессионала заключается как раз в том, что ученый осведомлен о многочисленных «ловушках», которые могут встретиться на его пути, и старается их избежать. Что же касается распространенного мнения, что исследование, лишенное ценностных ориентации, само по себе лишено всякой ценности и полезности, то оно кажется мне нелепым. Обладая особыми навыками изучать явления, исследователь никак не может претендовать на роль судьи в вопросах морали и нравственности. Поэтому малоценными оказываются как раз те отчеты об исследованиях, в которых авторы скорее излагают свои ценностные установки, чем говорят об изучаемых явлениях»⁵. Все это справедливо, но здесь возникает еще один эпистемологический парадокс, связанный с различием научных «понятий», «категорий» и «концептов». О различении понятий и концептов мы и другие авторы уже писали⁶, попробуем разобраться с этой проблемой применительно к категоризации религиозноведческого понятийного ряда.

Зарубежные и отечественные религиоведы, культурологи, социологи, философы вот уже не одно десятилетие ведут спор о том, насколько правомерно употребление терминов и понятий «нетрадиционные» или «новые религии», «новые религиозные движения». Тем более, что помимо этих наиболее распространенных понятий употребляются и такие, как «новые культы», «неомистицизм», «молодежные религии», «религии Нового века». Иногда новые религии называют «вневероисповедными», «эзотерическими», «синкретическими» и т.п. При этом дело не в научной стилистике. И не в том, что терминологическое многообразие всегда является свидетельством методологического неблагополучия в научной дисциплине.

Дело усугубляется и тем, что, как пишет о. Владимир Федоров, «религиозная проблематика в нашей стране стала сегодня частью политической проблематики, частью массовой культуры»⁷. Добавим – частью политической и идеологической борьбы, а для самих богословов и религиоведов – частью жизни, «экзистенциальной проблематикой».

⁵ Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб, 1997 // Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm.

⁶ См.: М.М. Белоусова, Ю.М. Мельник, О.Н. Римская, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры): Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; Ю.М. Мельник, В.П. Римский. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36.

⁷ О. Владимир Федоров Новые религиозные движения: православный взгляд на проблему. Предисловие издателей русского перевода к книге // Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб., 1997 // Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm.

Таким образом, политико-идеологическая составляющая в этом вопросе не должна игнорироваться, но рассматриваться не голословно и спекулятивно, а конкретно-исторически.

Политическая ангажированность «новых религий» и неомистицизма – явление отнюдь не новое. Мистические и «языческие» идеи в свое время увлекли нацистских и фашистских лидеров (хотя Муссолини не мог не считаться с силой и влиянием Римско-католической церкви, тем не менее, он внес свою лепту в увлечение древнеримскими культами и верованиями). Это одна из интересных и во многом пока еще загадочных страниц истории современной Европы первой половины XX века. Сейчас появилось достаточно много свидетельств об «интеллектуальных» и «религиозных» пристрастиях Гитлера, который в свои ранние годы богемной жизни в Вене увлекался мистической оккультной литературой (надо заметить, что художественная богема – одна из первых субкультурных форм молодежной культуры эпохи модерна). Гитлер штудировал Ницше и Шопенгауэра, читал книги о восточных религиях, легенды об орденах храмовников, рисовал на открытках (и пытался сбыть их туристам) одну из реликвий германских государей – так называемое «копье Лонгвина», и т.п. Используя архетипы «язычества», мистику и оккультные науки, нацисты обосновывали «миф крови», наукообразные расистские идеи, право «арийцев» на мировое господство. Арийская (вернее, псевдоарийская) мифология используется не только многими политическими маргиналами правого толка, но и «неоязыческими» движениями и религиями на Западе и в России. Тесно связаны с нетрадиционными культами и неонацистские организации сегодня, в том числе «интернациональное» националистическое (интересный момент!) движение скинхедов. Как и наоборот: откровенно нацистских взглядов придерживаются члены многих «неоязыческих» организаций (например, на Западе – «Новый Акрополь»).

Как видим, здесь действительно неминуемо привнесение в термины и понятия тех или иных мировоззренческих, политических, идеологических, аксиологических и экзистенциальных смыслов. Именно это и определяет, что *понятия* в конкретных научных и рационально-богословских текстах функционируют в качестве *концептов*, формально-логическая дискурсивность понятий часто превращается в логико-нормативную и смысловую, т.е. аксиологическую концептуальность реальных научно-коммуникативных практик (дискурсов).

Здесь очевидно, что речь надо вести о различении понятий и концептов применительно к живой (обыденной) стихии человеческого мышления. Французские постструктуралисты вернули философии утраченный под влиянием позитивизма интерес к различению рационализированных понятий и концептов как специфических смыслообразов. Ж. Делез и Ф. Гваттари писали: «Прежде всего, концепты всегда несли и несут на себе личную подпись: аристотелевская субстанция, декартовское *cogito*, лейбнизианская монада, кантовское априори, шеллингианская потенция, бергсоновская длительность... А сверх того, некоторым из требуется для обозначения необыкновенное слово, порой варварское или же шокирующее, тогда как другим достаточно самого обычного повседневного слова, наполняющегося столь далекими обертонами, что не философский слух может их и не различить»⁸. И далее: «Философы до сих пор недостаточно занимались природой концепта как философской реальности. Они предпочитали рассматривать его как уже данное знание или представление, выводимое из способностей, позволяющих его формировать (абстракция или обобщение) или же им пользоваться (суждение). Но концепт не дается заранее, он творится, должен быть сотворен; он не формируем, а полагается сам в себе (самополагание)»⁹. Здесь, разумеется, речь идет о философских концептах, с чем и связана их нагруженность аксиологическими (религиозно-мировоззренческими, идеологическими, личностными и т.п.) смыслами.

В философии (теологии) личный и коллективный религиозный *опыт веры* переходит из предметности философской (теологической) рефлексии в рефлексию философа (теолога), что и дает нам превращенное функционирование рациональных понятий в форме персонифицированных концептов, смыслообразов философского (теологическо-

⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., 2009. – С. 12.

⁹ Там же. – С. 16.

го) мышления. Философия (в том числе и теология, и философия религии) органично трансформируется в религиозную или атеистическую философию.

Но религиозно-философские или философско-атеистические концептуализации так или иначе всегда оказываются методологическим основанием и метадискурсом религиозоведения как социально-гуманитарного знания религии (конфессионального или внеконфессионального, светского). Можно ли в научном дискурсе религиозоведения устранить концепты как смыслообразы и получить «чистые» понятия и категории научного мышления? Еще Кант показал, что подобная чистота недостижима даже для естествознания (и только для математики такой идеал возможен), выявив многочисленные антиномии чистого разума. До конца в социально-гуманитарном знании (в том числе и религиозоведении) устранить эту смыслообразную стихию вряд ли возможно.

Но тогда какое доверие может быть к ним со стороны публичного дискурса? Могут ли религиозоведы (а тем более богословы) выступать экспертами в оценке тех или иных явлений религиозной жизни, прежде всего, современного религиозного плюрализма? Как достичь идеала «объективности» и «толерантности» в религиозоведении как социально-гуманитарной науке, имеющей междисциплинарный статус? Как же превратить «оценочную», аксиологическую пестроту в восприятия религий и современного религиозного плюрализма в «объективный» и «толерантный» научный дискурс?

Попытаемся выйти из пестроты терминологической, отражающей современный «религиозный плюрализм», через преодоление религиозно-философских (или атеистическо-философских) концептуальных смыслообразов к рационализациям понятийным и категориальным. Очевидно, что строго логически и методологически не работает почти весь терминологический и понятийный ряд, применяемый ныне религиозоведами к исследованию как исторического многообразия религий, так и современного религиозного плюрализма: вместо того, чтобы *разграничивать* изучаемую предметность (в этом и состоит *логическая задача термина* в конструировании силлогизмов и понятий), они ее просто запутывают и плюс ко всему привносят в исследование *негативную аксиологию*. Как же выпутаться из этих эпистемологических парадоксов, когда многие «понятия» таковыми не являются, а в конкретных научных текстах функционируют в качестве «концептов», перегруженных экзистенциальными, идеологическими, мировоззренческими и другими смыслами и контекстами?

Мы уже отмечали, что то или иное *понятие* как исходная идеально-рациональная «клеточка» формирования теории через логический механизм определения, суждения и умозаключения, предполагает, прежде всего, выделение изучаемого «объекта» из некоторой предметной области объективного мира (таковым выступает по отношению к познающему субъекту не только мир природной, «вещественной», но и социокультурной реальности, мира идеально-культурных «вещей», символов и артефактов) посредством указания на его общий и отличительный признак с последующим его включением в более универсальную общность и систему научной классификации. Предварительно можно установить, что такой всеобщностью обладает концепт «религия».

Но имеется и более широкий контекст – *трансдисциплинарный дискурс*, – в котором *концепт* «религия» очищается от неизбежных религиозоведческих (атеистических) и богословских смыслов и становится собственно *рациональным понятием*. На наш взгляд, таким *трансдисциплинарным дискурсом* в отношении религиозоведения, претендующего на «междисциплинарность», могут стать философия культуры и культурология, в которых религиозная тематика очень часто ставится более рационально, решается без излишних эмоций и негативной аксиологии (религия рассматривается в пространстве культурной феноменологии), при этом религиозоведение соединяется не только с философией и культурологией, но и со всем комплексом социально-гуманитарного знания, по отношению к которому философия выполняет роль методологического основания. Именно в этом трансдисциплинарном пространстве уживаются С.С. Аверинцев и М. Элиаде, Кассирер и А.Ф.Лосев, американская культурная антропология и отечественные исследования первобытной мифологии и т.д. Разумеется, понятия «культура» и «религия» органично соотносятся друг с другом, так как в трансдисциплинарном дискурсе проблема «Что первично: культ или культура?» становится псевдопроблемой, наподобие вопроса «о курице и яйце». В этом трансдисциплинарном дискурсе мы и вводим другую

дихотомию «субкультуры – субкультурные религии», которая оказывается конкретизацией другой, более общей оппозиции «культура – религия» позволяет более конкретнее исследовать как современное, так и историческое религиозное многообразие.

Нам представляется вполне корректным, объективным и толерантным в аксиологическом плане и эффективным в эпистемологическом пространстве принятие и употребление вместо спектра метафорических терминов и конструкций¹⁰ концепта «субкультурные религии» (или в определенном контексте – «контркультурные религии»), связанного с уже получившим теоретическую «прописку» в социологии, культурологии и философии более универсальным, «родовым» концептом «субкультура» и соответствующими ему методологическими схемами. Мы понимаем, что здесь мы также имеем дело с концептом, а выявить рациональные, формально-логические значения понятия «субкультурные религии» можно лишь в процессе постоянного научного поиска, совместно с коллегами.

Следует также заметить, что «новая религиозность» формируется, прежде всего, в молодежной среде и на почве молодежной мифологии, субкультуры и контркультуры, способствует их актуализации в среде молодежи, что и заставляет многих исследователей говорить о «молодежных религиях» применительно к ней. Это также говорит в пользу субкультурной методологии в исследовании этого феномена.

Интересно, что религиозный плюрализм выпадает из проблемного поля тех культурологов, которые занимаются этой проблематикой. Под субкультурой часто понимают «наиболее крупные сегменты целостных локальных культур (этнических, национальных, социальных), отличающиеся определенной местной спецификой тех или иных черт (или комплексов черт). В принципе любая культурно-специфическая группа в своих культурных особенностях может быть названа субкультурой (вплоть до «субкультуры императорского семейства»), но, как правило, наука до таких крайностей не доходит и определяет в качестве субкультур лишь культуры сравнительно крупных, компактно и относительно изолированно поселенных или иным образом выделяющих себя групп... Помимо субкультур, отличающихся от основной культуры какими-либо этническими, лингвистическими или *конфессиональными признаками* (выделено нами, здесь религиозность присутствует лишь в качестве «признака» – авт.), существует множество субкультур, основанных на социальной или возрастной специфике. Например, молодежная субкультура, субкультура пенсионеров и людей пожилого возраста, субкультура среды инвалидов, субкультура гомосексуалистов и т.п.»¹¹. Как видим, понятие «субкультура» изначально несло и до сих пор несет оттенок негативизма, что мы стараемся в наших исследованиях преодолеть.

Субкультуры нами понимаются как *ценностные локальные миры*, противостоящие базовой – «большой», «взрослой», «материнской» – культуре («социалистической», «либеральной», «христианской» и т.п.); индивидуальные и коллективные стереотипы поведения и деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистема стилей и стилового поведения; групповые формы культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства (в том числе и масскультового).

Мы исходим из понимания, что субкультурная стратификация имела место на протяжении всей истории человечества. Классы и классовые отношения в чистом виде – продукт европейской раннекапиталистической истории. В исторической эволюции действовали (и действуют) иные механизмы социокультурной стратификации, групповой и личностной идентичности: там мы находим этнокультурные и *этнорелигиозные* общности (архаика); корпоративно-этнические и *корпоративно-религиозные* (античность) и корпоративно-сословные и *корпоративно-конфессиональные* (средневековье) образования и институты, доминирующие над поведением и сознанием отдельно взятого индивида.

Они никуда не исчезают в эпоху индустриализма, а трансформируются, существуют в современной социокультурной динамике в латентных или превращенных формах.

¹⁰ Подробнее см.: О.Н. Римская. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252.

¹¹ А.Я. Флиер. Культурология для культурологов. – М., 2000. – С. 152, 153.

Таким образом, человек никогда не был «одномерным» классовым, «трудовым», «технологическим» или «экономическим» индивидом, проходил социализацию и аккультурацию в конкретно-исторических субкультурных формах, воплощенных в культурных кодах, структурах повседневности и семиотике той или иной эпохи. В этих онтологических глубинах, включающих телесные, этнические, семейные, субкультурные и социальные основы жизнедеятельности человека, формировались как бессознательные архетипы (объективно-мыслительные, идеальные формы культуры и сознания), так и последующие – реальные или фантастические – рационализации в формах этнической ментальности и социальной идеологии, общественного сознания (прежде всего, мифологического и религиозного) и самосознания.

В этом методологическом ключе мы подходим и к пониманию феномена субкультурных религий¹². Корректное методологическое использование понятия «субкультурные религии» предполагает, что любая культурная система, как и система вообще, существует в формах *субсистемной стратификации* (наличие субструктур и субэлементов, а, тем самым, и наличие субкультуры). И саму доминирующую («базовую», «материнскую» и т.п.) культуру можно представить в виде системы субкультур (в нашем мире секуляризации и постмодерна даже традиционные религии реально представляют собой субкультуры, только институализированные и массовые). Мы считаем, что понятие «субкультурные религии» вмещает в себя все *многообразие системных формообразований* в современном религиозном плюрализме – центральных и маргинальных, традиционных и инновационных, креативных и деструктивных (контркультурных).

Конкретно-исторические формы антисистемности и контркультурности «субкультурных религий» (исторических и современных) не должны рассматриваться всецело в негативном измерении, так как они сами по себе могут служить как *деструктивным*, так и *инновационным механизмом*, дающим импульс – пусть и не прямо, а косвенно, через сложные механизмы ментальности! – для развития «базовой культуры» (а что является таковой в мире постмодерна?), в том числе и для «традиционных религий»*, включающих рефлексивные структуры и креативные импульсы на разных уровнях (вероисповедном – развитие теологии, на культурном – совершенствование богослужебной практики и миссии, институциональном – демократизация иерархических структур и привлечение мирян к управлению общинной жизнью, на повседневном – укрепление самосознания верующих), для возникновения, в конце концов, новых, креативных форм жизнедеятельности человека.

Можно утверждать, что понятие «субкультурные религии», во-первых, не несет мировоззренческой, политической и идеологической нагрузки; во-вторых, отражает периферийное, маргинальное и порой антисистемное положение новых религиозных образований в современном обществе и культуре; и, в-третьих, дает возможность исследовать культурно-историческую и синхронную динамику современной культуры и контркульту-

¹² См. подробнее о субкультурной методологии, в том числе и применительно к субкультурным религиям: М.М. Белоусова, Ю.М. Мельник, О.Н. Римская, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; М.М. Белоусова, О.В. Ковальчук, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (79). – Вып. 12. – Белгород, 2010. – С. 30-40; М.М. Белоусова, О.В. Ковальчук, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 3. Культурно-исторические образы субкультур детства и юности (античность и средние века) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №14 (85). Вып. 13. – Белгород, 2010. – С. 50-59; О.Н. Римская, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №20 (91). – Вып. 14. – Белгород, 2010. – С. 65-72.

* Игумен Филарет (Булеков) фактически признает субкультурное положение христианства в Европе: «Сознательные, подлинно церковные христиане в Европе – это меньшинство» // Игумен Филарет (Булеков). Время новой проповеди // Эксперт. – №2 (736). – 17 января 2011 г.

//<http://www.expert.ru/expert/2011/02/vremya-novoj-propovedi>. Но это же не меньше относится и к России.

ры (в том числе и «новой религиозности») в контексте XVII-XIX веков, а также в более глубокой ретроспективе.

Список литературы

1. Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб, 1997 // Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm;
2. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры): Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41;
3. В.П. Бабинцев, В.П. Римский. Как навести мосты над безднами бездуховности? // Горизонт. – № 11. – Москва, 1988. – С. 47;
4. Владимир Федоров. О. Новые религиозные движения: православный взгляд на проблему. Предисловие издателей русского перевода к книге // Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб, 1997 // Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., 2009. – С. 12;
6. Игумен Филарет (Булеков) фактически признает субкультурное положение христианства в Европе: «Сознательные, подлинно церковные христиане в Европе – это меньшинство» // Игумен Филарет (Булеков). Время новой проповеди // Эксперт. – №2 (736). – 17 января 2011 г. // <http://www.expert.ru/expert/2011/02/vremya-novoj-propovedi>.
7. Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36;
8. Римская О.Н. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252;
9. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М., 2000. – С. 152, 153;

TOLERANCE AND OBJECTIVITY IN THE METHODOLOGY OF RELIGION STUDIES

V.P. RIMSKIY
O.N. RIMSKAYA

*Belgorod National
Research University*

e-mail:rimskiy@bsu.edu.ru

The article discusses the methodological issues of the contemporary religion studies and epistemological paradoxes of «objectivity» and «tolerance» of humanities and social sciences. In particular, the authors claim that the usage of the notion «subcultural religions» helps enlarging and improving the problematic and conceptual field of religion studies, especially those which are focusing on religious pluralism in historical context and classical epistemological paradigms. Thus, religious subcultures are regarded not only as «marginal», «peripheric» and «destructive» but also as a creative challenging element of postindustrial social development.

Key words: tolerance, objectivity, worldview engagement, notion, conception, transmethodological discourse, religious plurality, subcultural religions.

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕХНОЛОГИЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ

УДК 316.42:35

ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ¹

Д.Г. ВАСИЛЬЧЕНКО*Воронежский институт
экономики и социального
управления**e-mail: dimkin_1984@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы внедрения гражданской экспертизы в практику местного самоуправления. Анализируется опыт использования данной процедуры в зарубежных странах, определяются перспективы его использования в современной России. Оценивается опыт организации общественного контроля в Воронежской области.

Ключевые слова: муниципальное управление, гражданская экспертиза, общественная экспертиза, экспертное мнение населения.

Одним из важнейших условий осуществления не формального, а реального участия граждан в управлении делами государства является гражданский контроль власти, который должен рассматриваться не как дополнение, а как необходимый составной элемент системы современной демократии. В современных условиях всестороннего реформирования российского государства объективно возрастает значение общественного признания проводимых преобразований, преследующих цель повышения эффективности социально-правового регулирования общественных отношений.

Понятие общественной экспертизы различными учеными трактуется по-разному. Так, И.В. Аверкиев определяет гражданскую экспертизу как «независимый от органа государственной власти анализ социально значимых практик с точки зрения их соответствия общественному интересу»². А.Ю. Сунгуров определяет общественную экспертизу «как процедурно оформленное общественное мнение определенной социальной груп-

¹ Работа выполнена в рамках мероприятия 1.4 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ в целях развития общероссийской мобильности в области социологии», лот №2011-1.4-303-020 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Проект «Гражданская экспертиза практики регионального управления: технология, социокультурные и организационные барьеры». Шифр заявки №2011-1.4-303-020-002 (рук. В.П. Бабинцев).

² Аверкиев И.В. Гражданские технологии: что это такое? // <http://www.prpc.ru/averkiev/>

пы»³. А.Н. Попов и Н.Л. Хананашвили считают, что целью общественной экспертизы является «содействие в обеспечении, реализации и защите прав и законных интересов граждан при выработке, принятии и исполнении решений органов государственной власти и органов местного самоуправления»⁴.

Таким образом, под экспертизой принято обычно понимать исследование какого-либо вопроса, проблемы, процесса или явления, требующее специальных знаний и умений, с представлением обоснованного мотивированного заключения, возможно, с элементами рекомендаций.

Общественная экспертиза в новейшей истории России существует уже полтора десятка лет, с тех пор, когда она была зафиксирована как право граждан, а не просто как дополнительная процедура «согласования с общественностью». Словосочетание «общественная экспертиза» стало особо «модным» после Гражданского форума 2001 года. На последующих мероприятиях, проводимых структурами гражданского общества, проходило обсуждение терминов и других важных вопросов становления гражданской экспертизы в нашей стране.

В настоящее время нет сомнения, что общественная экспертиза как инструмент гражданского контроля должна и может существовать в нашей стране. В частности, в ходе исследования, проведенного кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета в 2011 году (опрошен 71 руководитель общественной организации) 76,06% респондентов заявили, что они хотели бы участвовать в данном процессе. Также нет сомнения, что вопросов к ее качеству, организации и влиянию на лиц, принимающих решения, больше, чем ответов. На наш взгляд, сегодня нужно как можно меньше споров о терминах и понятиях общественной экспертизы и как можно больше практики.

Знакомство с зарубежным опытом общественного участия показало, что найти аналоги российскому законодательству, особенно в части общественной экспертизы, трудно. Во многих странах основой для построения процедур общественного участия является возможность для граждан принимать участие в процессах принятия решений органами власти. Граждане априори имеют право: на доступ к информации, на участие в принятии решений, а также на доступ к правосудию для защиты своих интересов. Для обеспечения этого права создаются правительственные агентства, помогающие гражданам его реализовать. Агентства, как правило, имеют солидный бюджет, постоянный штат, их деятельность регулируется законом, который определяет их самостоятельность по отношению к исполнительной власти. Например, Датская комиссия по технологиям (The Danish Board of Technology⁵) имеет ежегодный бюджет около 1,3 млн. евро, более 10 штатных сотрудников. Комиссия занимается независимой оценкой технологий и последствий их применения для общества и граждан.

В канадской провинции Квебек создано агентство ВАРЕ⁶, специализирующееся на проведении общественных слушаний в рамках оценки экологических последствий проектов. ВАРЕ докладывает результаты слушаний министру экологии, но не подчиняется ему. Агентство имеет профессиональный штат около 40 человек, ежегодный бюджет несколько десятков миллионов долларов и профессиональный кодекс поведения служащих. Стоимость программы общественных слушаний только по одному лесостроительному плану в провинции Онтарио составляет около 2 млн. долларов (это сверх бюджета аналогичного агентства), длится такая программа свыше двух лет.

Следует отметить, что довольно часто функции организации общественных слушаний и иных процедур, необходимых для продвижения результатов экспертизы, передаются на конкурсной основе по контракту некоммерческим неправительственным организациям.

Вообще американская традиция больше ориентирована на вердикт, решение суда. Европейская – на достижение консенсуса. В этом отношении характерны различия меж-

³ Сунгуров А.Ю. Публичная политика и экспертиза // Пчела. 2004. №1. – С. 15.

⁴ Попов А.Н., Хананашвили Н.Л. Общественная экспертиза: принципы организации и условия эффективности. М., 2010.

⁵ <http://www.tekno.dk>

⁶ <http://www.bape.gouv.qc.ca/index.htm>

ду параллельными процедурами оценки новаций, которые в США носят название Гражданское жюри (Citizens Jury), а в Европе, в частности в Дании, где эта процедура была разработана, – Конференция по достижению консенсуса (Consensus Conferences).

Обе процедуры позволяют организовать обсуждение группой «простых» граждан, которые не имеют подготовки в этой сфере. Группа формируется на основании предварительного опроса и составляется из добровольцев так, чтобы репрезентативно представлять население региона (страны) по базовым социально-демографическим параметрам, а иногда – по параметрам, существенным с точки зрения обсуждаемого вопроса (например, вероисповедания). На протяжении двух недель члены группы знакомятся с базовыми материалами и формируют повестку обсуждения, затем на самой конференции они заслушивают экспертов, задают им вопросы, обсуждают и формулируют итоговый документ.

Рассмотренный зарубежный опыт вполне мог быть применим и в российской практике проведения гражданской экспертизы, в частности, в муниципальном управлении. Это связано с тем, что на местном уровне реализуются основные решения, которые были приняты на федеральном уровне, а, следовательно, непосредственно влияя на жизнь каждого человека проживающего в городском или сельском поселении России. С 1 января 2009 г. завершен переходный период реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в результате чего все его положения вступили в силу на территории каждого из субъектов Российской Федерации. Из всех коренных реформ, проводимых российским правительством в последние годы, реформа местного самоуправления, пожалуй, наиболее полно и комплексно нашла свое воплощение на практике, ее концепция является наиболее завершенной и целостной. Однако, итоги реализации реформы местного самоуправления вызывают неоднозначные оценки и мнения как в органах государственной и муниципальной власти, так и в кругах научного сообщества. Оценка реформы и самим населением не вызывает особенного оптимизма. Поэтому, на наш взгляд, проведение систематических мониторинговых исследований мнения жителей городских и сельских поселений России по оценке хода реформы местного самоуправления, ее эффективности и выявлению проблем является достаточно актуальным.

Осознание этого сегодня, пусть и недостаточно широко, но наблюдается не только учеными-социологами, политологами, но и практическими работниками органов власти и управления. Подтверждением является пилотный проект, который реализуется с 2008 года на территории Воронежской области по исследованию мнения населения о ходе реформы местного самоуправления. Анализ полученных данных по показателям удовлетворенности населения результатами муниципальной реформы позволяет утверждать, что в районах Воронежской области население гораздо лояльнее относится к процессам реформирования, чем в самом г. Воронеже. Среднерайонный показатель составляет 41,9%, тогда, как только 15,7% жителей Воронежа полностью, либо частично признают положительные результаты в решении вопросов местного значения⁷.

Это свидетельствует о том, что сегодня необходимо активизировать работу по использованию экспертного мнения населения с целью выявления его видения проблем, наиболее затрагивающих жизнеобеспеченность и жизнедеятельность каждого муниципального образования. И для этого, по нашему мнению, необходимым является расширение вовлечения самого населения в экспертную работу, разработка специальных методик проведения гражданской экспертизы по различным вопросам муниципального управления.

Основным методом сбора первичной социологической информации при этом является метод анкетного опроса жителей городских и сельских поселений Воронежской области по оценке хода реформы местного самоуправления в муниципальных образованиях. Эта анкета включает в себя вопросы, характеризующие мнение жителей по оптимизации и повышению эффективности муниципального управления на территории муниципального образования в связи с принятием ФЗ-131 «Об общих принципах организа-

⁷ Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Воронежской области за 2008 год. Воронеж: Департамент по развитию муниципальных образований Воронежской области, 2009. – С. 35.

ции местного самоуправления в Российской Федерации»; выявлению положительных результатов в решении вопросов местного значения, проблем и недостатков, их причин, а также видение самими гражданами механизмов совершенствования управления в муниципальных образованиях, формирование их положительного имиджа.

Для обеспечения объективности результатов исследования, кроме анкетного опроса жителей, используется проведение опроса глав администраций городских и сельских поселений, специалистов муниципальной службы в органах местного самоуправления Воронежской области. По результатам этих исследований и на основе сопоставления полученных результатов предполагается получение объективных данных по оценке хода реформы местного самоуправления в муниципальных образованиях Воронежской области. Данная форма может быть инвариантна для других городов и областей Российской Федерации. И, на наш взгляд, требуется обобщение опыта работы в этом направлении всех субъектов Российской Федерации, что даст возможность более активно и результативно организовать работу по внедрению гражданской экспертизы в деятельность региональных и муниципальных органов власти с вовлечением в эту работу научного сообщества.

Список литературы

1. Аверкиев, И.В. Гражданские технологии: что это такое? / И.В. Аверкиев // Режим доступа к изд.: <http://www.pgrc.ru/averkiev> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
2. Сунгуров, А.Ю. Публичная политика и экспертиза / А.Ю. Сунгуров // Пчела. 2004. №1. С. 15.
3. Попов, А.Н. Общественная экспертиза: принципы организации и условия эффективности / А.Н. Попов, Н.Л. Хананашвили. М., 2010.
4. <http://www.tekno.dk>
5. <http://www.bape.gouv.qc.ca/index.htm>
6. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Воронежской области за 2008 год. Воронеж: Департамент по развитию муниципальных образований Воронежской области, 2009. С. 35.

ORGANIZATION OF CIVIL EXPERT EXAMINATION IN MUNICIPAL MANAGEMENT

D.G. VASILCHENKO

*Voronezh Institute
of Economy
and Social Management*

e-mail: dimkin_1984@mail.ru

The article considers the problems of introduction of civil expert examination in local government practice. The experience of use of the given procedure in foreign countries is analyzed; prospects of its use in modern Russia are defined in the paper. The experience of the organization of public control in the Voronezh region is estimated in the article.

Key words: municipal management; civil expert examination; public expert examination; expert opinion of the population.

УДК 316.42:35

ТЕХНОЛОГИЯ УЧАСТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

В.В. КОВРИГИН*Липецкий
государственный
педагогический
университет,**e-mail: letter@vkovrigin.ru*

В статье рассматриваются социальные, культурные, исторические барьеры, затрудняющие участие этнических объединений в практике гражданской экспертизы регионального управления. Автор даёт предложения по смягчению или ликвидации этих барьеров в полиэтничных регионах России.

Ключевые слова: этноцентризм, гражданский контроль, гражданская экспертиза управления.

Гражданский контроль качества регионального государственного и муниципального управления – одна из ведущих форм деятельности гражданского общества. Конституцией РФ, федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», другими нормативно-правовыми актами субъектам Российской Федерации и муниципалитетам предоставлены немалые полномочия, от грамотной реализации которых в целом зависит уровень жизни населения региона².

Гражданский контроль может реализовываться многими способами – прежде всего косвенно – через право народа на обращение в органы государственной власти, на митинги, пикетирования, на свободу информации. Однако в последнее время политики и эксперты чаще говорят именно о гражданской экспертизе – то есть прямом участии граждан в определении качества государственного и муниципального управления. Во многом от реализации задач гражданской экспертизы управления субъектом РФ и будет зависеть качество работы региональной власти, что в конечном итоге определит уровень жизни населения региона.

Гражданская экспертиза управления в современных правовых и политических системах многоаспектна. Её можно разделить в соответствии с уровнями власти в России на экспертизу федерального уровня управления и экспертизу регионального управления. Причём вторая более эффективна, поскольку региональная власть ближе к народу конкретного региона. Население региона имеет больше возможностей для осуществления сотрудничества с региональной государственной или муниципальной властью.

Именно поэтому у населения региона в арсенале может быть больше средств её экспертизы. В западных государствах, имеющих немалый опыт демократического развития, интерес вызывает, прежде всего, деятельность региональной власти. Об этом, в частности, говорят данные об участии жителей в выборах. На выборах общегосударственного уровня население реже пользуется активным избирательным правом.

С целью оценки степени внедрения гражданской экспертизы в систему управления кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета в 2011 году было проведено исследование среди представителей экспертного сообщества, руководителей общественных организаций, государственных и муниципальных служащих³. Двум первым группам респондентов было предложено ответить на вопрос «Как Вы

¹ Работа выполнена в рамках мероприятия 1.4 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ в целях развития общероссийской мобильности в области социологии», лот №2011-1.4-303-020 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Проект «Гражданская экспертиза практики регионального управления: технология, социокультурные и организационные барьеры». Шифр заявки №2011-1.4-303-020-002 (рук. В.П. Бабинцев).

² <http://www.consultant.ru>

³ Исследование включало опрос руководителей общественных объединений (N = 71); государственных и муниципальных служащих (N = 129); представителей экспертного сообщества (N = 78).

оцениваете степень внедрения гражданской экспертизы в систему управления в регионе?» (табл. 1).

Таблица 1

Оценка степени внедрения гражданской экспертизы в региональную систему управления

Как Вы оцениваете степень внедрения гражданской экспертизы в систему управления в регионе?	Государственные и муниципальные служащие, %	Эксперты, %
Высоко	17,8	14,1
Скорее высоко, чем низко	20,9	24,4
Скорее низко, чем высоко	34,1	29,5
Низко	10,1	15,4
Затрудняюсь ответить	16,3	11,5
Не ответили	0,8	1,3
Всего	100,0	100,0

Результаты показывают, что и экспертная группа и государственные и муниципальные служащие практически идентично оценивают степень внедрения гражданской экспертизы в региональную управленческую практику. 44,9% экспертов считает, что степень внедрения гражданской экспертизы «скорее низкая» или «низкая», среди госслужащих это показатель немного ниже — 44,2%. Соответственно, в обеих группах доля респондентов, оценивающих степень внедрения гражданской экспертизы в управленческую практику как «высокую» или «скорее высокую», также примерно равна: 38,5% — среди экспертов и 38,8% — среди чиновников. Эти данные позволяют прийти к выводу, что уровень внедрения гражданской экспертизы находится пока на достаточно низком уровне, по крайней мере в Белгородской области, хотя можно предположить, что в других регионах страны ситуация вряд ли кардинально отличается.

Сами представители общественных организаций в целом достаточно хорошо представляют, что такое гражданская экспертиза в практике регионального управления. Во всяком случае, 84,5% опрошенных руководителей общественных организаций выразили именно такое мнение. При этом подавляющему большинству из них (от 60,6% до 69,0%, в зависимости от вида гражданской экспертизы) не приходилось непосредственно участвовать в процедуре проведения гражданской экспертизы.

Приведённые выше эмпирические данные позволяют заключить, что региональные власти должны гораздо интенсивнее привлекать общественные организации (среди которых, безусловно, важное место должны занимать общественные организации этнических меньшинств, диаспоральных групп, представителей сообществ мигрантов и т.д.) к практике гражданской экспертизы. Тем более, что среди вопросов, подлежащих гражданской экспертизе, важное место занимают проблемы межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений, миграционной политики, которые невозможно решить без участия представителей этнических сообществ.

При этом госслужащие и эксперты считают вопросы межнациональных отношений одними из важнейших для практики гражданской экспертизы регионального управления. Так, государственные и муниципальные служащие и эксперты поставили проблему национальных взаимоотношений на 6 место среди 11 важнейших вопросов общественной жизни региона. 14,0% чиновников и 12,8% экспертов назвали межнациональные отношения в качестве сферы, в которой наиболее важна гражданская экспертиза (табл. 2).

Проблема развития гражданской экспертизы регионального управления в настоящее время обостряется полиэтничным составом населения многих регионов, и, прежде всего, республик в составе России.

Однако мировая практика сегодня практически не знает форм привлечения этносов к участию в экспертизе регионального управления, что, очевидно, следует рассматривать в качестве одной из причин нарастания межэтнической напряженности в различных странах. К сожалению, современное представление о гражданском контроле и экспертизе в мировой науке и практике по сути надэтнично, то есть не учитывает национальные осо-

бенности, возможные этнокультурные барьеры для построения модели экспертизы. Вместе с тем такой подход в корне неверен, поскольку сами традиции гражданско-политической организации разных народов исторически очень разные.

Таблица 2

**Значимость гражданской экспертизы в различных сферах общественной жизни
(ранжированный ряд по экспертам)**

В каких сферах, по Вашему мнению, наиболее важна гражданская экспертиза?	Государственные и муниципальные служащие, %	Эксперты, %
Социальная защита	52,7	71,8
Экономика	30,2	43,6
Правоохранительная деятельность	47,3	34,6
Образование	42,6	34,6
Молодёжная политика	17,1	21,8
Национальные отношения	14,0	12,8
Информационная политика	11,6	10,3
Культура	7,8	7,7
Духовная сфера	-	1,3
ЖКХ	-	1,3
Здравоохранение	1,6	-
Во всех сферах	2,3	3,9
Затрудняюсь ответить	10,1	2,6

Различия форм гражданско-политической организации разных народов обусловлены многими факторами, и, прежде всего, этноцентризмом. Этническое самосознание всегда этноцентрично. Этноцентризм сегодня рассматривается как свойство национального самосознания преломлять и оценивать факты, деятельность власти, явления сквозь призму собственной национальной культуры, традиций, менталитета⁴. Этноцентризм, с одной стороны, может нести положительный оттенок и реализовываться в конструктивных формах с целью защиты собственных культурных ценностей, а с другой – проявляться в деструктивных формах с направленностью на противостояние с представителями других этносов. Этноцентризм всегда необходимо учитывать при формировании любых общественных структур, реализации политики.

Особенности форм гражданско-политической организации разных этносов обусловлены также и историческими факторами, прежде всего опытом демократического развития и степенью влияния граждан на государство на различных этапах исторического развития. Немалый опыт демократического развития чаще всего обуславливает повышенную активность населения страны, региона в гражданском контроле за деятельностью власти. Существующая до настоящего времени в социальной структуре этносов «клановость», наоборот, может уменьшать активность населения в этих вопросах.

Все эти особенности необходимо учитывать в практике регионального управления и при построении модели его гражданской экспертизы. Бездумное введение не обусловленных ни исторически, ни ментально форм участия граждан в экспертизе регионального управления может обернуться простым формализмом. Предоставление одному этносу широчайших прав в области гражданского контроля и экспертизы управления субъектом России или муниципалитетом в ущерб правам других этносов может только обострить проблемы межнациональных отношений в регионе, но не будет способствовать построению гражданского общества. Вместе с тем, в России такая практика существует, что было признано даже на государственном уровне⁵.

В настоящее время во многих регионах, в том числе и с полиэтничным составом населения, с разной степенью успешности действуют общественные советы, палаты, мо-

⁴ Самнер У. Народные обычаи // Рубеж. 1998. №12. – С. 18.

⁵ Заседание Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия: <http://state.kremlin.ru/face/10312>

лодѣжные парламенты, иные формы гражданского контроля за деятельностью региональной власти. Информация об этом публикуется на официальных сайтах регионов. Эмпирический анализ моделей участия граждан в экспертизе регионального управления даёт основание сделать вывод о том, что сегодня в российской практике никак не учитываются полиэтничные особенности регионов.

Так, например, в республике Коми уже несколько лет действует общественная палата при органах государственной власти субъекта Федерации⁶. Принцип её комплектования заключается в праве крупных общественных организаций предлагать кандидатуры её членов, которые затем проходят общественное обсуждение. Однако в данном примере никак не учитывается полиэтничная специфика региона и возможные социокультурные и национальные барьеры в практике гражданской экспертизы регионального управления.

Между тем, участие в гражданской экспертизе регионального управления этнических объединений способно решить несколько задач:

- во-первых, осуществить коррекцию принимаемых решений с учетом специфики образа жизни и сознания национальных групп;
- во-вторых, выявить позицию этнических общин по различным социальным вопросам;
- в-третьих, способствовать развитию межнационального и межконфессионального диалога;
- в-четвертых, стимулировать развитие позитивной социальной активности этнических групп.

Технология участия этнических объединений в практике гражданской экспертизы качества регионального управления может быть внедрена поэтапно.

На первом этапе органы государственной власти должны инициировать диагностику этно-конфессиональных объединений региона, на предмет их возможного участия в гражданской экспертизе регионального управления. Такую диагностику целесообразно провести либо с помощью специального социологического обследования этно-конфессиональных организаций, либо при проведении общерегионального форума организаций, представляющих этнические группы (при этом важно, чтобы в подобных форумах обязательно участвовали представители не только этнических меньшинств, но и организации, репрезентирующие крупнейший этнос, которым в большинстве регионов РФ являются русские).

На втором этапе (в случае получения положительных результатов на первом этапе, то есть проявление интереса со стороны этнических объединений к участию в практике гражданской экспертизы) необходимо создать организационно-правовые формы участия организаций этно-конфессиональных групп в гражданской экспертизе. С этой целью следует:

- создать межэтнический и межконфессиональный совет из представителей разных этносов и религий региона с равным показателем представительства;
- предусмотреть право этнических групп на создание своих национальных советов по гражданской экспертизе деятельности властных структур региона с соблюдением принципа равноправия этих советов;
- разработать концепцию деятельности межнационального сообщества с равными правами на представительство разных этносов в нём.

Отметим, что список мер по созданию организационно-правовых форм участия этнических объединений в гражданской экспертизе не исчерпывается изложенными выше. В ходе первого диагностического этапа сами этнические организации могут предложить ряд эффективных механизмов своего участия в гражданской экспертизе регионального управления.

На третьем этапе созданные организационно-правовые формы участия этнических объединений потребуют адекватного информационно-аналитического сопровождения, с помощью которого возможно будет скорректировать конкретную процедуру гражданской экспертизы в сторону её большей эффективности и транспарентности. Кроме

⁶ <http://oprk.ru>

того, постоянный интерес к гражданской экспертизе со стороны региональных СМИ, иных общественных структур и гражданского общества в целом, позволит наполнить реальным содержанием и сделать гражданскую экспертизу одним из способов развития демократии в стране.

Список литературы

1. <http://www.consultant.ru>
2. Самнер У. Народные обычаи // Рубеж. 1998. №12. С. 18.
3. Заседание Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия // <http://state.kremlin.ru/face/10312>
4. <http://oprk.ru>

TECHNOLOGY OF PARTICIPATION OF ETHNIC ASSOCIATIONS IN PRACTICE OF CIVIL EXPERT EXAMINATION OF REGIONAL GOVERNMENT

V.V. KOVRIGIN

*Lipetsk State Pedagogical
University,*

e-mail: letter@vkoorigin.ru

The article discusses the social, cultural, historical barriers of participation of ethnic associations in practice of civil expert examination of regional government. The author gives his view on how to eliminate or minimize these barriers in multiethnic regions of Russia.

Key words: ethnocentrism, civil control, civil expert examination of management.

УДК 316.42.35

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕГИОНЕ¹

А.А. МАКСИМЕНКО¹**Л.Н. ШМИГИРИЛОВА²**

*¹Шарьинский филиал Костромского государственного университета
им. Н.А. Некрасова
e-mail: Maximenko.AI@gmail.com*

*²Белгородский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: shmigirilova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема гражданского участия в процессе управления, разработки, принятия и реализации управленческих решений на региональном уровне. Определяется, что система регионального управления должна строиться не только по принципу целеориентированного управления, но и основываться на ценностно-ориентированном подходе. Анализируются причины снижения гражданской активности в региональном самоуправлении.

Ключевые слова: региональное управление, гражданское участие, гражданская экспертиза, целеориентированное управление, ценностно-ориентированное управление.

Участие граждан в делах государства является необходимым условием формирования прозрачной и открытой системы регионального управления, обеспечивающей динамичное социально-экономическое развитие субъекта РФ. Следует признать, что сегодня Россия находится на начальном этапе освоения моделей участия населения в системе регионального управления.

Основными проблемами организации общественного участия на региональном уровне являются его формальность, низкий уровень активности населения, отсутствие выработанного общественного мнения, учитывающего интересы различных групп населения. Эти проблемы не уникальны, они существуют не только в России, но и в других странах, использующих демократические механизмы в государственном управлении.

Одним из способов гражданского участия в процессе управления государством, в разработке, принятии и реализации управленческих решений на региональном уровне является *гражданская экспертиза* как независимый от органов государственной власти анализ социально значимых практик с точки зрения их соответствия общественному интересу, который отстаивает гражданский актор². Основная задача гражданской экспертизы – поддержка проектов, имеющих социальную составляющую, либо ее обеспечение и противодействие проектам, ухудшающим жизнь людей.

Гражданская экспертиза представляет собой пример реального самоуправления, в рамках которого граждане пытаются самостоятельно решать проблемы, стоящие перед регионом. Развитие подобных самоуправленческих начал является весьма полезным для России, где ожидания населения от правительства чрезмерно велики, тогда как решение вопросов развития государства, региона, поселения зависит не только от органов власти, но и от существующих на данной территории групп интересов, а также простых граждан.

¹ Работа выполнена в рамках мероприятия 1.4 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ в целях развития общероссийской мобильности в области социологии», лот №2011-1.4-303-020 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Проект «Гражданская экспертиза практики регионального управления: технология, социокультурные и организационные барьеры». Шифр заявки №2011-1.4-303-020-002 (рук. В.П. Бабинцев).

² Гражданский актор – гражданский активист, гражданская инициативная группа, общественная некоммерческая организация. – Аверкиев И.В. Определения гражданских технологий и возможности их применения в отношении государственно-властных услуг URL: <http://www.prpc.ru/averkiev/050511.shtml> (дата обращения: 23.09.2011).

Если государство заинтересовано в формировании гражданского общества, оно должно организовать этот процесс, создать условия и стимулы для привлечения населения к самоуправлению.

Возможно, с одной стороны, это противоречит самой идее гражданского общества, которое должно «вызреть» в недрах общества и проявиться в форме инициатив «снизу», со стороны граждан и общественных организаций, а не создаваться «сверху», со стороны государства. С другой стороны, понятно, что на данном этапе, пока в России не сформированы развитые структуры гражданского общества, государство вынуждено взять на себя инициативу, чтобы «запустить» механизм саморегуляции общества.

Как нам видится, оба этих подхода имеют право на существование и должны быть поддержаны органами местного самоуправления, поскольку проявляются в реальной жизни. На это указывают результаты проведенного кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета в 2011 году социологического исследования по проблеме гражданской экспертизы в системе регионального управления³. 28,68% государственных и муниципальных служащих, участвовавших в опросе, указали, что гражданская экспертиза практики регионального управления является весьма актуальной; 45,74% – скорее актуальной, чем не актуальной. Но при этом только 27,86% оценили степень её внедрения в систему управления в регионе как высокую или скорее высокую, чем низкую.

Развитие гражданской экспертизы существенно меняет практику регионального управления. Оно становится не столько управлением действий, сколько управлением смыслов (ценностей). Руководящими органами в этом случае должны разрабатываться не только решения, но и рекомендации, а само руководство должно представлять собой не только передачу информации и выдачу приказов или указаний, а организацию коллегиальных процессов принятия и осуществления согласованных решений, основанных на творческом подходе как руководителей, так и экспертов.

Конечно, на практике руководителям региональных структур далеко не всегда удастся отказаться от методов управления, свойственных целеориентированному управлению, суть которого заключается в производстве продукта или услуги путем преобразования вещества, энергии, информации, направленное на достижение целей⁴.

На наш взгляд, система регионального управления должна строиться не столько на целеориентированном подходе (хотя этот подход также важен), сколько на принципе ценностно-ориентированного управления. Подчеркнем, что при целеориентированном управлении анализируется проблемная ситуация, ставится стратегическая и тактические цели, устанавливаются показатели достижения целей, выделяются ресурсы, осуществляется контроль, а нижестоящие структуры разрабатывают тактику, осуществляют оперативную деятельность и добиваются выполнения показателей.

При ценностно-ориентированном управлении, напротив, ставится стратегическая цель и осуществляется контроль, а организационные структуры анализируют проблемную ситуацию в своей сфере деятельности, определяют направления развития, создают программы развития, находят ресурсы и осуществляют программы. Таким образом, целеориентированное управление строится на принципе «сверху виднее», а ценностно-ориентированное управление предполагает, что только специалисты (эксперты) способны определить перспективное направление развития той или иной сферы деятельности в регионе.

Том Питерс и Роберт Уотерман, авторы книги «В поисках совершенства»⁵, ввели понятие *valuesdriven management* или *managing by values* (ценностно-ориентированное управление, или управление через ценности). По сути, ценности составляют своеобразный генетический код, объединяющий компанию (в нашем случае – региональное сообщество), определяющий все ее отличительные черты, стиль корпоративной культуры, влияющий на

³ Исследование включало опрос руководителей общественных объединений (N = 71); государственных и муниципальных служащих (N = 129); представителей экспертного сообщества (N = 78).

⁴ Handy Ch. *Understanding Organizations*. Penguin Books, 2002.

⁵ Питерс Т. Дж., Уотерман Р.Х. *В поисках совершенства: уроки самых успешных компаний Америки*. М., 2004.

действия, совершаемые во внешнем мире. Но сами ученые признают, что воплощение в жизнь выбранной системы ценностей – это «...поистине каторжный труд»⁶.

Valuesdriven management применительно к процессу внедрения гражданской экспертизы является важным и необходимым условием реального участия населения в целом и отдельного гражданина в управлении государством или регионом.

В этой связи принципиальным вопросом становится определение понятия социального эффекта. В самом общем смысле социальный эффект (результат) управления выражается в изменении условий воспроизводства людей и их характеристик как субъектов жизнедеятельности, как потребителей, производителей, членов отдельных социальных общностей (территориальных, национальных, профессиональных, религиозных, социально-демографических и т.д.). Иначе говоря, к социальным эффектам управления относятся явления, процессы, их состояние и динамика, вызванные реализацией управленческого проекта в рамках общественных, государственных или частных инициатив, затрагивающие разнообразные интересы людей и отражающиеся в том, как люди живут, работают, развлекаются, относятся друг к другу, самоорганизуются для удовлетворения своих потребностей, какие ценности и убеждения исповедуют и в целом функционируют как члены общества, а также их здоровье, рассматриваемое как целостное состояние психологического, ментального и социального комфорта (социальное здоровье).

С учетом данного обстоятельства можно утверждать, что гражданская экспертиза должна в первую очередь применяться в сферах, играющих решающую роль в улучшении качества жизни человека. И показательно, что в ходе проведенного в 2011 году социологического исследования 52,71% представителей экспертного сообщества указали: гражданская экспертиза необходима, в первую очередь, в социальной сфере; 47,29% – в правоохранительной деятельности; 42,64% – в образовании.

Однако, 34,11% участвовавших в исследовании государственных и муниципальных служащих степень её внедрения оценили скорее низко, чем высоко; 10,08% – низко. Главными препятствиями при внедрении экспертизы эти респонденты считают: отсутствие у общественности ясного представления о содержании этой деятельности (60,47%), пассивность населения (49,61%), отсутствие нормативного обеспечения (27,91%).

Выделение респондентами социальной сферы в одну из важных областей применения гражданской экспертизы очевидно и оправдано, поскольку именно в этой сфере жизнедеятельности наблюдается социальная напряжённость, индикаторами которой являются:

- неудовлетворённость жизнью или отдельными сторонами жизнедеятельности;
- состояния стресса, депрессии, тревожности: отсутствие или неясность жизненных планов (социально-ролевых функций и компетентности в их осуществлении);
- социальный конфликт: ощущение избытка давления и/или враждебности, внешних сил (социальных сил и идей) и неготовность противостоять и/или вынуждающих к борьбе;
- отсутствие социальной поддержки.

Ориентация регионального управления на решение социальных проблем является наиболее показательным результатом перехода к ценностно-ориентированному управлению. И именно в данном случае создаются предпосылки для развития практики гражданской экспертизы. Они выражаются в том, что:

- во-первых, в практику управления внедряется четко фиксируемая система показателей и индикаторов, в соответствии с которыми можно оценить эффективность управленческих действий;
- во-вторых, формируется своего рода социальный консенсус, поскольку социально ориентированная политика государства начинает наиболее полно соответствовать ценностно-целевым установкам большинства граждан;
- в-третьих, технологии регионального управления наполняются реальным смыслом, что, в свою очередь, стимулирует общественную активность населения, выражающуюся, в частности, в самой практике гражданской экспертизы и общественного контроля.

⁶ Фуколова Ю. Три заповеди IBS // Секрет фирмы. 2007. №2.

Разумеется, даже при условии развития ценностно-ориентированного управления предстоит много сделать для формирования системы гражданской экспертизы, поскольку в настоящее время используемые при ее проведении практики обоснованы и сформированы недостаточно.

Очевидно, для проведения эффективной гражданской экспертизы необходим комплекс условий, в частности:

- наличие гражданского актора, заинтересованного в проведении такой экспертизы;
- наличие у гражданского актора экспертного потенциала, адекватного задачам экспертизы или ресурсов, достаточных для привлечения внешних экспертов и обеспечения их независимости, в том числе с точки зрения нормативно-законодательной базы;
- информационная доступность (наличие открытой, исчерпывающей информации об услуге);
- расширение участия граждан и структур гражданского общества в управлении организациями социальной сферы.

По нашему мнению, именно переход к ценностно-ориентированному управлению регионом способен сформировать такие условия. И следует отметить, что в современной ситуации в ряде субъектов РФ предпринимаются попытки осуществить такой переход. В частности, в Белгородской области разработана Концепция формирования регионального солидарного общества, как общества, в котором имеется ясное представление о наиболее значимых (базисных) ценностях и смыслах.

Характеристиками регионального солидарного общества в интерпретации авторов Концепции являются:

- формулировка и принятие идей, идеалов, общей цели развития, ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения области и основаны на позитивных духовно-нравственных и культурно-исторических традициях;
- обеспечение открытого, честного диалога между органами власти и населением;
- формирование духовного и психического здоровья, высокой позитивной нравственности, патриотизма, гражданственности, правосознания, оптимизма, позитивно ориентированного мышления;
- формирование ответственности власти за эффективность, законность и безопасность своей деятельности;
- утверждение идеи социального единства, справедливости и милосердия как ведущих принципов взаимоотношений между людьми;
- наличие четкой позитивной общественной морали и норм во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;
- социальная активность, созидательность, готовность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного значения, в том числе жертвуя собственными интересами;
- акцент на взаимной ответственности (власти и граждан, граждан по отношению друг к другу);
- постоянный и конструктивный диалог государственной власти и гражданского общества;
- консенсусный язык общения, то есть язык, использующий одинаково воспринимаемые участниками диалога понятия, ориентированный на поиск общих смыслов, понимание друг друга.

Несмотря на очевидные сложности создания подобного общества, именно оно может существенно расширить перспективы гражданской экспертизы.

Список литературы

1. Аверкиев, И.В. Определения гражданских технологий и возможности их применения в отношении государственно-властных услуг / И.В. Аверкиев // Режим доступа к изд.: <http://www.prpc.ru/averkiev> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
2. Handy, Ch. Understanding Organizations. Penguin Books, 2002.

3. Питерс, Т. Дж. В поисках совершенства: уроки самых успешных компаний Америки / Т. Дж. Питерс, Р.Х. Уотерман. М.: Вильямс, 2004.
4. Фуколова, Ю. Три заповеди IBS / Ю. Фуколова // Секрет фирмы. 2007. №2.

VALUES-DRIVEN MANAGEMENT AS THE CONDITION OF FORMATION OF SYSTEM OF CIVIL EXPERT EXAMINATION IN REGION

A.A. MAXIMENKO¹⁾
L.N. SMIGIRILOVA²⁾

*¹⁾ Sharinsky branch Kostroma State
University
e-mail: Maximenko.Al@gmail.com*

*²⁾ Belgorod National
Research University
e-mail: shmigirilova@bsu.edu.ru*

The paper addresses the problem of citizen participation in governance, development, adoption and implementation of management decisions at the regional level. It's claimed that the system of regional governance should be based not only on the basis of goal-oriented management, but also based on a values-driven management. It analyzes the reasons for the decline of civic engagement in regional governance.

Key words: regional governance, civic participation, civil expert examination, valuesdriven management, goal-oriented management.

УДК 316.42:35

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ¹

Н.А. СИЛКИНА*Липецкий государственный
технический университет**e-mail: Silkina_NA@list.ru*

В статье рассматриваются проблемы организации гражданской экспертизы процесса решения проблем занятости. Обосновывается идея привлечения к ней представителей субъектов экономической деятельности. На материалах Липецкой области демонстрируются возможности использования в ходе гражданской экспертизы социологического мониторинга, рассматриваются его конкретные результаты.

Ключевые слова: рынок труда; занятость, гражданская экспертиза; социологический мониторинг.

Одной из наиболее актуальных проблем научного и экспертного дискурса является проблема эволюции демократической идеи, которая, реализуясь в реальной политической и государственно-управленческой практике, адаптируясь к внешним и внутренним вызовам, переосмысливает саму себя, генерирует новые образцы социально-политического действия, гражданской активности. Для обществ, переживающих этап демократического транзита, болезненно преодолевающих внутрисистемные «встроенные ограничители»², препятствующие его успешному завершению, ключевым остается вопрос институционализации представительства общественных интересов в системе государственно-политического управления, развития реальных механизмов и процедур влияния социальных акторов на процесс принятия решений структурами публичной власти. Непременным условием эффективного влияния общественности на власть является активное участие граждан и их организаций в процессе подготовки, принятия и контроля исполнения властных решений. Органы власти, со своей стороны, должны быть прозрачными, удовлетворять условиям открытости, понятности, возможности влияния.

Актуальность проблемы общественного участия и общественного контроля в российских регионах особенно велика, если учесть, что для многих из них типичны модели активности граждан и структур, ориентированных в реализации своих интересов на довольно традиционные для России непубличные формы социальных связей. Ряд исследователей считают, что преодолеть «историческую колею», «институциональную траекторию», препятствующую реальной модернизации, могло бы не заимствование моделей и практик извне и их наполнение архаичным содержанием, а «культивирование», «выращивание» новых образцов, опираясь на наиболее «перспективные» инновационные практики, которые уже сложились в российской социальной среде³.

К таким развивающимся формам гражданского участия относится экспертная деятельность гражданских некоммерческих объединений, а также коммерческих организаций, результаты хозяйственной или иной деятельности которых затрагивают интересы большого числа граждан или социальных групп. Гражданская экспертиза в настоящее время, несмотря на все сложности, внедряется на региональном уровне и обладает заметным потенциалом с точки зрения повышения эффективности государственного управления. Ощувив реальные выгоды от новых

¹ Работа выполнена в рамках мероприятия 1.4 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ в целях развития общероссийской мобильности в области социологии», лот №2011-1.4-303-020 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Проект «Гражданская экспертиза практики регионального управления: технология, социокультурные и организационные барьеры». Шифр заявки №2011-1.4-303-020-002 (рук. В.П. Бабинцев).

² Стародубровская И.В., В.А. Мау. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2004. – С. 29-34.

³ Кузьминов Я.И. и др. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. М., 2005. – С. 36.

форматов взаимодействия с обществом и наиболее значимыми, стратегическими его сегментами, властные структуры будут заинтересованы в их институционализации. В этих условиях любой опыт, приближающий к реализации демократического идеала, заслуживает всестороннего внимания.

Взаимодействие власти и общественности реализуется в публичной сфере – пространстве частных интересов, подлежащем общественному контролю в целях сохранения и развития общества. Эта сфера реализации присуща любому обществу коммунитарных интересов. Она не исчерпывается коммуникациями граждан и общественной рефлексией, но и трансформируется в практические действия во имя общего блага. В данном качестве она представляет собой «совместную практическую деятельность, направленную на достижение разделяемых всеми целей». «Частное» перерастает в «публичное» по мере накопления «критической массы» проблем, которые не могут быть решены только в частной сфере. По замечанию немецкого исследователя М. Риттера, в публичной сфере достигается общественное благо, но одновременно акторы преследуют свои частные интересы, связанные с экономическим успехом, приобретением социального капитала⁴.

Эффективность взаимодействия зависит от вызревания главного макро-института – партнера «государства-регулятора» (а не «государства-хозяина») – гражданского общества. Показателем его зрелости может являться характер сетей горизонтального социального взаимодействия, обеспечивающих распространение информации и координацию. В дореформенный период такие сети были структурированы в основном по родственному и производственному признаку. Задачи более широкого взаимодействия граждан они решать не могли. В связи с этим партнером государства выступали в основном производственные ассоциации, постепенно теряющие свое влияние, и организованные по производственному признаку профсоюзы⁵.

На этом фоне приобретает приоритетное значение новый партнер – экономические агенты, корпоративные структуры. Их представители, в отличие от общественных организаций, располагают ресурсами, зачастую превосходящими ресурсы самого государства. Это субъекты, которые не только действуют в своих интересах, но и способны оказать заметное влияние на состояние и поведение других субъектов социально-экономического пространства. В контексте рассматриваемой проблемы следует заметить, что, учитывая специфику технико-экономического, социокультурного уклада многих регионов, именно крупные работодатели выступают в них основными регуляторами спроса на рынке труда.

Сферой, в которой взаимовыгодное партнерство, взаимопроникновение интересов и целей корпоративного субъекта и государства предполагает возможность достижения реального общественно значимого эффекта, является рынок труда и занятости населения. Государство объективно заинтересовано в создании таких условий, когда наиболее активная и творческая часть населения максимально полноценно реализует свои таланты во имя общего блага, воспроизводства социальной системы. Приоритетна в данном случае репродукция социально значимых качеств. Посредством регулирования воспроизводства различных социальных слоев, профессиональных, квалификационных групп, рабочей силы, образования поддерживается стабильность общества, создается основа для реализации модели экономического развития, отвечающей на текущие вызовы и требования внешней среды. Государство реализует свою субъектность в процессах взаимодействия системы профессионального образования и экономики.

Речь идет о политике государства по регулированию взаимосвязи количественных и качественных параметров профессионального обучения и компонентов экономической подсистемы на основе регулярного проектирования и прогнозирования этих параметров в соответствии с потребностями развития и изменяющимися требованиями субъектов рынка. Анализ воспроизводства образовательного потенциала предполагает определение количественных и качественных параметров, характеризующих ресурсы системы профессио-

⁴ Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: проблемы и подходы / Под ред. М., 1998., – С. 15.

⁵ Кузьминов Я.И. и др. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. М., 2005. – С. 34-35.

нального образования для качественной подготовки специалистов, удовлетворяющих потребности экономики, эффективной занятости. Однако в условиях рыночной экономики и децентрализации образовательных систем эффективное принятие решений в сфере образования и организации его инфраструктуры невозможно без участия общественности и, прежде всего, потребителей услуг системы профессионального образования – ключевых работодателей⁶. Экономические субъекты все активнее привлекаются к разработке базовых направлений и содержания профессионального образования посредством утверждения образовательных стандартов, регулирования образовательных процессов в соответствии с необходимостью решения стратегических проблем определения объема и структуры подготовки квалифицированных кадров и трудоустройства выпускников.

Сами работодатели, отвечая на вызовы, возникающие в результате структурных изменений, демографических сдвигов, технологических инноваций, признавая существующее многообразие работников, осознают необходимость изменения парадигмы управления. Новый подход состоит в признании первенства личности, ее знаний, навыков для эффективной деятельности. Традиционно работодатель заключал с работником моральный контракт, в соответствии с которым в обмен на лояльность к организации и готовность выполнять инструкции работник получал гарантии занятости, карьерного роста, материального вознаграждения. В настоящее время формируется новый тип организационного контракта, имеющий характер коммерческого партнерства: взаимодействие сторон обусловлено обоюдной выгодой, сотрудничество происходит с максимальной отдачей в виде творчества со стороны работника и создания условий для этого творчества со стороны организации. Новые условия жизни и хозяйственной практики объективно заставляют многих экономических агентов осознать свою реальную заинтересованность в получении профессионально ориентированных специалистов.

Ситуация последних лет демонстрирует существенный дисбаланс между спросом и предложением кадров на рынке труда (рисунок). Это несоответствие вызвано недостаточным уровнем реализации образовательного потенциала, несоответствием количества и качества подготовки специалистов потребностям работодателей. Одной из предпосылок подобной ситуации является неконтролируемое влияние рыночных отношений на взаимосвязь спроса и предложения на рынке труда⁷. Ориентация молодежи на выбор популярных профессий, рост предложения образования по этим специальностям приводит к росту безработицы среди выпускников, дефициту инженерно-технических и квалифицированных рабочих кадров.

В частности, сфера труда и занятости Липецкой области в пореформенный период не могла избежать воздействия указанных общероссийских тенденций. В конечном итоге рынок образовательных услуг и рынок труда сегодня практически не пересекаются. Это привело в результате к очевидным дисбалансам: дефициту квалифицированных рабочих и инженерных кадров; росту безработицы и увеличению «заменяемой рабочей силы», чьи дипломы в условиях постоянных изменений уже не соответствуют требованиям экономики; большому количеству вакантных мест с оплатой ниже прожиточного минимума. По данным управления труда и занятости Липецкой области в 2010 году из числа лиц, обратившихся в органы службы занятости населения, 64% составили граждане, ранее работавшие, и 36% – ранее не работавшие, ищущие работу впервые. Около половины обратившихся за содействием в поиске работы (47%) – молодежь в возрасте 14-29 лет. С этой же целью в органы службы занятости обратилось 1518 выпускников учебных заведений⁸. Из них 44,7% составили выпускники вузов, 35,7% – ССУЗов, 18,2% – ПУ, 1,4% – школ.

⁶ Макарова М.Н. Труд в обществе знаний. Образование под вопросом. Стратегии воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе. М., 2007. – С. 76.

⁷ Там же. – С. 88.

⁸ Общий выпуск профессиональных учебных заведений Липецкой области в 2010-2011 гг. составил 15391 человек: ВПО – 8064 чел., СПО – 3808 чел., НПО – 3519 чел.

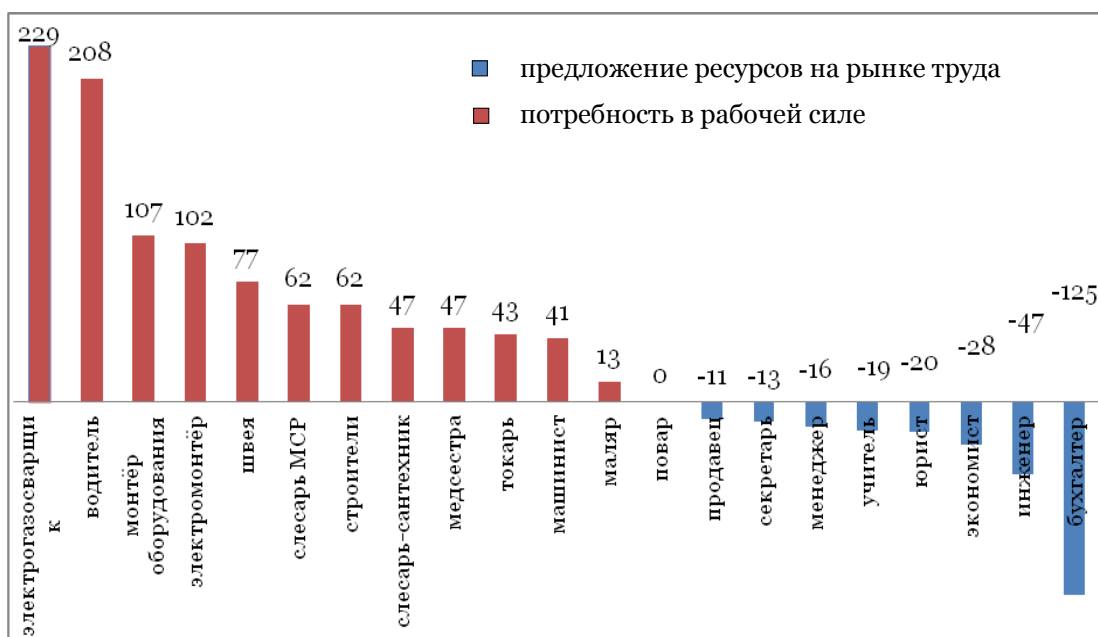

Рис. Дисбаланс спроса и предложения на рабочую силу на рынке труда в г. Липецке на 01.07.2006 по основным заявленным профессиям и специальностям

О структуре спроса на рабочую силу говорят данные о потребностях в работниках, заявленных работодателями. В заявленных вакансиях 72,7% предназначены для рабочих и 27,3% – для специалистов. Потребность в рабочей силе была заявлена работодателями предприятий следующих видов экономической деятельности: обрабатывающие производства – 19,7%; образование – 15,4%; строительство – 14,7%; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 10,6%; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 8,8%; здравоохранение и предоставление социальных услуг – 7,3%; транспорт и связь – 4,9%; государственное управление и обеспечение военной безопасности – 4,6%; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг – 4,5%.

В целях регулирования существующих дисбалансов в сфере труда и занятости эффективное взаимодействие государства, ключевых работодателей и профессиональных учебных заведений можно считать приоритетным. При этом в сложившихся в последние два десятка лет условиях это взаимодействие трудно было назвать согласованным и направленным на реализацию общественного интереса. Об этом свидетельствуют, в частности, мнения заинтересованной общественности, включающей работников сферы профессионального образования, а также руководителей производственных подразделений крупнейшего металлургического предприятия региона ОАО «НЛМК». ОАО «НЛМК» – основной работодатель и налогоплательщик региона. По данным, характеризующим численность занятых в экономике региона, на металлургическую отрасль приходится 44,9% от общего числа занятых в промышленности. Доля ОАО «НЛМК» в налоговых поступлениях городского бюджета 39%, областного бюджета – 18%⁹. Это один из основных потребителей трудовых ресурсов, ежегодно резервирующий около 500 вакансий для квалифицированных работников со средним и высшим профессиональным образованием по 360 профессиям и специальностям.

Сложность проблем занятости требует осуществления их системной оценки акторами гражданского общества, поскольку позиция государственных структур в понимании данных проблем нередко характеризуется узко ведомственным подходом, не позволяющим учесть все аспекты процессов, развивающихся на рынке труда. И, прежде всего,

⁹ Липецкая область в цифрах за 2009 год: Крат. стат. сб./ Липецкстат. Л., 2010. – С. 25, 31.

субъективные ориентации участников. Гражданская экспертиза при этом должна, по нашему мнению, отвечать нескольким важным требованиям:

– во-первых, осуществляться компетентными специалистами, экспертами, способными диагностировать существующие проблемы, оценить их значимость и дать прогноз динамики ситуации;

– во-вторых, носить системный характер, что, в свою очередь, означает отказ от практики разовых оценок и построение долгосрочных программ реализации экспертного процесса;

– в-третьих, опираться на широкое применение данных статистики и репрезентативных социологических исследований, носящих мониторинговый характер;

– в-четвертых, быть институционализированной в виде различного рода советов, фондов, консалтинговых групп и центров.

В настоящее время в Липецкой области такая система еще только формируется. В практике решения проблем занятости используются лишь ее отдельные элементы.

В частности, экспертная оценка проблем занятости, имеющихся во взаимодействии системы профессионального образования и работодателей, а также практики их решения была получена в ходе исследований, осуществляемых в рамках постоянного мониторинга с целью обеспечения комплексного планирования объемов и структуры подготовки кадров по всем уровням профессионального образования и определения контрольных цифр приема. Мониторинг является одним из этапов в реализации соглашения региональной власти и ведущего предприятия ОАО «НЛМК» по реализации областной комплексной программы «Модернизация профессионального образования Липецкой области, 2011-2015 годы». На протяжении последних двух лет в регионе функционирует координационный Совет по кадровому обеспечению и профессиональному образованию Липецкой области, объединяющий представителей органов государственной власти, предпринимателей, учреждений профессионального образования. В ходе реализации соглашения, заключенного между администрацией Липецкой области и крупнейшим работодателем в рамках Совета решаются вопросы создания в регионе производственно-образовательного кластера – группы образовательных учреждений профессионального образования, осуществляющих подготовку кадров для металлургической отрасли. Сотрудничество региона и ключевого работодателя направлено на координацию принципиально важных управленческих решений по созданию эталона квалифицированного востребованного специалиста для металлургической отрасли. При этом будет решаться задача повышения престижа профессионального образования за счет четкого сигнала о приоритетности направлений государственных инвестиций.

Фактически, в настоящее время Совет выполняет функцию относительно независимого экспертного формирования в сфере занятости, опирающегося в своих решениях на материалы мониторинга, которые отражают оценку политики занятости различными группами гражданского общества, прежде всего, включенными в процесс ее реализации.

В частности, результаты опроса преподавателей, проведенного в рамках мониторинга (а именно эта социальная группа относится к числу наиболее компетентных в вопросах профессионального образования и профессионального развития молодежи), показывают, что наиболее востребованными на современном российском производстве, по мнению работников профессионального образования, являются рабочие (47,4%), потребность в специалистах отметили 36,8% опрошенных экспертов системы профессионального образования, в служащих – 5,3%. 10,5% представителей системы образования считают оптимальным для текущего уровня развития производства следующее соотношение: 60% квалифицированных рабочих, 40% квалифицированных технических специалистов. Представители профессиональных учебных заведений считают, что сегодня наиболее востребованными в производственной сфере являются специалисты, компетентные в нескольких смежных сферах (63,2%), 26,3% представителей профессиональных учебных заведений считают, что они должны быть способны решать широкий круг вопросов. Лишь 10,5% опрошенных экспертов видят необходимость, прежде всего, в специалисте, компетентном только в одной сфере. В целом более половины экспертов сферы образования (52,6%) оптимистично настроены в отношении соответствия современного выпускника профессионального учебного заведения требованиям, определяемым реальным

уровнем развития технико-экономического уклада российского производства. Однако заметное число опрошенных экспертов дали противоположную оценку (47,3%). Среди отмеченных экспертами причин несоответствия наиболее популярными стали: внешний фактор – качество ресурсов на «входе» в систему профессионального образования («слабый уровень школьной подготовки, который в большинстве случаев не позволяет эффективно обучать студентов»); внутренние проблемы системы профессионального образования («потребность в увеличении объема часов производственной практики на предприятии (практического обучения), недостаточная ресурсная база профессиональных учебных заведений»).

Наряду с преподавателями в ходе мониторинга обязательно учитывается мнение «производственников», которые способны дать заключения относительно позиции работодателей на рынке труда, о тех требованиях, которые они предъявляют к соискателям рабочих мест.

Отвечая на вопрос о требованиях, которые выдвигает работодатель к специалисту современного металлургического производства руководители цехов и подразделений в качестве приоритетных назвали: способность и стремление к обучению (42,1%), инициативность (36,8%), ответственность (26,3%), инженерную грамотность, профессионализм, умение работать с технической документацией (21,1%), адаптивность к условиям производства и практический опыт (15,8%). К очевидным сильным сторонам трудоустраивающихся на производство выпускников руководители относят: знание компьютерных технологий (84,2%), обучаемость (47,4%) и коммуникабельность (42,1%). Недостатками, которые выделяют работодатели у выпускников профессиональных учебных заведений, являются: слабая практическая подготовка (57,9%), завышенная самооценка своих способностей (42,1%), безынициативность (42,1%) и амбициозность (36,8%). Самыми значимыми при рассмотрении кандидатур на вакантные должности руководители считают такие личностные черты, как: ответственность (94,7%), инициативность (57,9%), исполнительность (52,6%).

Реализация органами власти и крупным работодателем в регионе усилий в подготовке востребованных кадров предполагает адекватное целеполагание, выработку, принятие и реализацию конкретных управленческих решений. Это невозможно без глубокого анализа всей совокупности факторов, обуславливающих текущее состояние рынка труда, квалификационной структуры занятости, практик конкуренции и трудоустройства. К таким факторам относятся, в частности, состояние образовательной системы (доступность, адаптивный потенциал, эффективность, динамика «входных» и «выходных» требований и их соответствие); активность корпоративных структур, реализующих собственные стратегии формирования кадрового потенциала. Эти факторы, взаимодействуя в неопределенном количестве вариантов, приводят к формированию среды, детерминирующей исходные профессиональные потребности и мотивации индивидов. Помимо указанных макрофакторов ключевым является активность конкретных индивидов, групп с различными ресурсными возможностями, обусловленными их социальным капиталом, автономными и свободными в осуществлении своих практик. Неустойчивость современной жизни, разрывы социальной преемственности формируют индивидуализированный рефлексивный тип личности, неустойчивое положение которого заставляет его постоянно осуществлять внутренний мониторинг меняющихся реалий.

Таким образом, в настоящее время гражданская экспертная оценка процесса решения проблем занятости в Липецкой области реализуется преимущественно в форме социологического мониторинга. Ее развитие требует расширения круга участников, привлечения к этой деятельности общественных объединений, более последовательного использования результатов экспертных оценок для подготовки и принятия управленческих решений.

Список литературы

1. Стародубровская, И.В. Великие революции. От Кромвеля до Путина / И.В. Стародубровская, В.А. Мау. М.: Вагриус, 2004. 438 с.

2. Кузьминов, Я.И. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. / Я.И. Кузьминов, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 54 с.
3. Риттер, М. Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: проблемы и подходы: Сб. учеб. материалов по курсу «Полит. Регионалистика»: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Г.М. Михалевой, С.И. Рыженкова. М., 1998. С. 15-59.
4. Макарова, М.Н. Труд в обществе знаний. Образование под вопросом. Стратегии воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе / М.Н. Макарова. М.: ЛКИ, 2007. 168 с.
5. Липецкая область в цифрах за 2009 год: Крат. стат. сб./ Липецкстат. Л., 2010. 218 с.

CIVIL EXPERT EXAMINATION IN TERMS OF SOLVING PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION IN REGION

N.A. SILKINA

*Lipetsk State Technical
University*

e-mail: Silkina_NA@list.ru

The article discusses problems of the organization of civil expert examination of process of solving problems of employment. The idea of attraction to it of representatives of subjects of economic activities is proved. On materials of the Lipetsk region possibilities of use are shown during civil expert examination of sociological monitoring, its concrete results are considered in the paper.

Key words: labor market; employment, civil expert examination; sociological monitoring.

УДК 316.42:35

СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ¹

Н.П. СТАРЫХ*Орловская региональная
академия государственной
службы**e-mail: npstaryh@rambler.ru*

В статье рассмотрена проблема внедрения гражданской технологии – гражданской экспертизы в местном самоуправлении. В последние десятилетия значительно возросло влияние органов местного самоуправления на все сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим встает вопрос о том, как общество будет контролировать деятельность этих органов. Только объединенная общественность, по мнению автора, сможет контролировать функционирование органов местного самоуправления, тем самым обеспечив длительное и устойчивое развитие общества.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданская экспертиза, социальные барьеры.

Динамичное развитие общества обуславливает необходимость рационализации всех уровней социального управления². Наиболее слабой и менее изученной подсистемой в данной связи в настоящее время остается местное самоуправление. Поэтому возникает необходимость совершенствования деятельности органов местного самоуправления, которое невозможно без достаточной и достоверной социальной информации. Это обстоятельство определяет необходимость развития системы гражданских технологий на местном уровне, что позволит существенно оптимизировать принятие управленческих решений органами местного самоуправления, снизить уровень социальных рисков, рационализировать использование инновационных технологий в разрешении и регулировании социальных проблем.

Одной из сложных проблем в местном самоуправлении, как свидетельствует российская социальная практика и подтверждают научные исследования, остается разработка рациональных управленческих решений³. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время возникла актуальная необходимость применения гражданских технологий в системе местного самоуправления.

Гражданские технологии – социальные технологии, реализуемые субъектами гражданского общества в общественных интересах. Большинство гражданских технологий заимствованы и имеют аналоги в политической, административной, юридической и бизнес-практике с той лишь разницей, что субъектом, «собственником», оператором этих технологий является гражданский актор (общественная некоммерческая организация, гражданская инициативная группа, гражданский активист), а целью их использования является продвижение, осуществление или защита общественных интересов.

Под общественными интересами подразумевается самый широкий и разноуровневый спектр групповых интересов, реализующихся вне сферы частной (семейной) жизни его носителей.

¹ Работа выполнена в рамках мероприятия 1.4 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ в целях развития общероссийской мобильности в области социологии», лот №2011-1.4-303-020 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Проект «Гражданская экспертиза практики регионального управления: технология, социокультурные и организационные барьеры». Шифр заявки №2011-1.4-303-020-002 (рук. В.П. Бабинцев).

² Рагозина Л.Г. Итоги мониторинга результатов реализации реформы местного самоуправления, осуществленного Институтом экономики города // Вопросы местного самоуправления. 2010. №4. – С. 4-14.

³ Долгополов Е.М. Информационная модель управленческих решений // Проблемы устойчивого социально-экономического развития и управления муниципальных образований: материалы первой Всероссийской научно-практической конференции, г. Пермь, 30 октября 2008 г. / Филиал ФГОУ ВПО УРАГС. Пермь, 2008. – С. 197.

Смысл применения гражданских технологий в отношении институтов публичной власти – оказание воздействия на источник власти с целью продвижения, осуществления или защиты общественного интереса.

Гражданские технологии могут быть использованы гражданскими акторами применительно к органам местного самоуправления в самых различных целях: от гармонизации отношений «общество – муниципалитет», в той или иной «отрасли» этих отношений, до выстраивания жесткой «гражданской обороны» или активного «гражданского сопротивления» в отношении тех или иных муниципальных практик, инициатив или институтов.

Применительно к муниципальным услугам гражданские технологии могут быть использованы гражданскими акторами прежде всего как инструменты приведения к максимально возможному соответствию предложения и гражданского спроса (гармонизации государственного, местного и общественных интересов в процессе оказания муниципальных услуг). В данном контексте применимы практически любые гражданские технологии, от простейших коммуникативных («круглые столы», петиционные кампании), до ресурсоемких технологий «прямого действия» (гражданский контроль, гражданские переговоры, акции публичного протеста).

Для нас наибольший научный интерес представляет такая гражданская технология, как гражданская экспертиза.

Гражданская экспертиза на местном уровне – независимый от органа муниципального управления анализ социально значимых практик с точки зрения их соответствия общественному интересу, который отстаивает гражданский актор, являющийся заказчиком (исполнителем) экспертизы.

Возможные предметы гражданских экспертиз применительно к властным услугам на местном уровне:

- гражданская экспертиза практики реализации муниципальной услуги на предмет соблюдения прав получателей услуги, прав человека, национального и международного законодательства;
- гражданская экспертиза муниципальной услуги на предмет соответствия практики ее реализации стандарту данной услуги;
- гражданская экспертиза муниципальной услуги на предмет ее соответствия интересам различных групп получателей услуги (целевых групп);
- гражданская экспертиза муниципальной услуги на предмет ее соответствия интересам «нецелевых групп», «непрофильным» общественным интересам, общественным интересам иных уровней.

Применительно к муниципальным услугам гражданский мониторинг (в большей степени), гражданский контроль и гражданское расследование (в меньшей степени) могут использоваться гражданскими акторами как включенные процедуры гражданской экспертизы⁴.

В то же время, несмотря на актуальность и необходимость технологии гражданской экспертизы при ее применении не исключено возникновение социальных барьеров.

Одним из таких барьеров может стать непринятие органами местного самоуправления критики принимаемых ими управленческих решений, незаинтересованность и неготовность к конструктивному диалогу с населением.

Показательна структура стереотипов муниципальных служащих и их менталитета в отношении управляемого ими сообщества. Оказывается, что важнейшими факторами пассивности населения в отношении местного самоуправления и принятия участия в решении вопросов местного значения стали его социальное иждивенчество (52%), безразличие к общественным делам (48%), индивидуализм (46%), отсутствие у населения достаточных знаний, некомпетентность в вопросах местного значения (45%)⁵.

⁴ Пермская гражданская палата. Официальный сайт // Режим доступа к изд.: <http://www.pgpalata.ru/>

⁵ Татаурова Е.Н. Муниципальное управление: проблема взаимодействия с населением // Региология. 2008. №1. URL: <http://regionsar.ru/node/11>

Местная власть для населения большей частью представляется формально-бюрократической структурой, куда без особой надобности обращаться не стоит. Это косвенно признают и сами муниципальные служащие, говоря о недоверии населения к местным властям и возможностях его влияния на принятие решений. Так, на вопрос о том, какие факторы затрудняют деятельность органов местного самоуправления, среди прочих получены следующие оценки (таблица)⁶.

Таблица

В какой мере затрудняют работу органов местного самоуправления следующие обстоятельства (по оценкам муниципальных служащих), в %

Обстоятельство	Затрудняют работу	И да, и нет	Не оказывают влияния
Недостаточно активное участие населения в решении вопросов местного значения	22	51	26
Недоверие населения к органам местного самоуправления	27	50	23
Отчужденность органов местного самоуправления от населения	18	48	33

Представленные результаты свидетельствуют о том, что отсутствие активного участия населения, его недоверие к органам местного самоуправления, отстраненность их от населения не затрудняют деятельность чиновников местного самоуправления. Напротив, попытки гражданского общества контролировать процесс принятия и реализации управленческих решений, участвовать в решении всех общественно значимых вопросов, могут быть восприняты негативно.

Следующий социальный барьер организации гражданской экспертизы обусловлен недостаточным объемом информации о принимаемых решениях органами местного самоуправления и о предоставляемых ими услугах.

Так, удовлетворены степенью информированности о деятельности органов местного самоуправления 9,6% жителей, «скорее да» – 20,4%, «скорее нет» – 31,5%, «нет» – 23,5%, «затруднились ответить» – 15,0%⁷.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что более 50% опрошенных жителей считают недостаточным уровень информированности о деятельности органов местного самоуправления.

Как правило, отсутствие достаточного объема информации о деятельности органов местного самоуправления приводит к низкому уровню доверия к органам местного самоуправления, что подтверждается ответами респондентов, считающих, что уровень доверия граждан органам местного самоуправления: «высокий» – 3,3%, «средний» – 39,7%, «низкий» – 57,0%.

Данный барьер имеет своим следствием появление следующего социального барьера – отсутствие заинтересованности населения в целесообразности проведения гражданских экспертиз. Невысокий уровень доверия органам местного самоуправления со стороны населения снижает эффективность взаимодействия населения и органов местного самоуправления. По данным авторского исследования, эффективность взаимодействия органов местного самоуправления с населением оценивается большинством населения как средняя (42,8%). А средняя оценка эффективности взаимодействия населения и органов местного самоуправления в свою очередь ведет к отсутствию уверенности населения в возможности повлиять на принимаемые управленческие решения (41,8%).

⁶ Татаурова Е.Н. Муниципальное управление: проблема взаимодействия с населением // Региология. 2008. №1. URL: <http://regionsar.ru/node/11>

⁷ Здесь и далее данные анкетирования домохозяйств, проведенного автором в апреле – мае 2010 года среди жителей г. Орла. Общий объем выборки – 624 анкеты, заполненные опрошенными представителями семей. Объем выборки определялся с доверительной вероятностью 0,95 и предельной ошибкой, равной 4%. Вид выборки – многоступенчатая.

Результаты проведенного социологического исследования показали, что из опрошенных, не желающих принимать участие в жизни города, 56,4% не доверяют органам местного самоуправления, 35,6% опрошенных, не интересующихся городскими событиями, полностью не доверяют органам местного самоуправления. Частично доверяют органам местного самоуправления: 52,6% из тех, кто готов участвовать, если бы было время; 53,4% интересующихся, но не участвующих в жизни города; 40,8% активно участвующих в жизни города.

Более 65% опрошенных негативно настроены к местной власти: из них – 40,9% жителей стараются не вступать во взаимодействие с органами местного самоуправления, а 27,3% – обратятся только в самом крайнем случае.

Все эти факторы могут привести к незаинтересованности населения в проведении гражданских экспертиз, к недоверию достоверности полученных результатов.

Результаты анкетирования представителей целевых групп (членов общественных организаций Белгородской области – N=71, государственных и муниципальных служащих – N=129 и экспертов – N=78) свидетельствуют, что, по мнению большинства опрошенных (66,2%), практика гражданской экспертизы в регионе развита недостаточно или совсем не развита, при этом 25,4% затруднились ответить на данный вопрос.

В качестве основных препятствий (барьеров) на пути организации гражданской экспертизы представителями общественных организаций были названы следующие: отсутствие у общественности ясного представления о содержании этой деятельности – 40,9%; пассивность населения – 35,2%; отсутствие традиций – 22,5%; противодействие чиновников – 21,1%; отсутствие нормативного обеспечения – 21,1%. По мнению государственных и муниципальных служащих, наиболее существенными барьерами организации гражданской экспертизы в регионе (муниципальном образовании) выступают: отсутствие у общественности ясного представления о содержании этой деятельности – 60,5%; пассивность населения – 49,6%; отсутствие нормативного обеспечения – 27,9% и противодействие чиновников – 18,6%.

Оценивая эффективность различных методов участия общественных объединений в оценке качества регионального и муниципального управления, представители общественных организаций в числе наиболее результативных отметили: участие в работе представительных органов власти (45,0%); создание общественных советов при органах исполнительной власти (42,3%); организацию интернет-форумов с обсуждением проектов решений и нормативных актов (35,2%), обсуждение проблем на заседаниях Общественной палаты (29,6%). По мнению экспертов, к вышеназванным методам следует добавить социологический мониторинг (51,3%) и обсуждение проектов решений в СМИ (34,6%).

Таким образом, наиболее существенными барьерами организации гражданской экспертизы в муниципальном управлении являются отсутствие у населения ясного понимания сущности, роли, значения данной гражданской технологии, недостаточно разработанная нормативно-правовая база, пассивность населения, низкий уровень доверия органам власти, противодействие чиновников, отсутствие традиций. Вместе с тем, органы местного самоуправления, как выразители потребностей и интересов населения, проживающего на данной территории, на наш взгляд, не должны негативно воспринимать применение технологии гражданской экспертизы.

Список литературы

1. Долгополов, Е.М. Информационная модель управленческих решений / Е.М. Долгополов // Проблемы устойчивого социально-экономического развития и управления муниципальных образований: материалы первой Всерос. науч.-практ. конференции, г. Пермь, 30 окт. 2008 г./Филиал ФГОУ ВПО УраГС. Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2008. С. 197.
2. Пермская гражданская палата. Официальный сайт // Режим доступа к изд.: <http://www.pgpalata.ru/>
3. Рагозина, Л.Г. Итоги мониторинга результатов реализации реформы местного самоуправления, осуществленного Институтом экономики города / Л.Г. Рагозина // Вопросы местного самоуправления. 2010. №4. С. 4-14.
4. Рычихина, Э.Н. Мониторинг в системе социального управления муниципальным образованием / Э.Н. Рычихина : автореферат дис. ... доктора социол. наук. М., 2010.

---

5. Татаурова, Е.Н. Муниципальное управление: проблема взаимодействия с населением / Е.Н. Татаурова // Регионоведение. 2008. №1. Режим доступа к изд.: <http://regionsar.ru/node/11>

SOCIAL BARRIERS OF THE ORGANIZATION OF CIVIL EXPERT EXAMINATION IN THE CONDITIONS OF LOCAL GOVERNMENT

N.P. STARYH

*Oryol Regional Academy
of Management*

e-mail: npstaryh@rambler.ru

The article considers the problem of introduction of civil technology – civil examination in local expert government. Last decades the influence of local governments on all spheres of ability to live of a society has considerably increased. In this context there is a question of how the society will supervise activity of these branches. Only the incorporated public, according to the author, can supervise functioning of local governments, thereby having provided long and a society sustainable development.

Key words: local government, civil expert examination, social barriers.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

О РАБОТЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ»¹

Н.М. МУРАДОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 8 сентября 2011 года в НИУ «БелГУ», на площадке социально-теологического факультета была открыта всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности».

Цель данной конференции состояла в том, чтобы развить творческую активность студентов, аспирантов, молодых ученых и привлечь их к решению наиболее актуальных задач современности, среди которых имеют существенное значение проблемы национальной и этнокультурной идентичности, межнациональных отношений.

К сожалению, сужение политических и экономических пространств, вызванное процессами глобализации планеты, одновременно привело к столкновению жизненных интересов и ценностных ориентаций самых различных народов. Очевидно, что выйти из бесконечной череды геополитических, религиозных и национальных противоречий можно лишь одним способом — через искусство *диалога*. Идея «толерантного Мира» и формирование гражданского общества в России – темы злободневные и, безусловно, требующие глубокого осмысления.

Программа конференции была рассчитана на три рабочих дня (8-10 сентября), что позволило участникам затронуть крайне дискуссионные вопросы, прояснить опыт последних научных исследований и ближе познакомиться друг с другом.

Открывая конференцию, с приветственными словами выступили проректор по научной работе НИУ «БелГУ», кандидат педагогических наук, доцент **Сокорев В.В.** и декан социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», доктор педагогических наук, профессор **М.С. Жиров**. Поблагодарив участников за проявленный интерес к конфе-

---

¹ Публикация выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170).

ренции, они подчеркнули актуальность проблематики обсуждаемых вопросов. Затем выступил заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России **В.П. Римский**. Он отметил важность и результативность подобного рода мероприятий, а также выразил особую благодарность участникам, приехавшим из других регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Самара, Ростов-на-Дону, Воронеж, Казань, Липецк, Тула, Орел) и ближнего зарубежья (Украина, Беларусь).

Работа началась с выступления доктора философских наук, профессора кафедры философии **Кроткова Е.А.** Название его доклада звучало следующим образом: «*В чем должна заключаться толерантность (и чем она не является) в контексте решения задачи минимизации социальной напряженности?*» Речь шла о том, что сегодня целесообразно говорить о социально значимых различиях у носителей толерантности. Под толерантностью мы должны понимать здесь только добровольное, сознательное желание сторон войти в общее поле ценностей. «*У нас популярны поиски государственнообразующей общности людей. Крепнет мнение, что русскость лежит на поверхности. Если человек исповедует православную религию, то он русский... Межнациональные отношения должны регулироваться нормами права*», – высказал свою точку зрения Евгений Алексеевич в ответ на один из вопросов аудитории.

Немалый интерес слушателей и оживленную дискуссию вызвал своим выступлением доцент кафедры теологии, кандидат богословия священник Юлиан Гоголюк. В ходе рассуждений на тему «*Толерантность в перспективе парадигмы постмодерна*» отец Юлиан отмечал, что «*толерантность присутствует в парадигме постмодерна в отличие от парадигмы традиционной культуры (христианских ценностей)... толерантность – это великая подмена, которая показывает, как жить в современном обществе*».

Не первый раз университет мог приветствовать руководителя Центра историко-софских исследований Института философии АН Беларуси, доктора философских наук, профессора Адуло Тадеуша Ивановича и профессора кафедры философии и социологии Украинской государственной академии железнодорожного транспорта Загрийчука И.Д. (г. Харьков).

В своем докладе профессор Адуло затронул один из важнейших вопросов: «*Каков методологический потенциал современный философии?*»

Завершал работу пленарного заседания доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, практической этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого Назаров Владимир Николаевич. В докладе «*Моральный рессентимент как симптом современной квазитолерантности*» акцент был сделан на то, что рессентимент как социокультурное явление связан с культом самоутверждения, соперничества культур (почему именно в Европе рессентимент стал производительной силой, оказав влияние на культуру, на систему морали?)

После небольшого перерыва в рамках конференции началась работа секций под руководством профессоров и доцентов кафедры философии, а также гостей конференции, ведущих специалистов в области социологии, культурологии, истории, социальной философии, экономики и юриспруденции.

Секция №1: «**Методология исследования и моделирования социокультурной динамики гражданского общества и толерантности**» (8 сентября).

Работа первой секции началась с доклада «*Концепт гражданского общества в конституционных текстах и культурных контекстах нового времени*» (Мамин А.С., Кожемякин Е.А. г. Белгород).

Речь шла о том, что концепт имеет определенную «культурную силу» лишь тогда, когда он перманентно присутствует в сознании носителей культуры, а это достигается, главным образом, в том случае, если гражданское общество становится предметом общественно значимого практического дискурса.

Затем с докладом о толерантности, как движущей силе гражданского общества, выступил Полуянов В.П. (г. Харьков, Украина). Был дан развернутый анализ некоторых концептуальных подходов, существующих в научной литературе, к пониманию и интерпретации понятия «гражданское общество». «*Сегодня пишут о гражданском обществе*

как о зарождении новой постиндустриальной цивилизации. Необходимо учитывать, что в период смены социальной системы изменится характер, цели деятельности субъектов, их роль в отношении с властью и между собой» (цитата).

Интересно, что в дискуссии были затронуты такие вопросы как: «экстремизм» и «терроризм» в контексте современной политики государства; возможна ли гражданская солидарность в условиях революции; «новая религиозность» в условиях социальных последствий глобализации.

Секция №2: **«Межнациональные и межконфессиональные отношения в культурно-цивилизационных диалогах: опыт кризисов, гармонизации и преодолечения рисков в контексте гражданского общества»** (9 сентября).

Доклад «Разжигание расовой, национальной и религиозной розни в сети интернет в современной России» (Агасян А.В., г. Белгород) положил начало работе второй секции (второй день конференции). Отмечалось, что *«интернет – это наиболее неконтролируемое информационно пространство, что делает его универсальным средством для ведения любой пропаганды»*.

Интересное выступление, повлекшее за собой активную дискуссию, было сделано представительницей «культурной столицы» России, Ромашко Т.В. Темы доклада звучала так: «Концептосфера национальной идентичности в России». Под сомнение была поставлена состоятельность самого понятия «нация». Чтобы раскрыть современное понимание концепта «национальная идентичность», внимание обращалось на становление данной категории в разных науках. В выводах докладчик отметил, что в современном мире этническая принадлежность уже не является сущнообразующим атрибутом нации.

Затем выступила Алива М.А. (г. Буденовск), доклад которой строился на основе практических исследований (данные соцопроса, проведенного автором). В нем был описан процесс становления этнической идентичности выходцев из межэтнической семьи. Удивительно, но важность этничности для них снижается от поколения к поколению.

Учитель истории, приехавший из Ростова-на-Дону, Солодухин А.С. выступил с докладом на тему «Гадячская уния в национальном Украинском проекте». Речь шла о том, что одним из самых действенных средств этнополитической консолидации является так называемый «комплекс виктимации» – фиксация внимания на трагических событиях, в которых народ предстает жертвой агрессии, дискриминации или иного негативного воздействия.

Секция №3: **«Практические аспекты формирования этно-конфессиональной толерантности в становлении гражданского общества современной России»** (9 сентября).

Особый интерес слушателей вызвали выступления представительниц Самарского государственного университета. С первым докладом «Стратегии культурной адаптации мигрантов из Средней Азии в контексте российского мегаполиса» выступила Пивоварова М.Н. Как начинающий исследователь в области этнографии, автор положил в основу своего доклада результаты глубинных интервью и опросов, проведенных среди мигрантов. Оказалось, что экстремальный характер среды существования трудового мигранта накладывает отпечаток на функционирование присущей ему культурной специфики. *«Тяжелый труд, длительный рабочий день, съемное жилье (или отсутствие оно), сложности правового характера, наконец, ограниченность контактов и фактор психологического давления окружающей среды – все это может привести к регрессу или полному исчезновению каких бы то ни было проявлений культурной жизни. Однако этого не происходит, во многом потому, что сохранившая все основные черты патриархата, среднеазиатская культура находит свое продолжение не столько в материальной своей ипостаси, сколько в духовной и, прежде всего – социальной»*.

Завершала работу данной секции также представительница Самары, Белевцова В.О. с докладом «Этноконфессиональное взаимодействие в Урало-Поволжье (на примере традиционной свадебной обрядности марийцев)».

Урало-Поволжье является одним из многонациональных регионов, где на протяжении длительного времени активно взаимодействовали различные по своему происхождению, социально-культурному и хозяйственному типу народы, говорящими на языках трех крупнейших языковых групп современной России: индоевропейской (русские),

тюркской (татары, башкиры, чуваша) и финно-угорской (мордва, марийцы, удмурты). Еще более уникальным край делает его неоднородность в конфессиональном плане, а именно соседство христианства, ислама и язычества. В данном исследовании была предпринята попытка выявить роль межэтнических контактов в традиционной марийской свадьбе (которые рассматривались как с учетом этнического, так и конфессионального факторов).

В последний день работы конференции (10 сентября) были проведены следующие мероприятия:

Секция №4: **«Политико-правовой анализ гражданского общества и проблемы национально-конфессиональной толерантности».**

Основными темами дискуссии стали вопросы «политика мультикультурализма» и «религиозной идентичности».

В докладе Беляева Д.А. (г. Липецк) политика мультикультурализма рассматривалась как феномен постмодернистской культуры. Также в своем выступлении докладчик уделил внимание недавним террористическим акциям норвежца А. Брейвика. Это, на его взгляд, являлось симптомом имплицитно зреющего недовольства европейцами сегодняшней практикой реализации политики мультикультурализма.

Слушатели и руководители секции задали немало вопросов докладчику, что спровоцировало долгую дискуссию о социальных реалиях XXI века.

Одним из завершающих работу секции выступлений стал доклад Сухорукова В.В. (г. Белгород, БелГУ), в котором говорилось о религиозной и молодежной специфике идентичности. Важно, что автор продемонстрировал каковы механизмы и ограничения государственного управления религиозной идентичностью молодежи. В выводах было отмечено, что *«наиболее перспективным является внедрение элементов религиозности в имеющиеся молодежные организации студенческого, спортивного и политического характера».*

После короткого перерыва участники конференции посетили научно-методологический семинар **«Методы научного поиска и технологии подготовки диссертаций»**, одним из руководителей которого стал зам. главного редактора журнала РАН «Человек», кандидат философских наук **Мануильский М.А.**

Участники и гости конференции смогли там же задать все интересующие их вопросы, высказать пожелания и поблагодарить друг друга за продуктивный разговор. Важно отметить, что насыщенная работа круглых столов все три дня чередовалась с культурно-развлекательной программой, что помогло сблизиться участникам и получить положительные впечатления. После подведения итогов работы участники получили сборники по материалам докладов и выступлений, а также еще раз услышали слова благодарности и напутствия от организаторов мероприятия.

Подобная конференция, собирающая «под своим крылом» как начинающих ученых, так и уже состоявшихся специалистов, несомненно, достигла и в будущем еще не раз достигнет своей цели – создания действенного пространства научного дискурса, представления широкого спектра новых научных результатов и проведения живого диалога между всеми ее участниками.

ON THE RESULTS OF RUSSIAN YOUTH CONFERENCE «COGNITIVE MODELING: DYNAMICS OF CIVIL SOCIETY AND A FACTOR OF NATIONAL CONFESSIONAL TOLERANCE»

N.M. MURADOVA

*Belgorod National
Research University*

**ОБЩЕСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА
В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ
ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧА-
СТИЕМ «СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА» (НИУ БЕЛГУ,
10 ФЕВРАЛЯ 2011 Г.)**

**А. П. КОРОЧЕНСКИЙ
С. Д. ЛЕБЕДЕВ**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

Социология религии является сегодня одним из ведущих направлений исследований в мировой социологической науке. Она представляет динамично развивающуюся область научного познания и в современной России, что связано прежде всего с религиозным ренессансом конца XX – начала XXI веков и с преодолением идеологических ограничений, сковывавших развитие отечественной социологии в советский период. Наблюдаемое в наши дни активное вхождение религиозных практик и институтов в общественную и культурную жизнь, прогрессирующая в клерикальных кругах доктринальная проработка вопросов социальной деятельности различных церквей и конфессий требуют пристального внимания учёных – как религиоведов, так и представителей социологической науки. Это особенно важно в связи с тем, что прошедшая историческая эпоха, ознаменовавшаяся в нашей стране тотальной секуляризацией общественной жизни, создала многочисленные предпосылки для возникновения разнообразных проблем и конфликтов между светской и религиозной сферами. К этому добавились противоречия, свойственные новой эпохе.

Обсуждению наиболее важных проблем и поиску путей их решения была посвящена Всероссийская научная конференция с международным участием «Социология религии в обществе Позднего Модерна», состоявшаяся 10 февраля 2011 г. в Национальном исследовательском университете БелГУ. Конференция была организована Институтом государственного и муниципального управления НИУ БелГУ при участии Российского общества социологов и Российского объединения исследователей религии. В состав организационного комитета конференции вошли представители руководства НИУ БелГУ, Института социально-политических исследований Российской Академии Наук (ИСПИ РАН) и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ).

В научном форуме приняли участие белгородские и столичные социологи, зарубежные исследователи социологии религии, а также представители РПЦ и журналистского сообщества, специализирующиеся на освещении религиозной тематики. Среди них – М. Благоевич (Институт философии и общественной теории, Белград, Сербия); Ю.Ю. Синелина и Е.М. Мчедлова (Институт социально-политических исследований Российской академии наук, Москва); С.Д. Лебедев (НИУ Белгородский государственный университет, Белгород); известный журналист-религиовед А.О. Морозов (Центра медиаисследований УНИК, Москва) и другие.

Пленарное заседание конференции открыл ректор НИУ БелГУ, доктор социологических наук Л.Я. Дятченко. В своем **Приветственном слове к участникам конференции** он охарактеризовал актуальные на сегодняшний день проблемы, связанные с ростом интереса к религии в современном обществе и активизацией религиозного фактора в духовной сфере и политике. При этом отмечается стремление деструктивных группировок продвигать под видом религиозной деятельности различные формы экстремиз-

ма и терроризма. Произошедшие изменения поставили перед социологической наукой ряд неотложных задач. Главная из них – охарактеризовать проявившиеся в современном обществе тенденции, преломив их сквозь призму научного познания, для того, чтобы беспристрастно понять, что происходит в современном мире, и какими мотивами руководствуются люди, сознательно идущие на смерть и на уничтожение себе подобных под религиозными лозунгами. Вторая стратегическая задача социологии – предложить механизмы защиты современной молодёжи и всего общества от негативного воздействия деструктивных сил, раскрывая идеалы мира, добра, гуманизма, нравственности и толерантности, которыми и руководствуются все мировые религии.

Л.Я. Дятченко подчеркнул: социология должна, действуя не только на исследовательском поле, иметь выход на практику, помогая бороться с разрушительными проявлениями путем консолидации ученых, государственных служащих и простых граждан. Ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета напомнил, что в возглавляемом им вузе обучаются представители более 56 различных национальностей, гармонично представлены разнообразные национальные и религиозные традиции. В религиозном и культурном пространстве университета создана комфортная обстановка для всех участников учебного процесса. В Белгородском государственном университете воздвигнут православный храм, функционирует католическая моленная комната, регулярно отмечаются праздники различных конфессий: католическое Рождество, Пасха, китайский Новый Год, день Архангела Гавриила и т.д. Это непосредственно способствует воспитанию взаимного уважения, интереса к иным культурам и солидарности с представителями других религий и национальностей. Докладчик подчеркнул, что университет намерен и в дальнейшем оказывать помощь различным религиозным сообществам и организациям, поддерживать консолидацию общественных и научных сообществ на принципах конструктивного взаимодействия.

Оживленную дискуссию на пленарном заседании вызвал доклад сербского учёного М. Благовевича «**Ревитализация религии (православия) в Сербии: действительность или миф?**». Докладчик привел результаты масштабного социологического исследования религиозной ситуации в современной Сербии, где 85% населения исторически относятся к православной традиции. В этом отношении положение в балканской республике рассматривается как очень близкое к религиозной ситуации в России, и особенно в таких ее регионах, как Белгородская область. М. Благовевич, один из ведущих сербских социологов, привел статистические данные, которые свидетельствуют, что за последнюю четверть века в Сербии конфессиональная структура верующих не изменилась, религиозное сознание населения укрепилось, а в обрядовой области наблюдается некоторое, хотя и медленное продвижение вперед. Докладчик подчеркнул, что рост интереса к религии сам по себе еще не обеспечивает развитие духовности людей, обогащающей их повседневные отношения, поскольку истинное духовное преображение человека всегда связано с его индивидуальными усилиями.

Профессор М. Благовевич отметил, что выявленные социологами изменения в отношении сербов к религии, несомненно, далеки от ожидаемого церковью непроблематичного и последовательного религиозного поведения. Но вместе с тем именно изученное религиозное поведение доказывает действительные, хотя и ограниченные, медленные изменения в конвенциональной религиозности населения.

Исследователь обозначил проблему интерпретации результатов социологических замеров: как в сербской, так и в русской социологии религии часто появляются несовпадающие толкования научных эмпирических данных о связи и отношениях людей с религией. Анализ результатов исследований, в конечном итоге, приводит к различным общим выводам о масштабах и самом процессе ревитализации религии и религиозности в современном мире. В течение последних лет результаты многочисленных исследований, посвященных религии и религиозности, нередко толковались диаметрально противоположным образом. Так, по мнению М. Благовевича, в России формировались две группы социологов, склонных к контрастным выводам в отношении проблемы религиозности. Первая группа упомянутых исследователей делает вывод, что действительного возрождения православной религиозности не происходит, а на деле проявляется формальная религиозность, характеризующаяся идейной аморфностью, эклектичным сознанием, ко-

торое либо не является строго определенным в конфессиональном смысле, либо, имея конфессиональную направленность, тем не менее является недогматическим, открытым, неструктурированным, представляя собой определенный вид духовной энтропии. Вторая группа исследователей использует те же или аналогичные научные данные, но на их основании проходит к совершенно иным выводам: что в России с девяностых годов прошлого века идет ревитализация православия и аффирмация его общественной роли в целом, и это процесс в общем не вызывает сомнений. Чтобы избежать разноречий в выводах, исследования должны основываться на учёте согласованных стандартных индикаторов религиозности людей на протяжении длительного периода.

В докладе руководителя сектора социологии религии ИСПИ РАН Ю.Ю. Синелиной на тему **«Концепция множественных современных обществ и ее влияние на современную социологию религии»** вопросы изучения религиозности и секуляризации были представлены в концептуальном контексте, рамки которого заданы определенными представлениями о сущности модернизации. Докладчица отметила, что современных общественных науках установилось три основных сценария в оценке процесса модернизации: космополитический (универсальный), сценарий столкновения цивилизаций, множественных современных обществ. Концепция множественных современных обществ Ш. Эйзенштадта представляется Ю.Ю. Синелиной более адекватной, чем альтернативные концепции секулярного космополитизма и столкновения цивилизаций, поскольку она соединяет некоторые элементы обеих концепций, избегая их недостатков. Как и космополитизм, она утверждает, что существуют некоторые общие элементы или общие черты, имеющиеся у всех «современных» обществ, которые помогают отличить их от их «традиционных» или досовременных форм.

Учитывая концепцию «множественных современных обществ» применительно к социологии религии, автор доклада пришла к выводу, что сегодня все мировые религии радикально трансформировались под воздействием процессов модернизации и глобализации, но они трансформировались различными и многообразными путями. Вынужденные отвечать на глобальную экспансию современности, также как и на взаимные и обоюдные вызовы, все они проходят сложные процессы осовременивания. В связи с этим одним из важнейших для социологии религии является вопрос о том, как мировые религии ответят на глобальную экспансию «западной секулярной современности» и как все религиозные традиции изменятся (будут реинтерпретированы) в ответ на этот глобальный вызов. Вслед за крупнейшими западными социологами Х. Казановой и Г. Дэйви Ю. Синелина ставит вопрос о том, возможна ли «незападная несекулярная современность».

Сегодня цель ученых – более полное понимание вовлеченности религии и в социальные структуры, и в культурные формы. Важнейшими изменениями в этой сфере являются переход религиозных обязательств в форму личной склонности человека, и возрастающие признаки духовного интереса (действительно религиозной веры), но не связанные с институциональными обязательствами.

Доклад старшего научного сотрудника ИСПИ РАН, профессора Е.М. Мчедловой **«Новое в религиозной среде с точки зрения социолога религии»** был посвящен теоретическим аспектам современных инноваций в религиозных кругах. Помимо уже давно существовавших философий религии, в XX веке возникли несколько «новых» течений: диалектическая теология процесса, экзистенциальная, секулярная, радикальная, посттеистическая, теология земных реальностей, теология труда, теология культуры, теология политики, феминистская и пр. По заключению автора доклада, этим течениям свойственно стремление превратить учение о Боге также в учение о людях и их земных делах, а также определить природу и функции «религиозного опыта»; исследовать смысл и функции языка религии; определить степень обоснованности и истинности религиозных верований, их эпистемологический статус.

Современные религиозно-философские инновации отличаются тем, что пропагандируют взаимодействие культуры, духа, норм морали и права зачастую в геополитическом контексте. Речь идет и о специфической религиозной символизации пространства, внутри которой межличностные связи действуют на основе индивидуализации и субъективизации религиозного выбора, духовного опыта. Показательно, что происходящие за последние годы волнения среди мигрантов, национальные движения используют

религиозную аргументацию в защиту прав личности, верующих общностей. Налицо тенденция приспособления к современным формам социального и политического участия – заключает Е.М. Мчедлова.

Столичная исследовательница уделила особое внимание обзору первых результатов новейшего всероссийского социологического исследования состояния религиозности, выполненного в рамках гранта РГНФ. Две трети опрошенных (точнее, 66%) самоидентифицировались как верующие. Из них преобладающее большинство – православные (почти 85%). При этом большая часть провозгласивших себя верующими, судя по предварительным результатам опроса, являются невоцерковленными (т.е., практически не посещают моленные дома, не молятся, или молятся какими-то своими молитвами, не исповедуются и не причащаются, не соблюдают постов, не читают священных книг и т.д., т.е. практически не участвуют в религиозной жизни, в общины почти не собираются).

Многие опрошенные более предрасположены к светской, мирской жизни, так как, во-первых, их прельщают взятые сами по себе человеческие взаимоотношения, патриотизм, стабильность, нравственность, толерантность и уважение, хорошие поступки, адекватное социальное поведение, принесение пользы обществу, труд, культура, здоровье, процесс обучения, семейные отношения, накопление материальных благ (что свидетельствует о невозможности отказа от материальной составляющей). Во-вторых, они, по преимуществу, не против введения в образовательную программу азов православной культуры, но все же на факультативной основе, т.е. налицо тенденция к светскому образованию. В-третьих, они проявляют немалый интерес к общественной, государственной, в частности, политической жизни, к властным структурам: президенту и правительству (которым доверяют), Федеральному собранию и Государственной Думе (которым доверяют значительно менее). В глазах опрошенных скомпрометировали себя средства массовой информации, а церковь и силовые структуры оцениваются высоко. Велико доверие к ученым, а вот к предпринимателям – низкое. Названные характеристики так или иначе свойственны 69 процентам опрошенных. Религиозность (но не воцерковленность, остающаяся на уровне 10-12%) в России растет, хотя и незначительными темпами – свидетельствуют результаты опроса.

А.О. Морозов, директор Центра медиаисследований УНИК, выступил с обзором современных публикаций в российских СМИ, связанных с феноменом «постсекулярности». В докладе на тему **«Тематика постсекулярного в современном российском общественном дискурсе»** он констатировал, что эпоха агрессивного наступления светского общества и светской культуры на религии прошла. Современная общественная жизнь и мысль существуют в условиях смешения, соседства и взаимообусловленности светских и религиозных начал. По мнению А. Морозова, задача интеллектуального сообщества и социологов религии прежде всего, состоит в осознании этого состояния российского социума и выработке адекватного отношения к его реалиям.

Доклад преподавателя кафедры социологии и организации работы с молодежью НИУ БелГУ С. Д. Лебедева **«Рефлексивный потенциал религиозной культуры в сценариях социокультурного развития российского общества»** подвел итог обсуждению ключевых вопросов в рамках пленарного заседания. Белгородский социолог говорил о перспективах развития отношений религии и общества в России. Отметив, что согласно модели «симулятивной идентификации» Б. Дубина, в обществе массово усваиваются преимущественно поверхностные аспекты восприятия религии, а не ее глубинные смысловые установки, докладчик подчеркнул, что конструктивный потенциал религии в обществе может быть раскрыт только при условии активной рефлексивной работы над ее содержанием в контексте актуальных современных проблем.

Согласно оценкам и прогнозам ряда специалистов, господствующая в обществе современности светская культура находится в системном кризисе и, чтобы выйти из него, нуждается в глубинном обновлении своих ценностей. Возможность такого обновления зависит от ее взаимодействия с религиозными культурами, на данный момент «хорошо забытыми» светским обществом. Но успешность такого взаимодействия обусловлена тем, насколько культурное наследие религиозных традиций (в России – православия) войдет в широкий оборот общественной мысли и знания, насколько оно будет раскрыто всем доступным арсеналом культуры и само станет реальным инструментом осмысления жиз-

ненных проблем. Сравнительно недавно принятые «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000) знаменуют важный шаг к освоению наследия религиозной традиции, и это, по мнению С.Д. Лебедева, призвано стать действительной, а не формальной гуманитарной инновацией.

Продолжение конференции состоялось на секционных заседаниях «Теоретические и методологические проблемы современной социологии религии» и «Религия в эмпирических исследованиях и социокультурных практиках». В обсуждении поднятых в секциях вопросов приняли участие студенты-социологи БелГУ, представители университетской профессуры и гости конференции. Участникам запомнились яркие проблемные выступления профессора кафедры социальной работы В.В. Бахарева, священника Белгородско-Старооскольской епархии А. Москаленко, заместителя директора ИГМУ по воспитательной работе В.К. Тимофеева.

Участники конференции посетили также знаменитый Свято-Троицкий мужской монастырь в с. Холки Чернянского района, основанный в XII веке монахами Киево-Печерской Лавры.

В постановлении, принятом по итогам конференции, отмечается ряд наиболее важных проблем, оказавшихся в центре внимания её участников, которые, согласно замыслу организаторов, будут заложены в основу специальной многолетней исследовательской программы. **В качестве приоритетных направлений этой программы предполагается разработка следующих актуальных вопросов:**

- методологический анализ критериев и индикаторов конфессиональной и внеконфессиональной религиозности в контексте современных социокультурных трансформаций;
- изучение форм социальной самоорганизации духовно-религиозных процессов в светском (модерном) обществе периода ревитализации религии;
- анализ форм, парадигм и направлений научной и повседневной рефлексии над религией и конфессиональностью;
- моделирование и прогнозирование процессов в области социальной психологии, форм языка, искусства, повседневного знания, рутинных бытовых практик и коммуникаций на «пересечении» светской и религиозных культур;
- изучение ценностного базиса и «культурного капитала» светских и конфессиональных социальных субъектов, их социальной динамики и влияния на общественные и культурные процессы.

В целях осуществления данных задач участниками конференции было предложено регулярно проводить совместные тематические дискуссии в форме семинаров, симпозиумов, круглых столов и экспертных групп. По итогам конференции будет издан сборник материалов.

**SOCIAL AND RELIGIOUS TRANSFORMATIONS OF THE GLOBAL WORLD
IN VIEW OF SOCIOLOGY OF RELIGION.
RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
«SOCIOLOGY OF RELIGION IN THE SOCIETY OF LATE MODERNITY»
(BELSU, FEBRUARY 10, 2011)**

**A.P. KOROCHENSKY
S.D. LEBEDEV**

*Belgorod National
Research
University*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Обзор международной научно-практической конференции

Е.Е. ТОНКОВ¹
И.М. КОМАРОВ²

*Белгородский государственный
университет*

¹⁾ e-mail: ETonkov@dsu.edu.ru

²⁾ e-mail: Komarov@dsu.edu.ru

25-26 марта 2011 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете состоялась международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы», в которой приняли участие ведущие ученые-криминалисты и судебные эксперты из 40 субъектов Российской Федерации, а также Беларуси, Казахстана, Украины и США.

Открыл конференцию председатель ее организационного комитета, ректор НИУ «БелГУ» доктор социологических наук, профессор Л.Я. Дятченко. Приветствуя гостей и участников статусного научного форума, он рассказал о современных достижениях и перспективах развития университета и той значительной роли, которую играет университет в инновационном развитии страны. Памятные подарки и сувениры с университетской символикой ректор вручил почетным участникам конференции – Заслуженному деятелю науки РФ, Заслуженному профессору МГУ Н.П. Яблокову, около 30 лет возглавляющему кафедру криминалистики главного российского вуза, и академику Национальной Академии правовых наук Украины В.Е. Коноваловой – первой в СССР женщине, ставшей профессором криминалистики. Сын патриарха советской криминалистики Р.С. Белкина – доктор юридических наук, профессор А.Р. Белкин передал в дар университетской библиотеке сборник трудов своего знаменитого отца.

Пленарное заседание продолжили выступления ведущих криминалистов и судебных экспертов постсоветского пространства, в которых отмечалось, что преступность стала одной из главных угроз современности, в первую очередь национальной безопасности государств. Она интенсивно растет, обгоняя темпы прироста населения, постоянно меняется и приспосабливается. Качественные изменения происходят в сторону большей изощренности преступлений, увеличивается их общественная опасность и причиняемый ущерб. В условиях активизации борьбы с ней, преступность организуется, становится интеллектуальной, эффективно используя все достижения науки и техники. За прошедшее столетие количество преступлений в среднем увеличилось на порядок. Ежегодно в мире их только регистрируется до 100 миллионов на 6 млрд. населения. Это около 8 тысяч деяний на 100 тысяч человек. Реальная же преступность, по меньшей мере, вдвое выше. Наряду с фактическим ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации все новых и новых видов общественно опасного поведения.

В таких обстоятельствах особую значимость приобретает проблема, в основе которой лежит система вопросов связанных с разработкой адекватных прикладных способов и средств борьбы с преступностью посредством совершенного научно-практического криминалистического обеспечения следственных, оперативно-розыскных и экспертных органов оптимальными рекомендациями, реализация которых, преимущественно, отнесена к сфере следственной деятельности.

Развивая это положение, профессор Н.П. Яблоков отметил, что с начала расследования следователи начинают свою поисково-познавательную деятельность по факту деяния с признаками преступления. Эта деятельность требует от них высокопрофессио-

нальных во многом даже энциклопедических знаний, должного опыта, умений и навыков самостоятельного поиска и использования необходимой для расследования информации. В указанной деятельности следователь, прокурор и судья должны выступить как субъекты-носители самых широких юридических (специальных по отношению к другим видам деятельности) знаний. Особенно это касается профессиональных знаний следователей как субъектов, выявляющих и собирающих информационную основу для деятельности других субъектов уголовного судопроизводства. У следователя объем юридических и иных связанных с ними знаний особенно должен быть значительным. Это должно позволять им самостоятельно без всякой помощи или с помощью иных источников нужной информации разбираться во всех юридических вопросах по уголовным делам, в том числе и в вопросах других областей юриспруденции, даже не близких к уголовно-процессуальной сфере. И только вопросы, выходящие за рамки юридических знаний указанных субъектов, за рамки их профессиональных знаний и носящие характер специальных знаний, должны решаться с помощью соответствующих специалистов в форме экспертизы или использования знаний в форме специалиста.

Заведующий кафедрой криминалистики Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого» профессор В.Ю. Шепитько обратил внимание на тот факт, что в основе реализации следователем оптимальных рекомендаций в борьбе с преступностью криминалистическими способами и средствами лежат научно-обоснованные положения криминалистической тактики. Особого внимания, по его мнению, в этом аспекте заслуживает проблема построения систем следственных и иных действий применительно к расследованию отдельных видов преступлений, что в значительной степени оптимизирует процесс расследования, следовательно, повышает его эффективность. Средства криминалистической тактики носят инновационный характер. Они не являются застывшими, имеют различные проявления, отличаются динамичностью. Создание (разработка) и предложение к применению новых тактических приемов, их систем или тактических операций вызваны модернизацией преступности и ее все большим приспособлением к новым условиям. Поэтому и эффективность применения средств криминалистической тактики предполагает их совершенствование, внедрение новейших разработок, необходимое научное обоснование.

Вместе с тем, практически все участники конференции в своих выступлениях отмечали всевозрастающее значение технико-криминалистических средств раскрытия и расследования преступлений, а также особую роль в этом процессе данных судебных экспертиз.

Заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина профессор Е.П. Ищенко рассказал о появлении в арсенале криминалистики сверхчувствительных аналитических методов, позволяющих радикально расширить следовую базу предварительного расследования в традиционном ее понимании как результата взаимного контакта слеодообразующих и следовоспринимающих объектов. Так, если наиболее чувствительный до последнего времени метод лазерного микроспектрального анализа испаряет в одной пробе 3000 атомных слоев материала и не различает многие элементы из их периодической системы, то особо точные спектроскопические методы позволяют анализировать следы толщиной всего в один атомный слой, обеспечивая распознавание любого из элементов периодической системы Менделеева. С помощью этих методов, появилась реальная возможность решать такие криминалистические и экспертные задачи, которые ранее считались абсолютно неразрешимыми.

Доктор юридических наук, профессор Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого» В.Е. Коновалова свое выступление посвятила процессам дифференциации и интеграции научных знаний в криминалистике. Она отметила, что этот процесс проходил неравномерно, прыжками, обусловленными разной степенью развития ее отдельных частей. Первые попытки научной дифференциации криминалистики были связаны с развитием криминалистической техники, как системы научных знаний, которые обеспечивают эффективность следственной деятельности. Дальнейшее развитие и становление криминалистики как самостоятельной науки нашло свое отображение в исследовании предмета и проблем криминалистиче-

ской тактики, которая подтвердила концепцию ее независимости и размежевание предмета науки с уголовно-процессуальным правом. В процессе дифференциации криминалистики большое значение имело развитие такой области как методика расследования отдельных видов преступлений. Постепенное накопление научных исследований, обеспечило условия для обоснования криминалистики как самостоятельной науки, которая имеет свой предмет. Интеграция в развитии криминалистики находит свое отображение в использовании данных других наук для формирования собственных концепций, таких как, например, правовая психология, которая разрешила создать ряд новых направлений в криминалистической тактике, начиная от психологической характеристики следственной деятельности и переходя к психологическим основам проведения отдельных следственных действий, решению интеллектуальных задач. Интеграция научных знаний в криминалистике довольно широкое отображение находит в обращении к использованию этических основ в судейско-следственной деятельности.

Заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор О.Я. Баев рассмотрел основные положения тактической операции «Досудебное соглашение о сотрудничестве». Он отметил, что заключение и реализация досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) в силу своей, несомненной, сложности и многоаспектности не могут быть осуществлены иначе, как в рамках направленной на то тактической операции. В аспекте ее планировании и реализации следователь должен решить, как минимум, следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные задачи: 1) заключить по делу досудебное соглашение о сотрудничестве; 2) проверить показания лица, с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве; 3) определить с кем из подозреваемых или обвиняемых (если в этом отношении возможна альтернатива) по расследуемому делу наиболее целесообразно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве; 4) определить условия (принимаемые при этом обязательства) его заключения как со стороны подозреваемого (обвиняемого), так и со стороны следователя (прокурора) и тактику их реализации; 5) определить момент заключения досудебного соглашения о сотрудничестве; 6) определить меры безопасности, обуславливаемые заключением соглашения. Нет сомнений, что данная тактическая операция по мере формирования ее теоретических и прикладных основ позволит выявить и другие входящие в нее структурные элементы. Ее сущность будет во многом обуславливаться складывающейся применительно к ней следственной ситуацией. Она же, в свою очередь, будет формироваться в зависимости от того, исходит ли инициатива в заключении ДСоС от подозреваемого (обвиняемого) и его защитника, либо возможность такового иницируется целенаправленными действиями следователя, сотрудников оперативно-розыскных служб, а также методическими особенностями расследуемого уголовного дела.

Доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины В.А. Журавель выступил по вопросу частных криминалистических методик судебного рассмотрения уголовных дел. Реформирование судебных органов обуславливает необходимость не только изменений законодательной базы, проведения определенных организационно-структурных преобразований, но и существенного улучшения методического обеспечения судебной деятельности, в связи с чем, заслуживают особого внимания предложения о целесообразности формирования частных криминалистических методик судебного рассмотрения уголовных дел отдельных категорий преступлений как действенного инструментария повышения эффективности и качества работы судей. При позитивной в целом оценке высказанной идеи, способствующей расширению познавательной сферы криминалистики и распространения ее знаний на судебную область, он обратил внимание на то, что исследования в этом направлении только начинаются и ученым-криминалистам предстоит согласовать позиции по многим дискуссионным вопросам. По мнению докладчика, представляется, необходимым:

- 1) предложить дополнительные аргументы в пользу целесообразности и необходимости расширения познавательных границ криминалистической методики и распространения ее рекомендаций на сферу судебного рассмотрения уголовных дел;

2) исходя из потребностей формирования криминалистических методик судебного рассмотрения уголовных дел, пересмотреть подходы к структуре криминалистической методики как раздела криминалистики, определить ее элементный состав и характер взаимосвязей между этими элементами. В частности, содержание общих положений криминалистической методики, систему ее методических рекомендаций и прежде всего, относительно судебного разбирательства уголовных дел;

3) предложить принципы формирования частных криминалистических методик судебного рассмотрения уголовных дел и сформулировать их конечную цель, направленную на разработку методических рекомендаций по оптимальной организации судебного разбирательства, то есть оптимальной процедуре исследования доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты;

4) определить соотношение и отличие криминалистических методических рекомендаций от процессуальной регламентации. При этом необходимо учитывать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство априори предусматривает для осуществления досудебного (предварительного) расследования преступлений меньшую в сравнении с судебным рассмотрением уголовных дел регламентацию (формализацию) и соответственно большую возможность для заполнения этих «процессуальных пробелов» определенными тактическими и методическими рекомендациями;

5) уточнить, с учетом этапов судебного разбирательства, предметную сферу реализации криминалистических методических рекомендаций, то есть отражать в них все этапы судебного процесса или ограничиться только судебным следствием;

6) исходя из разнообразия участников уголовного процесса, определить субъектный состав потребителей криминалистических методических рекомендаций;

7) согласовать структуру, содержание и форму частных криминалистических методик судебного рассмотрения уголовных дел, определить функциональное предназначение каждого выделенного элемента;

8) предусмотреть возможность изложения криминалистических методических рекомендаций судебного разбирательства уголовных дел как в традиционной (описательной), так и алгоритмической форме.

О назначении экспертиз в судах апелляционной и кассационной инстанций Украины рассказала доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Киевского национального университета Н.И. Клименко. Экспертиза в апелляционном суде назначается в тех случаях, когда для разрешения определенных вопросов необходимы научные, технические или другие специальные знания (ч. 1 ст. 75 УПК Украины). Использование выводов судебных экспертов в суде апелляционной инстанции способствует вынесению законных, обоснованных и справедливых решений. Если вопрос о необходимости назначения экспертизы возникнет во время судебного рассмотрения дела, апелляционному и кассационному судам необходимо выяснить возможность проведения экспертизы в судебном заседании и вызвать того эксперта, который проводил экспертизу при досудебном расследовании дела. Проведение экспертизы в апелляционном суде осуществляется с соблюдением общих правил проведения экспертизы в суде, предусмотренных ст.ст. 211, 310 УПК Украины. Определение способа проведения экспертизы относится к компетенции эксперта. Проверая и оценивая экспертное заключение, суд выясняет: были ли соблюдены условия назначения и проведения экспертизы; компетентность эксперта: не выходил ли он за пределы своих полномочий; имели ли место обстоятельства, исключающие участие эксперта в деле; достаточность объектов по данным экспертного исследования; полноту ответов эксперта на заданные ему вопросы и их соответствие другим данным; согласованность между разными частями заключения эксперта; обоснованность экспертного заключения и его соответствие другим материалам дела (п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Украины № 8 от 25.02.1994 г.).

Экспертиза в суде состоит из нескольких этапов: 1. Участие эксперта в исследовании доказательств. 2. Постановка эксперту судом и сторонами вопросов, которые они считают необходимыми. 3. Подготовка экспертом заключения. 4. Предоставление заключения эксперта суду. 5. Допрос эксперта по существу данного им заключения. Эксперт, участвующий в судебном следствии апелляционной инстанции, обязан представить

новое заключение, не ссылаясь на то, что на предыдущих стадиях процесса он уже давал заключение.

Содержание и место раздела «Криминалистическое изучение личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего» в курсе «Криминалиста» обосновал в своем выступлении профессор кафедры технических средств таможенного контроля и криминалистики Российской таможенной академии доктор юридических наук В.А. Жбанков. Место данного раздела в первой части криминалистики при изложении её методологических и теоретических проблем, поскольку «Криминалистическое изучение личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего» — частная криминалистическая теория. В её содержание целесообразно включить следующие разделы: 1) личность обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, как объект криминалистического исследования; 2) основные направления и задачи изучения свойств личности; 3) методы получения сведений о личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего. В первой части следует уделить внимание понятию раздела и выделению свойств рассматриваемых лиц, в частности, социальных, психологических и биологических, а также их значению в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Во второй — выделяются направления изучения личностной информации, включающие криминалистическую технику, криминалистическую тактику и криминалистическую методику. В третьей части излагаются методы получения сведений о личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, включающих как общенаучные методы (системно-структурный подход, моделирование, наблюдение, сравнение, описание, эксперимент, измерение, вычисление), так и специальные (обобщение, анализ результатов деятельности, беседа).

Доктор медицинских наук, руководитель Донецкого НИИ СЭ Министерства юстиции Украины В.В. Седнев изложил свои взгляды на проблему онтологии теории судебной экспертизы. По его мнению, наиболее перспективным в данном аспекте представляется эпистемологический подход, позволяющий проанализировать и выстроить диалектически единую, логичную и непротиворечивую, взаимосвязанную теоретическую систему. Из всего многообразия определений и употреблений термина «теория», для реализации гносеологического подхода к рассмотрению наиболее адекватно классифицировать ОТСЭ как специфическим образом систематизированное и организованное мысленное отражение, и воспроизведение действительности, отметил выступающий. Одним из наиболее глобальных вопросов концептуализации научной теории является проблема её соотношения с реальностью, с действительностью, что в пределе является предметом онтологической рефлексии. Выступление В.В. Седнева было основано на анализе структуры и функции, как наиболее отчетливо проявленных онтологических элементов. Структурно-функциональный анализ использовался как единый методический подход. ОТСЭ не может быть сформирована как форма аксиоматического знания, а является нестандартной гипотетико-дедуктивной теорией. Для теории такого типа характерно отсутствие жесткой нормативности самой концепции, конструирование её непрерывно соотносится с реальной практикой судебной экспертизы, нелинейная выводимость одних положений из других, мягкой тождественности структуры теоретического знания структуре исследуемого объекта, знаковость отражения объекта исследования в теории и приоритетность содержательной стороны процесса формирования теории. Предложена концептуальная структура ОТСЭ: подструктура оснований, позволяющих сформулировать существенные положения, конструирующие предмет исследования; подструктура принципов — заданные законодательно (они требуют детального гносеолого-методологического анализа с целью выведения как дефиниции каждого, так и определения сферы его воздействия и ограничений); подструктура методологических регулятивов, дающих возможность формулировать верные суждения (познавать) и умозаключения (рассуждать), требующая анализа применительно к практике судебной экспертизы и формирования эталонов использования; подструктура понятийного аппарата, относительно слабо разработанная, учитывающая современные неклассические парадигмы знания; подструктура методов, включающая в том числе и методологические принципы, которые представляют собой общие требования (условия), регулирующих как организацию, так и содержание научного познания.

Роль профессора Р.С. Белкина в процессе развития научной криминалистической школы в России и Казахстане отразил в своем выступлении профессор Национального университета имени Д. Кунаева (Казахстан) А.Я. Гинзбург. Он отметил, что роль этого выдающегося ученого в истории отечественной криминалистики, в советский и постсоветский период, в создании фундаментальной, перспективной научной школы, весьма значительна. Приближается девяностолетие со дня рождения Р.С. Белкина (в 2012г.), прошло десятилетие после его кончины (2001г.), и в настоящее время дело научной школы Р.С. Белкина продолжается под руководством его учеников и последователей. Наследие профессора Р.С. Белкина весьма значимо как для науки криминалистики, так и для иных социальных наук, включая науку уголовного процесса, судебной экспертизы и активно формирующуюся науку оперативно-розыскной деятельности. Под научным руководством Р.С. Белкина подготовились и успешно защитились более 130 его учеников, среди них – 25 докторов наук. Криминалисты Казахстана, отметил выступающий, другие представители юридической общественности видели в профессоре Р.С. Белкине живого классика криминалистики, имя которого на слуху уже многие десятилетия. Его выступления были образцом профессионального мастерства, сопряженного с высоким искусством, к которому стремились и стремятся те, кто общался с ним. Творческие идеи Рафаила Самуиловича, безусловно, будут и дальше питать казахстанских криминалистов. Ни одно научное исследование по криминалистике не может обойтись без тщательного анализа его творческого наследия. Криминалисты Казахстана, последователи этого замечательного ученого отмечают его память криминалистическими чтениями и участием в Международных научно-практических конференциях.

Важность подготовки высококвалифицированных криминалистов и судебных экспертов в своих выступлениях отметили доктор юридических наук, профессор Академии внутренних дел Республики Беларусь Н.И. Порубов и кандидат юридических наук, доцент В.В. Печерский (филиал Современного гуманитарного университета в г. Минске). Резюмируя их выступления можно сказать, что главным в подготовке является правильная организация преподавания собственно криминалистики. Соответствующая методика преподавания складывается из трех составляющих: что преподавать, кому преподавать, кто преподает. Это означает: во-первых, преподаватель должен иметь опыт практической оперативной, следственной и экспертной работы; во-вторых, он должен быть готов прочитать лекцию, провести семинарское или практическое занятие по всему учебному курсу, а не только по его любимой теме или теме диссертационного исследования; уметь менять методику в зависимости от состава слушателей: стационар это или заочники; будущие следователи, эксперты или работники розыска, исправительно-трудовых учреждений; в-третьих, преподаватель криминалистики должен быть теоретически хорошо подготовлен, как писал В.Г. Коломацкий, «...знать основные проблемы, тенденции и перспективы развития каждого раздела криминалистики, каждого криминалистического учения, каждой криминалистической теории». Для этого, отмечали оба выступающих, следует заниматься научной и научно-методической работой, участвовать в научных и научно-практических конференциях, семинарах и симпозиумах, поддерживать постоянную связь с научно-практическими криминалистическими учреждениями и практическими органами расследования, как на кафедральном, так и на личном уровнях, следить за криминалистической литературой, периодическими юридическими изданиями, наконец, хорошо знать библиографию. В-четвертых, концепция перманентного обучения требует от преподавателя криминалистики постоянного повышения собственного образования, профессионального уровня, пополнения знаний, совершенствования криминалистических умений и навыков. Важно следить за развитием науки и техники, использовать их данные в учебном процессе, показывать пути приспособления научно-технического прогресса для борьбы с преступностью. Для преподавателя криминалистики важно иметь солидную педагогическую подготовку. Плохо, неумело преподавать этот предмет просто нельзя. Надо, чтобы студент, слушатель верил преподавателю, любил его. Ведь учатся у того, кого любят. Вот почему преподавать криминалистику надо интересно, содержательно, иногда даже с юмором и обязательно оптимистично, отметили оба выступающих.

Профессор Саратовской государственной академии права В.В. Степанов рассказал о проблемах правовой экспертизы в уголовном судопроизводстве. Приведя объективный анализ взглядов сторонников правовой экспертизы в уголовном судопроизводстве, В.В. Степанов, категорически высказался против использования данного вида специальных знаний при отправлении правосудия, обратив внимание на тот факт, что Верховный суд РФ подтвердил принципиальное отношение к правовой экспертизе, указав в Постановлении Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28: «Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда ..., как не входящих в его компетенцию, не допускается». При оценке этого положения необходимо иметь в виду, что деяние – собирательная категория, которая устанавливается совокупностью данных, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Поэтому неправомерны попытки установить какие-либо стороны деяния с помощью правовой экспертизы.

Участники конференции выслушали и обсудили множество интересных докладов, сущность которых в целом сводилась к тому, что социально-экономические преобразования, произошедшие за два последних десятилетия в странах постсоветского пространства, повлекли за собой не только положительные, но и отрицательные, в том числе криминальные последствия.

Ещё более профессионализировалась и организовалась преступность, многократно усилилось противодействие раскрытию и расследованию преступных посягательств.

Параллельно с этим из правоохранительных органов ушли наиболее опытные профессионалы: следователи, оперативники, эксперты. Их места заняли те, кто только начинает набирать опыт следственной, оперативной, экспертной работы, чьё мировоззрение сформировалось в условиях рыночных отношений, когда всё продаётся и всё покупается.

Поэтому отнюдь не случайно, что многие преступления остаются нераскрытыми, а виновные в их совершении лица – безнаказанными. Этому в определенной степени способствует несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Первое идёт по пути не оправданной гуманизации и либерализации, тогда как второе продолжает перманентно «совершенствоваться» в сторону декларативного упрощения. Никаких положительных для практики борьбы с преступностью последствий непрекращающиеся изменения, дополнения, изъятия, уточнения его норм, однако, не несут. Скорее наоборот: положение усугубляется.

УПК РФ, содержащий в себе неустранимые концептуальные изъяны, продолжает множить препятствия и затруднения для раскрытия и расследования преступлений, сбора судебных доказательств, привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и скорейшего оправдания невиновных.

Сложилась парадоксальная ситуация: по якобы тоталитарному, идеологизированному УПК РСФСР невиновного было гораздо труднее обвинить в чём-либо и осудить за совершённое преступление, нежели по сугубо демократическому УПК РФ. Даже абстрагируясь от остального его содержания, одни только главы 40 и 40.1 об упрощённом производстве при признании обвиняемым своей вины и о досудебном соглашении о сотрудничестве создают в этом плане самые широкие, можно сказать неограниченные возможности.

Всего этого не может не учитывать криминалистика, всегда стоявшая на переднем крае борьбы с преступностью, привносящая в уголовное судопроизводство последние достижения научно-технического прогресса. Под этим углом зрения, по мнению участников конференции, тенденции развития отечественной криминалистики и судебной экспертизы, представляются наиболее значимыми и перспективными по нескольким направлениям.

1. Дифференциации криминалистических знаний, появления новых частных криминалистических теорий, новых судебных экспертиз. Эта тенденция развития отечественной криминалистики тесно связана с научно-техническим прогрессом, его проявлением, в том числе и в преступной деятельности.

2. Компьютеризации криминалистических средств и методов, что проявляется не только в расширении применения компьютерного моделирования обстановки места

происшествия на основе его фотограмметрических снимков, а также внешности неизвестного преступника по сохранившемуся в сознании потерпевшего или свидетеля-очевидца его мысленному образу.

3. Расширения следовой картины совершаемых преступлений, появлении новых, нетрадиционных следов, могущих быть использованными в целях раскрытия и расследования преступлений, доказывания виновности злоумышленников. Это не только запаховые следы-метки, оставляемые специальными устройствами – криминалистическими слеодообразующими средствами, но и образные следы, запечатлеваемые следящими теле- и видеосистемами наблюдения, могущими фиксировать, в том числе и звуковую картину совершения преступления, а также электронные, виртуальные следы, оставляемые кредитными, расчетными, социальными, дисконтными картами, средствами мобильной связи, по которым можно четко отследить действия и передислокацию их обладателей, а в ряде случаев выявить и пресечь противоправную смену их владельца.

4. Появлении в арсенале криминалистики сверхчувствительных аналитических методов, позволяющих радикально расширить следовую базу в традиционном ее понимании как результата взаимного контакта слеодообразующих и следовоспринимающих объектов.

5. Появлении новых следственных действий, которые затруднительно, а то и невозможно провести без научно-технического сопровождения. Наиболее характерным в этом аспекте является контроль и запись переговоров – следственное действие, введенное ст. 186 УПК РФ. Без фонограммы вся процедура контроля переговоров превращается в оперативно-розыскное мероприятие, результаты которого не имеют доказательственного значения и не могут фигурировать в суде. Следует ожидать появления такого следственного действия, как контроль электронной почты, особенно необходимого при расследовании так называемых сетевых преступлений.

6. Под этим углом зрения можно констатировать существенное возрастание роли научно-технического обеспечения производства досудебного следствия. Если проанализировать УПК РФ в сравнении с УПК РСФСР, то необходимо с удовлетворением констатировать, что новый УПК более детально отражает влияние научно-технического прогресса на отправление правосудия. Об этом свидетельствует и общая норма о том, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации, изъятия следов преступления и вещественных доказательств (п. 6 ст. 164), и указание, что к протоколу следственного действия прилагаются фотонегативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы, кассеты видеозаписи, слепки и оттиски следов (п. 8 ст. 166), указания, что в случае производства следственного действия без участия понятых обязательно применение технических средств фиксации его хода и результатов (ч. 3 ст. 170), а также, что неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию и дактилоскопированию (ч. 2 ст. 178), а по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка (ч. 4 ст. 189). Регламентировано предъявление лица или предмета для опознания по его фотоснимку (ст. 193), более детально урегулировано производство судебной экспертизы (ст.ст. 195-207) и др. Следует также отметить, что цифровые, компьютерные технологии начали использоваться для фиксации криминалистически значимой информации, что существенно повышает доказательственное значение результатов проводимых следственных действий.

7. Разработки новых методик расследования преступлений, совершаемых с использованием последних достижений научно-технического прогресса. Здесь, в первую очередь, имеются в виду преступные посягательства, совершаемые в глобальной информационной сети Интернет, с использованием ее каналов, а также наиболее уязвимых и слабых мест в ней для внедрения и распространения сетевых вирусов, проникновения в закрытые файлы банков и других финансовых учреждений с целью дезорганизации их работы, кражи денег со счетов их клиентов и в других противоправных целях.

В этой связи следует отметить влияние формирующихся методик расследования новых составов преступлений на криминалистическую тактику, которая должна предусматривать разработку тактических приемов и рекомендаций по производству осмотра места происшествия по делам о компьютерных преступлениях, особенностей осмотра и

обыска компьютерного оборудования, подвергнувшегося атаке, допроса, например, хакера или кардера, следственного эксперимента, проводимого в виртуальном пространстве, и др.

Участники международной научно-практической конференции по итогам двухдневного обсуждения научных докладов и сообщений приняли рекомендации и отметили необходимость дальнейшего развития и совершенствования различных форм международного взаимодействия ученых и практиков в целях научно-практического обоснования новых знаний в области криминалистики и судебной экспертизы для целей укрепления государственных правоохранительных органов и судов эффективными средствами и методами в борьбе с преступностью.

**THE BASIC TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS
AND JUDICIAL EXAMINATION AT THE PRESENT STAGE**
Review of the international scientifically-practical conference

E.E.TONKOV¹⁾

I.M.KOMAROV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: ETonkov@dsu.edu.ru

²⁾ e-mail: Komarov@dsu.edu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Адуло Т.И.** доктор философских наук, профессор, руководитель Центра историсофских исследований Института философии АН Беларуси
- Акимов О.Ю.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Алексеев С.Г.** доцент, кандидат химических наук, член-корреспондент Всемирной Академии наук комплексной безопасности, начальник научного отдела Уральского института ГПС МЧС России
- Анисимов И.И.** аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бабинцев В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Валеева Г.В.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Варава С.В.** аспирант кафедры философии Воронежской государственной лесотехнической академии
- Васильченко Д.Г.** методист деканата дополнительного и послевузовского профессионального образования Воронежского института экономики и социального управления
- Воробьев Д.С.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Вяткина А.Г.** аспирант кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета
- Глухова М.Ф.** аспирант кафедры социологии Московского городского университета управления Правительства Москвы
- Гусева А.А.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Демко О.С.** кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Донец Р.В.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ершов О.Г.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД РФ
- Каширин А.Ю.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого

- Кибак И.А.** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь
- Климов И.Ю.** аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ковригин В.В.** кандидат педагогических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета
- Комаров И.М.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики
- Кондракова И.А.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского университета потребительской кооперации
- Короченский А. П.** доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кривенко О.А.** аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Криштанович Л.Е.** доктор философских наук, профессор, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь
- Кротков Е.А.** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кузьмина Л.М.** аспирант кафедры социологии Российского государственного социального университета
- Курбанова Л.У.** кандидат исторических наук, доцент кафедры философии ГГНИ им. ак. М.Д.Миллионщикова
- Лебедев С.Д.** кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Левшук М.В.** аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лисютин А.С.** аспирант кафедры гражданского права и процесса Белгородского университета потребительской кооперации
- Лукичев Б.А.** доцент, кандидат юридических наук
- Ляхова А.И.** старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ляшко А.М.** аспирант кафедры социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева
- Малюкова О.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Московского государственного университета инженерной экологии
- Максименко А.А.** кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Шарьинского филиала Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

- Манохин Д.К.** кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Мелешко Е.Д.** доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Мурадова Н.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Назаров В.Н.** доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Омельчук Р.К.** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирской государственной академии образования
- Пономарева В.П.** кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брянского государственного университета
- Почепцов С.С.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Радугина О.А.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Воронежского архитектурно-строительного университета
- Римский В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римская О.Н.** ассистент, аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Рожнов О.А.** Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации
- Сафонов К.Б.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Силкина Н.А.** старший преподаватель кафедры социологии Липецкого государственного технического университета
- Скрипник К.Д.** заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Российской таможенной академии
- Старых Н.П.** кандидат социологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры «Социология и психология управления» Орловской региональной академии государственной службы
- Тонков Е.Е.** декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

- Удалых Е.Ю.** аспирант кафедры социологии Воронежского государственного университета
- Чудинов С.И.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета
- Шавырина И.В.** Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шедий М.В.** докторант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Шмигирилова Л.Н.** Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Якимова Е.Г.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
  2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
  3. Ключевые слова.
  4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
  5. Библиографический список.
  6. Ссылки.
  7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
  8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
  9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
  10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
  11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- на русском и английском языках
- на русском языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
  - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
  - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
  - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
  - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
    - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
    - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
    - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
    - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

---

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

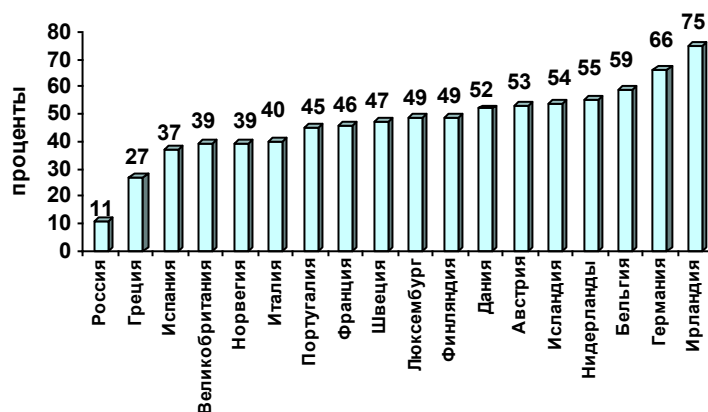

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

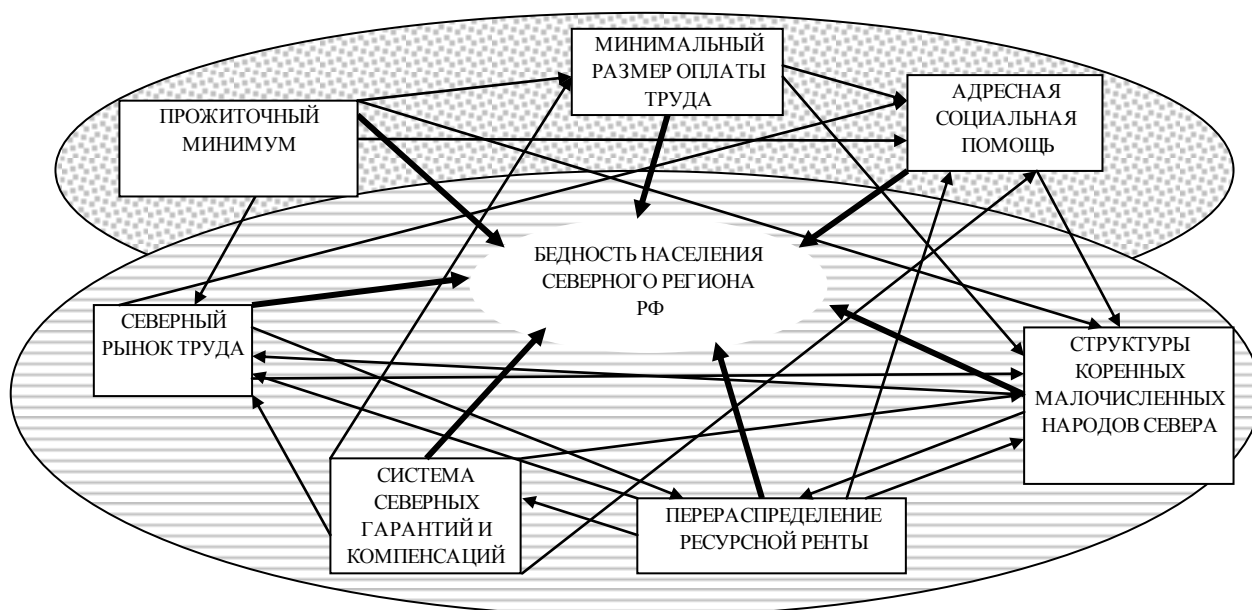

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.